ЛОГИКА

ОБОЗРѢНІЕ

ИНДУКТИВНЫХЪ И ДЕДУКТИВНЫХЪ

ПРІЕМОВЪ МЫШЛЕНІЯ

и

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ: ЛОГИКИ АРИСТОТЕЛЯ, СХОЛАСТИЧЕСКОЙ ДІАЛЕКТИКИ, ЛОГИКИ ФОРМАЛЬНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ.

М. Владиславлева.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.
(Вас. Остр., 8 линія, д. № 45).
1881.

1в 2 ч экз

191
24

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ ЛОГИКИ.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о логикѣ — 1. Планъ сочиненія — 5.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Законы мышленія. Законъ тожества — 7. Законъ противорѣчія — 11. Законъ исключеннаго третьяго — 17. Формальный характеръ законовъ мышленія — 22. Нарушенія логическихъ законовъ и способъ ихъ дѣйствованія — 24.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Представленіе — 25. Образованіе конкретныхъ представленій — 26. Представленія, обогащенныя рефлективными чертами — 27. Общія представленія — 34.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Языкъ животныхъ и языкъ человѣка — 37. Услуги языка мышленію — 40. Возраженія и рѣшеніе ихъ — 44.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Понятія. Опредѣленіе понятія — 47. Мнѣнія Милля и Бэна о понятіи — 53. Полное понятіе есть идеалъ, къ которому наука стремится — 55. Образованіе понятій — 57. Различіе ихъ — 58. Содержаніе и объемъ ихъ — 59. Родовыя, видовыя, общія и частныя понятія — 60. Категоріи — 61.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Приложеніе понятій въ наукѣ — 62. 1) Научная терминологія. Значеніе терминовъ въ наукѣ, образованіе и употребленіе ихъ — 63. Кому принадлежитъ право образованія терминовъ — 65. Избираніе словъ для нихъ — 66. Способы образованія ихъ — 68. Правила употребленія терминовъ — 70. 2) Опредѣленіе. Значеніе опредѣ-

леній въ наукѣ. Номинальныя и реальныя опредѣленія — 71. Пріемы опредѣленій: наглядный—72, отвлеченія—73, построенія — 74, исключенія—75. Частныя и общія опредѣленія—77. 3) Научная классификація. Логическое описаніе классификаціи понятій — 78. Логическое дѣленіе, какъ пріемъ классификаціи—83.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Сужденія. Мнѣнія формальной и индуктивной школъ о сужденіяхъ—85. Опредѣленіе сужденія—89. Отличіе сужденій отъ опредѣленныхъ понятій и понятій вообще — 91. Источникъ содержанія сужденій — 94. Роды и виды сужденій. Дѣленіе Канта — 95. Различеніе сужденій: по характеру обозначенія предметовъ — 97, по обширности приложенія ихъ къ предметамъ — 99, по происхожденію — 100, по составу — 102, по взаимному отношенію — 105, по значенію — 106. Замѣчанія — 107.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Умозаключенія. Потребность въ нихъ—110. Понятіе объ умозаключеніи—111. Роды умозаключеній. Непосредственныя умозаключенія. Превращеніе — 112. Противоположеніе — 114. Подчиненіе — 116. Силлогизмъ. Простые силлогизмы. Содержаніе силлогизма—123. Силлогистическія фигуры—124. Первая фигура—127, вторая — 132, третья — 135, четвертая — 138. Разнообразіе силлогизмовъ по различію сужденій, входящихъ въ составъ ихъ — 141. Категорическій силлогизмъ — 142, условный—144, раздѣлительный — 147. Сложные силлогизмы. Сориты — 148. Неправильные силлогизмы — 151. Значеніе силлогизма — 154.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Индукція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Индукція Сократа, формальной логики — 159. Различіе индукціи отъ дедукціи—161.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Основаніе индукціи — 167. Идея однообразнаго порядка въ природѣ — 168. Законы природы — 171. Опредѣленіе закона—173.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Опытъ и наблюденіе. Понятіе о нихъ — 176. Сравнительныя преимущества наблюденія и опыта—177. Условія плодотворности опытовъ — 184.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Индуктивное изслѣдованіе явленій. Изученіе осуществованія явленій—188. Изученіе связи явленій. Невозможность

метафизическаго опредѣленія закона причинности — 191. Эмпирическое опредѣленіе его — 193. Отрицательные выводы изъ закона причинности — 194. Понятіе о причинѣ — 196.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Индуктивные методы. Сложность явленій — 198. Логическое основаніе методовъ — 199. Методы: согласія — 200, различія — 202, сопутствующихъ измѣненій — 204, остатковъ 205. Неприложимость индуктивныхъ методовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ — 206. Изслѣдованіе сложныхъ случаевъ — 210.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Индуктивные выводы — 211. Первообразные законы, эмпирическіе — 212. Значеніе эмпирическихъ законовъ въ наукѣ — 215.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Вспомогательные индуктивные пріемы. Гипотеза. Понятіе о ней — 216. Употребленіе гипотезъ въ наукѣ — 217. Условія правильности ихъ—219. Образованіе ихъ—222. Фикціи—223. Приблизительныя обобщенія — 224. Аналогіи—простыя и распространенныя — 228. Ошибки въ индукціи — 231.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Дедукція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. Отличіе дедукціи отъ индукціи — 237. Понятіе о дедукціи — 239. Различные виды ея — 241.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Развитіе мыслей. Анализъ — 242. Правила употребленія его—245. Синтезъ—246. Правила употребленія его — 251.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Доказательства. Основанія въ нихъ—253. Пріемы доказательствъ—259. Сравнительная сила доказательныхъ пріемовъ—268. Различіе доказательствъ по формѣ —270. Недостатки въ доказательствахъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Дедукція въ связи съ индукціей — 271. Значеніе дедукціи для объясненія фактовъ— 272. Значеніе дедукціи при объясненіи законовъ—274.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Система. Понятіе о ней—278. Форма системъ—280. Описательныя системы—282, объяснительныя—283, идеальныя —285.

СОДЕРЖАНІЕ ПРИЛОЖЕНІЙ.

I. Логика Аристотеля.

Состояніе логическихъ изслѣдованій до Аристотеля — 1. Сочиненія его — 4. О категоріяхъ — 6. Объ истолкованіи—9. Аналитика. Первая книга первой аналитики — 11 Вторая книга первой аналитики — 15. Первая книга первой аналитики — 19. Вторая книга второй аналитики — 22 Топика первая книга — 26, вторая — 28, третья — 30, четвертая — 32. пятая—34. шестая—35, седьмая, восьмая—38. О софистическихъ доказательствахъ—43. Судьбы аристотелевской логики въ греческомъ мірѣ—49.

II. Схоластическая логика.

Образованіе латинской терминологіи—55. Марціанъ Капелла — 56. Боэцій—57. Вопросъ о значеніи родовъ и видовъ—77. Росцеллинъ—67. Анзельмъ Кентерберійскій—70. Вильгельмъ изъ Шампо—71. Бернаръ Шартрскій—72. Абеляръ—73. Разнообразіе мнѣній объ universalia—77. Ооома Аквинатъ — 81. Михаилъ Пселлъ — 85. Вильгельмъ Шервудъ и Петръ Испанецъ—90. Раймундъ Луллій—100. Перипатетическая логика въ концѣ среднихъ вѣковъ — 113. Школа Луллія — 115. Петръ Рамусъ—120.

III. Формальная логика.

Происхожденіе формальной логики отъ схоластической діалектики—127. Декартъ и его школа—128. Логика Вольфа—137. Кантъ и его школа—148. Гербартъ—155. Дробишъ—157. Заключеніе—159

IV. Индуктивная логика.

Бэконъ и его сочиненія—162. Novum Organon—ibid. Первая книга его —163, вторая—169. Планъ логики въ Instauratio—174. Значеніе Бэкона - 178. Ньютонъ — 180. Джонъ Гершель — 182. Уэвелль — 188. Джонъ Стюартъ Милль—190. Бэнъ—197.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Просто и удобопонятно изложенный курсъ логики въ настоящее время составляетъ потребность развитой части общества и особенно образующагося юношества. До сего времени мы имѣли одни учебники логики, большую часть которыхъ можно назвать только сокращенными переводами разныхъ нѣмецкихъ руководствъ. Изъ имѣющихся у насъ сочиненій по логикѣ выдѣляется, по логической стройности плана, нѣкоторой самостоятельности взглядовъ и направленія, одно только «Систематическое изложеніе Логики» бывшаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи, В. Н. Карпова. Несомнѣнно, что трудъ этого, малооцѣненнаго нашею свѣтскою литературою, мыслителя занялъ бы въ свое время почетное мѣсто даже въ болѣе зрѣлой и обширной германской ученой литературѣ. Но и это сочиненіе представляетъ два существенныхъ недостатка: вопервыхъ, оно изложено не вездѣ яснымъ и вразумительнымъ языкомъ и по мѣстамъ представляетъ большія затрудненія, особенно для начинающихъ знакомиться съ философскими сочиненіями. Это именно обстоятельство слѣдуетъ считать причиною того, что трудъ профессора Карпова остается и теперь почти безъ употребленія въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ школахъ и мало оказывалъ вліянія даже на преподователей логики. Вовторыхъ, это сочиненіе есть курсъ одной только формальной логики и при развитіи въ настоящее время индуктивныхъ наукъ ока-

зывается очевидно недостаточнымъ, такъ какъ обширнѣйшая область пріемовъ мышленія остается въ немъ совсѣмъ неизслѣдованною.

Авторъ убѣжденъ, что въ настоящее время, при великомъ развитіи нравственныхъ и реальныхъ наукъ, одна формальная логика ни въ какомъ случаѣ не заслуживаетъ названія органа мышленія, или теоріи его пріемовъ, равно какъ одна индуктивная логика есть также только односторонняя выразительница одного направленія человѣческаго мышленія. По состоянію современной логической науки, главная задача ея состоитъ въ сліяніи формальной и индуктивной логики, дабы она была органомъ какъ нравственныхъ, такъ и реальныхъ наукъ. Такъ какъ, по убѣжденію автора, оба эти вида наукъ отнюдь не враждебны другъ другу, по своимъ пріемамъ нимало не исключаютъ себя взаимно, то никакихъ существенныхъ препятствій къ такому сліянію нѣтъ.

Руководясь такимъ взглядомъ на свое дѣло, авторъ разсматриваетъ, рядомъ съ индуктивными пріемами, и дедуктивные и смотритъ на нихъ, какъ на вѣтьви единой мыслительной дѣятельности человѣческаго духа, нетолько не враждебныя взаимно, но, напротивъ, вмѣстѣ стремящіяся къ достиженію одной истины.

Въ первомъ отдѣлѣ этого труда разсматриваются прежде всего психологическія данныя, предваряющія логическое мышленіе, затѣмъ — принципы, составляющіе condicio sine qua невозможна правильная умственная дѣятельность. Авторъ счелъ нужнымъ при этомъ обратить вниманіе на услуги языка нашему мышленію. Онъ не входитъ въ соображенія относительно происхожденія флексій его, значенія приставокъ, характеризующихъ ту или другую часть рѣчи, но беретъ ихъ, какъ нѣчто готовое данное, и слѣдитъ за ихъ значеніемъ для мышленія. При изложеніи элементарныхъ логическихъ пріемовъ во второмъ отдѣлѣ, авторъ не считалъ нужнымъ входить во всѣ тонкости анализа. Любители ихъ могутъ озна-

комиться съ ними во второмъ приложеніи, подъ заглавіемъ Схоластическая логика. Но все, чего смыслъ и значеніе для науки могутъ быть указаны, нашло себѣ мѣсто въ этомъ изложеніи. Въ отдѣлъ объ индукціи вошло все существенное, до сего времени выработанное англійскими мыслителями. Дедукція разсматривается здѣсь, какъ многосторонній и столь же полноправный пріемъ, какъ и индукція.

Авторъ старался ясно и вразумительно изложить предъ русскимъ читателемъ сущность различныхъ логическихъ пріемовъ и указать ихъ значеніе и смыслъ для научнаго и практическаго мышленія. Хотя, по существу самаго дѣла, невозможно было обходить наиважнѣйшіе труды по логикѣ, какъ формальной, такъ и индуктивной, однако, авторъ во многихъ случаяхъ дозволялъ себѣ самостоятельно смотрѣть на сущность и значеніе логическихъ пріемовъ. Особенное вниманіе обращено имъ на дедукцію, о которой до сего времени въ логической литературѣ давались однѣ отрывочныя замѣтки. Насколько авторъ имѣетъ право сказать, что въ этомъ трудѣ есть и его капля меду, — это предоставляется судить читателямъ.

Въ приложеніяхъ даны очерки логики Аристотелевской, схоластической, формальной и индуктивной. Разсмотрѣть въ полнотѣ историческія судьбы логической науки не представлялось удобнымъ, по обширности подобной задачи: притомъ, для большей части читателей, для которыхъ предназначается это сочиненіе, не столько важно знать непрерывный рядъ именъ, имѣвшихъ значеніе для нашей науки, и многочисленныя сочиненія, въ которыхъ разнообразнѣйшимъ образомъ рѣшались логическіе вопросы, сколько — главные моменты развитія нашей науки и главнѣйшіе труды, имѣвшіе рѣшительное вліяніе на ея судьбы, чтобы такимъ образомъ читатели могли дать себѣ отчетъ, какія когда произошли въ наукѣ существенныя измѣненія и въ какомъ духѣ и направленіи какія эпохи разработывали ее. Вотъ почему, не при-

нимая на себя обязанности дать полную исторію логики, авторъ нашелъ болѣе удобнымъ дать очерки наиважнѣйшихъ эпохъ ея.

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Измѣненія во второмъ изданіи «Логики» противъ перваго не существенны. Я внимательно просмотрѣлъ свой трудъ и нашелъ нужнымъ исключить изъ него психологическія подробности въ первомъ отдѣлѣ: о нихъ я пространно говорю въ моемъ психологическомъ трудѣ; затѣмъ, кое-что мною добавлено и измѣнено въ главахъ: о законахъ мышленія, понятіи и умозаключеніи. Ученіе о послѣднемъ поставлено въ связь съ моимъ взглядомъ на сужденія. Радикальной переработки теоріи силлогизма я не предпринималъ: чтобы упразднить ученіе Аристотеля о немъ, слѣдуетъ дать нѣчто совершенно зрѣлое и безспорное. Къ вопросу о выводахъ я надѣюсь обратиться въ приложеніяхъ къ одному изъ слѣдующихъ изданій „Логики“, если въ нихъ окажется надобность.

ВВЕДЕНІЕ.

Понятіе о Логикѣ. Логика есть наука о пріемахъ нашего мышленія. Въ этомъ опредѣленіи мы встрѣчаемъ два понятія, разъясненіе которыхъ поведетъ къ уясненію содержанія логики. Спрашивается, что такое мышленіе, что такое пріемъ мышленія?

Остановимся прежде всего на анализѣ мышленія.

Мышленіе есть дѣятельность душевная. Мыслить о чемъ нибудь значитъ представлять, понимать, разсуждать, выводить одну мысль изъ другой и т. д. Все это суть дѣйствія, принадлежащія нашему духу. Ни въ самыхъ произведеніяхъ мышленія, ни въ связи, устанавливаемой въ нихъ умомъ, нѣтъ ничего, отличающагося какимъ нибудь матеріальнымъ или механическимъ характеромъ. Умственные образы внѣшнихъ предметовъ говорятъ намъ о послѣднихъ, но самъ по себѣ образъ не имѣетъ качествъ, принадлежащихъ матеріальнымъ предметамъ: умственный образъ стола не имѣетъ ни угловъ, ни ножекъ, представленіе красной или голубой поверхности само по себѣ не красно и не голубое, представленіе звука не звучитъ и т. д. Связь между нашими мыслями не имѣетъ въ себѣ ничего механическаго: мы логически выводимъ одну мысль изъ другой, связываемъ ихъ вмѣстѣ, но не сцѣпляемъ. Рядъ мыслей можетъ составлять нѣчто цѣлое, но это цѣлое ни мало не походитъ на какую нибудь вещь, части которой образуютъ цѣлое путемъ сцѣпленія. Вообще мысль не имѣетъ ни вкуса, ни цвѣта, ни запаха, нельзя сказать, чтобы она имѣла вѣсъ, протяженіе. По этому справедливо говорятъ, что она есть плодъ чисто психической дѣятельности.

Какими положительными чертами характеризуется мышленіе? Что значитъ мыслить? Значитъ что нибудь сравнивать и сопоставлять, ставить во взаимную связь и соотношеніе, созидать что нибудь новое такое, чего до мышленія не было. Вникнемъ теперь въ эти особенности мышленія.

Мышленіе есть дѣятельность сравнивающая. Эта черта такъ существенно отличаетъ мышленіе, что можно сказать: гдѣ есть сравниваніе, тамъ есть и мышленіе, гдѣ нѣтъ перваго, нѣтъ и послѣдняго. Ни одинъ изъ существенныхъ результатовъ мышленія не могъ бы возникнуть, еслибъ не было сравниванія. Представлять себѣ ясно предметъ значитъ отличать его отъ всѣхъ другихъ: представлять себѣ красный цвѣтъ значитъ знать, что онъ отличается отъ зеленаго, голубого. Но знаніе отличія можетъ возникнуть только послѣ сравнительнаго наблюденія. Невозможно находить предметы подобными или различными, т. е. анализовать и синтезировать ихъ, не сравнивая ихъ и не сопоставляя. Ни понятіе, ни умозаключеніе не могли бы возникнуть, еслибъ мы ни чего не сравнивали умственно. Понимать предметъ значитъ ясно представлять соотношеніе частей, составляющихъ одно цѣлое, вмѣстѣ съ существенными его признаками. Но только путемъ сравнительнаго наблюденія и изученія предметовъ мы приходимъ къ знанію существенныхъ признаковъ предмета и только сравнивая части его между собою, мы вникаемъ въ ихъ смыслъ и значеніе для цѣлаго. Умозаключать значитъ выводить что нибудь изъ другого; но никакой выводъ не возможенъ, если мы не сравнимъ умственно выводимое съ тѣмъ, изъ чего оно выводится. Вотъ почему многія достоинства и недостатки ума находятся въ прямой зависимости отъ того, какъ велика его сравнивающая сила. Тотъ умъ многосторонній и глубокій, который способенъ сравнивать многочисленныя стороны предмета и сопоставлять его со многими другими: только въ этомъ случаѣ отъ него не можетъ укрыться что либо существенное и характеристичное; поверхностный умъ спѣшитъ сократить дѣло сравниванія и торопится дѣлать выводы.

Мышленіе есть дѣятельность, поставляющая умственные матеріалы въ связь и зависимость. Еслибы область нашей мысли состояла изъ отдѣльныхъ обособленныхъ понятій или представленій, то ничего логически связнаго мы никогда не имѣли бы. Очень можетъ быть, что мы были бы подавлены обиліемъ и разнообразіемъ мыслей. Но безсвязныя массы ихъ не стер-

пимы для логическаго мышленія. Когда мы слышимъ безсвязный лепетъ ребенка, читаемъ безсвязное сочиненіе, наборъ фактовъ, мы говоримъ, что въ такомъ сочиненіи и такой рѣчи не достаетъ мысли. Мышленіе различно связываетъ свои продукты: одни сочетаваетъ въ формѣ цѣлаго, объединяющаго въ себѣ различныя части, другіе какъ общее и частное, какъ основаніе и слѣдствіе, причину и дѣйствіе, цѣль и средства. Многоразличными способами и въ разныхъ формахъ мышленіе даетъ своимъ произведеніямъ органическій характеръ, т. е. стремится связать мысли внутренними, а не внѣшними, механическими узами.

Мышленіе есть дѣятельность творческая. Мы подразумѣваемъ здѣсь не художественное творчество, принадлежащее, по нашему мнѣнію, тому виду интеллекта, который дѣйствуетъ какъ воображеніе, но творчество въ общемъ смыслѣ. Мышленіе творитъ новые продукты, ни гдѣ, кромѣ нѣдръ его, не существующіе: оно образуетъ представленія, понятія, вообще разнообразные пріемы. Образуя пріемъ за пріемомъ, сообразно возникающимъ потребностямъ знанія, мы доходимъ до весьма сложныхъ и высшихъ формъ человѣческаго знанія, какія представляются намъ въ системахъ.

Такимъ образомъ мы опредѣлили одно понятіе, весьма важное въ нашемъ опредѣленіи логики. Мышленіе, которымъ она занимается, есть дѣятельность души сравнивающая, поставляющая свои матеріалы во взаимную связь и зависимость и творческая.

Другое понятіе, которое мы должны теперь разъяснить, есть пріемъ мышленія.

Пріемомъ вообще называется способъ, которому мы слѣдуемъ въ своей дѣятельности. Такъ, говорятъ о пріемахъ ораторской рѣчи, проповѣди, о манерѣ живописца и т. д. Пріемъ мышленія есть способъ, которому мы слѣдуемъ въ обдумываніи или изслѣдованіи чего бы то ни было, способъ, какимъ мы достигаемъ предположенной душою цѣли, т. е. истины. Такъ какъ мышленіе есть дѣятельность сравнивающая, поставляющая свои матеріалы въ связь и творческая, то частные пріемы мышленія суть, во первыхъ, пріемы сравниванія, или способы, какими мы сопоставляемъ различныя вещи, или различные признаки въ вещахъ. Во вторыхъ, пріемы мышленія суть способы, какими мы сопоставляемъ умственныя произведенія во взаимную связь, объединяемъ ихъ. Въ третьихъ, пріемы мышленія суть способы, посредствомъ которыхъ мы при-

ходимъ къ новымъ сочетаніямъ мыслей. Въ обширномъ смыслѣ эти пріемы суть способы познанія вещей и ихъ взаимныхъ отношеній; таковы: пріемъ понятій, въ которыхъ мы стремимся выразить внутренній смыслъ, образъ предмета вмѣстѣ съ его характеристичными и существенными чертами, пріемъ сужденій, которыми мы слѣдимъ за измѣненіями вещей и ихъ взаимными отношеніями и т. д.

Такіе-то способы нашего мышленія, въ которыхъ выражается его неустанное стремленіе къ истинѣ, и составляютъ предметъ логики. Но замѣтимъ при этомъ, что логика занимается не всякими вообще пріемами мысли, которыми пользуется нашъ умъ. Тогда она, безъ нужды расширивъ свое содержаніе, приняла бы на себя задачи, которыя съ лучшимъ успѣхомъ могутъ быть рѣшены частными (спеціальными) науками. Пріемы могутъ дробиться и видоизмѣняться до безконечности. Въ каждой частной наукѣ есть частныя задачи, частные предметы и стороны познанія. На то и существуетъ частная наука, чтобъ изслѣдовать свой предметъ и улучшать пріемы познаванія его. Взявъ на себя трудъ толковать о всякихъ пріемахъ мышленія, логика тѣмъ самымъ вмѣшалась бы въ спеціальность, съ которою не всегда могла бы справиться. Поэтому она будетъ заниматься только общими пріемами, которые встрѣчаются или во всѣхъ наукахъ или многочисленныхъ группахъ ихъ, а также суть обыкновенные способы нашего практическаго мышленія. Предметомъ нашимъ будутъ основные пріемы, на которыхъ покоится всякое, и научное и практическое, мышленіе.

Теперь мы въ состояніи сдѣлать болѣе полное опредѣленіе логики. Она есть наука объ основныхъ способахъ или пріемахъ *)

---

*) Обыкновенно говорятъ, что логика есть наука о *формахъ* мышленія. Слово «форма», по нашему мнѣнію, весьма недостаточно, и само по себѣ и по своему употребленію въ этомъ случаѣ. Такъ какъ въ обыкновенныхъ вещахъ мы привыкли отдѣлять содержаніе отъ формы (формы стола, стула, при одинаковомъ матеріалѣ), то невольно переносимъ подобный взглядъ и на формы мышленія: мы привыкаемъ отдѣлять форму мышленія отъ его содержанія и смотрѣть на первую, какъ нѣчто совершенно особое, самостоятельное и безразличное къ умственному матеріалу, въ ней выражаемому. Изъ подобнаго взгляда на дѣло возникаютъ тѣ труды по логикѣ, которые стяжали себѣ славу схоластическихъ логикъ, отпугивающихъ отъ себя читателей своею безсодержательностію и безжизненностію. Съ другой стороны, сказать, что логика есть наука о формахъ мышленія, значитъ далеко не обозначить въ полнотѣ содержаніе

мышленія, какъ душевной дѣятельности сравнивающей, сочетающей и новообразующей.

Задача наша—разсмотрѣть главнѣйшіе пріемы ума, которыми онъ пользуется въ своемъ практическомъ и научномъ мышленіи. Сообразно съ этою цѣлію, мы расположимъ и планъ своего труда. Прежде всего необходимо намъ ознакомиться съ первоначальными логическими законами, управляющими мышленіемъ, и первыми попытками рефлексіи, обнаруживающимися въ то время, когда умъ въ состояніи орудовать только представленіями. Далѣе, мы разсмотримъ элементарные логическіе пріемы, какъ бы первыя основы мышленія, безъ которыхъ никакое сложное движеніе ума было бы также невозможно. Эти пріемы суть: понятія, сужденія и умозаключенія. Затѣмъ уже мы перейдемъ къ анализу отдѣльныхъ и своеобразныхъ областей мышленія, которыя въ своемъ развитіи опираются на указанные элементарные пріемы. Это индуктивная и дедуктивная дѣятельности логическаго ума. Первая идетъ отъ частнаго къ общему, къ открытію законовъ, управляющихъ міромъ явленій; вторая приводитъ въ связь, порядокъ то, что уже нами найдено, разнообразный міръ фактовъ подчиняетъ общимъ началамъ. Наконецъ, мы разсмотримъ конечную форму, въ которой умъ сопоставляетъ свои знанія, пріобрѣтенныя какъ дедуктивнымъ, такъ и индуктивнымъ путемъ — научную систему, какъ вѣнецъ всѣхъ логическихъ стремленій ума.

Въ этомъ планѣ мы старались совмѣстить выгодныя стороны формальной логики и индуктивной. Современная формальная (нѣмецкая) логика имѣетъ преимущественно тотъ недостатокъ, что она не обращаетъ вниманія на логическую работу, сказывающуюся въ современныхъ наукахъ, изучающихъ законы явленій, на разнообразные пріемы, какими умъ доходитъ до знанія ихъ. Ея выгодная сторона та, что она даетъ подробный отчетъ о самостоятельной и также разнообразной дѣятельности ума — дедуктивной.

упомянутой науки. Подъ форму мышленія еще подойдутъ понятія, сужденія: ибо въ нихъ мы выражаемъ свою мысль. Но умозаключеніе можетъ подходить только съ нѣкоторою натяжкою: ибо оно есть по преимуществу способъ сочетанія сужденій, способъ извлеченія выводовъ, и конечно скорѣе пріемъ, чѣмъ форма мышленія. Зато индуктивные пріемы для изслѣдованія причинной связи между явленіями, способы доказыванія или опроверженія, опредѣленія понятій, ихъ классификація и многіе другіе пріемы мысли ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы формами мышленія.

Мы старались усвоить себѣ все дѣйствительно цѣнное, представляемое современною индуктивною логикою. Съ этою цѣлію мы посвятили особый отдѣлъ анализу совокупности пріемовъ, называемыхъ однимъ общимъ именемъ индукціи. Вообще, такъ какъ и дедукція и индукція одинаково сходныя и взаимно дополняющія дѣятельности ума, то мы считали себя обязанными въ равной степени обратить на нихъ вниманіе *).

---

*) Болѣе подробныя замѣтки о недостаткахъ формальной логики читатель найдетъ въ концѣ IV очерка, помѣщеннаго въ прибавленіяхъ. Нашъ взглядъ на нѣкоторые недостатки современной индуктивной логики изложенъ также въ концѣ IV очерка.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Законы мышленія.

Чрезъ логическое мышленіе разумъ въ обширномъ смыслѣ стремится достигнуть истины, т. е. опознаться среди окружающаго міра духовъ, среди природы и въ хаосѣ смѣняющихся явленій открыть и различить истинно сущее отъ ложнаго, цѣнное и значительное бытіе отъ нецѣннаго и незначительнаго. Чтобы достигнуть этой цѣли разумъ дѣйствуетъ и обращается съ продуктами своей дѣятельности не какъ пришлось, а какъ должно, т. е. какъ это предопредѣлено законами, присущими природѣ его, которыми и обезпечивается его постоянно-ровная и всегда себѣ вѣрная интеллектуальная работа. Эти законы называются законами мышленія. Одинъ изъ нихъ опредѣляетъ способъ отношенія ума къ мыслямъ, разсматриваемымъ изолированно, внѣ связи ихъ съ другими; несмотря на ихъ случайныя различія, умъ признаетъ ихъ тожественность: это законъ тожества. Другой опредѣляетъ способъ дѣйствованія ума при сочетаніи различныхъ мыслей: это законъ противорѣчія. Наконецъ, третій показываетъ, чѣмъ умъ постоянно руководится при переходѣ отъ одной мысли къ другой: это законъ исключеннаго третьяго.

Законъ тожества.

Законъ тожества опредѣляетъ отношеніе ума къ различнымъ мыслямъ, взятымъ изолированно, съ которыми ему приходится имѣть дѣло въ продолженіи своей дѣятельности. Несмотря на вся-

кого рода различіе въ формахъ, въ какихъ мысль можетъ представляться уму, онъ остается постоянно вѣренъ самому себѣ и признаетъ ее одною и тою же мыслію. Онъ отожествляетъ однѣ и тѣже мысли. Такимъ образомъ умъ

а) отожествляетъ предметы, представляющіеся его наблюденію во внѣшнемъ мірѣ. Что такое вещь сама по себѣ, независимо отъ насъ, этого мы не знаемъ и знать не можемъ; мы съ нею знакомимся, лишь по скольку она дѣйствуетъ на насъ. Но впечатлѣнія, посылаемыя ею субъекту, бываютъ весьма разнообразны, смотря по мѣсту, времени, обстановкѣ дѣйствія, и принимаются субъектомъ различно, по различію субъективнаго настроенія, мыслей, съ которыми онъ наблюдаетъ вещи и т. д. Психологически каждое ощущеніе и группа ощущеній, дающіяся намъ хотя бы отъ одного и того же предмета, говорятъ намъ каждый разъ о новомъ предметѣ. Что въ ощущеніяхъ дается прежній знакомый предметъ, это не слѣдуетъ изъ ощущеній какъ таковыхъ, а есть актъ признанія со стороны ума, полагающаго при всемъ различіи ощущеній одинъ и тотъ же предметъ. Дѣйствуя такъ, умъ предупреждаетъ безсмысленное размноженіе предметовъ, неизбѣжное въ томъ случаѣ, если бы мы не въ состояніи были отожествлять ихъ.

б) отожествляетъ мысли, въ какихъ бы разнообразныхъ выраженіяхъ онѣ ни представлялись. Мы признаемъ ихъ одними и тѣми же, какъ бы различно онѣ ни облекались въ слова и выраженія. Поэтому мы что утверждаемъ въ одной связи словъ, тоже утверждаемъ и во всякой другой; поэтому мы признаемъ въ словахъ и предложеніяхъ другихъ людей тѣ самыя мысли, которыя мы сами представляемъ себѣ въ нѣсколько различной формѣ.

Нѣкоторые понимаютъ законъ тожества, какъ необходимую истину, что каждый предметъ равенъ самому себѣ: omne subjectum est praedicatum sui (Карповъ. Систематическое изложеніе Логики. 1856, стр. 52). Въ силу такого требованія закона тожества, мы мыслимъ всякій предметъ, какъ цѣлое, равное своимъ частямъ, и совокупность частей равною своему цѣлому. Противъ такого пониманія закона тожества мы, въ сущности, ничего не имѣемъ. Недостатокъ его заключается въ томъ, что оно принимаетъ выводъ изъ закона тожества за прямое выраженіе его: именно потому, что умъ полагаетъ различныя формы и выраженія предмета, какъ формы и выраженія одного и того же предмета, и отожествляетъ его только съ нимъ же самимъ, можно утверждать, что каждый

предметъ равенъ самому себѣ, что цѣлое равно своимъ частямъ и т. д.

Но есть еще и другое толкованіе закона тожества: оно указываетъ, что только то сужденіе вѣрно, которое сообразно съ дѣйствительностію; въ противномъ случаѣ оно ложно. (Ueberweg System der Logik und Geschichte der logischen Lehren. 1857. 75).

Подобное толкованіе имѣетъ два неудобства. Во 1-хъ, при немъ кругъ приложенія закона тожества ограничивается одними только сужденіями. Но понятія, силлогизмы, всякого рода сочетанія мыслей развѣ изъяты изъ подчиненія ему? Во-вторыхъ, есть такія сужденія, которыя несомнѣнны, но совершенно противорѣчатъ упомянутому толкованію. Нравственныя сужденія часто идутъ въ разрѣзъ съ дѣйствительностію: послѣдняя никогда не достигаетъ высоты ихъ. Чтоже такое были бы нравственныя правила, еслибъ они только освящали то, что обыкновенно дѣлается въ мірѣ? Эстетическія построенія также не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Неужели мы во имя закона тожества засудили бы романиста, описывающаго сцены, не существующія въ дѣйствительности, а только близкія къ ней, и отнесемъ рядъ безсмертныхъ созданій человѣческаго ума и вкуса къ области заблужденій? Тогда законъ тожества былъ бы врагомъ всякого творчества и такого разрушительнаго значенія онъ, конечно, имѣть не можетъ.

Понимаемый въ смыслѣ требованія, что мы должны отожествлять предметъ не смотря на различіе формъ, въ какихъ онъ можетъ являться намъ, или общѣе, мы должны полагать одну и туже мысль всегда какъ таковую, а не другую, законъ тожества имѣетъ глубокое значеніе для нашего мышленія. Прежде всего мы можемъ видѣть приложеніе его въ математикѣ. Въ ней есть аксіомы или положенія столь очевидныя по своей истинности и вѣрности, что не требуютъ доказательствъ. Если мы вникнемъ, на чемъ собственно опирается ихъ несомнѣнность и почему мы безъ всякихъ доказательствъ вѣримъ въ нихъ, то увидимъ, что въ этомъ случаѣ непосредственною имъ опорою служитъ законъ тожества. Почему для насъ несомнѣнно, что 2×2 равняется четыремъ, до такой степени, что, желая обозначить достовѣрность чего либо вообще, мы говоримъ прямо, что оно вѣрно и очевидно, какъ $2\times2=4$? Конечно, въ силу закона тожества. Это выраженіе въ сущности есть уравненіе. Здѣсь приравниваются различныя выраженія одной и той же величины и потому въ силу закона тожества истина, что $2\times2=4$, кажется

намъ несомнѣнною. Почему аксіома, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками, для насъ очевидна, даже безъ помощи наглядности, т. е. не прибѣгая къ наглядному изображенію прямой линіи? Потому, что опять здѣсь, въ сущности, сравниваются различныя выраженія одного и того же предмета. Прямая линія есть тоже, что кратчайшій путь, и кратчайшій путь отъ одной точки къ другой есть тоже самое, что прямая линія. Въ силу закона тожества намъ кажется эта истина также несомнѣнною. Двѣ величины, равныя третьей, равны между собою: аксіома эта не требуетъ доказательствъ также на основаніи закона тожества. Когда намъ даны три величины: A, B и C, изъ которыхъ A=B и C=B, то естественно мы имѣемъ право затѣмъ приравнивать A къ B. Здѣсь процессъ отожествленія болѣе сложенъ, чѣмъ при сравненіи $2\times2=4$, но смыслъ и основаніе его остаются одни и тѣже. Такимъ же точно образомъ на законъ тожества опираются и другія аксіомы, какъ выводы изъ него: напр. мы считаемъ очевиднымъ, что цѣлое больше своей части, и на оборотъ, часть меньше своего цѣлаго. Что мы дѣлаемъ, утверждая такимъ образомъ? Мы отказываемся отождествлять, приравнивать двѣ величины, которыхъ неравенство обозначено въ самомъ ихъ названіи, и несомнѣнность положенія основывается здѣсь именно на законѣ тожества, который, давая намъ право отождествлять равныя величины, ео ipso запрещаетъ приравнивать все неравное. Если справедливо, что упомянутыя аксіомы служатъ основаніемъ математики: безъ нихъ геометрія напр. не имѣла бы смысла, то, слѣдовательно, все математическое мышленіе заимствуетъ свои первоначальныя основанія, свою несомнѣнность отъ закона тожества.

Съ другой стороны, благодаря этому закону возможно наше взаимное пониманіе. Процессъ пониманія говоримаго намъ другими состоитъ, въ сущности, въ томъ, что мы отождествляемъ передаваемую мысль съ мыслію, намъ самимъ принадлежащею. Не смотря на различіе формы, въ которой она передается, отъ той, въ которой мы ее мыслимъ, мы все таки отождествляемъ ее съ своею мыслію и такимъ образомъ понимаемъ ее. Еслибъ мы при отождествленіи не въ состояніи были побѣждать различіе формъ мысли и не признавали, что она остается одною и тою же, несмотря на различіе выраженій, въ которыя облекается, то каждый понималъ бы только самого себя и никакихъ умственныхъ выгодъ отъ взаимнаго обмѣна мыслей посредствомъ языка мы не имѣли бы: ибо тогда обмѣнъ мыслей могъ бы существовать только въ весьма рѣд-

кихъ случаяхъ, въ большинствѣ же ихъ мы говорили бы другъ съ другомъ иными языками.

Законъ противорѣчія.

Понятіе о немъ. Различныя отдѣльныя мысли могутъ сочетаваться въ одно цѣлое и органически связываться между собою. Потребность связыванія мыслей въ цѣлое есть одна изъ глубокихъ нуждъ мышленія. Чтобы при этомъ мысль оставалась твердою и устойчивою, необходимо, чтобы она, при всей сложности своего состава и при всемъ различіи своихъ отношеній къ другимъ мыслямъ, не носила элементовъ разрушенія въ самой себѣ и вступая въ сочетаніе съ другими, не уничтожалась ими. Во всѣхъ такихъ случаяхъ своей дѣятельности умъ руководствуется закономъ противорѣчія.

Сущность закона противорѣчія (lex contradictionis) состоитъ собственно въ слѣдующемъ. Положеніе и отрицаніе взаимно себя уничтожаютъ: ничто противорѣчащее себѣ не должно быть допускаемо въ мысли.

Для полнаго уясненія себѣ смысла упомянутаго закона разсмотримъ: 1) виды противорѣчія и случаи, въ которыхъ оно можетъ встрѣчаться, 2) источникъ, откуда оно возникаетъ въ насъ, 3) условія, при которыхъ противорѣчіе невыносимо въ области мысли, и наконецъ 4) приложеніе закона противорѣчія въ нашемъ мышленіи.

Противорѣчіе можетъ быть только тамъ, гдѣ мы соединяемъ какіе либо элементы мысли: гдѣ ничего не соединяется, тамъ нечему и противорѣчить. Противорѣчій должно искать въ тѣхъ случаяхъ, когда мы соединяемъ одну мысль съ другою. Мы соединяемъ мысли въ одну цѣлую мысль, наприм. представленіе или понятіе, или раздѣльно обозначаемъ ее другою мыслію, какъ признакомъ и характерною особенностію ея, наприм. въ сужденіяхъ, или употребляемъ одну или нѣсколько посредствующихъ мыслей для того, чтобы связать между собою двѣ мысли. Противорѣчія, встрѣчающіяся въ понятіяхъ и сужденіяхъ, мы называемъ непосредственными, тѣ же, которыя допускаются въ умозаключеніяхъ и доказательствахъ, посредственными.

Случаи непосредственнаго противорѣчія могутъ встрѣчаться прежде всего въ понятіяхъ и представленіяхъ: напримѣръ, когда

въ понятіи или представленіи предмета мыслится признакъ, противорѣчащій ему, приписываемъ вещи признакъ, отрицаемый ею. Въ логикѣ этотъ видъ противорѣчія называется contradictio in adjecto. Нужно замѣтить, что понятія съ противорѣчивыми признаками встрѣчаются въ мышленіи нерѣдко. Отъ нихъ не свободно даже философское мышленіе, особенно когда оно восходитъ къ слишкомъ общимъ понятіямъ; въ обыкновенныхъ же практическихъ понятіяхъ, мало разработанныхъ аналитически, весьма часто встрѣчаются противорѣчивыя подробности.

Непосредственное противорѣчіе можетъ встрѣчаться и въ сужденіяхъ: 1) когда одному и тому же предмету приписываются два противорѣчащихъ признака, наприм. одна и таже линія считается прямою и непрямою, одинъ и тотъ же человѣкъ умнымъ и неумнымъ. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что сочетаніе признаковъ противорѣчащихъ, равно какъ и противоположныхъ, съ однимъ и тѣмъ же предметомъ не всегда и не вездѣ ведетъ къ противорѣчію, запрещаемому закономъ: когда о предметѣ утверждается нѣчто противорѣчивое съ разныхъ точекъ зрѣнія и въ разныхъ отношеніяхъ, то это противорѣчіе не подходитъ подъ запрещеніе логическаго закона. 2) Можетъ встрѣчаться противорѣчіе въ тѣхъ случаяхъ, когда двумъ противоположнымъ предметамъ приписывается одинъ и тотъ же признакъ, или одно качество, по скольку эти предметы противоположны. Послѣдняя оговорка необходима въ виду тѣхъ случаевъ, что одинаковое утвержденіе о противоположныхъ предметахъ можетъ быть дѣлаемо, не по скольку они противоположны, а по скольку сходны, суть виды одного и того же рода напримѣръ, о матеріализмѣ и о идеализмѣ мы, не боясь впасть въ противорѣчіе, можемъ утверждать, что они суть монистическія философскія ученія, о глупомъ субъектѣ и умномъ, что они суть люди и т. д.

Посредственное противорѣчіе встрѣчается преимущественно въ выводахъ, умозаключеніяхъ. Оно можетъ встрѣчаться тамъ, гдѣ, во 1-хъ, изъ двухъ противорѣчивыхъ положеній дѣлается одинъ выводъ. И здѣсь мы должны напомнить читателю, что случай, подходящій подъ законъ противорѣчія, окажется только тогда, когда одинъ выводъ дѣлается изъ противоположныхъ или противорѣчивыхъ положеній, по скольку они противорѣчивы или противоположны: напримѣръ, когда либеральныя и консервативныя партіи приходятъ къ одному и тому же выводу, или мѣрѣ, не по скольку онѣ противоположны одна другой, а по скольку исходятъ

отъ точки зрѣнія пользы народа или государства, то противорѣчія не допускаютъ; но оно непремѣнно допускается которою либо изъ нихъ, если одинъ и тотъ же выводъ дѣлается ими вмѣстѣ, по скольку одна консервативна, а другая либеральна, т. е. по скольку онѣ отрицаютъ одна другую. Во 2-хъ, противорѣчіе можетъ встрѣчаться, когда дѣлаются два противорѣчивыхъ вывода изъ одного и того же положенія. Это случается, когда мы, отдаваясь теченію мысли и неконтролируя его постоянно, приходимъ въ разговорѣ или сочиненіи къ разнымъ выводамъ, другъ другу противорѣчащимъ. Одинъ изъ весьма удачныхъ пріемовъ ученой критики состоитъ въ томъ, что критикъ изслѣдуетъ, нѣтъ ли въ ученомъ изслѣдованіи какихъ-нибудь противорѣчащихъ заключеній, мыслей, невяжущихся одна съ другою. И когда критикъ несомнѣнно докажетъ присутствіе подобнаго рода противорѣчія, то этимъ доказывается не сомнѣнное присутствіе въ сочиненіи какой либо ошибки. 3) Выводъ противорѣчащій положенію. Примѣры этого мы можемъ найти въ философскихъ системахъ, когда выводы несовсѣмъ согласны съ основными ихъ руководящими принципами. Очень можетъ быть, что противное впечатлѣніе, выносимое нами изъ наблюденій надъ людьми, у которыхъ слово совершенно расходится съ дѣломъ, отчасти возникаетъ и потому, что въ этомъ случаѣ грубо нарушается основной логическій законъ противорѣчія.

Откуда же берутся противорѣчія? Они могутъ имѣть только двоякое происхожденіе: или мы встрѣчаемъ ихъ въ природѣ и затѣмъ вносимъ въ свой мыслительный міръ, или они возникаютъ въ насъ самихъ, т. е., противорѣчія могутъ имѣть или объективное или субъективное происхожденіе. Имѣютъ ли они основаніе въ объективномъ мірѣ? Въ природѣ противорѣчій не существуетъ; въ области механическихъ, физіологическихъ силъ нѣтъ противорѣчій: тамъ есть только противодѣйствія одной силы другой. Если напр. двѣ разныя силы дѣйствуютъ на одно и тоже тѣло въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ, то хотя результатъ дѣйствія ихъ, т. е. движеніе, равняется нулю, однако, въ сущности, дѣйствія силъ не уничтожаются: если мы устранимъ одну силу, то въ тотъ же моментъ начинается движеніе подъ вліяніемъ другой, прежде противодѣйствовавшей. Тоже самое и въ области химической и органической дѣятельностей. Сила можетъ быть парализована, т. е. воспрепятствовано обнаруженіе ея дѣйствія, но при этомъ она сама ни уничтожается. Между тѣмъ въ области мысли противорѣчія уничтожаютъ, рушатъ другъ друга: ибо отрицаніе есть уни-

чтоженіе того, что полагается. Правда, въ природѣ есть противоположность признаковъ: черный, бѣлый, зеленый цвѣтъ, сильный, слабый тонъ, острый, мягкій запахъ и т. п. Но и здѣсь противоположность свойствъ предполагаетъ *реальность* качествъ: черному противоположно *бѣлое*, сильному тону *слабый*, сладкому горькое и т. п. Это не есть противорѣчіе: ибо черному противорѣчитъ не черное, бѣлому небѣлое, сладкому несладкое и т. п. Въ природѣ же нѣтъ цвѣта только небѣлаго, нечернаго, незеленаго, нѣтъ предмета только несладкаго, тона несильнаго и т. п.; всякая вещь имѣетъ извѣстный положительный цвѣтъ, вкусъ, запахъ. Посему можно по справедливости сказать, что природа не знаетъ противорѣчій. Остается искать ихъ въ субъективномъ мірѣ.

Укажемъ прежде всего, откуда берутся чисто отрицательные признаки. Такіе признаки, какъ небѣлый, нечерный, незеленый, некислый, неумный и т. п. возникаютъ только путемъ сравниванія одного предмета съ другимъ. Мы имѣемъ предъ собою, положимъ, бѣлые предметы: снѣгъ, бѣлую доску; одновременно съ которымъ нибудь изъ нихъ замѣчаемъ другой черный: напр. черную фигуру человѣка, черную лошадь и т. д. Сопоставляя снѣгъ съ фигурою человѣка, мы находимъ, что послѣдній не имѣетъ бѣлизны, и мы обозначаемъ это словомъ небѣлый; наоборотъ, въ снѣгѣ мы не находимъ признака черноты и обозначаемъ это словомъ нечерный. Изъ такого сопоставленія возникаютъ признаки несладкій, негорькій, неумный, неглупый. Употребляя подобныя названія, мы обозначаемъ тѣмъ, что извѣстному предмету не могутъ быть приписываемы признаки другихъ вещей. Эти названія возникаютъ исключительно въ нашемъ сравнивающемъ умѣ: ибо въ природѣ, какъ мы уже сказали, нѣтъ такихъ вещей, которыя были бы только нечерными, небѣлыми, несладкими и т. п. Когда уже возникнутъ подобные чисто отрицательные признаки, то является и возможность противорѣчія, т. е. возможность присоединять къ одному предмету оба признака — положительный и отрицательный.

Нужно впрочемъ замѣтить, что не вездѣ и не всегда соединеніе противорѣчивыхъ признаковъ есть противорѣчіе, запрещаемое логическимъ закономъ. Мы можемъ въ одно и тоже время высказывать противоположныя сужденія о различныхъ предметахъ. Оцѣнивая разныхъ людей, мы въ одно и тоже время называемъ одного умнымъ, другого глупымъ разсуждая о книгахъ, одну находимъ вредною, другую полезною, одну ученою, другую неученою

и т. д. Никто не находитъ, чтобъ въ этихъ случаяхъ былъ нарушенъ законъ противорѣчія. Но одного и того же человѣка считать и глупымъ и умнымъ, одну и туже мѣру полезною и вредною было бы вопіющимъ противорѣчіемъ. Итакъ, во первыхъ, противорѣчіе запрещается логическимъ закономъ, когда оно высказывается относительно одного и того же предмета. Но бываютъ случаи, когда можно высказывать и объ одномъ и томъ же предметѣ противорѣчивыя сужденія. Предметъ можетъ измѣняться, т. е. обнаруживать различные, иногда совершенно противоположные, признаки: напр. въ разныя эпохи жизни человѣкъ можетъ быть неразвитымъ и развитымъ, умнымъ и глупымъ, сильнымъ и безсильнымъ, вещи могутъ измѣняться въ цвѣтахъ, вкусахъ, запахахъ и т. д., однѣ и тѣже мѣры въ различныя эпохи могутъ быть полезными и вредными и т. д. Слѣдовательно, во вторыхъ, противорѣчіе тогда подходитъ подъ запрещеніе логическаго закона, когда оно, относясь къ одному и тому же предмету, касается его въ одно и тоже время. Наконецъ, противорѣчіе запрещается логическимъ закономъ, когда оно касается одного и того же предмета въ одно и тоже время *въ одномъ и томъ же отношеніи*. Поступокъ можетъ подлежать укоризнѣ въ юридическомъ отношеніи и можетъ быть одобряемъ въ нравственномъ. Человѣкъ можетъ быть въ одномъ отношеніи геніаленъ (напр. какъ художникъ) и въ другомъ можетъ быть весьма не далекъ (какъ политикъ, какъ ученый). Опіумъ можетъ быть въ одномъ отношеніи полезенъ и въ малыхъ дозахъ съ пользою употребляется въ медицинѣ, но при другихъ обстоятельствахъ, въ чрезмѣрномъ количествѣ, можетъ дѣйствовать какъ отрава. На это обстоятельство, въ какомъ именно отношеніи высказываются противорѣчивыя мнѣнія и сужденія, нужно обращать особое вниманіе. Объ одномъ и томъ же предметѣ мы можемъ давать самыя разнорѣчивыя показанія, когда станемъ разсматривать его съ различныхъ сторонъ. Если судить о землѣ съ той точки зрѣнія, съ какой она представляется намъ обыкновенно, то можно утверждать ея неподвижность, но если разсматривать ее съ астрономической точки зрѣнія, то нужно приписать ей вращательное и поступательное движеніе. По отношенію къ землѣ, солнце стоитъ неподвижно, для земного наблюдателя оно, напротивъ, кажется движущимся, въ астрономическомъ смыслѣ оно также движется по направленію къ одной изъ неподвижныхъ звѣздъ. Очень можетъ быть, что многія противорѣчія, споры, несогласія возникаютъ именно отъ различія точекъ зрѣнія на вопросы. Споры эти

нескончаемы, пока для самихъ спорющихъ не станетъ яснымъ, что всѣ недоумѣнія возникаютъ отъ того, что предметы разсматриваются противными сторонами въ различныхъ отношеніяхъ.

Нѣтъ другого логическаго закона, который имѣлъ бы столь обширное приложеніе въ области мышленія, какъ законъ противорѣчія. Его вліяніе чувствуется вездѣ, гдѣ намъ приходится сочетавать, соединять одну мысль съ другою. Онъ 1) вводитъ ясность въ наши мысли. Противорѣчивость въ понятіяхъ и сужденіяхъ есть синонимъ темноты и сбивчивости въ мысляхъ. Что мы называемъ темнотою мысли — состоитъ не просто въ спутанности и отсутствіи логическихъ связей между мыслями, но это понятіе прилагается и тамъ, гдѣ мыслитель не составилъ себѣ опредѣленнаго взгляда, мнѣнія о вопросѣ или предметѣ и потому въ своихъ сужденіяхъ о нихъ противорѣчитъ себѣ, высказывая различные взгляды, или предлагая различныя рѣшенія. Никто сознательно не допускаетъ подобной темноты, именно въ силу требованій закона противорѣчія. Если мы преслѣдуемъ ее какъ въ себѣ, такъ и у другихъ, не примиряемся съ нею, выносимъ противное впечатлѣніе отъ всякого сочиненія, рѣчи, страдающей подобнымъ недостаткомъ, то это потому, что подобное мышленіе само себя рушитъ и уничтожаетъ. Такимъ образомъ преслѣдуя сбивчивость мысли, законъ естественно содѣйствуетъ ясности ея. 2) Приложеніе закона противорѣчія особенно видно въ критикѣ различныхъ системъ, взглядовъ. Одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ критическихъ пріемовъ состоитъ въ томъ, что критикъ указываетъ вкравшіяся противорѣчія. Въ философской системѣ указываются противорѣчія выводовъ принципамъ, въ ученомъ сочиненіи противорѣчія автора собственнымъ же словамъ его. При исторической критикѣ лѣтописей, мемуаровъ, тщательно разслѣдывается, нѣтъ ли гдѣ у разскащика противорѣчія самому себѣ. И какъ скоро оно открывается, мы безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій прямо заподозрѣваемъ доброкачественность извѣстій, мнѣній, взглядовъ и т. п. Наша ultima ratio, на которой основываемся въ этомъ случаѣ, есть именно законъ противорѣчія. Что онъ дѣятельно управляетъ мышленіемъ, свидѣтельствуетъ заботливость, съ какою мы избѣгаемъ въ своемъ мышленіи противорѣчій: мы боимся ихъ. Дѣйствительно, всякая мысль, сужденіе, понятіе, противорѣчивыя самимъ себѣ, не имѣютъ никакого значенія: они какъ бы носятъ въ себѣ зло, которое ихъ уничтожаетъ. Можно поэтому утверждать, что принципъ противорѣчія есть критерій истины, пробный

камень, на которомъ мы испытываемъ доброкачественность всякой мысли. Но замѣтимъ, что этотъ критерій — отрицательный: присутствіе противорѣчія въ мысли лишаетъ ее всякого значенія, но отсутствіе его не есть еще доказательство, что мысль истинна во всѣхъ отношеніяхъ. Художникъ можетъ создать романъ, повѣсть, образъ фантазіи, самъ себѣ отнюдь не противорѣчущій, но отсюда не слѣдуетъ, что этотъ образъ, романъ, повѣсть есть истина, что они соотвѣтствуютъ дѣйствительности; можно разсказать небывалое происшествіе безъ тѣни противорѣчія, но отсюда не слѣдуетъ что разсказъ долженъ заслуживать вѣры.

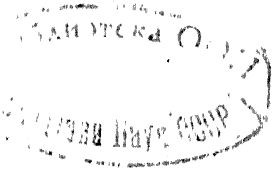
Законъ исключеннаго третьяго.

Наконецъ, необходимъ законъ руководящій умомъ при переходѣ его отъ одной мысли къ другой. Умъ долженъ знать, что онъ собственно дѣлаетъ, когда что либо утверждаетъ или отрицаетъ, т. е. какого рода отрицаніе предполагается необходимо, когда онъ утверждаетъ, и какого рода утвержденіе, когда онъ что либо отрицаетъ. Если бы не было такого рода солидарности между мыслями, не моглобъ быть существующей правильности въ переходѣ отъ одной мысли къ другой, не было бы группъ рѣшительно родственныхъ и враждебныхъ мыслей и уму невозможно было бы легко двигаться къ извѣстнымъ намѣченнымъ цѣлямъ. Законъ обезпечивающій уму солидарность между мыслями и ихъ рѣшительность есть законъ исключеннаго третьяго.

Сущность его состоитъ въ слѣдующемъ: или да или нѣтъ; какъ невозможно на одинъ и тотъ же вопросъ отвѣчать и да и нѣтъ, такъ невозможно и что либо среднее между утвержденіемъ и отрицаніемъ. Этотъ законъ исключаетъ все третье между да и нѣтъ и потому называется закономъ исключеннаго третьяго.

Прежде чѣмъ мы разсмотримъ приложеніе упомянутаго закона въ области мышленія, мы должны защитить его отъ нѣкоторыхъ возраженій. Они основаны частію на случаяхъ, когда бываютъ затруднительны какъ положительный, такъ и отрицательный отвѣты, частію на необходимости во многихъ случаяхъ примиренія противоположныхъ крайностей.

Во 1-хъ, бываютъ случаи, когда на вопросъ затруднительно отвѣчать и да и нѣтъ и когда, слѣдовательно, законъ исключеннаго третьяго, казалось бы, не имѣетъ приложенія. Если въ



вопросѣ подлежащимъ находится какое либо общее родовое понятіе, а сказуемымъ признакъ, принадлежащій видамъ его, то трудно дать какой либо отвѣтъ: напримѣръ, какъ отвѣчать на вопросы: прямоуголенъ ли треугольникъ вообще, можно ли назвать животное вообще млекопитающимъ. Нельзя на подобные вопросы отвѣчать ни да ни нѣтъ: ибо треугольникъ можетъ быть и прямоугольнымъ, но также и остро и тупоугольнымъ, равно, животное можетъ быть и млекопитающимъ, но можетъ и не быть таковымъ. Греческіе софисты хвалились, какъ это видно изъ діалоговъ Платона, такимъ искуснымъ составленіемъ вопросовъ, что всякій отвѣтъ на нихъ, положительный и отрицательный, долженъ былъ казаться нелѣпостію. Очевидно, въ этомъ случаѣ вина падаетъ не на законъ исключеннаго третьяго, а на неправильность вопроса. Законъ говоритъ, что нормальный вопросъ долженъ допускать одинъ рѣшительный отвѣтъ, или да, или нѣтъ, и отъ того, что онъ этого требуетъ, мы признаемъ неправильность вопросовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ. Все равно какъ многочисленные случаи встрѣчающихся противорѣчій не могутъ говорить противъ существованія закона противорѣчія, такъ и случаи неправильныхъ вопросовъ, недопускающихъ рѣшительныхъ и ясныхъ отвѣтовъ, не могутъ доказывать contra закона исключеннаго третьяго.

Во 2-хъ, можно указать множество случаевъ, въ которыхъ необходимо держаться средины между двумя противоположными крайностями. Прежде всего въ нравственномъ мірѣ средина между крайностями составляетъ наиболѣе желательный образъ поведенія. Еще Аристотель замѣтилъ, что добродѣтель состоитъ въ соблюденіи должной средины. Храбрость состоитъ и не въ трусости, но и не безразсудной дерзости: она есть благоразумная смѣлость; щедрость не въ безумной расточительности и не алчной скупости, но въ бережливой помощи ближнему; благоразуміе въ соблюденіи мѣры въ увлеченіяхъ, мѣры въ удовлетвореніи своихъ потребностей и т. п. Въ области политической жизни народа лучшими мѣрами оказываются обыкновенно не крайнія, а умѣренныя. Политическая жизнь развитаго народа слагается изъ двухъ элементовъ: съ одной стороны, въ народѣ есть стремленіе измѣнить установившіяся учрежденія, т. е. сложившійся бытъ, во имя воображаемаго идеала, съ другой — консервативное стремленіе удержать существующія формы жизни. Справедливо говорятъ, что здравое развитіе народа возможно при взаимодѣйствіи и примиреніи этихъ

двухъ элементовъ. Исключительное господство консервативнаго элемента ведетъ къ неподвижности, застою, исключительное господство прогрессивнаго, жертвующаго уже существующими благами во имя благъ теоретическихъ, ведетъ часто къ нравственному истощенію, къ невознаградимой потерѣ уже существующихъ благъ. Вообще всякое развитіе, говоритъ гегелевская школа, совершается путемъ примиренія противоположностей. Измѣненіе начинается съ отрицанія предшествовавшей формы развитія и слѣдующій моментъ его состоитъ въ примиреніи двухъ противоположностей: т. е. положенія и слѣдовавшаго занимъ отрицанія.

Всѣ эти и подобныя возраженія основываются на смѣшеніи реальной противоположности состояній, свойствъ и т. д. съ логическими противорѣчіями. Мы уже говорили, что всякія противорѣчія возникаютъ въ области мысли: они суть плодъ единственно нашего размышленія и сравниванія вещей; реальная противоположность, напротивъ, есть фактъ и предполагаетъ существованіе двухъ положительныхъ противныхъ свойствъ. Положительному признаку реально противополагается другой, такой же положительный, тогда какъ въ противорѣчіи положительному противополагается отрицательный, нигдѣ фактически не существующій. Это различіе не должно быть упускаемо изъ виду для правильнаго пониманія смысла разсматриваемаго закона. Отрицаніе одного противорѣчиваго свойства непремѣнно предполагаетъ утвержденіе другого: если мы станемъ отрицать бѣлизну предмета, то eo ipso будетъ слѣдовать, что мы считаемъ его не бѣлымъ и наоборотъ. Тутъ средины нѣтъ и быть не можетъ. Дѣйствіе можетъ быть храбрымъ или не храбрымъ, политическая мѣра либеральною или не либеральною, но никакой средины между этими признаками не можетъ быть. При реальной же противоположности можетъ быть множество посредствующихъ ступеней, дѣлающихъ незамѣтнымъ переходъ отъ одного свойства, состоянія къ противоположному: напр. между бѣлизною и чернотою могутъ быть многія посредствующія степени бѣлизны и черноты, между храбростію и трусостію также многія нравственныя дѣйствія съ minimum храбрости и трусости, между мѣрами рѣшительно либеральными и рѣшительно консервативными можно найти множество среднихъ мѣръ и т. д. При измѣненіи предмета, т. е. смѣнѣ въ немъ признаковъ, процессъ совершается также медленнымъ путемъ постепеннаго перехода изъ одного состоянія въ другое. Тутъ могутъ быть среднія состоянія, въ которыхъ примиряются противоположности. Посему,

какъ мы сказали, при противорѣчіи, отрицаніе одного признака предполагаетъ утвержденіе противорѣчащаго, но нельзя сказать того же о противоположныхъ признакахъ. Изъ того, что предметъ не бѣлый, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ черный; если человѣкъ не трусъ, еще нельзя назвать его храбрецомъ, если мѣра не либеральная, то нельзя ее называть прямо консервативною и т. д. И такъ какъ законъ исключеннаго третьяго имѣетъ приложеніе только въ области мысли, то понятно, что помянутыя возраженія, касающіяся реальной противоположности явленій, а не логическихъ противорѣчій, вовсе не касаются разсматриваемаго закона.

Прим. 1. Къ сожалѣнію, иногда смѣшиваютъ противорѣчіе съ противоположностію и особенности перваго переносятъ на послѣднюю. Оттого часто происходятъ печальныя недоразумѣнія: напр. на судѣ преступникъ признанъ присяжными невиновнымъ и выпущенъ на волю; отсюда дѣлается заключеніе, что онъ признанъ прямо невиннымъ, чуждымъ совершонному преступленію. Здѣсь — смѣшеніе противорѣчія съ противоположностію. Виновности реально противоположна невинность, противорѣчитъ же невиновность: невиновность означаетъ, что человѣкъ не можетъ быть признанъ виновнымъ, по недостаточности ли обвиненія или по другимъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ содѣянный фактъ и т. д.; невинность означаетъ совершенное отсутствіе всякой прикосновенности къ преступленію и для того чтобъ признать человѣка прямо невиннымъ, требуются положительныя данныя, доказывающія его невинность. Тоже самое происходитъ иногда и въ политической жизни. Кто нибудь не соглашается съ мѣрою, предлагаемою извѣстною политическою партіею; его безъ дальнѣйшихъ разсужденій причисляютъ къ партіи противной: напр. въ нашей литературѣ люди, относившіеся съ словомъ порицанія къ выходкамъ и безтактности нѣкоторыхъ крайнихъ либераловъ, прямо обзывались партіей застоя и мрака.

Примѣчаніе 2. Замѣтимъ еще, что вообще законъ исключеннаго третьяго не можетъ имѣть приложенія, когда неправильно ставится вопросъ. Есть вопросы, на которые невозможно отвѣчать разумно ни да ни нѣтъ, таковъ вопросъ: былъ ли Ѳалесъ безбожникъ. Намъ ничего неизвѣстно о религіозныхъ воззрѣніяхъ Ѳалеса, и потому нельзя отвѣчать ни да ни нѣтъ. Съ другой стороны, есть вопросы, на которые можно отвѣчать и да и нѣтъ, напр. признавалъ ли Сократъ религію? Можно отвѣчать и да, если принять во вниманіе, что онъ понималъ смыслъ религіи, стремился

къ правильному познанію Единаго Бога. Но можно отвѣчать и нѣтъ, если припомнить, какъ сурово онъ относился къ Гомеровской миѳологіи и обыкновеннымъ народнымъ религіознымъ представленіямъ. И такъ разумный отвѣтъ непремѣнно требуетъ яснаго, опредѣленнаго и разумнаго вопроса. Вотъ почему въ юридической практикѣ постановка вопроса предоставляется судьямъ спеціалистамъ дѣла. При судѣ съ присяжными отвѣты послѣднихъ имѣютъ рѣшающее значеніе для судьбы обвиняемаго и вмѣстѣ огромную важность для интересовъ общественнаго порядка и правосудія. Казалось бы, почему присяжнымъ не предоставить, по выслушаніи дѣла, самимъ ставить вопросы и отвѣчать на нихъ. Но именно потому, что вопросъ предрѣшаетъ разумность отвѣта, этого права и невозможно было предоставить присяжнымъ, случайнымъ людямъ, не имѣющимъ юридическаго образованія. Легко могло бы случиться, что они ставили бы вопросы, не вытекающіе изъ сущности дѣла, и отвѣчая на нихъ, путались бы въ нихъ и только компрометировали бы дѣло правосудія. Вопросъ иногда скорѣе показываетъ знаніе дѣла, чѣмъ отвѣтъ на него. Невѣжественно поставленный вопросъ можетъ затруднить весьма умнаго человѣка. Вообще, умѣнье ставить вопросы дается только развитіемъ и образованіемъ. И въ наукѣ тотъ изслѣдователь наиболѣе способенъ работать въ пользу науки, который умѣетъ спрашивать природу, исторію и т. п.

Чѣмъ же сказывается этотъ законъ въ нашемъ мышленіи, т. е, каково приложеніе его? Прежде всего примѣненіе его видно на качественной сторонѣ мышленія. Врагъ всякой двусмысленности, онъ содѣйствуетъ ясности и рѣшительности его. Мысль можетъ становиться или на сторону утвержденія, или на сторону отрицанія, но никакого средняго пути между тѣмъ и другимъ для нея нѣтъ — это утверждаетъ законъ. Слѣдовательно, принципъ допускаетъ только ясный отвѣтъ, а затѣмъ, такъ какъ судьба отвѣтовъ тѣсно связана съ судьбами вопросовъ, то онъ примиряется только съ ясными вопросами. Если бы допустить хотя на одну минуту возможность двусмысленности въ мысли, то никакое послѣдовательное движеніе ея стало бы невозможнымъ. Затѣмъ приложеніе нашего закона мы можемъ прослѣдить въ частной работѣ мысли при доказательствахъ и исторической критикѣ. Есть особый пріемъ, извѣстный подъ спеціальнымъ названіемъ: demonstratio ad absurdum, который не имѣлъ бы смысла, если отвергнуть законъ исключеннаго третьяго. Указанный пріемъ со-

стоитъ въ томъ, что мы доводимъ какую нибудь мысль до ея крайнихъ выводовъ и нелѣпостію ихъ доказываемъ, что противоположная доказываемой мысль состоятельна. На какомъ основаніи мы предполагаемъ здѣсь, не приводя никакихъ положительныхъ основаній, что мысль, противоположная нелѣпой, должна быть вѣрна въ выводахъ своихъ? Мы опираемся въ этомъ случаѣ на законъ исключеннаго третьяго, на тотъ законъ, что между двумя противоположностями утвержденія и отрицанія нѣтъ и не можетъ быть ничего третьяго: если отрицаніе нелѣпо, то утвержденіе должно быть принято, и наоборотъ.

Формальный характеръ законовъ мышленія. Разсмотрѣнные нами законы тожества, противорѣчія, исключеннаго третьяго мы называемъ формальными законами мысли. Они вообще не касаются содержанія мысли: законъ тожества не указываетъ, какія формы выраженія мысли и съ какими другими формами должны быть отождествляемы; законъ противорѣчія также нисколько не касается того, какія мысли могутъ сами себѣ противорѣчить; законъ исключеннаго третьяго ничего не говоритъ, между какими положительными и отрицательными сужденіями не можетъ быть ничего средняго третьяго. Они суть condicio sine qua non истины, т. е. указываютъ, при нарушеніи какихъ условій мысль уничтожаетъ сама себя. Это значеніе законовъ мышленія можетъ быть объяснено слѣдующимъ примѣромъ На судѣ существуютъ обязательныя правила относительно формъ прошеній, сроковъ апелляцій, представленія доказательствъ исковъ и т. п. Исполненіе такихъ правилъ есть condicio, sine qua невозможенъ никакой процессъ. Они должны быть выполнены: ибо иначе и процессъ не можетъ быть принятъ къ разсмотрѣнію. Несоблюденіе ихъ ведетъ къ непремѣнному отказу, но соблюденіе однихъ только формальностей еще не даетъ права на благопріятное рѣшеніе дѣла по его существу. Эти формальности суть какъ бы условія состоятельности всякого процесса. Таково же значеніе и законовъ мышленія. Они должны быть безусловно выполнены мыслію, но отсюда отнюдь не будетъ слѣдовать, чтобы мысль, удовлетворительная предъ законами мышленія, была достовѣрною. Для достовѣрности ея требуется еще согласіе съ фактами, съ наблюденіемъ.

Примѣчаніе. Мы опускаемъ здѣсь, такъ-называемый, законъ достаточнаго основанія (lex rationis sufficientis). Онъ получилъ ходъ со времени Лейбница, который, впрочемъ, давалъ ему метафизиче-

ское значеніе. Въ Логикѣ Вольфа, послѣдователя Лейбница, онъ приводился какъ принципъ, заимствованный изъ онтологіи (первой части тогдашней метафизики). Затѣмъ, въ логикахъ Кантовской школы законъ достаточнаго основанія приводится уже какъ формальный логическій законъ. По нашему мнѣнію, нѣтъ основанія считать его закономъ мысли. Послѣдняя можетъ быть твердою и крѣпкою, и не удовлетворяя ему. Представленія Зевса, Аѳины, хотя и неудовлетворяютъ помянутому принципу, сами по себѣ мысли безукоризненныя: ихъ внутренняя состоятельность ни въ какомъ случаѣ заподозрѣна быть не можетъ. Этотъ законъ обыкновенно опредѣляется такъ, что все мы должны мыслить на достаточномъ основаніи. Но это требованіе неприложимо, вопервыхъ, къ аксіомамъ: ибо онѣ допускаются нами въ силу своей непосредственной очевидности, а отнюдь не на какихъ либо основаніяхъ, т. е. на другихъ болѣе достовѣрныхъ положеніяхъ, вовторыхъ — ко множеству художественныхъ образовъ, возвышающихся надъ дѣйствительностію и даже противорѣчущихъ ей, таковы наприм. картины, статуи, образы миѳологіи, романы и повѣсти, изображающія своеобразный міръ, иногда мало похожій на дѣйствительность. Должны ли мы ихъ логически отвергать, потому что въ послѣдней для нихъ нѣтъ достаточнаго основанія? или мы признаемъ за основаніе, и при томъ логически достаточное, вѣрность общаго характера повѣсти, картины — дѣйствительности? Тогда мы должны будемъ допустить слишкомъ большую растяжимость значенія словъ «достаточное основаніе» и давать имъ различный смыслъ то по отношенію къ художественной мысли, то по отношенію къ наукѣ: ибо въ научномъ смыслѣ подъ достаточнымъ основаніемъ мысли разумѣется или фактъ, на который она опирается, или общая мысль, изъ которой другая выводится, какъ заключеніе или слѣдствіе. Наконецъ, законъ, долженствующій служить, повидимому, руководительною нормою для мышленія, самъ въ сущности не опредѣляетъ, чего онъ хочетъ, требуетъ отъ послѣдняго. Законъ противорѣчія запрещаетъ всякое соединеніе противорѣчивыхъ мыслей. Это ясное и опредѣленное требованіе. Но что значитъ: все должно быть мыслимо на достаточномъ основаніи? что значитъ здѣсь слово достаточный? Если оно понимается въ субъективномъ смыслѣ, то очевидно, законъ одобряетъ всякія галлюцинаціи и фантазіи, какія только могутъ придти въ голову человѣка, лишь бы онѣ казались ему достаточно обоснованными. Если же достаточность основанія понимается въ научномъ смыслѣ

—какъ бы объективная, то опять возникаютъ сомнѣнія: чѣмъ руководиться при обсужденіи, основана или не основана мысль, какіе признаки достаточности основанія и т. д. Вообще нѣтъ никакихъ побужденій помѣщать законъ достаточнаго основанія въ рядъ логически руководящихъ принциповъ.

Нарушенія логическихъ законовъ и способъ ихъ дѣйствованія. Логическіе законы, какъ и всякіе другіе законы, могутъ быть нарушаемы. Можно различать тонкое и грубое нарушеніе ихъ. Грубое нарушеніе бываетъ тогда, когда мышленіе прямо и непосредственно совершаетъ то, что запрещено законами: напр. если бы кто сталъ не соглашаться, что $2 \times 2 = 4$, или что двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, тотъ сталъ бы грубо нарушать законъ тожества; кто прямо приписывалъ бы одному и тому же предмету признаки, взаимно отрицающіе другъ друга, тотъ грубо нарушалъ бы законъ противорѣчія; если бы кто отказывался отъ утвердительнаго и отрицательнаго отвѣта на вопросъ, тотъ сталъ бы грубо нарушать законъ исключеннаго третьяго. Впрочемъ, подобнаго рода нарушенія совершаются только при какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствахъ: напр. они встрѣчаются въ рѣчахъ дѣтей, руководящихся болѣе смѣною представленій, чѣмъ логическими правилами, въ рѣчахъ сумашедшихъ и иногда въ сновидѣніяхъ. При нормально здоровомъ состояніи ума, такія грубыя нарушенія могутъ встрѣтиться только тогда, когда они оказываются полезными для какихъ-нибудь эгоистическихъ разсчетовъ. Но тонкія нарушенія законовъ совершаются легко и потому встрѣчаются часто: напр. въ своихъ длинныхъ рѣчахъ ораторы иногда противорѣчатъ самимъ себѣ, въ сочиненіяхъ встрѣчаются противорѣчія принципамъ, мнѣніямъ, въ нихъ же высказаннымъ, иногда отвѣтъ такъ замаскировывается множествомъ фразъ, что невозможно извлечь изъ него ни да ни нѣтъ. Тонкія нарушенія логическихъ законовъ встрѣчаются тамъ, гдѣ запрещаемое ими соединеніе мыслей совершается чрезъ длинный рядъ посредствующихъ мыслей. Къ нимъ мышленіе не такъ чувствительно, какъ къ прямымъ нарушеніямъ, и оттого, имѣя дѣло, напримѣръ, съ длинными доказательствами или развитіемъ ряда мыслей, нужно зорко блюсти за собою, чтобы не погрѣшить противъ логическихъ законовъ.

Указанные законы дѣйствуютъ безсознательно. Теоретически зная эти законы, мы не сознаемъ ихъ во время мышленія. Кто же постоянно думаетъ о нихъ во время произнесенія рѣчи или

писанія сочиненія? Если бы они постоянно сознавались нами, то, по всей вѣроятности, мысль о нихъ препятствовала бы свободѣ и легкости развитія мышленія. Можно сказать, что оттого мы и въ состояніи быстро и безпрепятственно мыслить, что не развлекаемся ни какою постороннею мыслію о законахъ. Такъ, ходящій по канату всего цѣлесообразнѣе пользуется своими мускулами, когда не развлекается мыслями о ихъ дѣйствованіи и законахъ равновѣсія. Но мысль о законахъ или, лучше сказать, сознаніе, что дѣлаемъ что-то невозможное, пробуждается всякій разъ, лишь только нарушаемъ сами или нарушаются въ нашемъ присутствіи законы мышленія. Поэтому ихъ сила сказывается даже въ самомъ простомъ, неразвитомъ человѣкѣ: ибо и онъ сознаетъ что-то неладное, когда встрѣчается съ какою-либо логическою безсмыслицею. Законы мышленія дѣйствуютъ въ насъ какъ и физіологическіе законы. Человѣкъ пьетъ, ѣстъ, ходитъ, уподобляетъ пищу; во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ управляется неизмѣнными законами, но присутствія ихъ въ себѣ не сознаетъ. Для открытія ихъ нужны опытъ и наблюденіе; да когда онъ и откроетъ ихъ, то это знаніе нисколько не улучшитъ его умѣнья совершать эти отправленія. Точно также человѣкъ образуетъ понятія, умозаключенія, дѣлаетъ индуктивные выводы, но можетъ не знать, что существуетъ законъ противорѣчія, или исключеннаго третьяго. И зная ихъ, онъ не будетъ все-таки сознавать ихъ во время самыхъ мыслительныхъ дѣйствій.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Представленіе.

Развитое мышленіе пользуется для своихъ цѣлей пріемами понятій, сужденій и умозаключеній. Но неужели логическая жизнь ума начинается съ того лишь времени, когда въ его дѣятельности являются эти пріемы? Развитой и вполнѣ сознательной дѣятельности предшествуетъ мало развитая и полусознательная и въ продолженіи ея полагаются первые зачатки и намѣчиваются первые слѣды путей будущаго вполнѣ логическаго мышленія. Мы должны теперь обратить вниманіе на первые шаги нашего мышленія, предшествующіе всякимъ другимъ и составляющіе первооснову, на которой развиваются всѣ другіе умственные пріемы. Таковою первоосновою служатъ, по нашему мнѣнію, представленія: ихъ образо-

ваніе, первые результаты сопоставленія и сравниванія ихъ суть несомнѣнные акты рефлексіи, имѣющіе важное значеніе для послѣдующаго сознательнаго логическаго мышленія.

*Образованіе конкретныхъ *) представленій.* Ихъ обыкновенно называютъ чувственными; они развиваются непосредственно изъ ощущеній. На основаніи того, что человѣкъ видитъ, слышитъ, обоняетъ, осязаетъ и т. д. душа составляетъ образъ предмета. Они касаются извѣстныхъ опредѣленныхъ предметовъ, отнюдь не видовъ, или классовъ. Конкретное представленіе касается не лица вообще, а одного извѣстнаго лица: ребенокъ представляетъ отца, мать и ничего незнаетъ о человѣкѣ вообще, знаетъ стулъ, столъ, стѣну, которая въ его комнатѣ и т. д.; конкретные образы его всегда опредѣленны и индивидуальны.

Называя конкретныя представленія *образами* предметовъ, мы употребляемъ не совсѣмъ точное выраженіе. Оно еще идетъ до нѣкоторой степени къ представленіямъ, возникшимъ изъ зрительныхъ ощущеній, но будетъ невѣрно и неясно относительно возникшихъ изъ слуховыхъ, вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній. Но въ упомянутомъ выраженіи есть черта, которая указываетъ намъ, въ чемъ состоитъ, въ сущности, логическое участіе ума въ образованіи представленій. Мы называемъ конкретныя представленія образами предметовъ. Дѣйствительно, конкретное представленіе всегда говоритъ намъ о предметѣ, относится къ какому либо предмету. Что же значитъ представлять что либо какъ предметъ? Значитъ, во 1-хъ, содержаніе представленія отдалять отъ себя, противополагать себѣ, разсматривать его какъ объектъ, могущій принимать различныя опредѣленія и характеризоваться различными чертами; во 2-хъ, мы разсматриваемъ представленіе какъ цѣлое, само по себѣ, самостоятельно сущее.

Этотъ фактъ, что въ представленіи мы мыслимъ предметъ какъ цѣлое, и ставимъ его предъ собою какъ бы въ отдаленіи, есть

---

*) Слово «конкретный» происходитъ отъ concresco, срастаться. Этимъ именемъ называются образы, въ которыхъ мы представляемъ признаки, части предмета, какъ нѣчто цѣлое, въ которомъ они срощены. Конкретный противополагается абстрактному, отвлеченному, т. е. тому, что отъ предмета умственно отдѣлено, отвлечено· напримѣръ, я представляю желтый столъ; это конкретный образъ: ибо желтизну я не отдѣляю отъ стола, а представляю ее въ немъ и съ нимъ; когда же я стану представлять желтый цвѣтъ вообще, то это будетъ представленіе абстрактное.

нѣчто новое, невыяснимое изъ однихъ ощущеній. Послѣднія сами по себѣ суть субъективныя наши состоянія и могутъ свидѣтельствовать только о происходящемъ внутри насъ, о томъ, что дѣлается съ нами, никакъ не о внѣшнихъ предметахъ. Притомъ, предмета, какъ чего то цѣлаго, мы не видимъ, не слышимъ, не обоняемъ, не осязаемъ: ощущенія отрывочны, идутъ отъ частей предмета, даются въ разное время; слѣдовательно, вещь, какъ цѣлое, недоступна для ощущенія и на основаніи его одного, не могла бы представляться какъ предметъ. Этотъ плюсъ въ познаніи противъ ощущеній, служащихъ ему основою, исходитъ отъ рефлексіи. Основою конкретныхъ представленій служатъ ощущенія, непрерывно продолжающіяся въ душѣ послѣ впечатлѣній отъ предметовъ; но что дѣлаетъ ихъ ассоціацію представленіемъ, такъ это мысль о ихъ цѣлостномъ единствѣ, ихъ предметномъ значеніи. Представленіе начинается въ моментъ, когда группа ощущеній, до того бывшая только собраніемъ субъективныхъ состояній, начинаетъ казаться субъекту предметнымъ цѣлымъ, внѣшнимъ для него. Умъ именно придаетъ ощущеніямъ значеніе предметовъ, по поводу ассоціировавшихся ощущеній развиваетъ мысль о нихъ, какъ цѣломъ, противополагая ихъ себѣ, какъ нѣчто внѣшнее.

Дальнѣйшею ступенью мыслительнаго развитія слѣдуетъ признать акты признанія представленій тожественными, сходными или различными, равно какъ образованіе различныхъ признаковъ относительно объема предметовъ и слѣдованія представленій одного за другимъ. Въ сущности, въ этотъ моментъ мышленія не развивается новыхъ образованій, но конкретные образы испытываютъ нѣкотораго рода измѣненія: они обогащаются рефлективными чертами, чѣмъ нѣсколько измѣняется ихъ чистая конкретность.

Конечно, первый изъ рефлективныхъ актовъ, логически и хронологически условливающій всѣ другіе, есть признаніе тожества между конкретными представленіями, возбуждаемыми въ насъ однимъ и тѣмъ же предметомъ. Безъ отожествленія ихъ, т. е. безъ признанія многихъ представленій, вызываемыхъ въ насъ въ разное время и при разныхъ обстоятельствахъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, тожественными, не мыслимы никакія дальнѣйшія умственныя дѣйствія, никакая мысль не имѣла бы устойчивости, ничего нельзя было бы сравнивать и сопоставлять, если бы всякій актъ представленія казался намъ новымъ фактомъ.

а) Когда умъ научился уже отожествлять свои представленія, онъ начинаетъ обращать вниманіе на сходство и противоположность предметовъ. Первая мысль о сходствѣ возникаетъ у ребенка тогда, когда онъ начинаетъ признаваться къ лицамъ, его окружающимъ. Постоянно видя одни и тѣже лица, онъ вскорѣ начинаетъ принимать ихъ за знакомыя и догадываться, что, смотря на нихъ въ разныя времена и видя ихъ въ различныхъ мѣстахъ, онъ все таки видитъ предъ собою одни и тѣже лица. Тоже самое происходитъ и при наблюденіи ребенкомъ другихъ окружающихъ его предметовъ. По всей вѣроятности, уподобленіе различныхъ предметовъ начинается съ отожествленія однихъ и тѣхъ же наблюдаемыхъ предметовъ. Затѣмъ, это отожествленіе распространяется и на другіе предметы, прежде всего на болѣе сходные, далѣе на менѣе похожіе другъ на друга. Наблюдая глазомъ нѣсколько стульевъ, дитя примѣчаетъ, что эти вещи ближе одна къ другой, чѣмъ столъ къ стулу, или ложки къ столу и т. д. Слѣдствіемъ этого сравниванія бываетъ то, что въ душѣ ребенка возникаютъ мысли о сходствѣ окружающихъ предметовъ, къ конкретнымъ образамъ присоединяется признакъ, котораго прежде въ нихъ не было; теперь они суть конкретные образы + черта сходства съ другими предметами. Одновременно съ уподобленіемъ предметовъ слѣдуетъ ихъ различеніе. Въ то время, какъ дитя находитъ, что одинъ стулъ, похожъ на другой, оно сознаетъ также, что столъ отличенъ отъ стула. Умѣя признаваться къ окружающимъ лицамъ, оно должно понимать, хотя смутно на первый разъ, что всякое новое невиданное имъ до того лицо отлично отъ окружающихъ знакомыхъ. Положимъ, оно еще не въ состояніи раздѣльно представить себѣ черты, въ которыхъ предметы различаются, но ясное и отчетливое знаніе пунктовъ различія, какъ и сходства предметовъ, есть дѣло позднѣйшаго и притомъ зрѣлаго развитія. И взрослый человѣкъ весьма часто довольствуется смутнымъ представленіемъ различія лицъ и предметовъ. И такъ, вслѣдстіе такого различенія, у ребенка возникаетъ еще одна подробность, присоединяемая какъ и признакъ сходства, къ конкретнымъ образамъ. Ребенокъ представляетъ образъ видѣннаго предмета съ дополненными лично отъ себя чертами сходства и различія.

Признаки сходства и различія несомнѣнно рефлективнаго происхожденія. По чрезвычайной быстротѣ, съ какою привычный глазъ въ короткое время успѣваетъ осмотрѣть группы вещей и съ какою въ нашей душѣ возникаютъ мысли о сходствѣ и различіи наблю-

даемыхъ предметовъ, можно бы было предполагать, что мы съ самыхъ предметовъ непосредственно беремъ упомянутыя черты, замѣчаемъ ихъ также, какъ цвѣта и фигуры предметовъ. Но всякая вещь сама по себѣ ни похожа, ни не похожа на другіе предметы; она существуетъ обособленно и самобытно и ей нѣтъ дѣла до того, въ какой формѣ существуютъ другія вещи. Крыша можетъ быть крута, краснаго цвѣта, состоять изъ желѣза и т. д. Гдѣ кроется въ ней самой то свойство ея, что она похожа на другую крышу, или не похожа на дерево? Это свойство, очевидно, находится не въ крышѣ, а оно возникло въ умѣ сравнивающаго наблюдателя. Только тогда, когда умъ послѣдняго сопоставилъ ее вмѣстѣ съ сосѣднею крышею, она *показалась* ему краснѣе или блѣднѣе послѣдней, подобною или не похожею на нее.

Возникновеніе этого мыслительнаго акта важно для нашего мышленія вообще. Мы можемъ считать его начальнымъ дѣйствіемъ всего, такъ называемаго, качественнаго мышленія. Что впослѣдствіи явится какъ различеніе подробностей въ предметахъ, дробленіе ихъ на составныя части и признаки, однимъ словомъ, что впослѣдствіи станетъ качественнымъ анализомъ *), того основы полагаются еще въ раннемъ дѣтствѣ, лишь только ребенокъ начнетъ признаваться къ окружающей обстановкѣ: ибо мыслительное дѣйствіе зрѣлаго различающаго и уподобляющаго ума, въ сущности, останется тѣмъ же, чѣмъ оно было въ дѣтствѣ. Оно возрастетъ въ силѣ, глубинѣ, объемѣ, подвижности и гибкости, будетъ слѣдовать улучшеннымъ пріемамъ, но суть его не измѣняется. Также точно, какъ ребенокъ, мы сопоставляемъ умственно, и безъ этого сопоставленія никакой блистательный умъ не въ состояніи замѣтить малѣйшую черту сходства или различія между предметами. Такъ же точно, какъ и ребенокъ, мы при сопоставленіи ихъ относимъ возникшую мысль о сходствѣ и различіи не къ себѣ, а къ предметамъ, и такимъ образомъ обогащаемъ прежнія свои представленія ихъ.

б) Рефлексія **) не ограничивается сопоставленіемъ предметовъ

---

*) Анализъ ἀναλύω разрѣшать, раздроблять, расчленять. Такъ называется умственный пріемъ расчлененія цѣлаго на его составныя части и подробности. О немъ будетъ рѣчь, когда мы займемся пріемами развитія мыслей.

**) Рефлексія (reflexio отъ слова reflecto, отражать) значитъ собственно отраженіе. Этимъ именемъ называется вообще размышленіе. Такое названіе мышленія образовалось путемъ аналогіи; въ природѣ есть свѣтъ прямой и отраженный, напр. солнечный и лунный; равно, есть знанія прямыя и вторичныя, состав-

въ отношеніи ихъ сходства и различія; она простирается и на ихъ сравнительную величину. Различеніе предметовъ по ихъ величинѣ возникаетъ, впрочемъ, довольно сложнымъ путемъ и потому является сравнительно поздно. Нельзя предполагать, чтобы мы сразу были въ состояніи видѣть, что одинъ предметъ больше или меньше другого. Ребенку на первое время не достаетъ мѣрки, по которой онъ могъ бы измѣрять предметы. По всей вѣроятности, начальнымъ пунктомъ, съ котораго мы отправляемся въ своихъ сужденіяхъ о величинѣ, служитъ наше тѣло, съ одной стороны, и мускульное напряженіе рукъ, съ другой. Дитя, хватаясь своими руками за предметы, замѣчаетъ, что одни изъ нихъ оно можетъ свободно сдвигать и подчинять своимъ рукамъ, тогда какъ другіе не поддаются его усиліямъ. Такъ какъ одновременно же оно дѣлаетъ наблюденіе зрѣніемъ и ощущенія зрѣнія соединяются съ ощущеніями мускульными, то оно замѣчаетъ, что при одномъ внѣшнемъ видѣ предметы удобоподвижны для рукъ, при другомъ нѣтъ. Такимъ образомъ, окружающія ребенка, вещи дѣлятся имъ на подвижныя и неподвижныя. Съ другой стороны, онъ невольно сравниваетъ вещи съ своимъ собственнымъ тѣломъ. Когда ноги его укрѣпятся такъ, что онъ въ состояніи подходить къ предметамъ, онъ начинаетъ сравнивать съ ними себя. Что менѣе его тѣла по величинѣ, то относится къ числу малыхъ предметовъ, что болѣе, то къ числу большихъ. Справедливость этого послѣдняго замѣчанія подтверждается тѣмъ, что мнѣнія о величинѣ тѣлъ мѣняются сообразно съ увеличеніемъ роста тѣла. Что намъ казалось огромнымъ въ дѣтскомъ возрастѣ, то кажется гораздо меньшимъ при полномъ возрастѣ. По всей вѣроятности, у людей большого и малаго роста представленія величины предметовъ далеко не одинаковы.

И эти признаки величины тѣлъ, относимые нами по общему закону къ самымъ предметамъ, несомнѣнно рефлективнаго происхожденія. Самъ по себѣ предметъ ни великъ ни малъ. Еслибы великость или малость его были въ немъ дѣйствительнымъ качествомъ, то онъ не могъ бы въ одномъ случаѣ быть большимъ, въ другомъ случаѣ малымъ. Между тѣмъ именно это и случается

ляющія какъ бы отраженія первыхъ: ощущеніе напр. есть знаніе первоначальное, понятіе (слѣдствіе обобщенія, отвлеченія) знаніе вторичное. Когда говорятъ «рефлективная область», это значитъ, область знаній, образовавшихся по поводу ощущеній, слѣдовательно, знаній какъ бы отраженныхъ. Рефлексія означаетъ собственно процессъ, чрезъ который получаются подобныя знанія.

съ предметами въ нашихъ глазахъ: сравнивая обыкновенный домъ съ дворцомъ, я нахожу его малымъ, — съ какою нибудь лачугой, онъ является большимъ. Каждая вещь, конечно, имѣетъ сама по себѣ абсолютный объемъ: въ силу этого объема, она занимаетъ свое мѣсто въ пространствѣ. Но намъ недоступно знаніе абсолютнаго объема. По относительному характеру человѣческаго знанія вообще, мы и здѣсь можемъ судить о величинѣ только по сравненію.

Первое сопоставленіе величинъ предметовъ важно для развитія нашего мышленія. Съ него начинается рефлексія о количественныхъ сторонахъ дѣйствительности. Съ одной стороны, отъ величинъ объемовъ предметовъ мы переходимъ къ степенямъ напряженія качествъ въ нихъ. Одинъ предметъ кажется намъ зеленѣе, краснѣе, солонѣе, слаще, звучнѣй, шероховатѣй и т. д., чѣмъ другой. Сначала мы опредѣляемъ эти степени напряженія (интенсивность) довольно грубо, руководясь показаніями своихъ неокрѣпшихъ чувствъ; потомъ, съ изощреніемъ послѣднихъ, наши представленія становятся въ этомъ отношеніи все точнѣй и точнѣй. На этой основѣ покоится огромная часть нашихъ знаній о предметахъ и ихъ свойствахъ. Съ другой стороны, съ укрѣпленіемъ нашей мыслительной силы, мы дѣлаемъ болѣе точное опредѣленіе того, въ какой мѣрѣ одинъ предметъ болѣе или менѣе другого. Начальныя дѣйствія нашего ума на этой почвѣ, конечно, не могутъ не быть грубыми и далекими отъ даже приблизительной точности. Но здѣсь уже мы можемъ замѣтить начатки того мышленія, которое въ полномъ развитіи получаетъ названіе математическаго. При сравненіи малаго предмета съ большимъ, мысль можетъ направляться или отъ большаго къ малому или отъ малаго къ большому. Въ послѣднемъ отношеніи мы приблизительно предполагаемъ, сколько еще подобныхъ предметовъ пришлось бы взять, чтобъ составить такой же большой предметъ: очевидно, это мыслительное дѣйствіе есть то самое, которое въ математикѣ называется дѣйствіемъ сложенія. Въ первомъ отношеніи мы представляемъ себѣ, сколько подобныхъ малыхъ предметовъ можно получить, если дробить большой предметъ: это есть дѣйствіе вычитанія, т. е. мы умственно вычитаемъ извѣстное число разъ меньшій предметъ изъ большаго. Но дѣйствія сложенія и вычитанія суть основныя математическія дѣйствія. Умноженіе и дѣленіе, возвышеніе въ степени и извлеченіе корней суть, въ сущности, сокращенныя сложеніе и вычитаніе. Такимъ образомъ весьма сложныя умственныя матема-

тическія дѣйствія возникаютъ изъ весьма элементарныхъ и невидныхъ попытокъ начинающаго мыслить ума. Когда ребенокъ первый разъ выпрямляетъ свой станъ и пытается сдѣлать на ровномъ полу нѣсколько шаговъ иногда безуспѣшно, можно ли, повидимому, думать, что это есть начало той мускульной дѣятельности, которая будетъ потомъ развиваться въ человѣкѣ, твердо ступающемъ по землѣ, бѣгающемъ, прыгающемъ, ходящемъ по канату, выполняющемъ самыя сложныя движенія? Между тѣмъ именно эти нерѣшительныя шаги суть начатки всякой мускульной дѣятельности. И когда математикъ въ цвѣтѣ силъ и въ полномъ обладаніи своими умственными способностями дѣлаетъ открытія въ высшихъ областяхъ математики, мы несомнѣнно можемъ предполагать, что основы этой блистательной дѣятельности заложены еще тогда, когда онъ, будучи ребенкомъ, думалъ надъ тѣмъ, во сколько разъ тѣла приблизительно больше или меньше другъ друга.

Наконецъ в) сравнительно позже, чѣмъ оба предыдущіе начатки рефлексіи, возникаетъ попытка замѣчать порядокъ между представленіями преемствъ въ явленіяхъ. Говоримъ — позже, ибо немалое время проходитъ, прежде нежели ребенокъ бываетъ въ состояніи запомнить порядокъ, въ какомъ смѣняются кругомъ его разныя событія и явленія. До того онъ живетъ однимъ только настоящимъ, наличною минутою, вовсе, впрочемъ, не думая, что оно настоящее. Съ того же момента, когда онъ въ состояніи обращать вниманіе на послѣдовательность событій (конечно, въ этомъ ему помогаетъ, такъ называемая, ассоціація представленій), онъ образуетъ новые признаки, которые имъ относятся къ самымъ предметамъ представленій. Одно онъ представляетъ, какъ предшествующее другому, другое, какъ слѣдующее за третьимъ, четвертое, какъ имѣющее повториться и т. п. Психологія указываетъ намъ, что это начало рефлексіи надъ порядкомъ представленій есть начало образованія представленій времени. Намъ, конечно, нѣтъ нужды здѣсь слѣдить за судьбою этой дѣятельности Для насъ важно съ логической точки зрѣнія, что здѣсь возникаетъ совершенно новый рядъ признаковъ въ представленіяхъ, которые сами по себѣ въ опытѣ не были даны, но составляютъ результатъ одной рефлексіи.

Что этотъ рядъ признаковъ не былъ данъ въ опытѣ, это легко можетъ быть доказано. Хотя мы и предполагаемъ преемство явленій въ природѣ, но преемства самаго по себѣ замѣтить невозможно. Природа имѣетъ дѣло только съ наличными фактами и явленіями.

Прошедшее уже потому не можетъ быть предметомъ наблюденія, что оно прошло, что его болѣе нѣтъ, и будущее также точно не можетъ быть наблюдаемо, потому что оно еще не совершилось. Слѣдовательно, изъ опыта мы получаемъ свѣдѣнія объ однихъ наличныхъ фактахъ. Только въ умѣ живого существа, одареннаго способностію сопоставлять свои наблюденія, можетъ возникать мысль о предшествованіи или слѣдованіи событій.

Важность мыслительной работы въ этомъ направленіи съ перваго же взгляда очевидна. Въ ней начатокъ, съ одной стороны, нашего историческаго мышленія, а съ другой — основа индуктивнаго. Конечно, если сравнить историка, вдумывающагося въ связь всемірныхъ событій или слѣдящаго за постепеннымъ нравственнымъ и политическимъ ростомъ народа, съ ребенкомъ, который замѣтилъ обѣденный порядокъ въ семействѣ, или сопоставить натуралиста, дѣлающаго открытіе связи причинъ въ сложномъ фактѣ, съ дитятей, который запомнилъ, что за обидой брата или сестры слѣдуетъ внушеніе или наказаніе, то покажется, что въ ихъ мышленіи нѣтъ ничего общаго. Но повторимъ здѣсь, что̀ мы уже замѣтили выше: кто бы могъ найти сходство между мускульною дѣятельностію Блондена, ходящаго по канату, и первыми попытками его же подняться на ноги на полу, когда онъ былъ ребенкомъ? Между тѣмъ несомнѣнно, что начало его искусства заключается въ тѣхъ первыхъ попыткахъ. Тоже самое и въ упомянутомъ случаѣ. Исторіи въ природѣ нѣтъ: тамъ одни наличные факты; нѣтъ исторіи и въ мірѣ животномъ. Одинъ только человѣкъ способенъ знать событія прошедшаго и отдавать въ нихъ отчетъ себѣ. Слѣдовательно, чтобъ объяснить появленіе такого факта, мы должны искать какихъ-нибудь особенностей въ человѣческомъ способѣ отношенія къ наблюдаемымъ явленіямъ. На первыхъ порахъ нашей дѣятельности эта особенность заключается въ рефлексіи надъ порядкомъ своихъ представленій о фактахъ. Не будь этого рода начатковъ рефлексіи, мы никогда не были бы въ состояніи взяться за обсужденіе связи фактовъ по времени, какъ не было бы въ насъ представленій самаго времени. И индуктивная дѣятельность ума начинается съ того же разсматриваемаго нами момента рефлексіи. Какъ мы увидимъ впослѣдствіи, понятіе причины и дѣйствія есть явленіе весьма поздней и зрѣлой рефлексіи. Прежде нежели мы начнемъ одно явленіе понимать какъ причину, другое какъ слѣдствіе, мы замѣчаемъ вообще порядокъ, въ какомъ событія слѣдутъ другъ за другомъ. Ребенокъ не знаетъ ни того, что такое

причина, ни что такое слѣдствіе: ему извѣстно только, что одни явленія слѣдуютъ другъ за другомъ, другія не слѣдуютъ. Значитъ, основою изученія причинъ въ событіяхъ служитъ рефлексія надъ порядкомъ смѣны ихъ, и такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ событіями непосредственно, а съ своими мыслями о нихъ или съ представленіями явленій, то начатковъ индуктивнаго мышленія нужно искать въ томъ же разсматриваемомъ нами фактѣ пробуждающейся рефлексіи. Мы увидимъ, что само понятіе причины и слѣдствія есть ничто иное, какъ понятіе неизмѣннаго предшествованія и слѣдованія одного явленія за другимъ.

Итакъ вслѣдъ за появленіемъ въ насъ чувственныхъ представленій пробуждается разнообразная рефлексія и замѣчаются основы почти всѣхъ наиболѣе важныхъ родовъ мышленія: качественнаго, количественнаго, историческаго и индуктивнаго. Какъ природа физическая начинаетъ съ простого, несложнаго по своему составу яйца, чтобъ изъ него возростить впослѣдствіи многосложный организмъ, такъ и психическая природа начинаетъ съ самыхъ элементарныхъ, немудрыхъ попытокъ, чтобъ потомъ на ихъ основѣ создать весьма сложные и многосторонніе пріемы и виды мышленія.

Слѣдствіемъ этой дѣятельности бываетъ то, что наши представленія, еще не теряя своего чувственнаго характера, получаютъ нѣсколько новый видъ: къ прежнему конкретному образу уже добавлены новыя черты, обозначающія сходство или несходство, величину, порядокъ слѣдованія представленій за другими. На этомъ дѣятельность ума, впрочемъ, не останавливается.

3. Какъ мы видѣли, въ основѣ упомянутыхъ трехъ мыслительныхъ дѣйствій лежало умственное сравниваніе, сопоставленіе наблюдаемыхъ предметовъ. Невозможно придти къ признаку сходства или несходства предметовъ, къ оцѣнкѣ ихъ относительной величины, къ мысли о порядкѣ ихъ, не сопоставляя умственно предметовъ. Это же сопоставленіе остается основою и дальнѣйшихъ мыслительныхъ дѣйствій духа. Продолжая сравнивать предметы между собою и находя, что между ними есть сходные, мы образуемъ новыя цѣлыя представленія. Немного окрѣпшій умъ ребенка поражается тѣмъ, что есть цѣлые ряды предметовъ, болѣе сходные между собою и менѣе сходные: онъ видитъ напр. человѣческія фигуры и находитъ ихъ подобными одна другой; онъ видитъ дома, деревья въ своемъ саду, лошадей, замѣчаетъ цвѣтныя поверхности, одинаковыя на разныхъ тѣлахъ. По поводу своихъ наблюденій, онъ образуетъ рядъ представленій общаго характера, относящихся

не къ одному предмету, какъ чувственныя, а къ цѣлымъ рядамъ вещей. Анализируя эту дѣятельность, мы видимъ, что она развивается въ слѣдующихъ трехъ направленіяхъ.

а) Вопервыхъ, по поводу предметовъ сходныхъ, мы образуемъ общія представленія, касающіяся *именно* рядовъ *предметовъ*. По поводу *видѣнныхъ* домовъ, въ умѣ ребенка образуется представленіе дома *вообще*, которое относится ко всѣмъ наблюденнымъ домамъ, но отнюдь не къ одному извѣстному, напримѣръ, обитаемому ребенкомъ дому. По поводу видѣнныхъ лошадей, у него возникаетъ образъ лошади вообще, который имѣетъ предметомъ своимъ не одно животное этого рода, а многихъ вообще замѣченныхъ имъ. Такимъ же точно образомъ возникаютъ общія представленія другихъ предметовъ, окружающихъ ребенка: стула, стола, стѣны, зеркала и т. д. Это общія представленія одного порядка.

б) Во вторыхъ, сравнивая предметы между собою, ребенокъ замѣчаетъ, что нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ сходные, почти одни и тѣ же признаки или свойства. Онъ замѣчаетъ, что многіе дома имѣютъ одинъ цвѣтъ, желтый или бѣлый или сѣрый, что человѣческія лица имѣютъ одинъ бѣлый цвѣтъ, что многіе предметы звучатъ одинаковымъ образомъ, что многія вещи гладки или шероховаты, солены, горьки на языкъ, пріятны на запахъ, причиняютъ боль и т. п. Обращая вниманіе на эти сходные признаки, часто встрѣчаясь съ ними въ своихъ наблюденіяхъ, онъ начинаетъ умственно выдѣлять ихъ отъ предметовъ, которымъ они принадлежатъ, и наконецъ представлять ихъ отдѣльно. Такимъ образомъ, возникаетъ въ немъ представленіе красноты, желтизны, тоновъ, шероховатости, солености, горечи и т. д. Эти представленія опять не относятся ни къ какому предмету въ отдѣльности, но содержаніемъ своимъ имѣютъ, качества отрѣшенныя отъ предметовъ. Они суть также общія представленія, но другого порядка, чѣмъ первыя.

в) Въ третьихъ, сопоставляя умственно предметы, мы замѣчаемъ въ нихъ измѣненія дѣятельности, также сходныя между собою. Ребенокъ видитъ, что ходитъ его няня, его мать, отецъ, и т. д.; послѣ многократныхъ наблюденій онъ пріучается наконецъ мыслить о томъ отдѣльно отъ предметовъ и образуетъ особое представленіе ходьбы. Онъ замѣчаетъ, положимъ, движущіеся предметы, скрипящія двери, стукающіе сапоги, качающіяся деревья, говорящихъ людей и т. д. Привыкая обращать вниманіе на явленія, совершающіяся въ предметахъ, онъ образуетъ отдѣльное представленіе о

каждомъ изъ этихъ дѣйствій. Этимъ путемъ образуются представленія измѣненій, дѣйствій или состояній въ предметахъ.

Разсмотрѣнные нами роды представленій называются *общими*. Это значитъ, что представленія не относятся исключительно къ какому нибудь частному предмету, но къ цѣлымъ родамъ ихъ. Въ дѣйствительности нѣтъ дома вообще, но есть извѣстное на своемъ мѣстѣ жилище съ извѣстною крышею, окнами и т. д. Нѣтъ человѣка вообще, но есть личность извѣстнаго роста, извѣстныхъ тѣлесныхъ и душевныхъ качествъ и т. п. Еще менѣе можно сказать, чтобъ въ природѣ существовали красный, зеленый цвѣта сами по себѣ или глупость, умъ и т. п., чтобы ходьба, скрипѣніе, говоръ означали также что либо самостоятельное, совершающееся независимо отъ существъ и предметовъ Общія представленія суть результатъ единственно нашего размышленія, рефлексіи.

Значеніе этого мыслительнаго дѣйствія важно въ томъ отношеніи, что оно знаменуетъ начало весьма важной дѣятельности мышленія, отвлеченія. Отвлеченіе (абстракція) означаетъ умственное отдѣленіе, выдѣленіе. Когда мы выдѣляли признаки или свойства, дѣятельности и измѣненія, совершающіяся въ предметахъ, отъ сихъ послѣднихъ и выдѣляя образовывали представленія, то въ сущности, мы совершали дѣйствіе отвлеченія. Оно правда весьма элементарно; никакихъ тонкостей абстрагирующаго ума мы въ немъ не замѣчаемъ. Но и здѣсь мы должны, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, видѣть примѣръ того, какъ самыя важныя отправленія духа начинаются съ самыхъ простыхъ и невидныхъ.

Для правильной оцѣнки упомянутыхъ общихъ представленій мы должны сдѣлать два слѣдующихъ замѣчанія. Во 1-хъ, они являются довольно поздно. Слѣды отвлеченія, обобщенія предметовъ можно открыть въ ребенкѣ неранѣе того времени, когда онъ начинаетъ связно говорить, и то, хотя онъ въ рѣчи своей и употребляетъ слова отвлеченнаго характера, позволительно сомнѣваться, чтобъ онъ придавалъ имъ тотъ же смыслъ, въ какомъ употребляетъ ихъ человѣкъ взрослый. Дѣйствительно, это дѣйствіе мысли предполагаетъ уже нѣсколько окрѣпшія силы и нѣкоторую привычку къ самодѣятельности, что сразу даться, конечно, не можетъ. Вовторыхъ, эти общія представленія носятъ на себѣ мѣстный случайный характеръ. Ихъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіями, о которыхъ у насъ будетъ рѣчь въ послѣдствіи. Общія представленія суть элементарныя попытки отвлеченія: на нихъ еще отражается конкретный характеръ матеріаловъ,

послужившихъ для нихъ поводомъ. Представленіе дома вообще, существующее у ребенка, образовано совершенно по типу окружающихъ его домовъ. Зато деревенскій ребенокъ, попадая въ городъ и видя дома изъ камня и большихъ размѣровъ, удивляется, что есть такого рода дома. Представленіе растенія, цвѣта тоже по формѣ своей зависитъ отъ тѣхъ экземпляровъ ихъ, какіе ребенокъ кругомъ себя видѣлъ. Посему на такихъ общихъ представленіяхъ отражаются условія мѣста, времени и обстоятельствъ, при которыхъ они образованы. Какъ мы потомъ увидимъ, въ понятіяхъ мы стремимся освободиться отъ этихъ ограниченій и до нѣкоторой степени въ томъ успѣваемъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Языкъ животныхъ и языкъ человѣка. Логическія услуги языка. Возраженія и ихъ рѣшеніе.

Теперь намъ слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію логическихъ пріемовъ, которые развиваются въ умѣ на основаніи указанныхъ логическихъ пріемовъ, этихъ постоянныхъ нормъ для всякого логическаго труда. Но прежде этого анализа мы должны сказать нѣсколько словъ по поводу вліянія языка на наше мышленіе. Это тѣмъ болѣе необходимо, что анализъ этого вліянія поможетъ намъ понять впослѣдствіи весьма многія явленія въ нашей логической жизни.

Языкъ, какъ средство обнаруженія внутреннихъ состояній души въ звукахъ, не есть отличительная принадлежность только одного человѣка. Животныя могутъ обнаруживать тѣми или другими звуками свое горе и радость, гнѣвъ и т. п. состоянія; они понимаютъ состоянія себѣ подобныхъ. Слѣдовательно, ихъ языкъ оказываетъ имъ, повидимому, такія же услуги, какъ и человѣческій — людямъ. И дѣйствительно, въ томъ, что касается до взаимнаго пониманія внутреннихъ состояній, до обнаруженія ихъ, то звуки, издаваемые животными, съ такимъ же правомъ могутъ быть названы языкомъ ихъ, какъ звуки, нами выговариваемые, называются языкомъ человѣческимъ. Но за видимымъ сходствомъ мы не должны забывать глубокаго различія между обоими упомянутыми языками. Особенности языка животнаго покажутъ намъ, почему такъ безмѣрно велика разность въ услугахъ, оказываемыхъ тѣмъ и другимъ языками умственному развитію существъ, ихъ употребляющихъ.

Вопервыхъ, языкъ животныхъ сравнительно бѣденъ членораздѣльными звуками. Если о животномъ царствѣ въ его совокупности можно сказать, что оно богато самыми разнообразными звуками, то никакъ нельзя тоже сказать о какомъ-либо животномъ индивидуумѣ. Съ одной стороны, его языкъ бѣденъ коренными или основными звуками, такъ что еслибы ему и была доступна комбинація ихъ, то она не могла бы быть слишкомъ разнообразна и богата новыми сочетаніями. Съ другой стороны, и это, по нашему мнѣнію, главное обстоятельство, животное неспособно выдѣлять отдѣльные чистые звуки изъ массы издаваемыхъ имъ обыкновенно вмѣстѣ, слитно, равно не въ состояніи и комбинировать ихъ въ болѣе сложныя сочетанія. Поэтому его языкъ не можетъ имѣть достаточной гибкости для выраженія разнообразныхъ внутреннихъ состояній. Животное имѣетъ представленія окружающихъ предметовъ, способно сочетавать ихъ по законамъ ассоціаціи, въ его нѣкоторыхъ искусныхъ дѣйствіяхъ мы можемъ предполагать нѣчто подобное нашимъ умозаключеніямъ, т. е. образованію выводовъ. Но тѣмъ неменѣе оно не имѣетъ средствъ для означенія въ подробности разнообразнаго міра явленій. Своими представленіями животное вызывается ко многимъ дѣйствіямъ, но оно неспособно изобрѣсть сочетаніе звуковъ, дабы назвать имъ представленіе, или самый предметъ его. Почему же спрашивается, міръ представленій не обнаруживается у животнаго въ звукахъ, тогда какъ непосредственныя и простыя движенія чувства его находятъ для себя выраженіе. Очевидно потому, что языку его не достаетъ для того гибкости. Неспособность комбинировать звуки заставляетъ животнаго ограничиться, такъ-сказать, элементарными звуками, слишкомъ грубыми и недостаточными, чтобы отражать оттѣнки часто капризнаго движенія и сочетанія представленій.

Поэтому, вовторыхъ, языкъ животнаго есть только физіологическое средство для выраженія внутреннихъ состояній, тогда какъ у человѣка онъ превращенъ въ логическое орудіе для удовлетворенія потребностей мышленія. Что собственно выражаетъ языкъ у животнаго? Мы уже сказали, что обширные ряды представленій не могутъ находить для себя выраженія въ чуждомъ всякой гибкости языкѣ животнаго. Только одни пріятныя или непріятныя состоянія, или, говоря психологическимъ языкомъ, только одна область чувствованій можетъ быть обозначаема имъ въ особыхъ звукахъ. Но какія при томъ состоянія? Самыя элементарныя, простыя: слишкомъ большая физическая боль, радость, печаль,

гнѣвъ. Можно съ увѣренностію предполагать, что отнюдь не всѣ чувствительныя состоянія животнаго обнаруживаются звуками, и что отнюдь не всѣ оттѣнки испытываемыхъ имъ чувствъ выражаются въ издаваемыхъ звукахъ. Поэтому языкъ животнаго есть просто физіологическое обнаруженіе душевныхъ состояній животнаго. Тѣ состоянія, которыя глубоко дѣйствуютъ на его мозгъ, нервы, выражаются извѣстными звуками помимо воли и даже сознанія его, т. е. его языкъ выражаетъ только тѣ состоянія, которыя, по глубокому своему воздѣйствію на организмъ, не могутъ не выражаться. Въ отсутствіи сознательности заключается одна изъ важнѣйшихъ причинъ безполезности языка животнаго для умственнаго его развитія.

Въ совершенно другомъ свѣтѣ представляется языкъ человѣческій, по его значенію для нашего общаго умственнаго и въ частности логическаго развитія. Великость этого значенія мы можемъ предположить уже a priori. Качество орудія, на которомъ упражняется впервые рука ремесленника, имѣетъ вліяніе на большее или меньшее развитіе въ рукѣ ловкости, способности къ тонкой или грубой работѣ, или говоря физіологическимъ языкомъ, обнаруживаетъ большое вліяніе на развитіе мускуловъ, упражняющихся въ работѣ. Грубое и тяжелое орудіе никогда не разовьетъ въ рукѣ способности къ тонкой и отчетливой работѣ. Тоже самое и въ отношеніи языка къ мышленію. Невозможно предположить, чтобы такое развитое, эластичное и вмѣстѣ способное безконечно видоизмѣняться, орудіе мышленія, какъ языкъ, могъ оставаться безъ всякого серіознаго и глубокаго вліянія на мысль. Неговоря о прямомъ вліяніи его, о которомъ мы скажемъ ниже, мы укажемъ теперь только на слѣдующія два обстоятельства. Вопервыхъ, онъ есть сознательное и послушное орудіе выраженія нашихъ мыслей. Языкъ человѣческій самъ по себѣ не особенно богатъ коренными, чистыми звуками. Но его гибкость обнаруживается особенно въ безграничной способности образовывать многоразличныя ихъ сочетанія. Мысль находитъ въ немъ неистощимый запасъ средствъ для своего выраженія. Всякая ясная и опредѣленная мысль легко выражается словомъ. Вовторыхъ, языкъ не есть собраніе только словъ, какъ звуковъ, но такъ какъ каждое слово въ немъ имѣетъ опредѣленный смыслъ, то онъ есть собраніе понятій. Мы уже сказали, что всякая опредѣленная мысль легко выражается словомъ. Каждое новое, добытое развитіемъ мысли, понятіе запечатлѣвается своимъ терминомъ. Исторія развитія извѣстнаго языка есть вмѣстѣ

съ тѣмъ исторія умственнаго развитія народа. Безъ всякого преувеличенія можно сказать, что языкъ есть живой сборникъ всего логическаго и умственнаго богатства, нажитаго народомъ въ извѣстный періодъ развитія. Сколько, слѣдовательно, косвеннаго вліянія на укрѣпленіе мысли долженъ имѣть языкъ!

Спеціальныя услуги мышленію со стороны языка могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ:

1. Языкъ содѣйствуетъ раздѣльности, ясности, точности и гибкости мысли.

Въ эпоху полнаго своего развитія человѣкъ обыкновенно при своемъ мышленіи употребляетъ слова. Слово, какъ внѣшняя оболочка мысли, такъ сростается съ нею, что намъ трудно теперь отдѣлить одно отъ другой. Когда мы соображаемъ что-либо про себя, мы думаемъ непремѣнно словами. Уже Платонъ называлъ мышленіе разговоромъ души съ самою собою. Но бываетъ мышленіе и безъ словъ: иногда случается, что не дается желанное выраженіе для мысли, что проходятъ въ душѣ какія-то неуловимыя для слова движенія мысли, для которыхъ нѣтъ опредѣленнаго выраженія въ языкѣ. Значитъ, есть мышленіе безъ словъ, значитъ, мысль можетъ быть отдѣлена отъ языка, хотя на практикѣ это отдѣленіе случается весьма рѣдко.

Чѣмъ же отличается мышленіе безъ словъ отъ мышленія словами? Отвѣтъ на это дастъ намъ отвѣтъ и на тотъ вопросъ, въ чемъ вообще заключается услуга, доставляемая языкомъ мышленію. Сопоставимъ оба случая. Иногда случается, что какія-то темныя и неопредѣленныя мысли бродятъ въ головѣ, но мы не понимаемъ ясно ихъ сущности, а только смутно чувствуемъ что-то. Съ ними сравнимъ теперь другія мысли, которыя отчетливо и ясно представляются намъ въ словахъ. Мы понимаемъ ихъ сами и въ состояніи также легко передать ихъ другимъ. Главный характеръ вѣрно выраженной мысли есть ея ясность, невыраженной — темнота, неопредѣленность. Таково различіе мысли безъ словъ и думаемой словами. Оно становится для насъ очевиднымъ изъ многихъ практическихъ случаевъ. Думая о чемъ-нибудь, мы часто смутно постигаемъ, что находимъ на слѣдъ порядочной мысли, но содержаніе ея остается темнымъ и какъ бы загадочнымъ. И вдругъ съ быстротою молніи она развертывается предъ нашими глазами,—это значитъ, она нашла себѣ выраженіе въ словѣ. Каждый знаетъ по собственному опыту, что вещь, имя которой мы знаемъ, легче нами запоминается, чѣмъ вещь безъ имени. Зная

человѣка въ лицо, но не зная его имени, мы чувствуемъ, что нашему знанію чего-то недостаетъ. И хотя имя въ этомъ случаѣ ничего не прибавляетъ къ нашему знанію, однако, оно прикрѣпляетъ къ одному твердому и опредѣленному пункту нашу мысль.

Этотъ фактъ прикрѣпленія мысли такъ любопытенъ, что на немъ мы нѣсколько остановимся. Душевныя явленія соединяются одно съ другимъ по закону ассоціаціи. Но тому же закону подчинено наше слово и соотвѣтствующая ему мысль. Они вступаютъ въ союзъ по способу смежности и здѣсь-то обнаруживается явленіе, не рѣдкое, впрочемъ, въ исторіи душевныхъ ассоціацій: неопредѣлившееся и какъ-бы колеблющееся въ своемъ значеніи представленіе, присоединяясь къ ясному и окончательно опредѣлившемуся образу, само становится опредѣленнымъ. Слово, взятое изъ сложившагося уже языка, имѣетъ въ себѣ двѣ весьма опредѣленныя стороны: вопервыхъ, въ звуковомъ отношеніи оно уже сложилось и получило точную физіономію, вовторыхъ, въ интеллектуальномъ — оно получило въ устахъ народа точный смыслъ, не подлежащій колебаніямъ и вліяніямъ произвола мыслителя. Присоединяясь къ слову, мысль сразу получаетъ рѣзкую и опредѣленную физіономію, дѣлается устойчивою и пріобрѣтаетъ, слѣдовательно, драгоцѣнныя логическія свойства. Вмѣстѣ съ тѣмъ она становится гибкою въ той мѣрѣ, въ какой гибокъ и самъ языкъ. Богатство оттѣнковъ въ словахъ, тонкость ихъ становится достояніемъ мысли и они не погибаютъ въ неопредѣленномъ туманѣ, какъ это было бы, еслибы мы мыслили безъ словъ.

2) Языкъ оказываетъ прямую услугу логическому мышленію тѣмъ, что для его сравненій и уподобленій даетъ обширный матеріалъ. Слова, какъ извѣстно, имѣютъ общее значеніе и служатъ именами для многихъ предметовъ; особенно же обширенъ кругъ приложенія именъ, имѣющихъ общее или родовое значеніе. Произнося имя и представляя предметъ, названный имъ, мы даемъ поводъ образоваться ассоціаціи по смежности между представленіемъ извѣстнаго слова и представленіемъ предмета. Когда имя имѣетъ общій характеръ и идетъ ко многимъ предметамъ, то представляя себѣ каждый изъ этихъ предметовъ и называя его, мы образуемъ ассоціацію между все однимъ и тѣмъ же именемъ и каждымъ предметомъ. Такія ассоціаціи образуются независимо одна отъ другой въ разныя времена, при различныхъ обстоятельствахъ. Наглядно эти ассоціаціи можно представить себѣ слѣдующимъ образомъ: назовемъ общее имя А, предметы, къ которымъ прида-

гается, b, c, d, e; въ разное время возникаютъ ассоціаціи Ab, Ac, Ad, Ae; онѣ могутъ нѣкоторое время быть независимыми, самостоятельными одна по отношенію къ другой и не состоять ни въ какихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Какъ скоро представилось уму общее имя, вслѣдъ за нимъ по закону смежности должны представляться и предметы, съ представленіями которыхъ оно сочеталось; возбудилось въ сознаніи A, за нимъ должны оживляться представленія b, c, d. e. Но эти b c d e суть сходныя представленія. Такимъ образомъ, при помощи имени, мы оказываемся въ состояніи переходить отъ одного предмета къ другому.

Анализируя какой-либо предметъ и умственно бесѣдуя о немъ съ самимъ собою, мы, чрезъ названіе его, свойствъ, дѣятельности, вызываемъ въ своей памяти всѣ другіе подобные предметы, сходныя свойства, дѣятельности и умственно собираемъ матеріалъ для обобщеній и выводовъ. Если память даетъ мышленію вообще богатый матеріалъ для логическихъ построеній, то это вслѣдствіе услугъ языка, дѣйствующаго чрезъ законъ смежности. Если бы человѣкъ необладалъ языкомъ, его мышленіе не имѣло бы и сотой доли столь широкой и разнообразной помощи памяти, какую имѣетъ теперь. Вотъ почему люди всегда инстинктивно понимали громадность услугъ, оказываемыхъ имъ для нашей интеллектуальной жизни. Съ помощію языка и закона памяти мы, при обдумываніи вопроса и анализѣ предмета, какъ бы перебираемъ въ различныхъ направленіяхъ весь запасъ своихъ представленій и понятій. Названіе предмета напоминаетъ намъ многіе сходные предметы, имѣющіе тоже родовое и видовое названіе; останавливаясь умственно на свойствѣ и дѣятельности предмета, мы чрезъ имена ихъ припоминаемъ другія подобныя дѣятельности, свойства, могущія встрѣчаться въ самыхъ разнообразныхъ предметахъ; сосредоточившись на одномъ изъ нихъ, мы чрезъ его имя вызываемъ въ себѣ также именуемыя представленія, снова можемъ сосредоточиваться на какой либо чертѣ одного изъ нихъ и чрезъ названіе вызвать въ воспоминаніи другія дѣятельности, еще разъ обратиться къ предметамъ и т. д.

Такимъ образомъ языкъ въ своихъ именахъ заключаетъ результатъ обширной умственной работы предшествующихъ поколѣній, съ трудомъ сопоставлявшихъ и уподоблявшихъ предметы и запечатлѣвавшихъ ряды ихъ однимъ именемъ. Наша логическая работа совершается въ большинствѣ случаевъ на основѣ этой, уже сдѣланной работы.

3. Вникнемъ въ самый составъ языка и мы увидимъ, что въ немъ уже проявляется логическая работа, подготовительная для всего послѣдующаго мышленія. Языкъ не есть только собраніе членораздѣльныхъ звуковъ. Онъ есть своего рода многочленный организмъ, создающійся необходимо подъ вліяніемъ психическихъ и физическихъ особенностей народа, среди котораго является и развивается. И не по произволу мы пользуемся имъ, какъ орудіемъ для выраженія своихъ мыслей. Дитя беретъ уже готовыя сложившіяся слова и даже научается говорить прежде, чѣмъ логически мыслить. На второмъ и третьемъ году дитя начинаетъ употреблять слова и предложенія, и ими единственно исчерпывается логическая доступная ему въ это время работа.

Языкъ такъ много обнаруживаетъ логическихъ свойствъ, что его можно признать за логическій организмъ. Съ тѣхъ поръ, какъ дитя впервые произнесло слова, предложеніе, оно до нѣкоторой степени становится причастнымъ логическому духу, обнаруживающемуся въ языкѣ, той логической работѣ, которая положена народомъ на его образованіе и развитіе.

Есть нѣчто общее въ той группѣ языковъ, къ которой принадлежатъ европейскіе языки: это общее состоитъ въ организмѣ ихъ, или логической сторонѣ ихъ. Мы разумѣемъ здѣсь части рѣчи,—именно грамматическія, которыя могутъ быть различаемы одна отъ другой нетолько по звуковымъ особенностямъ, напр. окончаніямъ, но и по внутреннему смыслу, по той формѣ, въ какой посредствомъ ихъ мы представляемъ себѣ содержаніе. Конечно, не окончанія и приставные звуки создали различіе существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ, а потому и явились различныя части рѣчи, что потребовалось въ звуковой формѣ выразить различные логическіе оттѣнки мысли. Мысль опредѣляла собою скелетъ языка, хотя звуковыя подробности зависѣли отъ другихъ причинъ. Эта логическая сторона сближаетъ языки разныхъ народовъ, и благодаря ей, мы изученіемъ родного языка открываемъ себѣ доступъ къ пониманію строя языковъ европейскихъ.)

Все богатство словъ въ языкѣ раздѣляется на извѣстныя группы, роды словъ, и каждая изъ нихъ выражаетъ особое отношеніе лица (субъекта) къ впечатлѣніямъ: ибо несомнѣнно, что въ имени существительномъ мысль иначе относится къ выраженному предмету, чѣмъ въ имени прилагательномъ, въ глаголѣ мы иной обнаруживаемъ взглядъ на него, чѣмъ въ существительномъ и прила-

гательномъ. Въ nomina substantiva мысль обозначаетъ нѣчто самостоятельное, какъ бы центръ, въ которомъ сосредоточиваются явленія, откуда исходятъ дѣйствія, или которымъ испытываются вліянія: наприм. металлъ, дерево. До такой степени связывается съ nomen substantivum идея самостоятельности предмета, имъ обозначаемаго, что даже въ абстрактныя существительныя (образовавшіяся изъ глаголовъ и прилагательныхъ) мы вносимъ ее, чѣмъ и объясняются, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, многія ошибки мышленія. Мы говоримъ: красота. болѣзненность, суровость, острота, благоговѣніе, терпѣніе, стараніе. мышленіе — и невольно разсматриваемъ ихъ, какъ явленія сами по себѣ, по крайней мѣрѣ трактуемъ ихъ логически, какъ нѣчто самостоятельное. Въ именахъ прилагательныхъ выражаемъ modus воззрѣнія, противуположный обнаруживаемому въ существительныхъ. Первыми мы обозначаемъ нѣчто такое, что несамостоятельно, что можетъ существовать только съ другимъ, быть прилагаемымъ къ другому устойчивому центру: наприм. красный, зеленый, умный, вѣковой и т. д Nomina adjectiva выражаютъ качества, свойства и какъ свойство или качество не можетъ существовать безъ того, что носитъ въ себѣ ихъ, такъ имя прилагательное само по себѣ не имѣетъ смысла безъ имени существительнаго. Еще новая точка зрѣнія, отличная отъ обѣихъ предшествовавшихъ, выражается въ глаголѣ. Имъ обозначается отношеніе одного предмета, свойства къ другому предмету, свойству, способъ качественнаго или количественнаго измѣненія въ предметѣ или свойствѣ. Остальныя части рѣчи или суть видоизмѣненія основныхъ трехъ частей рѣчи, какъ напр. мѣстоимѣнія, причастія, или дополняютъ ихъ въ какихъ-либо отношеніяхъ, какъ напр. числительныя, нарѣчія, предлоги и союзы.

Эти части рѣчи составляютъ въ языкѣ то же, что нервы въ организмѣ. Онѣ созданы духовными силами народовъ, говорящихъ языками относящейся сюда группы. Дитя, пріучаясь правильно употреблять ихъ, перенимаетъ внутреннюю сторону языка и такимъ образомъ вводится въ кругъ логическихъ взглядовъ, въ различные способы обозначенія окружающихъ его впѣчатлѣній: онъ начинаетъ уже логически работать.

Противъ того, что мы сказали о частяхъ рѣчи какъ логическихъ пріемахъ обозначенія впѣчатлѣній, намъ могутъ возразить, что не во всѣхъ языкахъ встрѣчаются развитыя формы substantivum, adjectivum и verbum. Существующіе языки раздѣляются на три

группы [1]). 1) Языки флективные. Къ этой группѣ принадлежатъ языки семитическіе и индогерманскіе. Въ этихъ языкахъ мы встрѣчаемъ формы частей рѣчи и къ нимъ можетъ идти все сказанное нами о логическомъ значеніи языка. Но, повидимому, сказаннаго нельзя прилагать къ остальнымъ двумъ группамъ языковъ. 2) Языки приставные. Къ этой группѣ принадлежатъ языки малайскихъ, тюркскихъ племенъ и американскихъ индѣйцевъ. Въ нихъ мы уже не встрѣчаемъ частей рѣчи, а чтобы выразить различіе получаемыхъ и мыслимыхъ впечатлѣній, они прибѣгаютъ къ склейкѣ словъ (оттого и называются Linguae agglutinantes—языки склеивающіе), употребляя для того извѣстные слоги или звуки. Вмѣсто нашего предложенія у нихъ употребляется нѣсколько словъ, склеенныхъ въ одно. 3) Языки корневые. Представителемъ ихъ служитъ языкъ китайскій. Въ немъ существуютъ корневые звуки, получающіе различное значеніе отъ занимаемаго ими мѣста между другими звуками; каждый корневый слогъ можетъ получить различный смыслъ, смотря по занимаемому имъ мѣсту и оттого зависитъ трудность полнаго изученія этого языка.

Итакъ въ послѣднихъ двухъ группахъ нѣтъ ничего похожаго на наши части рѣчи и оттого можетъ казаться, что логическое значеніе языка въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаемъ, можетъ быть признано не за всѣми языками, а только за принадлежащими къ нашей индоевропейской группѣ. Но словоразмѣщеніе въ третьей группѣ и склейка словъ во второй, очевидно, имѣютъ свое значеніе для логическаго развитія китайца и туранца. Для нихъ они суть первые пріемы обозначенія различныхъ отношеній къ впечатлѣніямъ и научаясь правильно пользоваться ими, они учатся логически связывать впечатлѣнія. Съ другой стороны, нѣтъ основанія не указывать логическаго значенія языка, потому только что оно не можетъ быть въ одинаковой мѣрѣ приписано всѣмъ группамъ. Достаточно, что та группа, на которой говоритъ образованнѣйшая часть человѣчества, обнаруживаетъ своими частями рѣчи огромное вліяніе на логическое развитіе европейцевъ. Вѣдь мы учимся мыслить не на языкѣ малайскомъ, а одномъ изъ индоевропейскихъ языковъ. Еслибы намъ держаться того принципа, что мы должны упоминать о тѣхъ только способахъ логическаго мышленія, которые встрѣчаются у всѣхъ народовъ земнаго шара,

[1]) Такъ раздѣляетъ ихъ извѣстный Максъ Миллеръ. См. Лекціи по наукѣ о языкѣ. 1885. стр. 218.

то намъ не пришлось бы говорить ни объ индуктивныхъ, ни дедуктивныхъ пріемахъ.

Второе возраженіе основывается на томъ, что языкъ усвоивается нами безсознательно. Мы не помнимъ того момента, когда начали говорить, связывать одно слово съ другимъ. Слѣдовательно, языкъ усвоивался нами тогда, когда мы не жили еще логическою жизнію. Какимъ же образомъ, спрашивается, можно приписывать ему логическое значеніе для нашего мышленія? Это возраженіе можетъ быть опровергнуто слѣдующимъ образомъ. Не все то, что дѣйствуетъ на насъ незамѣтно, не все, къ чему мы относимся безсознательно, eo ipso, не имѣетъ для насъ значенія. Мы не знаемъ, когда въ первый разъ мы подумали о домѣ, о цвѣтѣ, когда, слѣдовательно, возникли эти первыя общія представленія. Но отсюда не слѣдуетъ, что они не имѣютъ для насъ логическаго значенія. И вообще наше мышленіе въ своемъ развитіи и пріемахъ отнюдь не всегда сопровождается сознаніемъ. Но логическіе законы тѣмъ не менѣе дѣйствуютъ и простой крестьянинъ также безсознательно боится противорѣчій, какъ и образованный человѣкъ. Станемъ ли изъ-за того отрицать дѣйствіе закона противорѣчія?

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Элементарные логическіе пріемы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Понятія.

Займемся теперь элементарными логическими пріемами. Обратимся прежде всего къ тому, который лежитъ отчасти въ основѣ силлогизмовъ и многихъ нашихъ сужденій — именно къ понятію.

Опредѣленіе понятія. Что такое понятіе? Что мы разумѣемъ подъ нимъ? Мы говоримъ о нѣкоторыхъ людяхъ: они не свѣдущи, не имѣютъ понятія о томъ, что говорятъ, или имѣютъ превратное понятіе о вещахъ, они должны пріобрѣтать вѣрныя о нихъ понятія. Мы разумѣемъ въ этихъ случаяхъ, что понятіе есть именно то, что *должно* быть мыслимо о предметѣ, когда его имя произносится или мыслится. Это ‹*должно*› указываетъ на обязательность для всѣхъ какого то мыслимаго содержанія и на неизмѣнность мыслительнаго образа, долженствующаго у всѣхъ быть однимъ и тѣмъ же. Мы говоримъ, что правильное понятіе логики непремѣнно предполагаетъ такую мысль о ней, которая обязательна не для насъ только лично, но для всякого, кто съ нею желаетъ знакомиться, и которая вполнѣ соотвѣтствуетъ самому содержанію ея. Понятіе о Несторовой лѣтописи есть такой взглядъ на нее, который исчерпываетъ существенныя черты, важность ея, степень достовѣрности, составъ и т. д. Понятіе, слѣдовательно, должно быть мыслію о предметѣ, болѣе или менѣе его исчерпывающею.

Но какимъ образомъ возможно исчерпывать содержаніе предмета и что значитъ это выраженіе? Очевидно, что эту именно черту понятія мы подразумѣваемъ, когда говоримъ, что понятіе знакомитъ насъ съ тѣмъ въ предметѣ, что должно быть въ немъ мыслимо. Попытаемся опредѣлить его глубже.

Въ предметахъ есть измѣняющіяся и неизмѣнныя стороны. Первыя могутъ возникать случайно: напр. сѣрый цвѣтъ листьевъ на деревьяхъ, стоящихъ около дороги, можетъ зависѣть отъ пыли, густо на нихъ насѣвшей. Сѣрый цвѣтъ ихъ будетъ, очевидно, совершенно случайнымъ признакомъ; также случайно дерево можетъ быть искривлено, имѣть невысокій ростъ. Еслибы подобные признаки мы стали собирать въ одно умственное цѣлое, то ни какого понятія о деревѣ не сообщили бы. Не это должно быть мыслимо, когда мы хотимъ понять его. Или, сужденія могутъ быть не вѣрны или вѣрны, нравственны или безнравственны; но не объ этихъ случайныхъ качествахъ мы должны думать, когда желаемъ составить логическое понятіе о сужденіи. Въ этихъ случаяхъ мы должны мыслить то, что есть неизмѣннаго въ предметѣ, всюду за нимъ слѣдующаго. Такъ, зеленый цвѣтъ деревьевъ,—признакъ неизмѣнно повторяющійся въ большинствѣ ихъ, долженъ быть воспринятъ въ понятіе дерева. Слѣдовательно, первое, что должно быть мыслимо въ понятіи. есть неизмѣнные признаки предметовъ.

Но неизмѣнные признаки, хотя и всюду слѣдуютъ за предметомъ, исчерпывать его не могутъ. Они могутъ не имѣть, по крайней мѣрѣ видимо, непосредственнаго отношенія къ самой природѣ предмета: напр. сужденіе можетъ быть или вѣрнымъ или ложнымъ. признакъ этотъ неизмѣнно слѣдуетъ за нимъ, но къ самой природѣ его, какъ логическаго пріема, онъ не имѣетъ прямого отношенія; и ложное сужденіе есть также сужденіе, какъ и вѣрное, и, указавъ такой признакъ, мы отнюдь не дадимъ настоящаго о немъ понятія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ неизмѣнные признаки совпадаютъ съ существенными, но иногда и не совпадаютъ: напр. зеленый неизмѣнный цвѣтъ деревьевъ возникаетъ изъ физіологическихъ отправленій листьевъ, слѣдовательно, связанъ съ самою ириродою ихъ; но въ сужденіи наприм. вышеуказанный неизмѣнный признакъ (истинность или ложность) неизмѣненъ, но несущественъ. Особенно въ предметахъ индивидуальныхъ неизмѣнные признаки въ общемъ значеніи этого слова и не могутъ быть находимы. Матовый цвѣтъ лица неизмѣнно отличаетъ нѣкоторыхъ

людей, но внести его въ понятіе личности не значитъ указать существенную черту предмета. Столъ можетъ быть неизмѣнно желтымъ, но желтизна не имѣетъ ни какого отношенія къ самой природѣ его; не этою чертою онъ отличается наприм. отъ стула, двери и т. п. Машина на фабрикѣ можетъ неизмѣнно работать на одномъ мѣстѣ, но пребываніе въ извѣстномъ мѣстѣ не имѣетъ отношенія къ самой сущности ея. Слѣдовательно, имѣя въ виду неизмѣнные признаки, необходимо дополнять понятіе еще существенными, которые до такой степени связаны съ предметомъ, что безъ нихъ онъ не будетъ тѣмъ, что онъ есть. Дать понятіе о логикѣ — значитъ указать на существенное, чѣмъ она занимается: именно разсмотрѣніе мыслительныхъ пріемовъ сравниванія, критики и обосновыванія. Сообщить понятіе о лѣтописи Нестора — значитъ указать составъ ея, источники, откуда почерпались составителемъ свѣдѣнія, отношеніе сказателя къ событіямъ, свидѣтелемъ которыхъ онъ былъ, т. е. собрать все существенное, чѣмъ характеризуется эта лѣтопись и безъ чего она не была бы такою, какою знаетъ ее исторія. Сообщить понятіе о сужденіи—значитъ указать такую существенную черту, безъ которой оно не будетъ сужденіемъ. Значитъ второе, что должно быть мыслимо въ понятіи, есть существенные признаки предметовъ.

Но какъ различить существенные признаки отъ несущественныхъ и чѣмъ руководиться при этомъ различеніи? Конечно, можно бъ было отвѣтить, что таковы общіе признаки, тѣ, которые роднятъ предметъ со многими другими. И дѣйствительно, признаки, характеризующіе его, какъ видъ извѣстнаго рода, или какъ разновидность вида, указываютъ на существенныя стороны его и не могутъ быть обойдены при составленіи понятія о немъ. Но во 1-хъ, общіе признаки умѣстны въ томъ понятіи, которое составляется о вещи, какъ членѣ извѣстнаго класса, рода, вида и т. под., но не они одни требуются, когда намъ нужно познать предметъ, не по скольку онъ есть видъ какого нибудь рода, а по скольку онъ такой, а не другой, конкретный, индивидуальный предметъ. Во 2-хъ, признакъ можетъ общъ, но вовсе не существенный: напримѣръ, бѣлый цвѣтъ встрѣчается въ снѣгѣ, человѣческомъ лицѣ, свинцовыхъ бѣлилахъ и т. д. но можно ли назвать его существеннымъ? Онъ можетъ быть совершенно случайнымъ качествомъ и теряя его, предметъ можетъ оставаться тѣмъ, что онъ есть по своей сущности: грязный снѣгъ есть всё таки снѣгъ; одинаковый костюмъ могутъ носить лица различныхъ классовъ, слѣдуетъ ли

отсюда, что такой общій признакъ есть существенный? Поэтому общій характеръ признака не всегда ручается за его существенность и необходимо дѣлать между различными общими признаками выборъ: только тѣ общіе признаки существенны, которые означаютъ принадлежность предмета къ классу, виду, роду. Такимъ образомъ въ 3-хъ, оказывается, что руководиться при выборѣ существенныхъ признаковъ ихъ общностію уже потому не удобно, что послѣдняя можетъ только тогда служить руководствомъ въ выборѣ признаковъ, когда мы убѣдимся въ принадлежности ихъ къ цѣлому классу или виду. Это слишкомъ тяжелое условіе, предполагающее, что у насъ уже готово понятіе цѣлаго класса, или рода: ибо только въ свѣтѣ этого понятія можно видѣть, какіе изъ признаковъ предмета означаютъ его принадлежность къ виду. Но что дѣлать въ тѣхъ случаяхъ, когда такого понятія еще нѣтъ и его слѣдуетъ еще искать? да и какъ обязывать познающаго субъекта имѣть понятіе общее, слѣдовательно, болѣе трудное, прежде понятія частнаго, или индивидуальнаго?

До сего пункта мы мало узнали, что собственно должно быть мыслимо въ понятіи: ибо, хотя и нашли, что въ немъ должны быть собраны неизмѣнные, существенные и общіе признаки, но оказывается еще неизвѣстнымъ, что собственно считать существенными признаками. И положимъ, мы найдемъ всѣ эти признаки, неизмѣнные, существенные и общіе, составится ли изъ нихъ понятіе о *предметѣ*. Предметъ вообще не есть только сочетаніе признаковъ и при томъ берущихся, какъ бываетъ въ понятіи, абстрактно; онъ есть цѣлое, имѣющее части, и во многихъ случаяхъ весьма неравныя: напримѣръ, организмъ. Признаки могутъ указать, чѣмъ предметъ роднится съ другими вещами, чѣмъ различается, части могутъ указать, что получается изъ объема предмета путемъ дѣленія, или расчлененія. Но изъ нихъ мы ничего не узнаемъ о предметѣ, какъ цѣломъ, почему онъ такой, а не другой, почему такое, а не другое въ немъ распредѣленіе частей, почему и самые признаки распредѣлены въ немъ такъ, а не иначе. Не тотъ составитъ надлежащее понятіе о машинѣ, положимъ, парохода, кто узнаетъ, что она изъ стали, стоитъ на извѣстномъ мѣстѣ, что въ ней есть такія то и такой то величины движущіяся части, такой то объемъ, но тотъ, кто знаетъ внутреннее соотношеніе частей, ихъ взаимозависимость, или лучше законъ, какъ бы внутреннюю норму, опредѣляющую, почему машина должна имѣть такое, а не другое строеніе, такіе, а не другіе признаки. Такое понятіе можетъ явиться

только у человѣка, имѣющаго знаніе физики, той, по крайней мѣрѣ, части ея, которая трактуетъ о строеніи паровыхъ машинъ. Кто понимаетъ произведеніе искусства, картину, статую? только тотъ, кто схватываетъ мысль, идею картины или статуи, какъ внутреннюю законодательную форму, опредѣлившую всѣ детали ихъ, распредѣленіе подробностей въ нихъ и т. д. Понятіе о животномъ, растеніи, всякомъ вообще предметѣ должно быть мыслію именно о внутренней формѣ ихъ, какъ законодательной нормѣ, опредѣляющей ихъ внутренній строй, расположеніе частей, величину каждой изъ нихъ, — почему одни признаки измѣнчивы, другіе неизмѣнны, одни существенны, другіе не существенны и т. д.

Но что же это такое внутренняя форма, какъ законодательная норма предмета, объясняющая, почему предметъ такой, а не другой, и почему онъ отличается извѣстнымъ образомъ отъ другихъ предметовъ? Это есть то, что называется идеею предмета. Понятіе должно быть мыслію, исчерпывающею ее. Для разъясненія отношеній между ними остановимся на различіи ихъ.

1) Идею мы представляемъ предшествующею бытію вещи, тогда какъ понятіе слѣдуетъ за бытіемъ. Первая имѣетъ prius предъ бытіемъ, понятіе posterius его. Относительно предметовъ, образуемыхъ искусствомъ или техникою и вообще создаваемыхъ дѣятельностію человѣка, слѣдуетъ безусловно сказать, что идеи предваряютъ бытіе ихъ. Идеи стола, дома, и т. д. предшествуютъ въ умѣ столяра, архитектора существованію ихъ; идеи художественныхъ типовъ предваряютъ осуществленіе ихъ въ литературѣ, скульптурѣ, живописи. Не допуская случайности въ строѣ міра и происхожденіи вещей, мы предполагаемъ, что онѣ явились потому, что такое, а не другое содержаніе ихъ и цѣлаго міра условливалось ихъ идеями: реальность со всѣмъ ея разнообразіемъ есть только осуществленіе идей. Говоря о prius ихъ предъ бытіемъ, мы не разумѣемъ непремѣнно предвареніе по времени: относительно человѣческихъ идей, конечно, умѣстно говорить о временномъ предвареніи, но относительно творческихъ въ природѣ можно предполагать только логическое prius. Понятіе же является по поводу даннаго уже бытія. Къ тому, что существуетъ, мы приникаемъ своею рефлексіей, сравниваемъ, расчленяемъ, обобщаемъ данное въ опытѣ и наблюденіи, стремимся образовать, какъ намъ кажется, копіи сущаго.

2) На вопросъ, что же должно подразумѣвать подъ идеями, мы должны отвѣтить, что онѣ суть внутреннія формы вещей, объ-

ективныя законодательныя нормы, опредѣляющія бытіе ихъ, почему онѣ такія, а не другія, почему такъ, а не иначе различаются отъ другихъ вещей. Внутренняя форма вещей есть ихъ внутренній законъ, опредѣляющій ихъ стремленіе, расположеніе и соотношеніе частей: наприм. какъ въ кругѣ, идеею его, т. е. формою, опредѣляются отношенія радіуса, діаметра, периферіи, поверхности, величинъ вписывающихся фигуръ и т. д. Конечно, могутъ быть различныя мнѣнія, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ приписывать объективность идеямъ: въ качествѣ ли чего либо существующаго само по себѣ, какъ полагалъ Платонъ, или въ смыслѣ не отдѣльной отъ вещей, а въ нихъ осуществленной законодательной нормы, лишь управляющей бытіемъ и дѣятельностію предметовъ, не реально сущей, а только имѣющей значеніе для реальности. Понятіе же есть не болѣе, какъ образъ предмета, мысль о законѣ его, являющаяся въ конечномъ ограниченномъ существѣ, не имѣющая объективнаго значенія.

3) Идея построяется творческимъ интеллектомъ, воображеніемъ конечнаго существа, или творческимъ мышленіемъ Божіимъ. Въ нашей духовной дѣятельности большею частію абстрактные помыслы облекаются воображеніемъ въ соотвѣтствующіе образы, въ которыхъ первые получаютъ, такъ сказать, свою плоть. Но нерѣдко и въ конечномъ интеллектѣ образъ предваряетъ абстрактный помыслъ, такъ что рефлективная мысль является изъ образа воображенія: такъ бываетъ въ художественной творческой дѣятельности; въ ней типъ, идеалъ, образъ предшествуютъ понятію и даютъ происхожденіе послѣднему. Конечно, и относительно идей, условливающихъ содержаніе бытія, необходимо предполагать, что онѣ явились въ творческой фантазіи Существа, давшаго происхожденіе реальному міру. Затѣмъ, въ упомянутой характеристикѣ сказано нами, что идеи *построяются*, т. е. они не отвлекаются, не образуются путемъ сравненія, анализа, выведенія, но являются сразу чрезъ построеніе. Точнѣе сказать, это выраженіе означаетъ, что, при образованіи идей, цѣлое предшествуетъ частямъ, ибо эти послѣднія условливаются въ идеяхъ цѣлымъ — закономъ, смысломъ, формою и т. д. Между тѣмъ въ понятіяхъ части предшествуетъ цѣлому и послѣднее постигается на основаніи изученія частей, подробностей предмета, слѣдовательно, чрезъ анализъ, сравниваніе и завершающій ихъ синтезъ.

Наконецъ 4) такъ какъ идея предваряетъ бытіе вещей и конструируется творческимъ интеллектомъ до реальнаго своего осуще-

ствленія, то она изображаетъ вещь, предметъ въ возможномъ совершенствѣ. Доколѣ идея только представляется, она не имѣетъ дѣла съ затрудненіями реализаціи: ей ничто не мѣшаетъ быть тѣмъ, чѣмъ она должна быть; несовершенство матеріала, въ которомъ она должна осуществиться, для нея въ этотъ моментъ не имѣетъ значенія, равно какъ она не имѣетъ дѣла съ разными противодѣйствующими вліяніями и процессами, нарушающими полноту и цѣлостность ея отраженія въ реальности. Съ другой стороны, идея заключаетъ въ себѣ смыслъ, цѣль, значеніе вещи, которой она идея, и потому, взятая сама по себѣ, она всегда изображаетъ нѣчто цѣлесообразное, слѣдовательно, совершенное. Оттого брать предметъ въ его идеѣ значитъ представлять его возможно совершеннымъ въ своемъ родѣ. Понятіе же обращается къ предмету, какъ онъ есть, со всѣми его какъ достоинствами, такъ и недостатками.

Чтобы охватывать вещи, предметы и событія въ возможной полнотѣ и быть нѣкотораго рода повтореніемъ ихъ, понятіе должно быть мыслію объ идеѣ ихъ. Только въ этомъ случаѣ оно воспроизведетъ внутреннюю форму ихъ, какъ законъ, управляющій всѣмъ бытіемъ ихъ: выборомъ и сочетаніемъ индивидуальныхъ отличительныхъ и общихъ признаковъ, строеніемъ, соотношеніемъ частей, развитіемъ объема и качествъ, какъ законъ, опредѣляющій смыслъ и значеніе предметовъ. Въ свѣтѣ идеи легко найтись среди признаковъ вещей и отличить существенные отъ несущественныхъ.

Слѣдовательно, понятіе есть мысль объ идеѣ предмета, какъ внутренней законодательной нормѣ и формѣ его, управляющей сочетаніемъ признаковъ и соотношеніемъ подробностей содержанія его.

По поводу этого опредѣленія понятія сдѣлаемъ слѣдующія два замѣчанія:

Въ англійскихъ логикахъ и нѣкоторыхъ нѣмецкихъ (напр. Бенеке), ученіе о понятіи, какъ самостоятельномъ пріемѣ мышленія, совершенно опускается: оно или трактуется какъ вспомогательный индуктивный пріемъ (напр. у Милля Book IV Chap. 11), и мѣсто главы о понятіи занимаетъ ученіе объ именахъ, или же оно понимается просто, какъ общее представленіе одного или нѣсколькихъ свойствъ предметовъ *). Но ученіе объ именахъ никакъ не можетъ замѣнить ученія о понятіяхъ. Имя есть просто знакъ, подъ

*) Въ логикѣ Бэна (Chap. II. Book 1 p. 51) говорится: «We may identify and generalize a number of things under a single point of community, as round,

которымъ мы мыслимъ извѣстный предметъ. Такъ понимаетъ его Милль и вся эмпирическая англійская школа. Какъ знакъ, онъ получаетъ совершенно различный смыслъ, смотря потому, что именно мы съ нимъ или подъ нимъ мыслимъ. Не потому мы мыслимъ, отвлекаемъ, рефлектируемъ, что существуютъ имена, а потому и существуютъ имена, что возникли и возникаютъ у людей мысли о предметѣ: безъ этихъ мыслей они не имѣли бы смысла. Поэтому логика интересуется преимущественно тѣмъ, что связывается въ мышленіи съ именами, а это суть понятія и представленія, какъ основные элементы логическаго процесса Притомъ, когда у Милля анализуются имена, то почти все содержаніе анализа имѣетъ смыслъ по отношенію къ понятіямъ или представленіямъ, но не къ именамъ, какъ знакамъ, слѣдовательно Милль усвоиваетъ себѣ подъ другимъ названіемъ то, отъ чего отказывается. Далѣе, трактовать понятіе, какъ индуктивный пріемъ только, значитъ слишкомъ съуживать его значеніе. Оно лежитъ между прочимъ въ основѣ силлогизма, слѣдовательно, всего дедуктивнаго процесса и безъ него невозможно понять послѣдній.

Что касается до мнѣнія Бэна, который понятіе отождествляетъ съ общимъ представленіемъ, то и съ нимъ нельзя согласиться. Представленіе одного свойства, отвлеченнаго отъ предмета, и есть *представленіе ни болѣе ни менѣе*; *представленіе нѣсколькихъ* свойствъ есть только сложное общее представленіе. Но понятіе на языкѣ науки и практики всегда отдѣляется отъ него, какъ пріемъ высшій и болѣе совершенный. Элементъ представленія, конечно, входитъ въ составъ понятія. Мы понимаемъ предметъ какъ цѣлое, характеризуемое извѣстными чертами, т. е. тутъ удерживается форма представленія. Разумѣется, это обстоятельство и даетъ поводъ смѣшивать то и другое. Но вопервыхъ, можно имѣть понятія не объ однихъ только свойствахъ предметовъ, какъ говоритъ Бэнъ, но и о цѣлыхъ предметахъ: можетъ быть понятіе позвоночнаго, безпозвоночнаго животнаго, дома, поля и т. д.; можно имѣть понятія отношеній, дѣйствій, состояній, которыя Бэномъ не признаются. Его «Classes», о которыхъ онъ говоритъ рядомъ съ notions or concepts, суть тѣ же понятія Слѣдовательно, такое опредѣленіе понятія узко. Вовторыхъ, можно представлять

---

heat, polarity... When the point of community is spoken of in the abstract roundness, heat, polarity, the *abstraction* is called a general notion, a general concept and often simply a notion, or concept».

себѣ слышанное, видѣнное и не понимать его. На пароходахъ ѣздятъ множество людей, имѣющихъ случай видѣть съ палубы все устройство машины; они запоминаютъ образъ ея, но многіе ли понимаютъ ее? Бываютъ многочисленные слушатели лекцій, читатели книгъ, которые, обладая счастливою памятью, могутъ запоминать ихъ, но и изъ этихъ людей многіе ли понимаютъ вполнѣ читанное или слышанное? Такое различеніе понятій отъ представленій имѣетъ особенную педагогическую важность. Ученикъ можетъ выучить урокъ, запомнить цѣлую фразу, латинскую или греческую, и даже повторять иногда тѣ или другія объясненія учителя, т. е. составить себѣ рядъ полныхъ представленій о различныхъ матеріалахъ и при всемъ томъ онъ можетъ не понимать выученнаго. Понятіе есть умственный продуктъ болѣе многосложный, чѣмъ представленіе, и доброкачественнѣй его въ своемъ составѣ. Въ представленіи признаки конкретны, даже общіе признаки понимаются въ нихъ на манеръ конкретныхъ, выборъ ихъ случаенъ, не всегда они затрогиваютъ неизмѣнную и существенную форму предмета. Они слишкомъ носятъ на себѣ печать случайнаго происхожденія: при разныхъ обстоятельствахъ и случаяхъ, они возникаютъ безъ опредѣленной цѣли и едвали мы отступимъ отъ истины, сказавъ, что они возникаютъ безсознательно. Очевидно, что это психологическое образованіе совершенно другого рода, чѣмъ понятіе. Какъ логическій пріемъ познанія, онъ образуется съ опредѣленными цѣлями, есть плодъ правильной сознательной работы.

Второе замѣчаніе: Такъ какъ полное и вполнѣ удовлетворительное понятіе, по своей идеѣ, должно исчерпывать предметъ, то образованіе такихъ понятій удается наукѣ не всегда и большею частію она только стремится приблизиться къ нимъ, не достигая ихъ. Такія понятія достижимы только въ одной математикѣ и наукахъ непосредственно на ней основанныхъ, напр. астрономіи. Математическія понятія о фигурахъ вполнѣ исчерпываютъ существо послѣднихъ до такой степени, что по одному или нѣсколькимъ признакамъ можно конструировать цѣлую фигуру: по одной сторонѣ наука можетъ возстановить фигуру квадрата, по радіусу—кругъ, по небольшой части окружности эллипсисъ. Понятія такъ точно опредѣляютъ стороны, элементы фигуръ и ихъ взаимное отношеніе, что достаточно одного, двухъ данныхъ элементовъ, чтобъ возстановить остальные. Если въ зоологіи знаменитый Кювье по одной челюсти возстановлялъ цѣлый типъ

исчезнувшаго съ лица земли животнаго, то это нужно приписать отнюдь не тому, что эта наука въ своемъ развитіи сравнялась съ математикою. Кювье былъ замѣчательный геній и многое въ его конструкціи было плодомъ исключительно ему принадлежавшаго чутья, его построительнаго синтеза. Съ другой стороны, и Кювье ошибался въ своихъ предположеніяхъ, какъ это и доказано было не одинъ разъ. Притомъ, онъ возстановлялъ только общій типъ по небольшимъ остаткамъ, но эти понятія отнюдь нельзя было назвать исчерпывавшими свой предметъ: ибо въ живыхъ организмахъ были многія особенности, которыя можнобъ было узнать только изъ наблюденія. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ, когда изслѣдователь имѣетъ дѣло съ реальными предметами или событіями, такія понятія составляютъ только идеалъ, можетъ быть никогда не достижимый, и вотъ почему.

1) Нѣкоторыя понятія, по условіямъ своего образованія возможны только при концѣ развитія науки. Полныя и законченныя грамматическія понятія могутъ явиться тогда, когда филологическій анализъ будетъ законченъ, чего, разумѣется, никогда не случится. Понятіе цивилизаціи человѣчества будетъ всесторонне понято, когда она закончитъ свое развитіе, понятіе души окончательно выяснится, когда будетъ доведенъ до конца анализъ духовныхъ дѣятельностей, что опять возможно только при концѣ развитія психологической науки.

2) Въ другихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ немногими данными при наблюденіи и сравниваніи, такъ что понятія составляются на основаніи скуднаго матеріала. Чему удивляться, что напр. историческія понятія о лицахъ, событіяхъ недостаточны, односторонни, когда историку иногда приходится образовывать ихъ по немногимъ догадкамъ лѣтописцевъ, по неопредѣленнымъ указаніямъ памятниковъ, на основаніи неопредѣленныхъ упоминаній. Въ такомъ же положеніи находится часто геологъ, по немногимъ, иногда дурно сохранившимся экземплярамъ, составляющій понятіе, или филологъ, возстановляющій языкъ по немногимъ оставшимся памятникамъ. Очевидно, что филологическія и историческія понятія, такъ часто имѣющія дѣло съ скуднымъ матеріаломъ, не могутъ дойти до полныхъ и всестороннихъ понятій.

3) Изучая реальный міръ съ его многосложностію явленій, многія науки имѣютъ предъ собою до крайности осложненныя явленія, такъ что полныя понятія о нихъ въ высшей степени затруднительны. Примѣры могутъ быть легко найдены въ исторіи,

психологіи, естествовѣдѣніи, въ общественныхъ наукахъ. Историческія явленія совершаются при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ; отдѣлить, что въ нихъ есть слѣдствіе личной дѣятельности лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, что слѣдствіе предшествовавшей исторіи, или естественной встрѣчи и взаимодѣйствія событій—есть трудъ часто невозможный, и понятіе должно выйти неудовлетворительнымъ. Въ психологіи высшія духовныя явленія чрезвычайно сложны: напр. понятія такихъ чувствованій, какъ благоговѣніе, дружба, честь, или стремленія, страсти, могутъ возникать только вслѣдствіе тщательнаго анализа. Между тѣмъ анализъ такихъ явленій въ высшей степени труденъ: свести ихъ къ элементарнымъ проявленіямъ чувствованія или воли почти невозможно. Въ естествовѣдѣніи физіологъ, патологъ имѣютъ дѣло съ явленіями въ высшей степени осложненными, такъ что они не могутъ разрѣшать явленія на первоначальныя простыя качества ихъ. Въ общественныхъ наукахъ соціальныя явленія также по своей внутренней сложности представляютъ величайшія затрудненія для составителя понятій о нихъ. Понятно, что затрудненныя самымъ предметомъ своимъ, реальныя науки не могутъ доводить свои понятія до завиднаго состоянія понятій математическихъ.

Образованіе понятій. Отвлеченіе. Какъ образуются понятія? Главнѣйшій пріемъ, служащій здѣсь основою всего дѣла, есть сравненіе. Мы сравниваемъ людей извѣстнаго класса и образуемъ понятіе о немъ: такъ, каждый изъ насъ путемъ сравнительнаго наблюденія создаетъ себѣ общее понятіе лица, принадлежащаго къ купеческому, духовному, крестьянскому сословіямъ, понятіе дома, церкви, науки, метода и т. д. Такимъ путемъ мы получаемъ признаки общіе, роднящіе предметы одинъ съ другимъ. Этотъ же пріемъ, только въ нѣсколько видоизмѣненномъ видѣ, употребляется для того, чтобы отыскать въ предметѣ признаки неизмѣнные и существенные: именно, мы наблюдаемъ измѣняющійся предметъ въ разныя времена, при разныхъ обстоятельствахъ, и замѣчаемъ, что постояннаго и неизмѣннаго остается въ немъ при всѣхъ измѣненіяхъ, или какой есть постоянный modus въ самомъ измѣненіи. Составляя себѣ понятіе о своемъ знакомомъ, мы обращаемъ вниманіе, чему во всей своей разнообразной дѣятельности и при всей измѣнчивости своихъ состояній остается онъ вѣренъ, какой общій характеръ его дѣйствій или чувствъ, какова энергія ума и чувства. Дѣятельность ума, развивающаяся при сравниваніи предметовъ или ихъ состояній, измѣненій, дѣйствій и извлекающая изъ этого

сравниванія признаки общіе, существенные и неизмѣнные, называется абстракціей, или отвлеченіемъ (abstraho отвлекаю). Она состоитъ въ сосредоточеніи вниманія на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонахъ предмета, слѣдовательно, въ логическомъ выдѣленіи изъ предмета, какъ неразцѣльнаго цѣлаго, частныхъ сторонъ, которыя общи ему съ другими, или отличаются постоянствомъ и значеніемъ, какъ что-то необходимое для самой сущности его.

Такъ образуется знаніе признаковъ вещей. Но какъ постигаемъ мы идеи ихъ, т. е. законодательныя формы, отличающія каждую изъ нихъ отъ другой? Конечно, и въ этомъ случаѣ имѣетъ значеніе сравниваніе и сопоставленіе предметовъ: только изъ наблюденія ихъ мы можемъ догадываться объ идеяхъ, давшихъ имъ бытіе. Но главный умственный пріемъ, имѣющій значеніе для познаванія ихъ, есть построеніе. Наблюденіе даетъ только матеріалъ, намеки и указанія; но этотъ матеріалъ долженъ быть правильно истолкованъ въ своемъ относительномъ значеніи, долженъ быть сочетанъ въ одно цѣлое и одну форму. Чрезъ усилія ума и воображенія предметъ долженъ быть умственно построенъ и такія усилія ума, которыми воспроизводится законодательная форма предмета, и называется постиженіемъ идеи его.

Различіе понятій. Такъ какъ основной процессъ при образованіи понятій есть сравниваніе предметовъ, то этимъ обстоятельствомъ объясняются столь рѣзкія различія понятій у людей. Человѣкъ не можетъ располагать при сравниваніи всѣми предметами, которые ему необходимы для образованія многосторонняго понятія. Обстоятельства жизни и дѣятельности ставятъ каждое индивидуальное лицо на извѣстное поприще, на которомъ онъ встрѣчается только съ извѣстными лицами и предметами. Кругъ наблюденій и опытовъ у каждаго свой и это естественно должно вести къ различію понятій. Ясное небо и прозрачность воздуха облегчали астрономическія наблюденія халдеевъ, и въ то время, какъ они имѣли уже карту неба, въ Греціи, при менѣе благопріятныхъ условіяхъ, ничего точнаго о положеніи звѣздъ не знали. Послѣ персидскаго похода Александра В. понятія грековъ о животномъ и растительномъ царствахъ необыкновенно расширились: въ лицѣ Аристотеля и Ѳеофраста явились науки зоологіи и ботаники; потому что кругъ наблюденій дѣйствительно сдѣлался шире. Съ открытіемъ Америки, т. е. съ расширеніемъ круга сравниваемыхъ предметовъ, Европа испытала новое громадное расширеніе и улучшеніе своихъ понятій. Мало того, можно прослѣдить различіе понятій даже по географи-

ческимъ широтамъ, по классамъ, сословіямъ общества, по возрастамъ. Эскимосъ, окруженный стелящимися березами и ничтожными кустарниками, имѣетъ понятіе о деревѣ совершенно отличное отъ того же понятія у жителя умѣреннаго пояса, окруженнаго громадными хвойными и лиственичными лѣсами. У жителя тропическихъ странъ мы найдемъ тоже понятіе въ новомъ видѣ: онъ представляетъ его по образу громадныхъ стройныхъ пальмъ, его окружающихъ. Высшіе классы общества имѣютъ свои понятія о людяхъ, обязанностяхъ, о счастіи, удовольствіи и т. д., а низшіе классы другія. Противоположность между ними объясняется различіемъ матеріала для сравниванія, сопоставленія, наблюденія. Занятія опредѣленнымъ родомъ дѣятельности также кладутъ свою печать на понятія лицъ. Духовное званіе, промышленная жизнь, государственная дѣятельность, занятія литературою развиваютъ въ людяхъ особые круги понятій, даютъ оригинальный оттѣнокъ имъ и даже служатъ причиною, что, при образованіи различныхъ понятій о вещахъ, удерживаются манера и тонъ главныхъ понятій которыя связаны съ самою дѣятельностью лицъ. Наблюдателю не трудно напр. подмѣтить не только различіе понятій духовнаго лица, купца, чиновника, литератора, но и тотъ любопытный фактъ, что о многомъ, совсѣмъ не относящемся къ богословію, духовное лицо составляетъ понятіе, какъ богословъ, т. е. элементъ общаго въ понятіяхъ своихъ заимствуетъ отъ главнаго круга своихъ понятій; купецъ думаетъ объ общественныхъ фактахъ, событіяхъ, какъ о событіяхъ и фактахъ, совершающихся въ его лавкѣ или конторѣ, чиновникъ о политическихъ вопросахъ составляетъ себѣ понятіе въ томъ же тонѣ и по той же манерѣ, въ какихъ онъ знакомится со входящими бумагами. Понятно, какъ возникаютъ различія въ понятіяхъ по возрастамъ. Въ этомъ-то различіи понятій и заключается обильный источникъ споровъ, недоумѣній, разнорѣчій; оттого такъ трудно людямъ понимать другъ друга.

Содержаніе и объемъ понятій. Понятіе можно разсматривать со стороны содержанія и объема. Содержаніе понятій составляютъ признаки, характеризующіе предметъ, или отличающіе его отъ другихъ. Признаки могутъ быть общіе и частные, существенные и несущественные. Существенными называются тѣ, которые прямо требуются идеею предмета и логически вытекаютъ изъ нея. Безъ такихъ признаковъ предметъ не можетъ быть тѣмъ, что онъ есть и долженъ порушиться въ своемъ характерѣ, значеніи и формѣ. Таковъ въ понятіи науки признакъ метода: безъ него наука не

существуетъ, въ понятіи человѣка признакъ разумности. Не существеннымъ признакомъ называется тотъ, который прямо идеею предмета не предполагается, слѣдовательно, можетъ быть и не быть въ предметѣ, не измѣняя его сущности. Таковъ признакъ въ наукѣ — практическая польза, доставляемая ею: наука можетъ быть полезна для практическихъ цѣлей, какъ физика, физіологія, но она можетъ и не имѣть въ виду непосредственнаго практическаго приложенія, напр. философія, филологія. Въ понятіи человѣка несущественнымъ признакомъ будетъ цвѣтъ кожи: бѣлый и негръ одинаково суть люди.

Затѣмъ, признаки могутъ быть общіе и частные. Въ психологіи методическая обработка матеріала есть признакъ, общій ей со всѣми другими науками; но анализъ душевныхъ явленій есть признакъ частный, принадлежащій только психологіи. Въ каждомъ лицѣ, нами изучаемомъ, мы находимъ какъ общечеловѣческія, такъ и чисто индивидуальныя черты: извѣстную степень образованія, раздражительности чувства, энергіи стремленій и т. д.

Подъ объемомъ понятій разумѣется совокупность предметовъ, которые заключаются, или мыслятся въ понятіяхъ: напр. объемомъ науки будутъ всѣ частныя науки: математическія, филологическія, историческія, богословскія, естествовѣдныя, медицинскія, юридическія, общественныя; объемомъ понятія метода будутъ методы синтетическій, аналитическій, согласія, различія и т. д.

Родовыя, видовыя, общія, частныя понятія. Различныя понятія неодинаковы, какъ относительно своего объема, такъ и содержанія. Объемъ понятія филологіи шире, чѣмъ объемъ грамматики, герменевтики, взятыхъ въ отдѣльности. Въ силу такого своего различія, одно понятіе можетъ подчинять себѣ другое. Подчиняющее называется общимъ, подчиненное частнымъ. Иногда эти отношенія между понятіями называются отношеніями рода и вида. Родъ есть общее понятіе, видъ — частное. Эти названія имѣютъ чисто относительный характеръ. Одно и тоже понятіе можетъ быть родомъ и видомъ, общимъ и частнымъ, смотря потому, съ какимъ понятіемъ мы его сопоставимъ. Методъ будетъ родовымъ, общимъ понятіемъ по отношенію къ аналитическому методу, но получитъ значеніе видового, частнаго относительно логическаго пріема вообще.

Въ наукахъ, имѣющихъ предметомъ своимъ классификацію обширнаго круга явленій, напр. ботаникѣ, зоологіи, выработались названія для понятій, знаменующихъ извѣстную степень обобщенія.

Такъ, естественная исторія различаетъ: 1) царство (regnum) напр. —животныхъ, растеній, 2) отдѣлъ (orbis)—позвоночныя, безпозвоночныя животныя, 3) классъ (classis)—рыбъ, птицъ, 4) порядокъ (ordo)—двурукихъ, четверорукихъ, 5) фамилія или семейство (familia)—стопоходящихъ, 6) родъ (genus)—кошка, 7) видъ (species) —тигры, домашнія кошки. Различаютъ еще группы (cohors), породы (tribus), отдѣленія (sectio), видоизмѣненія (varietas). Здѣсь цѣлая систета подраздѣленій. Понятія образуютъ лѣствицу восходящую, если мы отъ понятія индивидуума будемъ подвигаться вверхъ къ понятію царства, и лѣствицу нисходящую, если, наоборотъ, отъ царства будемъ нисходить къ индивидууму. По отношенію къ высшему, понятіе называется частнымъ, напр. семейство относительно класса, и общимъ по отношенію къ нисшему, напр. семейство же относительно вида. Замѣтимъ при этомъ, что родъ и видъ въ этихъ классификаціяхъ получаютъ спеціальное значеніе: они знаменуютъ здѣсь извѣстную степень обобщенія.

Отношенія понятій другъ къ другу, какъ родовъ и видовъ, мы назвали отношеніями подчиненія (subordinatio): одно понятіе можетъ всецѣло подходить подъ другое. Но мы можемъ подчинять предметъ понятію признака, въ немъ заключающагося: напр. подъ понятіе желтаго предмета подойдетъ золото. Этотъ родъ подчиненія называется подведеніемъ (subsumptio) одного понятія подъ другое. При отношеніяхъ перваго рода, соподчиняемыя понятія суть непремѣнно виды рода, которому подчиняются, и потому имѣютъ много общихъ родовыхъ чертъ. Во второмъ случаѣ могутъ сводиться понятія, неимѣющія иногда никакого сходства между собою за исключеніемъ той черты, подъ которую подводятся, напр. подъ понятіе желтизны можетъ быть подведено золото, бронза, сѣра, желтый столъ, и т. п.

Категоріи. Такъ какъ понятія имѣютъ не одинаковый объемъ и содержаніе и образуютъ, какъ мы выше сказали, восходящую лѣствицу, начиная съ самыхъ нисшихъ понятій, то понятно, что постепенно поднимаясь въ обобщеніи, мы дойдемъ до такихъ высшихъ родовъ, далѣе которыхъ обобщеніе простираться уже не можетъ. Наша абстракція завершается отнюдь не однимъ понятіемъ, а нѣсколькими. Идя отъ понятія индивидуума, мы приходимъ къ сущности, (индивидуумъ, русскій, славянинъ, аріецъ, человѣкъ, животное, существо, сущность); отъ понятія признака мы доходимъ до понятія свойства (красный, цвѣтность, признакъ, свойство, или: разумный, чувственный, одушевленный, тѣлесный, свой-

ство), отъ дѣйствія восходимъ къ бытію (говорить, дѣйствовать, происходить, быть). Далѣе этихъ понятій отвлеченіе идти не можетъ: они суть поэтому самыя общія, отвлеченныя понятія. Въ логикахъ они носятъ названіе категорій. Это слово греческое, происходитъ отъ κατηγορέω, значитъ обвинять, говорить что либо, о другомъ, κατηγορία означаетъ поэтому сказуемое. Такъ назвалъ Аристотель самыя высшія понятія, въ силу своей общности могущія служить всеобщими сказуемыми относительно всего сущаго или мыслимаго. Въ самомъ дѣлѣ, все, что ни мыслится, можетъ въ томъ или другомъ смыслѣ быть подведено или подъ понятіе сущности или свойства или бытія.

Здѣсь на категоріяхъ, мы видимъ доказательство вліянія, испытываемаго нашимъ мышленіемъ со стороны языка. Понятія дѣлятся на три главныхъ разряда, завершаемыхъ указанными тремя категоріями; каждый изъ разрядовъ построяется по своему типу, довольно рѣзко различающемуся отъ другого: человѣкъ, краснота, движеніе; каждое изъ этихъ понятій и по строенію и по формѣ отличается другъ отъ друга. Но эта программа, очевидно, дается намъ языкомъ, на которомъ мы мыслимъ съ самаго перваго пробужденія мысли. По программѣ именъ существительныхъ мы образуемъ разрядъ понятій, завершаемыхъ категоріей сущности, по типу прилагательныхъ мы образуемъ разрядъ, въ главѣ котораго стоитъ понятіе свойства и по типу глаголовъ образуется родъ понятій, подчиняющихся понятію бытія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приложеніе понятій къ наукѣ.

Теперь перейдемъ къ практическимъ вопросамъ по поводу приложенія понятій въ наукѣ. Приложеніе ихъ весьма обширно. Всякая наука состоитъ изъ понятій, которыя она развиваетъ относительно своего предмета. Движеніе и развитіе понятій есть вмѣстѣ съ тѣмъ и движеніе самой науки. Самая цѣль послѣдней состоитъ въ томъ, чтобы сообщать намъ ясныя, точныя и опредѣленныя понятія о вещахъ. Каждая наука развиваетъ свои понятія по особому ей свойственному пріему. Историческія напр. понятія возникаютъ всего чаще путемъ объединенія отдѣльныхъ чертъ, разсѣянныхъ въ отдѣльныхъ памятникахъ; естествовѣдныя

путемъ сравниванія и обобщенія; математическія путемъ вывода (дедукціи), философскія—анализа и т. п. Но всѣ вопросы, касающіеся спеціальныхъ особенностей различныхъ понятій, не могутъ быть разсматриваемы въ общей логикѣ, а составляютъ предметъ или самыхъ спеціальныхъ наукъ (ибо ихъ обязанность и состоитъ въ томъ, чтобы знакомить насъ съ характернымъ содержаніемъ своихъ понятій), или же логики наукъ въ отдѣльности, напр. логики филологической, исторической, математической и т. д.

Здѣсь мы обратимся къ такимъ вопросамъ, которые имѣютъ значеніе, по крайней мѣрѣ, для большинства наукъ. Вопросъ напр. о правильной терминологіи имѣетъ существенную важность для всякой науки. Имѣя дѣло съ особымъ предметами или спеціальнымъ содержаніемъ, науки бываютъ принуждены употреблять спеціальныя имена для своихъ понятій, или такъ называемые, термины и такъ какъ точная, ясная и доступная терминологія есть наисущественная потребность каждой науки (ни одна наука не можетъ обойтись безъ особыхъ терминовъ), то вопросъ о терминологіи можетъ и долженъ быть разсмотрѣнъ здѣсь же въ общей логикѣ. Столь же важенъ вопросъ и объ удовлетворительныхъ опредѣленіяхъ въ наукахъ. Понятіе тогда только вполнѣ можетъ приносить научную пользу, когда оно доступно опредѣленію, т. е. разъясненію: неопредѣлимое понятіе есть синонимъ понятія неяснаго и неточнаго. Поэтому вопросъ о томъ, какими пріемами можно пользоваться при опредѣленіяхъ, долженъ подлежать разсмотрѣнію общей логики. Наконецъ, принимая во вниманіе, что классификація составляетъ сущность наукъ описательныхъ, и что распредѣленіе явленій въ извѣстномъ порядкѣ составляетъ потребность наукъ даже изъяснительныхъ, каковы естествовѣдныя, мы должны будемъ обратить свое вниманіе и на этотъ пунктъ. Такимъ образомъ мы имѣемъ въ виду изложить здѣсь свои замѣчанія: 1) о научной терминологіи, 2) объ опредѣленіи и наконецъ 3) о классификаціи.

I. Научная терминологія.

Значеніе терминовъ въ наукѣ. Образованіе, употребленіе ихъ. Прежде нежели мы укажемъ, какихъ правилъ держаться при употребленіи въ наукѣ терминовъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о значеніи ихъ. Они играютъ вообще важную роль въ наукѣ. Въ свое время мы говорили уже, что мысль незапечатлѣнная, не от-

мѣченная словомъ, не имѣетъ той опредѣлительности и ясности, какая свойственна мысли, уже выразившейся словомъ. Тоже самое можно сказать и о понятіяхъ научныхъ. Какъ скоро понятіе не нашло еще для себя въ наукѣ своего особаго имени, названія, ему всегда будетъ недоставать опредѣлительности и ясности. Оно плохо будетъ запоминаться въ умахъ и нельзя поручиться, чтобы такое понятіе не затерялось потомъ для памяти человѣческой. Точная терминологія въ наукѣ важна въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, собственно научномъ и вовторыхъ, педагогическомъ.

Въ собственно научномъ отношеніи опредѣленный терминъ завершаетъ собою созрѣваніе научнаго понятія. Пока фактъ подмѣченъ не опредѣленно, пока не выяснилась его существенная сторона, терминъ еще не нуженъ. Все равно какъ мы не даемъ полнаго имени человѣку еще несформировавшемуся, не называемъ вещи, событія, дѣйствія, которыхъ существенныя стороны для насъ еще неизвѣстны, такъ и наука не даетъ особаго названія понятію, которое не опредѣлилось еще въ своихъ существенныхъ сторонахъ. Посему присоединеніе термина къ понятію, названіе его въ наукѣ особымъ терминомъ, равносильно признанію его зрѣлымъ, по крайней мѣрѣ, близкимъ къ зрѣлости. Отселѣ оно получаетъ навсегда свой извѣстный смыслъ и вслѣдствіе того свое опредѣленное мѣсто въ наукѣ. Примѣръ мы можемъ найти въ психологіи. Еще Аристотель подмѣтилъ фактъ, что одни представленія могутъ сочетаваться съ другими и взаимно вызывать другъ друга. Но не получивъ своего особаго названія, не будучи такимъ образомъ ничѣмъ отмѣченъ въ психологіи, этотъ фактъ какъ то затерялся для послѣдующихъ психологовъ.

Всего примѣтнѣе польза и важность терминологіи на современной геологіи. Знанія геологическія весьма древни, безмѣрно древнѣе самой науки. Въ весьма давнія времена люди умѣли отыскивать металлы и безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ руководились какими нибудь примѣтами; существованіе пластовъ земли не было, конечно, скрыто отъ нихъ. Но тогда только они стали достояніемъ науки, когда каждый изъ нихъ получилъ свой терминъ и свое опредѣленное мѣсто въ наукѣ.

Но особенно важны термины въ отношеніи педагогическомъ. Наука важна не въ томъ только отношеніи, что она служитъ истинѣ, раскрываетъ предъ нами дѣйствительныя связи и отношенія между вещами и событіями; она еще имѣетъ воспитательную цѣль: ставить молодыя поколѣнія на равную ступень знанія и

развитія вмѣстѣ съ старшими, облегчая такимъ образомъ первымъ дальнѣйшіе успѣхи въ познаваніи міра. Съ этой точки зрѣнія, еслибы не было установившихся терминовъ, т. е. особыхъ именъ, названій для особыхъ спеціальныхъ понятій, то каждому поколѣнію пришлось бы нарочно выдумать ихъ. Извѣстно изъ психологіи, какъ существованіе именъ облегчаетъ память при воспоминаніи вещей, ими обозначаемыхъ: зная вещь, но не зная имени ея, мы всегда рискуемъ забыть ее совершенно. Та же исторія и съ нашими мыслями. Мы всего легче забываемъ мысли, которымъ не успѣли дать точное выраженіе въ словѣ. Усвоенное понятіе, но безъ опредѣленнаго имени, также можетъ легко быть забыто нами. Если бы наука только уясняла понятія, и ничего, кромѣ описанія ихъ, не сообщала бы умамъ усвоящимъ ихъ, то запоминаніе содержанія ея было бы дѣломъ въ высшей степени затруднительнымъ. Раздѣльность мыслей и понятій, столь цѣнимая всюду въ области познаванія, никогда не могла бы быть достигнута въ той мѣрѣ, въ какой она достигается теперь. Слѣдовательно, создавая термины и названія для своихъ понятій, наука тѣмъ облегчаетъ учащимся поколѣніямъ усвоеніе своего содержанія.

Замѣчанія о терминологіи, которыя мы считаемъ нужнымъ представить, будутъ двухъ родовъ: одни касаются образованія терминовъ, другія ихъ употребленія.

1) Прежде всего спрашивается, кому собственно принадлежитъ право образованія терминовъ. Въ дѣйствительномъ мірѣ право называть вещь особымъ именемъ принадлежитъ владѣльцу ея. Но существуютъ ли права собственности въ области науки? Безъ сомнѣнія, существуютъ. При разграниченности областей знанія, при спеціализаціи частныхъ отраслей его, поприще знанія такъ же подѣлено между различными тружениками, какъ и всякая другая собственность. Отсюда возникаютъ нравственныя права людей, посвятившихъ себя извѣстной спеціальности, на понятія и вообще содержаніе послѣдней. Посему право вводить новые термины или измѣнять старые въ наукѣ, въ сущности, принадлежитъ спеціалистамъ науки. Это правило особенно важно въ интересахъ образованія общаго точнаго научнаго языка. Ни одна наука не обособлена отъ остальныхъ настолько, чтобы не имѣть ничего общаго съ нѣкоторыми или даже многими другими. Весьма часто науки трактуютъ объ одномъ и томъ же предметѣ только съ различныхъ точекъ зрѣнія; есть общіе пункты соприкосновенія, на которыхъ науки взаимно подаютъ одна другой руки. Психологія при-

ходится пользоваться понятіями физіологіи и наоборотъ, минералогія идетъ рука объ руку съ химіей, политическая экономія часто пользуется статистикою и т. п. Было бы очень невыгодно для науки и образованія, еслибы каждая наука для всѣхъ своихъ понятій стала вводить новые термины на свой страхъ. Тогда произошло бы два слѣдствія: во первыхъ, стала бы невозможною общая научная терминологія и одни и тѣ же понятія носили бы различныя названія въ разныхъ наукахъ; все равно, еслибы вмѣсто того, чтобы подчиняться требованіямъ одного общаго русскаго литературнаго языка, новгородецъ, рязанецъ, черниговецъ, бѣлоруссъ стали бы писать всегда и вездѣ на своихъ нарѣчіяхъ: общій литературный языкъ сталъ бы тогда невозможностію. Въ дѣлѣ науки это тѣмъ болѣе важно, что размѣры взаимной помощи наукъ должны были бы тогда по необходимости умалиться. Во вторыхъ, въ педагогическомъ отношеніи тогда крайне стало бы затруднительно усвоеніе научнаго содержанія различныхъ наукъ: каждому, желающему заниматься различными областями знанія, пришлось бы тратить много лишняго труда на ознакомленіе съ ненужными терминами. Къ сожалѣнію, указанное нами правило мало соблюдается современною наукою, такъ что зло, о которомъ мы говорили какъ о возможности, становится дѣйствительностію: напр. физіологи, весьма часто соприкасаясь съ душевными явленіями и съ понятіями психологическими, вводятъ свои собственные термины; равно какъ психологи, говоря о дѣятельностяхъ организма, игнорируютъ терминологію физіологіи, такъ что тѣ и другіе, трактуя объ одномъ и томъ же, говорятъ разными языками. Указанное правило допускаетъ исключенія только въ рѣдкихъ случаяхъ: именно, когда, вслѣдствіе различныхъ точекъ зрѣнія на одинъ и тотъ же предметъ, разныя науки вносятъ важные оттѣнки въ понятія о немъ.

2) Слова для терминовъ могутъ быть избираемы какъ изъ своего, такъ и изъ чужого языка. Въ грамматикѣ напр. говорится о сращеніи, склейкѣ звуковъ, короткихъ, длинныхъ гласныхъ, въ философіи о сознаніи, ощущеніи, понятіи и т. д.; эти имена взяты, очевидно, изъ русскаго языка. Но точно также науки говорятъ о флексіяхъ, суффиксахъ, терминахъ умозаключенія, калориферахъ — слова, взятыя изъ латинскаго; говорится: психологія, логика, силлогизмъ, дилемма, физика и т. д., слова, очевидно, заимствованныя изъ греческаго языка. У насъ въ наукѣ и въ жизни часто

употребляются термины, взятые даже изъ европейскихъ языковъ. Тотъ и другой выборъ имѣетъ свои достоинства и недостатки.

Выгода выбора имени изъ своего языка состоитъ въ томъ, что каждый можетъ понять его: напр. когда мы скажемъ изступленіе вмѣсто экстаза, склейка словъ вмѣсто агглютинаціи, склоненіе вмѣсто флексіи, то каждый можетъ понять и легче удержать терминъ. Но есть и невыгоды этого выбора. Въ живомъ языкѣ каждое слово имѣетъ свое значеніе, извѣстное всякому, кто говоритъ на немъ. Заимствуя изъ него слово для термина, мы не можемъ однакожъ, освободить его отъ значенія, которое часто совсѣмъ въ терминѣ и не нужно: напр. слову индивидуумъ совершенно соотвѣтствуетъ русское слово недѣлимое, но потому что послѣднее слишкомъ крѣпко связано съ значеніемъ, которое чуждо тому, что именно нужно выразить словомъ индивидуумъ (лицо), приходится предпочитать послѣднее. По такимъ же причинамъ, естествовѣды предпочитаютъ недѣлимому слово атомъ.

И въ выборѣ терминовъ изъ чужого языка есть также свои выгоды и невыгоды. Выгодная сторона его состоитъ въ томъ, что избирается слово, съ которымъ легко связать то именно значеніе, которое желалъ бы избирающій. Въ этомъ отношеніи мертвые языки представляютъ хорошій выборъ, чего нельзя сказать о языкахъ новыхъ, напр. европейскихъ. Слова мертваго языка извѣстны для насъ въ ихъ общемъ значеніи, но не въ конкретномъ; между тѣмъ какъ всякое слово, взятое изъ живого языка, имѣетъ конкретный смыслъ. Оттого общеевропейская наука охотно заимствуетъ свои термины изъ латинскаго и греческаго языковъ. Невыгодная сторона и этого выбора заключается въ томъ, что чужое слово— именно чужое, а не свое. Въ педагогическомъ отношеніи оно неудобно потому, что непонятно: кромѣ того, что приходится знакомиться съ новымъ понятіемъ, изучающему нужно запоминать еще и самое слово; въ такихъ случаяхъ, кромѣ реальныхъ опредѣленій, требуются еще номинальныя. Впрочемъ, нужно признать общимъ правиломъ: безъ особенной нужды не прибѣгать въ терминологіи къ чужимъ языкамъ. Часто случается, что слова своего языка, которыми замѣнены иностранные термины, сначала кажутся странными, но потомъ теряютъ странность и становятся общеупотребительными. Слово междометіе (interjectio) вначалѣ, можетъ быть, казалось страннымъ для русскаго уха, но теперь мы употребляемъ его, вовсе не думая о его странности. Точно также теперь и въ математикѣ слово перпендикуляръ можетъ быть замѣнено словомъ

«отвѣсъ», которое на первыхъ порахъ, быть можетъ, будетъ казаться страннымъ, но разъ введенное, чрезъ нѣсколько лѣтъ могло бы сдѣлаться общеупотребительнымъ. Иногда свое слово, которымъ можно бы было замѣнить чужое, кажется не совсѣмъ соотвѣтствующимъ замѣняемому, то оно шире, то уже по значенію: напр упомянутое слово «отвѣсъ» нѣсколько у́же слова перпендикуляръ: отвѣсная линія есть всегда перпендикуляръ, но не всякій перпендикуляръ есть отвѣсъ, или напр. слово «субъектъ» несомнѣнно шире по значенію слова лицо, категоріи — слова сказуемыя, наоборотъ, слово гипотеза у́же, чѣмъ предположеніе, методъ — способа и т. п. Конечно, первому, только что привыкающему къ этимъ словамъ, поколѣнію многія изъ упомянутыхъ словъ казались бы не вполнѣ замѣняющими чужіе термины. Но если мы привыкаемъ иногда давать словамъ и крѣпко связывать съ ними часто даже насильственное значеніе, то упомянутыя затрудненія легко устранимы.

Относительно выбора словъ слѣдуетъ сдѣлать еще одно замѣчаніе. Хотя и можно, вслѣдствіе долгой привычки, привыкнуть къ употребленію слова даже въ насильственномъ значеніи, однако, обращеніе къ такимъ средствамъ въ терминологіи отнюдь не желательно. Необходимо при введеніи новаго термина имѣть въ виду первоначальное значеніе слова и безъ крайней необходимости не насиловать первоначальнаго смысла его: напр. если бы мы захотѣли словомъ «недѣлимое» вездѣ и всегда замѣнять индивидуумъ, то это было бы насиліе первоначальному значенію слова; оттого оно и непринимается въ нашей ученой терминологіи. Удачно составленный терминъ всегда отличается тѣмъ, что онъ понятенъ, по крайней мѣрѣ, въ своемъ общемъ (не техническомъ) значеніи съ перваго разу и что значеніе понятія, связываемаго съ нимъ, нисколько не противорѣчитъ его общему смыслу.

3) Термины могутъ быть образуемы различными путями: 1) путемъ уподобленія, или апалогіи. Въ этомъ случаѣ мы основываемся на сходствѣ между общимъ значеніемъ слова и смысломъ обозначаемаго понятія: напр. въ филологіи употребляется терминъ «сращеніе» звуковъ; понятіе «сращенія», въ сущности, образовано по поводу извѣстнаго въ органическомъ мірѣ факта, что насильственно отдѣленныя части организма вновь усвояются имъ и снова живутъ общею съ нимъ жизнію. Такого въ точности сращенія звуковъ нѣтъ въ языкѣ, но происходитъ нѣчто весьма аналогическое: напр. суффиксъ совершенно сливается съ коренными звуками, образуя съ ними одно цѣлое

слово. Или, говорятъ о склеивающихъ (agglutinantes) языкахъ. Это понятіе образовано также аналогически: есть языки, въ которыхъ видоизмѣненія частей рѣчи замѣняются соединеніемъ корней въ одно цѣлое слово, при помощи связывающихъ звуковъ. Это и есть какъ бы склейка словъ. Подобнаго же происхожденія химическій терминъ «сродство», въ филологіи—корни. Разумѣется, при разбираемомъ пріемѣ необходимо наблюдать, чтобъ аналогія, на которой онъ основывается, не была слишкомъ отдаленна. 2) Второй способъ есть пріемъ сложенія словъ. Употребляются напр. слова: психофизика для обозначенія ученія о вліяніи тѣлесныхъ дѣятельностей на душу, филологія, психологія, электродинамика и т. д. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ тѣхъ языкахъ, которые охотно допускаютъ сложеніе словъ, какъ напр. въ нѣмецкомъ, пріемъ сложенія весьма удобенъ, но въ нашемъ, хотя сложеніе и непротивно духу его, всего лучше избѣгать его. Нашъ языкъ еще дозволяетъ употреблять этотъ пріемъ относительно словъ, взятыхъ изъ чужихъ языковъ, но неохотно дозволяетъ поступать такъ съ своими: мы уживаемся съ словами: психологія, краніологія, остеологія, но намъ кажутся странными выраженія: душесловіе, черепословіе, костесловіе, хотя они и не противны законамъ языка. 3) Третій пріемъ состоитъ въ замѣнѣ одного слова другимъ по смыслу, или совпаденію содержанія. Этотъ пріемъ имѣетъ мѣсто особенно при образованіи термина на родномъ языкѣ, долженствующаго замѣнить терминъ чужой. Для нашей молодой науки, обязанной заимствовать такъ много понятій и терминовъ, образовавшихся у народовъ западно-европейскихъ, этотъ пріемъ имѣетъ свой смыслъ. Такимъ образомъ, вмѣсто термина «аффектъ», можно (и по нашему мнѣнію должно) употреблять слово волненіе. Послѣднее по буквальному смыслу не только не совпадаетъ, а даже и не соотвѣтствуетъ первому. Но слово волненіе можетъ быть сдѣлано терминомъ именно путемъ замѣненія, такъ какъ оба слова обозначаютъ совершенно одни и тѣ же состоянія души (особенно сильныя возбужденія чувствъ, каковы гнѣвъ, страхъ, восторгъ и проч.). Также могутъ замѣнять другъ друга и замѣняютъ слова: суффиксъ (собств. пригвожденное, suffigo) приставка, эстетическій прекрасный и т. п. Желательно было бы, именно въ интересахъ образованія національной научной терминологіи, дать наибольшее развитіе этому пріему и предпочитать его всюду переводу чужихъ терминовъ на свой языкъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ переводъ не можетъ быть удачнымъ.

Если образованіе терминовъ требуетъ съ нашей стороны большого вниманія и осторожности, то съ неменьшею заботливостію мы должны относиться и къ употребленію ихъ. Правила въ этомъ случаѣ могутъ быть сведены къ слѣдующимъ двумъ:

1) Термины должны быть употребляемы во всѣхъ случаяхъ, когда необходимо дать точный характеръ научнымъ понятіямъ или мыслямъ. Терминологія тогда только достигаетъ своей цѣли, когда она помогаетъ наукѣ оттѣнять ея содержаніе. Посему важные оттѣнки мысли или факта должны имѣть свое названіе. Случаи, въ которыхъ наука можетъ нуждаться въ терминахъ, легко опредѣлимы. Вопервыхъ, въ наукѣ есть основные первоначальные факты: таковы въ психологіи ощущенія зрѣнія, слуха и т. д., представленія, чувствованія—эстетическія и нравственныя, стремленія, въ химіи первоначальныя простыя тѣла; соединенія, разложенія, окисленія и т. п., въ минералогіи наиболѣе частыя неорганическія соединенія тѣлъ и проч. Чѣмъ дробнѣе и многочисленнѣй первоначальные факты, тѣмъ энергичнѣй должны быть стремленія науки не ограничиваться только описаніями фактовъ, а отмѣчать ихъ особенными терминами. Въ этомъ отношеніи примѣръ химіи, имѣющей дѣло съ столь многочисленными фактами и однако нашедшей способы именовать каждый въ отдѣльности, долженъ служить примѣромъ для всѣхъ наукъ. Во вторыхъ, такъ какъ движеніе науки даетъ общія понятія или результаты обобщающей мысли, то и эти шаги ея должны быть отмѣчены словомъ. Такъ поступаютъ напр. описательныя науки, изобрѣтая для новаго вида, семейства растеній или животныхъ, новыя имена. Въ обоихъ упомянутыхъ случаяхъ нужно только наблюдать, чтобы введеніе новаго термина оправдывалось самымъ дѣломъ, т. е. чтобъ новооткрытый фактъ былъ дѣйствительно важенъ и заслуживалъ бы научнаго вниманія, чтобъ продуктъ отвлеченія былъ дѣйствительнымъ шагомъ въ обобщеніи.

2) Но самое важное правило научной терминологіи состоитъ въ слѣдующемъ: каждое имя должно имѣть точно опредѣленное значеніе. Это правило требуется самою цѣлію терминологіи. Если въ обыкновенной рѣчи двусмысленность словъ затрудняетъ пониманіе рѣчи, то въ наукѣ она дѣлаетъ рѣшительно невозможнымъ усвоеніе понятій. Между тѣмъ въ наукахъ весьма часто случается, что имена или термины имѣютъ въ нихъ нерѣшительное значеніе. Особенно это необходимо замѣтить о наукахъ нравственнаго міра: напр. въ психологіи чувствованіе обозначаетъ то ощущеніе (зрѣніе,

слышаніе и т. п.), то состоянія удовольствія или неудовольствія, (эстетическія, нравственныя чувствованія); или — слово воля употребляется и для обозначенія акта хотѣнія и для обозначенія вообще области стремленій; въ этикѣ таково понятіе блага, то понимаемаго въ высокомъ нравственномъ смыслѣ абсолютнаго принципа, то въ смыслѣ ближайшей цѣли дѣйствій. Зависитъ это иногда отъ крайне разнообразнаго отношенія изслѣдователей къ однимъ и тѣмъ же вопросамъ: одинъ вноситъ свое толкованіе, другой — другое и такимъ образомъ колеблется значеніе слова и теряется его опредѣлительность. Вотъ почему нѣтъ ничего вреднѣе для науки, когда ея дѣятели употребляютъ на собственный страхъ, по своему произволу, научные термины и вмѣсто содѣйствія ихъ установкѣ, только колеблютъ ихъ. Мы не отрицаемъ права у геніальности прокладывать новые пути въ наукѣ, производить въ ней перевороты какъ въ принципахъ, такъ и терминологіи. Но вѣдь сколько претензій производить перевороты происходитъ отъ тщеславія и желанія выставить свою мнимую самостоятельность!

II. Опредѣленіе.

Второй практическій вопросъ, возникающій по поводу понятій, касается опредѣленія ихъ. Укажемъ научное значеніе, различные виды, пріемы и наконецъ правила точныхъ опредѣленій.

Что значатъ въ наукѣ правильныя и точныя опредѣленія, можно заключить изъ того, что съ научными понятіями, т. е. съ главнымъ содержаніемъ ея, мы знакомимся именно изъ опредѣленій. Усвоеніе науки въ томъ и состоитъ, что мы воспроизводимъ въ своемъ умѣ ея понятія. Но воспроизводить ея понятія возможно не иначе, какъ послѣ разъясненія и указанія главнѣйшаго содержанія ихъ. Наука часто должна употреблять термины, т. е. слова, взятыя изъ чужого языка, или слова своего языка, но въ особомъ, такъ сказать, техническомъ смыслѣ. И тѣ и другія названія требуютъ разъясненія путемъ опредѣленія. Равнымъ образомъ, разъясненіе самаго содержанія понятій возможно только посредствомъ указанія характеристичныхъ ихъ особенностей, т. е. опредѣленія. Не точныя и не ясныя опредѣленія даютъ превратныя понятія, что, конечно, противорѣчитъ самой цѣли науки.

Различаютъ опредѣленія *номинальныя* и *реальныя*. Первыя состоятъ въ разъясненіи слова или названія понятія. Это разъяс-

неніе можетъ быть производимо, во 1-хъ, путемъ синонимическаго разъясненія: напр. удовольствіе есть пріятное состояніе, благо — добро, гордый — надменный и т. п. Къ синонимическому разъясненію мы прибѣгаемъ весьма часто, особенно тамъ, гдѣ, непроспираясь въ глубь предмета, стараемся скорѣе напомнить разными названіями то представленіе или понятіе, о которомъ разсуждаемъ. Съ другой стороны, номинальное опредѣленіе можетъ состоять въ разъясненіи употребляемаго въ наукѣ или житейской практикѣ термина. Такъ говорится: абстракція есть отвлеченіе, психологія наука о душѣ, физика наука о явленіяхъ природы, анализъ — дробленіе, расчлененіе и т. п. Такъ какъ современныя науки весьма часто прибѣгаютъ для обозначенія своихъ понятій къ терминамъ, взятымъ изъ чужого языка, то подобныя опредѣленія въ наукахъ неизбѣжны. Можно сказать гораздо болѣе: къ нимъ наука обязывается всякій разъ, какъ она употребляетъ непонятный съ перваго разу терминъ.

Въ реальныхъ опредѣленіяхъ разъясняется самое содержаніе опредѣляемой мысли или понятія: напр. логика есть наука о мышленіи, силлогизмъ есть умственный пріемъ, посредствомъ котораго мы выводимъ одно сужденіе изъ другого, методомъ называется способъ, по которому мы соединяемъ мысли и т д. Это опредѣленіе дѣлается по слѣдующимъ способамъ.

Пріемъ наглядный. Есть первоначальные факты, которые чисто логическимъ опредѣленіямъ подлежать не могутъ и которые могутъ быть разъяснены единственно на примѣрахъ: напр невозможно опредѣлить качественную сторону звука, цвѣта, тона и т. п. Въ этихъ случаяхъ наглядное указаніе примѣровъ, даетъ болѣе знанія, чѣмъ всевозможныя логическія разъясненія. Поэтому въ наукахъ, въ которыхъ приходится сообщать много фактическихъ знаній, пріемъ наглядности весьма употребителенъ. Никакое теоретическое описаніе, напр. въ ботаникѣ и зоологіи, не достигнетъ такъ цѣли, какъ разъясненіе на примѣрѣ. На этомъ же основаніи преподаваніе физики должно сопровождаться постоянными опытами. Дидактическое значеніе этого пріема въ высшей степени важно: онъ имѣетъ цѣну особенно потому, что ставитъ усвояющаго понятіе въ тѣже самыя условія, при какихъ оно образовалось въ умѣ изобрѣтавшаго его.

Подобный же пріемъ имѣетъ значеніе и при опредѣленіи отвлеченныхъ понятій. Не всегда нужно и возможно ставить передъ глазами слушателя непремѣнно самый наглядный предметъ. Можно

обращаться къ воображенію и памяти и въ нихъ искать вспомогательныхъ средствъ къ разъясненію понятія. Подобное обращеніе особенно необходимо при опредѣленіи слишкомъ отвлеченныхъ понятій. Такъ, понятія преемства или сосуществованія мы можемъ опредѣлить тѣмъ путемъ, что обратимся къ воображенію и вызовемъ въ немъ представленіе рядовъ смѣняющихся событій, или пребывающихъ въ одномъ пространствѣ предметовъ. Не иначе, какъ только съ помощію подобнаго пособія мы будемъ въ состояніи разъяснить, что преемство есть сопребываніе въ одномъ времени и пространствѣ. Такимъ же способомъ разъясняются отвлеченныя понятія множества и единства, понятіе математическаго пункта, линіи и т. п. Этотъ пріемъ наглядности разъясняетъ, особенно въ практической жизни, необозримое количество понятій. Это, можно сказать, самый любимый пріемъ практическаго дѣлового ума—разъяснять мысли свои указаніемъ наглядныхъ примѣровъ.

Пріемъ отвлеченія бываетъ двоякаго рода: *положительный* и *отрицательный*. Положительный состоитъ въ томъ, что мы собираемъ черты съ нисшихъ, сравнительно съ опредѣляемымъ, понятій или предметовъ и затѣмъ указываемъ отличительныя черты опредѣляемаго понятія. Такимъ образомъ поступаютъ напр. ботаники или зоологи: они собираютъ черты съ нисшихъ видовъ, чтобъ опредѣлить родъ. По этому же способу опредѣляются весьма многія отвлеченныя понятія, напр закона. Мы обращаемся ко всѣмъ случаямъ, въ которыхъ употребляется понятіе закона. Что разумѣется подъ закономъ въ естествовѣдѣніи? необходимый способъ дѣйствованія физическихъ силъ. Что обозначается нравственнымъ закономъ? способъ дѣйствованія силы нравственной, тоже долженствующій быть неизмѣннымъ. И въ юридическомъ мірѣ закономъ называется способъ поведенія, требуемый отъ гражданина волею государства. Отсюда можно вывести опредѣленіе закона: что онъ есть неизмѣнный способъ дѣйствованія. Или, требуется опредѣлить, что такое матерія: обращаемся ко всякимъ видамъ вещества, изслѣдуемъ, что общаго во всѣхъ первоначальныхъ простыхъ химическихъ тѣлахъ, и находимъ, что признакъ вещества всюду есть косность или инерція. Отсюда опредѣляемъ матерію, какъ инертную массу. Другой пріемъ отвлеченія отрицательный. При немъ обращается вниманіе на предметы или понятія, противоположныя опредѣляемому, и затѣмъ уже дѣлается опредѣленіе послѣдняго. Тоже понятіе матеріи можетъ быть опредѣлено пріемомъ отрица-

тельнымъ. Мы обращаемся къ тому, что совершенно противоположно матеріи, т. е. чистому, ни чѣмъ не наполненному пространству. Чѣмъ оно характеризуется? Чистое пространство для насъ понятно, какъ среда, гдѣ возможно движеніе по всѣмъ направленіямъ. Слѣдовательно, матерія, мы заключаемъ на основаніи пріема противоположности, есть среда, въ которой движеніе невозможно, или среда инертная. Такимъ же образомъ могутъ быть опредѣляемы понятія симпатіи, благородства и т. д. Кого мы называемъ антипатичнымъ человѣкомъ? Человѣка, котораго вкусы, рѣчи, манеры держаться въ обществѣ возбуждаютъ въ насъ отвращеніе. Симпатія поэтому есть чувство, возбуждаемое въ насъ ближнимъ, къ коему мы чувствуемъ влеченіе. Вникая далѣе въ причины, почему люди могутъ казаться намъ антипатичными, мы находимъ, что ихъ душевныя свойства, во многомъ противоположныя нашимъ, служатъ такими причинами. Отсюда, къ опредѣленію симпатіи, мы заключаемъ, что симпатія однихъ лицъ къ другимъ означаетъ родственность въ психическихъ особенностяхъ ихъ. По этому способу мы легко можемъ опредѣлять многія психологическія понятія: напр. чтобы опредѣлить понятіе сознанія, мы обращаемся къ опредѣленію безсознательнаго состоянія и находимъ, что въ этомъ состояніи человѣкъ не понимаетъ самого себя, не относитъ къ себѣ никакихъ своихъ состояній, мы опредѣляемъ отсюда понятіе сознанія, что оно есть знаніе своихъ собственныхъ состояній, именно какъ своихъ, отнесеніе ихъ къ себѣ. Чтобы опредѣлить значеніе слова благородства, лучше всего обратиться къ случаямъ неблагородства: мы найдемъ, что оно отождествляется съ крайнимъ развитіемъ въ человѣкѣ эгоизма и своекорыстія; тогда мы составимъ понятіе о благородствѣ, что оно есть отсутствіе своекорыстія и вообще эгоистическихъ чувствъ.

Пріемъ отвлеченія имѣетъ важное значеніе для науки, потому что, въ противоположность номинальнымъ опредѣленіямъ, онъ разъясняетъ не только то, что уже есть въ самомъ понятіи, но и помогаетъ изслѣдовать самое понятіе, отдавать себѣ отчетъ въ его содержаніи. Посему онъ заслуживаетъ названія реальнаго въ самомъ точномъ значеніи этого слова.

Пріемъ построенія состоитъ въ постепенномъ образованіи частей опредѣляемаго понятія, такъ что послѣднее возникаетъ какъ бы предъ нашими глазами. Онъ особенно часто употребляется въ наукахъ математическихъ. Чтобъ опредѣлить понятіе круга, эллипсиса, параболы, мы знакомимся сначала съ радіусами, съ

окружностію круга, съ центрами эллипсиса или параболы и ихъ радіусами и затѣмъ выводимъ понятіе. Этимъ же способомъ мы образуемъ понятіе равенства треугольниковъ при извѣстныхъ условіяхъ. Такъ какъ пріемъ этотъ точенъ, то были попытки употреблять его и въ нравственныхъ наукахъ. Извѣстны попытки германскихъ мыслителей конструировать понятія: онѣ состояли въ указаніи первоначальныхъ основъ, данныхъ, изъ которыхъ извѣстное понятіе является съ необходимостію. Указаніе способа, пути, какимъ изъ этихъ первоначальныхъ данныхъ является понятіе, и есть его построеніе. Такимъ образомъ Кантъ построилъ свои категоріи изъ первоначальнаго синтетическаго единства сознанія, Фихте конструировалъ внѣшній міръ изъ первоначальнаго ограниченія «я» чрезъ «не-я». Иногда дѣйствительно важно, особенно имѣя дѣло съ отвлеченными понятіями, указать постепенное возникновеніе ихъ изъ болѣе раннихъ, въ логическомъ смыслѣ, данныхъ психологическаго или метафизическаго свойства. Но такъ какъ этотъ пріемъ допускаетъ крайній произволъ въ самомъ построеніи понятія, то прибѣгать къ нему безъ нужды не слѣдуетъ и въ употребленіи его должно быть крайне осторожнымъ.

Пріемъ исключенія. Онъ состоитъ въ томъ, что мы начинаемъ съ самаго общаго, иногда перваго случайно попавшагося значенія понятія, и постепенно путемъ исключенія (eliminatio) переходимъ отъ одного значенія къ другому и такимъ образомъ мало по малу раскрываемъ все содержаніе понятія, пока не остановимся на болѣе существенныхъ и дѣйствительныхъ признакахъ его. Иногда мы исключаемъ частныя случайныя значеніи понятія, чтобъ такимъ образомъ добраться до значенія необходимаго. Такъ, путемъ исключенія можемъ опредѣлять понятія жизни, бытія, пространства. Жизнь понимается иногда, какъ дѣйствованіе вообще среди другихъ вещей и предметовъ. Но очевидно, это пониманіе жизни недостаточно тѣмъ, что по нему мы не отличимъ живущаго организма отъ безжизненнаго камня: ибо и онъ дѣйствуетъ, проявляетъ свои воздѣйствія среди другихъ окружающихъ предметовъ. Исключая это пониманіе, мы переходимъ къ болѣе тѣсному: жизнь есть совокупность химическихъ и физическихъ процессовъ въ физіологической машинѣ, именуемой тѣломъ. Но и это пониманіе жизни недостаточно: ибо совокупность химическихъ и физическихъ процессовъ происходитъ и въ мертвомъ, лишенномъ жизни тѣлѣ. Очевидно, за смѣною процессовъ, за обмѣномъ веществъ, скрывается какой то дѣятель, виновникъ всѣхъ этихъ смѣнъ и

обмѣновъ—душа, носящая въ себѣ начало жизни. Мы приходимъ къ опредѣленію жизни, какъ развитія органической дѣятельности подъ вліяніемъ животворнаго начала души. Возьмемъ понятіе бытія. Подъ бытіемъ вообще въ практической жизни разумѣется нахожденіе вещи, предмета во владѣніи кого либо; говорится: у меня есть такая-то вещь. Но спрашивается, что такое владѣніе? Что мы собственно разумѣемъ, когда говоримъ: домъ, человѣкъ, животное существуютъ (суть) тамъ то? Очевидно—заниманіе предметомъ мѣста въ пространствѣ среди другихъ вещей. Но и на этомъ опредѣленіи остановиться нельзя: ибо что значитъ собственно нахожденіе въ пространствѣ среди другихъ вещей? Посему мы истолковываемъ нахожденіе въ пространствѣ, какъ состояніе въ отношеніяхъ вообще.

Пріемъ исключенія можетъ быть весьма полезенъ при опредѣленіи общихъ понятій и особенно въ педагогическомъ отношеніи. Неразвитый умъ не можетъ быть сразу поднятъ на надлежащую высоту пониманія, требующуюся для общаго отвлеченнаго понятія, и потому бываетъ необходимо, начавъ съ понятнаго для него, постепенно доводить его до пониманія отвлеченнаго. Пріемъ исключенія представляетъ самое удобное къ тому средство. Этимъ пріемомъ особенно часто пользовался Сократъ и сущность его знаменитаго наведенія можетъ быть сведена къ пріему исключенія. Онъ опредѣляетъ наприм. понятіе несправедливости: несправедливъ, говоритъ Евтидемъ, тотъ, кто лжетъ, обманываетъ, грабитъ; но, возражаетъ Сократъ, враговъ нужно обманывать Нужно, слѣдовательно, точнѣй опредѣлить понятіе: несправедливъ тотъ, кто дѣйствуетъ подобнымъ образомъ по отношенію къ друзьямъ. Но и это требуетъ ограниченія: полководецъ не можетъ быть названъ несправедливымъ, когда онъ ложью одушевляетъ войско, — отецъ, обманомъ дающій лѣкарство своему сыну. Значитъ, несправедливъ тотъ, кто обманываетъ друзей, дабы причинить имъ вредъ. Или, онъ опредѣляетъ понятіе повелителя: имъ считается тотъ, кто имѣетъ власть приказывать; но эту власть даютъ на кораблѣ только кормчему, во время болѣзни — врачу, вообще знающему дѣло; слѣдовательно, повелитель тотъ, кто имѣетъ необходимое знаніе, дабы властвовать. Въ этихъ обоихъ случаяхъ употребленъ логическій пріемъ исключенія. Сократъ начинаетъ съ самаго общаго значенія, затѣмъ, постепенно исключая ненужные оттѣнки, онъ доходитъ до тѣхъ чертъ, которыя имъ считаются за дѣйствительно принадлежащія понятію.

Различаютъ еще опредѣленія *частныя* и *общія*. Подъ общими разумѣются такія, которыя исчерпываютъ всѣ стороны и оттѣнки понятія, тогда какъ частныя касаются его только съ одной или нѣсколькихъ сторонъ. Такъ какъ вообще весьма трудно имѣть исчерпывающія опредѣленія, то всего цѣлесообразнѣе ограничивать опредѣленіе понятія только тою стороною, съ которой оно служитъ предметомъ изслѣдованія, особенно когда приходится имѣть дѣло съ слишкомъ обширными понятіями: напр. трактуя о человѣкѣ въ физіологіи, нѣтъ нужды разсматривать его, какъ представителя труда, или политическая экономія, разсматривая человѣка, какъ представителя труда и капитала, не разсуждаетъ о немъ съ психологической точки зрѣнія. Такія частныя опредѣленія, не имѣющія въ виду исчерпыванія всѣхъ сторонъ понятія, полезны особенно потому, что, не поставляя слишкомъ далекихъ и обширныхъ цѣлей предъ мышленіемъ, пріучаютъ его стремиться къ практически необходимому и достижимому, сберегаютъ лишній трудъ и время. Впрочемъ, это правило не всегда должно быть безусловно прилагаемо. Можно довольствоваться частными опредѣленіями; но анализируя только одну сторону понятія, не слѣдуетъ забывать, или терять изъ виду другихъ важныхъ сторонъ его: напр. нельзя не пожалѣть, что нѣкоторые политикозкономы, трактуя о человѣкѣ, какъ экономическомъ дѣятелѣ, иногда забываютъ, что этотъ представитель труда имѣетъ свой міръ радостей и скорбей и что онъ не можетъ быть разсматриваемъ, только какъ трудовая машина; нѣкоторые физіологи также, анализируя дѣятельности органическія, составляютъ себѣ понятіе о человѣкѣ, какъ физіологической машинѣ, забывая, что онъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ существо духовное. Посему частныя опредѣленія могутъ быть допускаемы, лишь бы они не принимались въ свою очередь за общія, исчерпывающія понятія.

Въ заключеніе своихъ замѣтокъ объ опредѣленіи, скажемъ объ одной иногда допускаемой въ нихъ ошибкѣ. Мы видѣли, какъ глубоко опредѣленія реальныя отличаются отъ опредѣленій номинальныхъ; между тѣмъ случается иногда, и особенно въ философскихъ системахъ, что они смѣшиваются и принимаются одно за другое. Какъ часто занимаясь анализомъ однихъ словъ, думаютъ, что открываютъ глубокія тайны бытія! Погрѣшаютъ въ этомъ случаѣ и психологи, которые, разъясняя, что собственно подразумѣвается подъ названіемъ психическаго факта, считаютъ изслѣдованіе реальнаго значенія понятія излишнимъ; погрѣшаютъ мета-

физики, которые, опредѣляя смыслъ понятія, слова, считаютъ свое дѣло раскрытіемъ первыхъ основъ бытія. Слѣдствіемъ такого самообмана бываетъ то, что отъ глазъ изслѣдователя скрываются реальныя задачи и собственное передвиженіе отъ одного понятія къ другому онъ принимаетъ за движеніе самой науки. Въ исторіи ея мы имѣемъ примѣръ того, какой вредъ причиняютъ номинальныя опредѣленія въ наукѣ. Аристотелевская физика царила въ умахъ впродолженіи двухъ тысячелѣтій. Извѣстно, какъ мало въ ней реальныхъ знаній, но ни греки, ни средневѣковые мыслители отнюдь не думали, что ихъ знанія о природѣ ничтожны: они, напротивъ, полагали, что ключъ къ ней можетъ быть найденъ на той дорогѣ, которая проложена въ физикѣ Аристотелемъ; они думали, что номинальныя опредѣленія понятій единаго, безпредѣльнаго, пространства и времени, движенія, и суть настоящія знанія основъ природы. Результатомъ было полное непониманіе духа реальныхъ изслѣдованій и затѣмъ крайнее невѣжество относительно окружающихъ явленій.

III. Научная классификація.

Логическое описаніе. Классификація понятій. Третій и послѣдній вопросъ, которымъ мы займемся здѣсь, есть вопросъ о научныхъ классификаціяхъ. Мы не станемъ говорить о классификаціи, *какъ наукѣ*, т. е. типѣ наукъ описательныхъ: въ свое время говоря о системѣ съ логической точки зрѣнія, мы будемъ имѣть случаи сдѣлать замѣчанія о ея значеніи въ кругу человѣческихъ знаній. Здѣсь мы намѣрены говорить о классификаціи, какъ пріемѣ, которымъ пользуется наука всякого типа: и описательнаго и изъяснительнаго и истолковательнаго.

Классификація, какъ пріемъ, можетъ быть двоякаго рода. Мы можемъ имѣть дѣло съ весьма многосложными явленіями, предметами, признаки которыхъ многочисленны. Необходимо правильно описать ихъ, т. е. правильно классифицировать признаки: въ этомъ случаѣ употребляется пріемъ логическаго описанія или классификаціи признаковъ. Съ другой стороны, необходимо бываетъ располагать понятія или предметы въ порядкѣ, лишь только намъ приходится имѣть дѣло съ многочисленными понятіями: это другой пріемъ классификаціи понятій.

Логическое описаніе мы отличаемъ отъ реторическаго и поэтическаго. Они различаются по своимъ цѣлямъ и слѣдовательно, по пріемамъ. Реторическое описаніе имѣетъ въ виду увлечь чувство слушателя и потому оно старается дать такой распорядокъ своему матеріалу, чтобы легче было увлечь вниманіе: оно можетъ поэтому отступать и дѣйствительно отступаетъ отъ логическаго порядка. Поэтическое — имѣетъ въ виду сообщеніе цѣльнаго художественнаго образа; поэтому оно придерживается преимущественно внѣшней стороны предметовъ, не всегда стараясь проникать въ ихъ сущность. Между тѣмъ цѣль логическаго описанія состоитъ преимущественно въ ознакомленіи съ признаками предмета, составляющими, такъ-сказать, его природу, въ возбужденіи понятія о предметѣ. Поэтому оно не можетъ довольствоваться случайными средствами, какъ это бываетъ при реторическомъ описаніи, не можетъ быть предоставлено личному вдохновенію описателя, какъ это бываетъ при описаніи поэтическомъ, но должно руководиться какими-либо опредѣленными пріемами относительно перечисленія признаковъ. Мы постараемся перечислить существеннѣйшія изъ этихъ правилъ.

1) Какіе признаки предметовъ могутъ подлежать классификаціи? Очевидно, не всѣ: ибо еслибы мы стали выбирать ихъ по произволу, какіе подвернутся на память, то легко можетъ случиться, что сообщимъ превратное понятіе, обставленное случайными признаками, или же, перемѣшавъ случайные съ существенными, мы заслонимъ послѣдніе первыми и опять дадимъ понятіе, лишенное научнаго значенія. Посему condicio sine qua non правильнаго логическаго описанія состоитъ въ выборѣ однихъ существенныхъ и характерныхъ признаковъ предметовъ: напр. еслибы зоологъ сообщилъ намъ всякіе случайные признаки о какой нибудь породѣ рыбъ, то онъ оставилъ бы въ умѣ нашемъ превратное о нихъ понятіе. Въ поэтическомъ описаніи это еще можетъ быть допущено, особенно если художникъ все-таки успѣлъ возбудить въ насъ представленіе внѣшняго вида предмета. Но въ логическомъ — оно было бы даже вредно, такъ какъ повело бы къ заблужденію, что данное описаніе есть чисто научное. Описывая чувство гнѣва, психологъ долженъ классифицировать предъ нами не случайныя его проявленія: не морщеніе чела или поднятіе бровей, но существенныя: его вліяніе на возбужденіе представленій, возбужденіе воли, его отраженіе въ дѣятельности нервовъ, мускуловъ, симпатической и нервной системъ и т. д.

2) Затѣмъ, при перечисленіи признаковъ, нужно держаться какого-нибудь опредѣленнаго порядка, а не перечислять ихъ какъ попало, безъ всякого плана. Нѣкоторые факты могутъ быть разсматриваемы съ разныхъ сторонъ. Въ психологіи напр. фактъ ассоціаціи обнаруживается весьма многостороннимъ образомъ: ассоціаціи по смежности простираются на разнообразную область внѣшнихъ чувствъ, на стремленія и чувствованія; волненія и настроенія имѣютъ многостороннее вліяніе на другіе факты психической и физіологической жизни человѣка. Классификація этихъ сторонъ изучаемыхъ фактовъ, очевидно, не можетъ быть производима случайно. Таково же положеніе въ нѣкоторыхъ случаяхъ и естествоиспытателя, напр. минералога: его матеріалъ, кромѣ кристаллическихъ формъ, имѣетъ свойства физическія, химическія; и здѣсь, при перечисленіи признаковъ, нужно держаться какого-нибудь плана. Въ наукахъ, которымъ часто приходится имѣть дѣло съ описаніями подобнаго рода, выработался уже опредѣленный на это пріемъ, котораго держаться если не вездѣ обязательно, то по крайней мѣрѣ, отъ котораго не слѣдуетъ часто отступать: ибо планъ этотъ возникъ не случайно, но при составленіи его имѣлось въ виду облегчить усвоеніе и пониманіе предмета: напр. минералогъ, описывая минералъ, знакомитъ съ его строеніемъ (кристаллографія), затѣмъ переходитъ къ физическимъ свойствамъ, ибо они условливаются часто строеніемъ тѣла (напр. способность преломлять свѣтъ), далѣе разъясняетъ химическій составъ тѣла, идя такимъ образомъ отъ внѣшнихъ особенностей къ внутреннимъ. Въ психологіи факты ассоціаціи разсматриваются, прежде всего по скольку они обнаруживаются въ области внѣшнихъ чувствъ: зрѣнія, слуха, вкуса, обонянія, осязанія, органическихъ ощущеній, далѣе-чувствованій въ особенномъ смыслѣ, стремленій, есть свой порядокъ при исчисленіи вліянія волненій. И вообще порядокъ долженъ быть во всѣхъ логическихъ описаніяхъ, гдѣ бы мы ни встрѣчались съ сложными предметами. Развѣ можно на удачу напр. описывать какой-нибудь историческій памятникъ? Положимъ, открыта новая рукопись и ее необходимо описать; къ дѣлу нужно приступить систематически; опытный филологъ начинаетъ съ внѣшняго вида ея, далѣе указываетъ вещество, на которомъ она написана, характеръ писменъ, переходитъ къ языку ея, характеру его и потомъ уже знакомитъ съ ея содержаніемъ и значеніемъ для исторіи. Въ археологіи, гдѣ приходится имѣть дѣло съ памятниками, многосторонне говорящими о прошлой

жизни, есть уже свои выработанные пріемы для ихъ описанія. Этимъ порядкомъ обезпечивается нетолько *полное* перечисленіе признаковъ предмета и правильное знакомство съ предметами, но и обезпечивается правильный взглядъ на памятникъ: ибо внѣшніе и мелкіе признаки обыкновенно весьма много говорятъ о внутреннихъ и глубокихъ сторонахъ предметовъ.

3) Для избѣжанія повтореній въ описаніи предметовъ должно отъ общихъ описаній нисходить къ нисшимъ постепенно. Гдѣ наука рѣдко имѣетъ дѣло съ многосложными предметами, тамъ можно довольствоваться вышеприведенными правилами. Но есть цѣлыя науки, которыя должны классифицировать многочисленные предметы въ роды и виды и также описывать ихъ. Если здѣсь производить описаніе ихъ на удачу, то придется часто повторяться, ибо признаки, встрѣчающіеся въ общихъ родахъ, естественно будутъ повторяться при описаніи нисшихъ классовъ. Такія постоянныя повторенія произвели бы путаницу и увеличивали бы научный балластъ безъ всякой пользы для дѣла. Поэтому и здѣсь долженъ быть свой порядокъ. Общія свойства должны быть перечисляемы при общихъ родахъ и затѣмъ уже нѣтъ нужды останавливаться на нихъ при описаніи болѣе частныхъ видовъ. Такого порядка и держатся науки, которымъ приходится имѣть дѣло съ многочисленными предметами, имѣющими много разнообразныхъ признаковъ. Въ естественной исторіи описываются признаки царствъ, классовъ, отдѣловъ, родовъ и т. д. и при описаніи вида или разновидности упоминаются только частныя черты. Такъ какъ памятники древности могутъ быть дѣлимы на различныя эпохи, и каждая имѣетъ свой особый характеръ, то въ наукѣ о древностяхъ, археологіи, принятъ свой методъ для описанія ихъ. Для избѣжанія повторенія сначала дѣлаются общія описанія памятниковъ извѣстной эпохи, а затѣмъ частныя. Въ психологіи приходится имѣть дѣло тоже съ сложными фактами, особенно въ отдѣлѣ о чувствованіяхъ, какъ состояніяхъ удовольствія и неудовольствія. Есть роды чувствованій эстетическихъ, интеллектуальныхъ, нравственныхъ и т. д. и каждый изъ этихъ родовъ имѣетъ общіе признаки. Они обыкновенно указываются прежде всего, частныя же черты— при описаніи каждаго отдѣльнаго вида.

4) Перечисляемые признаки не должны совпадать одинъ съ другимъ, но должны быть характерными и имѣть самостоятельное и отдѣльное значеніе. Необходимость этого правила вытекаетъ изъ самой цѣли логическихъ описаній. Послѣднія имѣютъ цѣлію

своею дать ясное и раздѣльное понятіе о существенныхъ признакахъ предметовъ. Но откуда возмется раздѣльное пониманіе, если дано будетъ сбивчивое перечисленіе признаковъ? Тогда дѣйствительно самобытныя черты могутъ затеряться между несамостоятельными признаками. Посему необходимо дѣлать тщательную сортировку ихъ. Черты, которыя можно обобщать, необходимо сливать въ одни болѣе общіе признаки. Этимъ мы достигнемъ не только раздѣльности и ясности описанія, но и краткости, которая въ дѣлѣ описанія особенно важна. Нужно помнить общее логическое правило, что всякая ясная мысль бываетъ въ тоже время и краткая. Когда описаніе расплывается въ неопредѣленныхъ и многочисленныхъ чертахъ, ясности быть не можетъ.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ классификаціей признаковъ, какъ логическимъ описаніемъ. Теперь перейдемъ къ классификаціи понятій. Она состоитъ въ правильномъ расположеніи различныхъ классовъ, понятій, смотря по степени ихъ общности.

Здѣсь должно соблюдаться прежде всего слѣдующее правило: каждый классъ долженъ обнимать предметы, имѣющіе между собою maximum сходства. Предметы болѣе сходные должны быть относимы къ одному классу, а менѣе сходные предметы къ другому; иначе понятіе класса не будетъ ясно. Если въ него будутъ введены предметы, не въ одинаковой степени сходные, то понятіе его не можетъ быть опредѣленнымъ и вмѣсто того, чтобы дать уму возможность оріентироваться въ кругу извѣстныхъ предметовъ, классификація будетъ только спутывать его понятія о взаимныхъ отношеніяхъ предметовъ. Гораздо лучше прибѣгать къ образованію лишнихъ классовъ, чѣмъ въ одномъ совмѣщать предметы, въ различной степени сходные.

Вовторыхъ, необходимо при образованіи класса, обращать вниманіе на всю совокупность признаковъ предмета. Это правило требуетъ, чтобы мы располагали предметы сообразно ихъ природѣ. Надобно стремиться къ такимъ классификаціямъ, чтобы казалось, что сама природа подѣлила предметы на указанные классы. Этимъ рѣшается вопросъ о преимуществахъ естественной классификаціи предъ искусственною. Первая основывается на совокупности признаковъ предметовъ и потому о ней можно сказать, что она располагаетъ вещи сообразно ихъ природѣ; послѣдняя беретъ большею частію одинъ какой либо признакъ и по нему образуетъ классы. Понятно, что когда идетъ дѣло о полномъ знакомствѣ

съ предметами, объ указаніи мѣста, занимаемаго ими въ природѣ, то нужно безусловно предпочитать естественную классификацію искусственной. На этомъ основаніи въ ботаникѣ система Жюсье одержала верхъ надъ Линнеевскою. Впрочемъ, когда имѣются въ виду частныя цѣли, то искусственныя классификаціи могутъ быть съ пользою употребляемы: напр. для анатома, изучающаго формы человѣческаго черепа и съ этой именно стороны классифицирующаго человѣчество, нѣтъ нужды обращать вниманіе на всю совокупность признаковъ человѣка: цвѣтъ кожи, устройство зубовъ, умственныя особенности и т. п.; онъ можетъ классифицировать людей на основаніи только особенностей черепа: на брахицефаловъ и долихоцефаловъ. Политикоэкономъ можетъ дѣлить по степени экономической состоятельности, оставивъ въ сторонѣ другія особенности людей. Археологъ можетъ классифицировать памятники по веществу, изъ котораго они состоятъ, по назначенію ихъ и по другимъ признакамъ. Вообще предпочитая естественныя классификаціи искусственнымъ, мы не должны быть слишкомъ педантичными въ этомъ случаѣ.

Логическое дѣленіе, какъ пріемъ классификаціи. Говоря о классификаціи, мы не должны обойти безъ вниманія одинъ изъ весьма важныхъ пріемовъ ея, именно логическое дѣленіе. Дѣленіемъ называется такой пріемъ, посредствомъ котораго мы разлагаемъ на части объемъ понятія: напримѣръ, человѣческій родъ по устройству черепа дѣлится на брахицефаловъ и долихоцефаловъ, науки могутъ быть историческія, математическія, философскія, естествовѣдныя, юридическія и филологическія.

Во всякомъ дѣленіи необходимо различать, во первыхъ, части дѣленія, во вторыхъ, основаніе его.

Объемъ понятія дѣлится на составныя части, которыя называются *частями дѣленія*. Такъ, въ вышеприведенныхъ примѣрахъ дѣленія понятія брахицефаловъ и долихоцефаловъ суть части дѣленія. Въ слѣдующемъ примѣрѣ: по дарованіямъ люди дѣлятся на геніевъ, таланты и даровитыхъ людей, понятія генія, талантовъ, даровитыхъ людей, суть части дѣленія.

Основаніемъ дѣленія называется признакъ, который полагается въ основу его и руководясь которымъ, мы дробимъ понятія. Признаковъ, какъ основаній для дѣленія, въ большей части понятій можетъ быть нѣсколько: напримѣръ, треугольники можно дѣлить по угламъ на тупо-,остро- и прямоугольные, по сторонамъ — на рав-

носторонніе и неравносторонніе. Науки могутъ быть дѣлимы по *содержанію* на естествовѣдныя, философскія, историческія и т. д., но могутъ быть дѣлимы и по методу, ими употребляемому: на дедуктивныя и индуктивныя. Чѣмъ предметъ дѣленія общѣй, тѣмъ разнообразнѣй могутъ быть основанія для его дѣленія. Нѣтъ нужды всегда исчерпывать всѣ способы дѣленія, возможные для извѣстнаго предмета. Въ этомъ дѣлѣ мы должны руководиться практическими цѣлями: съ которой стороны желаемъ разсматривать предметъ, съ той и должны выбирать признакъ, какъ основаніе дѣленія.

Часто бываетъ необходимо не останавливаться на тѣхъ частяхъ дѣленія, на которыя мы раздѣлили объемъ даннаго понятія, но продолжать дѣленіе еще далѣе. Это бываетъ, когда мы имѣемъ дѣло съ слишкомъ обширнымъ объемомъ, такъ что части дѣленія сами имѣютъ слишкомъ обширный объемъ. Мы продолжаемъ тогда дѣлить части дѣленія. Части частей дѣленія называются въ логикѣ спеціальнымъ названіемъ подраздѣленій: напримѣръ, если вышеприведенное дѣленіе науки продолжать такъ: науки философскія дѣлятся на философское ученіе о бытіи или метафизику, о природѣ или философскую физику (философію природы), о нравственности или этику, то это будутъ подраздѣленія.

Чтобы дѣленіе достигало своей цѣли, оно должно удовлетворять слѣдующимъ условіямъ:

1) Всѣ части его, вмѣстѣ взятыя, должны быть равны дѣлимому, т. е. въ нихъ не должно быть ничего лишняго, что въ объемъ дѣлимаго понятія не входитъ (это требованіе выражается старымъ логическимъ правиломъ, что дѣленіе не должно быть слишкомъ широко), и съ другой стороны, части дѣленія должны исчерпывать объемъ понятія (что обозначается опять старымъ правиломъ, что дѣленіе не должно быть слишкомъ узко). Иначе, въ первомъ случаѣ дѣленіе дастъ сбивчивое понятіе объ объемѣ дѣлимаго, внося въ него нѣчто инородное, во второмъ случаѣ оно недостаточно для полнаго ознакомленія съ объемомъ дѣлимаго.

2) Части дѣленія должны взаимно себя исключать. Иначе, мы будемъ повторяться и вмѣсто раздѣльнаго понятія о дѣлимомъ, сообщать сбивчивое. Это правило основывается на томъ общемъ логическомъ фактѣ, что соподчиненные виды, понятія взаимно себя исключаютъ, а въ дѣленіи объемъ понятія дѣлится именно на соподчиненные виды, въ немъ заключающіеся.

3) Наконецъ, укажемъ правило, хотя и не всегда обязательное, но выполненіе котораго было бы желательно въ большинствѣ случаевъ, именно: должно избѣгать, по возможности, многочисленности дѣленія. Многосложное дѣленіе предъявляетъ слишкомъ большія требованія къ памяти и потому рѣдко достигаетъ своей цѣли, дать ясное и полное понятіе объ объемѣ дѣлимаго. Въ педагогической практикѣ оно должно быть безусловно избѣгаемо. Но и въ наукахъ, предназначаемыхъ для зрѣлыхъ слушателей или читателей, гораздо полезнѣе, въ случаѣ обширности дѣленія, дѣлать лишнія подраздѣленія, чѣмъ сразу указывать десятокъ или болѣе членовъ дѣленія. Простая и несложная мысль оставляетъ послѣ себя всегда ясное представленіе, тогда какъ многосложная, даже въ случаѣ своей ясности, легко можетъ оставлять темные и перепутанные слѣды.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Сужденія.

Что такое сужденіе? На этотъ вопросъ не такъ легко найти отвѣтъ, какъ на вопросъ, что такое понятіе. Нѣтъ другого логическаго пріема, который развивался бы такъ разносторонне, такъ разнообразно примѣнялся бы къ многоразличнымъ нуждамъ и потребностямъ знанія. Съ помощію сужденій мы то развертываемъ познавательное богатство, скопленное въ понятіяхъ, — изъясняемъ объемъ, раскрываемъ содержаніе ихъ, то слѣдимъ за разнообразными реальными явленіями, указывая присутствіе или отсутствіе ихъ, взаимную связь и т. д. Оттого трудно дать опредѣленіе сужденія, могущее исчерпывать его сущность и обнимать его различныя стороны.

Постараемся выяснить себѣ природу сужденій чрезъ анализъ различныхъ мнѣній о нихъ.

Мнѣніе формальной и индуктивной школъ о сужденіяхъ. Обратимся къ мнѣнію формальной логики. Почти всѣ представители ея, начиная съ Канта и кончая нашимъ почтеннымъ составителемъ «Систематическаго изложенія Логики» профессоромъ Карповымъ, опредѣляютъ сужденіе, какъ означеніе отношеній между понятіями. Эта школа исходитъ изъ того положенія, что чего нѣтъ въ понятіи, того нельзя ожидать и въ сужденіи, или что въ сужденіе можетъ входить только то, что со-

держится въ понятіи *). Иногда взглядъ этотъ оттѣняется: въ сужденіи выражаются отношенія между представленіями. Это опредѣленіе сдѣлано, очевидно, въ подражаніе грамматикѣ, опредѣляющей предложеніе, въ которомъ выражается сужденіе, какъ обозначеніе отношеній между подлежащимъ и сказуемымъ. Этотъ взглядъ имѣетъ два главныхъ недостатка. Во первыхъ, означенное опредѣленіе очень узко, ибо подъ него не подойдетъ многочисленный разрядъ реальныхъ сужденій. «Человѣкъ поскользнулся и упалъ», развѣ въ этомъ сужденіи мы хотимъ обозначать отношеніе между понятіемъ человѣка и понятіями поскользновенія и паденія? Это была бы очевидная натяжка; мы просто хотимъ обозначить фактъ, подмѣченный наблюденіемъ, что человѣкъ поскользнулся и упалъ. «Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо», неужели и здѣсь мы обозначаемъ отношеніе между понятіемъ Наполеона и понятіемъ пораженія при Ватерлоо? Когда мы судимъ о солнцѣ, что оно притягиваетъ къ себѣ землю, то имѣемъ въ виду обозначить зависимость движеній земли отъ массы солнца, но отнюдь не отношеніе между понятіями земли и солнечнымъ притяженіемъ. Если сообразить, что сужденія, обозначающія факты и зависимость одного явленія отъ другого, составляютъ большую часть нашихъ сужденій вообще, то очевидно, указанное опредѣленіе не даетъ намъ ни какого понятія о главнѣйшихъ видахъ сужденій. Во вторыхъ, опредѣленіе это не совсѣмъ точно схватываетъ природу даже и тѣхъ сужденій, которыя, повидимому, могли бы подходить подъ него. Мы говоримъ: человѣкъ смертенъ, въ наукѣ есть методъ, логика есть наука. Что мы хотимъ собственно сказать въ этихъ сужденіяхъ? указать ли также, что есть отношенія между понятіями человѣка и смертности, наукою и методомъ, логикою и наукою? Отнюдь не это, а то, что въ предметѣ, мыслимомъ нами какъ человѣкъ, *есть* черта смертности, что науку можно мыслить только съ методомъ, что логику слѣдуетъ понимать какъ науку. Какъ будто бы и въ этомъ родѣ сужденій, повидимому, неимѣющихъ реальнаго значенія, есть тоже нѣчто, обнаруживающееся въ сужденіяхъ реальныхъ: какъ въ предложеніи «этотъ человѣкъ красивъ» мы обозначаемъ присутствіе качества, дѣлающаго его

*) Напр. Кантъ опредѣляетъ сужденіе: «Ein Urtheil ist die Vorstellung der Einheit des Bewusstseins verschiedener Vorstellungen, oder die Vorstellung des Verhaltnisses derselben, sofern sie einen Begriff ausmachen» (Jmman. Kants Logik. Reuttingen 1801, p. 156).

въ нашихъ глазахъ красивымъ, такъ говоря «физика развивается по методу индуктивному» мы указываемъ присутствіе въ наукѣ индуктивнаго пріема. Но подъ указанное опредѣленіе и эта сторона не подойдетъ: ибо отношеніе не есть присутствіе.

Мнѣніе индуктивной логики о сужденіяхъ указываетъ преимущественно на реальное значеніе ихъ. Въ своей Логикѣ Милль *) говоритъ: пусть сказуемымъ будетъ какой-нибудь обозначающій терминъ, и чтобы обратиться къ первому попавшемуся простому случаю, подлежащимъ пусть будетъ собственное имя: вершина Чимборазо бѣла. Слово бѣла означаетъ свойство (attribut), которымъ обладаетъ индивидуальный предметъ, обозначенный словами: вершина Чимборазо; свойство же это состоитъ въ физическомъ фактѣ, что оно возбуждаетъ въ человѣческомъ существѣ ощущеніе, называемое нами ощущеніемъ бѣлаго цвѣта... Слѣдовательно, смыслъ предложенія тотъ, что индивидуальный предметъ, означенный подлежащимъ, имѣетъ свойства, обозначаемыя сказуемымъ». Продолжая свой анализъ далѣе, Милль приходитъ къ выводу, что (109), въ сущности, предложеніе говоритъ о томъ, что одно явленіе сопровождаетъ другое; такъ что встрѣчая одно, мы увѣрены, что найдемъ и другое. Въ примѣчаніяхъ къ труду Джемса Милля **) онъ говоритъ: сужденіе можетъ быть опредѣлено какъ форма рѣчи, выражающая убѣжденіе, что извѣстное сосуществованіе, или преемство ощущеній или идей было, есть или при извѣстныхъ условіяхъ будетъ; при отрицательныхъ предложеніяхъ предполагается противное. Такого же, въ сущности, взгляда держится Бэнъ ***). Сужденіе для индуктивной школы есть выраженіе нашего убѣжденія въ прошедшемъ, настоящемъ или будущемъ сосуществованіи или преемствѣ нашихъ представленій или ощущеній.

Этотъ взглядъ, дѣйствительно, можетъ быть подтвержденъ многочисленными примѣрами сужденій. Во множествѣ случаевъ, судя о вещахъ, мы означаемъ слѣдованіе одного явленія за другимъ: солнце свѣтитъ (сосуществованіе дѣйствія съ предметомъ,

---

*) Vol. I, 107.

**) Analysis of the Phenomena of the human Mind. Vol. I, 164 p. London 1869. «Predication may thus be defined, a form of speech which expresses a belief that a certain coexistence or sequence of sensation or ideas, did, does, or under certain conditions would take place: and the reverse of this when the predication is negative».

***) Logic. Vol. I, 100—107.

его обнаруживающимъ), этотъ человѣкъ уменъ (сосуществованіе качества съ предметомъ), мышьякъ отравляетъ человѣка (преемство явленій: пріемъ мышьяку и разрушительное дѣйствіе на организмъ). Но такъ какъ непосредственно съ реальными предметами мышленіе дѣла не имѣетъ, а можетъ касаться только ихъ представленій, то Милль во второмъ опредѣленіи даетъ болѣе точное опредѣленіе факта сужденія. Примемъ его за окончательное выраженіе взгляда этого мыслителя на сужденіе.

Но во первыхъ, это опредѣленіе выводитъ на сцену понятіе еще болѣе трудное для опредѣленія, чѣмъ definiendum. Сужденіе выражаетъ убѣжденіе или вѣру (belief), спрашиваемъ, что это за фактъ? Такъ какъ Милль (вмѣстѣ съ Бэномъ) предполагаетъ участіе воли въ убѣжденіи, какъ одинъ изъ составныхъ его элементовъ, то этимъ опредѣленіемъ мы какъ бы выводимся изъ сферы умственной дѣятельности и какъ-бы отказываемся отъ задачи дать чисто логическое опредѣленіе. Мы разсматриваемъ здѣсь сужденіе, какъ пріемъ ума, и требуемъ опредѣленія его, какъ логическаго пріема, а не какъ психическаго факта. Когда далѣе Милль прибавляетъ, что въ сужденіи выражается убѣжденіе въ настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ сопутствованіи ощущеній или идей, то въ этомъ опредѣленіи окончательно исчезаетъ логическая природа сужденія: оно отожествляется съ простымъ фактомъ ассоціаціи представленій. Вмѣсто логическаго пониманія природы сужденія и его значенія въ ряду другихъ пріемовъ мысли, мы видимъ только психологическую основу ихъ: въ ассоціаціи нѣтъ никакой работы собственно мыслительной; она механически за однимъ психическимъ явленіемъ вызываетъ другое.

Во вторыхъ, это опредѣленіе въ обоихъ своихъ видахъ также слишкомъ узко, какъ и взглядъ формальной школы. Многія сужденія не подойдутъ подъ него: человѣкъ можетъ быть безсмертнымъ существомъ, здѣсь мысль сосредоточивается не на сопутствованіи идеи человѣка идеѣ безсмертія, а на возможности безсмертія для человѣка; наука необходимо предполагаетъ методъ, и здѣсь мы выражаемъ не убѣжденіе въ сосуществованіи двухъ явленій науки и метода, а необходимость для всякой науки держаться метода. Въ математическихъ сужденіяхъ: $2 \times 2 = 4$, $3 + 5 = 8$, развѣ мы выражаемъ слѣдованіе двухъ явленій, а не равенство двухъ чиселъ? Когда мы приравниваемъ различныя выраженія одной и той же мысли одно другому, мы даемъ своимъ сужденіямъ характеръ необходимости и этотъ именно характеръ не-

обходимости ихъ равенства обозначаемъ въ упомянутыхъ сужденіяхъ.

Опредѣленіе сужденія. Чтобы дойти до удовлетворительнаго опредѣленія сужденія, мы должны дать себѣ отчетъ въ главномъ элементѣ, на которомъ оно основывается. Такою основною частію не можетъ быть признано ни подлежащее, ни сказуемое предложенія: взятыя въ отдѣльности, ничѣмъ не связанныя, они не составятъ сужденія. Значитъ, мы должны сосредоточить свое вниманіе на значеніи связи въ сужденіи. Эта связь сужденія обыкновенно выражается словомъ «есть»: даже въ тѣхъ предложеніяхъ, въ которыхъ такой связи, повидимому, нѣтъ, мы, можемъ отыскать ее и сдѣлать очевидною. Что же именно мы означаемъ, употребляя глаголъ быть?

Прежде всего мы употребляемъ его въ чисто реальномъ значеніи: обозначаемъ имѣніе или нахожденіе предмета въ пространствѣ (онъ былъ тамъ то, домъ находится рядомъ съ другимъ) или слѣдованіе одного явленія за другимъ (послѣ пораженія при Ватерлоо, Наполеонъ снова былъ низвергнутъ съ престола, сила тяжести заставляетъ падать тѣла, мышьякъ соединяется со стѣнками желудка и разрушаетъ ихъ, крестьянская реформа принесетъ обильные плоды въ будущемъ), или равенство и неравенство одного предмета другому (этотъ домъ больше другого, этотъ человѣкъ выше ростомъ, чѣмъ его сосѣдъ, два стола равны другъ другу, $2+3=5$ и т. д.).

Но въ другихъ случаяхъ этого реальнаго характера слово *есть* не выдерживаетъ. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ оно прилагалось къ какимъ либо реальнымъ явленіямъ, но можно прилагать его и къ чисто отвлеченнымъ и воображаемымъ предметамъ. Зевсъ есть богъ, хотя Зевса, какъ дѣйствительнаго существа, мы не допускаемъ, и не вѣримъ, чтобы онъ былъ настоящимъ Богомъ. Здѣсь мы приписываемъ подлежащему свойство божественности, т. е. просто мыслимъ представленіе Зевса въ извѣстномъ опредѣленномъ значеніи. Связью мы указываемъ также, что предметъ принадлежитъ къ извѣстному роду: человѣкъ есть разумное существо, логика есть наука. Мы означаемъ здѣсь не то, что предметъ помѣщается въ томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ и его родъ, но что онъ долженъ быть мыслимъ подъ совокупностью родовыхъ признаковъ.

Такимъ образомъ связь въ сужденіи можетъ означать или реальное сосуществованіе и послѣдовательность явленій, или чисто

логическое нахожденіе признаковъ въ понятіи и представленіи, или логическую же зависимость одного понятія отъ другого.

Что значитъ логическое нахожденіе признаковъ въ понятіяхъ и представленіяхъ и ихъ взаимная логическая зависимость, это понять легко. Когда мы приписываемъ предмету свойство (напримѣръ: Богъ всемогущъ, человѣкъ уменъ, наука развивается по методу), что мы дѣлаемъ въ логическомъ отношеніи? Мы опредѣляемъ предметъ съ извѣстной стороны; мы выражаемъ мысль, что Бога нужно здѣсь мыслить, какъ Всемогущаго, извѣстнаго человѣка представляемъ себѣ какъ умнаго — именно со стороны ума, науку мыслимъ не въ какихъ либо иныхъ отношеніяхъ какъ только со стороны метода. Когда мы относимъ предметъ къ извѣстному классу: этика есть философская наука, Сократъ былъ общественный дѣятель, мы опять дѣлаемъ ничто иное, какъ обозначаемъ понятіе съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ, т. е. мыслимъ его со стороны общихъ признаковъ, приписывая ему родовыя качества. Этика есть наука философская, это значитъ, что мы мыслимъ эту науку со стороны общихъ ея признаковъ, по которымъ она должна быть относима къ разряду философскихъ наукъ; Сократъ былъ общественный дѣятель, т. е. мы представляемъ себѣ Сократа съ тѣхъ сторонъ, по которымъ узнается общественный дѣятель.

Не такъ легко исчерпать въ логическомъ опредѣленіи значеніе сужденій, имѣющихъ реальный характеръ. Однако, что же мы дѣлаемъ логически, когда мы утверждаемъ сосуществованіе или послѣдовательность явленій. Прежде всего само собою предполагается, что въ своихъ сужденіяхъ мы не имѣемъ дѣла непосредственно съ явленіями: если предметъ не дѣйствуетъ на насъ никакимъ образомъ, то онъ для насъ все равно, что не существуетъ. Мы можемъ о немъ разсуждать, только когда онъ возбуждаетъ въ насъ ощущенія, представленія или понятія. Но собственно говоря, ощущенія не могутъ служить основою для разсужденій о предметѣ. Сами по себѣ они суть неопредѣленныя возбужденія; опредѣленными, предметными въ нашихъ глазахъ они становятся, лишь только когда уже образуется въ насъ образъ, идея предмета. Можно ощущать свѣтъ, звукъ и не относить ихъ къ опредѣленному предмету (таковы ощущенія дѣтей въ первое время по рожденіи); ощущать что либо и относить ощущенія къ объекту можно тогда, когда мы умѣемъ правильно истолковывать ихъ, т. е. когда съ помощію ассоціаціи образуются представленія. Итакъ говоря точно,

въ реальныхъ сужденіяхъ сосуществованія, послѣдовательности явленій мы имѣемъ дѣло опять съ собственными представленіями или понятіями, понимаемыми въ смыслѣ дѣйствительныхъ предметовъ (объектовъ).

Опять спрашиваемъ, что мы въ сущности дѣлаемъ, когда мыслимому предмету (представленію или понятію) приписываемъ сосуществованіе или послѣдовательность за другимъ тоже мыслимымъ предметомъ? Мы такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, опредѣляемъ его въ извѣстномъ значеніи, или мыслимъ его опредѣленнымъ съ извѣстныхъ сторонъ. Когда мы утверждаемъ, что Наполеонъ былъ пораженъ при Ватерлоо, то въ сущности мы умственно обозначаемъ идею Наполеона, какъ реальнаго предмета съ извѣстной стороны: мы означаемъ его какъ пораженнаго въ этомъ сраженіи. Зимній Дворецъ стоитъ на берегу Невы — указывая сосуществованіе Зимняго Дворца рядомъ съ берегомъ, мы умственно обозначаемъ идею Зимняго Дворца съ извѣстной стороны, какъ предмета, наблюдаемаго съ берега Невы. Мышьякъ отравляетъ организмъ—и въ этомъ случаѣ мы мыслимъ идею мышьяка, не въ какихъ-либо иныхъ отношеніяхъ и не съ какой иной стороны, какъ поскольку онъ вреденъ для организма. «Вслѣдствіе закона тяжести тѣла падаютъ на землю» мы мыслимъ здѣсь тѣла но не со стороны ихъ протяженія, ни со стороны логическаго состава, а съ той, по скольку они подчиняются закону тяжести и падаютъ. «Я вижу и слышу:» указывая въ сужденіи фактъ видѣнія и слышанія, что въ сущности я совершаю въ умственномъ отношеніи? Смотря потому, что хочу я преимущественно обозначить, я даю извѣстный тонъ сужденію: *я* вижу, это значитъ мы мыслимъ въ этотъ моментъ себя, поскольку мы видимъ и слышимъ, т. е. съ этой стороны обозначаемъ себя; я *вижу и слышу*, это значитъ мы обозначаемъ ощущеніе извѣстнаго наблюдаемаго предмета, поскольку оно принадлежитъ намъ, т. е. мыслимъ его опредѣленнымъ, обозначаемымъ съ этой стороны.

Теперь для насъ возможно опредѣлить, что такое сужденіе. Судить значитъ обозначать предметъ (мышленія, представленія) съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ, въ извѣстномъ опредѣленномъ значеніи. Сужденіе есть, слѣдовательно, логическій пріемъ обозначенія предмета съ извѣстныхъ сторонъ.

Отличіе сужденій отъ опредѣленныхъ понятій и понятій вообще. Противъ даннаго нами опредѣленія можетъ быть сдѣлано возраженіе, на которомъ считаемъ нужнымъ остановиться. Если

судить значитъ обозначать предметъ съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ, то чѣмъ, спрашивается, сужденіе будетъ отличаться отъ мышленія опредѣленнаго понятія, представляемаго съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ? напримѣръ, говоря «желтозеленый листъ» мы также мыслимъ предметъ — листъ съ опредѣленной стороны, «бѣлоснѣжная вершина» также представляется намъ, какъ понятіе опредѣлившееся, и высказывая эти названія, мы также означаемъ предметъ съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ.

Конечно, между логическими пріемами понятія, сужденія и умозаключенія есть близкое соотношеніе, такъ что они часто или служатъ одно другому, или совпадаютъ, не теряя однако своей самобытности и характерности. Въ сужденіяхъ мы также что либо представляемъ, понимаемъ; слѣдовательно, въ нихъ есть много такого, что встрѣчается въ понятіяхъ: все равно какъ въ умозаключеніи, дѣлая выводъ, мы судимъ о чемъ-нибудь. Поэтому опредѣленіе сужденія можетъ напоминать опредѣленное понятіе, но въ сущности между ними есть большое различіе. Свѣтложелтый листъ и листъ свѣтложелтъ, умный человѣкъ и человѣкъ уменъ, здѣсь слова одни и тѣ же, и никакого рѣзкаго различія въ пониманіи человѣка мы не найдемъ, когда онъ говоритъ: желтый листъ и листъ желтъ. Въ оба момента онъ совершенно одинаково понимаетъ предметъ и въ обоихъ случаяхъ представляетъ себѣ его опредѣленнымъ съ извѣстной стороны. Въ чемъ же заключается различіе? Что оно есть, это чувствуется и сознается всякимъ. Дѣло въ томъ, что, говоря—желтый или свѣтложелтый листъ, мы мыслимъ вообще предметъ опредѣленный со стороны цвѣта: черта желтизны здѣсь слита и представляется какъ бы нераздѣльно съ предметомъ, листомъ. Когда же мы говоримъ: листъ желтъ, то мы мыслимъ ту же черту *отдѣльно* отъ имѣющаго ее предмета и съ этой именно стороны въ данный моментъ опредѣляемъ (полагаемъ) предметъ для себя и для другихъ. Сужденіе въ этомъ случаѣ не есть только мышленіе опредѣленнаго предмета (хотя это необходимо предполагается), но и раздѣльное означеніе опредѣляющаго въ опредѣляемомъ. Характеръ слитности чертъ съ самымъ предметомъ всегда присущъ понятіямъ, какъ конкретнымъ, такъ и отвлеченнымъ; характеръ раздѣльности опредѣляющихъ чертъ отъ предмета, обладающаго ими, составляетъ характеристичную черту сужденія. Какъ въ умозаключеніи мы не судимъ собственно о предметахъ, хотя безъ сужденій они невозможны, а связываемъ ихъ и показываемъ, какъ одно сужденіе вытекаетъ

изъ другого, такъ и въ сужденіи мы нетолько представляемъ опредѣленный предметъ (безъ этого условія оно невозможно), но означаемъ, что въ данный моментъ мы думаемъ о предметѣ съ извѣстной стороны. Въ этомъ заключается весь смыслъ copula и этою чертою сужденіе отличается отъ опредѣленнаго понятія.

Такое пониманіе сужденія даетъ намъ возможность правильно понять вообще отношеніе сужденія къ понятіямъ. Первое невсегда зависитъ отъ послѣдняго: оно можетъ возникать и помимо понятія изъ простыхъ представленій. Означать предметъ опредѣленнымъ въ извѣстномъ отношеніи можно на основаніи одного представленія. Большая часть нашихъ житейскихъ сужденій, сужденія простыхъ необразованныхъ классовъ общества возникаютъ съ помощію представленій. Представленіе наблюдаемаго предмета служитъ основою, изъ показаній наблюденія берутся черты, служащія ему опредѣленіемъ. Мы судимъ, напримѣръ, о цвѣтѣ лица, одеждѣ, походкѣ, объ ежедневныхъ происшествіяхъ, о предметахъ, насъ окружающихъ, рѣдко съ помощію понятій, большею частію на основѣ представленій. Поэтому ошибочно думать, что сужденія могутъ возникать только изъ однихъ понятій. Отъ послѣднихъ сужденія отличаются именно тѣмъ, что въ нихъ извѣстная опредѣленная подробность мыслится и означается отдѣльно отъ предмета, а не представляется слитно съ нимъ, какъ это бываетъ съ понятіями. Мы говоримъ: наука, человѣкъ, тяжесть, и понимаемъ ихъ какъ нѣчто цѣлое, съ существенными, общими, неизмѣнными и постоянными чертами во всей ихъ совокупности: безъ представленія предмета, какъ цѣлаго, сосредоточивающаго въ себѣ общіе и существенные признаки, нѣтъ понятія. Когда же мы судимъ объ этихъ предметахъ, мы умственно схватываемъ только одну подробность, только одну сторону, съ которой намъ требуется мыслить его въ данномъ случаѣ. Мы говоримъ, наука предполагаетъ методъ: въ этомъ случаѣ мы устраняемъ мысль о содержаніи, системѣ ея, а мыслимъ, представляемъ науку со стороны метода. «Человѣкъ смертенъ», мы не думаемъ ни объ организаціи его, ни объ исторіи, ни умственныхъ моральныхъ качествахъ, а мыслимъ человѣка со стороны судьбы его здѣсь на землѣ. «Тяжесть законъ всеобщій» судя такъ, мы мыслимъ ее въ значеніи закона, не думая о математической формулѣ, въ которой выражается дѣйствіе ея. Слѣдовательно, въ понятіи мы мыслимъ предметъ какъ нѣчто цѣлое, заключающее въ себѣ совокупность признаковъ, въ сужденіи же только съ извѣстной опредѣленной стороны.

Источникъ содержанія сужденій. Откуда берется матеріалъ для точнѣйшаго опредѣленія предметовъ сужденія? Онъ заимствуется изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ Иногда само представленіе или понятіе предмета можетъ служить основою для опредѣленія или обозначенія какой либо стороны его въ сужденіи. Мы судимъ: столъ желтъ, нашъ пріятель имѣетъ черные волосы, домъ желтый; въ этомъ случаѣ мы представляемъ предметъ и на основаніи образа, сложившагося у насъ, или представленія его, мы указываемъ существующій у него признакъ, отличающій его отъ другихъ предметовъ. Понятно, что случайно представленное сужденіе можетъ обозначать предметъ въ самыхъ случайныхъ его подробностяхъ. Въ другихъ случаяхъ мы судимъ на основаніи понятій о предметѣ. Таковы сужденія научныя, возникающія въ мыслителяхъ потому, что они имѣютъ настоящія серьезныя понятія о вещахъ; таковы вообще сужденія людей, много размышлявшихъ и достигшихъ правильныхъ и многосторонніхъ понятій, напримѣръ финансиста, который обсуждаетъ тѣ или другія государственныя мѣры на основаніи понятій политической экономіи, психолога, который судитъ о душевномъ фактѣ на основаніи его понятія и т. д. Сужденіе можетъ опираться на показанія опыта и наблюденія. Мы судимъ о томъ, что видимъ и слышимъ сами, или по переданному устному и письменному преданію. Изъ этихъ источниковъ мы черпаемъ признаки, черты, подробности, которыя въ сужденіи присоединяемъ къ понятіямъ или представленіямъ, и обозначаемъ ихъ съ этихъ новыхъ сторонъ, т. е. въ этихъ случаяхъ предметы обозначаются съ какой либо стороны не на основаніи понятія его, а изъ нововозникающихъ матеріаловъ познаванія, изъ представленій, возникающихъ непосредственно изъ опыта и наблюденія.

Примѣчаніе. Послѣднее замѣчаніе объясняетъ намъ, почему качество сужденія не всегда соотвѣтствуетъ качеству понятія. Когда сужденіе держится на абстрактной почвѣ, т. е. на той же почвѣ, на которой возникаютъ понятія, то качество его будетъ прямо зависѣть отъ качества понятій: послѣднія хороши, будутъ научны и первыя. Но когда сужденія переходятъ на почву практики, т. е. касаются предметовъ, нуждъ, потребностей, явленій, знакомство съ которыми дается чрезъ опытъ и наблюденіе, которыя требуютъ отъ судящаго наблюдательной прозорливости, то зависимость сужденія отъ понятія ослабляется. Можно имѣть прекрасныя понятія и очень дурно судить о вещахъ, т. е. можетъ

не быть умѣнья опредѣлять и мыслить предметы съ той стороны, которая требуется обстоятельствами, практическими потребностями, можно не умѣть съ этихъ практическихъ сторонъ умственно схватывать понятіе. Есть, напримѣръ, теоретики, которые готовы великолѣпно обсудить вопросъ теоретически, но которые, будучи напримѣръ на административномъ постѣ, оказываются дурно обсуждающими, что нужно дѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ, и неспособны приспособлять свои понятія къ текущимъ вопросамъ общественной жизни.

Роды и виды сужденій. Дѣленіе Канта. Обратимся къ анализу сужденій по ихъ родамъ и видамъ. Смотря на сужденіе, какъ указаніе отношеній между понятіями, Кантъ задалъ себѣ вопросъ, сколько можетъ быть способовъ сравнивать понятія и поставлять ихъ во взаимныя отношенія. Онъ нашелъ ихъ четыре. Судя о чемъ бы то нибыло, мы обращаемъ вниманіе или на качество, или количество понятій, или на отношеніе между ними, или на такъ называемую модальность ихъ и потому сужденія различаются по количеству, качеству, отношенію и модальности.

По количеству. Когда мы судимъ о томъ, къ цѣлому ли объему понятія или части его можетъ быть приложено сравниваемое понятіе, тогда у насъ получаются сужденія: или 1) всеобщія, когда понятіе можетъ быть сказуемымъ другого въ цѣломъ его объемѣ (всѣ науки полезны); 2) частныя, когда сказуемое прилагается только къ части объема подлежащаго, (нѣкоторыя науки занимаются общественными явленіями), и 3) когда сказуемое прилагается только къ единственному экземпляру понятія (логика занимается пріемами мышленія).

По качеству. Сужденія бываютъ или положительныя, когда мы говоримъ что либо о предметѣ утвердительно (человѣкъ смертенъ), 2) или отрицательныя, когда мы отрицаемъ присутствіе признака въ понятіи; 3) или безконечныя: напримѣръ, душа есть нѣчто безсмертное. Мы приписываемъ здѣсь предмету отрицательный признакъ. Въ обыкновенномъ отрицательномъ сужденіи отрицаніе помѣщается въ связи (copula); въ безконечномъ связь утвердительная, только сказуемое есть отрицательный признакъ. Безконечными они названы потому, что утверждаютъ о предметѣ только то, что онъ не есть, но ничего не говорятъ, что онъ такое, и такимъ образомъ открываютъ возможность безконечно многихъ опредѣленій подлежащаго.

По отношенію, именно по различію отношеній, въ какія ставится сказуемое къ подлежащему: 1) или сказуемое ставится въ отношеніе къ подлежащему, какъ его свойство; тогда подлежащее принимается за сущность (substantia), въ которой мы допускаемъ или отрицаемъ существованіе какого либо свойства (accidens); это сужденія категорическія; 2) или же мы судимъ объ отношеніяхъ подлежащаго и сказуемаго такъ, что одна половина сужденія представляется какъ основаніе, а вторая часть его какъ слѣдствіе; это условныя или гипотетическія сужденія; 3) раздѣлительныя, въ которыхъ мы разъясняемъ объемъ понятія. Тогда какъ условныя и категорическія суть сужденія содержанія, раздѣлительныя суть сужденія объема понятія.

Наконецъ, Кантъ различаетъ сужденія по модальности. Или 1) мы считаемъ извѣстное соединеніе понятій возможнымъ: напримѣръ, человѣческая душа можетъ быть безсмертна; или 2) мы считаемъ соединеніе понятій реальнымъ фактомъ; напримѣръ, то же сужденіе можемъ выразить: человѣческая душа дѣйствительно безсмертна; или 3) мы считаемъ соединенія понятій въ сужденіи необходимымъ: человѣческая душа необходимо безсмертна. Первое сужденіе у Канта названо проблемматическимъ (προβάλλω, πρόβλημα), второе ассерторическимъ (assero), третье аподиктическимъ (ἀποδείκνυμι, ἀποδεικτικός).

Объ этомъ дѣленіи сужденій нужно замѣтить, что 1) безконечное сужденіе допущено Кантомъ только для того, чтобъ выдержать трехчастное дѣленіе для каждой категоріи сужденій. Въ сущности, оно есть обыкновенное отрицательное сужденіе, только отрицаніе въ немъ отнесено къ сказуемому, а не помѣщено въ связкѣ, какъ это въ обыкновенныхъ отрицательныхъ сужденіяхъ. Вовторыхъ, несомнѣнно, что точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно дѣлить сужденія гораздо болѣе, чѣмъ сколько указано Кантомъ: онъ не упоминаетъ о различіи сужденій по ихъ происхожденію, значенію и взаимному отношенію.

Сужденія могутъ быть анализуемы съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Они могутъ быть различаемы: 1) по характеру обозначенія предмета въ опредѣленномъ значеніи, 2) со стороны обширности приложенія сужденій къ предметамъ, 3) ихъ происхожденія; 4) сужденія можно разсматривать со стороны ихъ состава, 5) по ихъ взаимному отношенію и наконецъ 6) со стороны значенія, смысла, какой они имѣютъ.

I. Характеръ обозначенія предмета въ опредѣленномъ значеніи можетъ въ различныхъ сужденіяхъ весьма видоизмѣняться. Съ одной стороны, мы можемъ означать предметъ положительно опредѣленнымъ и можемъ отрицать въ немъ какія либо стороны; въ этомъ состоитъ различіе качества сужденій. Съ другой стороны, можно мыслить сторону, черту, которою опредѣляется предметъ, какъ нѣчто возможное или дѣйствительное или необходимое. Это различіе сужденій называется модальностію или измѣняемостію *) ихъ.

Мы можемъ представлять предметъ положительно опредѣленнымъ съ извѣстной стороны и тогда мы судимъ о немъ утвердительно, или представляемъ его чуждымъ какого либо опредѣленія и тогда мы судимъ о немъ отрицательно. Мы говоримъ: логика есть наука, мышленіе есть душевная дѣятельность, домъ большой; очевидно, мы обращаемся въ этомъ случаѣ къ предмету, умственно схватывая наблюдаемую или мыслимую въ немъ черту. При утвержденіяхъ мы основываемся или на наблюденіи: напримѣръ, улица прямая, солнце взошло, или на понятіи предмета, образованномъ абстрактнымъ путемъ: напр. Божество есть нравственный идеалъ для всѣхъ. Конечно, здѣсь основаніемъ служитъ не опытъ, не наблюденіе, но абстрактное понятіе Божества, означаемое въ значеніи всеобщаго идеала. Съ другой стороны, мы судимъ: столъ не красный, не Франція осталась побѣдительницею въ войнѣ 1870 года, физика не занимается душевными явленіями. Отрицательныя сужденія имѣютъ тотъ смыслъ, что въ нихъ мы мыслимъ и означаемъ предметъ неимѣющимъ какой либо подробности. Они, слѣдовательно, суть плоды нашего сравниванія, сопоставленія предметовъ. Непосредственно нельзя наблюдать, какъ предметъ чего либо не имѣетъ, какъ отсутствуетъ въ немъ та или другая подробность. Только когда мы сопоставимъ нѣсколько предметовъ вмѣстѣ, можемъ понять, что черты, подробности, опредѣленія одного не могутъ быть приписываемы другому.

Можно различать сужденія по характеру, въ какомъ опредѣляется мыслимый предметъ въ сужденіи. Какъ самый предметъ,

*) Модальность, modalitas отъ слова modus образъ, видъ, modalis относящійся до образа, вида, собственно значитъ образность. Въ переводѣ Критики чистаго разума мы перевели это слово измѣняемостію сужденій. Хотя это слово слишкомъ обще выражаетъ понятіе modalitas, но до нѣкоторой степени оно можетъ его замѣнять.

такъ и обозначаемая въ немъ подробность, можетъ разсматриваться какъ нѣчто возможное, или дѣйствительное, или необходимое.

Мы говоримъ: завтра можетъ случиться здѣсь наводненіе, Наполеонъ III могъ не быть взятъ въ плѣнъ при Седанѣ, быть можетъ, не Наполеонъ виновенъ въ фатальномъ исходѣ войны, быть можетъ, не въ наступающемъ году будетъ война, это сужденія *возможныя*. Въ нихъ мы думаемъ, что предметъ только можетъ быть обозначаемъ съ извѣстной стороны, или что извѣстная опредѣленная подробность принадлежитъ только вѣроятно этому предмету, но точнаго убѣжденія въ томъ не имѣемъ. Чѣмъ мы руководимся, выдавая свои сужденія въ извѣстныхъ случаяхъ за возможныя? Возможность можетъ быть двоякаго рода. Мы предполагаемъ реальную возможность, когда есть главныя условія для появленія факта, но нѣтъ еще на лицо всей совокупности условій для того: напримѣръ, въ погребѣ хранится порохъ, слѣдовательно взрывъ всегда возможенъ; главное условіе послѣдняго—наличность пороха есть, но чтобъ взрывъ произошелъ въ дѣйствительности, необходимо, чтобъ онъ былъ чѣмъ либо нагрѣтъ до извѣстной температуры. Психологически возможно для каждаго имѣть гибельную страсть или душевную болѣзнь, но эти возможности дѣлаются фактами, только когда обстоятельства и развитіе субъекта такъ совпадутъ, что извѣстное явленіе возникнетъ неотразимо. Отъ реальной мы отличаемъ логическую возможность. Все, не противорѣчащее логическимъ законамъ, признается нами возможнымъ. Такъ, обширный міръ, творимый художественною фантазіей, признается нами логически возможнымъ, если онъ не противорѣчитъ самъ себѣ. Гипотетическое объясненіе факта логически возможно, если въ немъ нѣтъ противорѣчія этому же объясняемому факту.

Мы говоримъ: сегодня шелъ снѣгъ, сегодня холодно, Наполеонъ былъ взятъ въ плѣнъ при Седанѣ. Это сужденія *дѣйствительныя*. Судя такъ, мы убѣждены, что сужденіе обозначаетъ фактъ совершающійся или совершившійся, слѣдовательно, въ этихъ сужденіяхъ мы мыслимъ предметъ въ его опредѣленномъ реальномъ значеніи. Что служитъ намъ здѣсь опорою? Или собственное наблюденіе или свидѣтельство другихъ. Видѣнное, слышанное, повѣренное прочими внѣшними чувствами, сознанное внутреннимъ чувствомъ даетъ намъ обширный матеріалъ для такихъ сужденій. Но мы еще расширяемъ кругъ своихъ дѣйствительныхъ знаній чрезъ живое или письменное преданіе, пользуясь наблюденіемъ и опытомъ прежде насъ жившихъ и одновременно живущихъ людей. Конечно,

кругъ нашихъ сужденій былъ бы весьма не обширенъ, еслибъ мы признавали дѣйствительнымъ только повѣренное нами лично.

Мы судимъ: человѣкъ необходимо умираетъ, тѣло безъ подпоры неизбѣжно падаетъ, вода при большомъ морозѣ необходимо замерзаетъ. Это сужденія необходимыя. Мы мыслимъ предметъ съ той стороны, которая неизбѣжно сопутствуетъ ему и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отъ него отторгнута. Необходимость, выражаемая въ сужденіяхъ, бываетъ трехъ родовъ: 1) есть необходимость реальная, которую мы предполагаемъ во всѣхъ случаяхъ, когда мыслимъ что либо обусловленнымъ основными законами природы: тѣло, лишенное опоры, неизбѣжно падаетъ на землю, свѣтъ необходимо распространяется съ извѣстною скоростію. Это все обсуждается нами какъ нѣчто необходимое. 2) Необходимость логическая. Логически необходимымъ мы признаемъ или положеніе, непосредственно вытекающее изъ логическихъ законовъ, напримѣръ: аксіомы $2 \times 2 = 4$, прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками и т. д; или же мы находимъ логическую необходимость въ отношеніяхъ слѣдствія къ основанію: напримѣръ, мысль, подготовленная основаніями, принципами, является какъ нѣчто необходимое въ нашихъ глазахъ. Наконецъ, нѣкоторыя мысли мы считаемъ 3) нравственно необходимыми. Эта нравственная необходимость совпадаетъ съ обязательностію для человѣка правилъ поведенія, вытекающихъ въ свою очередь изъ нравственныхъ законовъ. Мы признаемъ, напримѣръ, любовь къ ближнему за необходимое для человѣка правило поведенія, т. е. она общеобязательна. Подробный анализъ этихъ понятій, конечно, не можетъ быть сдѣланъ здѣсь въ логикѣ, а потому она только намѣчаетъ условія, при которыхъ мы обсуждаемъ и признаемъ что либо возможнымъ, дѣйствительнымъ и необходимымъ.

Такимъ образомъ, по характеру обозначенія подробностей въ предметѣ, сужденія бываютъ или возможныя или дѣйствительныя или необходимыя.

II. Сужденія можно разсматривать со стороны обширности приложенія ихъ къ предметамъ. На этомъ основывается различіе сужденій по количеству. *Общія*, напр. всѣ организмы воспполняютъ трату своихъ силъ питаніемъ, или: всякая наука стремится дать систематическій строй своему содержанію. Происхожденіе ихъ абстрактное; они суть сокращенія множества частныхъ предложеній и въ этомъ отношеніи ихъ значеніе подобно значенію общихъ понятій. *Въ частныхъ* сужденіяхъ мы говоримъ не о всемъ

объемѣ подлежащаго, а только относительно нѣкоторой части его объема: напримѣръ, нѣкоторыя науки занимаются изслѣдованіемъ душевныхъ явленій, другія физическими явленіями. Мы высказываемся частнымъ образомъ иногда вслѣдствіе нерѣшительности: мы не знаемъ, ко всѣмъ ли предметамъ извѣстнаго рода идетъ данный признакъ, но знаемъ, что въ нѣкоторыхъ онъ есть, и это означаемъ частнымъ сужденіемъ. Но иногда мы должны судить такимъ образомъ потому, что беремъ слишкомъ частный видовой признакъ, и имъ желаемъ опредѣлять родовое понятіе. Такъ какъ, составляя принадлежность вида, онъ eo ipso не можетъ опредѣлять весь объемъ рода, то по необходимости намъ приходится ограничивать подлежащее: напримѣръ, нѣкоторые люди геніальны, нѣкоторыя животныя принадлежатъ къ классу млекопитающихъ. *Индивидуальныя* или единичныя сужденія относятся къ предмету взятому отдѣльно, особно отъ другихъ: напримѣръ, исторія Карамзина основана на первыхъ источникахъ. Иногда впрочемъ, общимъ сужденіямъ мы даемъ форму единичныхъ, когда родъ, видъ разсматриваемъ, какъ нераздѣльный цѣльный предметъ: напримѣръ, мы говоримъ: наука должна опираться на первые источники, честный человѣкъ долженъ исполнять свои обязанности и т. д.

Примѣчаніе. Можно различать сужденія по количеству и качеству вмѣстѣ. Сужденія обще-утвердительныя утверждаютъ что либо относительно цѣлаго объема понятія. Обще-отрицательныя сужденія отрицаютъ что либо относительно всего объема подлежащаго. Въ частно-утвердительныхъ утверждается что либо только о нѣкоторой части объема подлежащаго, равно какъ въ частно отрицательныхъ отрицается что либо подобнымъ же образомъ отъ подлежащаго. Этимъ различеніемъ сужденій на обще-утвердительныя, обще-отрицательныя, частно-утвердительныя и частно-отрицательныя мы воспользуемся впослѣдствіи при анализѣ силлогистическихъ пріемовъ.

III. Можно различать сужденія по ихъ происхожденію, во-первыхъ, на аналитическія и синтетическія и во-вторыхъ, на a priori и a posteriori.

Дѣленіе сужденій на *аналитическія* и *синтетическія* пошло въ ходъ особенно со времени Канта. Слово «аналитическій» происходитъ отъ ἀναλύω раздроблять, аналитическое сужденіе есть сужденіе раздробляющее, разъясняющее. Синтетическій отъ слова συντίθημι складываю, слагаю, синтетическое сужденіе, значитъ, что

либо слагаетъ. Во всѣхъ сужденіяхъ, по Канту, отношеніе сказуемаго къ подлежащему можетъ быть двоякое: или сказуемое В относится къ подлежащему А, какъ нѣчто такое, что уже скрытымъ образомъ заключается въ понятіи А, или сказуемое В находится внѣ понятія А, хотя и соединено съ нимъ. Въ первомъ случаѣ сужденія называются аналитическими, во второмъ синтетическими. Первыя могутъ быть названы разъяснительными, потому что сказуемое въ нихъ ничего не прибавляетъ къ подлежащему, но только выводитъ наружу уже прежде заключавшееся въ понятіи. Напротивъ, синтетическія расширяютъ наши свѣдѣнія о подлежащемъ, потому что присоединяютъ къ понятію признакъ, прежде въ немъ не мыслившійся: напримѣръ, продолжаетъ Кантъ, «всѣ тѣла протяженны» есть сужденіе аналитическое, потому что я не долженъ искать протяженности внѣ сферы понятія, но только анализировать его, чтобъ вывести изъ него признакъ протяженности. Но когда я говорю, что всѣ тѣла суть тяжелы, то сказуемое здѣсь получилось не изъ анализа понятія. а изъ наблюденія. На этомъ основаніи всѣ сужденія опытныхъ наукъ и ариѳметики Кантъ назвалъ синтетическими.

Это воззрѣніе вѣрно въ основныхъ своихъ чертахъ и можетъ быть удержано нами. Въ свое время мы уже говорили, что въ сужденіи мы мыслимъ предметъ съ извѣстной стороны, въ извѣстномъ опредѣленномъ значеніи. Но подробность, опредѣляющая предметъ съ извѣстной стороны, можетъ быть двоякаго происхожденія. Или она предполагается самымъ понятіемъ обсуждаемаго предмета и тогда сужденіе будетъ аналитическое; напр. наука даетъ систематическій строй познаніямъ—мы судимъ здѣсь аналитически, ибо систематичность знаній дана самымъ понятіемъ науки. Или подробность берется изъ внутренняго и внѣшняго опыта, присоединяется къ понятію, но имъ не предполагается; напр. «геніальные мыслители полезны для народа, среди котораго являются», есть сужденіе синтетическое: мы мыслимъ здѣсь геніальныхъ личностей со стороны пользы, ими доставляемой, на основаніи исторіи; она показываетъ, что геніальные люди въ большинствѣ случаевъ были благословеніемъ своего народа. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ подробности въ мыслимыхъ предметахъ являются на основаніи творческаго воображенія. Такъ, художникъ, обсуждая творимый предметъ, присоединяетъ къ нему черту за чертою, или мыслитъ его все въ новыхъ и новыхъ подробностяхъ,

единственно съ помощію построительной ассоціаціи, слѣдовательно, послѣдняя служитъ основаніемъ для его синтеза.

Съ другой стороны, по происхожденію же, сужденія раздѣляются на *a priori* и *a posteriori*. A priori значитъ происшедшее изъ прежняго, quod est prius; это названіе въ строгомъ смыслѣ прилагается къ сужденіямъ, которыя коренятся въ нашемъ духѣ, составляя слѣдствіе его первоначальной организаціи, но не опыта. A posteriori — происшедшія отъ позднѣйшаго, quod est posterius, т. е. изъ опыта. Къ первымъ можно отнести аксіомы: прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками, двѣ линіи равныя третьей равны между собою; далѣе — верховныя положенія нравственнаго закона, вытекающія изъ нравственнаго сознанія души. Но большая часть нашихъ сужденій возникаетъ изъ опыта, и потому всѣ они могутъ быть названы сужденіями a posteriori. Съ этимъ различеніемъ положеній на апріорныя и апостеріорныя мы встрѣтимся еще въ ученіи о доказательствахъ.

IV. По различію своего состава, сужденія могутъ быть *простыя* и *сложныя*.

Къ простымъ сужденіямъ можно отнести *безличныя* и *категорическія*. Безличныя сужденія: гремитъ, блистаетъ, тепло, холодно, красно, жарко. Они употребляются въ двухъ случаяхъ: или тамъ, гдѣ намъ неизвѣстна причина, производящая явленіе; мы видимъ неожиданный свѣтъ, не знаемъ, происходитъ ли онъ отъ пожара или отъ другой случайной причины, и говоримъ — блеститъ, свѣтло; или причина очевидна, сама собою подразумѣвается, напр. говоримъ — душно, тепло, свѣтло, скучно. Безличныя сужденія выражаютъ непосредственно наши впечатлѣнія и высказывая ихъ, мы судимъ именно только о нихъ. Поэтому ихъ можно назвать сужденіями наблюдательными, выражающими наши личныя состоянія во время наблюденія.

Въ *категорическомъ* сужденіи отдѣленіе сказуемаго отъ подлежащаго дѣлается очевиднымъ и совершенно яснымъ: логика есть наука, человѣкъ упалъ; въ немъ о предметѣ что-либо высказывается, какъ его свойство, качество, принадлежность (κατηγορεῖται); О логикѣ мы высказываемъ здѣсь типическую родовую черту ея какъ науки, человѣку приписываемъ паденіе и т. д.

Сложныя сужденія дѣлятся на *условныя* и *раздѣлительныя*.

Въ *условныхъ* какой-либо признакъ не просто приписывается подлежащему какъ фактъ, но указывается еще основаніе, почему извѣстный признакъ находится въ подлежащемъ: напр. если въ

безвоздушномъ пространствѣ тяжесть дѣйствуетъ, то тѣла должны падать; если человѣкъ понимаетъ свой долгъ, то онъ исполнитъ свою обязанность, какъ бы тяжела она ни была.

Очевидно, условное сужденіе состоитъ изъ двухъ частей: одна предшествуетъ какъ основаніе, другая слѣдуетъ за нимъ, какъ слѣдствіе. Если на морѣ есть вѣтеръ, то оно волнуется; волненіе моря здѣсь представляется слѣдствіемъ существованія вѣтра.

Условныя сужденія имѣютъ два главныхъ вида. Одни изъ нихъ обозначаютъ отношенія основанія къ слѣдствію: напр. если человѣкъ благороденъ въ полномъ смыслѣ слова, то онъ не жертвуетъ справедливостію для своекорыстныхъ цѣлей; если человѣкъ уменъ, то онъ не позволитъ себѣ поверхностныхъ сужденій о вещахъ. Въ формѣ же условныхъ сужденій мы обозначаемъ иногда отношеніе причины и дѣйствія: напр. если давленіе атмосферы уменьшается, то барометръ падаетъ; если тѣло безъ опоры, то падаетъ; если сила давленія паровъ превышаетъ крѣпость пароваго котла, то онъ разорвется и т. д. Объ этихъ реальныхъ сужденіяхъ, обозначающихъ причину и дѣйствіе, у насъ будетъ рѣчь впереди; равно какъ смыслъ и значеніе отношеній основанія и слѣдствія разъяснится впослѣдствіи, когда мы займемся силлогизмомъ и дедуктивными пріемами.

Второй видъ условныхъ сужденій обозначаетъ отношеніе цѣли и средствъ. Цѣлью мы называемъ результатъ, событіе, дѣйствіе, достигаемое съ помощію другого событія, дѣйствія: напр. я долженъ ѣхать въ Новгородъ, чтобы увидѣть тамъ моего друга, я долженъ взять билетъ, чтобъ попасть въ концертъ. Замѣчательно отношеніе этихъ сужденій къ обыкновеннымъ реальнымъ, означающимъ причину и дѣйствіе. Первыя слагаются изъ тѣхъ же элементовъ, какъ и послѣднія, только въ нихъ соотношеніе фактовъ и явленій представляется въ обратномъ порядкѣ. Въ реальныхъ сужденіяхъ обозначается слѣдованіе явленій, какъ оно дано въ опытѣ; въ сужденіяхъ, обозначающихъ цѣль, напротивъ, дѣйствіе ставится какъ нѣчто руководительное, предопредѣляющее собою причину, какъ нѣчто зависимое. Мы говоримъ: дабы образъ былъ ясенъ на сѣтчатой оболочкѣ глазъ, послѣдній устроенъ какъ совершеннѣйшая камеръ-обскура; дабы лучи свѣта могли собираться въ цѣльный образъ на ретинѣ, глазъ имѣетъ сильныя преломляющія тѣла: это сужденія цѣли. Но тѣ же самыя мысли можно выразить въ формѣ реально условныхъ сужденій: такъ какъ глазъ устроенъ какъ камеръ-обскура, то получаются ясныя изображенія на сѣт-

чатой оболочкѣ глаза; такъ какъ глазъ имѣетъ сильныя преломляющія тѣла, то лучи свѣта собираются въ цѣльный образъ на ретинѣ. Такимъ образомъ, что въ одномъ случаѣ понимается какъ причина, въ другомъ имѣетъ значеніе только средства, что въ одномъ случаѣ понимается какъ дѣйствіе, въ другомъ—какъ цѣль.

Примѣч. На этомъ различномъ отношеніи мышленія къ наблюдаемымъ предметамъ основывается различіе естествовѣднаго и философскаго мышленія. Первое имѣетъ дѣло съ изслѣдованіемъ причинъ и законовъ, управляющихъ явленіями; второе изучаетъ цѣль, осуществленную въ явленіяхъ, конечные результаты, достиженіемъ которыхъ опредѣлялись теченіе и направленіе событій. Первое идетъ отъ причинъ къ дѣйствіямъ, второе отъ дѣйствій къ причинамъ. Напр. въ исторіи генетическій способъ изученія, объясненія явленій состоитъ въ раскрытіи цѣпи причинъ, условливавшихъ собою какое либо явленіе: Римъ палъ и мы изучаемъ преемство событій, въ конецъ разрушившихъ имперію. Но съ точки зрѣнія философской, мы будемъ къ той же цѣпи явленій относиться совершенно другимъ образомъ: мы будемъ отыскивать смыслъ и цѣль ихъ и предшествовавшія явленія будемъ понимать и оцѣнивать только какъ средства, ведшія къ извѣстнымъ цѣлямъ. Въ этихъ обоихъ способахъ пониманія однихъ и тѣхъ же явленій обнаруживается полная взаимная противоположность ихъ. Они могутъ противорѣчить и исключать одно другое, но правильно и умѣстно приложенные къ дѣлу, они могутъ только дополнять другъ друга. Еслибы мы съ точки цѣлесообразности стали считать достижимымъ разъясненіе реальнаго происхожденія явленій, то, конечно, стали бы противорѣчить и исключать естествовѣдное объясненіе. Если бы, наоборотъ, съ точки зрѣнія естествовѣдной мы стали искать въ реальномъ изъясненіи явленій объясненіе цѣли ихъ, то опять мы стали бы въ противорѣчіе съ философіей. Но оба способа отношенія къ дѣлу могутъ идти рука объ руку и другъ друга восполнять. Появленіе художественной статуи или картины мы объясняемъ цѣлію художника: нельзя объяснять ее такъ, какъ объясняются возникновеніе и ростъ дерева: не оттого, конечно, явились картины, что у художника былъ холстъ, краски, руки, глаза. Когда мы изучаемъ міръ съ нравственной точки зрѣнія, какъ поприще нравственнаго развитія духовныхъ существъ, или изучаемъ значеніе войнъ, переворотовъ для развитія народа, то точка зрѣнія цѣлесообразности здѣсь будетъ умѣстна. Но когда мы желаемъ отдать себѣ отчетъ въ фактахъ, подготовлявшихъ

событіе, или реальныхъ условіяхъ, при которыхъ развивается дѣятельность человѣка, то здѣсь умѣстно только реальное изученіе преемства явленій.

Раздѣлительное сужденіе исчисляетъ возможныя сказуемыя о подлежащемъ, или въ немъ мы мыслимъ предметъ со стороны возможныхъ его опредѣленій: напр. линія бываетъ или прямая или кривая, дедукція развивается по синтетическому или аналитическому пріемамъ и т. д.

Въ раздѣлительномъ сужденіи указываются сказуемыя, изъ которыхъ только одно можетъ быть прилагаемо къ подлежащему, взятыя же вмѣстѣ не соединимы съ нимъ: напр. линія можетъ быть или прямою или кривою, но не тою и другою вмѣстѣ. Оттого этотъ видъ сужденій и называется раздѣлительнымъ: ибо сказуемыя въ немъ отдѣлены другъ отъ друга. Эта отдѣленность не есть простое различіе. Еслибъ мы стали судить такъ: это тѣло или кисло или зелено или угловато или тяжело, то это сужденіе только по формѣ своей было бы раздѣлительнымъ сужденіемъ, но въ сущности оно категорическое: ибо тѣло можетъ имѣть всѣ эти признаки вмѣстѣ. Слѣдовательно, сказуемыя въ раздѣлительныхъ сужденіяхъ – не просто наудачу взятыя понятія. но виды, соподчиненные какому-либо высшему роду.

V. Сужденія могутъ быть различаемы по ихъ взаимному отношенію. Ихъ отношенія могутъ быть двухъ родовъ: *подчиненія и противоположности.*

Одно сужденіе можетъ подчинять себѣ другое. Общее сужденіе по отношенію къ частному называется *подчиняющимъ*: напр. сужденіе: «всякая наука, занимающаяся явленіями природы, должна исходить отъ наблюденія», какъ общее, подчиняетъ себѣ частное: «психологія въ своихъ изслѣдованіяхъ должна отправлятся отъ наблюденія». Частное сужденіе по отношенію къ общему называется *подчиненнымъ*. Какъ роду могутъ быть соподчинены многіе виды, такъ и многія частныя сужденія могутъ быть соподчинены одному общему и называются *соподчиненными*: напр. науки философскія развиваютъ умъ, науки естественныя увеличиваютъ его проницательность, науки математическія пріучаютъ къ точности и послѣдовательности — эти сужденія соподчинены одному общему: наука развиваетъ и укрѣпляетъ человѣческій умъ. На подчиненіи сужденій основанъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, одинъ пріемъ непосредственнаго умозаключенія.

Сужденія могутъ противорѣчить одно другому. Въ логикахъ издавна особыми терминами принято обозначать различныя степени ихъ противорѣчія. Общеутвердительное сужденіе совершенно исключаетъ общеотрицательное: напр. сужденію: благородный человѣкъ прощаетъ обиды, совершенно противоположно: наблагородный человѣкъ обидъ не прощаетъ. Такія сужденія въ логикахъ называютъ *взаимно противными.* Къ нимъ вполнѣ приложимъ законъ противорѣчія: они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть совмѣстно допускаемы. Но сужденія могутъ только ограничивать одно другое, не исключая вполнѣ другъ друга. Общеутвердительному сужденію противорѣчитъ частно-отрицательное, но не исключаетъ его совершенно: напр. всѣ государственные дѣятели занимались вопросами о благосостояніи народовъ, нѣкоторые государственные дѣятели этими вопросами не занимались; здѣсь сопоставлены общеутвердительное и частно-отрицательное сужденіе и послѣднее отрицаетъ справедливость сказуемаго только относительно нѣкоторой части подлежащаго. Или: никто не долженъ отказываться отъ исполненія своего долга, нѣкоторые люди отказываются исполнять долгъ; первое сужденіе общеотрицательное, второе частно-утвердительное, они только до нѣкоторой степени исключаютъ другъ друга. Отношеніе между общеотрицательными и частно-утвердительными, общеутвердительными и частно-отрицательными называются отношеніями *противорѣчія.*

Наконецъ въ VI, самая важная точка зрѣнія, съ которой могутъ быть разсматриваемы сужденія, есть ихъ значеніе, смыслъ, который они имѣютъ въ нашей умственной жизни. Въ этомъ отношеніи они могутъ имѣть чисто номинальное или реальное значеніе. Мы можемъ или мыслить слово въ его постоянномъ употребленіи или представлять предметъ съ извѣстной реальной стороны. Въ первомъ случаѣ получаются сужденія *словесныя* (вербальныя): напр. физика есть ученіе о природѣ, пріятность есть состояніе удовольствія, эгоизмъ есть своекорыстіе и т. д.

Реальныя сужденія весьма разнообразны, смотря потому, какую сторону въ мыслимомъ, представляемомъ или наблюдаемомъ предметѣ они обозначаютъ. Они могутъ касаться 1) равенства или неравенства предметовъ, 2) подобія или сходства, 3) сосуществованія явленій и наконецъ 4) ихъ преемства.

Сужденія о *равенствѣ* или *неравенствѣ* предметовъ. Къ нимъ могутъ быть отнесены математическія положенія, въ которыхъ обозначается равенство или неравенство величинъ: напр. $2 \times 3 =$

$= 6, 6 + 5 = 11, 7 > 5$ и т. д., двѣ стороны треугольника, взятыя вмѣстѣ, болѣе третьей стороны его. Вообще, когда мы обсуждаемъ предметы со стороны величины ихъ, называемъ ихъ разными или большими или меньшими сравнительно съ другими, то мы высказываемъ сужденія этого разбираемаго рода.

Во многихъ случаяхъ мы обозначаемъ равенство или несходство предметовъ: напр. говоримъ о человѣкѣ, что онъ не похожъ по физіономіи на другого, домъ по цвѣту сходенъ съ сосѣднимъ домомъ и т. д. Само собою предполагается, что степени сходства или несходства въ предметахъ, открываемыя мышленіемъ, могутъ быть весьма разнообразны. Можно находить чисто внѣшнее сходство въ предметахъ, напр судить о сходствѣ людей по цвѣту волосъ, и восходить мыслію къ самымъ глубокимъ внутреннимъ признакамъ, напр. о тѣхъ же людяхъ можно судить по сходству склада ума, ихъ убѣжденій и т. д., несмотря на внѣшнее сходство ихъ, признавать внутреннее различіе между ними, и несмотря на внѣшнее различіе, признавать внутреннее сходство. Умственно сопоставляя себѣ два предмета, мы поражаемся тѣмъ, что признаки и характерныя чѣрты одного повторяются въ другомъ, и представляя который-либо изъ нихъ съ этой именно стороны, судимъ о ихъ сходствѣ или несходствѣ.

Въ другихъ случаяхъ мы обращаемъ вниманіе на совмѣстное существованіе явленій или предметовъ. Мы замѣчаемъ предметы въ извѣстномъ мѣстѣ помѣщенными рядомъ съ другими и часто обозначаемъ ихъ именно съ этой стороны. Такъ, мы говоримъ: этотъ домъ стоитъ рядомъ съ другимъ домомъ, нашъ знакомый находится тамъ-то вмѣстѣ съ такимъ-то лицомъ. Сюда могутъ быть отнесены всѣ географическія сужденія и многія изъ астрономическихъ. Это сужденія *сосуществованія*.

Сужденія *преемства* касаются или порядка во времени или связи причины и дѣйствія. Такъ какъ въ исторіи мы имѣемъ въ виду главнѣйше перечислить событія въ ихъ порядкѣ, то сужденія временного преемства можно назвать историческими. При обыденныхъ нашихъ разсказахъ о событіяхъ, совершающихся кругомъ насъ, мы также пользуемся этого рода сужденіями.

Подъ этотъ же разрядъ преемства подойдутъ тѣ сужденія, въ которыхъ мы обозначаемъ слѣдованіе дѣйствій за ихъ причинами; напр. мы судимъ: движеніе возникаетъ отъ удара; здѣсь мы означаемъ послѣдовательность событій — ударъ и слѣдовавшее за нимъ

движеніе, и на одинъ фактъ смотримъ какъ на причину, на другой—какъ на дѣйствіе, зависящее отъ нея.

Итакъ сужденія могутъ быть разсматриваемы съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Перечисляя столько родовъ сужденія, мы не думаемъ однакожъ, что столько же типовъ ихъ, взаимноисключающихъ и рѣзко отличныхъ одинъ отъ другого. Одно и то же предложеніе можетъ быть подведено подъ различные разряды: напр. сужденіе: логика есть наука, можетъ быть названо утвердительнымъ, единичнымъ, категорическимъ, синтетическимъ; слѣдовательно, оно подходитъ подъ различные виды въ одно и то же время. Значитъ ли это, что дѣленіе сужденій, нами сдѣланное, искусственно и что въ немъ одни члены дѣленія не исключаютъ другихъ? И что вообще означаетъ фактъ, что сужденія можно различать съ такихъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія? Онъ доказываетъ, что пріемы обсужденія предметовъ весьма разнообразны, т. е. мы можемъ на одинъ и тотъ же предметъ смотрѣть съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду обозначить наше утвержденіе или отрицаніе качествъ или признаковъ отъ предмета, въ другомъ указать, съ какимъ количествомъ ихъ имѣемъ дѣло, въ третьемъ—высказывается ли мысль безусловно или съ условіемъ, въ четвертомъ—опираемся ли мы на понятіе предмета или на наблюденіе и т. д. Какъ предметъ самъ по себѣ неизмѣняется оттого, съ какой стороны мы представляемъ его себѣ, такъ точно во многихъ случаяхъ форма предложенія не измѣняется оттого, какъ мы мыслимъ его содержаніе. Какъ при различныхъ воззрѣніяхъ на реальный предметъ мѣняются только наши отношенія къ нему, такъ и при внѣшнемъ постоянствѣ формы предложенія, въ которомъ выражаемъ свои мысли, мы измѣняемъ свои отношенія къ нему, смотря по потребностямъ минуты. Слѣдовательно, сужденіе по внѣшнему виду не измѣняется, употребляемъ ли мы его съ точки зрѣнія количества, качества, какъ категорическое, синтетическое и т. д. Но абсолютно оно измѣняется: ибо въ каждомъ случаѣ мы мыслимъ его съ особой точки зрѣнія, представляемъ предметъ его различно опредѣленнымъ, значитъ, въ каждомъ случаѣ имѣемъ особое сужденіе. Такъ, сужденіе: логика есть наука, можетъ принимать самые разнообразные оттѣнки: я могу говорить, что она *есть* наука, т. е. утвердительно приписывать ей родовые признаки науки; тогда это сужденіе будетъ мыслиться какъ утвердительное. Въ другомъ случаѣ я могу мыслить логику, какъ единственный предметъ науки;

тогда мое сужденіе: *логика* есть наука, будетъ единичнымъ или индивидуальнымъ. Въ третьемъ случаѣ, я могу представлять ее себѣ просто какъ предметъ мышленія, имѣющій извѣстное свойство, отличающее его отъ другихъ: логика есть *наука*, и тогда мое сужденіе будетъ категорическимъ. Оставаясь по внѣшней формѣ однимъ и тѣмъ же, сужденіе въ каждомъ изъ упомянутыхъ случаевъ имѣло свой оттѣнокъ и представляло въ сущности отдѣльный самостоятельный видъ. Въ живой рѣчи эти оттѣнки понятны: говорящій указываетъ ихъ, вопервыхъ, тономъ, съ какимъ онъ говоритъ о предметѣ, вовторыхъ, удареніемъ, которое онъ дѣлаетъ надъ словомъ предложенія, обозначающимъ значеніе, смыслъ или опредѣляющую подробность, мыслимую имъ въ предметѣ. Чтобы вполнѣ понять то, что мы говоримъ здѣсь, нужно отрѣшиться отъ грамматическаго пониманія сужденія, какъ предложенія, состоящаго изъ подлежащаго, сказуемаго и связи. Предложеніе есть форма, въ которой мы высказываемъ большею частію, но не всегда, свои сужденія, но въ устахъ говорящаго оно въ различныхъ случаяхъ получаетъ множество оттѣнковъ, значеній, неуловимыхъ и не обозначаемыхъ измѣненіями самой формы предложенія. Нужно стать на нашу точку зрѣнія на сужденія. Мы понимаемъ ихъ какъ пріемъ обозначенія предмета съ извѣстныхъ опредѣленныхъ сторонъ. Слѣдовательно, судя, мы мыслимъ или представляемъ предметъ со стороны извѣстной подробности, въ какомъ-либо извѣстномъ значеніи. Понятно, что оттѣнки въ сужденіяхъ могутъ быть въ высшей степени разнообразны. Иногда мы можемъ имѣть въ виду преимущественно предметъ, какъ мѣсто, гдѣ существуетъ интересующая потребность, въ другихъ случаяхъ смотрѣть на него только съ той стороны, по скольку онъ имѣетъ эту, а не другую подробность, въ третьемъ случаѣ думать о томъ, что извѣстная подробность въ немъ *есть*, въ четвертомъ думать о самой подробности, *между прочимъ* обозначая ее какъ присутствующую въ предметѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ грамматическая форма предложенія будетъ одна и та же, но въ логическомъ отношеніи будетъ столько же различныхъ родовъ сужденій: ибо содержаніе мышленія и сужденія въ каждомъ случаѣ будетъ особенное и самостоятельное.

Примѣчаніе. По поводу отношенія сужденій къ предложеніямъ, мы не можемъ не сдѣлать здѣсь одного замѣчанія. Сужденія обыкновенно отожествляются съ предложеніями. Въ англійской индуктивной школѣ даже не употребляется терминъ сужденіе, но гла-

dication. Между тѣмъ весьма любопытно прослѣдить многіе случаи, въ которыхъ сужденія совершенно не совпадаютъ съ обыкновенными предложеніями.

Сюда, напримѣръ, относятся многочисленные случаи безличныхъ сужденій. Мы говоримъ: душно, скучно, гремитъ, стучитъ. Никто, конечно, не назоветъ эти выраженія предложеніями, ибо въ нихъ недостаетъ подлежащаго, но они суть несомнѣнныя сужденія, вырывающіяся съ устъ нашихъ, когда мы подъ давленіемъ сильнаго впечатлѣнія, подавляющаго собою мысль въ насъ о причинѣ его, обозначаемъ только одно это впечатлѣніе извѣстнымъ словомъ. Далѣе, сюда же могутъ быть отнесены многочисленныя характерныя выраженія, допускаемыя нашимъ языкомъ. Мы говоримъ: пойти бы погулять, нивъ пень, ни въ колоду, ну кувыркаться, ну кататься. Кто скажетъ, что здѣсь никакого нѣтъ сужденія? Мы понимаемъ и понимаетъ насъ такъ же собесѣдникъ, когда говоримъ: пойти бы погулять, т. е. означаемъ желаніе выхода изъ дому и слѣдующаго за нимъ слѣдствія (гулянья), когда говоримъ: ну кувыркаться, т. е. означаемъ стремительность и непрерывность кувырканья и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Умозаключенія.

Потребность въ умозаключеніяхъ. Приступая къ анализу умозаключеній, мы прежде всего ставимъ вопросъ, какіе чувствуются умомъ недостатки въ сужденіяхъ, которые могутъ быть удовлетворены только умозаключеніями? Отвѣтъ на этотъ вопросъ объяснитъ намъ и то, какой raison d'etre логическихъ дѣйствій, которыми мы намѣрены заняться.

Сужденіе, какъ всякая мысль, взятая отдѣльно, можетъ имѣть достоинство ясности, опредѣленности и точности, но основательнымъ оно становится тогда, когда видно, на чемъ она опирается, когда можно указать его логическое основаніе. Мы увидимъ впослѣдствіи, что только весьма немногія сужденія имѣютъ непосредственную очевидность, не нуждаются ни въ какихъ основаніяхъ, чтобъ быть твердыми и несомнѣнными: это аксіомы, непосредственно вытекающія изъ закона тожества; прочія же мысли, положенія заимствуютъ свою основательность отъ другихъ какихъ либо положеній,

болѣе твердыхъ и обстоятельныхъ. Но лишь только мы станемъ соединять одну мысль съ другою, чтобы она отъ послѣдней заимствовала свою твердость, мы уже переступаемъ область сужденій и начинаемъ *умозаключать*. Итакъ первая потребность, удовлетворенія которой мы ищемъ въ умозаключеніяхъ, есть потребность основательности мыслей. Съ другой стороны, въ понятіяхъ мы имѣли многочисленные образы, не имѣющіе между собою никакой связи: это были изолированные мыслительные элементы, все равно какъ множество точекъ на листѣ бумаги, не связанныхъ между собою никакими линіями. Въ сужденіяхъ эти отдѣльные элементы получили нѣкоторую связь. Но можетъ ли мысль останавливаться на этомъ? Изъ того, что мы набросаемъ на бумагу нѣсколько линій, отнюдь не слѣдуетъ, что изъ нихъ получится стройная и цѣльная фигура. Мысль требуетъ строя, должна занимать свое мѣсто въ ряду другихъ мыслей. Но лишь только мы примемся за соединеніе сужденій въ одно цѣлое, за сочетаніе ихъ въ одинъ строй, мы начинаемъ умозаключать. Такимъ образомъ, пріемъ умозаключенія возникаетъ столько же изъ потребности связи мыслей, какъ и ихъ основательности.

Понятіе объ умозаключеніи. Въ чемъ же состоитъ умозаключеніе? Замѣтимъ прежде всего, что слово умозаключеніе имѣетъ обширный и тѣсный смыслъ. Въ обширномъ — всякое сочетаніе мыслей, при которомъ одна мысль вытекаетъ изъ другой, называется умозаключеніемъ. Но въ тѣсномъ значеніи умозаключеніемъ называется то сочетаніе, въ которомъ одна мысль вытекаетъ изъ другой безъ всякого посредства третьей мысли.

Итакъ умозаключеніе есть такой способъ сочетанія сужденій, при которомъ одна мысль выводится изъ другой: напримѣръ: правильная фигура вписывается въ кругъ; изъ этого сужденія я могу вывести путемъ умозаключенія два вывода: слѣдовательно, невписывающаяся въ кругъ фигура неправильна и нѣкоторыя вписывающіяся въ кругъ фигуры правильны. Эти обѣ мысли вытекаютъ изъ перваго положенія и суть заключенія.

Роды умозаключеній. Одно сужденіе можетъ слѣдовать изъ другого или непосредственно или посредственно. Въ вышеприведенныхъ примѣрахъ заключенія вытекали изъ положенія прямо, безъ всякихъ другихъ посредствующихъ сужденій. Всякій квадратъ есть параллелограмъ, слѣдовательно, что не относится къ роду параллограммовъ, то не можетъ быть и квадратомъ. Здѣсь заключеніе слѣдуетъ непосредственно изъ основоположенія.

Но иногда одна мысль прямо слѣдовать изъ другой не можетъ, нужно указать еще посредствующія звѣнья, которыя сочетали бы одну мысль съ другою. Положимъ, мы установимъ положеніе, что условіе красоты, изящества всякого разсказа заключается въ простотѣ, живости и теплотѣ его, типичности описываемыхъ лицъ, въ вѣрности картины описываемаго времени и т. д. Если мы скажемъ далѣе, что романъ графа Толстаго «Война и миръ» есть произведеніе изящное, то вовсе не ясно будетъ, какъ это заключеніе вяжется съ первымъ. Очевидно, здѣсь необходима посредствующая еще мысль, что романъ этотъ удовлетворяетъ установленнымъ условіямъ изящества. Или: Алкивіадъ былъ натура геніальная; слѣдовательно, съ развращенностію характера соединяется иногда геніальность ума. И здѣсь также недостаетъ одного сужденія, чтобъ оправдать заключеніе, именно: тотъ же Алкивіадъ былъ натура развращенная. Такого рода умозаключенія называются посредственными или силлогизмами.

Итакъ умозаключенія могутъ быть посредственныя и непосредственныя. Начнемъ съ послѣднихъ.

Непосредственныя умозаключенія. Непосредственныя умозаключенія могутъ развиваться по пріемамъ: 1) превращенія, 2) противоположенія и 3) подчиненія.

1) *Превращеніе.* Оно состоитъ въ томъ, что мы извлекаемъ мысль изъ сужденія чрезъ перестановку элементовъ его, такъ что въ заключеніи обозначающее основанія становится обозначаемымъ, а обозначаемое положенія дѣлается обозначающимъ. При такомъ перемѣщеніи обоихъ элементовъ основоположенія, очевидно, должны измѣниться и отношенія между ними или долженъ измѣниться характеръ сужденія. Въ послѣднемъ весьма часто обозначающее суть видовыя или родовыя признаки, относящіеся къ многимъ предметамъ вмѣстѣ, т. е. видовые признаки. Ясно, что переставливая элементы основоположенія, мы не можемъ всегда и вездѣ приравнять ихъ другъ другу. Отмѣтимъ главные случаи превращенія.

а) Чрезъ превращеніе изъ общеутвердительнаго сужденія получается сужденіе частно-утвердительное: напр. геніальные люди приносятъ большую пользу обществу, среди котораго дѣйствуютъ; слѣдовательно, нѣкоторые дѣятели, приносящіе пользу обществу, суть геніальные люди. Было бы невѣрно сказать, что всѣ люди, приносящіе пользу обществу, геніальны: ибо есть честные и скромные труженики, несомнѣнно полезные для общества, хотя геніаль-

ными личностями назвать ихъ невозможно. Признакъ полезность обществу» есть черта широкая, гораздо болѣе широкая, чѣмъ признакъ геніальности. Отсюда возникаетъ нужда ограничивать объемъ заключенія, которое и получаетъ характеръ частно-утвердительнаго сужденія. Напримѣръ: праздность губитъ человѣка: чтобы получилось правильное заключеніе по превращенію, нужно ограничить новое обозначаемое: ибо сказать прямо, что все губящее человѣка есть праздность, было бы ложью; человѣкъ можетъ быть погубленъ и неумѣренными страстями, своею нравственною дряблостію, безпутною дѣятельностію. Нужно посему сказать, что одна изъ причинъ гибели человѣка несомнѣнно есть праздность.

Впрочемъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, именно когда мы извлекаемъ заключеніе изъ такихъ сужденій, въ которыхъ обозначаемое и обозначающее совершенно приравнены другъ другу, можно извлекать изъ общеутвердительныхъ сужденій также общеутвердительныя заключенія. Такъ можно поступать преимущественно съ математическими положеніями; въ нихъ элементы большею частію такъ точно соотвѣтствуютъ другъ другу, что, какъ бы мы ни переставливали ихъ, количественность сужденія оттого измѣниться не можетъ: напримѣръ, изъ положенія: прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками — можно дѣлать общій выводъ, что кратчайшій путь между двумя точками есть прямая линія. Въ сужденіяхъ реальныхъ полныя превращенія могутъ быть только тогда, когда они представляютъ опредѣленіе предмета, совершенно исчерпывающее послѣдній: напр. логика есть наука о пріемахъ мышленія: слѣдовательно, наука о пріемахъ мышленія есть логика. Случаи прямого превращенія, безъ измѣненія количественности сужденія, называются въ старыхъ логикахъ conversio simplex; превращеніе же съ измѣненіемъ количественнаго характера сужденія называется conversio accidens (т. е. непрямымъ, какъ-бы случайнымъ).

б) Изъ общеотрицательнаго сужденія слѣдуетъ заключеніе общеотрицательное же. Когда мы вообще отрицаемъ связь между элементами сужденія, то, какъ бы ни переставливали ихъ, мы должны отрицать ихъ другъ отъ друга: напр. ни одинъ честный человѣкъ не измѣняетъ своему слову; слѣдовательно, ни одинъ, измѣняющій своему слову, человѣкъ не есть честный, или: ни одна наука не должна быть основываема на фантастическихъ данныхъ; слѣдовательно, основывающееся на фантастическихъ данныхъ, знаніе не можетъ быть наукою.

в) Изъ частно-утвердительнаго сужденія слѣдуетъ частно-утвердительное: напр. нѣкоторые историческіе дѣятели приносили величайшій вредъ своему отечеству; слѣдовательно, нѣкоторые, приносившіе только вредъ своему народу, были историческими дѣятелями. Заключеніе здѣсь выходитъ по необходимости частное. Если мы подмѣтили, что въ нѣкоторыхъ только случаяхъ замѣчается связь между элементами сужденія, то очевидно, и путемъ превращенія мы можемъ утверждать, что та связь существуетъ только частнымъ образомъ.

г) Изъ частно-отрицательнаго сужденія путемъ превращенія ничего слѣдовать не можетъ: напр. изъ положенія: нѣкоторыя науки не занимаются изученіемъ душевныхъ явленій, чрезъ превращеніе нельзя извлечь никакого заключенія: нельзя сказать, что нѣкоторыя изъ системъ, не занимающихся душевными явленіями, не суть науки: ибо физика, химія также науки, хотя не касаются вопросовъ о душѣ.

Этотъ пріемъ имѣетъ свое значеніе въ мышленіи. Утверждая, что между элементами сужденія есть связь, извѣстнаго рода соотношеніе, мы должны иногда изслѣдовать, дѣйствительно ли такова эта связь, что при всякомъ сопоставленіи ихъ она очевидна. Поэтому значеніе пріема превращенія обнаруживается особенно при повѣркѣ сужденій. Чрезъ conversio simplex мы дѣлаемъ связь элементовъ сужденія болѣе крѣпкою въ нашихъ глазахъ, равно какъ мы усиливаемъ отрицаніе связи между ними, когда оказывается, что при всякомъ положеніи ихъ, мы должны одинаково разъединять ихъ.

2) *Противоположеніе.* Этотъ пріемъ въ сущности есть то же превращеніе, о которомъ мы говорили выше, съ тѣмъ различіемъ, что при немъ въ заключеніи мы ставимъ обозначаемымъ не просто обозначающее основоположенія, какъ это дѣлается въ превращеніи, а признакъ, прямо ему противоположный. Понятно, что качество заключенія должно быть противоположно качеству основоположенія: ибо обозначаемое заключенія, будучи противоположнымъ обозначающему основоположенія, должно быть ставимо уже въ другія отношенія къ обозначаемому послѣдняго. Изъ положенія: правильныя фигуры вписываются въ кругъ, по пріему противоположенія должно заключать: слѣдовательно, не вписывающіяся въ кругъ фигуры неправильны. Укажемъ правила этого пріема.

1) Изъ обще-утвердительнаго положенія слѣдуетъ заключеніе обще-отрицательное. Если мы разъ установили постоянную связь

между элементами сужденія, то взявши въ заключеніи предметъ, противоположный обозначающему этого основанія, мы должны столь же всеобщимъ образомъ отрицать связь новаго обозначающаго съ обозначаемымъ основанія. Сказавъ, что A всегда есть B, мы должны въ силу закона противорѣчія говорить, что non B никогда не можетъ быть A.: наприм. честные люди приносятъ пользу обществу; слѣдовательно, безполезные для общества люди не могутъ быть названы честными.

2) Изъ обще-отрицательнаго положенія слѣдуетъ заключеніе въ большинствѣ случаевъ частно-утвердительное. Мы беремъ положеніе, въ которомъ отрицается связь между двумя элементами его. Такъ какъ въ заключеніи мы ставимъ обозначаемымъ предметъ противоположный обозначающему основанія, то онъ, опять въ силу закона противорѣчія, долженъ находиться въ какой-либо связи съ субъектомъ основанія. Большею частію, однакожъ, связь эта не можетъ имѣть всеобщаго характера, а только частный: наприм. любовь къ ближнему несовмѣстима съ нанесеніемъ вреда ему: слѣдовательно, оказываніе помощи ближнему иногда требуется любовью къ ближнему. Заключенія въ разбираемомъ же случаѣ могутъ быть и общеутвердительныя: наприм. разумныя существа никогда не должны ронять свое нравственное достоинство; слѣдовательно, соблюденіе своего достоинства требуется отъ существъ во имя ихъ разумности. Особенно часто общія заключенія получаются при заключеніяхъ изъ математическихъ положеній.

3) Изъ частно-отрицательнаго положенія слѣдуетъ выводъ частно-утвердительный. Если мы говоримъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ связь между элементами сужденія должна быть отрицаема, то eo ipso слѣдуетъ, что въ иныхъ случаяхъ можно допустить связь между предметомъ или признакомъ, противорѣчащими обозначающей чертѣ основанія и его обозначающему: напр. нѣкоторые геніальные люди не принесли обществу никакой пользы; слѣдовательно, между вредными для общества людьми оказывались иногда геніальныя личности.

4) Изъ частно утвердительнаго сужденія чрезъ противоположеніе ничего не слѣдуетъ: напр. нѣкоторыя науки занимаются душевными явленіями. Отсюда ничего нельзя вывести.

Что этотъ пріемъ имѣетъ свое значеніе для научнаго и практическаго мышленія, это не подлежитъ сомнѣнію. Онъ не можетъ

вести насъ къ чему-нибудь новому, но весьма часто, устанавливая какое-нибудь сужденіе, мы дѣлаемъ выводы относительно противоположнаго одному изъ элементовъ его. Проповѣдникъ, излагая предъ слушателями понятія о долгѣ, обязанностяхъ, требующихъ отъ нихъ извѣстнаго рода дѣятельности, напоминаетъ имъ, что всякія другія противныя дѣйствія будутъ нарушеніемъ долга; онъ заключаетъ здѣсь, очевидно, по пріему противоположенія. Имѣя установившіяся воззрѣнія на обязанности и долгъ честныхъ, умныхъ, нравственно развитыхъ людей, мы, наблюдая въ людяхъ дѣйствія, противныя тѣмъ, къ которымъ обязываютъ честь, развитіе, разумность, заключаемъ, что они не заслуживаютъ названія честныхъ, развитыхъ, разумныхъ личностей. Наука обязываетъ изслѣдователя къ извѣстному способу собиранія матеріаловъ ея, разработки ихъ и т. д. Встрѣчаясь съ пріемами, противорѣчащими установившимся въ наукѣ, мы безъ дальнихъ разсужденій называемъ ихъ ненаучными; эта мысль приходитъ намъ на умъ по пріему противоположенія. Можно указать множество подобныхъ случаевъ, когда мы прилагаемъ въ своемъ мышленіи именно разбираемый пріемъ.

3) *Подчиненіе.* Смыслъ этого пріема заключается въ томъ, что мы, пользуясь взаимною зависимостію (солидарностію) мыслей дѣлаемъ заключеніе отъ одного сужденія къ другому. Въ области мышленія положенія при извѣстныхъ отношеніяхъ раздѣляютъ судьбы другъ друга. Невѣрность одной мысли влечетъ за собою невѣрность другой, равно какъ признаніе одной должно вести за собою признаніе другой. Такія отношенія мыслей называются въ логикѣ отношеніями подчиненія. Оно можетъ быть трехъ родовъ.

а) Сужденія могутъ зависѣть другъ отъ друга вслѣдствіе различныхъ отношеній по количеству. Сужденія общаго и частнаго характера находятся въ такихъ соотношеніяхъ, что отъ истинности одного въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно заключить къ истинности другого. Именно:

Отъ истинности всеобщаго сужденія можно дѣлать заключенія къ истинности частнаго. Когда докажется, что такой-то образъ поведенія обязателенъ вообще для нравственнаго человѣка, то eo ipso слѣдуетъ обязательность его для всякаго частнаго случая. Если мы скажемъ, что любовь къ ближнему должна руководить всѣми нашими отношеніями къ другимъ людямъ, то тѣмъ самымъ признаемъ, что тѣмъ же принципомъ должно руководствоваться и по отношенію къ извѣстному лицу. Сказавши, что историческая

наука должна изучать первые свои источники, мы тѣмъ самымъ обязываемъ ее тщательно изслѣдовать лѣтописи, вещественные памятники прошлаго и т. д. Но обратно, отъ истинности частнаго сужденія къ истинности всеобщаго заключать нельзя: напр. достовѣрно, что нѣкоторые знаменитые люди, оказавшіе величайшія услуги наукѣ, были людьми слабыми въ нравственномъ отношеніи. Баконъ, основатель индуктивной логики, долженъ былъ удалиться отъ общественной службы по обвиненію въ подкупѣ, взяточничествѣ и т. д. Заключить, однако, отъ упомянутой вѣрной частной мысли, что вообще всѣ знаменитые дѣятели науки были слабы въ означенномъ отношеніи было бы совершенно несправедливо. Или, въ тѣхъ или другихъ частныхъ случаяхъ религіозная практика можетъ подавать поводъ къ печальнымъ наблюденіямъ: въ иныхъ случаяхъ можно видѣть изъявленіе эгоизма, корыстолюбія, небреженія христіанскими пастырскими обязанностями, но заключить отсюда, что религія всегда и вездѣ служила и служитъ только средствомъ для удовлетворенія матеріальныхъ интересовъ одного класса — будетъ мыслію, очевидно, ложною въ своемъ общемъ характерѣ. Значитъ, отъ истинности частнаго сужденія къ истинности общаго заключать нельзя. Но

отъ ложности частнаго сужденія можно заключать къ ложности общаго. Если доказано, что мысль не вѣрна въ какомъ либо частномъ случаѣ, то съ тѣмъ большимъ правомъ можно опровергать достовѣрность ея какъ общаго положенія. Если докажется, что авторъ историческаго сочиненія недобросовѣстно относился къ одному какому либо источнику, то тѣмъ съ большимъ правомъ можно отрицать справедливость общаго положенія, что авторъ добросовѣстно изучалъ всѣ прямые источники своей науки. Когда мы знаемъ, что человѣкъ оказался въ одномъ случаѣ безчестнымъ, то можно справедливо отрицать, что онъ честный человѣкъ вообще. Что невѣрно какъ подробность, то тѣмъ болѣе невѣрно, взятое въ общемъ смыслѣ. Но наоборотъ, отъ ложности общаго положенія нельзя заключать къ невѣрности его какъ частнаго. Можно не соглашаться съ мыслію, какъ общимъ принципомъ, но отсюда не слѣдуетъ, что она не имѣетъ смысла въ качествѣ мысли частной. Взятая въ общемъ смыслѣ, мысль историка Бокля, выраженная въ трудѣ: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», о томъ, что исторія всякого народа, историческіе элементы жизни: религія, складъ общественной жизни, политическое устройство, его философское мышленіе, опредѣляются въ своемъ характерѣ вліяніемъ

природы, — можетъ показаться невѣрною: ибо есть какія то первоначальныя данныя въ психической природѣ народа, которыми опредѣляется складъ и направленіе его исторіи. Итакъ въ общемъ смыслѣ она можетъ казаться ложною; но было бы нелѣпо отрицать ее въ нѣсколько ограниченномъ. Природа налагаетъ свой отпечатокъ на духовную физіономію народа: она вліяетъ на трудъ человѣка, дѣлая его то легкимъ, то тяжелымъ, поражаетъ его своими явленіями и т. д. Слѣдовательно, сказать, что природа имѣетъ свою долю вліянія на исторію народа, не только не будетъ ложью, но есть совершенно вѣрное замѣчаніе.

Этотъ пріемъ подчиненія служитъ основаніемъ многихъ прямыхъ доказательствъ. Нерѣдко, имѣя въ виду частный случай, мы доказываемъ положенія вообще въ той полной увѣренности, что когда доказаны они въ послѣднемъ смыслѣ, то частное значеніе ихъ доказывается eo ipso. Моралистъ, убѣждая кого-либо поступить въ извѣстномъ дѣлѣ нравственнымъ образомъ, дѣлаетъ воззванія къ долгу, чести, обязывающей личность всегда держаться соотвѣтственнаго образа дѣйствій. Онъ увѣренъ, что необходимость частнаго благороднаго дѣйствія въ данномъ случаѣ поймется сама собою. Когда доказано, что извѣстное положеніе выражаетъ собою законъ природы, то мы безъ всякого колебанія можемъ предполагать достовѣрность его во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Также точно при опроверженіяхъ, мы боремся съ общими мыслями тѣмъ путемъ, что доказываемъ ихъ невѣрность въ какихъ либо подробностяхъ, или недостовѣрность въ частныхъ случаяхъ. Такъ, матеріалисты опровергаютъ идеалистовъ, указывая на очевидные случаи подчиненія духовныхъ явленій вліянію тѣла, и наоборотъ, идеалисты опровергаютъ матеріалистовъ, указывая стороны въ душевныхъ явленіяхъ, невыводимыя изъ дѣятельности физическихъ и физіологическихъ силъ. Утилитарный взглядъ на нравственный законъ, на понятія человѣка о добрѣ и злѣ опровергается существованіемъ такихъ несомнѣнно нравственныхъ дѣйствій, которыя не только не требуются, но и даже противорѣчатъ пользѣ личности или общества, но тѣмъ не менѣе высоконравственны. Когда естествовѣдъ заподозриваетъ вѣрность какого-либо обобщенія, то онъ доказываетъ ложность его тѣмъ, что обобщеніе обходитъ какой-либо противорѣчивый фактъ, что оно несогласно съ опытомъ въ извѣстномъ отношеніи. Когда мысль невѣрна въ какомъ-либо частномъ отношеніи, то неизбѣжно отсюда слѣдуетъ, что она невѣрна и въ общемъ смыслѣ.

Анализъ упомянутаго пріема объясняетъ намъ, почему нѣкоторыя слишкомъ поспѣшныя и опрометчивыя доказательства въ логическомъ отношеніи невѣрны. Часто случается встрѣчать авторовъ, которые, доказавъ вѣрную мысль въ частномъ смыслѣ, сейчасъ же обобщаютъ ее, думая, что уже все сдѣлано для доказательства вѣрности ея какъ мысли общей. Доказавъ нѣкоторыми фактами, что нѣкоторыя душевныя явленія развиваются подъ вліяніемъ мозга, матеріалисты спѣшатъ заключить отсюда, что, слѣдовательно, всякое душевное вліяніе есть слѣдствіе органической дѣятельности тѣла. Политическія партіи, отыскавъ дѣйствительно слабыя стороны въ своихъ противникахъ, спѣшатъ считать ихъ связанными съ общими убѣжденіями враждебной партіи. И наоборотъ, какъ часто случается, что противники, опровергнувъ общія положенія другъ друга, спѣшатъ отрицать въ нихъ всякій смыслъ во всѣхъ случаяхъ, тогда какъ въ частномъ смыслѣ опровергаемыя мысли имѣютъ свое значеніе и свою достовѣрность.

б) Умозаключенія, на основаніи подчиненія сужденій по ихъ модальности, должны развиваться слѣдующимъ образомъ:

Отъ истинности необходимаго сужденія мы имѣемъ право заключать къ достовѣрности его какъ дѣйствительнаго и еще болѣе какъ возможнаго. Когда намъ представляется необходимымъ какой-либо фактъ, то мы уже прямо считаемъ его дѣйствительнымъ и возможнымъ. Не видавъ 30 или 40 лѣтъ престарѣлаго человѣка, мы знаемъ, что онъ необходимо долженъ былъ умереть въ продолженіи упомянутаго времени, и потому считаемъ этотъ фактъ совершившимся дѣйствительно, а тѣмъ болѣе возможнымъ. Факты, необходимо вытекающіе изъ законовъ природы, считаются нами дѣйствительными и возможными. Затѣмъ, отъ дѣйствительности мы заключаемъ къ возможности. Когда что либо совершилось въ дѣйствительности, то мы eo ipso считаемъ это событіе возможнымъ. Но наоборотъ, отъ возможности мы не имѣемъ никакого права заключать къ дѣйствительности и необходимости. Есть событія возможныя: напр. возможно, чтобъ вмѣсто сгущеннаго пара, какъ машиннаго дѣятеля, употреблялся сгущенный воздухъ, какъ уже и были тому попытки, но отсюда еще далеко, чтобъ эта замѣна стала совершившимся фактомъ, еще менѣе это событіе необходимо должно случиться рано или поздно. Особенно нужно быть осторожнымъ въ своихъ заключеніяхъ о будущемъ. Люди съ слишкомъ живымъ воображеніемъ легко принимаютъ свои возможныя фантазіи за нѣчто дѣйствительное и необходимое.

Это пріемъ умозаключенія *положительный*, но рядомъ съ нимъ можетъ развиваться пріемъ *отрицательный*, когда мы заключаемъ отъ невозможности къ недѣйствительности. Мы слышимъ какой-либо разсказъ, хотя мы очевидцами событія не были и провѣрить его не можемъ, но если сознаемъ, что это событіе невозможно, то сейчасъ же заключаемъ, что разсказъ ложенъ.

Пріемъ умозаключенія на основаніи модальнаго подчиненія одного сужденія другому имѣетъ важное значеніе при всякой критикѣ извѣстій, и слѣдовательно, при исторической критикѣ. До насъ дошло отъ прежняго времени множество разнообразныхъ сказаній, которыя сами по себѣ никакого вѣроятія не имѣютъ: напр. древнѣйшая исторія каждаго народа обставлена въ сказаніяхъ многими вымыслами и не будь у насъ логическаго пріема заключенія отъ невозможности къ недѣйствительности, мы были бы безсильны противъ этихъ миѳовъ. Иногда нѣтъ нужды быть свидѣтелемъ событія, чтобъ рѣшить безапелляціонно, что его не было. Флавій Филостратъ написалъ жизнь Аполлонія Тіанскаго и наполнилъ біографію безчисленными чудесными сказаніями: намъ нѣтъ нужды искать свидѣтелей 3-го вѣка, опровергающихъ эти сказанія, чтобъ опровергнуть Филострата, мы говоримъ просто: событія, имъ описываемыя, невозможны, слѣдовательно, ихъ не было. Такими же заключеніями мы повѣряемъ иногда и свидѣтельства своихъ внѣшнихъ чувствъ. Если намъ повидѣлось или послышалось, что видѣть или слышать было невозможно, мы говоримъ, что глазъ и ухо наши ошибаются. Въ юридической области есть доказательство, которое прямо отъ невозможности заключаетъ къ недѣйствительности. Если обвиняемый доказалъ, что онъ въ моментъ совершенія преступленія находился не на мѣстѣ преступленія (alibi), то всѣ подозрѣнія и обвинительныя доказательства, какъ бы вѣроятны они не казались, падаютъ сами собою.

Такъ какъ этотъ пріемъ наивѣрнѣйшимъ образомъ достигаетъ своей цѣли, то имъ нужно пользоваться съ осторожностію и не всегда довѣрять кажущейся невозможности: ибо она можетъ имѣть чисто субъективный характеръ. Кажущееся намъ невозможнымъ можетъ представляться другому мыслителю возможнымъ, представляющееся невозможнымъ въ настоящее время окажется возможнымъ въ будущемъ. Когда Фультонъ, изобрѣтатель пароходовъ, представилъ свой проектъ Наполеону, то онъ нашелъ его невозможнымъ, а парижане смѣялись надъ нимъ, какъ надъ чудакомъ, когда онъ пробовалъ пускать пароходъ по Сенѣ. Событія, однако-

же, доказали, что парижане смѣялись не надъ Фультономъ, а надъ своимъ собственнымъ невѣжествомъ. Также осторожно долженъ поступать и историческій критикъ: многіе изъ разсказовъ Геродота считались не далѣе какъ два три десятка лѣтъ, невозможными, а между тѣмъ новѣйшія изысканія и открытія памятниковъ во многихъ отношеніяхъ подтвердили ихъ. Только тогда можно твердо настаивать на невозможности событія, когда оно прямо противорѣчитъ или логическимъ законамъ или общимъ и постояннымъ законамъ природы. Въ такихъ случаяхъ мы можемъ несомнѣнно заключать отъ невозможности къ недѣйствительности.

Можно заключать непосредственно отъ одного сужденія къ другому вслѣдствіе ихъ противоположности.

Отъ истинности сужденія можно заключать къ ложности противорѣчащаго ему: если вѣрны Геродотовскія извѣстія объ Египтѣ, то ложны мнѣнія историковъ, заподозривавшихъ ихъ: если вѣрно, что Пиѳагоръ не писалъ ἱερὸς λόγος, то неправы Аристовулъ и Іустинъ, приписывавшіе его ему. Наоборотъ, можно заключить отъ ложности сужденія къ вѣрности противорѣчащаго ему. Если мы отвергнемъ мнѣніе, что діалогъ «Leges» Платону не принадлежитъ, то мы eo ipso обязываемся признать его Платоновскимъ произведеніемъ. Признавая ошибочною политику Людовика XIV, результатомъ которой была отмѣна Нантскаго эдикта, обезпечивавшаго французскимъ протестантамъ свободу вѣроисповѣданія, мы естественно одобряемъ тѣмъ политику противоположную. Необходимость такого вывода основывается на законахъ противорѣчія и исключеннаго третьяго. Первый говоритъ, что два противорѣчащихъ сужденія не могутъ быть вмѣстѣ вѣрными: если одно вѣрно, то другое должно быть ложнымъ. Другой утверждаетъ, что два противорѣчащихъ сужденія не могутъ быть одинаково ложными: если ложно одно, то другое должно быть истиннымъ.

Отъ истинности одного сужденія можно заключать къ ложности сужденія противнаго: ибо противныя сужденія не могутъ быть одинаково истинными. Когда вѣрно, что человѣкъ уменъ, то нельзя считать его глупымъ. Если политическій дѣятель принадлежитъ къ либеральной партіи по своимъ убѣжденіямъ, то значитъ, онъ не можетъ быть причисляемъ къ партіи консерваторовъ. Но отъ ложности сужденія нельзя заключать къ истинности сужденія противоположнаго. Оба противныя сужденія могутъ быть ложными. Мы уже видѣли при анализѣ закона исключеннаго третьяго, какъ на иные вопросы нельзя отвѣчать, потому что и

утвердительный и отрицательный отвѣты одинаково будутъ ложными: наприм. изъ того, что извѣстный дѣятель не принадлежитъ къ консервативной партіи, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ принадлежитъ къ либераламъ: онъ можетъ или не имѣть никакихъ опредѣленныхъ политическихъ воззрѣній, или же сохранить за собою полную свободу сужденій, поддерживая то одну то другую партію, смотря по тому, въ какомъ вопросѣ и которая предлагаетъ болѣе полезныя мѣры.

Значеніе этого пріема обнаруживается особенно при доказательствахъ. Есть доказательства непрямыя. Намъ нѣтъ нужды иногда доказывать состоятельность своей мысли прямыми доводами: мы можемъ ограничиться указаніемъ, что всякая противорѣчащая ей мысль ложна, и затѣмъ отсюда дѣлать выводъ, что доказываемая нами мысль правильна. Смыслъ такого непрямого доказательства, очевидно, основывается на пріемѣ взаимнаго подчиненія сужденій противоположныхъ.

Силлогизмъ.

Простые, сложные силлогизмы. Во всѣхъ выше разобранныхъ пріемахъ заключеніе слѣдовало изъ основоположенія непосредственно. Но иногда одна мысль можетъ быть выведена изъ другой только чрезъ посредство третьей или даже нѣсколькихъ мыслей. Такое умозаключеніе называется посредственнымъ или силлогизмомъ. Названіе это уже утвердилось въ логикахъ за посредственными умозаключеніями и мы будемъ называть ихъ этимъ именемъ.

Силлогизмы могутъ быть простые и сложные, именно: заключеніе можетъ вытекать изъ основанія или чрезъ посредство третьяго сужденія, или при помощи двухъ и болѣе сужденій. Въ первомъ случаѣ онъ называется простымъ, во второмъ — сложнымъ. Слѣдующій силлогизмъ будетъ простой: ни одна человѣческая слабость не можетъ принадлежать Божеству; Греческая миѳологія приписываетъ богамъ человѣческія слабости; слѣдовательно, Греческая миѳологія въ нѣкоторыхъ случаяхъ говоритъ о томъ, что не можетъ принадлежать божеству. Здѣсь заключеніе вытекаетъ изъ основанія съ помощію третьей мысли. Примѣръ сложнаго силлогизма: кто честенъ тотъ исполняетъ свои обязанности; кто исполняетъ свои обязанности, тотъ пользуется спокойствіемъ совѣсти; съ спокойною совѣстію человѣкъ обладаетъ внутреннимъ миромъ; кто

обладаетъ внутреннимъ миромъ, тотъ счастливъ. Слѣдовательно, кто честный человѣкъ, тотъ вмѣстѣ и счастливый. Прямо не видно, почему въ честности человѣка заключаются условія его счастія; мы прибѣгаемъ къ указанію посредствующихъ звѣньевъ и здѣсь мы должны были указать нѣсколько ихъ, чтобъ связать обѣ эти мысли.

Обратимся теперь къ ученію о простомъ силлогизмѣ.

Силлогизмъ простой.

Содержаніе, форма простого силлогизма. При анализѣ силлогизма мы должны обратить вниманіе на *содержаніе* его и на *форму*.

Со стороны содержанія въ силлогизмѣ нужно отличать 1) сужденія и 2) элементы входящіе въ составъ его. Для тѣхъ и другихъ существуютъ особыя названія.

Каждый силлогизмъ состоитъ изъ сужденій, Въ логикѣ издавна, еще со временъ Аристотеля, принято обозначать особымъ именемъ каждое сужденіе, входящее въ составъ силлогизма. Сужденія, изъ которыхъ выводится заключеніе, называются *посылками* (propositiones praemissae, προτάσεις, τὰ τεθέντα λήμματα). Сужденіе, выводимое изъ посылокъ, называется *заключеніемъ* (conclusio, συμπέρασμα, ἐπιφορά). Та изъ посылокъ, въ которой заключается обозначаемое заключенія, называется *меньшею посылкою* (propositio minor, πρόσληψις), другая посылка, содержащая въ себѣ обозначающее заключенія, называется *большею посылкою* (propositio major, λήμμα): напр. въ силлогизмѣ: истинно народныя произведенія отличаются искренностію и простотою; пѣсни Оссіана изданныя Макферсономъ, этими качествами не отличаются (они сантиментальны) слѣдовательно, изданіе Макферсона не можетъ быть причислено къ истинно народнымъ произведеніямъ (т. е Оссіану древнему народному пѣвцу не принадлежатъ, подложны)—первое сужденіе будетъ большая посылка,—второе меньшая, третье — заключеніе.

Сужденія состоятъ изъ элементовъ: въ нихъ есть обозначаемое и обозначающее. Въ простомъ категорическомъ силлогизмѣ такихъ элементовъ не болѣе трехъ. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ собственно три существенныхъ элемента: истинно народныя произведенія, ихъ отличительныя качества и изданіе Макферсона. Во всякомъ правильномъ силлогизмѣ мы всегда найдемъ только три

элемента: напр., всякое научное изслѣдованіе должно быть ведено съ осмотрительностію; психологія научно изслѣдуетъ душевныя явленія; слѣдовательно, психологія должна относиться къ дѣлу съ осмотрительностію: здѣсь три элемента: научное изслѣдованіе, осмотрительность, психологія. Обозначаемое заключенія называется меньшимъ терминомъ: въ приведенномъ силлогизмѣ психологія есть *терминъ меньшій* (terminus minor, ὅρος ἔσχατος). Обозначающее въ заключеніи называется *терминомъ большимъ* (terminus major ὅρος πρῶτος). Оба термина называются иногда крайними (termini extremi, τὰ ἄκρα). Элементъ, чрезъ который большій и меньшій термины соединяются; называется *среднимъ терминомъ* (terminus medius, ὅρος μέσος).

Отсюда видно, что нервъ силлогизма, то что даетъ ему силу и значеніе, заключается въ среднемъ терминѣ: имъ сводятся или разъединяются элементы въ заключеніи: напр. Аристотель въ этикѣ своей говоритъ, что ἀρεταί дѣлаютъ человѣка благороднымъ; πάθη (страстныя состоянія духа) не дѣлаютъ человѣка таковымъ; слѣдовательно πάθη не относятся къ одному роду душевныхъ состояній вмѣстѣ съ ἀρεταί: здѣсь мысль о человѣческомъ благородствѣ служитъ основаніемъ для разъединенія добродѣтели отъ страстей: въ среднемъ терминѣ вся сила силлогизма.

Силлогистическія фигуры. Сочетанія сужденій въ нихъ. Общія правила для сочетаній. По *формѣ* силлогизмы весьма различны. Чтобы представить полный анализъ видовъ силлогистическихъ пріемовъ, мы обратимъ вниманіе на разнообразіе ихъ, во 1-хъ, по различію группировки элементовъ, входящихъ въ составъ силлогизма, и во вторыхъ, по различію сужденій, составляющихъ большую посылку.

Мы сказали выше, что вся сила силлогизма заключается въ его среднемъ терминѣ. Мѣстомъ его въ посылкахъ опредѣляется и характеръ силлогизма.

1) Средній терминъ можетъ занимать мѣсто обозначаемаго въ большей посылкѣ и обозначающаго въ меньшей. Наприм.

По законамъ физики, *повышеніе температуры* сопровождается расширеніемъ объема тѣлъ.

По предположеніямъ геологовъ, земля въ древнѣйшую эпоху *находилась въ раскаленномъ состояніи.*

Слѣдовательно, земля въ древнѣйшую эпоху должна была имѣть большій объемъ, чѣмъ теперь.

Въ этомъ силлогизмѣ средній терминъ есть обозначаемое въ большей посылкѣ и обозначающее въ меньшей. Или:

Законъ физическій отличается характеромъ необходимости и неизбѣжности.

Смерть есть физическій *законъ для всего живущаго.*

Слѣдовательно, смерть имѣетъ характеръ необходимости и неизбѣжности.

2) Средній терминъ можетъ занимать мѣсто обозначающаго въ обѣихъ посылкахъ. Напримѣръ:

Всякая философская система должна *изслѣдовать смыслъ и значеніе фактовъ.*

Индуктивныя науки *не занимаются смысломъ и значеніемъ ихъ.*

Слѣдовательно, строго индуктивныя науки не входятъ въ область философіи.

3) Средній терминъ занимаетъ мѣсто обозначаемаго въ обѣихъ посылкахъ:

Алкивіадъ былъ натура геніальная

Алкивіадъ былъ натура развращенная.

Слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ развращенность натуры соединяется съ ея геніальностію. Или:

Быстрые государственные перевороты сопровождались появленіемъ новыхъ принциповъ въ жизни человѣчества.

Быстрые перевороты всегда давали просторъ дурнымъ инстинктамъ общества.

Слѣдовательно, вмѣстѣ съ просторомъ для дурныхъ инстинктовъ общества, появляются иногда новые принципы.

4) Средній терминъ занимаетъ мѣсто обозначающаго въ большей посылкѣ и обозначаемаго въ меньшей. Напр.:

Дурные проводники тепла защищаютъ тѣло отъ холода.

Защищаютъ тѣло отъ холода наши суконныя одѣянія.

Слѣдовательно, суконныя одѣянія принадлежатъ къ дурнымъ проводникамъ тепла.

Указанные нами силлогическіе способы называются въ логикѣ старинным именемъ фигуръ. Еще Аристотель называлъ три первыхъ пріема σχήματα. По всей вѣроятности, названіе возникло изъ того, что такъ какъ различіе силлогистическихъ пріемовъ возникаетъ вслѣдствіе разнообразія мѣстъ, занимаемыхъ среднимъ терминомъ въ посылкахъ, то различныя группировки терминовъ даютъ какъ бы различныя фигуры. Для ясности дѣла обозначимъ схе-

матически каждую фигуру отдѣльно. Назовемъ большій терминъ A, средній B и меньшій C. Группировка ихъ въ разныхъ фигурахъ будетъ слѣдующая.

для 1-я фиг. $\begin{array}{l} B—A \\ C—B \\ \hline C—A \end{array}$ для 2-й $\begin{array}{l} A—B \\ C—B \\ \hline C—A \end{array}$ для 3-й $\begin{array}{l} B—A \\ B—C \\ \hline C—A \end{array}$

для 4-й $\begin{array}{l} A—B \\ B—C \\ \hline C—A \end{array}$

Въ свое время, при анализѣ сужденій, мы обратили вниманіе на различіе ихъ по качеству и количеству вмѣстѣ. Съ этой стороны мы различали: обще-утвердительныи сужденія, обще-отрицательныя, частно-утвердительныя и частно-отрицательныя. Каждое изъ этихъ сужденій можетъ входить въ составъ силлогизма. Легко понять, сколько можетъ быть возможныхъ комбинацій упомянутыхъ сужденій для каждой фигуры. Всѣ посылки могутъ состоять, во 1-хъ, изъ обще-утвердительныхъ сужденій, во 2-хъ, изъ частно-отрицательныхъ, въ 3-хъ, обще-отрицательныхъ, въ 4-хъ, частно-утвердительныхъ, далѣе въ 5-хъ, большая посылка можетъ быть общеутвердительная, меньшая обще-отрицательная, въ 6-хъ, большая посылка обще-утвердительная, меньшая частно-утвердительная и т. д. Открывается возможность 16-ти комбинацій упомянутыхъ сужденій въ каждой фигурѣ; слѣдовательно 64 вида во всѣхъ четырехъ фигурахъ. Въ логикахъ эти отдѣльные виды называются modi, т. е. видоизмѣненія фигуръ.

Но дѣло въ томъ, что не всѣ группировки сужденій имѣютъ логическую силу. Есть такія сочетанія, которыя не въ состояніи дать никакого здраваго заключенія ни въ какой фигурѣ. Съ другой стороны, такъ какъ въ каждой фигурѣ средній терминъ занимаетъ свое особенное мѣсто, то и вслѣдствіе этого обстоятельства нѣкоторыя комбинаціи сужденій, употребительныя въ одной изъ фигуръ, не могутъ имѣть мѣста въ другой. При анализѣ каждой фигуры въ отдѣльности, мы укажемъ частныя условія, которымъ должны удовлетворять группировки сужденій въ нихъ. Теперь же остановимся на общихъ condicio sine qua non комбинаціи сужденій въ силлогизмахъ.

Первое условіе правильности всякого силлогизма состоитъ въ томъ, что онъ не долженъ состоять изъ однихъ отрицательныхъ сужденій, будутъ ли они общими или частными. Въ логикахъ

это правило обозначается слѣдующимъ образомъ: ex mere negativis nihil sequitur, т. е. изъ чисто отрицательныхъ положеній ничего не слѣдуетъ: напр. ни одна наука не должна заимствовать свой матеріалъ изъ вторыхъ источниковъ; сказки не могутъ быть названы наукою, заключенія изъ этого никакого не получается; вообще, одни отрицанія никогда не даютъ матеріала для какихъ-либо выводовъ. Какъ мы увидимъ, даже отрицательные выводы получаются только въ томъ случаѣ, когда они хотя частію утверждаются на какомъ либо положеніи. Вотъ почему въ области мышленія, какъ и въ жизни, отрицательная критика тогда только приноситъ пользу, когда она руководствуется какими-нибудь положительными идеями: можно разрушать только во имя чего-либо положительнаго.

Второе силлогистическое правило заключается въ слѣдующемъ: однѣ частныя мысли никогда не дадутъ вывода: ex mere particularibus nihil sequitur: напр.: нѣкоторыя науки занимаются изслѣдованіемъ душевныхъ явленій; нѣкоторые ученые анализомъ душевныхъ явленій не занимаются; вывода никакого не слѣдуетъ. Когда вы отмѣчаете въ сужденіяхъ связь между его элементами не во всѣхъ подробностяхъ, а только въ нѣкоторыхъ, то нельзя поручиться, чтобъ, указываемая въ среднемъ терминѣ, связь касалась именно тѣхъ подробностей, о которыхъ трактуется въ сужденіяхъ. Поэтому можетъ оказаться, что, соединяя два частныхъ сужденія вмѣстѣ, мы сводимъ два положенія, не имѣющія другъ къ другу ни малѣйшаго соотношенія, и заключеніе, очевидно, слѣдовать изъ нихъ не можетъ.

Этими правилами уничтожается возможность многихъ комбинацій сужденій въ силлогизмахъ: невозможно соединеніе частно утвердительныхъ какъ однихъ, такъ и въ соединеніи съ частно отрицательными; невозможно соединеніе обще отрицательныхъ, частно отрицательныхъ и ихъ комбинаціи.

Затѣмъ перейдемъ къ анализу каждаго силлогистическаго пріема въ отдѣльности, или къ тому, что мы назвали силлогистическими фигурами.

Первая фигура силлогизма.

Обратимся къ 1-й фигурѣ. Какъ мы сказали, первая фигура есть такой пріемъ, въ которомъ средній терминъ есть обозначаемое въ большей посылкѣ и обозначающее въ меньшей: напримѣръ,

всѣ тѣла подчиняются закону тяжести: водородъ есть тѣло; слѣдовательно, онъ подчиняется закону тяжести. Почему мы дѣлаемъ такое заключеніе? потому, что мы логически подвели водородъ подъ такое тѣло, которое подчиняется дѣйствію тяжести. Средній терминъ трактуется въ первой посылкѣ какъ предметъ, имѣющій извѣстныя свойства или качества; затѣмъ, во второй—этотъ предметъ ставится какъ обозначающее, т. е. трактуется какъ нѣчто такое, что можетъ быть усвояемо другому. Но только одинъ видъ мыслей можетъ быть трактуемъ подобнымъ образомъ, — это понятія видовыя и родовыя, или абстрактныя. Въ одномъ случаѣ они могутъ обсуждаться какъ самостоятельные и независимые предметы и въ другомъ какъ нѣчто зависимое отъ другого, какъ бы чье то свойство, чья то принадлежность. Слѣдовательно, терминъ здѣсь долженъ быть отвлеченнымъ понятіемъ.

Отсюда вытекаютъ нѣкоторыя правила, обязательныя для насъ, когда мы силлогизируемъ по первой фигурѣ. Такъ какъ въ первой посылкѣ мы извѣстному предмету приписываемъ или отрицаемъ отъ него что-либо, то необходимо, чтобъ подъ его объемъ подходило безошибочно все, что мы поставимъ во второй посылкѣ какъ предметъ обозначаемый, т. е. первая посылка въ первой фигурѣ должна быть *общею*. Иначе не будетъ увѣренности, что обозначаемое во 2-й посылкѣ подходитъ подъ ту именно часть объема средняго термина, которому, что-либо приписывается или отъ котораго что либо отрицается: напр. нѣкоторыя науки занимаются объясненіемъ душевныхъ явленій, политическая экономія есть наука, приходится заключить, что политическая экономія занимается объясненіемъ душевныхъ явленій. Затѣмъ, такъ какъ во второй посылкѣ мы подводимъ что либо подъ обозначаемый въ первой посылкѣ предметъ, то она должна быть непремѣнно *утвердительною*. Представимъ себѣ, что во второй посылкѣ мы отрицаемъ всякія отношенія между извѣстнымъ предметомъ и среднимъ терминомъ, — обозначаемымъ въ первой. Тогда мы должны отрицать отъ этого предмета и ту принадлежность, которую приписывали среднему термину въ первой посылкѣ. Но изъ того, что предметъ не подходитъ подъ извѣстную категорію, отнюдь не слѣдуетъ, что онъ не имѣетъ всѣхъ признаковъ понятій, подъ нее подходящихъ: напр. правительственные дѣятели приносятъ пользу обществу; но какой-либо купецъ-промышленникъ къ составу правительственнаго сословія не принадлежитъ; слѣдуетъ ли отсюда, что онъ пользы обществу не приноситъ? Несомнѣнно, что занятіе наукою облаго-

роживаетъ и развиваетъ умъ; но сколько есть въ обществѣ людей, которые не имѣютъ ни времени ни возможности заниматься наукою? Есть и такіе, которые не могли получить правильнаго образованія и почти не слыхали о наукѣ; имѣемъ ли мы однако право заключать о такихъ людяхъ, что они всѣ безъ исключенія не имѣютъ облагороженнаго и развитаго ума?

Итакъ первая посылка въ 1-й фигурѣ силлогизма должна быть сужденіемъ общимъ, вторая сужденіемъ утвердительнымъ. Этими условіями исключаются снова многія изъ комбинацій сужденій и остаются только четыре возможныхъ modi.

Каждый изъ возможныхъ modus'овъ или частныхъ пріемовъ въ фигурѣ издавна принято въ логикахъ называть особыми именами. Еще Византійскіе Греки употребляли различныя имена для обозначенія комбинацій, возможныхъ въ каждой фигурѣ (напр. γράμματα ἔγραψε и т. п.). Существующія теперь названія въ первый разъ введены въ схоластическую логику въ XIII столѣтіи и съ тѣхъ поръ утвердились въ формальной логикѣ. Эти имена не имѣютъ никакого смысла сами по себѣ, они чисто мнемоническія названія для одной памяти. Такъ какъ трудно помнить, какія именно комбинаціи сужденій допускаются въ фигурахъ, то въ этихъ искусственныхъ словахъ каждый находитъ для себя нужныя указанія.

Именно: принято обозначать различные виды сужденій различными гласными. Общеутвердительныя обозначаются буквою A, общеотрицательныя — E, частно утвердительныя I и частно отрицательныя O. Такъ, для того, чтобъ обозначить, что обѣ посылки и заключеніе суть общеутвердительныя сужденія, должно было бы употреблять формулу AAA; но для благозвучія къ нимъ присоединяются согласныя и такимъ путемъ получаются подобія словъ. Возможныя въ 1-й фигурѣ комбинаціи сужденій называются слѣдующими названіями.

bArbArA, т. е. обѣ посылки и заключеніе всеобщеутвердительныя: Всякое тѣло подчинено закону тяжести.

Водородъ есть тѣло.

Слѣдовательно, водородъ подчиненъ дѣйствію тяжести.

cElArEnt: Ни однимъ историческимъ источникомъ не должно пользоваться безъ критики; мемуары, дневники и т. д. суть историческіе источники для времени, въ которое они писаны; слѣдовательно, мемуарами и т. д. не должно пользоваться безъ критики.

dArII. Что вытекаетъ изъ чисто нравственныхъ побужденій, то нравственно одобряется; нѣкоторыя отступленія отъ общихъ пра-

вилъ поведенія возникаютъ изъ чисто нравственныхъ побужденій; слѣдовательно, нѣкоторыя отступленія отъ общихъ правилъ поведенія нравственнно одобряются.

fErIO. Ни одна нравственная слабость не можетъ дѣйствительно принадлежать Божеству; Греческая миѳологія иногда приписываетъ своимъ богамъ многія такія слабости; слѣдовательно, греческая миѳологія въ нѣкоторыхъ случаяхъ говоритъ о томъ, что дѣйствительно Божеству приписываемо быть не можетъ.

Мы скажемъ теперь о примѣненіи въ наукѣ и жизни, какое могутъ имѣть силлогистическіе пріемы 1-й фигуры. Она имѣетъ тотъ смыслъ, что подводитъ видъ подъ родъ, частности подъ нѣчто общее. Поэтому она имѣетъ важное значеніе, какъ въ описательныхъ, такъ и объяснительныхъ наукахъ. Ботаникъ, открывшій новое растеніе, опредѣляетъ видъ, къ которому оно относится: роды и виды, уже данные въ наукѣ, суть какъ бы общія посылки, явленіе новооткрытое есть какъ бы меньшая посылка и онъ долженъ доказать, что это растеніе дѣйствительно относится къ извѣстному, описываемому наукою, виду. Мысль ботаника, классифицирующаго новый предметъ, очевидно, развивается по первой фигурѣ. Ею же мы пользуемся при научномъ объясненіи явленій, развивающихся предъ нашими глазами, иначе говоря, съ помощію мышленія, развивающагося по означенной первой фигурѣ, мы дѣлаемъ ежедневныя приложенія науки. Естественныя науки, имѣющія въ виду объясненіе явленій, наприм. физика, физіологія, состоятъ изъ обобщеній, какъ это мы увидимъ въ отдѣлѣ индукціи, которыя не говорятъ намъ о явленіяхъ, развивающихся въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время, но указываютъ только общій порядокъ развитія явленій. Таковъ вообще смыслъ законовъ природы, изслѣдованіе которыхъ составляетъ предметъ естественныхъ наукъ. Физика, говоря о законѣ тяжести, не указываетъ, какіе именно предметы кругомъ насъ падаютъ; она говоритъ о законахъ свѣта, его преломленіи, отраженіи, но она не говоритъ, какъ свѣтъ дѣйствуетъ на поверхность стола, находящагося въ нашей комнатѣ, или на воду рѣки, находящейся въ извѣстной мѣстности; она говоритъ о дѣйствіи теплоты на тѣла, ея распространеніи, но не говоритъ, какъ дѣйствуетъ тепло на мебель нашей квартиры, или какъ оно распространяется по нашей комнатѣ. Чтобы приложить всѣ эти свѣдѣнія къ дѣлу, нужна сообразительность. Но въ чемъ она состоитъ? Она есть ничто иное, какъ мышленіе, прилагающее общія научныя данныя къ частнымъ

фактамъ: напримѣръ, мы объясняемъ явленіе росы изъ общихъ законовъ, открываемыхъ намъ физикою. Мы говоримъ: въ лѣтнюю ночь, нагрѣтая днемъ, земля должна испускать лучистую теплоту и охлаждаться, когда нѣтъ облаковъ: это есть выводъ изъ положенія, что всякое тѣло испускаетъ теплоту, какъ скоро поверхность его не защищена какимъ либо худымъ проводникомъ тепла. Далѣе мы говоримъ, что пары воздуха, неспособнаго такъ быстро охладѣвать по своей худой теплопроводности, какъ земля, прикасаясь къ холоднымъ предметамъ, охлаждаются на ихъ поверхности и осаждаются въ видѣ капель, т. е. росы. Это опять выводъ изъ общаго положенія, что пары, охлаждаясь, переходятъ изъ газообразнаго состоянія въ капельно жидкое. Физіологія даетъ намъ только общія положенія относительно того, какъ совершаются питаніе, движеніе крови, дыханіе, какъ происходитъ сокращеніе мускуловъ, но приложить ихъ къ дѣлу въ случаѣ нужды предоставляется сообразительности каждаго. Врачъ, назначая лѣкарство больному, также умозаключаетъ по первой фигурѣ. Патологія и терапія говорятъ ему о типахъ болѣзней и способахъ ихъ лѣченія, но въ чемъ состоитъ болѣзнь человѣка, къ которому врачъ призванъ, какой способъ лѣченія его должно избрать, это онъ долженъ рѣшить самъ. Слѣдовательно, онъ долженъ вспомнить общія патологическія и терапевтическія данныя и сообразить, подъ которыя изъ нихъ подходитъ предлежащій случай, и тогда онъ подскажетъ заключеніе, съ чѣмъ именно имѣетъ онъ дѣло и какъ поступать ему.

Приложеніе филологическихъ наукъ къ дѣлу также дѣлается мышленіемъ по нашей фигурѣ. Ни какая грамматика не можетъ быть столь подробною, чтобъ указать каждому, какъ понимать текстъ сочиненій Цицерона, или Демосѳена, или Юлія Цезаря и т. д. Она знакомитъ насъ только съ обобщеніями, сдѣланными на основаніи подробнаго изученія состава языка: мы узнаемъ изъ нея, какія этимологическія измѣненія характеризуютъ роды, числа, падежи, спряженія, части рѣчи, какой синтаксическій строй рѣчи требуется духомъ языка и т. д. Этими обобщеніями мы пользуемся при чтеніи текстовъ: подъ нихъ мы подводимъ случаи, представляющіеся въ немъ, и такимъ образомъ заключаемъ, почему въ текстѣ дана извѣстная конструкція словъ.

Такимъ образомъ, съ помощію этой фигуры, мы вообще прилагаемъ свои научныя свѣдѣнія къ дѣлу. Всѣ науки, и нравственныя въ томъ числѣ, даютъ намъ только общія посылки: это уже

наше дѣло найти, какія изъ окружающихъ насъ явленій подъ какія научныя обобщенія подходятъ и затѣмъ дѣлать свои заключенія.

Вторая фигура силлогизма.

Второю фигурою силлогизма мы назвали тотъ пріемъ, въ которомъ среднему термину дается мѣсто обозначающаго въ обѣихъ посылкахъ: напр. ученый трудъ долженъ заимствовать свой матеріалъ изъ первыхъ источниковъ; учебники составляются авторами часто по трудамъ другихъ, не на основаніи собственной разработки источниковъ; слѣдовательно, такіе учебники не могутъ быть названы учеными трудами. Здѣсь мысль о разработкѣ матеріала по первымъ источникамъ есть средній терминъ и онъ занимаетъ мѣсто обозначающей черты въ обѣихъ посылкахъ. Отсюда легко уясняется какъ смыслъ этого силлогистическаго пріема, такъ и правила, обязательныя для того, кто по нему умозаключаетъ. Средній терминъ въ немъ есть обозначающее въ обѣихъ посылкахъ; значитъ, въ двухъ случаяхъ указывается на одно какое либо качество, свойство, и отсюда дѣлается заключеніе ко взаимному отношенію обозначаемыхъ предметовъ. А имѣетъ качество В, но С этого качества не имѣетъ; слѣдовательно, нельзя утверждать связь между С и А. Въ первой посылкѣ утверждается связь между двумя понятіями. Но чтобъ имѣть право въ заключеніи отрицать отъ обозначаемаго меньшей посылки связь съ обозначаемымъ первой, должно всеобщимъ образомъ утвердить связь предмета большей посылки съ обозначающимъ признакомъ. Когда въ одномъ предметѣ найдемъ признакъ, принадлежащій ему всецѣло, въ другомъ же не найдемъ его, то мы имѣемъ право заключать, что между ними нѣтъ ни какой связи. Но если мы только въ нѣкоторой части объема обозначаемаго нашли признакъ, то никакъ нельзя дѣлать заключеніе объ отношеніи его къ другому предмету, въ которомъ того признака нѣтъ: ибо можетъ случиться, что въ другой части объема предмета первой посылки того же признака также нѣтъ. Поэтому силлогизмъ второй фигуры съ частною большею посылкою будетъ давать неправильное заключеніе: напримѣръ, нѣкоторыя науки занимаются изслѣдованіемъ болѣзненныхъ явленій въ организмѣ; логика такимъ изслѣдованіемъ не занимается; слѣдовательно логика не наука? Чтобъ избѣгнуть такихъ заключеній, необходимо, чтобъ первая посылка была общею.

Съ другой стороны, необходимо, чтобъ одна изъ посылокъ была отрицательною. Если бы мы дѣлали обѣ посылки положительными, то выходило бы, что въ двухъ предметахъ мы замѣчаемъ присутствіе одного и того же свойства. Но имѣемъ ли мы право дѣлать отсюда заключеніе, что оба предмета находятся въ связи между собою? Конечно, нѣтъ, потому что признакъ одного предмета можетъ находиться въ другомъ иногда совершенно случайно: напр. нравственно добрыя дѣйствія всегда имѣютъ въ виду какія либо добрыя цѣли; преслѣдованіе еретиковъ, казни ихъ производились съ добрыми цѣлями; слѣдовательно, преслѣдованія и казни еретиковъ были нравственно добрыми дѣйствіями. И такъ присутствіе одного и того же признака въ двухъ предметахъ не даетъ намъ права подводить ихъ одно подъ другое. Но отсутствіе признака, принадлежащаго всеобщимъ образомъ одному подлежащему, въ другомъ даетъ право дѣлать заключеніе къ отсутствію между ними связи. Предметъ можетъ имѣть одинъ изъ признаковъ, принадлежащихъ какому либо роду, не подчиняясь послѣднему логически, но когда онъ не имѣетъ одного изъ признаковъ рода, то уже навѣрное можно сказать, что къ этому роду его относить нельзя. Слѣдовательно, одна изъ посылокъ во второй фигурѣ должна быть отрицательною.

Этими двумя правилами устраняются многія изъ противорѣчащихъ имъ комбинацій сужденій, за исключеніемъ слѣдующихъ четырехъ.

cEsArE: Аристотель говоритъ въ этикѣ, что πάθη не дѣлаютъ человѣка ни благороднымъ ни злымъ.
ἀρεταί напротивъ дѣлаютъ человѣка благороднымъ и добрымъ.
Слѣдовательно, ἀρεταί не имѣютъ никакого отношенія къ πάθη.

Или: Волненія (аффекты) не основываются на намѣреніяхъ. Добродѣтели основываются на нихъ.
Слѣдовательно, добродѣтель человѣка не есть слѣдствіе волненій (страстныхъ состояній духа).

cAmEstrEs. Истинно народное произведеніе узнается по простотѣ, наивности его.
Пѣсни Оссіана, изданныя Макферсономъ, этихъ качествъ не имѣютъ.
Слѣдовательно, пѣсни Оссіана не могутъ быть названы истинно-народнымъ произведеніемъ.

fEstjnO: Химическіе и физическіе процессы не могутъ давать бытіе органическимъ существамъ.
Нѣкоторые процессы въ природѣ даютъ имъ бытіе.
Слѣдовательно, эти процессы не химическіе и нефизическіе.

bArOccO: Все истинное должно быть согласно съ самимъ собою и фактами.
Нѣкоторыя мнѣнія Канта не удовлетворяютъ этому условію.
Слѣдоват. нѣкоторыя мнѣнія Канта не могутъ считаться истинными.

Теперь мы прослѣдимъ, какое примѣненіе можетъ имѣть эта фигура. Для положительныхъ цѣлей она служить не можетъ. Одна изъ посылокъ въ ней необходимо должна быть отрицательною, а это обстоятельство служитъ причиною, что и заключенія по ней имѣютъ всегда отрицательный характеръ. Но для критики, преимущественно отрицательной, она какъ нельзя болѣе пригодна. Отрицательные критическіе отзывы въ области эстетической, литературной и ученой часто располагаются въ своемъ строѣ по этой фигурѣ. Когда картина не допускается на выставку, или не удостоивается преміи, или когда отрицается ея художественное значеніе, по какому пріему развивается мысль эстетическихъ судей? Въ основу оцѣнки полагаются требованія, предъявляемыя судьями ко всякому истинно художественному произведенію: это большая посылка; затѣмъ, разсуждается о томъ, что предъявляемая картина этимъ требованіямъ не удовлетворяетъ: это посылка меньшая; заключеніе слѣдуетъ само собою, что она не можетъ быть считаема истинно художественнымъ произведеніемъ, а слѣдовательно, и не имѣетъ правъ его. Такого же рода умозаключеніями руководимся мы при всякого рода случаяхъ, когда выставляемъ резоны, почему тѣ или другія мнимо художественныя вещи не могутъ быть относимы къ категоріи истинно художественныхъ произведеній.

По этому же силлогистическому пріему развивается отрицательная критика въ области литературы. Она указываетъ слабости и недостатки литературныхъ произведеній, классифицируетъ ихъ: во имя чего? На основаніи или общепризнанныхъ или субъективныхъ, принадлежащихъ критику, требованій. И когда разсматриваются слабыя стороны литературнаго произведенія, то мысль развивается именно по второй фигурѣ силлогизма. Требованія,

представляемыя какъ условія художественнаго значенія повѣсти, романа, имѣютъ смыслъ большей посылки. Указаніе того, вслѣдствіе чего данное произведеніе имъ не удовлетворяетъ, имѣетъ значеніе меньшей посылки. Нѣтъ нужды, что въ критикахъ мы не видимъ силлогизма во всей его простотѣ, но онъ составляетъ основу, скелетъ такихъ критическихъ статей: большая посылка и меньшая обставляются доказательствами, развиваются иногда до мелкихъ подробностей, но это нисколько не измѣняетъ дѣла и душою ихъ остается все-таки силлогистическій пріемъ.

И ученая критика въ той части, которая имѣетъ въ виду преимущественно указаніе слабыхъ сторонъ ученыхъ трудовъ, развивается по нашему пріему. Оцѣнка философскаго труда производится на основаніи анализа слабыхъ сторонъ его, а указаніе слабыхъ сторонъ производится во имя общепризнанныхъ философскихъ требованій. Вообще всякій ученый въ своей отрицательной критикѣ повѣряетъ произведеніе какими нибудь общими принципами, условіями научности, и умозаключаетъ по второй фигурѣ силлогизма.

Третья фигура силлогизма.

Въ третьей фигурѣ силлогизма средній терминъ есть предметъ обозначаемый въ обѣихъ посылкахъ. Мы умозаключаемъ по ней слѣдующимъ образомъ: Наполеонъ первый достигъ высокаго положенія въ своемъ отечествѣ и цѣлую Европу наполнилъ своею славою; Наполеонъ же былъ многосторонняя геніальная натура; отсюда мы дѣлаемъ заключеніе, что сила генія возводитъ иногда человѣка на высочайшую степень могущества и славы; или: Баконъ Веруламскій далъ сильный толчекъ наукѣ своего времени и преобразовалъ ее; но онъ же обнаружилъ удивительную нравственную слабость своего характера (какъ извѣстно, былъ обвиненъ въ корыстолюбіи и измѣнилъ другу своему, графу Эссексу). Мы можемъ сдѣлать заключеніе, что иногда нравственныя слабости соединяются въ человѣкѣ съ величайшими умственными заслугами.

Отсюда понятенъ смыслъ этой силлогистической фигуры и правило, которое въ ней всегда должно выполняться, если мы желаемъ придти къ правильному заключенію. Такъ какъ въ ней средній терминъ есть обозначаемое въ обѣихъ посылкахъ, то значитъ, мы, замѣтивъ два различныхъ свойства, или признака въ одномъ

и томъ же предметѣ, дѣлаемъ заключеніе къ связи и нѣкоторому соотношенію этихъ свойствъ. Вторая посылка здѣсь должна быть утвердительная. Допустимъ, что она отрицательная. Тогда въ силу общаго силлогистическаго правила, что силлогизмъ не долженъ состоять изъ однихъ отрицательныхъ посылокъ, мы должны сдѣлать первую посылку утвердительною. Такъ какъ въ заключеніи обозначающее второй посылки (меньшій терминъ) должно сдѣлаться обозначаемымъ заключенія, то мы должны были бы на томъ основаніи, что извѣстное свойство не встрѣчается въ предметѣ, въ которомъ мы находимъ другое, дѣлать заключеніе къ отсутствію связи между этимъ, не встрѣчающимся въ предметѣ свойствомъ, и встрѣчающимся. Но можетъ случиться, что эти свойства суть виды какого-либо высшаго понятія и логически соподчинены роду, хотя вмѣстѣ въ одномъ предметѣ и не встрѣчаются. Напр. занятіе наукою развиваетъ умственныя и нравственныя силы человѣка; занятія наукою не были жизненнымъ дѣломъ многихъ святыхъ; слѣдовательно многіе святые не обладали умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ. Но это заключеніе не совсѣмъ вѣрно, потому что были люди съ огромнымъ умственнымъ и нравственнымъ развитіемъ, которые не знали занятій науками, — ихъ развивала жизнь и собственное размышленіе. Вообще мысль наша можетъ отправляться къ заключенію о связи или объ отсутствіи ея между свойствами только отъ такого признака, который, по нашему наблюденію, положительно связанъ съ среднимъ терминомъ, иначе говоря, необходимо, чтобъ вторая посылка въ третьей фигурѣ была утвердительною.

Такъ какъ этотъ пріемъ долженъ соблюдать только одно вышеупомянутое условіе, то онъ по своимъ modi богаче всѣхъ остальныхъ силлогистическихъ фигуръ: именно, онъ имѣетъ шесть слѣдующихъ modi:

dArAptI: Всѣ люди суть существа нравственныя.
Всѣ люди суть существа разумныя.
Слѣдовательно, нѣкоторыя разумныя существа суть въ тоже время существа нравственныя.

fElAptOn: Ни одинъ историческій дѣятель не вступалъ на свое поприще безъ серьезнаго къ тому приготовленія.
Историческіе дѣятели были люди, одаренные многими дарованіями.
Слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при даровитости, требуется еще серьезный приготовительный трудъ.

dIsAmIs: Нѣкоторыя науки особенно трудны для изученія.
Науки служатъ нашему развитію.
Слѣдоват. развитіе наше въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуетъ усиленнаго труда.

dAtIsI: Развитіе всякого народа подчинено своимъ неизбѣжнымъ законамъ.
Развитіе нѣкоторыхъ народовъ совершалось быстро, въ короткіе промежутки времени.
Слѣдоват. нѣкоторыя явленія, быстро слѣдовавшія одно за другимъ, были подчинены неизбѣжнымъ законамъ.

bOcArdO: Нѣкоторые люди, обвиненные въ чародѣйствѣ, не сознавали при этомъ своей невинности.
Но такіе чародѣи совершали только мнимое преступленіе.
Слѣдоват. иногда даже при мнимомъ преступленіи люди не сознаютъ своей невинности.

fErIsOn: Нравственность намѣреній не можетъ служить порукою нравственныхъ дѣйствій.
Нравственность намѣреній въ нѣкоторыхъ случаяхъ служитъ только прикрытіемъ беззаконныхъ дѣйствій.
Слѣдоват. то, что можетъ служить для прикрытія беззаконныхъ дѣйствій, не можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ служить порукою нравственныхъ дѣйствій.

Сущность разсмотрѣннаго силлогистическаго пріема заключается, какъ мы выше уже говорили, въ томъ, что, замѣтивъ два качества, совмѣстно существующія въ одномъ предметѣ, мы дѣлаемъ заключеніе о взаимномъ соотношеніи ихъ. Отсюда легко видѣть, какъ далеко можетъ простираться приложеніе этого пріема въ наукѣ и жизни. Наблюдатель надъ историческою жизнію народовъ ставитъ въ связь нѣкоторыя черты, встрѣчаемыя имъ въ народѣ, въ историческихъ дѣятеляхъ, въ установленіяхъ политическихъ и общественныхъ и т. д. Эти обобщенія суть какъ-бы первые шаги къ аналитическому выводу одной черты или особенности изъ другой. Но въ научной области этотъ силлогистическій пріемъ не можетъ получить обширнаго примѣненія, во первыхъ, уже потому, что всѣ выводы его имѣютъ частный характеръ: мы можемъ говорить, что связь, совмѣстная встрѣча свойствъ бываютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, иногда и т. д. Такія частныя обобщенія, конечно, не могутъ имѣть особое значеніе въ наукѣ: они всегда будутъ имѣть смыслъ догадокъ, предположеній и т. п. Съ другой стороны, такія обобщенія могутъ имѣть чисто случайный

характеръ. Признаки качества могутъ случайно встрѣчаться вмѣстѣ въ предметахъ и понятно, что заключенія, основанныя на такихъ фактахъ, не могутъ имѣть научной твердости. Тѣмъ чаще мы пользуемся этимъ пріемомъ въ практическомъ мышленіи. Люди, практически мудрые, наблюдательные, догадливые и сообразительные, замѣчаютъ, какія физическія свойства и особенности съ какими психическими качествами встрѣчаются вмѣстѣ, какъ иногда нѣкоторыя черты характера соединяются съ особенностями ума, чувствованій и т. д. Особенно при нравственныхъ увѣщаніяхъ. этотъ пріемъ часто употребляется. Моралистъ указываетъ на человѣка, достигшаго богатства и значительнаго положенія въ обществѣ; онъ указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что этотъ же человѣкъ много работалъ и трудился; онъ дѣлаетъ отсюда заключеніе, что трудъ и работа даютъ богатство и значительное положеніе въ обществѣ. По этому же пріему, моралистъ пользуется противоположными примѣрами для предостереженія: онъ указываетъ на человѣка, потерявшаго доброе имя, довѣріе ближнихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ на своекорыстіе, крайній эгоизмъ въ его настроеніи отсюда выводитъ заключеніе о томъ, къ чему ведутъ эгоизмъ и своекорыстіе.

Четвертая фигура силлогизма.

Въ четвертой фигурѣ силлогизма средній терминъ занимаетъ мѣсто обозначающаго элемента въ первой посылкѣ и обозначаемаго во второй: шерстяныя одежды защищаютъ тѣло отъ холода; предметы, защищающіе тѣло отъ холода, принадлежатъ къ дурнымъ проводникамъ теплоты; слѣдовательно, нѣкоторые дурные проводники тепла, суть шерстяныя одежды. Эта фигура должна, повидимому, имѣть тотъ же смыслъ, какъ и первая: и въ ней средній терминъ есть общее понятіе; ибо оно только можетъ въ одномъ случаѣ разсматриваться какъ признакъ, принадлежащій предмету, и въ другомъ, — какъ самостоятельный предметъ. Но различіе мѣстъ, на которыя мы ставимъ въ этихъ двухъ фигурахъ средній терминъ, служитъ причиною важнаго различія самыхъ силлогистическихъ пріемовъ. Въ одномъ случаѣ (въ 1-й фигурѣ) мы сводимъ или разъединяемъ два предмета, потому что они логически подчиняются одному общему понятію: во второй посылкѣ 1-й фигуры средній терминъ былъ обозначающею чертою и это означало, что

мы указываемъ родъ или видъ, которому подчиненъ меньшій терминъ. Здѣсь, въ меньшей посылкѣ четвертой фигуры, средній терминъ есть обозначаемое, а меньшій обозначающее. Мы сводимъ меньшій терминъ съ большимъ, потому что первый есть признакъ, замѣчаемый въ понятіи—среднемъ терминѣ, а сей послѣдній есть признакъ, замѣчаемый въ большемъ (что обозначается первою посылкою). Слѣдовательно, хотя здѣсь и есть своего рода подчиненіе, но не частнаго общему, а наоборотъ, общаго частному. Поэтому, чтобъ заключеніе было правильно, мы должны въ немъ такъ ограничить объемъ обозначаемаго предмета заключенія (меньшій терминъ), чтобъ оно уравнивалось съ большимъ терминомъ и слѣдовательно, по этой фигурѣ заключеніе у насъ всегда будетъ частнымъ сужденіемъ. Представимъ себѣ дѣло еще проще. Мы располагаемъ свою мысль въ этой фигурѣ слѣдующимъ образомъ: А есть В, В — С, слѣдоват. С есть А. Такъ какъ обозначающее въ сужденіяхъ всегда шире по объему своему обозначаемаго, то, очевидно, здѣсь мы, начавъ съ предмета А и переходя затѣмъ къ В и С, идемъ отъ понятія менѣе широкаго къ болѣ широкому по объему: ибо въ первой посылкѣ В обозначаетъ А, во второй С обозначаетъ В. Между тѣмъ въ заключеніи намъ приходится связывать С съ А, т. е. болѣе обширный по объему предметъ опредѣлять менѣе обширнымъ и значитъ заключеніе должно быть частнымъ сужденіемъ. *).

Въ этой фигурѣ возможны слѣдующіе виды:

bAmAlip: Одежды изъ шерсти принадлежатъ къ предметамъ поддерживающимъ тепло въ тѣлѣ.
Предметы, поддерживающіе тепло въ тѣлѣ, суть дурные проводники теплоты.
Слѣдовательно, нѣкоторые дурные проводники тепла суть одѣянія изъ шерсти.

cAlEmEs: Всякая наука требуетъ добросовѣстности со стороны своихъ представителей.

---

*) Исключеніе представляется здѣсь только въ одномъ случаѣ (calemes) и понятно почему. Въ этомъ modus'ѣ первая посылка всеобщеутвердительная, вторая же *всеобщеотрицательная;* значитъ, въ большей посылкѣ мы всеобщимъ образомъ утверждаемъ связь между элементами сужденія, въ меньшей — также всеобщимъ образомъ отрицаемъ. Какъ въ умозаключеніи превращенія для мышленія все равно, въ какомъ порядкѣ отрицать связь между элементами сужденія, такъ и въ этомъ modus'ѣ оказывается возможнымъ отрицать вообще связь С съ А, такъ какъ С не имѣетъ связи съ В, съ которымъ всегда связано А.

Но добросовѣстное отношеніе къ дѣлу науки никогда не можетъ совмѣщаться съ поспѣшностію въ выводахъ и приговорахъ.

Слѣдовательно, упомянутая поспѣшность не имѣетъ ничего общаго съ наукой.

fEsApO: Безнравственный человѣкъ никогда не пользуется полнымъ спокойствіемъ совѣсти.

Люди съ спокойною совѣстью пользуются внутреннимъ миромъ.

Слѣдовательно, нѣкоторые пользующіеся внутреннимъ миромъ люди не суть безнравственныя личности.

frEsJsOn: Святые люди никогда не позволяли себѣ сознательно нарушать нравственный законъ.

Сознательныя нарушенія его въ нѣкоторыхъ случаяхъ суть слѣдствіе слабости и немощи человѣческой природы.

Слѣдовательно, нѣкоторыя слабости и немощи человѣческой природы не дозволялись себѣ святыми.

dJmAtJs: Нѣкоторыя отступленія отъ нравственнаго закона требуются обстоятельствами и высшимъ долгомъ. Но требованія обстоятельствъ и долга должны быть всегда въ такихъ случаяхъ, всесторонне обсуждены и разсмотрѣны.

Слѣдовательно, только по всестороннемъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ относящихся къ дѣлу, могутъ быть допущены въ нѣкоторыхъ случаяхъ отступленія отъ нравственнаго закона.

По самому способу развитія здѣсь мысли, видно, что эта фигура обширнаго приложенія имѣть не можетъ. Почти всѣ ея modi приводятъ къ частнымъ заключеніямъ, и это одно обстоятельство дѣлаетъ ее мало пригодною для науки. Изъ того, что мы узнаемъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть допустима связь понятій, наука мало извлекаетъ существенной для себя пользы. Притомъ, каждый можетъ замѣтить, что мысль развивается по этому пріему какъ-то неестественно, какъ будто бы мы насильственно здѣсь сводимъ понятія. Напр. возьмемъ примѣръ на bAmAlJp: одежды изъ шерсти принадлежатъ къ предметамъ, поддерживающимъ тепло въ тѣлѣ; предметы, поддерживающіе тепло въ тѣлѣ суть дурные проводники теплоты; слѣдовательно, нѣкоторые дурные проводники теплоты суть одежды изъ шерсти. Здѣсь, оче-

видно. мысль связываетъ термины неестественнымъ образомъ; естественнѣй было бы сдѣлать заключеніе такъ: слѣдовательно, одежды изъ шерсти суть дурные проводники тѣла. Но такое заключеніе можетъ получиться только чрезъ пріемъ превращенія и значитъ, нужно подвергать заключеніе передѣлкѣ, чтобъ оно получило въ нашихъ глазахъ характеръ естественности. Почему же оно кажется намъ не совсѣмъ естественнымъ? Потому, что въ сужденіяхъ своихъ мы сочетаваемъ понятія различныхъ объемовъ такъ, что съ мѣньшимъ объемомъ понятіе большею частью занимаетъ мѣсто обозначаемаго, съ большимъ — мѣсто обозначающаго: иначе говоря, мысль наша развивается большею частію по направленію отъ частнаго къ болѣе общему и такой ходъ для нея всего болѣе естественъ. Въ этомъ же пріемѣ она принимаетъ направленіе обратное и оттого ея заключенія кажутся не естественными.

Тѣмъ неменѣе и разсмотрѣнный пріемъ можетъ имѣть свое значеніе при умозаключеніяхъ отъ средствъ къ цѣли. Такъ какъ въ сужденіяхъ, имѣющихъ предметомъ своимъ отношенія цѣлей и средствъ, реальная связь явленій представляется въ обратномъ порядкѣ, то силлогизмъ по четвертой фигурѣ весьма пригоденъ въ этихъ случаяхъ: напр., чтобы добывать себѣ пищу на громадныхъ и скудныхъ растительностію долинахъ сѣвера, олень долженъ быть способенъ пробѣгать большія разстоянія; но преодолѣніе большихъ разстояній условливается крѣпостію ногъ; слѣдовательно, крѣпкія ноги нужны оленю, чтобы добывать себѣ пищу на сѣверѣ. Въ этомъ примѣрѣ неестественности сочетанія мыслей нѣтъ, равно какъ ея не будетъ во всякомъ другомъ подобномъ умозаключеніи.

Разнообразіе силлогизмовъ по различію сужденій, входящихъ въ составъ ихъ.

До сихъ поръ мы различали виды силлогизмовъ по различію мѣста, занимаемаго среднимъ терминомъ или по различію группировки въ нихъ элементовъ сужденій. Теперь посмотримъ, какъ могутъ разнообразиться умозаключенія по различію сужденій, входящихъ въ составъ силлогизмовъ.

По степени развитія, сужденія могутъ быть, какъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ, безличныя, категорическія, условныя и раздѣлительныя. Изъ первыхъ, само собою разумѣется, невозможно об-

разовать никакого силлогизма, но остальныя могутъ входить въ составъ его и сообщать ему свой особый типъ: именно по качеству сужденій силлогизмы могутъ быть 1) категорическіе, 2) условные и 3) раздѣлительные.

Категорическій силлогизмъ. Виды его. Категорическимъ силлогизмомъ называется умозаключеніе, въ которомъ обѣ посылки суть сужденія категорическія: наприм. образованіе ума не всегда ручается за образованіе сердца; наука даетъ образованіе ума; слѣдовательно, наука не ручается за образованіе сердца.

Категорическій силлогизмъ можетъ быть: полный, сокращенный и распространенный.

Полнымъ категорическимъ силлогизмомъ называется обыкновенное категорическое умозаключеніе, въ которомъ даны всѣ посылки. Намъ нѣтъ нужды распространяться о немъ, потому что все, что мы говорили о различныхъ силлогистическихъ фигурахъ, можетъ быть приложено къ этому виду силлогизмовъ. Примѣры послѣднихъ могутъ служить примѣрами перваго.

Сокращенные категорическіе силлогизмы издавна получили названіе энтимемъ (ἐνθύμημα, то, что удерживается ἐν θυμῷ). Этимъ именемъ называется такой пріемъ, въ которомъ одна изъ посылокъ не высказывается, а подразумѣвается. Иногда первыя или вторыя посылки до такой степени очевидны и сами собою представляются уму, что нѣтъ нужды высказывать ихъ.

Различныя фигуры не въ одинаковой степени допускаютъ подобныя сокращенія.

Въ первой фигурѣ весьма удобно можетъ быть опускаема какъ первая, такъ и вторая посылки. Мы выпускаемъ большую посылку, когда общее положеніе, отъ котораго мы отправляемся въ силлогизмѣ, ясно до очевидности. Мы говоримъ: водородъ есть тѣло слѣдовательно, онъ подчиненъ закону тяжести. Это будетъ энтимема первой фигуры и здѣсь выпущена первая посылка: всѣ тѣла подчинены дѣйствію закона тяжести. Или разсуждаютъ такъ: вѣдь онъ человѣкъ богатый, слѣдовательно, онъ обезпеченъ во всѣхъ своихъ нуждахъ и можетъ свободно располагать собою. И здѣсь, тоже выпущена большая посылка: богатство обезпечиваетъ человѣка въ его насущныхъ потребностяхъ и дѣлаетъ его независимымъ отъ другихъ. Можетъ быть выпущена и средняя посылка: напр. уважать честь другихъ—значитъ уважать самого себя. Слѣдовательно, клеветникъ не уважаетъ самого себя. Въ этой энтимемѣ выпущена вторая посылка, понятная безъ особаго о ней

напоминанія: клеветникъ посягаетъ на честь ближняго. Къ такому сокращенію мы прибѣгаемъ весьма часто: напр. при обыкновенныхъ бесѣдахъ многія изъ общихъ положеній мы подразумѣваемъ, не высказывая ихъ, хотя и опираемся на нихъ. Оттого и возникаютъ часто недоумѣнія и споры, когда мы предполагаемъ основанія, нераздѣляемыя нашимъ собесѣдникомъ.

Во второй фигурѣ могутъ быть выпускаемы, также какъ и въ 1-й, большая и меньшая посылка. Мы опускаемъ меньшую посылку: напр. всякое народное произведеніе должно отличаться естественностію и простотою; слѣдовательно, нѣкоторыя сентиментальныя пѣсенки Кольцова не могутъ быть признаны за истинно народныя произведенія. Здѣсь выпущена вторая посылка: эти сентиментальныя пѣсенки не отличаются ни естественностію ни простотою. Можетъ быть выпускаема и первая посылка: сказка есть произведеніе фантазіи; слѣдовательно, она не есть научно-произведеніе. Въ этой энтимемѣ выпущена большая посылка: научное произведеніе не можетъ быть созданіемъ фантазіи. Но какъ видно, выпускаемыя посылки въ этихъ умозаключеніяхъ уже не такъ ясно представляются уму, какъ энтимема ихъ по первой фигурѣ. Посему здѣсь нужно болѣе осторожности, чѣмъ при сокращеніяхъ ихъ въ послѣдней. Нужно имѣть большой тактъ, чтобы опускать то, что само собою представится уму собесѣдника или читателя.

Еще болѣе осторожности требуется въ энтимемахъ третьей фигуры. Вообще говоря, только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть допущено здѣсь сокращеніе. Примѣръ энтимемы по этой фигурѣ Баконъ былъ человѣкъ весьма сомнительной нравственности, слѣдовательно, величайшія услуги наукѣ могутъ иногда быть оказаны человѣкомъ сомнительной нравственности. Здѣсь недостаетъ второй посылки: Баконъ былъ между тѣмъ человѣкъ сомнительной нравственности. Но тутъ же чувствуется недостатокъ ея и нужно быть сообразительнымъ, чтобы догадаться, что именно опущенно.

Что касается до четвертой фигуры, то въ ней никакая энтимема невозможна.

Распространенный категорическій силлогизмъ въ логикахъ называется эпихиремою (ἐπιχείρημα — нападеніе, наложеніе рукъ на другого). Онъ названъ этимъ именемъ особенно потому, что употребляется преимущественно при спорахъ. Категорическій силлогизмъ является здѣсь не въ простой формѣ, а вооруженный доказательствами. Посылки иногда кажутся нетвердыми и нужно

бываетъ подкрѣпить ихъ доказательствами. Напр. діалоги, написанные Платономъ въ молодые годы, отличаются гибкостію діалектической формы, отсутствіемъ догматизма и элементарностію своего содержанія: таковы напр. его мелкіе разговоры: Гиппій, Лисій и мн. друг. Но его νόμοι, или законы, не отличается упомянутыми свойствами; ибо въ этомъ діалогѣ замѣчается наклонность къ пиѳагореизму, къ символамъ; онъ отличается догматичностію изложенія, только по внѣшности прикрытою діалектическою. формою. Слѣдовательно, этотъ діалогъ не принадлежитъ къ сочиненіямъ, писаннымъ во время молодости Платона. Этотъ силлогизмъ, очевидно, есть эпихирема по второй фигурѣ. Точно также могутъ быть эпихиремы и по остальнымъ фигурамъ.

Условный силлогизмъ и его виды. Когда первая посылка силлогизма есть сужденіе условное, то онъ принимаетъ названіе условнаго.

Возьмемъ условное сужденіе и сдѣлаемъ его большею посылкою: если линіи параллельны, то онѣ не должны встрѣтиться, какъ бы далеко ни были продолжены. Вслѣдствіе условной посылки силлогизмъ развивается по особому пріему: но эти линіи параллельны; слѣдовательно, онѣ никогда одна съ другою не встрѣтятся. Въ большей посылкѣ мы имѣемъ дѣло съ основаніемъ и слѣдствіемъ, причиною и дѣйствіемъ, или говоря общѣй, съ условіемъ и условливаемымъ. Намъ приходится поэтому допуская одно, допустить и другое и отрицая одно, отрицать и другое. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ мы допустили условіе, что данныя линіи параллельны, и потому должны были допустить его слѣдствіе, что онѣ никогда не могутъ встрѣтиться между собою.

Допущеніемъ и отрицаніемъ основанія или слѣдствія опредѣляются виды условнаго силлогизма. 1) Мы можемъ допускать основаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ допускать слѣдствіе, отъ него зависящее: наприм. если душа неразрывно соединена съ тѣломъ, то она должна испытывать со стороны его многія вліянія на свою дѣятельность; но душа соединена съ тѣломъ; слѣдовательно, она должна испытывать вліянія со стороны послѣдняго.

2) Отрицая основаніе, мы отрицаемъ и слѣдствіе: напр. когда законы тверды, миръ и благоденствіе народа обезпечиваются прочнымъ образомъ; но при революціяхъ основные законы теряютъ всеобщее довѣріе къ себѣ, слѣдовательно, при революціяхъ миръ и благоденствіе народа всего менѣе обезпечиваются.

3) Допуская слѣдствіе, вмѣстѣ съ тѣмъ допускаемъ и его основаніе: напр. еслибы Алкивіадъ безусловно любилъ свое отечество, то онъ не сталъ бы оказывать услуги спартанцамъ; но онъ оказалъ большую услугу имъ во время Пелопонезской войны, посовѣтовавъ нанести ударъ аѳинянамъ экспедиціей въ Сицилію; слѣдовательно, въ немъ не было истинной любви къ своему отечеству.

Наконецъ 4) отвергая слѣдствіе, отрицаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ его основаніе. Если фигура есть квадратъ, то въ ней всѣ углы прямые; но въ этой фигурѣ одинъ уголъ острый; слѣдовательно, она квадратомъ быть не можетъ.

Обыкновенно въ логикахъ допускается только два вида условныхъ умозаключеній. Говорятъ, что можно заключать только отъ бытія основанія къ бытію слѣдствія и съ другой стороны — отъ небытія слѣдствія къ небытію основанія (modi ponens и tollens). Въ такихъ случаяхъ сближаютъ положительный способъ съ пріемомъ по первой фигурѣ, а отрицательный со второю. Modus ponens: если есть А, то есть и В; но А есть; слѣдовательно, должно быть В. Modus tollens: если есть А, то есть В; но В нѣтъ; слѣдовательно, нѣтъ и А. Аналогія пріемамъ указанныхъ фигуръ здѣсь есть. Но мы не видимъ ни какихъ причинъ, почему считать невозможными остальные два способа условнаго умозаключенія, изъ которыхъ одинъ также есть modus ponens, а другой tollens. Именно: нашъ второй пріемъ развивается такъ: если есть А, то есть и В; но А нѣтъ; слѣдовательно нѣтъ и В; третій: если есть А, то есть и В; но В есть; слѣдовательно есть и А. И эти способы могутъ быть аналогизированы первымъ двумъ фигурамъ: второй — первой и третій — второй. Правда, здѣсь не соблюдены силлогистическія правила: во второмъ пріемѣ вторая посылка отрицательная, тогда какъ въ первой фигурѣ она всегда положительная, въ третьемъ пріемѣ вторая посылка утвердительная, тогда какъ во второй фигурѣ она большею частію должна быть отрицательною. Но въ условномъ силлогизмѣ мы можемъ дать себѣ болѣе свободы, чѣмъ въ категорическомъ. Въ послѣднемъ мы опираемся на связь между обозначаемымъ и обозначающимъ, въ условномъ—на связь между основаніемъ и слѣдствіемъ. Узы, соединяющія послѣднія, гораздо тверже и неразрывнѣй, чѣмъ отношенія сказуемаго къ подлежащему. Въ первой и во второй фигурахъ оказалось нужнымъ связать мышленіе извѣстными правилами, въ условномъ этого не нужно. Вотъ отчего, по нашему мнѣнію, могутъ быть въ услов-

номъ силлогизмѣ два пріема положительные (ponens) и два вида отрицательные (tollens).

Но можетъ представиться противъ допущенія двухъ, обыкновенно бракуемыхъ въ логикахъ, пріемовъ условнаго силлогизма еще такое возраженіе. Говорятъ, нельзя отъ отсутствія причины заключать къ отсутствію дѣйствія, равно, отъ присутствія дѣйствія къ присутствію причины. Противъ перваго заключенія говорятъ возможные случаи, что причинъ одного и того же событія можетъ быть нѣсколько и отсутствіе одной не можетъ служить доказательствомъ, что дѣйствія нѣтъ, и по этому же основанію, нельзя заключать отъ присутствія дѣйствія къ присутствію причины, т. е. по второму способу. Ниже, въ отдѣлѣ индукціи, мы увидимъ, что есть случаи, такъ называемой, множественности причинъ, именно, что одно и тоже дѣйствіе производится многими причинами. Конечно, это соображеніе мы признаемъ вполнѣ. Но съ такой точки зрѣнія можно возражать и противъ пріемовъ, допускаемыхъ въ логикахъ. Присутствіе причины ручается ли за присутствіе дѣйствія? не всегда: ибо не рѣдко бываетъ, что причина парализуется въ своемъ дѣйствіи противодѣйствующими причинами, или самое дѣйствіе уничтожается какими либо обстоятельствами: напр им если человѣкъ не трезвъ, то онъ не твердо стоитъ на ногахъ, но человѣкъ не трезвъ; слѣдовательно, онъ не твердъ на ногахъ. Но подобное умозаключеніе можетъ быть не вѣрное, потому что хотя человѣкъ, обнаруживаетъ всѣ другіе признаки нетрезвости, но, въ силу физической своей крѣпости, будетъ твердо стоять на ногахъ Или: если сильный морозъ, то на рѣкѣ образуется ледъ; но сильный морозъ есть; слѣдовательно, на рѣкѣ есть ледъ, чего, однако, не бываетъ по сильной быстротѣ теченія, или потому что внезапный морозъ дѣйствовалъ на воду, сохранившую еще прежнюю теплоту и не могшую скоро охладиться. Равно, нельзя заключать во многихъ случаяхъ и по второму рекомендуемому способу, именно отъ отсутствія дѣйствія къ отсутствію причины, въ силу вышеприведеннаго же обстоятельства: ибо можетъ быть, что дѣйствія нѣтъ, или его не видно, тогда какъ причина есть, но она чѣмъ либо парализуется. Напримѣръ: если человѣкъ окруженъ дурными примѣрами, то они не преминутъ сказаться въ его дурномъ направленіи; но въ такомъ то лицѣ нѣтъ дурного настроенія; слѣдовательно, онъ не окруженъ дурными примѣрами; между тѣмъ онъ окруженъ ими, но хорошая кровь, сильный добрый авторитетъ спасаютъ его отъ заразы. Или: если человѣкъ уменъ, то онъ

судитъ о дѣлѣ здраво; но этотъ человѣкъ судитъ о дѣлѣ не здраво, слѣдовательно, онъ не уменъ, что̀ также не всегда бываетъ: ибо и на умнаго человѣка находитъ иногда простота, по незнанію дѣла, по опрометчивости и т. д.

И такъ, оказывается, что ни по одному изъ четырехъ modi нельзя дѣлать заключеній. Слѣдовательно, или мы должны забраковать условный силлогизмъ вообще, какъ непригодное орудіе умозаключенія, или сознаться, что мы требуемъ отъ него услугъ, которыхъ онъ не можетъ оказывать намъ. Для открытій причинъ и дѣйствій, для объясненія явленій, онъ не можетъ быть полезнымъ пріемомъ. Какъ и силлогизмъ вообще, онъ пригоденъ для расположенія мыслей въ порядкѣ, для доказыванія того, что нами уже излюблено, для перехода отъ одной мысли къ другой, слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда результатъ намъ уже извѣстенъ, когда и самая связь между элементами положеній нами предусмотрѣна и когда мы уже знаемъ, что эта связь такъ тверда, что какъ бы ни двигались мыслію, ошибки быть не можетъ. Мы можемъ пользоваться четырьмя пріемами и при заключеніи отъ причины къ дѣйствію, и обратно, въ тѣхъ случаяхъ, когда мы знаемъ, что извѣстное дѣйствіе производится всегда одною и тою же причиною, или что извѣстной причинѣ въ данныхъ обстоятельствахъ не противодѣйствуетъ ни какое другое обстоятельство.

Раздѣлительный силлогизмъ и его виды. Наконецъ, большая посылка можетъ состоять изъ сужденія раздѣлительнаго. Такъ какъ въ немъ части, на которыя расчленено понятіе, взаимно себя исключаютъ, то въ меньшей посылкѣ мы или допускаемъ одну часть и затѣмъ въ заключеніи исключаемъ другую, или отрицаемъ одну и допускаемъ въ заключеніи другую: напр. эта линія или прямая или кривая; но она прямою быть не можетъ; слѣдовательно, она есть линія кривая.

Мы не станемъ распространяться здѣсь объ этомъ видѣ силлогизма. О немъ будетъ еще рѣчь впереди, когда мы будемъ говорить о сложныхъ силлогизмахъ: мы увидимъ, что онъ можетъ быть распространенъ и слѣдовательно, можетъ быть взятъ шире какъ въ своей формѣ, такъ и приложеніи. Здѣсь мы замѣтимъ только, что всякій раздѣлительный силлогизмъ можетъ развиваться по одному изъ двухъ слѣдующихъ пріемовъ.

1) Мы допускаемъ одинъ членъ дѣленія въ меньшей посылкѣ и въ заключеніи отрицаемъ другой. Это пріемъ положительный (ponendo tollens). Напр. историческій трудъ можетъ быть или науч-

нымъ или произведеніемъ одной лишь фантазіи автора; но трудъ, основывающійся на критическомъ изученіи источниковъ, наученъ; слѣдовательно, подобный трудъ не можетъ быть приравниваемъ къ фантастическимъ произведеніямъ.

2) Можно отрицать одинъ членъ дѣленія въ меньшей посылкѣ и допускать другой. Это пріемъ отрицательный (tollendo ponens). По уму люди могутъ быть дѣлимы на людей умныхъ, или глупыхъ. Но человѣкъ, совершающій необдуманныя дѣйствія, не можетъ быть названъ умнымъ. Слѣдовательно, такой человѣкъ долженъ быть названъ глупымъ.

Сложные силлогизмы.

Сориты: категорическій и раздѣлительный. Мы разсмотрѣли простые силлогизмы, въ которыхъ отъ одного положенія мы переходили къ другому посредствомъ третьяго, связывавшаго ихъ. Наша мысль развивалась по слѣдующему типу: А есть В, В есть С; слѣдовательно С есть А; здѣсь С мы обозначили А, при помощи связывающаго ихъ В. Но иногда мы должны соединять мысли, которыя такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга, что эта цѣль можетъ быть достигнута только чрезъ цѣлый рядъ посредствующихъ мыслей: необходимо образовать цѣлый рядъ сужденій. Тогда мы умозаключаемъ слѣдующимъ образомъ: А есть В, В есть С, С есть D, D есть Е; слѣдовательно А есть Е. Напримѣръ, мы желаемъ доказать, что честный человѣкъ будетъ всегда счастливъ. Понятіе счастія прямо не вытекаетъ изъ понятія честности и потому прямо мы не видимъ, почему такой человѣкъ счастливъ. Но ихъ можно связать чрезъ силлогизмъ: мы станемъ умозаключать слѣдующимъ образомъ: кто честенъ, тотъ трудится добросовѣстно; кто трудится добросовѣстно, тотъ доволенъ собою; кто доволенъ собою, тотъ пользуется спокойствіемъ совѣсти: кто пользуется спокойствіемъ совѣсти, тотъ счастливъ; слѣдовательно, кто честенъ, тотъ счастливъ. Мы пришли къ послѣднему выводу чрезъ цѣлый рядъ положеній, имѣвшихъ цѣлію указать положенія, посредствующія между А и Е. Это и будетъ силлогизмъ сложный въ отличіе отъ прежде разсмотрѣнныхъ простыхъ.

Сложные силлогизмы издавна въ логикахъ называются соритами (σωρός, куча). Соритъ можетъ быть или категорическій или раздѣлительный.

Простой или категорическій соритъ можетъ развиваться по двумъ пріемамъ: или мы идемъ въ немъ отъ основанія къ слѣдствію или восходимъ отъ слѣдствія къ основанію. Идя отъ основанія къ слѣдствіямъ, мы будемъ логически нисходить отъ общаго къ частному. Это будетъ соритъ прогрессивный или Аристотелевскій. Но можемъ также идти и обратно и тогда будемъ восходить отъ частнаго къ общему, отъ слѣдствія къ основанію. Соритъ называется въ такомъ случаѣ регрессивнымъ или Гокленіевскимъ (по имени Марбургскаго профессора Гокленія (1547—1628), который первый обратилъ вниманіе на эту форму въ своемъ Isagoge in Organum Aristotelis). Укажемъ примѣры того и другого сорита.

Соритъ прогрессивный. Кто занимается наукою, тотъ пріучается къ сосредоточенности своего вниманія.

Кто привыкъ сосредоточивать свое вниманіе, тотъ способенъ вникать во всѣ трудные научные вопросы.

Кто вникаетъ во всѣ трудности вопросовъ, тотъ способенъ овладѣвать ими и побѣждать ихъ.

Кто овладѣваетъ трудностями и побѣждаетъ ихъ, тотъ пріобрѣтаетъ гибкость ума.

Кто пріобрѣлъ гибкій умъ, тотъ сдѣлался развитымъ.

Слѣдовательно, кто занимается наукою, тотъ пріобрѣтаетъ развитіе ума.

Изъ приведеннаго прогрессивнаго сорита можно сдѣлать соритъ регрессивный:

Кто пріобрѣлъ гибкій умъ, тотъ дѣлается развитымъ человѣкомъ.

Кто овладѣваетъ научными трудностями и побѣждаетъ ихъ, тотъ пріобрѣтаетъ гибкость ума.

Кто вникаетъ во всѣ трудности научныхъ вопросовъ, тотъ способенъ овладѣвать трудностями ихъ и побѣждать ихъ.

Кто привыкъ къ сосредоточенности вниманія, тотъ способенъ вникать во всѣ трудные научные вопросы.

Кто занимается наукою, тотъ привыкаетъ къ сосредоточенности вниманія.

Слѣдовательно, кто занимается наукою, тотъ пріобрѣтаетъ развитіе ума.

На прогрессивномъ и регрессивномъ соритахъ основывается различіе прогрессивныхъ и регрессивныхъ доказательствъ.

Раздѣлительный соритъ, въ сущности, есть тотъ же раздѣлительный силлогизмъ, но только распространенный. Вмѣсто двухъ

членовъ дѣленія, какъ это бываетъ въ силлогизмѣ, въ соритѣ можно допустить три, четыре и даже болѣе. Смотря по числу членовъ дѣленія, онъ носитъ различныя названія. Простой раздѣлительный силлогизмъ называется дилеммою (δύο λήμματα два предложенія: λῆμμα отъ λαμβάνω), трилеммою называется раздѣлительный соритъ, когда въ большей посылкѣ высказывается три члена дѣленія, тетралеммою четыре и т. д. По большей части онъ развивается по способу отрицательному tollendo ponens т. е. мы отвергаемъ всѣ члены дѣленія за исключеніемъ одного, который поэтому и допускается въ заключеніи. Оттого раздѣлительный соритъ по внѣшней формѣ своей довольно сложенъ. Возможенъ и положительный пріемъ (ponendo tollens), въ которомъ, допуская одинъ членъ дѣленія, мы исключаемъ остальные. Но когда онъ употребляется, то умозаключеніе имѣетъ видъ скорѣе простого раздѣлительнаго силлогизма, чѣмъ сорита: ибо тогда меньшая посылка только одна, и въ заключеніи суммарно опровергаются остальные члены дѣленія.

Примѣромъ трилеммы могутъ служить разсужденія книжниковъ и фарисеевъ о Христѣ:

Христосъ есть или сынъ Божій или пророкъ или наконецъ обыкновенный человѣкъ, родившійся отъ плотника Іосифа и Дѣвы Маріи.

Но Сыномъ Божіимъ онъ быть не можетъ: ибо держитъ себя какъ простой человѣкъ, даже ѣстъ съ мытарями и грѣшниками.

Пророкомъ также быть не можетъ, потому что изъ Галилеи, гдѣ Христосъ родился, пророкъ не приходитъ.

Слѣдовательно, онъ простой человѣкъ.

Разсматриваемый способъ умозаключенія имѣетъ большое приложеніе при анализѣ какихъ либо запутанныхъ и сложныхъ вопросовъ. Есть вопросы, которые, по сложности своей и разнообразію возможныхъ способовъ въ рѣшеніи ихъ, не могутъ быть рѣшаемы прямо догматически. Рѣшеніе ихъ должно быть подготовлено критическимъ путемъ, т. е. нужно разобрать и опровергнуть другія несогласныя съ нашимъ мнѣнія. Таковы многіе вопросы историческіе и филологическіе: таковъ, напримѣръ, вопросъ о возможномъ авторѣ сочиненій, извѣстнымъ подъ именемъ Діонисія Ареопагита. Въ подобныхъ случаяхъ форма трилеммъ или тетралеммъ, смотря по надобности, есть самая удобная форма анализа вопроса. Она же употребляется при рѣшеніи трудныхъ естествовѣдныхъ вопросовъ. Мы не говоримъ, чтобъ раздѣлитель-

ный сорить былъ орудіемъ для рѣшенія научныхъ вопросовъ — они рѣшаются вслѣдствіе нашихъ реальныхъ знаній, но онъ есть самая удобная форма для расположенія нашихъ критически обоснованныхъ мнѣній о предметѣ. Съ помощію его мы можемъ въ порядкѣ и постепенности разсмотрѣть запутанный вопросъ и подготовить почву для своего мнѣнія.

Неправильные силлогизмы. Заключая свою рѣчь о силлогизмѣ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣтокъ о неправильностяхъ въ силлогизмахъ, могущихъ подавать поводъ къ различнымъ заблужденіямъ.

Съ давнихъ поръ въ логикахъ различаются паралогизмы и софизмы. Первыми называются тѣ неправильныя умозаключенія, которыя возникаютъ помимо воли и намѣренія умозаключающаго, тогда какъ подъ софизмами разумѣются тѣ неправильные силлогизмы, посредствомъ которыхъ мыслитель нарочно старается ввести въ заблужденіе другое лицо. Но съ подобной точки зрѣнія дѣлить неправильныя умозаключенія логика не можетъ. Входить въ обсужденіе того, было или нѣтъ намѣреніе у кого нибудь обмануть насъ, можно только съ нравственной точки зрѣнія: логика порицаетъ всякую ложь, независимо отъ намѣреній умозаключающаго. Посему мы будемъ говорить просто о неправильныхъ умозаключеніяхъ безъ различенія ихъ на софизмы и паралогизмы.

Причины неправильности въ силлогизмахъ могутъ быть сведены къ тремъ родамъ: 1) они могутъ заключаться въ среднемъ терминѣ, 2) ошибки могутъ заключаться въ посылкахъ и наконецъ 3) могутъ быть неправильности въ сочетаніи посылокъ.

На эти три пункта и обратимъ вниманіе. Они любопытны въ томъ отношеніи, что объясняютъ намъ происхожденіе многихъ житейскихъ предразсудковъ.

1) Средній терминъ мы назвали нервомъ силлогизма. Но среднимъ терминомъ можетъ быть мысль, слишкомъ широкая и общая; въ ней всегда находится множество разныхъ сторонъ, она можетъ разсматриваться съ различныхъ точекъ зрѣнія, такъ что можетъ случиться, что въ одной посылкѣ мы придаемъ ей одно значеніе, а въ другой другое, и заключеніе вслѣдствіе того выйдетъ неправильное. Всего чаще подобныя ошибки случаются, когда мы имѣемъ дѣло съ какимъ нибудь отвлеченнымъ понятіемъ. Напримѣръ: познаніе невозможно безъ матеріала, даваемаго ощущеніемъ; Существо всесовершенное, конечно, способно къ познанію; слѣдовательно, Божественное познаніе не возможно безъ помощи со стороны ощущенія. Заключеніе ложное, оттого, что понятіе

познанія взято въ первой посылкѣ какъ познаніе наше человѣческое, а во второй оно взято какъ познаніе высшаго рода, непосредственное. Понятно, что при всякомъ силлогизированіи необходимо отдавать себѣ отчетъ въ смыслѣ средняго термина и при этомъ строго выдерживать его въ одномъ значеніи.

2) Ошибка можетъ заключаться въ большей посылкѣ, именно, когда въ ней на степень общаго положенія возводится мысль, имѣющая характеръ частный. Въ логикахъ эта погрѣшность называется ficta universalitas. Этотъ недостатокъ тѣмъ болѣе важенъ, что онъ повторяется часто и въ практическомъ и научномъ мышленіи. Въ жизни частныя наблюденія надъ окружающими людьми и событіями иногда возводятся въ обобщенія, полагаются въ основу умозаключеній и изъ нихъ дѣлаются невѣрные выводы. Такіе случаи встрѣчаются и въ научномъ мышленіи. Напримѣръ, мысль Бокля о томъ, что исторія есть продуктъ вліянія природы, въ такомъ слишкомъ общемъ смыслѣ совершенно ложна. Противъ частнаго значенія ея никто, конечно, спорить не станетъ: нельзя отрицать вліяніе природы на языкъ, на разселеніе народа по мѣстности, на образъ его питанія и развитіе многихъ психическихъ качествъ. Но сказать, что вся исторія создается природою, это значитъ исходить изъ невѣрно обобщеннаго положенія. Таковы же преждевременныя обобщенія матеріалистовъ, что все, совершающееся на землѣ, должно подчиняться механическимъ законамъ природы: въ природѣ (взятой въ обширномъ смыслѣ) совершаются явленія нравственнаго порядка, напр. факты любви, самоотверженія, высокихъ порывовъ воли, которые изъ механическихъ законовъ выведены быть не могутъ. Въ политической жизни частныя ошибки партій обобщаются ихъ противниками, или частныя стремленія выставляются, какъ государственныя общенародныя нужды и потребности.

Затѣмъ 3) ошибки могутъ происходить отъ неправильнаго сочетанія посылокъ. Соединеніе посылокъ дѣло весьма важное. Мысли, отдѣльно взятыя, могутъ быть совершенно правильны, но при неправильномъ ихъ соединеніи выводы получатся ложные. Напримѣръ, все матеріальное подчиняется законамъ природы. Эта мысль, взятая въ отдѣльности, совершенно правильна. Но если соединить ее неправильно съ другою, хотя бы тоже вѣрною мыслію, то выводъ можетъ получиться невѣрный. Мы умозаключаемъ далѣе: но психическія явленія въ своемъ развитіи подчиняются законамъ природы; слѣдовательно, они суть нѣчто матеріальное. Вторая

посылка здѣсь также вѣрна: ибо никто не станетъ отрицать, что наша воля достигаетъ только того, что возможно для нея по законамъ природы, что разстройство физіологическихъ отправленій сказывается разстройствомъ психическихъ. Силлогизмъ этотъ неправиленъ потому, что, вопреки силлогистическому правилу второй фигуры, обѣ посылки утвердительныя. Въ разсмотрѣніе ошибокъ, происходящихъ отъ несоблюденія правилъ, обязательныхъ для умозаключеній по разнымъ фигурамъ, мы войдемъ нѣсколько подробнѣй, потому что нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ даже общественное значеніе.

Въ первой фигурѣ, какъ мы сказали въ свое время, вторая посылка никогда не должна быть отрицательною: ибо въ противномъ случаѣ можетъ получиться ложное умозаключеніе. И вотъ въ такихъ неправильныхъ силлогизмахъ находятъ себѣ оправданіе различные сословные предразсудки, кастовыя предубѣжденія противъ людей, принадлежащихъ къ другимъ сословіямъ. Индійскій браминъ считаетъ себя существомъ высшимъ; онъ гордъ своимъ умомъ, знаніями, своимъ важнымъ служеніемъ, къ которому призванъ съ самаго своего рожденія. Онъ презрительно относится къ людямъ другихъ сословій и отрицаетъ отъ нихъ тѣ преимущества, которыя приписываетъ себѣ. Его мысль въ семъ случаѣ располагается по слѣдующему силлогизму: каста браминовъ отличается умомъ, знаніями, служеніемъ; но какой нибудь вайсія, или парія къ ней не принадлежитъ; слѣдовательно, онъ не имѣетъ преимуществъ ума, знанія и служенія. Какъ мы уже въ свое время говорили, изъ того, что предметъ не подчиненъ извѣстному общему понятію, не слѣдуетъ, что онъ не можетъ имѣть ни одного признака, принадлежащаго этому понятію. Такимъ же силлогизмомъ руководились нѣкогда мыслители, отрицая отъ животныхъ всѣ психическія отправленія, встрѣчаемыя въ человѣкѣ. Во время Декарта установилось убѣжденіе, что животныя не имѣютъ души, суть самодвижущіяся машины, имѣющія нѣкоторое подобіе психическихъ отправленій. Тогдашніе мыслители умозаключали слѣдующимъ образомъ: человѣкъ есть существо разумное, способное къ ощущенію, стремленію, состояніямъ удовольствія и неудовольствія; но животное не есть человѣкъ; слѣдовательно, оно не имѣетъ разумности и неспособно къ ощущенію и проч.

Неправильныя умозаключенія по второй фигурѣ могутъ происходить отъ соединенія двухъ положительныхъ посылокъ. Такъ умозаключаютъ нѣкоторые соціалисты, доказывающіе, что собствен-

ность есть кража. Ихъ мысль располагается слѣдующимъ образомъ: кражею называется присвоеніе чужого имущества съ цѣлію исключительнаго владѣнія; собственность возникаетъ вслѣдствіе присвоенія имущества, которое въ противномъ случаѣ могло бы принадлежать другимъ; слѣдовательно, собственность есть кража. Въ свое время мы говорили, что правильный выводъ можетъ слѣдовать по второй фигурѣ только тогда, когда одна изъ посылокъ отрицательная: ибо изъ того, что предметы имѣютъ одинъ и тотъ же признакъ, отнюдь не слѣдуетъ, что ихъ можно отождествлять одинъ съ другимъ.

Наконецъ, упомянемъ о ложныхъ выводахъ, дѣлаемыхъ по третьей фигурѣ. Здѣсь заблужденіе можетъ происходить отъ слишкомъ поспѣшныхъ заключеній о взаимной связи признаковъ на томъ только основаніи, что они встрѣчаются въ одномъ предметѣ. Напр. нѣкоторые утверждали, что развитіе пьянства въ народѣ есть слѣдствіе данной ему свободы, равно какъ иногда заподозрѣвалась наука, потому что образованность часто совпадаетъ съ отсутствіемъ внутренней дисциплины, попытками къ нарушенію порядка и т д. Изъ случайнаго совпаденія явленій въ одномъ предметѣ отнюдь нельзя заключать къ ихъ взаимной связи между собою, еще болѣе къ тому, что одно изъ нихъ служитъ условіемъ другого.

Значеніе силлогизма. Въ заключеніе своей рѣчи объ умозаключеніяхъ скажемъ нѣсколько словъ о значеніи силлогизма въ нашемъ мышленіи и познаваніи.

Прежде всего нужно сознаться, что умозаключеніе не есть такой пріемъ, посредствомъ котораго мы приходимъ къ какимъ-либо новымъ знаніямъ, подобнымъ тѣмъ, къ какимъ приходимъ чрезъ индукцію. Если просмотрѣть всѣ пріемы умозаключеній, то мы найдемъ, что ни одинъ изъ нихъ не даетъ новыхъ выводовъ, которые не заключались бы въ посылкахъ.

Въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ въ выводѣ получится только то, что предполагается уже въ посылкахъ. Превращеніе и противоположеніе состоитъ въ простой перестановкѣ элементовъ посылки. Если въ противоположеніи мы и получаемъ какъ будто бы нѣчто новое, именно дѣлаемъ выводъ относительно, противоположнаго обозначающей чертѣ основоположенія, понятія, то и оно уже предполагалось основоположеніемъ и чего-либо новаго въ родѣ индуктивныхъ обобщеній здѣсь нѣтъ. При умозаключеніяхъ подчиненія мы потому такъ смѣло заключаемъ отъ истинности общаго

сужденія къ истинности частнаго, что имѣемъ дѣло съ одною и тою же мыслію, только измѣняемъ ея значеніе и отъ одного значенія заключаемъ къ другому. Также и при подчиненіи мыслей, на основаніи различной модальности ихъ, мы, въ сущности, переходимъ отъ одного значенія къ другому.

Чрезъ силлогизмъ мы также не пріобрѣтаемъ новыхъ знаній въ заключеніяхъ. Напр. въ 1-й фигурѣ мы заключаемъ: народы развиваются въ той мѣрѣ, въ какой наука укореняется въ средѣ ихъ. И русскіе могутъ развиваться въ той степени, въ какой будутъ трудиться для упроченія науки. Но очевидно, что заключеніе здѣсь не есть мысль новая. Въ тотъ моментъ, какъ мы сказали объ условіи развитія народовъ, подъ понятіемъ народа уже подразумѣвался и народъ русскій. Изъ общаго положенія, ни къ какому народу въ частности не относившагося, мы сдѣлали частное въ приложеніи къ русскому. Или: умственное развитіе народа не ручается за долговременную прочность политическаго могущества; Германцы обладаютъ умственнымъ развитіемъ, но не въ немъ слѣд. могутъ заключаться гарантіи прочности и долговременности политическаго могущества. Руководствуясь опытомъ историческимъ, позволяя себѣ догадку, предположеніе — во всякомъ случаѣ не путемъ силлогизма, мы установили общую посылку, но въ ней уже тайно заключалась и мысль заключенія: говоря вообще объ умственномъ развитіи народовъ, мы уже тѣмъ самымъ предполагали и развитіе германскаго народа. Въ заключеніи мы получили только частную мысль, вмѣсто болѣе общей.

Во второй фигурѣ мы отрицаемъ связь между предметами на томъ основаніи, что въ одномъ нѣтъ признака, который есть въ другомъ. Мы умозаключаемъ: способности суть дары природы, добродѣтели же нѣтъ; слѣдоват. добродѣтель не есть результатъ способности человѣка. И здѣсь, хотя заключеніе имѣетъ, повидимому, въ себѣ нѣчто новое, не заключавшееся въ посылкахъ, но эта новость есть только кажущаяся. Въ тотъ моментъ, какъ мы сказали, что способности суть дары природы, мы въ силу закона противорѣчія этимъ самымъ предположили и то, что все, что не есть даръ природы, не можетъ быть считаемо слѣдствіемъ способностей. Значитъ, въ силлогизмѣ мы выразили въ заключеніи explicite мысль уже заключавшуюся implicite въ посылкахъ.

Въ третьей фигурѣ заключеніе также не даетъ ничего новаго. Всѣ элементы заключенія даны въ посылкахъ: обозначаемое въ немъ дано въ меньшей посылкѣ, а обозначающее въ большей. Мы

заключаемъ: всѣ люди существа нравственныя, всѣ люди суть существа разумныя, слѣдоват. нѣкоторыя разумныя существа суть въ то же время и нравственныя. Очевидно, мы уже ранѣе заключенія знали, что нравственныя черты соединяются въ нѣкоторыхъ существахъ съ чертами разумности: это наше знаніе выражено здѣсь въ посылкахъ. Въ заключеніи мы соединили только свои знанія вмѣстѣ, раздробленно выраженныя въ посылкахъ.

Объ условныхъ умозаключеніяхъ, равно какъ и о соритахъ, нужно замѣтить, что чрезъ нихъ мы ничего существенно новаго себѣ не пріобрѣтаемъ. Отъ даннаго условія мы заключаемъ къ условливаемому, т. е. отъ причины къ дѣйствію, основанія къ слѣдствію, и наоборотъ. Но здѣсь предполагается, что связь между обоими элементами положенія дана и мы только прилагаемъ къ дѣлу, что намъ уже извѣстно. Никакой условный силлогизмъ не былъ бы возможенъ, еслибы связь между условіемъ и условливаемымъ не была ранѣе дознана изъ опыта и наблюденія надъ физическою или нравственною областію явленій. Раздѣлительные сориты, какъ мы уже говорили въ свое время, даютъ намъ только удобную форму для изслѣдованія сложныхъ запутанныхъ вопросовъ, содержаніе же изслѣдованія уже предполагается готовымъ.

Но не слѣдуетъ ли отсюда, что силлогизмъ есть простое тождесловіе, есть кругъ въ доказательствѣ, такъ какъ въ заключеніи онъ говоритъ то же, что предполагаетъ въ посылкахъ? Относительно непосредственныхъ силлогизмовъ мы готовы признать, что они въ заключеніи даютъ ни болѣе ни менѣе того, что заключалось въ посылкахъ. Но въ посредственныхъ силлогизмахъ есть пунктъ, который спасаетъ ихъ отъ отождествленія съ тавтологіями. Дѣло въ томъ, что утверждая что-либо въ общей посылкѣ на основаніи индукціи, мы не представляемъ, и не можемъ представить себѣ все количество случаевъ, которые подъ нее подходятъ; напр. мы не можемъ представить себѣ ни будущихъ случаевъ, которые изучать, конечно, невозможно, ни прошедшихъ, съ которыми мы лично не были знакомы. Мы знаемъ только тѣ факты въ настоящемъ, изъ которыхъ сдѣланъ индуктивный выводъ. Послѣдній обнимаетъ собою *вообще* всю сумму случаевъ одного рода, но спеціально ни о какомъ не говоритъ. На основаніи сдѣланнаго наблюденія, что люди умираютъ, мы вывели положеніе, что всѣ люди смертны, но о томъ—кто именно смертенъ: живущіе ли въ Парижѣ, Лондонѣ или Петербургѣ—мы не думаемъ. Силлогизмъ прилагаетъ эти общіе выводы къ отдѣльнымъ случаямъ. Но по-

чему? Потому что онъ удостовѣряетъ насъ своею меньшею посылкой, что данный случай именно подходитъ подъ общее, сдѣланное индукціей, обобщеніе. Мы говоримъ: но князь Бисмаркъ есть человѣкъ; слѣдоват. и онъ умретъ. Нервъ силлогизма не въ повтореніи, какъ въ большей посылкѣ, такъ и въ меньшей, одного и того же сужденія о смертности человѣка, въ общемъ ли смыслѣ или въ отдѣльности взятаго, а въ томъ, что князь Бисмаркъ подведенъ подъ родовое понятіе человѣка, и слѣдоват. признанъ смертнымъ. Это и есть новое въ силлогизмѣ, чего наше мышленіе доискивается путемъ его, что даетъ смыслъ силлогизму и не дозволяетъ намъ называть его простымъ тождесловіемъ.

Такимъ образомъ и силлогизмъ даетъ намъ нѣчто новое: именно, мы узнаемъ чрезъ него кругъ предметовъ, къ которымъ можетъ или не можетъ быть примѣнено индуктивное обобщеніе. Хотя это новое и не можетъ быть сравниваемо съ новымъ знаніемъ, получаемымъ чрезъ индукцію, однако, его значеніе въ области мысли велико. Впослѣдствіи, говоря о дедукціи, мы разсмотримъ вполнѣ приложеніе силлогизма въ научномъ и практическомъ мышленіи. Теперь же мы кратко перечислимъ услуги, доставляемыя намъ силлогизмомъ. Благодаря ему, мы

1) подводимъ одну мысль подъ другую. Въ этомъ заключается смыслъ первой фигуры. Къ частнымъ мыслямъ мы подыскиваемъ общія положенія и наоборотъ, къ общимъ положеніямъ присоединяемъ частныя, прямо изъ нихъ вытекающія. Эта услуга имѣетъ огромное значеніе при доказательствахъ, какъ это мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

2) Какъ на дальнѣйшее слѣдствіе первой услуги, мы должны указать на то, что, благодаря силлогизму, мы поставляемъ мысли во взаимную связь. Это связываніе мыслей производится здѣсь различными путями: то мы подчиняемъ одну мысль другой, то мы ихъ сводимъ вмѣстѣ (напр. въ третьей фигурѣ), какъ нѣсколько взаимно предполагающія одна другую, то наконецъ отыскиваемъ ряды посредствующихъ между мыслями положеній (напр. въ соритахъ).

3) Соединяя однѣ мысли чрезъ силлогизмъ, мы благодаря ему другія разъединяемъ: чрезъ пріемы противоположенія и второй фигуры, т. е. въ этихъ случаяхъ или прямо или чрезъ подчиненіе понятія другому, не имѣющему съ первымъ ни какой связи (напр. въ первой и третьей фигурѣ), т. е. посредственно, не прямо.

4) Наконецъ, подводя одну мысль подъ другую, мы расчленяемъ мысли на подробности, въ нихъ заключающіяся. Представимъ себѣ, что мы дѣлаемъ цѣлый рядъ силлогизмовъ, въ которыхъ выводимъ частное изъ общаго. Тогда мы расчленимъ общее положеніе на составныя его части и слѣдовательно, уяснимъ себѣ подробности тѣхъ мыслей, какія нами представляются въ общемъ положеніи въ слишкомъ общемъ видѣ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Индукція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Индукція Сократа, формальной логики. Природа есть великая книга, полная тайнъ и вмѣстѣ несомнѣнный источникъ человѣческой мудрости. Но чтобъ она поучала, нужно умѣть ее читать, нужно понимать загадки, которыя она даетъ намъ на каждомъ шагу. Пока человѣкъ не обладалъ наукою, или обольщался мыслію, что можно отвѣчать на даваемые природою вопросы мудрствованіемъ своего отвлеченнаго ума, а не самымъ близкимъ ея изученіемъ, онъ только отрывками, случайно исторгалъ у нея нѣкоторыя тайны. Въ послѣднія же три столѣтія изученіе природы сдѣлало такіе быстрые успѣхи, что чтеніе таинственной книги природы сдѣлалось систематическимъ; развито множество методовъ, посредствомъ которыхъ исторгаются отъ самой природы отвѣты на поставляемые ею вопросы. Вмѣсто отрывочнаго и случайнаго, это дѣло стало правильнымъ и постояннымъ.

Какія же средства пріобрѣлъ человѣкъ, чтобъ сдѣлать свое изученіе природы правильнымъ и методическимъ?

Онъ нашелъ ихъ въ развитіи индукціи, индуктивныхъ методовъ и пріемовъ своего мышленія. Объ этомъ то процессѣ мышленія мы и намѣрены теперь говорить.

Прежде всего остановимся на понятіи индукціи. Индукція (inductio, ἐπαγωγή) собственно значитъ наведеніе. Это слово въ первый разъ явилось въ наукѣ со времени Сократа. Его любимымъ пріемомъ раскрытія мыслей было наведеніе. Но оно, какъ мы уже имѣли случай замѣтить прежде, было только особымъ пріемомъ опредѣленія понятій. Сократъ начиналъ съ самаго неопредѣленнаго значенія ихъ и за тѣмъ указаніемъ новыхъ случаевъ, тре-

бующихъ болѣе точнаго опредѣленія ихъ, *наводитъ* слушателя на настоящій *должный* смыслъ его. Очевидно, этотъ, весьма важный въ педагогическомъ отношеніи, пріемъ опредѣленія не можетъ быть названъ главнѣйшимъ пріемомъ изученія природы. Онъ помогаетъ раскрыть, уяснить, дать болѣе точное опредѣленіе понятія, уже имѣющагося, помогаетъ навести человѣка на мысль, которую развить онъ способенъ, но создать совершенно новое понятіе, или открыть какой нибудь новый фактъ, законъ въ природѣ, онъ не въ состояніи Онъ скорѣе принадлежитъ къ области дедукціи, чѣмъ индукціи.

Въ формальныхъ логикахъ, опиравшихся на Аристотелевской логикѣ, подъ именемъ наведенія извѣстны два пріема обобщенія. Въ сущности, они состоятъ въ подстановленіи болѣе общаго подлежащаго въ предложеніи на мѣсто нѣсколькихъ частныхъ. Такъ различаютъ, вопервыхъ, inductio completa, полное наведеніе, въ которомъ, перечисливъ всѣ частные предметы, входящіе въ составъ вида или рода, мы дѣлаемъ общее заключеніе о цѣломъ видѣ или родѣ. Напримѣръ:

Всѣ прямо остро и тупоугольные треугольники имѣютъ внутренніе углы, которыхъ сумма равняется двумъ прямымъ.

Слѣдовательно, всякій треугольникъ имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ, равную двумъ прямымъ.

Вовторыхъ, различаютъ inductio incompleta, наведеніе неполное, въ которомъ послѣ перечисленія *только нѣкоторыхъ* предметовъ, принадлежащихъ роду или виду, мы дѣлаемъ заключеніе о цѣломъ родѣ или видѣ. Напримѣръ:

Революція 1789 года кончилась диктатурою; революція 48 года кончилась диктатурою Наполеона III-го.

Слѣдовательно, всѣ революціи кончаются диктатурою.

Это наведеніе неполное. Замѣтивъ свойства, признаки только въ нѣкоторыхъ предметахъ, мы, предполагая, что это присутствіе ихъ не случайно, а что они суть принадлежность цѣлаго вида, дѣлаемъ заключеніе о цѣломъ видѣ.

Формальная логика издавна удовлетворяется этимъ ученіемъ объ индукціи. Въ лучшихъ нѣмецкихъ руководствахъ мы при анализѣ индукціи находимъ только указанія на вышеприведенные виды полной и неполной индукціи. Что касается до перваго вида ея, то, очевидно, она не даетъ намъ, въ сущности, ничего новаго; въ заключеніи она только сокращенно высказываетъ то, что мы знали болѣе подробно. Не этимъ, конечно, путемъ мы открываемъ

законы природы и вообще изучаемъ ее. Индукція неполная имѣетъ свое значеніе для нашего ознакомленія, по-крайней-мѣрѣ первоначальнаго, съ общими фактами природы, но знаніе связи причинъ и дѣйствій, или знаніе законовъ, ею дано быть не можетъ. Она есть только первоначальный пріемъ, съ котораго начинаются наши общія знанія о природѣ, но она безсильна дать точныя свѣдѣнія о чемъ либо и потому нуждается, чтобъ не быть ошибочнымъ обобщеніемъ, въ дальнѣйшемъ индуктивномъ анализѣ.

Различіе индукціи отъ дедукціи. Попытаемся теперь опредѣлить болѣе удовлетворительнымъ образомъ, что такое индукція.

Прежде всего, индукція по пріемамъ своимъ есть процессъ мышленія, противоположный дедукціи. Различія обоихъ процессовъ замѣчаются въ исходныхъ точкахъ ихъ отправленія, способахъ перехода отъ одной мысли къ другой и наконецъ, въ конечныхъ цѣляхъ, къ которымъ онѣ стремятся.

Вопервыхъ, исходныя точки отправленія у дедукціи и индукціи разныя. Первая, какъ мы уже видѣли, отправляется отъ общихъ положеній. Во всѣхъ фигурахъ силлогизма они составляютъ необходимое условіе правильности ихъ. Этими общими положеніями могутъ быть какъ недоказываемыя аксіомы, такъ и самыя обыкновенныя сужденія, какъ положительныя обобщенія, такъ и отрицательныя. Безъ нихъ не изъ чего было бы намъ выводить заключеній, т. е. не существовало бы дедукціи. Исходный пунктъ индукціи совершенно противоположный. Физикъ изучаетъ прежде всего факты, ихъ связь, наблюдаетъ за ихъ взаимными соотношеніями. Почва, на которой онъ что либо построяетъ, есть не общія положенія, а данныя опыта, наблюденія.

Вовторыхъ, способы развитія самаго процесса мышленія или перехода отъ одной мысли къ другой въ дедукціи и индукціи совершенно противоположны. Въ первой мы путемъ подведенія одного понятія подъ другое что либо о немъ утверждаемъ или отрицаемъ. Такъ какъ подводить частное подъ общее возможно только путемъ силлогизма, умозаключенія, то способъ мышленія въ дедукціи есть по преимуществу силлогистическій. Даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ мы, повидимому, восходимъ въ дедукціи отъ частнаго къ общему, мы пользуемся все таки силлогизмомъ: всякая правильная и строгая дедукція можетъ быть разрѣшена въ рядъ силлогизмовъ. Совершенно другого рода пріемы индукціи.

Она не подводитъ никакого факта подъ общее положеніе, но отъ связи и расположенія фактовъ заключаетъ къ причинному отношенію между ними. Путемъ выдѣленія случайнаго отъ необходимаго, условій явленія, она выясняетъ способъ происхожденія ихъ. Слѣдовательно, здѣсь связь между мыслями представляется не какъ связь между основаніемъ и слѣдствіемъ, а какъ результатъ фактической связи между явленіями. Не логическія отношенія между мыслями связываютъ ихъ, а реальная связь фактовъ, подмѣченная опытомъ. Вотъ почему, имѣя дѣло съ дедуктивными выводами, мы можемъ понять, какая логическая связь ихъ съ основаніями, т. е. отдать себѣ отчетъ въ ихъ raison d'etre. Въ индукціи мы подмѣчаемъ реальную связь фактовъ, но никогда не въ состояніи дать себѣ отчетъ, почему именно этотъ, а не другой фактъ связанъ съ другимъ. Мы можемъ понять, какъ изъ положенія, что теплыя тѣла, прикасаясь къ холодному, должны отдавать часть своей теплоты, т. е. сами охладѣвать, должно вытекать, какъ слѣдствіе, другое положеніе, что пары комнатнаго воздуха, прикасаясь къ стекламъ оконъ, должны охлаждаться и слѣдовательно, осаждаться въ видѣ паровъ. Этотъ выводъ полученъ путемъ дедукціи и мы понимаемъ, что онъ логически слѣдуетъ изъ перваго общаго положенія. Но почему тѣла различныхъ температуръ при соприкосновеніи должны уравновѣшиваться въ отношеніи своей температуры, почему они не сохраняютъ своей теплоты, какъ сохраняются каждымъ тѣломъ, даже въ моментъ соприкосновенія, цвѣтъ, хрупкость или жесткость и т. д. — логическихъ тому основаній мы не видимъ и отыскать ихъ не можемъ. Почему тяжесть заставляетъ падать тѣла съ извѣстною, а не другою скоростію, почему газообразныя тѣла подъ давленіемъ сокращаются въ своемъ объемѣ, это мы знаемъ, какъ фактъ несомнѣнно данный въ опытѣ, но логически мы его ни откуда не выведемъ. Въ этомъ и заключается глубокое различіе въ самомъ способѣ мышленія дедукціи и индукціи: первая руководится логическими отношеніями основанія и слѣдствія, вторая реальною связью фактовъ данныхъ, или предполагаемыхъ въ опытѣ.

Наконецъ, и по своимъ цѣлямъ оба процесса мышленія глубоко различаются. У дедукціи могутъ быть разнообразныя цѣли: она можетъ имѣть въ виду соединеніе одной мысли съ другою посредствомъ третьей, доказываніе мыслей путемъ выведенія частнаго изъ общаго, подробнѣйшее раскрытіе понятій и т. д. Но при всемъ этомъ она ничего новаго намъ не даетъ: ея выводы impli-

cite уже заключаются въ общихъ положеніяхъ, отъ которыхъ она отправляется; она только расширяетъ приложеніе того богатства, которое уже пріобрѣтено, но новыхъ пріобрѣтеній сама не даетъ. Индукція, напротивъ, стремится къ новымъ общимъ положеніямъ. Чрезъ нее мы узнаемъ о связи между причиною и слѣдствіемъ, но выводимъ ее изъ фактовъ, которые прямо намъ не говорятъ о томъ: требуются особые пріемы и методы, чтобъ изъ фактовъ можно было вывести законы природы. Индуктивныя положенія общи. Нѣсколько ниже мы разъяснимъ, въ чемъ состоитъ эта общность. Теперь же замѣтимъ, что тогда какъ дедукція отъ общаго идетъ къ частному, индукція отъ факта, даннаго въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстный моментъ времени, стремится восходить къ общему. Она даетъ, слѣдовательно, болѣе, чѣмъ сколько есть въ наблюдаемомъ фактѣ. Физикъ наблюдаетъ паденіе тѣлъ въ извѣстное время, но отсюда онъ выводитъ законъ паденія тѣлъ вообще. Вмѣсто того, чтобъ дѣлать заключеніе только относительно даннаго во время наблюденія факта, онъ заключаетъ относительно цѣлаго ряда подобныхъ фактовъ.

Сопоставивъ оба процесса мышленія, мы имѣемъ право сдѣлать слѣдующее опредѣленіе индукціи. Ею называется совокупность пріемовъ, чрезъ которые мы приходимъ къ новымъ общимъ положеніямъ или выводамъ, на основаніи наблюденія фактовъ. Остановимся на этомъ опредѣленіи, чтобы еще разъяснить себѣ понятіе такого важнаго процесса мышленія, каковъ индуктивный.

Мы назвали индукцію совокупностію пріемовъ. Дѣйствительно, она есть терминъ для обозначенія не одного какого нибудь метода или спеціальнаго пріема, а цѣлаго ряда ихъ. Природа представляетъ такіе сложные и трудные вопросы, что одинъ какой нибудь пріемъ оказался бы слишкомъ недостаточнымъ для цѣли. Все равно какъ въ дедукціи мы нашли различные пріемы образованія понятій, различные способы силлогистическаго построенія мыслей, соотвѣтствующіе различнымъ нуждамъ и потребностямъ человѣческаго познаванія, такъ точно и индукція, имѣя дѣло съ самыми разнообразными данными опыта, естественно должна прибѣгать къ разнообразнымъ пріемамъ для достиженія цѣли. Есть у нея главные, такъ сказать, общеупотребительные методы для изслѣдованія связи причинъ и дѣйствій, законовъ, присущихъ силамъ дѣйствующимъ въ природѣ; есть у нея еще рядъ разныхъ вспомогательныхъ пріемовъ, имѣющихъ цѣлію въ нѣкоторыхъ слу-

чаяхъ облегчить работу изслѣдованія, въ другихъ—хотя приблизительно уяснить общую связь фактовъ и т. д.

Мы сказали далѣе, что индукція приходитъ къ новымъ положеніямъ. Говоря такимъ образомъ, мы отличаемъ ее отъ способовъ, которыми приходимъ къ новымъ понятіямъ, или опредѣленію ихъ. Понятія образуются путемъ отвлеченія и построенія: сравнивая предметы вмѣстѣ, мы находимъ, что они сходны въ извѣстныхъ чертахъ, и соединяемъ вмѣстѣ эти черты сходства. Есть различные способы опредѣленія, съ которыми мы уже познакомились, но они не принадлежатъ къ области индукціи. Но образованіе понятія есть умственный всесторонній анализъ того, что наблюдается въ реальномъ или нравственномъ мірѣ; здѣсь мы не имѣемъ въ виду ни открытія законовъ, ни причинной связи между явленіями. Въ опредѣленіи мы опять прямо или косвенно анализируемъ уже готовое, данное понятіе, слово, фактъ, но никакихъ новыхъ положеній при этомъ не изобрѣтаемъ. Индукція, напротивъ, есть процессъ въ нѣкоторомъ смыслѣ творческій. Она проникаетъ, такъ сказать, въ лабораторію природы и отъ наружныхъ проявленій ея силъ заключаетъ къ внутреннимъ причинамъ фактовъ. Она не довольствуется пассивнымъ воспроизведеніемъ того, что представляется на поверхности фактовъ, но проникаетъ во внутреннюю связь ихъ Какъ поэтъ воспроизводитъ въ своемъ воображеніи природу въ гармонически стройныхъ образахъ, освобождая наблюдаемый матеріалъ отъ случайныхъ примѣсей мѣста и времени, такъ и естествоиспытатель въ своемъ умѣ возсоздаетъ необходимую законную связь фактовъ, посредствомъ индуктивныхъ пріемовъ отдѣляя необходимое въ нихъ отъ случайнаго. Справедливо поэтому Либихъ въ своей извѣстной брошюрѣ (Дедукція и Индукція) называетъ естествоиспытателя поэтомъ.

Затѣмъ мы сказали, что индукція приходитъ къ общимъ выводамъ, не просто къ сужденіямъ, а къ общимъ сужденіямъ. Этимъ мы отличаемъ индуктивные выводы отъ всѣхъ тѣхъ частныхъ сужденій, которыя касаются наличныхъ фактовъ. Сказать напр. «теперь идетъ снѣгъ», или «теперь нѣтъ снѣга» еще не значитъ сдѣлать индуктивный выводъ, но если мы скажемъ, что вслѣдствіе сгущенія паровъ и охлажденія ихъ, шелъ снѣгъ — это значитъ сдѣлать индуктивный выводъ. Въ послѣднемъ случаѣ уже указываются причина и дѣйствіе ея и по этому указанію мы можемъ прямо утверждать, что всегда такъ происходитъ въ природѣ, если только находится въ наличности причина снѣга. Когда мы

скажемъ «человѣкъ умеръ», это будетъ частное сужденіе о частномъ фактѣ, случившемся въ извѣстное время, но это сужденіе не имѣетъ индуктивнаго характера. Когда же мы скажемъ, что за истощеніемъ силъ въ организмѣ или нарушеніемъ важныхъ его отправленій человѣкъ умираетъ, то это будетъ уже несомнѣнно индуктивный выводъ: ибо здѣсь мы указываемъ необходимую причину смерти не этого только человѣка, но и всякого жившаго въ прошедшемъ или имѣющаго жить въ будущемъ. Значитъ, индуктивный выводъ имѣетъ всегда характеръ общій, онъ есть законъ, объясняющій наличные факты. Въ этомъ, конечно, и заключается весь плодотворный характеръ индукціи и громадная польза ея для жизни. Еслибы мы имѣли дѣло только съ частными фактами, не обобщая ихъ, то мы должны были бы, во 1-хъ, имѣть столько же сужденій, сколько на свѣтѣ есть, или наблюдается фактовъ. Мы были бы подавлены тогда разнообразнымъ множествомъ ихъ, все равно какъ, не имѣя родовыхъ или видовыхъ или общихъ понятій, мы были бы подавлены множествомъ отдѣльныхъ предметовъ. Во 2-хъ, мы должны были бы тогда ограничиться пассивнымъ наблюденіемъ наличныхъ явленій: наши наблюденія и сужденія, возникшія въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, не имѣли бы никакого значенія ни по отношенію къ прошедшему, ни къ будущему. Природа представлялась бы тогда человѣку множествомъ отдѣльныхъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою явленій. Очевидно, что распоряжаться до нѣкоторой степени будущимъ, господствовать надъ нѣкоторыми силами природы, объяснять прошедшее и настоящее ея было бы тогда рѣшительно не мыслимо.

Наконецъ мы сказали, что въ индукціи мы приходимъ къ общимъ выводамъ—на основаніи наблюденія фактовъ. Этою чертою индуктивные выводы отличаются отъ выводовъ, получаемыхъ путемъ дедукціи. Нѣкоторые выводы получаются, какъ мы видѣли, путемъ силлогизмовъ. Когда мы говоримъ, что столъ долженъ падать, и выводимъ это заключеніе изъ общаго закона, что всякое тѣло подвержено дѣйствію тяжести, то послѣдній выводъ сдѣланъ нами дедуктивно, а не индуктивно: ибо этотъ выводъ мы можемъ дѣлать, нисколько не наблюдавши дѣйствительнаго паденія стола. Въ математикѣ выводы дѣлаются именно путемъ дедукціи безъ наблюденія и опыта. Такъ, путемъ построенія получается выводъ, что углы, образуемые линіей, перпендикулярною къ другой линіи, суть прямые, но онъ образованъ безъ наблюденія и опыта, а путемъ умозрѣнія. Индукція, напротивъ, не дѣлаетъ шагу безъ опыта:

свои выводы она дѣлаетъ неиначе, какъ на основаніи подробнаго и точнаго наблюденія фактовъ.

Итакъ индукція въ обширномъ смыслѣ есть совокупность пріемовъ для изслѣдованія природы. Съ какой же стороны они должны разсматриваться въ логикѣ? Если индуктивнымъ путемъ дѣлаются открытія, то неужели логика будетъ учить насъ способамъ, какъ дѣлать открытія? Неужели она можетъ взять на себя столь смѣлую задачу показывать людямъ, какъ нужно открывать законы природы? Къ сожалѣнію, открытія, невозможныя при дурныхъ методахъ, не достигаются одною правильностію ихъ. Требуется еще нѣчто такое, что мы называемъ изобрѣтательностію, геніальною прозорливостію, и т. п. Этого никакая логика дать не въ состояніи и безполезно было бы руководить кого бы то ни было по пути къ открытіямъ. Нужно посему ясно различать искусство открытій отъ ученія объ индукціи. Оно не можетъ имѣть въ виду открытіе новыхъ фактовъ, новыхъ причинъ, не можетъ наводить мысль человѣка на новые факты. «Изобрѣтеніе — говоритъ Милль (Systeme of Logic. 5 edit. London. 1862. t. 1 215 p.), хотя даръ его можетъ быть развиваемъ, не можетъ быть подведено подъ правило; нѣтъ науки, которая могла бы навести человѣка на мысль о томъ, что пригодно для его цѣли. Но когда онъ подумалъ о чемъ нибудь, наука можетъ сказать ему, соотвѣтствуетъ ли его мысль цѣли или нѣтъ. Изслѣдователь или доказыватель долженъ руководиться своимъ знаніемъ и своею мудростію въ выборѣ индукцій, изъ которыхъ онъ хочетъ построить свое доказательство. Но состоятельность аргумента уже построеннаго зависитъ отъ принциповъ и должна быть испытываема... Чувство или свидѣтельство должно рѣшать относительно индивидуальныхъ фактовъ, правила силлогизма должны опредѣлить, дѣйствительно ли, предполагая факты совершенно вѣрными, случай подходитъ подъ формулы разныхъ индукцій, подъ которыя онъ былъ послѣдовательно подведенъ, и наконецъ, законность индукцій должна быть опредѣлена другими правилами». Нельзя, въ этомъ случаѣ, не присоединиться къ Миллю. Явленія природы даны намъ въ извѣстной послѣдовательности или сосуществованіи: мы должны индуктивно сдѣлать заключеніе объ ихъ зависимости. Логика не можетъ сказать намъ, на какіе факты мы должны обратить вниманіе или какъ устроить, чтобъ факты могли сказать намъ что-нибудь, или какую дать имъ группировку. Все это есть дѣло геніальной прозорливости и изобрѣтательности. Но какъ

скоро мы уже обратили вниманіе на факты, замѣтили ихъ послѣдовательность, логика можетъ вывести общее положеніе относительно зависимости ихъ. По отношенію къ индукціи, логика находится въ такомъ же положеніи какъ и относительно дедукціи. Она не можетъ учить насъ, какъ изобрѣтать доказательства въ данномъ случаѣ, какъ нужно пріискивать посылки. Но она можетъ разъяснить, какъ *ведутся* доказательства, какую силу имѣетъ избранный въ извѣстномъ случаѣ пріемъ, какого рода заключенія изъ посылокъ правильны и т. п. Учить открытіямъ логика не можетъ, но она отвлекаетъ, такъ сказать, обыденные пути, по которымъ естествоиспытатели идутъ къ новымъ выводамъ.

Планъ, которому мы будемъ слѣдовать въ своемъ анализѣ индукціи, будетъ слѣдующій Первый вопросъ, представляющійся здѣсь, касается основаній индукціи. За нимъ слѣдуетъ вопросъ объ источникахъ, откуда мы вообще получаемъ факты. Затѣмъ мы перейдемъ къ различнымъ пріемамъ извлеченія выводовъ изъ фактовъ: этотъ отдѣлъ особенно важенъ; въ немъ мы будемъ касаться тѣхъ важнѣйшихъ индуктивныхъ пріемовъ, которымъ наука слѣдуетъ при разъясненіи явленій въ природѣ. Далѣе мы остановимся на результатахъ индуктивныхъ пріемовъ, т. е. на анализѣ выводовъ, получаемыхъ посредствомъ ихъ Наконецъ, мы предложимъ анализъ различныхъ вспомогательныхъ пріемовъ индукціи.

Прежде всего займемся основаніемъ индукціи..

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основаніе индукціи.

Итакъ индукція изслѣдуетъ природу, путемъ опыта составляетъ относительно ея общія положенія. Природа можетъ быть изучаема съ многихъ сторонъ: въ ней многія качества и свойства предметовъ существуютъ вмѣстѣ, многія событія повторяются одно въ слѣдъ за другимъ, силы проявляются въ ней при различныхъ условіяхъ съ различною напряженностію. Слѣдовательно, общія индуктивныя положенія должны обнимать какъ стороны сосуществованія и пріемства явленій, такъ и степени ихъ напряженія. Но, образуя такія общія положенія, на чемъ, спрашивается, мы основываемся? что даетъ намъ право обобщать факты, или на что мы опираемся, когда по одному факту заключаемъ о другихъ?

Идея однообразнаго порядка въ природѣ. Выше мы сказали, что индукціей обозначается совокупность пріемовъ, посредствомъ которыхъ мы приходимъ къ общимъ положеніямъ. Называя ихъ этимъ именемъ, мы желали обозначить то, что индуктивные выводы не ограничиваются ни *мѣстомъ*, ни *временемъ* наблюденія. Физіологъ, наблюдая у себя въ кабинетѣ явленія нервной системы лягушки, дѣлаетъ заключенія, которыя прилагаются ко всѣмъ лягушкамъ на свѣтѣ, мало того, онъ распространяетъ свои выводы на нервную систему всѣхъ существъ, ее имѣющихъ. Никому не прійдетъ въ голову возражать, что наблюденныя явленія могутъ быть прилагаемы только къ экспериментируемой лягушкѣ и ни къ кому другому. Наблюденное въ одномъ мѣстѣ прилагается къ явленіямъ подобнаго рода, совершающимся *во всѣхъ другихъ мѣстахъ*. Равнымъ образомъ, что мы, наблюдая сегодня, вывели изъ фактовъ, то имѣетъ положеніе и къ прошедшему и къ будущему. Мы не сомнѣваемся, что за тысячу лѣтъ до настоящаго момента законъ тяжести оставался неизмѣннымъ; не только отъ настоящаго мы заключаемъ къ близкому прошедшему, но если міръ существуетъ милліоны лѣтъ, мы также предполагаемъ, что и за милліоны лѣтъ холодъ сжималъ тѣла, а тепло расширяло ихъ, свѣтъ распространялся съ извѣстною быстротою и т. д. Такимъ же образомъ мы индуктивно заключаемъ къ будущему: и чрезъ тысячи лѣтъ газы не сдѣлаются упруже, чѣмъ теперь, тѣла теплопроводнѣе и т. под.

Очевидно, заключенія эти весьма смѣлы. Мы дерзаемъ говорить, какъ дѣлается въ мѣстахъ, гдѣ мы не присутствовали и чего собственными глазами не видѣли, какъ дѣлалось и будетъ дѣлаться, говоримъ о времени, когда мы не существовали и не будемъ существовать. Но эта смѣлость отнюдь не безосновательная. Чѣмъ же мы оправдываемъ ее? Ничѣмъ инымъ, какъ убѣжденіемъ въ однообразномъ порядкѣ природы. Если на минуту предположить, что его нѣтъ, то индуктивныя изслѣдованія сейчасъ же теряютъ всякій смыслъ. Если бы наблюденія ботаника, зоолога имѣли смыслъ только для его кабинета и можно бъ было думать, что природа за стѣнами кабинета дѣйствуетъ иначе, то ни о какой наукѣ ботаники или зоологіи не могло бъ быть и рѣчи. Отъ физика мы слышимъ о законѣ тяжести, какъ общемъ законѣ, который дѣйствуетъ вездѣ на земномъ шарѣ и который всегда дѣйствовалъ съ самаго сотворенія міра. Это убѣжденіе, очевидно, основывается на томъ, что природа однообразно дѣйствуетъ всюду

и всегда такъ дѣйствовала. Объясняя положеніе мѣловыхъ пластовъ, геологія предполагаетъ, что частицы мѣла, въ свое время растворенныя въ водѣ, по закону тяжести опустились на дно и тамъ образовали пластъ. Мы и здѣсь предполагаемъ, что за милліоны лѣтъ до сего времени природа дѣйствовала такъ же, какъ и теперь. Но самое блестящее выраженіе этого убѣжденія мы видимъ въ современной астрономіи. Извѣстно, какое обширное и неожиданное развитіе получилъ спектральный анализъ въ химіи: по спектру, производимому тѣломъ, мы можемъ заключать о присутствіи въ немъ того или другого химическаго тѣла. Это прекрасное открытіе послужило средствомъ къ познанію состава отдаленныхъ небесныхъ тѣлъ: по спектру солнца заключаютъ о присутствіи въ немъ паровъ патрія, желѣза и т. д.; мало того: относительно отдаленнѣйшихъ звѣздъ заключаютъ, суть ли онѣ тѣла газообразныя или твердыя. Очевидно, это неболѣе, какъ игра фантазіи, если усумниться въ однообразномъ порядкѣ природы,—и это научныя открытія несомнѣнно вѣрныя, если мы вѣримъ въ упомянутый порядокъ.

Что же собственно значитъ эта идея однообразнаго порядка, о которой мы выше упоминали? Прежде всего остановимся на понятіи порядка. Когда мы говоримъ относительно общества, что въ немъ есть порядокъ, то мы разумѣемъ здѣсь, что въ немъ каждый членъ дѣйствуетъ на томъ постѣ, на который онъ поставленъ, и такъ, какъ требуютъ того интересы и благо общества, т. е. нѣтъ хаотическаго броженія, при которомъ никакія совокупныя и дружныя усилія общества къ достиженію какого-либо блага не возможны. Нѣчто аналогическое мы предполагаемъ и въ природѣ. Говоря о порядкѣ въ ней, мы тѣмъ обозначаемъ отсутствіе хаоса, опредѣленный кругъ дѣйствій, предназначенный каждому предмету и каждой силѣ, обозначаемъ возможность взаимнаго сочетанія отдѣльныхъ силъ для произведенія извѣстныхъ результатовъ, т. е. фактовъ, явленій. Но одна идея порядка еще не дала бы намъ основаній дѣлать индуктивныя заключенія. Порядокъ можетъ быть весьма измѣнчивъ: онъ предполагаетъ только стройность явленій, но каждое изъ нихъ можетъ при этомъ измѣнять свой способъ дѣйствія, лишь бы между ними не происходило никакого замѣшательства. При одной идеѣ порядка мы могли бы изучать только результаты дѣйствія силъ и предметовъ, т. е. одни факты, но при измѣнчивости способовъ дѣйствія силъ наши изслѣдованія о происхожденіи явленій, условіяхъ ихъ возникно-

венія и индуктивныя отсюда заключенія не имѣли бы никакого смысла. Посему порядокъ природы мы представляемъ себѣ *однообразнымъ*.

Мы говоримъ: порядокъ природы—однообразенъ. но не тожественъ и неизмѣненъ. Еслибы мы его назвали тожественнымъ, то это значило бы, что на всѣхъ пунктахъ міра совершается все одни и тѣ же явленія и въ томъ же преемствѣ. Но это противорѣчило бы опыту: ибо въ каждой части міра есть свой, такъ сказать, циклъ явленій. Еслибы мы назвали его неизмѣннымъ, то этимъ отрицали бы развитіе новыхъ явленій и продуктовъ природы, однимъ словомъ, отрицали бы развитіе міра, что опять противорѣчило бы наукѣ: ибо геологія, современная зоологія основываются на идеѣ развитія, раскрытія новыхъ явленій изъ предшествовавшихъ. Называя же порядокъ въ природѣ однообразнымъ, мы исключаемъ понятія тожественности и абсолютной неизмѣнности его. Мы обозначаемъ тѣмъ, что природа нигдѣ не отступаетъ отъ обычнаго ей способа дѣйствій, что безконечно разнообразныя условія, среди которыхъ она дѣйствуетъ, должны вызывать безконечно разнообразные результаты дѣйствій что благодаря накопленію этихъ результатовъ, природа можетъ производить и новыя явленія, но въ самомъ способѣ дѣйствія она остается вѣчно себѣ вѣрною. т. е. что при одинаковыхъ условіяхъ она производитъ одинаковыя явленія, при разнородныхъ же — именно потому, что она остается себѣ вѣрною—должна производить явленія разнородныя *).

---

*) Этотъ верховный принципъ индукціи понимается нами нѣсколько отлично отъ Милля и Бэна, главныхъ представителей индуктивной логики въ настоящее время. Милль говоритъ (Syst. of Logic. Vol I. 342. 1857): the proposition that the course of nature is uniform is the fundamental principle, or general axiom, of Induction, т. е. идея однообразнаго хода событій въ природѣ есть основаніе индукціи. Причина, почему это опредѣленіе показалось намъ недостаточнымъ, заключается въ томъ, что оно обнимаетъ одну только область индуктивнаго изслѣдованія, именно—ходъ событій опредѣляемый закономъ причинности, но наука изучаетъ и сосуществованіе фактовъ, что въ понятіе *хода событій* прямо не входитъ. Поэтому нужно дать болѣе широкое опредѣленіе основанію индукціи Бэнъ (Logic P. I. 9. 1870) говоритъ о единообразіяхъ природы (the course of the world is not a Uniformity, but Uniformities) и далѣе называетъ ихъ законами природы. Но не говоря уже о томъ, что выраженіе. единообразія природы, не со всѣмъ логично (ибо въ самомъ единообразіи заставляетъ сейчасъ же предполагать разнообразіе), идея *единооб-*

Законы природы. Идея однообразнаго порядка раскрывается для насъ ближайшимъ образомъ въ понятіи законовъ природы. Ниже мы будемъ имѣть еще случай коснуться этого понятія; теперь же мы остановимся на немъ, сколько это нужно для большаго уясненія себѣ того, что собственно слѣдуетъ понимать подъ однообразнымъ порядкомъ природы. Сознательно или инстинктивно убѣжденный въ немъ, изслѣдователь ставитъ вопросы природѣ съ цѣлію добиться отъ нея отвѣтовъ. Эти отвѣты имъ принимаются не за случайный результатъ событій, а за постоянныя и однообразныя выраженія самой природы. Онъ знаетъ, что всегда, при тѣхъ же условіяхъ, она будетъ давать ему подобные же отвѣты. Изъ этихъ отвѣтовъ, болѣе или менѣе обобщенныхъ и объединенныхъ, изслѣдователь выводитъ то, что на языкѣ науки называется законами природы.

Въ природѣ изслѣдователь встрѣчаетъ однообразный способъ дѣйствія силъ или однообразный способъ поведенія предметовъ. Эти однообразные способы дѣйствія природы и называются ея законами. Во всякой области явленій есть своего рода постоянство и на немъ-то держится однообразный порядокъ природы. Если бы каждая сила сегодня дѣйствовала однимъ образомъ, завтра другимъ, или различно въ разныхъ мѣстахъ, то конечно, природа представляла бы изъ себя безпорядочный хаосъ. Хаосъ предупреждается тѣмъ, что для каждаго явленія существуютъ какъ бы свои правила, предначертывающія порядокъ и способъ его развитія. Эти правила, опредѣляющія способъ дѣйствія силъ и предметовъ, и называются законами природы.

Обширное и тѣсное значеніе закона природы. Слово законъ употребляется наукою въ обширномъ и тѣсномъ значеніи. Въ об-

---

разій не можетъ служить и основаніемъ индукціи: ибо если въ каждомъ мѣстѣ и въ каждый моментъ времени совершается свое однообразіе, то для каждаго отдѣльнаго факта мы можемъ предполагать свои отдѣльные законы и условія, т. е. сдѣлаемъ невозможнымъ индуктивное изслѣдованіе. Намъ кажется, что идея однообразнаго порядка можетъ служить основаніемъ всѣхъ родовъ индуктивнаго изслѣдованія — какъ фактовъ сосуществованія и преемства, такъ и способовъ дѣйствованія силъ природы. Идея порядка исключаетъ всякій рискъ и предполагаетъ существованіе чего то опредѣленнаго разъ навсегда, т. е. существованіе законовъ; идея однообразнаго порядка предполагаетъ повсюду вѣрность природы своимъ правиламъ или законамъ при всѣхъ случаяхъ дѣйствія, но исключаетъ идею неподвижности и окостенѣнія ея въ однѣхъ и тѣхъ же формахъ и фактахъ.

ширномъ смыслѣ этимъ именемъ называется всякого рода однообразное появленіе въ природѣ фактовъ. Напр. называютъ закономъ фактъ, что водяные пары, прикасаясь къ холодному тѣлу, осаждаются въ видѣ капель; въ сущности, это есть постоянное повтореніе извѣстныхъ фактовъ въ природѣ: за прикосновеніемъ паровъ къ холодному тѣлу слѣдуетъ ихъ охлажденіе и переходъ изъ газообразнаго состоянія въ состояніе капельно-жидкое; или: тѣла, лишенныя подпоры, падаютъ, теплота расплавляетъ металлы, и множество другихъ подобныхъ наблюденій, выражающихъ только неизмѣнное постоянство факта, носятъ названіе законовъ. Въ тѣсномъ значеніи, словомъ законъ мы обозначаемъ modus дѣйствованія силъ или предметовъ природы. Такъ какъ каждой силѣ и каждому предмету приходится дѣйствовать среди разнообразныхъ условій, иногда облегчающихъ безпрепятственное проявленіе ихъ энергіи, иногда же затрудняющихъ его, то modus дѣйствованія означаетъ собственно порядокъ возрастанія или уменьшенія энергіи ея. Но возрастаніе и уменьшеніе энергіи силы можетъ и должно подлежать математическому опредѣленію. Вотъ почему законъ, въ строгомъ значеніи этого слова, имѣетъ всегда математическій характеръ и математическое выраженіе. Всѣ науки, имѣющія дѣло съ законами природы, всегда стремятся облечь въ математическія формулы открытые ими законы. Закономъ тяжести въ физикѣ называется собственно извѣстная математическая формула, выражающая собою скорость паденія тѣлъ; подъ закономъ распространенія теплоты разумѣютъ математическую формулу, опредѣляющую мѣру теплопроводности различныхъ тѣлъ. Такое же математическое опредѣленіе скорости распространенія свѣта называется закономъ его. Во всѣхъ сихъ случаяхъ подъ закономъ разумѣется математически опредѣлимый способъ (modus) дѣйствованія силы или предмета въ извѣстныхъ случаяхъ и отношеніяхъ: въ первомъ случаѣ способъ дѣйствованія силы тяжести, во второмъ теплоты, въ третьемъ свѣта.

Слѣдуетъ замѣтить, что, собственно говоря, «законъ» нужно понимать въ послѣднемъ значеніи. Такое словоупотребленіе, во-первыхъ, соотвѣтствовало бы истиннымъ цѣлямъ науки, имѣющимся въ виду, когда она стремится открыть законы природы. Наиболѣе плодотворная сторона науки заключается не въ томъ только, что она раскрываетъ предъ нами послѣдовательность фактовъ, но въ томъ, что она открываетъ способъ дѣйствованія силъ природы, измѣряя ихъ. Только такимъ точнымъ знаніемъ мы способны поль-

зоваться для разныхъ практическихъ цѣлей и подчинять себѣ природу. Давно извѣстна была сила пара: съ тѣхъ поръ, какъ люди стали варить себѣ пищу въ закрытыхъ сосудахъ, имъ было изъ опыта извѣстно, что паръ имѣетъ силу. Но до Стефенсона и Уатта это знаніе не приносило практической пользы, потому что не знали или не умѣли опредѣлить силу давленія паровъ при разныхъ температурахъ. И только съ того времени, какъ стали измѣрять эту силу, т. е. опредѣлять законъ давленія паровъ, могли явиться машины, дѣйствующія паромъ. Закономъ здѣсь называютъ не тотъ фактъ, что пары при высшихъ температурахъ давятъ на стѣнки сосудовъ, въ которыхъ они помѣщаются, а мѣру давленія ихъ, математически опредѣленную цифрами. Задолго до открытія Гельмгольца предполагалось, что органическое раздраженіе нерва не вдругъ передается отъ периферіи его къ нервному центру, но это не было названо закономъ распространенія раздраженія, и только тогда, когда этотъ физіологъ опредѣлилъ скорость распространенія ощущенія, стали говорить о законѣ. Въ химіи тогда даютъ открытію названіе закона природы, когда опредѣленъ объемъ элементовъ, вступающихъ во взаимное соединеніе. Поэтому въ тѣсномъ смыслѣ закономъ природы должно бы называть только математически опредѣленный способъ дѣйствія. Затѣмъ вовторыхъ, подобное словоупотребленіе вполнѣ согласовалось бы съ употребленіемъ этого слова въ дедуктивныхъ наукахъ: напримѣръ, въ нравственномъ мірѣ подъ закономъ мы разумѣемъ способъ дѣйствія, обязательный для нравственнаго существа, въ логикѣ имъ называется способъ дѣйствія, обязательный для мышленія. Мы будемъ, однакожъ, понимать слово законъ въ томъ и другомъ смыслѣ, сообразно съ современнымъ словоупотребленіемъ, т. е. кромѣ второго значенія, будемъ подъ нимъ разумѣть всякое обобщеніе относительно смѣны однихъ фактовъ другими, или повсюду повторяющагося совмѣстнаго сосуществованія.

Опредѣленіе закона. Раскроемъ теперь понятіе закона природы и укажемъ его характеристичныя отличія. Несмотря на то, что оно встрѣчается въ различныхъ естественныхъ наукахъ и употребляется при самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, оно вездѣ удерживаетъ нѣкоторыя свои особыя черты и указать ихъ не трудно.

Первою существенною чертою въ понятіи закона слѣдуетъ назвать всеобщность его. Какой нибудь частный, хотя и вѣрно подмѣченный фактъ, никогда не называется закономъ: сегодня

шелъ снѣгъ или дождь, человѣкъ умеръ или заболѣлъ — эти выраженія могутъ быть совершенно вѣрны, но закономъ ихъ назвать нельзя. Обозначая условіе, при которомъ явленіе совершается или не совершается, онъ всегда *обобщаетъ* частные факты. Посему о законѣ можно сказать тоже, что мы выше сказали объ индуктивныхъ выводахъ: что онъ не ограничивается мѣстомъ или временемъ, но какъ бы возвышаясь надъ ними, говоритъ намъ о томъ, что совершается всегда и вездѣ. Такъ, законъ тяжести объемлетъ всѣ случаи паденія тѣлъ, нетолько здѣсь, но и во всякомъ другомъ мѣстѣ и не только на сегоднишній день, но и въ прошломъ, какъ и въ будущемъ. Даже тамъ, гдѣ указываются точно опредѣленные случаи примѣненія закона онъ не теряетъ своего характера всеобщности. Условія указываютъ на способъ его примѣненія, его обнаруженія въ явленіи, случаи, къ которымъ онъ прилагается, но лишь только гдѣ нибудь даны эти условія, законъ имѣетъ неотложное примѣненіе.

Во вторыхъ, другая существенная черта въ понятіи закона природы есть его неизмѣнность. Этотъ признакъ, можно сказать, аналитически вытекаетъ изъ самаго понятія. Въ нравственной области, когда мы говоримъ о человѣкѣ, что онъ поступаетъ законно, мы разумѣемъ подъ этимъ выраженіемъ, что онъ въ своемъ поведеніи слѣдуетъ установленнымъ разъ навсегда государствомъ или нравственностію правиламъ, но не внушеніямъ своего каприза и фантазіи. Когда мы говоримъ о нравственныхъ законахъ, то разумѣемъ подъ ними неизмѣнныя, обязательныя для всѣхъ, правила поведенія. Говоря о явленіяхъ природы, что они управляются законами, мы также обозначаемъ тѣмъ, что они не совершаются подъ вліяніемъ слѣпого случая, но возникновеніе ихъ зависитъ отъ неизмѣннаго руководящаго правила. Посему законъ во всѣхъ случаяхъ противополагается или произволу, или случаю, противополагается потому, что произволъ перемѣнчивъ въ намѣреніяхъ и способахъ своихъ дѣйствій, случай измѣнчивъ также въ способахъ и результатахъ явленій. Эта черта неизмѣнности сопутствуетъ закону вездѣ, гдѣ онъ предполагается. Такъ, на физическіе законы мы смотримъ какъ на нѣчто неизмѣнное: мы предполагаемъ, что законъ распространенія свѣта тысячи лѣтъ назадъ долженъ былъ быть таковъ же, каковъ онъ теперь, и останется таковымъ же на будущее время; свѣтъ отдаленнѣйшихъ звѣздъ распространяется съ тою же скоростію, съ какою идетъ онъ и отъ солнца. Мы предполагаемъ, что если и въ солнцѣ есть же-

лѣзо, то оно имѣетъ удѣльный вѣсъ, плавкость, такой же составъ, какъ и здѣсь на землѣ и т. д. Потому именно, что наука вѣритъ въ неизмѣнность физическихъ законовъ, она имѣетъ право дѣлать заключенія къ прошедшей исторіи земли и даже къ будущему, ожидающему землю. Допуская нравственные законы, мы и съ ними связываемъ черту неизмѣнности. Законъ можетъ упраздняться въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ это часто и бываетъ, напримѣръ, съ нравственными законами, благодаря различнымъ противодѣйствіямъ со стороны эгоизма нашей натуры. Въ этомъ случаѣ они раздѣляютъ судьбу, одинаковую со всѣми другими законами, даже и физическими. И физическіе законы не даютъ результатовъ, когда встрѣчается имъ противодѣйствіе. Когда тѣло опирается на что нибудь, то оно падаетъ, какъ того требуетъ законъ; въ темную недоступную для свѣта комнату свѣтъ не распространяется. Но какъ здѣсь упраздняется только результатъ *дѣйствія* закона, но не онъ самъ такъ точно и нравственный законъ можетъ не обнаруживать своего дѣйствія въ людяхъ, но самъ въ себѣ онъ остается и навсегда останется святымъ, неприкосновеннымъ, неизмѣннымъ. Мы можемъ не исполнить закона любви къ ближнему по своему эгоизму, но самая заповѣдь о ней останется въ своей сущности неизмѣнною.

Наконецъ въ третьихъ, законъ отличается характеромъ необходимости. Черту необходимости нужно отличать отъ неизмѣнности: послѣдняя означаетъ постоянство образа дѣйствій закона; необходимость означаетъ неизбѣжность извѣстнаго способа дѣйствованія или событія, означаемаго закономъ. Нѣтъ силы въ мірѣ, которая могла бы отстранить результатъ дѣйствованія закона, коль скоро даны всѣ условія для того. Лишенное своей опоры тѣло *неизбѣжно* будетъ падать, въ желѣзѣ, деревѣ теплота будетъ *непремѣнно* распространяться и притомъ въ первомъ, какъ хорошемъ проводникѣ ея, съ большею скоростію, чѣмъ во второмъ. Мышьякъ попавъ въ желудокъ и кишки, необходимо будетъ соединяться съ стѣнками ихъ и такимъ образомъ разрушать ихъ. Эта черта необходимости, какъ и неизмѣнности, аналитически вытекаетъ изъ понятія о законѣ. Еслибъ онъ былъ иногда безсиленъ производить свое дѣйствіе, еслибъ онъ то дѣйствовалъ, то оставался праздным, тогда при всей его неизмѣнности онъ не заслуживалъ бы и не носилъ имени закона. Этотъ признакъ повсюду сопутствуетъ слову законъ, гдѣ бы оно ни употреблялось. Когда мы говоримъ о законахъ въ нравственной области, то непремѣнно связываемъ съ

ними черту необходимости: законъ любви къ ближнему потому и носитъ это имя, что онъ считается неизмѣнно обязательнымъ на всѣ времена и при всѣхъ обстоятельствахъ. Законъ юридическій въ основѣ своей остается также необходимымъ, хотя могутъ мѣняться его частности и подробности. Законы логическіе (тожества, противорѣчія) остаются постоянно необходимыми принципами всякой умственной дѣятельности. Вотъ почему обобщенія въ наукѣ, считающіяся законами, сейчасъ же перестаютъ быть ими, какъ скоро найденъ одинъ случай, въ которомъ они не примѣняются; если они и продолжаютъ иногда называться ими, то только въ несобственномъ смыслѣ.

Итакъ основаніемъ индукціи служитъ идея однообразнаго порядка въ мірѣ и осуществляется она въ понятіи законовъ природы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Опытъ и наблюденіе.

Второй существенный вопросъ при анализѣ индуктивнаго изслѣдованія природы состоитъ въ слѣдующемъ: откуда мы получаемъ факты, матеріалъ для индуктивныхъ выводовъ?

Мы получаемъ ихъ изъ наблюденія и опыта.

Понятіе о наблюденіи и опытѣ. Подъ наблюденіемъ мы разумѣемъ вообще безыскусственное умственное слѣдованіе за фактами, совершающимися предъ нашими внѣшними чувствами, иначе говоря, подъ наблюденіемъ мы разумѣемъ безыскусственное ознакомленіе съ фактами въ томъ видѣ, въ какомъ представляетъ ихъ нашимъ чувствамъ природа. Подъ опытомъ (или экспериментомъ) разумѣется, напротивъ, искусственное произведеніе факта согласно цѣлямъ и намѣренію изслѣдователя. Напримѣръ, мы слѣдимъ за явленіями снѣга, грозы, молніи, роста какого нибудь животнаго и т. п. Въ этихъ случаяхъ мы разсматриваемъ факты въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ намъ природа: мы не употребляемъ ни какихъ усилій, дабы направить ихъ сообразно нашей цѣли, мы не избираемъ здѣсь какой нибудь стороны факта съ цѣлію уединить ее и т. д.; мы присутствуемъ здѣсь какъ безразличные зрители при событіи. При опытѣ мы беремъ явленія въ свои руки и, такъ сказать, пробуемъ его съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ мы желали бы составить себѣ понятіе о немъ.

Физикъ сажаетъ какое либо животное въ пустоту, гдѣ нѣтъ воздуха, и находитъ, что животное по прошествіи нѣсколькихъ минутъ умираетъ, изъ чего онъ выводитъ, что воздухъ есть необходимое условіе для жизни. Это есть, очевидно, опытъ. потому что пустоты, лишенной воздуха, природа намъ не представляетъ: физикъ долженъ искусственно произвести ее и воспользоваться ею для своей цѣли. Событіе здѣсь принаровливается изслѣдователемъ къ тому, чтобы достигалась цѣль изслѣдованія. Когда химикъ пробуетъ производить различныя соединенія элементовъ, то онъ искусственно производитъ фактъ, событіе, для цѣлей своего изслѣдованія. Опытъ отличается, слѣдовательно, отъ наблюденія главнѣйшимъ образомъ своею искусственностію. Разумѣется, говоря, что въ опытѣ событіе имѣетъ искусственный характеръ, мы разумѣемъ не то, что экспериментъ можетъ произвести событіе, не подчиняясь законамъ природы: и при экспериментѣ, какъ и при наблюденіи, событіе производится самою природою по ея законамъ, но только это произведеніе обставляется такими условіями, что природа отвѣчаетъ при этомъ изслѣдователю на вопросы, имъ предлагаемые.

Сравнительныя преимущества наблюденія и опыта. Каждый изъ этихъ источниковъ нашихъ свѣдѣній имѣетъ свои достоинства и каждый можетъ съ успѣхомъ прилагаться только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Здѣсь въ логикѣ мы не можемъ обойти опредѣленія сравнительной научной силы и значенія этихъ источниковъ всякого реальнаго знанія.

Преимущества опыта предъ наблюденіемъ прежде всего заключаются въ томъ, что при экспериментѣ мы имѣемъ возможность умножать количество фактовъ. При наблюденіи мы должны выжидать благопріятныхъ условій, при которыхъ можетъ произойти явленіе; притомъ, мы должны быть готовы сейчасъ же замѣтить явленіе, какъ только оно начнетъ совершаться: иначе, упустивъ благопріятную минуту, мы должны снова выжидать случая. Положеніе наблюдателя особенно затруднительно по отношенію къ рѣдкимъ или мгновенно совершающимся явленіямъ. Еслибы мы только наблюдали явленія электричества, то должны были бы выжидать лѣта и притомъ тѣхъ рѣдкихъ часовъ, когда происходитъ гроза; при мгновенности явленія наблюденіе, очевидно, не могло бы быть изслѣдуемо надлежащимъ образомъ. Имѣя же электрическую машину, мы можемъ производить малую молнію и малый громъ

столько разъ, сколько *намъ* нужно и *когда* нужно. Химикъ въ своей лабораторіи повторяетъ рѣдкія въ природѣ химическія соединенія, сколько то́ ему заблагоразсудится. При опытѣ мы можемъ, по выраженію Стюарта Милля, брать явленія къ себѣ на домъ. Всякій пойметъ, какая громадная выгода проистекаетъ изъ того, что можно изучать явленія гдѣ, какъ и въ какомъ количествѣ случаевъ угодно. Если нѣкоторыя науки стоятъ на сравнительно низкой ступени развитія, то это отъ того, что онѣ не имѣютъ возможности умножать факты для изученія. Въ такомъ положеніи напр физіологія и психологія. Первая пошла бы гораздо далѣе въ своемъ развитіи, еслибы ей возможно было создавать случаи наблюденія надъ мозговою дѣятельностію человѣка. И то она сдѣлала огромный шагъ впередъ съ тѣхъ поръ, какъ стали экспериментировать надъ мозгомъ напр. лягушекъ. Вмѣсто того, чтобы быть отданнымъ на произволъ случая, физіологъ сталъ самъ ставить себѣ вопросы при изслѣдованіяхъ и такимъ образомъ вызывать природу на отвѣты. Оттого, что психологъ не можетъ произвольно повторять душевныя явленія, его наука въ очень немногихъ пунктахъ обладаетъ настоящими точными знаніями.

Второе преимущество опыта предъ наблюденіемъ заключается въ томъ, что чрезъ него мы имѣемъ возможность изолировать наблюдаемое явленіе. Изолировать — значитъ уединять, уединять явленіе значитъ ставить его особнякомъ отъ всѣхъ другихъ, съ нимъ связанныхъ. Это важно въ томъ отношеніи, что дозволяетъ намъ изучать каждое явленіе особо. Въ природѣ событія переплетаются одно съ другимъ. Даже такой простой фактъ, какъ паденіе тѣла, не совершается подъ вліяніемъ одной только причины, напр. закона тяжести: тѣло при паденіи теряетъ часть своей скорости на преодолѣніе сопротивляющагося на пути воздуха. Впослѣдствіи мы увидимъ, какъ эта сложность причинъ затрудняетъ наши изслѣдованія и какъ наши выводы, шаткіе иногда при стеченіи немногихъ причинъ, дѣлаются почти невозможными, когда дѣйствующихъ причинъ много. Притомъ, по разнообразію условій, въ которыхъ дѣйствуютъ онѣ, одна и таже причина можетъ производить разнообразныя слѣдствія, такъ что въ природѣ есть смѣшеніе причинъ и дѣйствій. Пользуясь однимъ наблюденіемъ, изслѣдователь въ большей части случаевъ не могъ бы рѣшить, какая въ явленіи причина дѣйствуетъ и какая въ бездѣйствіи, какое слѣдствіе какой причинѣ принадлежитъ. Но когда онъ вооружается опытомъ, трудности выводовъ въ значительной сте-

пени уменьшаются. Экспериментаторъ уединяетъ одну изъ причинъ, заставляетъ ее дѣйствовать, и тогда онъ можетъ дѣлать выводъ относительно ея дѣйствій. Напр. положимъ, естествоиспытатель задается вопросомъ, какая составная часть воздуха наиболѣе важна для дыханія. Безъ опыта этотъ вопросъ не разрѣшимъ: нѣтъ мѣста, гдѣ существовалъ бы одинъ кислородъ или одинъ азотъ; но его можно рѣшить опытомъ: мы можемъ въ извѣстномъ пространствѣ, защищенномъ отовсюду, напримѣръ стекломъ, собрать одинъ кислородъ посредствомъ разложенія воды, или истощить въ немъ кислородъ чрезъ горѣніе тѣла. Помѣщая подъ стекло какое нибудь существо, напр. голубя, мы сейчасъ же увидимъ, въ какой степени эти составныя части воздуха важны для дыханія. Посему тамъ, гдѣ изолировать явленія не удается, наука никогда не можетъ положиться на вѣрность своихъ выводовъ. Оттого физіологія до сихъ поръ, относительно многихъ своихъ выводовъ и обобщеній, не можетъ похвалиться неизмѣнностію и непоколебимостію. Органическія явленія представляютъ наименѣе удобствъ для изолированія, частію по необыкновенной сложности условій, при которыхъ дѣйствуютъ причины, частію по опасности нарушенія связи между органическими причинами для жизни экспериментируемаго индивидуума. Потому, какъ говоритъ Лотце во введеніи къ Physiologie des körperlichen Lebens, не проходитъ четырехъ лѣтъ, чтобы новооткрытый физіологическій законъ не подвергся существенному измѣненію и даже отрицанію.

Наконецъ, третье преимущество опыта предъ наблюденіемъ заключается въ томъ, что благодаря первому можно измѣрять дѣйствія силъ природы, т. е. пріобрѣтать матеріалъ для математическаго опредѣленія ихъ. Данныя опыта то предшествуютъ математической теоріи, то слѣдуютъ за нею, подтверждая ее. Математическая теорія распространенія свѣта, теплоты оставалась бы только гипотезою, еслибы она не могла быть подтверждена опытами. Изъ показаній опытовъ съ падающими тѣлами былъ выведенъ математическій законъ тяжести или паденія тѣлъ. Измѣрять способы дѣйствія силъ возможно только тогда, когда можно брать произвольное количество случаевъ, такъ чтобы изъ сопоставленія ихъ возможно было видѣть, какъ дѣйствуетъ сила или причина при различныхъ условіяхъ, какъ она возрастаетъ или ослабѣваетъ въ дѣйствіи и т. д. Но создавать себѣ подобныя благопріятныя обстоятельства для изслѣдованія возможно только при опытѣ. Въ наблюденіи мы всегда въ зависимости отъ обстоятельствъ, даю-

щихъ намъ иногда весьма скудные матеріалы. Еслибы, при изученіи давленія паровъ, физики лишены были возможности экспериментировать, то гдѣ они нашли бы случаи изучать это давленіе при высшихъ температурахъ? Съ другой стороны, при наблюденіи сила дѣйствуетъ часто при неизвѣстныхъ намъ условіяхъ и такъ какъ явленія вообще сложны, причины въ природѣ множественны, то опираясь на наблюденіе, мы никогда не можемъ положиться на точность своихъ выводовъ. Причина, сама по себѣ ничтожная, отъ стеченія благопріятныхъ условій и другихъ причинъ, можетъ производить громадныя дѣйствія и наоборотъ. Посему только опытъ открываетъ намъ мѣру и число въ явленіяхъ природы.

Изъ того, что путемъ эксперимента возможно умножать количество фактовъ, изолировать и измѣрять явленія, очевидно, что онъ можетъ прилагаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда экспериментаторъ въ состояніи подчинять себѣ явленія. Это условіе съуживаетъ кругъ примѣненія опыта.

Прежде всего онъ не простирается на явленія слишкомъ отдаленныя отъ насъ пространствомъ. Напр. астрономическіе факты могутъ быть только наблюдаемы, но экспериментировать надъ ними мы не можемъ. Для насъ доступно въ этомъ случаѣ искусственное улучшеніе зрѣнія, улучшеніе способовъ измѣренія высоты восхожденія небесныхъ тѣлъ, но на самые факты наблюденія опытъ, конечно, простираться не можетъ. Наблюдая планеты чрезъ телескопъ, мы должны ограничиваться явленіями въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ представляетъ намъ природа.

Затѣмъ, опытъ не можетъ быть прилагаемъ къ явленіямъ, или возникшимъ при условіяхъ, въ настоящее время уже не существующихъ, или слишкомъ громаднымъ по напряженію силъ, ихъ вызвавшихъ: таковы напр. геологическіе факты. Теперь уже нѣтъ тѣхъ условій, при которыхъ возникали могущественныя скалы, пласты и т. п.; мы не можемъ теперь воспроизвести всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, при которыхъ образовались эти геологическія явленія, и слѣдовательно, должны довольствоваться однимъ наблюденіемъ. Съ другой стороны, напряженіе силъ, обнаружившееся напр. при образованіи каменноугольныхъ пластовъ или громадныхъ горъ, такъ велико, что конечно, мы не можемъ и подумать вызвать искусственнымъ путемъ повтореніе подобнаго напряженія.

Наконецъ, экспериментъ не можетъ быть прилагаемъ съ успѣхомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда факты слишкомъ сложны. Есть

обширныя области явленій, въ которыхъ причины, равно какъ и слѣдствія, такъ перемѣшиваются между собою, что невозможно по своему произволу управлять фактами. Въ этихъ случаяхъ экспериментъ, еслибъ и былъ прилагаемъ къ дѣлу, не можетъ приводить ни къ какимъ выводамъ. Психологія напр. изслѣдуетъ явленія ума, дѣятельность внѣшнихъ чувствъ, воли, волненія чувства. Но эти факты совершаются при весьма сложныхъ обстоятельствахъ, зависятъ отъ весьма многихъ причинъ. Мысль можетъ возникать путемъ логическимъ, вслѣдствіе ассоціаціи идей, т. е. связи съ другими представленіями, вслѣдствіе волненій, напр. стыда, гнѣва, и наконецъ по поводу какихъ нибудь желаній, напр. человѣкъ обдумываетъ преступленіе, подчиняясь въ этомъ случаѣ какимъ нибудь мотивамъ, иначе говоря, думаетъ подъ вліяніемъ воли. Одно и тоже явленіе возникаетъ вслѣдствіе множества причинъ, какъ же надъ нимъ экспериментировать? Еслибъ и сдѣланъ былъ какой нибудь опытъ надъ этимъ фактомъ, то все-таки нельзя было бы рѣшить, отъ какой собственно причины произошла мысль; быть можетъ, экспериментируемое лицо само пришло къ извѣстной мысли вслѣдствіе особой внутренней причины. Индуктивный выводъ въ этомъ случаѣ невозможенъ. Возьмемъ еще примѣръ. Мы желали бы испробовать, какъ извѣстныя условія вліяютъ на душу человѣка: какъ человѣкъ воспитывается и до чего онъ доходитъ единственно подъ вліяніемъ строгости. Опытъ въ этомъ случаѣ не повелъ бы къ рѣшительнымъ выводамъ, потому что характеръ человѣка слагается вслѣдствіе многоразличныхъ условій, которыя не всегда могутъ быть видоизмѣняемы по волѣ воспитателей; характеръ зависитъ отъ первоначальныхъ причинъ, лежащихъ въ натурѣ каждаго человѣка, съ которыми воспитаніе можетъ бороться, но не всегда успѣшно; онъ зависитъ также отъ первоначальной упругости воли, отъ развитости ума, чувства и т. д. Еслибы мы и рѣшились экспериментировать въ этомъ дѣлѣ, то изъ полученныхъ данныхъ ничего обстоятельнаго вывести было бы невозможно. По тѣмъ же причинамъ неудобно приложеніе эксперимента и въ наукахъ общественныхъ: всякое явленіе, напр. появленіе новой силы въ обществѣ, совершается въ немъ подъ вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и еслибъ здѣсь приложенъ былъ экспериментъ, то всегда оставалось бы мѣсто сомнѣнію, что именно есть прямая и дѣйствительная причина явленія.

Нѣкоторыя сложныя явленія въ нравственномъ мірѣ такого рода, что мы не имѣемъ надъ ними никакой власти. Нельзя дѣ-

лать опыты надъ талантами или геніями, потому что такого рода явленія принадлежатъ къ числу самыхъ рѣдкихъ въ обществѣ человѣческомъ и не въ нашей они волѣ. Тоже должно замѣтить о высокихъ нравственныхъ явленіяхъ. Высокое чувство чести, нравственнаго негодованія, благоговѣнія, высокаго эстетическаго наслажденія, такъ рѣдко возникаютъ въ людяхъ, что ихъ скорѣе можно считать за дары свыше, чѣмъ обыденные факты, могущіе быть производимыми экспериментально по произволу.

Притомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не имѣемъ ни юридическаго ни нравственнаго права экспериментировать. Было бы весьма важно наблюсти, при какихъ условіяхъ возникаютъ въ человѣкѣ тѣ или другія мозговыя явленія, какими послѣдствіями въ организмѣ сопровождаются сильныя волненія, напр. страха. Но перваго рода опыты опасны для жизни наблюдаемаго, и потому мы не имѣемъ никакого права приносить человѣка въ жертву наукѣ. Второго рода эксперименты стали бы подвергать страданіямъ, а можетъ быть, и дѣйствительнымъ опасностямъ умственное и физическое здоровье человѣка и были бы разумѣется безнравственны. Было бы интересно также для педагога наблюсти, каковъ выходитъ человѣкъ, лишенный всякого религіознаго воспитанія; тогда разомъ рѣшился бы вопросъ о значеніи религіознаго элемента въ нашемъ развитіи. Но и на подобный экспериментъ онъ не имѣетъ права, потому что это значило бы уродовать человѣка для сомнительныхъ цѣлей науки.

Взаимныя отношенія опыта и наблюденія. Опытъ и наблюденіе такъ относятся другъ къ другу, что преимущества одного составляютъ недостатки другого, и наоборотъ. Преимущество перваго, — что благодаря ему можно умножать количество фактовъ для наблюденія, изолировать ихъ и измѣрять явленія,—составляетъ слабую сторону второго. Наблюденіе безсильно дать изслѣдователю болѣе, чѣмъ что даетъ случайно природа; оно представляетъ далѣе явленія въ ихъ естественной сложности и не въ состояніи дать намъ достаточно матеріала, чтобъ измѣрять ихъ. Но тамъ, гдѣ опытъ безсиленъ, господствуетъ наблюденіе; посредствомъ его мы досягаемъ до явленій, отдаленныхъ отъ насъ громаднымъ пространствомъ; мы наблюдаемъ явленія громадныя по своей силѣ или слишкомъ сложныя по своему составу. Если теперь обобщить услуги того и другого научнаго средства, то относительно опыта можно сказать, что онъ содѣйствуетъ главнымъ

образомъ точности нашихъ знаній. Знаніе, имъ доставленное, качественно лучше, чѣмъ доставляемое наблюденіемъ. Распоряжаясь фактами по своему произволу, мы можемъ изучать явленія со всѣхъ сторонъ, съ бо̀льшею подробностію и т. д. Наблюденіе же имѣетъ болѣе широкій кругъ приложенія: ибо ему доступно какъ то, съ чѣмъ имѣетъ дѣло экспериментъ (ибо экспериментаторъ также наблюдаетъ), такъ и сверхъ того всѣ тѣ явленія, на которыя опытъ не простирается. Наблюденіемъ мы захватываемъ гораздо большій кругъ фактовъ, чѣмъ опытомъ.

Слѣдовательно, оба разбираемыя нами научныя орудія не только не враждебны другъ другу, но напротивъ, пополняютъ себя взаимно. Подъ вліяніемъ неожиданныхъ успѣховъ, какими естествознаніе обязано опыту, многіе натуралисты думаютъ, что именно настало время, когда наблюденіе всюду должно уступить мѣсто опыту. Они правы, когда дѣло касается именно тѣхъ спеціальностей, въ которыхъ главное дѣло не столько въ обширности захватываемыхъ наукою явленій, сколько въ *точности* знаній. Было бы странно восхвалять наблюденіе для физики и химіи, когда главный и, можно сказать, единственный двигающій ихъ рычагъ заключается въ экспериментѣ. Но еще страннѣе было бы, когда химики или физики сталибъ думать, что и въ другихъ наукахъ наши знанія должны основываться единственно на опытѣ. Тогда мы должны были бы отказаться отъ научнаго изученія весьма многихъ областей физическихъ явленій и преимущественно нравственныхъ. Разсматривая сравнительное значеніе опыта и наблюденія, мы видимъ, что они, каждый на своемъ посту, служатъ человѣческому знанію: одинъ изощряетъ человѣческій умъ, доходящій до законовъ природы, другое расширяетъ его кругозоръ. Они, слѣдовательно, подаютъ руку другъ другу и отнюдь не должны враждовать взаимно. Куда опытъ не простирается, мы должны идти наблюдать; гдѣ наблюденіемъ уже подготовлена почва, тамъ пусть наше знаніе улучшается въ качественномъ отношеніи чрезъ опытъ.

Необходимость наблюденія въ каждой наукѣ открывается между прочимъ изъ того, что имъ собственно приготовляется почва для опыта. Нельзя представлять себѣ экспериментъ дѣломъ слишкомъ простымъ. Дабы онъ приносилъ всю научную пользу, необходимо, чтобъ онъ былъ подготовленъ предварительнымъ наблюденіемъ. Есть нѣкоторые эксперименты, которые нѣкогда были невозможны,

но въ свое время, когда наблюдающая мысль укрѣпилась и настолько развилась, чтобъ быть въ состояніи ставить предъ собою научные вопросы, они, т. е. эксперименты, стали возможны. Вѣроятно, будущая наука докажетъ со временемъ не однимъ примѣромъ, что многіе изъ опытовъ, невозможныхъ въ настоящее время, будутъ въ свое время возможны. Поэтому какъ законъ, выводъ являются зрѣлымъ плодомъ науки, такъ и самый опытъ, къ нимъ ведущій, есть также въ свою очередь плодъ развитаго состоянія науки. Чтобъ производить опыты съ успѣхомъ, чтобъ они вели къ какой-нибудь цѣли, для этого требуются многія условія; иначе, опытъ превратится въ безсмысленную игру фактами, въ безплодную трату времени. Остановимся на условіяхъ успѣшнаго производства опытовъ въ наукѣ: мы будемъ имѣть при этомъ случай разъяснить съ другихъ сторонъ отношенія опыта къ наблюденію.

Условія плодотворности опытовъ. Первое существенное условіе успѣшности опыта заключается въ томъ, что онъ долженъ быть подготовленъ тщательнымъ анализомъ экспериментируемаго факта, т. е. необходимо умственно раздробить, расчленить его на составныя части. Въ природѣ каждое явленіе совершается при сложныхъ условіяхъ, каждый фактъ въ ней является намъ не отдѣльнымъ, но связаннымъ со множествомъ другихъ фактовъ: дѣйствующія причины здѣсь переплетаются съ другими, слѣдствія — съ другими слѣдствіями. Еслибы можно было имѣть дѣло съ одною причиною и однимъ ея слѣдствіемъ, тогда, конечно, не было бы никакого труда прилагать опытъ къ дѣлу: но когда въ событіи есть множество дѣйствующихъ причинъ, много сторонъ, и существенныхъ и случайныхъ, то, прежде всякого другого дѣла, должно отдать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ въ фактѣ существенно и что̀ случайно. Когда докторъ хочетъ лѣчить больного, то прежде всякого способа лѣченія и употребленія лѣкарствъ, онъ долженъ заняться діагнозою или разузнаніемъ болѣзни. Она состоитъ въ анализѣ болѣзни, въ отдѣленіи существенныхъ и важныхъ симптомовъ отъ случайныхъ и неважныхъ. Такой анализъ долженъ имѣть въ виду двѣ слѣдующихъ цѣли: во 1-хъ, выдѣленіе въ явленіи случайнаго отъ необходимаго: напримѣръ, въ микроскопіи изслѣдователь, прежде чѣмъ дѣлать заключенія на основаніи видимаго образа, долженъ разъяснить себѣ случайно возникающія изображенія подъ стекломъ. Во 2-хъ, анализъ долженъ привести изслѣдователя къ самымъ простымъ элементамъ факта. Человѣкъ, положимъ, поте-

рялъ здоровье. Первая задача врача опредѣлить, какія первоначальныя болѣзненныя явленія развились въ организмѣ, за сложными болѣзненными симптомами какія кроются измѣненія въ органическихъ отправленіяхъ. Это расчлененіе сложнаго факта на основы его или на первообразные его элементы необходимо, дабы знать, на что обратить вниманіе въ опытѣ.

Затѣмъ во 2-хъ, для успѣха опыта требуется правильная постановка вопросовъ для изслѣдованія. Опытъ есть только орудіе изслѣдованія; самъ по себѣ онъ ничего не рѣшаетъ, даетъ только матеріалъ для мыслящаго наблюдателя. У тупого экспериментатора опытъ превращается въ пустое препровожденіе времени. Онъ требуетъ поэтому напряженія мысли. Давно уже извѣстно, что природа отвѣчаетъ только тому, кто умѣетъ спрашивать ее: она нѣма предъ вопросами, не имѣющими научнаго смысла. Въ свое время, при анализѣ закона исключеннаго третьяго, мы уже указывали всю важность правильной постановки вопросовъ. Правильный вопросъ рано или поздно долженъ вызвать положительный или отрицательный отвѣтъ, неправильный путаетъ дѣло и сбиваетъ науку съ надлежащаго пути; онъ лишній балластъ, удаленіе котораго изъ области науки потребуетъ лишняго усилія. Отъ качества вопроса, который задаетъ себѣ экспериментаторъ, зависитъ его рѣшеніе: вѣдь экспериментъ производится не на удачу, а возникаетъ изъ какой-нибудь научной потребности, вслѣдствіе какой-нибудь мысли. Когда это условіе есть, наблюдатель знаетъ уже на что въ опытѣ слѣдуетъ обратить вниманіе, чего искать въ немъ.

Выполненіе обоихъ указанныхъ условій зависитъ отъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, на которыя мы здѣсь обратимъ вниманіе. Успѣхъ анализа сложнаго явленія на простые элементы, составляющіе его, зависитъ отъ состоянія науки въ данное время. Когда она достигла уже значительнаго развитія, она оказываетъ могущественную помощь этому анализу. Анализуемое явленіе можетъ быть обслѣдовано наукою съ многихъ сторонъ, въ открытыхъ ею законахъ можетъ найтись готовое объясненіе нѣкоторыхъ подробностей его. Слѣдовательно, до нѣкоторой глубины факта изслѣдователь можетъ быть доведенъ готовыми уже указаніями. Теперь, когда явленія электричества и галванизма многосторонне изучены, изслѣдователь находитъ въ наукѣ важныя и многочисленныя указанія при всякомъ анализѣ, предшествующемъ экспе-

рименту. Но въ концѣ прошлаго столѣтія, онъ долженъ былъ довольствоваться самыми скудными предположеніями, начинать, такъ сказать, съ азбуки. Посему отъ экспериментатора требуется прежде всего знаніе своей науки, полная опытность въ ней. Въ свое время мы уже говорили, что по вопросу скорѣе можно судить о степени знанія и пониманія предмета, чѣмъ по отвѣту. Правильный отвѣтъ можетъ быть случайнымъ явленіемъ, иногда потому, что у отвѣтчика оказалось случайное знаніе. Но правильный вопросъ случайнымъ быть не можетъ. Въ немъ сейчасъ же обнаружится невѣжество или знаніе вопрошателя. То же самое и при экспериментѣ. Только человѣкъ, вполнѣ усвоившій себѣ науку и ея данныя относительно изслѣдуемаго дѣла, съумѣетъ правильно задать вопросъ природѣ. Руководимый методами и направленіемъ своей науки, онъ не будетъ стремиться къ цѣлямъ фантастическимъ, не будетъ преслѣдовать невозможнаго при извѣстномъ состояніи науки; понимая ея потребности, онъ задается вопросами, къ которымъ наука уже подготовлена предшествовавшими трудами и т. д. Чутье возможнаго и невозможнаго, полезнаго и безполезнаго въ наукѣ дается, какъ извѣстно, только тому, кто ее усвоилъ себѣ. Вотъ почему великіе экспериментаторы не были одними только геніями, взятыми прямо отъ плуга, но и были знатоками современной имъ науки. Клодъ-Бернаръ, Гельмгольцъ, Вёлеръ суть нетолько даровитые люди, но они вполнѣ знакомы съ наукою своего времени. Оттого ихъ эксперименты и двигаютъ впередъ науку.

Наконецъ, укажемъ еще условіе, которое необходимо соблюдать при самомъ производствѣ опыта: именно, во время экспериментаціи необходимо отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ испытываемаго явленія. Изслѣдователь, положимъ, составилъ себѣ планъ опыта, онъ намѣренъ заняться имъ преимущественно для рѣшенія поставленнаго вопроса. Сосредоточивая свое вниманіе на немъ, онъ долженъ вести его, однакожъ, такъ, чтобъ отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ подробностяхъ изслѣдуемаго явленія. Все, что встрѣтится при немъ новаго, страннаго, должно быть изслѣдуемо. Такимъ путемъ были сдѣланы многія открытія. Изъ исторіи науки извѣстно, что весьма часто люди приходили къ важнымъ открытіямъ совершенно случайно; часто выходило такъ, что, занимаясь опытами съ одною цѣлію, они наталкивались на совершенно новыя явленія, которыхъ прежде и не подозрѣвали. Современная химія выработалась изъ алхиміи: люди

искали средствъ превращать свинецъ, мѣдь въ золото, но наталкивались на совершенно другія открытія. Многіе изъ простыхъ химическихъ элементовъ найдены случайнымъ образомъ. Изслѣдуя платиновую руду и отдавая себѣ отчетъ во всѣхъ явленіяхъ, при опытѣ представлявшихся, Велеръ, Геттингенскій профессоръ, открылъ нѣсколько платиновыхъ металловъ. Это же правило приложимо и ко всѣмъ другимъ изслѣдованіямъ—физическимъ, физіологическимъ и т. д. Открытіе индуктивнаго электричества произошло также случайнымъ образомъ при изслѣдованіяхъ, не имѣвшихъ въ виду этой цѣли.

Конечно, постоянное выполненіе этого правила въ значительной степени зависитъ отъ степени развитія наблюдательности въ экспериментаторѣ. Наблюдательность же есть даръ природы, только до извѣстной степени развиваемый упражненіемъ. Что говорилось въ древности о поэтахъ, то вполнѣ приложимо и къ наблюдателямъ. Мы говоримъ не о рядовыхъ экспериментаторахъ, способныхъ идти по проложенной уже дорогѣ, прилагать уже указанные методы, но о тѣхъ, которые способны дать что-нибудь новое, навести науку на новые пути. Эти наблюдатели nascuntur. Способность вполнѣ сосредоточиваться вниманіемъ на предлежащемъ предметѣ или явленіи, постоянная готовность встрѣчать мыслію всякое новое явленіе и догадываться объ его значеніи есть результатъ естественныхъ дарованій. До извѣстной, конечно, степени этотъ даръ можетъ быть развитъ и укрѣпленъ правильною практикою, систематическимъ научнымъ воспитаніемъ. Посредствомъ постоянныхъ работъ въ указанномъ направленіи образуется привычка быть внимательнымъ ко всякой работѣ и та особенная чуткость при изслѣдованіи, которая столь нужна для всякого естествоиспытателя. Наоборотъ, прекрасныя дарованія не принесутъ пользы, если они были упражняемы въ дурной научной школѣ, если они не пріучены къ терпѣливости и внимательности къ производимымъ работамъ. Это особенно нужно помнить рядовымъ экспериментаторамъ. Не слѣдя за собою, пріучая себя быть разсѣянными при работахъ, такъ сказать, лѣнясь отдавать себѣ отчетъ во всѣхъ представляющихся подробностяхъ, они дѣлаются окончательно неспособными приносить серьезную пользу наукѣ: ихъ эксперименты превращаются въ одно пустое препровожденіе времени.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Индуктивное изслѣдованіе явленій.

Третій вопросъ, касающійся теоріи индукціи, имѣетъ предметомъ своимъ изслѣдованіе фактовъ. Мы уже говорили, что она выходитъ изъ предположенія единообразнаго порядка въ природѣ и имѣетъ въ виду образованіе общихъ положеній съ помощію наблюденія фактовъ. Откуда заимствуется матеріалъ для этихъ общихъ положеній, нами уже разсмотрѣно: опытъ и наблюденіе даютъ намъ факты. Теперь возникаетъ вопросъ, что дѣлать съ ними, въ чемъ и какъ можемъ мы искать единообразія порядка природы. Факты ею даются или совмѣстно одинъ съ другимъ, или послѣдовательно въ извѣстномъ порядкѣ. Слѣдовательно, предметомъ индуктивнаго изученія можетъ быть, во первыхъ, совмѣстное существованіе фактовъ, т. е. мы можемъ изучать *сосуществованіе* явленій, или во вторыхъ, мы можемъ обращать вниманіе на послѣдовательность, преемственность ихъ, т. е. изучать порядокъ *смѣны* одного явленія другимъ. Разсмотримъ теперь оба эти рода индуктивнаго изслѣдованія.

I. Изученіе сосуществованія явленій.

Предметъ индуктивнаго обобщенія. Смыслъ такого изученія природы. Природа можетъ быть изучаема со стороны совмѣстнаго существованія въ ней явленій. Многіе факты въ ней неизмѣнно повторяются вмѣстѣ. Таково совмѣстное существованіе тѣла и духа: всякій организмъ, встрѣчающійся въ природѣ, какъ бы ни былъ простъ по своему составу, способенъ къ нѣкоторымъ психическимъ отправленіямъ, способенъ къ простымъ ощущеніямъ внѣшнихъ впечатлѣній и чувствованіямъ удовольствія или неудовольствія. Или: еще Аристотель въ своей исторіи животныхъ замѣтилъ, что животныя, жующія жвачку, всегда имѣютъ раздвоенныя копыта. Эти два факта не находятся ни въ какомъ причинномъ между собою отношеніи: раздвоеніе копыта не есть причина жеванія жвачки и наоборотъ, но совмѣстное существованіе этихъ двухъ явленій всюду неизмѣнно повторяется въ природѣ. Существуютъ далѣе свойства въ предметахъ, которыя также всюду

являются вмѣстѣ, напр. косность и тяжесть: всякое инертное тѣло имѣетъ и тяжесть, и все, что имѣетъ тяжесть, инертно. Очевидно, это сосуществованіе можетъ быть предметомъ изученія со стороны мыслителя.

Вниманіе изслѣдователя можетъ быть здѣсь обращаемо на два обстоятельства.

Во первыхъ, мы можемъ наблюдать и изучать постоянно совмѣстное существованіе нѣсколькихъ явленій, предметовъ, событій въ природѣ, повидимому, другъ отъ друга независимыхъ и самостоятельныхъ. Цѣлая наука, геологія, въ большей части своихъ выводовъ и обобщеній занимается именно этою стороною изучаемаго ею предмета. Она изслѣдуетъ порядокъ слоевъ земной коры, изучаетъ обстоятельства, при которыхъ встрѣчается въ землѣ тотъ или другой металлъ. Въ своихъ выводахъ она опирается главнымъ образомъ на наблюденіи того, что вмѣстѣ съ чѣмъ постоянно встрѣчается. Ея заключенія имѣютъ дѣйствительный индуктивный характеръ: они стремятся быть общими и потому на нихъ часто основываются частныя предположенія. Такъ, геологическими данными руководятся искатели рудъ, каменнаго угля, предприниматели артезіанскихъ колодцевъ и т. д. Таковы, далѣе, географическія обобщенія относительно распредѣленія горъ и долинъ и отношенія ихъ къ мѣстной растительности, или относительно появленія нѣкоторыхъ растеній въ извѣстныхъ мѣстахъ непремѣнно вмѣстѣ. Таковы же заключенія фаунистовъ относительно существованія нѣкоторыхъ видовъ животныхъ вмѣстѣ въ извѣстныхъ мѣстахъ.

Во вторыхъ, можетъ быть наблюдаемо совмѣстное существованіе въ предметахъ свойствъ, качествъ, вообще всѣхъ сторонъ, доступныхъ наблюденію. Химія напр. описываетъ признаки тѣлъ, постоянно встрѣчающіеся въ нихъ вмѣстѣ. Такъ, она указываетъ удѣльный вѣсъ тѣла, тягучесть, плавкость, растворимость въ той или другой кислотѣ. Эти свойства ни въ какой очевидной причинной связи не состоятъ, но тѣмъ не менѣе совмѣстное существованіе ихъ можетъ быть предметомъ изученія. Таковы же заключенія анатома относительно различныхъ органовъ и органическихъ отправленій, совмѣстно повторяющихся въ природѣ. Къ этому же роду выводовъ должны быть отнесены наблюденія психологовъ относительно различныхъ чертъ и особенностей характера, обыкновенно встрѣчаемыхъ всегда вмѣстѣ: напр. изъ психо-

логическаго опыта мы знаемъ, что одни душевныя состоянія вызываются другими и притомъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ одно слѣдовало за другимъ; въ этой смѣнѣ явленій одно не есть причина другого, но тѣмъ не менѣе здѣсь есть правильное сосуществованіе, управляемое закономъ, и оно должно быть предметомъ индуктивнаго обобщенія.

Изслѣдованіе сосуществованія явленій можетъ имѣть двоякій смыслъ для насъ. Во первыхъ, оно можетъ имѣть значеніе индуктивнаго ознакомленія съ рядами первоначально данныхъ фактовъ, внутренней и внѣшней связи которыхъ мы не понимаемъ и понять не можемъ. Таковы геологическія показанія относительно пластовъ земли, мѣсторожденій металловъ и т. д. Мы узнаемъ многіе, совмѣстно даваемые природою, факты, но не можемъ предполагать причинной связи между ними. Такъ какъ въ природѣ есть много такихъ первоначально сосуществующихъ фактовъ, то разбираемый индуктивный пріемъ имѣетъ свое мѣсто въ ряду другихъ логическихъ пріемовъ и свой смыслъ въ ряду другихъ средствъ достиженія истины.

Во-вторыхъ, указанный пріемъ имѣетъ значеніе изслѣдованія, подготовляющаго открытіе отдаленныхъ причинъ, производящихъ нѣсколько совмѣстныхъ слѣдствій. Нѣкоторые факты существуютъ совмѣстно потому, что они суть слѣдствія одной общей причины. Въ средѣ органическихъ явленій есть много подобнаго рода фактовъ: напр. многіе симптомы болѣзней, одновременно развивающіеся, суть слѣдствія одной причины — разстройства отправленій одного какого-нибудь важнаго органа. Неизмѣнно сопутствующія другъ другу свойства, качества, формы въ организмахъ животнаго міра заставляютъ предполагать какую-то, хотя иногда остающуюся неизвѣстною, одну причину, которой упомянутые факты суть слѣдствія. Изслѣдованіе сосуществованія ихъ важно уже потому, что съ него начинается разъясненіе явленія. Дальнѣйшія изслѣдованія методически или случайно приведутъ къ открытію причины ихъ, но важно уже будетъ и то, что они подмѣчены были въ свое время наукою и тѣмъ облегчено было дальнѣйшее ихъ изслѣдованіе.

Замѣтимъ въ заключеніе, что изслѣдованія относительно сосуществованія явленій должны быть ведены съ крайнею осторожностію. Если гдѣ, то здѣсь особенно нужно избѣгать преждевременныхъ обобщеній. Изслѣдователь долженъ имѣть въ виду, что основаніемъ его заключеній должно служить повсюдное совмѣстное

сосуществованіе извѣстныхъ свойствъ и явленій въ природѣ. Если есть хотя одинъ фактъ, говорящій contra, то обобщеніе уже не имѣетъ силы и должно быть измѣнено. Укажемъ въ примѣръ фактъ, приведенный между прочимъ въ логикѣ Милля. Долгое время существовало убѣжденіе, что лебеди всегда бѣлы, вороны всегда имѣютъ черно-синій цвѣтъ, пока фактъ существованія черныхъ лебедей и бѣлыхъ воронъ (альбиносовъ) не опровергъ его. Достаточно было одного факта, чтобъ опровергнуть выводъ, державшійся въ умахъ съ незапамятныхъ временъ. Посему здѣсь имѣетъ особенное приложеніе указанное еще Бакономъ правило обращать вниманіе на, такъ-называемыя, instantiae negativae. Прежде чѣмъ дѣлать рѣшительное заключеніе, мы должны внимательно осмотрѣться въ мірѣ явленій, нѣтъ ли гдѣ-нибудь противнаго выводу показанія и какъ скоро оно есть, мы должны или отказываться отъ обобщенія, или такъ измѣнить его, чтобъ оно не имѣло противъ себя никакого факта.

II. Изученіе связи явленій.

Обратимся теперь ко второму и самому обширному вопросу: какъ изслѣдуется связь и послѣдовательность явленій? Здѣсь мы встрѣчаемся съ закономъ, управляющимъ взаимными отношеніями фактовъ, закономъ причинности, къ анализу котораго мы теперь и обратимся.

Невозможность метафизическаго опредѣленія закона причинности. Опредѣленіе закона причинности тѣсно связано съ опредѣленіемъ того, что мы обыкновенно называемъ причиною и ея дѣйствіемъ. Оно можетъ быть дѣлаемо или съ метафизической точки зрѣнія или эмпирической. Со стороны метафизической, понятіе причины и дѣйствія всегда представляло неодолимыя трудности. Какимъ образомъ одно явленіе можетъ вліять на другое, одно тѣло производитъ въ другомъ какія-либо измѣненія? Аристотель, говоря о причинности, указываетъ только различные виды причинъ. Онъ различаетъ четыре причины: матеріальную, формальную (или понятіе), движущую и конечную цѣль. Причина казалась ему энергичнымъ дѣятелемъ, который какъ бы насильственно вступаетъ въ существо тѣла и производитъ въ немъ явленія. Это понятіе держалось въ наукѣ въ продолженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ, что естественно, такъ какъ оно близко подходило

и подходитъ къ тому обыкновенному представленію отношеній причины къ дѣйствію, какое слагается въ умѣ простого наблюдателя. Въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ метафизическому понятію причины и дѣйствія суждено было занять въ философіи первенствующее значеніе, хотя и подъ другимъ названіемъ, и даже долгое время опредѣлять собою различіе между философскими направленіями. Мы сказали, что вопросъ этотъ возникъ подъ другимъ названіемъ. Онъ выдвинулся послѣ Декарта по поводу его ученія о субстанціяхъ тѣла и духа. Этотъ философъ, какъ извѣстно, признавалъ сущностію духа мышленіе, матеріи протяженіе. Какимъ же образомъ могутъ онѣ дѣйствовать одна на другую, какъ могутъ передаваться вліянія отъ одной сущности къ другой?

Ученія Арнольда Гейлинкса, Венедикта Спинозы и Готфрида Лейбница были попытками разрѣшить съ метафизической точки зрѣнія этотъ вопросъ. Одна сущность можетъ дѣйствовать на другую однимъ изъ трехъ возможныхъ способовъ. Или есть внѣшній дѣятель — въ семъ случаѣ всемогущій Богъ, который по поводу явленій тѣла развиваетъ явленія духа и наоборотъ. Таково было ученіе Гейлинкса, признавшаго, слѣдовательно, случайную связь въ этомъ случаѣ между причиною и дѣйствіемъ, котораго ученіе поэтому извѣстно подъ именемъ окказіонализма. Или различныя состоянія духа и тѣла суть только видоизмѣненія состояній одной и той же сущности (Бога) и какъ въ нашей душѣ одни состоянія мысли вызываютъ соотвѣтствующія состоянія чувства, такъ точно въ безконечной Сущности одни состоянія вызываютъ другія. Это ученіе принадлежало Спинозѣ. Или наконецъ, отъ вѣка уже такъ предуставлено, что каждая сущность, развиваясь совершенно отдѣльно и независимо отъ другой, въ силу закона непрерывности переходя отъ одного состоянія къ другому, соотвѣтствуетъ въ своихъ состояніяхъ состояніямъ другой сущности. Такъ училъ Лейбницъ, и его ученіе извѣстно подъ названіемъ системы предустановленной гармоніи.

Легко видѣть, что хотя въ указанныхъ ученіяхъ рѣчь идетъ, повидимому, только объ отношеніи души къ тѣлу, вопросъ, ими рѣшаемый, имѣетъ значеніе не для одной только психологіи. Въ сущности, эти ученія рѣшаютъ вопросъ вообще о причинѣ и дѣйствіи, о способѣ, какимъ вещь или явленіе становится причиною дѣйствія, обнаруживающагося въ другой вещи: ибо если фактъ взаимодѣйствія тѣла и духа представлялся упомянутымъ философамъ страннымъ и требующимъ разрѣшенія, то не менѣе стран-

нымъ долженъ былъ казаться имъ фактъ вліянія одного тѣла на другое, произведенія одного явленія другимъ. Метафизически трудно понять, какъ одно тѣло можетъ дѣйствовать на другое. Если отъ тѣла никакія силы не отдѣляются, не переходятъ въ другое, то какимъ путемъ это другое тѣло можетъ испытывать вліяніе перваго. Если же отъ тѣла, становящагося причиною, отдѣляются силы, то въ моментъ самаго перехода. какъ бы мимолетенъ онъ ни былъ, силы отдѣлившіяся. но не перешедшія въ тѣло, суть силы, состоянія, дѣятельности, никому и ничему не принадлежащія, что есть contradictio in adjecto и что, слѣдовательно, невозможно. Извѣстно, какъ во времена Лейбница и Ньютона вопросъ о дѣйствіи на разстояніи возбуждалъ громадную полемику и какихъ усилій стоило послѣднему защитить свое понятіе тяготѣнія небесныхъ тѣлъ; метафизическую невозможность этого понятія доказывалъ самъ Лейбницъ.

Эмпирическое опредѣленіе закона причинности. Ученіе Англійскаго мыслителя Юма о причинѣ было практическимъ исходомъ изъ затрудненій, возбужденныхъ континентальными мыслителями. Какимъ образомъ доходимъ мы, спрашивалъ онъ, до познанія причины и дѣйствія? и отвѣчалъ, что отнюдь не a priori, но посредствомъ опыта, находя, что предметы связаны между собою по извѣстному правилу. Дѣйствіе совершенно отлично отъ причины и отнюдь не заключается въ понятіи послѣдней: безъ опыта оно не можетъ быть открыто изъ разума. Невозможно также объяснить, какимъ образомъ дѣйствіе возникаетъ изъ причины. Мы замѣчаемъ, что одни явленія слѣдуютъ за другими, и *привыкаемъ* считать предшествовавшія явленія причинами, послѣдующія дѣйствіями. Этотъ взглядъ. конечно, также ни мало не разрѣшалъ вопроса. Но онъ оказалъ услугу европейскому мышленію уже тѣмъ, что указывалъ на неразрѣшимость его. Вопросъ о взаимодѣйствіи тѣлъ, или причинной связи между ними, метафизически a priori не доступенъ никакому анализу. Остается поэтому обратиться къ опыту и признать его какъ фактъ.

Въ направленіи Юма работала и послѣдующая англійская мысль. Не останавливаясь на развитіи теоріи закона причинности со времени Юма въ Англіи, мы укажемъ взгляды современныхъ представителей индуктивной логики — Милля и Юма. Первый въ своей Логикѣ говоритъ (Systeme of Logic. Vol. I 377. Chap v): «Мы можемъ опредѣлить причину явленія, какъ явленіе предшествующее, или стеченіе предшествующихъ явленій, за которыми

неизмѣнно и безусловно слѣдуютъ послѣдующія». Бэнъ опредѣляетъ (Logic Vol. II. 15 p. 1870) причинность: во всякомъ процессѣ измѣненія есть единообразіе связи между предшествующими и послѣдующими явленіями. Эти оба опредѣленія весьма близки одно къ другому, и такъ какъ Бэнъ только перифразировалъ Милля, то вся честь точнаго опредѣленія причины принадлежитъ послѣднему. Онъ не претендуетъ въ семъ случаѣ на метафизическое объясненіе ея происхожденія. Но опредѣленіе стоитъ въ уровень съ предположеніями наукъ, изслѣдывающихъ связь причинъ и дѣйствій въ природѣ, и потому должно быть принято, какъ эмпирическое обобщеніе фактической стороны закона. Мы должны довольствоваться имъ въ виду того обстоятельства, что, съ одной стороны, метафизическій анализъ его представляетъ непреодолимыя трудности, между тѣмъ какъ съ другой стороны, связь причинъ и дѣйствій въ природѣ составляетъ фактъ, отрицать который, за невозможностію объяснить его, мы не имѣемъ никакого права.

Посему мы можемъ остановиться на такомъ опредѣленіи закона причинности, что, по нему, всякое явленіе единообразно предшествуется какимъ нибудь другимъ явленіемъ. Здѣсь двѣ черты, на которыя должно обратить вниманіе: во 1-хъ, въ немъ утверждается, что есть связь между предыдущими и послѣдующими явленіями, во 2-хъ, что эта связь неизмѣнная, единообразная.

Отрицательные выводы изъ закона причинности. Законъ причинности еще болѣе разъяснится намъ, когда мы прослѣдимъ его со стороны отрицательныхъ выводовъ, изъ него вытекающихъ.

Во 1-хъ, законъ причинности отрицаетъ, чтобъ какое либо событіе не было предшествуемо никакимъ другимъ событіемъ, какъ его причиною. Положимъ, насъ занимаетъ какой нибудь фактъ— пожаръ, смерть знакомаго и т. под.; въ силу закона причинности, мы всегда предполагаемъ, что были предшествовавшіе факты, условія, породившія явленія смерти или пожара. На этомъ основаніи судъ доискивается обстоятельствъ совершенія преступленія, въ надеждѣ открыть въ нихъ причины его совершенія.

Примѣч. Это отрицаніе имѣетъ свою острую сторону; оно идетъ, повидимому, противъ нѣкоторыхъ необходимыхъ религіозныхъ и нравственныхъ предположеній. Если всякое событіе возникаетъ послѣ какого либо предшествовавшаго ему событія, то какимъ образомъ возможно допустить твореніе изъ ничего, о ко-

торомъ говоритъ религія, и съ другой стороны, какъ могутъ возникать свободныя дѣйствія, не вызванныя никакими настоятельными причинами, но заключающіяся въ свободномъ самоопредѣленіи человѣка. Но что касается до религіозной идеи творенія изъ ничего, то въ фактѣ Божественнаго всемогущества религія предполагаетъ причину, довлѣющую для возникновенія совокупности реальныхъ фактовъ или природы. Если свободою вообще мы называемъ возможность начинать рядъ дѣйствій, не возникающій изъ какой либо реальной необходимости, то свободою дѣйствій человѣка, которою особенно интересуется ученіе о нравственности, мы называемъ возможность начинать рядъ дѣйствій, вытекающій изъ первоначальныхъ влеченій и хотѣній воли. Слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ мы предполагаемъ своего рода факты, причины, вызывающія собою дѣйствія, т. е. другіе факты, и законъ причинности остается удовлетвореннымъ и ненарушимымъ. Съ другой стороны, если бы кто за этими причинами не призналъ реальнаго характера и на этомъ основаніи сталъ бы отрицать ихъ, то можно обратить вниманіе на различіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ дѣлаются нравственныя и религіозныя предположенія и утверждается законъ причинности. Когда мы говоримъ, что всякому событію единообразно предшествуетъ другое, то мы стоимъ въ этомъ случаѣ на почвѣ опыта, и пока утверждаемся только на ней, мы правы въ своемъ утвержденіи. Матеріалисты логичны съ своей точки зрѣнія, отрицая бытіе Творца и свободы: кромѣ опыта, другой пробы для познанія они не признаютъ. Но ошибка ихъ заключается въ томъ, что они предполагаютъ, будто бы ихъ точка зрѣнія есть единственная, съ которой должно обсуждать все подлежащее нашему мышленію, и что всякая другая — не имѣетъ смысла. Утверждая, что міръ произошелъ волею Творца изъ ничего, что человѣкъ способенъ къ свободнымъ дѣйствіямъ, мы переступаемъ уже границы опыта и очевидно, повѣрять эти предположенія закономъ причинности не имѣемъ права. Такимъ образомъ мы можемъ думать, что рядъ реальныхъ причинъ начинается причиною абсолютною, всесовершенною, въ своихъ нѣдрахъ заключающею все необходимое для того, чтобы произвести бытіе, что рядъ нашихъ дѣйствій, возникающихъ по закону причинности, можетъ также начинаться нравственно свободнымъ движеніемъ духа.

Во вторыхъ, законъ причинности отрицаетъ измѣнчивость отношеній между событіями или явленіями, т. е. невозможно, чтобы

событіе какъ бы по капризу производило то одинъ то другой результатъ. Связью явленій управляетъ не произволъ, но всегда одно явленіе, или событіе, производитъ другое, разъ навсегда опредѣленное, явленіе. Тяжесть всегда заставляетъ тѣло падать и нѣтъ случая, когда бы этотъ законъ, какъ бы изъ снисходительности къ какому-либо тѣлу, не заставлялъ бы его себѣ подчиняться. Мышьякъ всегда соединяется со стѣнками желудка, и невозможно представить себѣ, чтобы, безъ особыхъ противодѣйствующихъ причинъ, такого соединенія когда-либо не произошло. Причина всегда возымѣетъ свое дѣйствіе, если нѣтъ причинъ, ей противодѣйствующихъ, потому что есть отъ вѣка опредѣленная послѣдовательность между явленіями природы. Но говоря, что причина производитъ всегда одно и тоже дѣйствіе, мы не думаемъ утверждать, что дѣйствіе всегда возникаетъ отъ одной и той же причины. Могутъ быть случаи, которые въ логикѣ извѣстны подъ названіемъ множественности причинъ. Одинъ и тотъ же фактъ можетъ возникать отъ различныхъ причинъ, особенно тамъ, гдѣ явленія нѣсколько сложны: напр. смерть человѣка можетъ происходить отъ изпуренія организма, отъ мѣстныхъ разстройствъ въ важныхъ органахъ, отъ насилія, отъ недостатка питанія и т. д. Одно и тоже явленіе, прекращеніе всей органической дѣятельности, можетъ быть результатомъ разнообразныхъ фактовъ. Въ исторіи—уничтоженіе государства можетъ происходить отъ насилія внѣшнихъ враговъ, отъ внутренняго разложенія сословій и классовъ общества, его составляющихъ. Обѣдненіе народа можетъ возникать отъ слишкомъ неравномѣрнаго распредѣленія налоговъ на бѣдные классы общества, отъ бѣдности природы, его окружающей, отъ внутренней испорченности или пороковъ, ему присущихъ, напр. пьянства, лѣности и т. д. Такимъ образомъ причина всегда приводитъ къ одному и тому же дѣйствію и разныя причины могутъ порождать одно и тоже явленіе, но наоборотъ, дѣйствіе не всегда бываетъ результатомъ одной и той же причины.

Понятіе о причинѣ. Сказавъ, что должно разумѣть подъ закономъ причинности, мы опредѣлимъ теперь, что называется причиною,—терминъ, который мы уже столь часто именовали. Онъ употребляется обыкновенно въ двухъ смыслахъ: во первыхъ, въ практическомъ смыслѣ, котораго мы держимся при обыкновенныхъ житейскихъ сужденіяхъ, и во вторыхъ, въ научномъ, въ

которомъ этотъ терминъ употребляется во всѣхъ наукахъ, имѣющихъ дѣло съ объясненіемъ явленій.

Въ практикѣ мы не обращаемъ вниманія на совокупность всѣхъ условій, порождающихъ событіе, но называемъ причиною то выдающееся между прочими условіе, которое важно для насъ съ практической точки зрѣнія. Мы говоримъ; человѣкъ заболѣлъ оттого, что напился холодной воды: этотъ фактъ мы называемъ причиною болѣзни. Въ практическомъ отношеніи мы можемъ считать себя удовлетворенными, услышавъ о такой причинѣ, для научнаго же объясненія она недостаточна. Болѣзнь горла или воспаленіе легкихъ не есть результатъ одного только прикосновенія холодной воды, но многихъ условій: во первыхъ, это было слѣдствіемъ разгоряченнаго состоянія, въ которомъ находился организмъ, вслѣдствіе усиленной работы или быстраго движенія; затѣмъ во вторыхъ, это было слѣдствіемъ слабости реакціи въ организмѣ въ данное время: многіе пьютъ холодную воду въ разгоряченномъ состояніи и никакихъ серіозныхъ послѣдствій оттого не бываетъ. Или, человѣкъ шелъ мимо дома и былъ раненъ отпавшимъ карнизомъ, — мы говоримъ: небрежность архитектора была причиною несчастія. Для практическихъ цѣлей этого достаточно, ибо это есть наиболѣе важное въ данномъ случаѣ для объясненія факта условіе; бо́льшая внимательность архитектора къ работамъ отвратила бы несчастіе. Но для научнаго объясненія этого недостаточно. Вѣсъ карниза, высота, съ которой онъ падалъ, были ближайшими причинами несчастія и при научномъ объясненіи онѣ должны быть приняты во вниманіе. Есть свои выгоды въ подобномъ пониманіи причины: для житейскихъ нуждъ намъ нѣтъ настоятельной потребности поднимать рѣчь о всей совокупности условій, произведшихъ извѣстное событіе. Мы беремъ главное условіе и его выставляемъ какъ причину, умалчивая объ остальныхъ. Насъ поразилъ напр. фактъ, что знакомый нашъ лишился состоянія: мы не хотимъ въ этомъ случаѣ поднимать всю исторію, всю цѣпь событій и многочисленныхъ обстоятельствъ, при которыхъ совершился подобный фактъ, и вотъ мы указываемъ главную выдающуюся причину того; мы говоримъ: онъ несчастно игралъ на биржѣ. Еслибы мы брали цѣлую совокупность причинъ, произведшихъ упомянутую катастрофу, то должны были бы обратить вниманіе на бумаги, составлявшія предметъ его спекуляціи, на характеръ самого игрока, на качество лицъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло, и тогда только мы были бы въ состояніи объяснить

себѣ, почему событіе, вліявшее неожиданно на упадокъ цѣны бумагъ, произвело катастрофу. Итакъ, подъ причиною, въ практическомъ смыслѣ, разумѣется какое-либо одно изъ обстоятельствъ, подавшихъ поводъ къ происхожденію извѣстнаго событія.

Въ научномъ отношеніи, подъ причиною разумѣется совокупность всѣхъ условій, породившихъ извѣстное событіе. Напр., человѣкъ заболѣлъ чахоткою: при научномъ изслѣдованіи причины ея принимается во вниманіе вся сумма обстоятельствъ, предшествовавшихъ этому факту. Врачъ обращаетъ вниманіе на организацію заболѣвшаго, условія, при которыхъ онъ воспитывался, напр. мѣстность, гдѣ онъ выросъ, его личныя семейныя и экономическія обстоятельства и наконецъ событіе, давшее толчокъ развитію самой болѣзни. Возьмемъ еще примѣръ. Изслѣдуется причина быстраго распространенія христіанства; она заключается въ совокупности всѣхъ условій благопріятствовавшихъ этому факту, въ нравственномъ и политическомъ состояніи классическаго міра предъ пришествіемъ Христа, въ нравственныхъ силахъ новой религіи, т. е. въ ея вѣрованіяхъ и понятіяхъ, въ политическихъ преслѣдованіяхъ, которымъ подвергалось христіанство, и т. д. Поэтому научное понятіе причины отличается отъ практическаго своею полнотою, какъ бы всеобъемлемостію.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Индуктивные методы.

Сложность явленій. Законъ причинности утверждаетъ, что всякое событіе неизмѣнно предшествуется какими-нибудь другими событіями. Изслѣдывать причину событія значитъ между предшествовавшими ему явленіями искать такихъ, которыя всегда и неизмѣнно ему предшествуютъ. Это не было бы особенно затруднительно, если бы каждый разъ мы имѣли дѣло съ двумя, не болѣе, явленіями. Предъ нами два явленія: A и B. Если A всегда предшествуетъ B, то прямое заключеніе отсюда — что A есть причина B. Но въ природѣ ни одно явленіе не развивается особнякомъ. Постоянно мы встрѣчаемъ въ ней рядъ явленій, такъ перепутанныхъ между собою, что трудно отыскать въ нихъ, какая причина какія производитъ дѣйствія. Типически можно представить себѣ это слѣдующимъ образомъ. Положимъ, изслѣдуются

явленіе A и явленіе B, развивающееся вслѣдъ за первымъ. Явленіе A сложно: оно состоитъ изъ нѣсколькихъ частныхъ явленій a b c d. Дѣйствіе, ими производимое, есть B, которое въ свою очередь также сложно и. состоитъ изъ частныхъ явленій α β γ δ. Слѣдовательно, одна сумма явленій слѣдуетъ за другою суммою и необходимо розыскать, которая изъ частей A какое производитъ дѣйствіе, составляющее часть B. Иногда простое явленіе есть результатъ сложно дѣйствующихъ причинъ. Ощущеніе напр. есть несомнѣнно простой душевный актъ, но онъ порождается многочисленными условіями и обстоятельствами, цѣлымъ рядомъ предшествующихъ явленій — возникаетъ вопросъ, какъ дѣйствуютъ эти причины, которое изъ предшествующихъ явленій существенное и т. д.

Такъ какъ осложненіе явленій есть величайшее препятствіе къ ихъ изслѣдованію, то необходимо, дабы не плодить заблужденій, приступать къ дѣлу познанія причинной связи между явленіями съ величайшею осторожностію. Нельзя въ этомъ случаѣ дѣйствовать на удачу, но должно пользоваться уже развитыми современною наукою пріемами изслѣдованія. Развитіе естествовѣдѣнія въ послѣднія три столѣтія дало уже общепризнанные методы изслѣдованія. Такими методами мы здѣсь и займемся.

Съ понятіемъ метода мы будемъ еще имѣть случай встрѣтиться впослѣдствіи. Теперь скажемъ о немъ, сколько это нужно для пониманія этого слова. Слово методъ, или какъ его иногда называютъ, метода (μέθοδος женскаго рода) значитъ собственно дорога, путь къ чему-нибудь. Въ логическомъ отношеніи методомъ называется пріемъ, посредствомъ котораго достигается какой-либо выводъ; это есть своего рода дорога, которою мы приходимъ къ извѣстному заключенію. Здѣсь мы будемъ употреблять это слово въ смыслѣ пріема изслѣдованія причинной связи между явленіями.

Логическое основаніе методовъ. Изслѣдователь можетъ прилагать къ дѣлу только тѣ методы, которые строго вытекаютъ изъ закона причинности. Этотъ законъ утверждаетъ, что всякое явленіе неизмѣнно предшествуется другимъ явленіемъ. Весь его смыслъ заключается въ предположеніи неизмѣнности связи между явленіями. Измѣняемость или неизмѣнность слѣдованія одного факта за другимъ — вотъ критерій для оцѣнки, состоитъ ли изслѣдуемое явленіе въ причинной связи съ другимъ. Посему

1) Что̀ можетъ быть исключено изъ состава явленія, связаннаго съ другимъ явленіемъ, причемъ послѣднее не измѣняется,

то не можетъ быть ни причиною послѣдняго явленія, ни какою либо частью ея. Обратимся къ вышеприведенному примѣру. Мы сказали: явленіе A, состоящее изъ суммы частныхъ фактовъ abcd, производитъ явленіе B, состоящее изъ частныхъ же фактовъ α β γ δ. Что мы можемъ удалить изъ совокупности перваго явленія A, будетъ ли то a или d, безъ малѣйшаго измѣненія въ B, то ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть причиною явленія B. Обратимся къ самому наглядному примѣру. Мы видимъ, что какой нибудь предметъ привязанъ веревкою къ крючку и что снизу плотно къ нему прилегаетъ подпора; мы не знаемъ, чѣмъ собственно поддерживается предметъ въ неподвижномъ положеніи. Если мы удалимъ эту подпору изъ-подъ висящаго предмета, а между тѣмъ онъ не измѣнитъ своего положенія, то мы можемъ заключить, что упомянутая подпора не можетъ быть названа причиною, почему предметъ висѣлъ неподвижно. На этомъ предположеніи основывается *методъ согласія.*

2) Что не можетъ быть удалено изъ состава явленія безъ того, чтобы вслѣдъ за симъ не измѣнилось нѣчто въ другомъ явленіи, съ нимъ, повидимому, связанномъ, то, очевидно, должно быть считаемо причиною послѣдняго или частію ея. Въ приведенномъ примѣрѣ, еслибъ по удаленіи подпоры изъ-подъ предмета было замѣчено, что равновѣсіе его тотчасъ же нарушилось, мы имѣемъ право заключить, что въ семъ случаѣ подпора или вполнѣ или отчасти поддерживала висящій предметъ. Такое предположеніе находится въ основѣ *метода различія.*

3) Когда вслѣдъ за возрастаніемъ или ослабѣваніемъ предшествующаго явленія возрастаетъ или ослабѣваетъ послѣдующее, то очевидно, между ними существуетъ причинная связь. На этомъ предположеніи основывается *методъ сопутствующихъ измѣненій.*

4) Когда, за исключеніемъ извѣстныхъ причинъ и дѣйствій изъ состава предыдущаго и послѣдующаго фактовъ остается въ нихъ остатокъ, то оставшіяся составныя части должны находиться въ причинномъ между собою соотношеніи. Въ этомъ предположеніи заключается смыслъ *метода остатковъ.*

Методъ согласія. Онъ имѣетъ собственно слѣдующій смыслъ: по нему изслѣдуется, какія явленія неизмѣнно связываются съ изслѣдуемымъ фактомъ такъ, что, несмотря на различіе всѣхъ другихъ обстоятельствъ, сопутствующихъ ему въ разныхъ случаяхъ, они постоянно встрѣчаются съ нимъ.

Положимъ, мы имѣемъ два сложныхъ факта A и X, такъ, что явленіе A состоитъ изъ частныхъ составныхъ фактовъ abc и явленіе X изъ $\alpha\beta\gamma$. Чтобы изслѣдовать, состоятъ ли a и α въ причинномъ между собою соотношеніи, нужно, очевидно, обратить вниманіе, во всѣхъ ли случаяхъ неизмѣнно ихъ постоянное другъ за другомъ слѣдованіе. Мы находимъ, что въ одномъ случаѣ ace производитъ $\alpha\gamma\delta$; b исключено изъ состава явленія, но явленіе α осталось, слѣдовательно, b не можетъ быть причиною явленія α. Далѣе мы находимъ, что ade производятъ $\alpha\delta\gamma$; изъ отсутствія c въ этомъ составѣ явленій, въ которомъ есть однако явленіе α, мы заключаемъ, что и c не можетъ быть причиною α. Всѣ эти случаи изслѣдуемаго явленія α сходны въ одномъ только обстоятельствѣ: именно, вездѣ присутствіе a повторяется вмѣстѣ съ α. По методу согласія, мы предполагаемъ, что a есть прич ина α.

По этому методу, напримѣръ, врачи дѣлаютъ заключеніе о заразительности нѣкоторыхъ болѣзней. Берутся во вниманіе многочисленные случаи заболѣванія чумою или холерою. Оказывается, что огромное большинство случаевъ сходны между собою въ томъ обстоятельствѣ, что заболѣвающіе находились долгое или короткое время въ мѣстахъ, гдѣ несомнѣнно существовали упомянутыя болѣзни. Эти заболѣвающіе разнились въ темпераментѣ, степени здоровья организма, питались различною пищею, жили въ разныхъ помѣщеніяхъ, наблюдали въ различныхъ степеняхъ діэту и т. д., но присутствуя въ мѣстахъ свирѣпствованія болѣзни, могли усвоить организму болѣзненные міазмы. Предположеніе это есть прямой выводъ по методу согласія. Подобнымъ же образомъ заключаютъ врачи о специфическомъ какомъ-либо средствѣ противъ извѣстной болѣзни, напр. хины противъ перемежающейся лихорадки. Дознано опытомъ, что при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, болѣе или менѣе сильные пріемы хины или хинины уничтожали лихорадочныя состоянія. По тому же самому методу дѣлаются въ настоящее время предположенія относительно причины лихорадокъ. Разныя наблюденія показали, что громадное большинство случаевъ, въ которыхъ обнаружилось возникновеніе лихорадокъ, сходно въ томъ одномъ обстоятельствѣ, что лихорадки развиваются въ мѣстахъ, окруженныхъ болотистою и низменною мѣстностію. Отсюда дѣлаются заключенія, что болотныя испаренія, міазмы и суть причина болѣзни.

Этотъ пріемъ обыченъ не только научному мышленію, но и практическому, т. е. въ жизни мы обыкновенно прилагаемъ его

въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, хотя, по нетерпѣливости своей и торопливости, часто впадаемъ въ заблужденія. Отыскиваютъ похитителя часто по тому соображенію, что каждый разъ съ появленіемъ какого-либо лица въ извѣстномъ мѣстѣ — въ домѣ или даже въ мѣстности — исчезаютъ какіе-либо предметы. По этому же пріему, люди суевѣрно заключаютъ о значеніи примѣтъ: напр. случайно совпали нѣкоторыя неудачи съ какимъ-либо числомъ или днемъ недѣли и вотъ по методу согласія дѣлаютъ индуктивное заключеніе относительно дурного значенія этихъ дней для предпринимаемыхъ дѣйствій. Люди готовы, на основаніи нѣсколькихъ фактовъ совпаденія, считать ихъ причинами своихъ неудачъ и несчастій. Тотъ фактъ, что методъ согласія есть органъ науки, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и органъ суевѣрія, нисколько не унижаетъ его достоинства. Человѣкъ можетъ быть логиченъ не только въ наукѣ, но и въ своемъ суевѣріи. Одинъ и тотъ же ножъ служитъ для полезной работы, но также служитъ и самоубійцѣ накладывающему на себя руки.

Методъ различія. По методу различія изслѣдуется: въ двухъ случаяхъ, при равенствѣ и сходствѣ обстоятельствъ, сопутствующихъ изслѣдуемому явленію, отсутствіе какого обстоятельства въ одномъ сопровождается отсутствіемъ изслѣдуемаго явленія, а присутствіе въ другомъ сопровождается присутствіемъ изслѣдуемаго явленія.

Наглядно можно представить этотъ методъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, составъ явленія ABCD производитъ явленіе $\alpha\beta\gamma\delta$. Мы наблюдаемъ другой случай и находимъ, что BCD призводитъ $\beta\gamma\delta$: нѣтъ явленія A, нѣтъ и α. Мы имѣемъ поэтому право заключить, что A и α состоятъ въ причинномъ соотношеніи.

Методомъ различія мы пользуемся какъ въ научномъ, такъ и практическомъ мышленіи. Всякій разъ, какъ введеніе новаго обстоятельства въ явленіе сказывается измѣненіемъ его, причину послѣдняго мы полагаемъ въ нововведенномъ обстоятельствѣ. Мы прилагаемъ методъ къ дѣлу въ самыхъ обыкновенныхъ житейскихъ случаяхъ: напримѣръ, мы чувствуемъ жажду, мы пьемъ воду и находя, что жажда утолена, причину новаго явленія приписываемъ водѣ. Очевидно, это заключеніе явилось по методу различія. Когда воды у насъ не было, жажда томила насъ; когда мы выпили воду, жажда утолилась. Такимъ же образомъ заключаетъ экспериментаторъ, изслѣдующій важность кислорода для дыханія. Онъ находитъ, что атмосфера, богатая кислородомъ, дѣлаетъ дыханіе

легкимъ, но когда она бѣдна этимъ газомъ, то животное задыхается; онъ дѣлаетъ отсюда заключеніе, что изъ всѣхъ составныхъ частей воздуха именно кислородомъ мы дышемъ. По тому же самому пріему, общество приписываетъ болѣе успѣшный ходъ дѣлъ въ какомъ нибудь административномъ вѣдомствѣ нововступившему лицу.

Указанные пріемы согласія и различія могутъ быть соединяемы вмѣстѣ, т. е. изъ соединенія ихъ можетъ возникать новый сложный пріемъ. Онъ названъ у Милля *непрямымъ методомъ различія*. Его руководительное правило заключается въ слѣдующемъ: если два или болѣе случая, въ которыхъ встрѣчается явленіе, имѣютъ общаго только одно обстоятельство, тогда какъ два или болѣе случая, въ которыхъ явленіе не встрѣчается, имѣютъ различнаго только отсутствіе одного обстоятельства, то это обстоятельство есть причина или часть изслѣдуемаго явленія.

Болѣе или менѣе сложныя изслѣдованія большею частію ведутся по этому пріему. Онъ имѣетъ ту выгоду, что въ немъ оба метода взаимно дополняютъ другъ друга. Одинъ методъ согласія неудобенъ потому, что онъ оставляетъ не рѣшеннымъ для изслѣдователя вопросъ, до такой ли степени связаны между собою изслѣдуемыя явленія, чтобы ни въ какихъ случаяхъ причинная связь между ними не подлежала упраздненію. Поэтому онъ всегда долженъ быть дополняемъ методомъ различія. Экспериментаторъ замѣтилъ повтореніе связи между двумя явленіями, онъ долженъ еще испробовать, по удаленіи одного явленія, исчезаетъ ли другое; если оба исчезаютъ вмѣстѣ, то очевидно, они состоятъ въ причинномъ соотношеніи. Напр. по указанному сложному методу ведется доказательство, что процессъ обонянія состоитъ въ процессѣ окисленія. Извѣстенъ фактъ, что пріятные запахи доставляются намъ углеводородами: таковы эѳиръ, алькоголь и ароматическія благовонія. Но всѣ эти вещества имѣютъ сходнаго между собою то одно обстоятельство, что они быстро окисляются въ воздухѣ при обыкновенной температурѣ. Ничего общаго они не имѣютъ съ сѣрнистымъ водородомъ, дающимъ дурной запахъ, кромѣ того обстоятельства, что и онъ быстро разрушается въ воздухѣ. Это случаи согласія. Они даютъ право предполагать, что причина запаха заключается въ окисленіи этихъ летучихъ тѣлъ. Но предположеніе становится достовѣрнымъ послѣ того, какъ оно доказано по методу различія. Если мы сдѣлаемъ окисленіе на поверхности кожи, покрывающей полость носа, невозможнымъ, то обоняніе пре-

кратится. Это бываетъ въ случаяхъ, когда искусственно прекратится доступъ кислорода въ полость носа, или кожа ея, на поверхности которой происходитъ окисленіе, покроется слоемъ слизи, что бываетъ обыкновенно при насморкахъ. Доказанное по такому сложному методу, предположеніе становится несомнѣннымъ.

Методъ сопутствующихъ измѣненій. Третій пріемъ индуктивнаго изслѣдованія называется методомъ сопутствующихъ измѣненій. Онъ состоитъ въ слѣдующемъ: явленіе, за измѣненіемъ котораго слѣдуетъ измѣненіе другого явленія, составляетъ причину послѣдняго или часть ея и вообще послѣднее находится въ какой либо зависимости отъ перваго.

Этотъ пріемъ имѣетъ обширное приложеніе, научное и практическое. Когда вслѣдъ за уменьшеніемъ или увеличеніемъ одного явленія слѣдуетъ уменьшеніе или увеличеніе другого явленія, мы предполагаемъ несомнѣнное существованіе причинной связи между ними. Положимъ, мы изучаемъ два явленія А и В и замѣчаемъ, что когда увеличивается А, то увеличивается и В и наоборотъ, за уменьшеніемъ А слѣдуетъ и уменьшеніе В; мы имѣемъ право заключить, что А есть или причина В или часть ея. Такимъ образомъ физики пришли къ выводу, что сжиманіе и расширеніе тѣлъ тѣсно связаны съ состояніемъ температуры ихъ. Выводъ сдѣланъ на основаніи опытовъ, показывавшихъ всякій разъ, что съ возвышеніемъ температуры тѣла расширяются, съ паденіемъ ея, напротивъ, они сжимаются. Физики заключали здѣсь по методу сопутствующихъ измѣненій. По этому же пріему заключаетъ моралистъ: на основаніи факта, что видимый нравственный подъемъ человѣка идетъ прогрессивно въ той степени, въ какой онъ сходится, дружится съ человѣкомъ несомнѣнной нравственной репутаціи, онъ заключаетъ, что причина этого добраго измѣненія въ первомъ заключается во вліяніи нравственной натуры послѣдняго. Также заключаетъ и историкъ: въ исторіи народовъ онъ замѣчаетъ, что нравственныя доблести народа всегда являются вмѣстѣ съ крѣпкимъ государственнымъ организмомъ, т. е. въ той мѣрѣ, въ какой народъ сохраняетъ неиспорченные нравы, религію, въ такой мѣрѣ онъ и политически крѣпокъ и недосягаемъ, иногда для сильнѣйшихъ физически враговъ; наоборотъ, съ ослабленіемъ строгости въ нравахъ, съ нравственною порчею народонаселенія, ослабляется сила государственнаго организма и его способность противостоять нападеніямъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. Такъ было на Востокѣ, въ Греціи, Римѣ, въ новѣйшее

время во Франціи. Эти два факта даны эмпирически: по методу сопутствующихъ измѣненій, историкъ заключаетъ, что причина государственнаго процвѣтанія народа находится въ его нравственныхъ доблестяхъ и политическое паденіе народа тѣсно связано съ нравственнымъ его упадкомъ.

Методъ остатковъ. Онъ состоитъ въ томъ, что мы исключаемъ изъ объясняемой группы явленій, одно явленіе за другимъ, относя каждое на извѣстныя уже причины, пока наконецъ не окажется остатокъ въ группѣ, для котораго мы предполагаемъ особую причину, или особое условіе.

Этотъ методъ, напримѣръ, послужилъ астроному Леверье къ открытію планеты Нептуна, прежде нежели ея существованіе доказано было фактически. Извѣстно было, что движеніе Урана не вполнѣ соотвѣтствуетъ математическимъ исчисленіямъ; путь этой планеты испытываетъ нѣкоторыя пертурбаціи. Всѣ особенности движенія Урана были отнесены на извѣстныя причины, но оставалась еще часть ихъ, которая должна быть отнесена къ неизвѣстной вліяющей на движеніе причинѣ. Леверье предположилъ существованіе невидимой дотолѣ планеты Нептуна, что и было сряду же почти доказано наблюденіемъ. Такимъ же образомъ догадывается врачъ о причинѣ болѣзни. Паціентъ страдаетъ меланхоліей, она есть слѣдствіе неизвѣстной психической или физіологической причины. Онъ анализируетъ послѣднія событія въ его жизни и зная, что хорошее общественное положеніе, правильное отправленіе органовъ дыханія, кровообращенія и питанія могли имѣть только нормальныя послѣдствія для его здоровья, приходитъ по методу остатковъ къ предположенію, нѣтъ ли какихъ важныхъ измѣненій въ мозгѣ, которыя и составляютъ причину болѣзни. По методу остатковъ, химики приходили къ открытію новыхъ элементовъ. При химическомъ анализѣ оказывалось, что за исключеніемъ извѣстныхъ уже элементовъ, которыхъ химическія свойства извѣстны, остается неразложимый остатокъ, обнаруживающій явленія, до того не встрѣчавшіяся. Въ такихъ остаткахъ изслѣдователи часто признавали новые химическіе элементы.

Примѣчаніе. Относительно употребленія этого метода должно замѣтить, что онъ предполагаетъ уже высокое состояніе науки. Онъ можетъ быть полезенъ только въ томъ случаѣ, если бо́льшая половина составныхъ причинъ явленія разъяснена наукою. Въ противномъ случаѣ, остатки будутъ слишкомъ велики, сложны и мы никакого вывода не въ состояніи будемъ сдѣлать. Что могъ этотъ

методъ принести пользы напр. средневѣковому естествоиспытателю, когда почти весь составъ явленій былъ ему не извѣстенъ? Съ развитіемъ науки указанный методъ все болѣе и болѣе будетъ приносить пользы при объясненіи явленій.

Разсмотрѣнные индуктивные пріемы могутъ быть названы главнѣйшими и наиболѣе употребительными при индуктивныхъ заключеніяхъ. Но нельзя думать, чтобы, во первыхъ, они исчерпывали собою всѣ логическія средства индукціи. Во всякой наукѣ каждый изъ указанныхъ методовъ безконечно разнообразится: они видоизмѣняются въ своихъ подробностяхъ даже по различію частныхъ цѣлей, имѣющихся въ виду у изслѣдователя. Указать, въ какомъ направленіи и какъ измѣняются общіе индуктивные методы въ частныхъ наукахъ, и есть одна изъ задачъ послѣднихъ. Во вторыхъ, нельзя думать, чтобы они довлѣли для изслѣдованія всякихъ вопросовъ, поставляемыхъ намъ природою. Еслибъ они были совершенно безошибочными руководителями къ истинѣ, то наука давно уже обладала бы ею. Но она полна еще вопросовъ неразрѣшенныхъ. Это зависитъ оттого, что во многихъ случаяхъ указанные индуктивные пріемы не достигаютъ цѣли, не ведутъ къ вѣрнымъ выводамъ.

Неприложимость индуктивныхъ методовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Случаи, въ которыхъ индуктивные методы не могутъ быть прилагаемы, раздѣляются на двѣ категоріи: Прежде всего заключенія по нимъ становятся сомнительны при сложности причинъ. Разберемъ разные типы осложненія ихъ.

1) Одно и тоже дѣйствіе можетъ быть производимо разнообразными причинами. Напр., фактъ движенія можетъ быть производимъ весьма многими дѣятелями: оно можетъ возникать вслѣдствіе причинъ механическихъ—ударъ заставляетъ тѣло двигаться, отъ причины физіологической—мы двигаемъ рукою вслѣдствіе сокращенія нашихъ мускуловъ; далѣе, оно можетъ быть слѣдствіемъ закона тяжести: тѣла падаютъ съ высоты; наконецъ электромагнитизмъ можетъ быть также причиною движенія. Методъ согласія ни къ чему здѣсь не поведетъ: ибо мы найдемъ многія явленія, которыя ничего не будутъ имѣть сходнаго между собою, кромѣ того обстоятельства, что они всѣ сопровождаются движеніемъ. Равнымъ образомъ, безполезенъ здѣсь и методъ различія: ибо хотя изслѣдуемое обстоятельство будетъ удалено, но прежній результатъ его можетъ повториться отъ другихъ причинъ. Въ психическомъ мірѣ мы также замѣчаемъ, какъ разнообразныя

причины производятъ одно и тоже слѣдствіе. Состояніе удовольствія можетъ возникать и отъ ощущеній и отъ мыслей и отъ желаній. Трудно прилагать къ этимъ фактамъ методъ согласія или различія Мысль и стремленіе не имѣетъ ничего общаго между собою и однако, производятъ одно и тоже явленіе, состояніе удовольствія. При отсутствіи одного изъ этихъ фактовъ, т. е. ощущенія или мысли, мы видимъ, однакожъ, слѣдствіе, съ ними появляющееся, напр. удовольствіе отъ стремленій.

2) Одно дѣйствіе есть результатъ взаимодѣйствія многихъ причинъ. Совмѣстно дѣйствующія причины могутъ сочетаваться различнымъ образомъ. Эти сочетанія иногда бываютъ таковы, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ присутствіе причины не будетъ сопровождаться обычнымъ ея дѣйствіемъ и съ другой стороны, появленіе слѣдствія будетъ дѣйствіемъ отнюдь не настоящей причины, а какого-нибудь второстепеннаго условія. Первый случай можно типично изобразить такъ: А есть несомнѣнно слѣдствіе В, но В тогда только можетъ производить А, когда выполнены всѣ условія, при которыхъ В можетъ дѣйствовать безпрепятственно. Всякая причина дѣйствуетъ среди разнообразныхъ условій, изъ которыхъ нѣкоторыя прямо препятствуютъ появленію слѣдствія. Когда вліяніе препятствующихъ условій устранено или парализовано, тогда В дѣйствуетъ безостановочно и производитъ дѣйствіе А; въ противномъ случаѣ, его присутствіе не сопровождается никакимъ дѣйствіемъ. Такъ, душевныя болѣзни въ нѣкоторыхъ случаяхъ влекутъ за собою смерть больного, въ другихъ случаяхъ нѣтъ: не потому, чтобъ болѣзнь эта не была во всѣхъ случаяхъ важнымъ органическимъ разстройствомъ, но потому, что пораженіе мозга тогда только ведетъ за собою ударъ или истощеніе, когда оно осложняется нарушеніемъ важныхъ физіологическихъ отправленій; въ противномъ случаѣ, оно переносится организмомъ и при благопріятныхъ случаяхъ даже исцѣляется совершенно. Холера и чума несомнѣнно заразительны. Но какъ бывали случаи, что прикосновеніе къ чумнымъ больнымъ не сопровождалось никакими слѣдствіями, такъ мы и теперь видимъ, что присутствующіе въ комнатѣ холернаго отнюдь не всѣ заражаются. Чумный и холерный міазмы заразительны, но не производятъ дѣйствія въ нѣкоторыхъ организмахъ потому, что въ нихъ нѣтъ условій, облегчающихъ имъ доступъ въ него и дѣйствіе въ немъ. Возьмемъ примѣръ изъ нравственной области. Несомнѣнно, что, подобно заразѣ физической, можетъ усвояться человѣку и зараза нравственная. Обще-

ство дурныхъ людей безъ нравственныхъ убѣжденій и принциповъ можетъ вліять на неиспорченную, но воспріимчивую, увлекающуюся натуру. Однакоже, есть личности, которыя остаются чистыми, хотя вращаются среди развращеннаго общества. Причина дѣйствуетъ, но она парализуется въ своемъ дѣйствіи, можетъ быть, другими болѣе нравственными вліяніями, здоровыми инстинктами, убѣжденіями и т. д. Въ этихъ случаяхъ приложеніе методовъ не будетъ имѣть успѣха: ибо наблюденіе представитъ измѣнчивую связь фактовъ, т. е. за В то будетъ слѣдовать А, то не будетъ. По методу согласія и различія, мы должны будемъ отрицать между ними всякую причинную связь, что будетъ не справедливо. Методъ остатковъ прямо не приложимъ во многихъ подобныхъ случаяхъ: для метода сопутствующихъ измѣненій здѣсь также нѣтъ почвы, по измѣнчивости связи между фактами.

Съ другой стороны, причины могутъ такъ сочетаваться, что дѣйствіе будетъ являться вслѣдствіе малѣйшаго измѣненія въ формѣ ихъ сочетанія и въ семъ случаѣ будетъ косвеннымъ слѣдствіемъ, но отнюдь не прямымъ дѣйствіемъ причины. Мы разумѣемъ тѣ многочисленные случаи, когда одни явленія служатъ не столько причинами, сколько поводами къ происхожденію другого явленія. Искра служитъ поводомъ къ нарушенію химическаго равновѣсія въ порохѣ и нагрѣвая его, даетъ поводъ къ разрушительному дѣйствію развивающихся при этомъ новыхъ химическихъ соединеній: нельзя, однакоже, ее именно считать причиною взрыва, какъ это слѣдовало бы по методу согласія или различія. Недостатокъ какого-либо винта въ локомотивѣ дѣлаетъ его неспособнымъ къ движенію: нельзя по методу различія считать движеніе локомотива слѣдствіемъ недостающаго винта. Далѣе, въ психической области мы также встрѣчаемся съ подобными же явленіями. Душевныя состоянія связаны многочисленными узами съ физіологическими отправленіями тѣла. Иногда физіологическія болѣзненныя состоянія: патологическое состояніе оболочки мозга, скопленіе жидкости въ какомъ-либо пунктѣ его (экзудатъ), нарушенное отправленіе печени, сказываются измѣненіемъ настроеній, нарушеніемъ равновѣсія въ чувствахъ, измѣненіемъ хода и смѣны мыслей и т. д. Считать ли по метоту согласія всѣ эти данныя доказательствомъ, что причина душевныхъ состояній въ тѣлѣ, въ мозгѣ? Очевидно, нельзя, по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ винтъ или колесо въ локомотивѣ не считаются причиною его движенія по рельсамъ.

Вторая категорія случаевъ, въ которыхъ неприложимы индуктивные методы, можетъ быть обозначена, какъ смѣшеніе дѣйствій. Здѣсь также мы встрѣчаемъ различные типы смѣшенія.

1) Дѣйствія различныхъ причинъ соединяются въ одинъ результатъ: напр. высокое поднятіе воды можетъ условливаться приливомъ, благопріятнымъ вѣтромъ. нагоняющимъ воду къ извѣстному берегу, притяженіемъ солнца, помогающимъ притяженію луны. Таковъ же фактъ необыкновеннаго пышнаго развитія какого либо растенія въ извѣстной мѣстности, вслѣдствіе стеченія многихъ благопріятныхъ тому условій: обилія питанія въ почвѣ, влажности въ воздухѣ, высокой средней температуры и т. д. Нравственныя явленія, развиваясь среди необозримо сложныхъ явленій, усиливаются и ослабѣваютъ подъ вліяніемъ многочисленныхъ незримыхъ причинъ. Примѣненіе въ этомъ случаѣ индуктивныхъ методовъ необыкновенно затруднительно. По методу согласія, мы нашли бы, что въ одномъ случаѣ ABC производятъ αβγ, въ другомъ CDE производятъ αγδ, въ третьемъ, что DEF также производятъ αδε, т. е. мы получили бы факты, изъ которыхъ нужно бъ было отрицать, что между A и α есть причинная связь, слѣдовательно, допустили бы ложь. По методу различія, мы должны были бы дѣлать тоже самое. Понятно, что и остальные методы не могутъ имѣть въ семъ случаѣ приложенія.

2) Въ случаѣ сочетанія причинъ, при которомъ онѣ противодѣйствуютъ другъ другу, часть дѣйствія одной можетъ уничтожаться другою Напр. при ясномъ небѣ и тихомъ состояніи атмосферы лѣтомъ обыкновенно бываетъ роса. Но иногда при ясномъ небѣ росы не случается, или она бываетъ очень мала. Это происходитъ оттого, что пары воздуха, при сильномъ его движеніи, не могутъ осаждаться вслѣдствіе недолгаго прикосновенія ихъ къ предмету, а можетъ быть, часть осадившихся паровъ и высыхаетъ отъ быстраго движенія того же воздуха. Есть рѣки въ Сибири, напр. Ангара въ Иркутскѣ, которыя замерзаютъ очень поздно, хотя, по раннимъ морозамъ въ той мѣстности, нужно было бы ожидать противнаго. Противодѣйствующая причина заключается въ необыкновенной быстротѣ рѣкъ: быстрое теченіе уноситъ образовавшійся ледъ и не позволяетъ частицамъ его соединяться въ большія льдины; только въ январскіе жестокіе морозы, когда рѣка затирается массами плывучаго льда, образуется на ней непрерывный ледъ. Въ подобныхъ случаяхъ методы не могутъ имѣть приложенія.

3) Могутъ быть случаи взаимодѣйствія между причиною и дѣйствіемъ. Напр. состояніе мозга, составъ крови, его питающей, состояніе клѣточекъ — все это имѣетъ громадное вліяніе на душу: достаточно какой либо капли жидкости, скопившейся внутри мозга, небольшого нагноенія на оболочкѣ его, чтобъ произвести полное умопомѣшательство. Но душевное разстройство обратно вліяетъ на мозгъ: фантастическія представленія, ненормальныя настроенія чувствованій и стремленій способствуютъ въ свою очередь перерожденію тканей и во всякомъ случаѣ напечатлѣнію въ мозгѣ ненормальныхъ слѣдовъ пережитыхъ состояній. Въ общественной жизни низкая ступень развитія ума, какъ извѣстно, часто сопровождается бѣдностію: ничего незнающій, несмѣкательный человѣкъ находитъ мало средствъ къ жизни; онъ способенъ только къ мускульной работѣ, которая оплачивается гораздо хуже, чѣмъ умственная. Но такъ какъ бѣдность сопровождается ограниченностію средствъ къ жизни, то она затрудняетъ и развитіе, слѣдовательно, съ своей стороны принижаетъ человѣка и не дозволяетъ ему подняться въ своемъ развитіи. Здѣсь есть взаимодѣйствіе причины и дѣйствія: одно явленіе производитъ другое, но послѣднее въ свою очередь вліяетъ и поддерживаетъ первое. Приложеніе индуктивныхъ пріемовъ здѣсь такъ же затруднительно.

4) Часто одна причина производитъ нѣсколько дѣйствій, но, при осложненіи причинъ и условій, она остается намъ незамѣтною, тогда какъ повтореніе и смѣна одного дѣйствія другимъ составляетъ предметъ очевиднаго наблюденія. Такъ, день постоянно слѣдуетъ за ночью, но обсуждать эту смѣну явленій по индуктивнымъ методамъ нельзя: тогда пришлось бы день признавать дѣйствіемъ, а ночь причиною. Тотъ и другая суть слѣдствія одной и той же причины, вращенія земли вокругъ своей оси. Приливъ слѣдуетъ за отливомъ, оба суть слѣдствія одной причины притяженія воды луною. Таковы многіе болѣзненные симптомы, развивающіеся правильно одинъ за другимъ, но составляющіе дѣйствія одной и той же причины: напримѣръ, насморкъ и головная боль могутъ быть слѣдствіями болѣзненнаго пораженія организма вслѣдствіе простуды. Если бы въ такихъ случаяхъ индуктивные методы прилагались, то послѣдствіями того были бы, конечно, одни заблужденія.

Изслѣдованіе сложныхъ случаевъ. Нельзя, однакожъ, сказать, чтобъ указанные случаи осложненія причинъ и дѣйствій совершенно не подлежали индуктивному изслѣдованію. Вышеприведен-

ными указаніями мы желали показать только, что они не допускаютъ прямого непосредственнаго приложенія индуктивныхъ методовъ. Но рано или поздно и эти случаи должны изучаться съ помощію ихъ, только когда почва для нихъ уже значительно будетъ подготовлена. Одни изъ указанныхъ случаевъ, до методическаго изученія, требуютъ многихъ предварительныхъ наблюденій, чтобы количество фактовъ было весьма значительно въ рукахъ наблюдателя: когда мы увеличимъ количество наблюденій изслѣдуемаго факта, когда прослѣдимъ его при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, то легко натолкнуться на такія данныя, изъ которыхъ ясно будетъ, съ какого рода причиною мы имѣемъ дѣло. Затѣмъ, мы можемъ подвергать фактъ экспериментамъ и изъ опытныхъ данныхъ извлекать заключенія по указаннымъ методамъ. Такое же увеличеніе наблюденныхъ фактовъ необходимо и при разслѣдованіи осложненнаго взаимодѣйствія причинъ. Большее количество наблюденій, какіе нибудь благопріятные случаи дадутъ намъ когда нибудь возможность рѣшить, почему заразительная болѣзнь поражаетъ однихъ, мало дѣйствуя на другихъ. Когда соберется достаточное количество фактовъ, тогда можно будетъ пріурочить каждый болѣзненный симптомъ къ своей особой причинѣ. Въ другихъ случаяхъ, и именно при осложненіи слѣдствій, помощь должна идти со стороны дедукціи. Нѣкоторые изъ указанныхъ случаевъ могутъ быть разрѣшаемы съ помощію приложенія къ нимъ уже извѣстныхъ законовъ, какъ, напримѣръ, съ помощію дедукціи объясняются смѣна дня и ночи, прилива и отлива. Въ иныхъ случаяхъ необходимъ тонкій анализъ, дабы сложныя слѣдствія разложить на отдѣльныя явленія, и синтезъ, чтобъ предположить *возможныя* ихъ причины. Когда сложное явленіе раздробится въ мысли на множество отдѣльныхъ фактовъ, тогда можетъ быть приложенъ къ нимъ экспериментъ, изъ котораго выводы могутъ быть дѣлаемы по индуктивнымъ методамъ. Но этого пункта мы еще будемъ имѣть случай коснуться въ ученіи о дедукціи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Индуктивные выводы.

Что же получается какъ результатъ индуктивныхъ методовъ? Къ чему приходитъ изслѣдователь съ помощію ихъ? Онъ приходитъ къ тому, что въ наукѣ называется законами природы.

Выраженіе—законъ природы употребляется въ двухъ смыслахъ. Вопервыхъ, есть законы. какъ первообразные общіе и неизмѣнные способы слѣдованія одного явленія за другимъ, и вовторыхъ, эмпирическіе или вторичные законы.

Первообразные законы. Мы уже касались логическаго понятія закона природы. Онъ означаетъ всеобщій, неизмѣнный и необходимый способъ дѣйствованія природы при извѣстныхъ условіяхъ. Подъ это логическое понятіе вполнѣ подходятъ первообразные законы. Въ нихъ мы встрѣчаемъ всѣ указанные признаки закона: они имѣютъ характеръ и всеобщности и неизмѣнности и необходимости: таковы, напримѣръ, законы тяжести, распространенія свѣта и т. п. Но къ указаннымъ чертамъ необходимо здѣсь присоединить еще новую, нами не упомянутую, черту. Первообразнымъ закономъ мы называемъ такой неизмѣнный способъ дѣйствованія природы, который управляетъ обширною областію явленій. Это, такъ сказать, родовой или видовой законъ. Въ такомъ смыслѣ мы называемъ первообразнымъ закономъ тяготѣніе, которымъ объясняются всѣ отношенія небесныхъ тѣлъ,—законы распространенія свѣта, теплоты. потому что ими объясняется тоже многочисленный рядъ фактовъ и мелкихъ обобщеній. Такіе законы не только опредѣляютъ фактъ зависимости одного явленія отъ другого, но и самый modus дѣйствованія природы. Законъ тяжести нетолько объемлетъ фактъ паденія тѣлъ, но и скорость его, законы отраженія или преломленія свѣта отмѣчаютъ не только эти факты, но и опредѣляютъ способъ (modus) отраженія и преломленія, законъ распространенія ощущенія въ нервахъ означаетъ не только фактъ движенія его отъ периферіи къ центру, но и скорость его. Такъ какъ всякое количественное развитіе и напряженіе силъ подлежитъ математическому опредѣленію, то законъ, именно потому что онъ стремится къ точности, всегда долженъ имѣть математическій характеръ. Онъ не можетъ быть только болѣе или менѣе точенъ, онъ долженъ быть *совершенно* точенъ; иначе, онъ не заслуживаетъ названія первообразнаго закона.

Эмпирическіе законы. Не всегда, однакожъ, опытъ или наблюденіе даютъ возможность приходить къ такимъ выводамъ, которые господствуютъ надъ цѣлою областью явленій. Это бываетъ только при особенно счастливыхъ обстоятельствахъ и рѣдкой геніальной прозорливости наблюдателя. Такія обобщенія даются не вдругъ, но должны быть подготовлены длиннымъ рядомъ наблюденій. Законъ, объясняющій извѣстную область явленій, можетъ явиться

тогда, когда факты этой области будутъ вполнѣ извѣстны и изучены. Въ большинствѣ случаевъ изслѣдователь приходитъ къ такого рода обобщеніямъ, которыя касаются или отдѣльныхъ явленій или небольшого количества ихъ. Эти обобщенія указываютъ на слѣдованіе одного факта за другимъ, хотя внутренней связи ихъ мы не знаемъ и объяснить себѣ не можемъ въ данное время. Они суть какъ бы отдѣльные свѣточи, ничѣмъ не связанные между собою, но которые, каждый свѣтясь отдѣльно, освѣщаютъ небольшой кружокъ явленій, не простираясь на цѣлую область фактовъ. Въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ выводными, вторичными или эмпирическими законами.

Эмпирическими законами называются обобщенія различныхъ видовъ

1) Одни эмпирическіе законы состоятъ въ указаніи преемства между дѣйствіями и отдаленными ихъ причинами. Мы говоримъ: молоко есть питательная пища. Это законъ эмпирическій. Здѣсь указывается отдаленная причина и ея отдаленное дѣйствіе: молоко прямо причиною здоровья быть не можетъ; оно только начальное звѣно ряда процессовъ, кончающихся возвышеніемъ силъ въ организмѣ. Эмпиричически извѣстна благотворность дѣйствія хинина въ лихорадкахъ. Но мы знаемъ только то, что за принятіемъ хинина слѣдуетъ возвышеніе дѣятельности симпатической нервной системы, управляющей отправленіями питанія, но какія свойства хинина, какое спеціальное дѣйствіе имѣетъ онъ на желудокъ, мы не знаемъ. Или мы говоримъ: болотныя испаренія производятъ лихорадки; это обобщеніе не указываетъ намъ свойствъ тѣхъ споръ, которыя, распространяясь въ ночное время въ воздухѣ, усвояются организмомъ человѣка и производятъ въ немъ болѣзненные лихорадочныя явленія.

2) Другіе эмпирическіе законы суть обобщенія сосуществованія и преемства между дѣйствіями одной и той же причины. Одна и таже (неизвѣстная намъ) причина можетъ производить нѣсколько результатовъ (особенно если причина сложная), и дѣйствія будутъ возникать всегда вмѣстѣ. Это совмѣстное слѣдованіе явленій и обобщается въ эмпирическихъ законахъ: они указываютъ только, что такія то явленія слѣдуютъ одно за другимъ или возникаютъ рядомъ другъ съ другомъ. Напримѣръ, извѣстно, что стѣсненія дыханія сопровождаются неопредѣленнымъ, но сильнымъ чувствомъ страха, и что страдающіе біеніемъ сердца часто испытываютъ меланхолическое чувство. И стѣсненіе дыханія и чувство страха

суть слѣдствія одной причины, разстройства въ органѣ дыханія, равно какъ и біеніе сердца и меланхолія суть слѣдствія какого нибудь органическаго порока въ сердцѣ; одно явленіе есть слѣдствіе близкое, другое болѣе отдаленное, посредственное. Особенно въ общественной и политической жизни слѣдствія одной и той же причины могутъ развиваться часто рядомъ: напримѣръ, бѣдность народа, его наклонность къ пьянству могутъ зависѣть отъ одной и той же причины, его крайняго невѣжества. Въ физической области явленій наиболѣе видные случаи сосуществованія явленій, какъ слѣдствій одной и той же причины, могутъ быть указаны слѣдующіе: приливъ и отливъ, смѣна дня и ночи, порядокъ временъ года.

Наконецъ 3), эмпирическіе законы могутъ указывать намъ случаи повторенія одного явленія за другимъ, тогда какъ смыслъ этого повторенія и причина его остаются намъ неизвѣстными. Извѣстенъ статистическій фактъ, что рѣдко населенныя мѣстности даютъ большое количество случаевъ долговѣчности жителей, тогда какъ въ большихъ городахъ встрѣчается противное. Связь этихъ двухъ фактовъ давно подмѣчена, но мы не знаемъ, на долю какихъ причинъ, психическихъ или физическихъ, нужно отнести его. Геологія представляетъ фактъ послѣдовательнаго расположенія пластовъ земли: она говоритъ о законахъ въ семъ случаѣ. Но вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ, одинъ пластъ необходимо слѣдовалъ за другимъ, это указать она не въ состояніи, да и едвали когда впослѣдствіи укажетъ.

Эмпирическіе законы только стремятся достигнуть высоты первообразныхъ законовъ, не досягая ея на дѣлѣ. Общій законъ отличается признаками всеобщности, неизмѣнности и необходимости. Эмпирическіе законы только до нѣкоторой степени удовлетворяютъ этимъ требованіямъ. Мы уже выше видѣли, что той всеобщности, которая принадлежитъ первичнымъ законамъ они не имѣютъ: они суть обобщенія небольшого количества фактовъ, тогда какъ тѣ господствуютъ надъ цѣлыми областями ихъ. Но имъ принадлежитъ всеобщность въ томъ значеніи, въ какомъ мы приписываемъ ее вообще индуктивнымъ выводамъ. Хорошо подмѣченный эмпирическій законъ долженъ выражать связь явленій, неограниченную однимъ какимъ либо мѣстомъ и однимъ моментомъ времени. Оттого, какъ мы увидимъ ниже, онъ имѣетъ свое важное значеніе въ наукѣ. Затѣмъ, эмпирическіе законы уступаютъ первичнымъ и въ отношеніи характера неизмѣнности. Об-

щіе законы представляютъ собою послѣднее слово науки относительно какого нибудь вопроса. Они могутъ замѣняться высшими законами, изъясняться изъ послѣднихъ, но никогда съ этимъ закономъ неможетъ случиться, чтобы онъ впослѣдствіи былъ найденъ ложнымъ и невѣрнымъ. Такимъ образомъ эти законы служатъ выраженіемъ всегдашняго неизмѣннаго образа дѣйствій природы въ данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ. Нельзя сказать того же объ эмпирическихъ законахъ: они мѣняются съ каждымъ движеніемъ науки, съ каждымъ новымъ открытіемъ: они сходятъ со сцены, лишь только найдется общій законъ, подчиняющій себѣ найденныя эмпирическія обобщенія. Посему имъ можно приписывать неизмѣнность только относительную. При данномъ состояніи опыта и наблюденія, наука считаетъ себя въ правѣ дѣлать извѣстное обобщеніе и пока кругъ наблюденія не расширится, пока не найдены будутъ случаи, опровергающіе это положеніе, его можно считать эмпирическимъ закономъ. Наконецъ, характеръ необходимости можетъ быть приписанъ имъ только въ ограниченномъ смыслѣ. Такіе законы, какъ тяжесть, тяготѣніе, законы сжиманія или расширенія газовъ, распространенія свѣта, теплоты и т. д. дѣйствуютъ неотвратимо. Мы не можемъ и представить себѣ, чтобы природа когда нибудь и въ чемъ нибудь измѣнила себѣ въ этихъ случаяхъ. Законы эмпирическіе тоже выражаютъ необходимость правильнаго слѣдованія или повторенія фактовъ, особенно въ виду случайныхъ событій, кругомъ насъ совершающихся, но они не имѣютъ въ нашихъ глазахъ характера необходимости. Мы не только можемъ себѣ представить, но и на опытѣ видимъ, какъ эмпирическіе законы подлежатъ ограниченіямъ, допускаютъ частыя исключенія. Они говорятъ только о томъ, что обыкновенно, или большею частію совершается въ природѣ. Оттого ни одинъ эмпирическій законъ не можетъ быть облеченъ въ математическую формулу: математическая точность и необходимость чужда тому, что мы обозначаемъ просто какъ существующее de facto.

Значеніе эмпирическихъ законовъ въ наукѣ. Эмпирическіе законы имѣютъ свое значеніе въ наукѣ. Общіе законы даются не вдругъ; они требуютъ значительной подготовки опыта и наблюденія и геніальной прозорливости наблюдающаго ума. Но прежде нежели объяснить цѣлую область явленій, необходимо изучать отдѣльные факты или группы фактовъ, нужно сдѣлать сближающія ихъ обобщенія. Когда послѣднихъ наберется достаточное ко-

личество, когда отдѣльныхъ лучей свѣта, эмпирическихъ законовъ, наберется столько, что они прольютъ свѣтъ на осложненныя явленія, тогда прозорливый умъ будетъ въ состояніи сдѣлать важный шагъ въ наукѣ — свести частное къ общему, чтобы изъ послѣдняго объяснялось первое. Все равно какъ безъ нижнихъ ступеней лѣстницы нельзя взойти на верхнія, такъ безъ законовъ эмпирическихъ невозможно дойти до законовъ первоначальныхъ. Поэтому они имѣютъ свой raison d'etre въ наукѣ. Ихъ отысканіе составляетъ трудъ тѣхъ мелкихъ работниковъ науки, которые, хотя не обогащаютъ науки вкладами, какъ Ньютоны или Гельмгольцы, но зато подготовляютъ появленіе трудовъ ихъ. Такіе вклады составляютъ въ настоящее время силу науки громадностію умственнаго труда, ими представляемаго. Сила современной науки именно въ большомъ количествѣ мелкихъ работниковъ, а не въ геніяхъ. Они и есть, и были и будутъ исключеніями, на которыя наука не можетъ разсчитывать.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вспомогательные индуктивные пріемы.

Индукція, какъ логическое орудіе изслѣдованія природы, не ограничивается только разсмотрѣнными методами. Мы видѣли уже, какъ много случаевъ, въ которыхъ эти методы не достигаютъ цѣли. Между тѣмъ все реальное и живущее, существующее въ природѣ, не только можетъ, но и должно входить въ кругъ нашего опыта и наблюденія. Поэтому возникаетъ нужда во многихъ дополнительныхъ пріемахъ, которые всѣ имѣютъ цѣлію своею: или подготовить почву для приложенія индуктивныхъ пріемовъ, или суммировать познаніе факта, или расширить область приложенія того, что добыто нами чрезъ индукцію.

Эти дополнительные индуктивные пріемы суть: 1) гипотезы, 2) обобщенія и 3) аналогіи.

Гипотеза.

Понятіе о ней. Гипотеза (ὑποτίθημι-ὑπόθεσις предположеніе) есть предположеніе, дѣлаемое нами относительно изучаемыхъ явленій съ цѣлію ихъ объясненія.

Здѣсь двѣ черты, на которыхъ мы остановимся для уясненія себѣ, что такое гипотеза. Вопервыхъ, она есть предположеніе, дѣлаемое нами относительно изучаемыхъ явленій. Этимъ мы отличаемъ ее отъ всякихъ предположеній, которыя ничѣмъ не вызваны, которыя дѣлаются нами относительно встрѣчающихся фактовъ отнюдь не съ цѣлію серьезнаго изученія ихъ. Таковы гипотезы, касающіяся мелкихъ вѣроятныхъ событій или случайностей, которыя не имѣютъ никакого научнаго интереса, и удовлетворяютъ только прихотямъ нашего любопытства. Вовторыхъ, мы говоримъ, что гипотезы дѣлаются съ цѣлію объясненія фактовъ. Никакихъ праздныхъ интересовъ тутъ мы не имѣемъ. Научный изслѣдователь позволяетъ себѣ дѣлать предположенія только на какихъ нибудь основаніяхъ, съ цѣлію обобщить свое знаніе и проникнуть въ ту скрытую цѣпь событій, которая производитъ изслѣдуемый фактъ.

Слѣдовательно, гипотеза есть пріемъ весьма серьезный, употребляемый наукою лишь для цѣлей изслѣдованія и объясненія фактовъ. Поэтому нужно знать, гдѣ употреблять гипотезу можно и даже необходимо, и гдѣ она становится безцѣльнымъ и вреднымъ балластомъ науки. Наука часто страдала отъ того, что иногда безъ нужды въ нее вводились предположенія. Сдѣланная безъ надлежащихъ основаній, гипотеза препятствуетъ умамъ правильно, непредубѣжденно смотрѣть на явленія; вмѣсто того, чтобы прямо приступать къ дѣлу, они должны бороться съ гипотезою, тратить время и трудъ на ея опроверженіе. Нужно держаться слѣдующаго принципа: гдѣ гипотеза не нужна, тамъ она всегда вредна.

Употребленіе гипотезъ въ наукѣ. Случаи, въ которыхъ гипотезы могутъ быть употребляемы, суть слѣдующіе.

1) Когда извѣстные факты недостаточны для объясненія причинной зависимости явленія, а между тѣмъ есть несомнѣнная потребность и даже обязанность объяснять его, возлагаемая нравственнымъ долгомъ. Иногда изслѣдователь поставленъ въ такое положеніе, что онъ долженъ дѣлать предположенія, какъ бы факты ни были недостаточны. Судебный слѣдователь на мѣстѣ преступленія по самымъ ничтожнымъ указаніямъ обязанъ дѣлать гипотезы относительно предполагаемаго способа совершенія преступленія и возможныхъ виновниковъ его. До сего времени еще не знаютъ причины и сущности заразительности многихъ болѣзней. Что такое чума, холера? Еслибы, руководясь ученымъ педантизмомъ, врачи

отказывались лѣчить больныхъ на томъ основаніи, что наука не знаетъ существа этихъ болѣзней, то это было бы совершенно негуманно. Посему не смотря на свое незнаніе сущности холеры, врачи лѣчатъ ее, на основаніи вѣроятныхъ предположеній: во время перваго появленія ея 1817 года, врачи лѣчили на основіи однихъ предположеній, въ 1830 году на основаніи другихъ, въ 1848 на основаніи третьихъ. Гипотезы въ семъ случаѣ требовались долгомъ врача.

2) Когда факты сложны и гипотеза можетъ принести пользу, какъ обобщеніе знаній въ данный моментъ, какъ первый шагъ къ разъясненію ихъ. Любопытный примѣръ пользы гипотезы въ подобныхъ случаяхъ представляетъ намъ физіологія. И теперь наука, въ сущности, не много знаетъ объ условіяхъ мозговой дѣятельности, о значеніи каждой отдѣльной части мозга и т. д. Но было время, когда ея знаніе были ничтожны, а пріемы для изученія этого безконечно сложнаго факта еще не совершеннѣй. Но она бодро дѣлала предположенія, пробовала ихъ на экспериментахъ и такимъ образомъ, переходя отъ одной гипотезы къ другой, устраняя однѣ, поставляя другія, наконецъ пришла хотя къ приблизительно вѣрнымъ обобщеніямъ. Если бы она педантически держалась правила; не дозволять себѣ гипотезы, прежде нежели не накопится достаточно фактовъ для выводовъ, то мы не имѣли бы и тѣхъ научныхъ истинъ относительно дѣятельности мозга, которыя все-таки даются современною физіологіей. Политическая экономія также отъ гипотезъ постепенно дошла до обобщеній относительно экономической жизни народовъ. Замѣтимъ вообще, что всякій экспериментаторъ и наблюдатель при объясненіи сложнаго явленія начинаетъ съ гипотезъ. Мы видѣли уже. что экспериментъ безъ мысли, безъ цѣли, не имѣетъ никакого смысла. Но какого рода мысли имѣетъ въ умѣ экспериментаторъ, когда онъ опытно изслѣдуетъ явленіе. Очевидно, ничто иное, какъ гипотезу. Наблюдаемые факты навели его на мысль: нельзя ли искать причины явленія въ извѣстномъ обстоятельствѣ. И вотъ онъ устанавливаетъ экспериментъ, съ цѣлію доказать или опровергнуть свое предположеніе; во время опыта у него являются новыя мысли и новыя гипотезы: онъ также повѣряетъ ихъ и т. д. Разумная экспериментація есть непрерывное образованіе гипотезъ. Равнымъ образомъ, и при наблюденіи, мыслящій наблюдатель не обходится безъ нихъ. Его поразилъ фактъ, или онъ натолкнулся на явленіе, въ какомъ бы то ни было отношеніи примѣчательное;

онъ необходимо иредполагаетъ при этомъ вѣроятныя причины его. И пока опытъ, болѣе широкія наблюденія не дадутъ возможности образовать вѣрныя заключенія, гипотеза служитъ показателемъ состоянія знаній объ извѣстномъ вопросѣ или предметѣ. Она схватываетъ физіономію факта, представлявшагося наблюдателю, и въ этомъ смыслѣ имѣетъ значеніе перваго шага въ индуктивномъ изслѣдованіи.

3) Когда причины, произведшія или производящія факты, не доступны опыту, а между тѣмъ дѣйствія или слѣдствія ихъ могутъ быть изучаемы. Таковы геологическія явленія. Изслѣдователь видитъ результаты давно прощедшихъ процессовъ; напр. онъ наблюдаетъ громадныя отложенія пластовъ каменнаго угля, соли, базальтовыя скалы и т. п. Теперь невозможно уже воспроизвести въ опытѣ тѣ силы, которыя производили горы, но мы можемъ предположительно заключать къ причинамъ, ихъ вызвавшимъ: напр. ученіе геологіи о ледяномъ періодѣ, есть гипотеза, основанная на заключеніи отъ нѣкоторыхъ фактовъ къ ихъ вѣроятнымъ причинамъ. Также поступаетъ историкъ, на основаніи легендарной исторіи, дѣлающій заключенія къ вѣроятнымъ событіямъ, составляющимъ предметъ ея. Таковы же нѣкоторыя астрономическія предположенія относительно вѣроятныхъ событій на планетахъ: напр. заключеніе о вѣроятной атмосферѣ, смѣнѣ временъ года на Марсѣ. Основаніемъ въ этомъ случаѣ служатъ замѣчаемыя въ телескопъ явленія, отъ которыхъ затѣмъ астрономъ заключаетъ къ вѣроятнымъ ихъ причинамъ.

Условія правильности гипотезъ. При какихъ условіяхъ гипотеза бываетъ правильна?

Во первыхъ, всякое научное предположеніе должно соотвѣтствовать фактамъ и во всякомъ случаѣ имъ не противорѣчить. Здѣсь мы высказываемъ два требованія: положительное и отрицательное. Непротиворѣчіе фактамъ есть condicio sine qua non употребленія всякой гипотезы. Дѣлаетъ ли филологъ предположенія или догадки относительно происхожденія словъ, его предположеніе не должно противорѣчить даннымъ языка. Дѣлаетъ ли историкъ предположеніе относительно вѣроятнаго состава лѣтописи, или вѣроятнаго автора ея, вѣроятной связи обстоятельствъ, онъ не долженъ имѣть ни одного факта противъ себя. Равно, всякій естествовѣдъ долженъ непремѣнно при своихъ предположеніяхъ постоянно примѣчать, нѣтъ ли какихъ фактовъ, говорящихъ противъ его гипотезы. Поэтому, лишь только при дальнѣй-

шемъ наблюденіи окажутся факты противорѣчущіе ей, она должна быть оставлена или переработана Такъ, новые факты въ области свѣтовыхъ явленій заставили ученыхъ оставить гипотезу Ньютона о свѣтѣ, какъ невѣсомомъ началѣ, истекающемъ изъ солнца. Такъ, съ каждымъ новымъ наблюденіемъ измѣнялись взгляды врачей на болѣзни, т. е. ихъ предположенія о нихъ. Съ другой стороны, высказанное условіе заключаетъ въ себѣ то положительное руководящее правило, что всякая гипотеза должна основываться на фактахъ. Въ практической жизни часто мы дѣлаемъ предположенія, ни на чемъ не основанныя. Но что же бываетъ слѣдствіемъ этого? Или мы обманываемъ себя и часто другихъ, или дѣлаемъ промахи и ошибки, которыя искупаются потомъ дорогою иногда цѣною. Въ рѣдкихъ случаяхъ, правда, нѣкоторыя сдѣланныя безъ основаній предположенія и оправдываются Но наука не имѣетъ права рисковать предположеніями въ надеждѣ, что которое-либо изъ нихъ оправдается. Тогда могло бы случиться, что ненужнаго и безполезнаго балласта было бы въ наукѣ болѣе, чѣмъ точныхъ изслѣдованій. Соображая, что гдѣ гипотеза не нужна, тамъ она положительно вредна, мы нанесли бы безосновательными гипотезами величайшій вредъ наукѣ. Посему, предполагая что-либо въ наукѣ, мы должны въ семъ случаѣ основываться на какихъ-либо фактахъ. Историки предполагаютъ напр., что орѳическая космогонія, записанная Симплиціемъ, сохраняетъ въ себѣ дѣйствительно древнія черты. Но они думаютъ такъ на томъ основаніи, что она имѣетъ много общихъ чертъ съ несомнѣнно древнею космогоніей Гезіода. Гипотеза должна идти въ уровень съ фактами и видоизмѣняться сообразно съ новыми открытіями. Нужно помнить, что она допускается въ наукѣ только для объясненія явленія: если же она стоитъ въ какомъ бы то ни было противорѣчіи съ нимъ, то теряетъ всякій смыслъ существованія.

Второе условіе, которому должно удовлетворять научное предположеніе, заключается въ простотѣ. Простота гипотезы есть существенное достоинство ея. Но оно, собственно говоря, желательно, а не есть condicio sine qua non. Изъ двухъ предположеній, одинаково удовлетворяющихъ фактамъ, наиболѣе простое должно быть предпочитаемо: простое объясненіе факта имѣетъ характеръ безыскусственности; зачѣмъ прибѣгать къ сложной махинаціи, когда дѣло объясняется гораздо проще? Это условіе важно даже для гипотезъ въ практической жизни. Объяснять таинственными и сложными цѣлями дѣйствія людей, предполагать

искусно веденныя интриги, нѣтъ нужды тамъ, гдѣ дѣйствія можно объяснять ближайшими практическими цѣлями. Къ чему обмѣнъ веществъ въ организмѣ объяснять предположеніемъ вмѣшательства особой жизненной силы, какъ это дѣлалось нѣсколько десятилѣтій назадъ, когда онъ можетъ быть удовлетворительно объясняемъ изъ предположенія дѣйствія обыкновенныхъ физическихъ и химическихъ законовъ. Но можетъ случиться, что гипотеза потому и проста, что обходитъ какую либо важную сторону дѣла. Это необходимо имѣть въ виду при объясненіи фактовъ историческихъ и психологическихъ. Матеріалисты, напримѣръ, утверждаютъ, что единственная причина душевныхъ явленій заключается въ мозгѣ: они говорятъ, что это предположеніе гораздо проще, чѣмъ предположеніе какого-то особаго существа—души, которой передаются впечатлѣнія со стороны организма. Простота безспорно на сторонѣ матеріалистовъ, но къ сожалѣнію, она въ этомъ вопросѣ обходится очень дорого Эта гипотеза неудовлетворительно объясняетъ многія душевныя состоянія и съ другой стороны, она трудно согласима съ необходимыми нравственными и эстетическими предположеніями человѣка. Таково же достоинство и таковъ же недостатокъ основного предположенія извѣстнаго историка Бокля. Онъ утверждаетъ, что нравственный, религіозный и политическій бытъ народа долженъ быть выясняемъ изъ вліянія природы на человѣка. Гипотеза совершенно простая: мы понимаемъ въ ней наглядно, изъ какихъ нехитрыхъ источниковъ возникаетъ народная жизнь съ ея многочисленными проявленіями. Но она не можетъ быть вполнѣ усвоена исторіей: она обходитъ нравственныя и психологическія особенности народа, случайности политическихъ событій, положеніе его среди другихъ народовъ и т. д. Посему, имѣя дѣло съ объясненіемъ сложнаго факта, простой гипотезѣ должно предпочитать болѣе сложную, лишь бы она удовлетворительнѣй объясняла дѣло. Чего было нагляднѣе предположенія, что свѣтъ, какъ жидкость, истекаетъ изъ солнца, притекаетъ къ землѣ, обливаетъ собою всѣ матеріальныя вещи и что такимъ же образомъ теплота изливается отъ солнца. Гипотеза эта несомнѣнно проста; между тѣмъ въ настоящее время принято болѣе сложное предположеніе дрожанія: послѣднее предполагаетъ, что существуетъ свѣтовой эѳиръ, что онъ разлитъ всюду по вселенной и что теплота есть только видъ дрожанія его. Она болѣе сложна, чѣмъ первая, однако, наука предпочла ее, потому что она лучше объясняетъ намъ многіе факты. Въ другихъ случаяхъ

наука охотно замѣняетъ сложныя предположенія простыми: напр. долго объясняли движеніе земли и планетъ гипотезами циклическихъ и эпициклическихъ движеній сферъ: но система Птоломея пала съ появленіемъ болѣе простой Ньютоновской теоріи тяготѣнія.

Образованіе гипотезъ. Какъ образуются гипотезы? Мы не говоримъ о необыкновенныхъ порывахъ геніальной мысли, для которыхъ невозможно излагать правила. Генін силою своего ума прямо приходятъ къ такимъ предположеніямъ, которыя не даются методически людямъ обыкновеннымъ, хотя и трудолюбивымъ; Ньютона, напримѣръ, падающее яблоко могло навести на геніальную мысль. Но логика можетъ указать, такъ сказать, обыденный пріемъ при образованіи гипотезъ.

Прежде всего нужно отдать себѣ отчетъ во всѣхъ возможныхъ причинахъ, могущихъ объяснять происхожденіе явленія. Это абстрактная работа надъ гипотезою. Такъ, Кеплеръ, открывшій эллиптическое движеніе земли вокругъ солнца, прежде всего размышлялъ о томъ, какого рода движенія ея *возможны.* Онъ предположилъ 16 родовъ движенія: это и было теоретическимъ шагомъ къ гипотезѣ обращенія земли вокругъ солнца по эллипсису. Приступая къ вопросу, на какой языкъ первоначально были переведены Кирилломъ и Меѳодіемъ Св. книги, мы должны прежде всего взять во вниманіе, на какой языкъ они могли перевести. Съ такого же абстрактнаго предположенія возможностей начинаетъ и врачъ, призванный къ больному и опредѣляющій его дѣйствительную болѣзнь. Онъ разспрашиваетъ о предшествовавшей жизни паціента съ тѣмъ, чтобъ между предшествовавшими фактами отыскать возможныя причины болѣзни.

Когда эта теоретическая работа кончена, когда разсмотрѣны возможныя рѣшенія извѣстнаго вопроса, тогда необходимо выбрать изъ сдѣланныхъ предположеній наиболѣе соотвѣтствующее факту. Изъ 16-ти родовъ движеній, перебранныхъ Кеплеромъ, онъ нашелъ, что движеніе по эллипсису наиболѣе удовлетворительно объясняетъ явленія. Филологи теперь остановились на древне-Болгарскомъ нарѣчіи, какъ языкѣ, на который переводили книги Кириллъ и Меѳодій, такъ какъ изъ всѣхъ другихъ предположеній это наиболѣе вѣроятно. Физика и Астрономія, при объясненіи метеоровъ и падающихъ звѣздъ, остановились на предположеніи малыхъ тѣлъ, которыя вращаются, какъ и планеты, вокругъ солнца и случайно попадаютъ въ сферу притяженія зем-

ли, вслѣдствіе чего они и падаютъ на нее. Это предположеніе самое вѣроятное изъ всѣхъ, когда либо дѣлавшихся со временъ Гераклита. Въ древнія времена предполагали, что это суть испаренія земли, которыя, поднявшись вверхъ, тамъ сгущаются и оттуда падаютъ; объясняли, далѣе, существованіемъ на лунѣ огромныхъ волкановъ, извергающихъ лаву съ такою силою, что часть ея попадаетъ на землю; предполагали также, что метеоры суть обломки планетъ, подвергшихся какимъ либо катастрофамъ, остатки которыхъ вращаются по прежнему пути. Но благодаря изслѣдованіямъ Араго, остановились на вышесказанномъ предположеніи, какъ наиболѣе удовлетворительно объясняющемъ явленія.

Фикціи. Въ заключеніе своей рѣчи о гипотезахъ скажемъ нѣсколько словъ о завѣдомо ложныхъ предположеніяхъ, или фикціяхъ, употребляемыхъ въ наукѣ. Слово фикція (fingo-fictio) значитъ вымыселъ, предположеніе, нарочно для чего либо придуманное. Въ наукахъ существуетъ весьма много такихъ предположеній. Смыслъ существованія ихъ заключается въ пользѣ, приносимой ими для объясненія явленій. Наука никогда не считаетъ ихъ за послѣднее свое слово, но при извѣстномъ состояніи знаній, она видитъ въ нихъ неизбѣжныя средства для теоретическаго разъясненія фактовъ. Въ математикѣ нуль — 0 разсматривается, какъ безконечно большая и безконечно малая величина. Съ логической точки зрѣнія въ этомъ понятіи два противорѣчія: вопервыхъ, объ одномъ и томъ же предметѣ высказываются два противоположныхъ сужденія: одинъ и тотъ же предметъ разсматривается какъ безконечно малая величина; вовторыхъ, такія величины приравниваются 0, который есть отрицаніе всякой величины. Слѣдовательно, указанное понятіе есть фикція, и на понятіи безконечно малыхъ и безконечно большихъ величинъ основана цѣлая наука дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія. Таковы, далѣе предположенія отрицательныхъ величинъ, кривыхъ линій, какъ безконечно малыхъ прямыхъ линій, соединенныхъ подъ безконечно малыми углами, круга, какъ многоугольника, имѣющаго безконечно малыя стороны. Въ каждомъ изъ этихъ преположеній мы найдемъ противорѣчивые элементы, contradictio in adjecto. Это суть фикціи, допускаемыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ математикою для удобствъ анализа. Но и другія науки также допускаютъ фиктивныя предположенія. Такъ, мы уже говорили о метафизическихъ затрудненіяхъ понятія actio in distans, но тѣмъ не менѣе оно допускается для объясненія взаимнаго тяготѣнія небесныхъ тѣлъ. Практиче-

ская польза и сообразность съ опытомъ такъ очевидны въ этомъ понятіи, что онѣ перевѣсили теоретическія затрудненія, и понятіе получило въ наукѣ право гражданства. Таковы же понятія силы и атома въ физикѣ. О силахъ природы физики говорятъ, какъ о чемъ то существующемъ само по себѣ: напримѣръ, говорятъ о силѣ тяжести. теплоты, движенія и т. д. Но предполагать, что сила есть предметъ, самъ по себѣ, значитъ допускать фикцію. Сила обнаруживается въ чьей либо дѣятельности, слѣдовательно, она есть качество, свойство, принадлежность; говорить о ней, какъ о чемъ то существующемъ и дѣйствующемъ самостоятельно, значитъ говорить, напримѣръ, о желтомъ цвѣтѣ, какъ особой сущности, разливающейся по тѣламъ. Въ понятіи атома мы наталкиваемся также на очевидныя логическія противорѣчія. Атомъ означаетъ такія малыя частицы, которыя уже не допускаютъ дальнѣйшаго дѣленія на части. Слѣдовательно, онъ есть нѣчто цѣлое, неимѣющее частей, что̀ немыслимо: ибо если это справедливо, то значитъ. въ немъ всякая произвольно взятая часть должна равняться цѣлому и наоборотъ, цѣлое должно равняться всякой своей части Тогда мы прійдемъ къ отрицанію основной математической аксіомы и сдѣлаемъ невозможнымъ ни математическое ни реальное мышленіе. Но здравый смыслъ физиковъ не поднимаетъ этихъ вопросовъ. Находя. что эти понятія необыкновенно практичны при научныхъ объясненіяхъ явленій, физика постоянно употребляетъ ихъ въ дѣло. Такъ и должно всегда поступать: нужно только помнить, что мы имѣемъ дѣло съ фикціями, а не съ окончательно исчерпывающими свой предметъ понятіями. Это, къ сожалѣнію, часто забывается и понятіе имѣющее смыслъ, только какъ средство къ познанію, какъ приготовительная ступень его, считается иногда за окончательное выраженіе истины.

Приблизительныя обобщенія.

Приблизительныя обобщенія, какъ показываетъ самое названіе, суть заключенія изъ фактовъ, не выдаваемыя нами за вполнѣ достовѣрныя, но только приближающіяся къ истинѣ. Иногда мы не имѣемъ никакихъ средствъ прямо и точно обозначать причину и связь явленій и должны поэтому довольствоваться заключеніями достовѣрными.

Виды приблизительныхъ обобщеній. Приблизительныя обобщенія бываютъ двухъ родовъ:

1) Иногда мы имѣемъ въ виду обозначить только какую либо выдающуюся между прочими сторону извѣстнаго явленія и обобщаемъ ее, отказываясь такимъ образомъ брать фактъ во всей его цѣлостности. Подобныхъ случаевъ много нетолько въ наукѣ, но и въ жизни. Часто мы не желаемъ изучать человѣка подробно со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ и въ отзывахъ о немъ поднимать вопросъ о всѣхъ качествахъ и свойствахъ, но беремъ какую-либо особенно выдающуюся сторону его и ее обобщаемъ. Мы говоримъ о людяхъ, что такой-то трусъ, другой нѣжный отецъ, третій энергиченъ, четвертый имѣетъ мягкое сердце. Наши летучіе отзывы о людяхъ и вещахъ большею частію такого характера. Одна личность поразила насъ своею необыкновенною нѣжностію къ своимъ дѣтямъ, другая своею трусостію предъ воображаемыми опасностями и т. д.: мы дѣлаемъ эту черту общею, т. е. ожидаемъ, что во всѣхъ будущихъ случаяхъ люди эти будутъ обнаруживать обобщенныя нами черты. Подобнымъ же образомъ составляются ходячія мнѣнія общества о профессіяхъ, о положеніяхъ и т. д., напримѣръ, общество привыкло считать ученыхъ теоретиками, неспособными къ практической дѣятельности; оно взяло только выдающуюся въ нихъ черту: преобладаніе отвлеченнаго ума надъ практическимъ здравымъ смысломъ и обобщило ее. Экклезіастъ говоритъ о коварствѣ женщинъ; мущинъ считаютъ жесткими и грубыми по уму и чувству: эти мнѣнія суть также приблизительныя обобщенія. Такимъ же путемъ сложились въ народномъ умѣ многія пословицы. Говорятъ: тише ѣдешь дальше будешь: нельзя сказать, чтобъ меньшее развитіе энергіи всегда лучше обезпечивало достиженіе цѣли; но пословица хочетъ обозначить, что неторопливость, неопрометчивость, постоянный трудъ, скорѣе ведутъ къ цѣли, чѣмъ порывистое развитіе энергіи. Въ наукѣ приблизительныя обобщенія имѣютъ приложеніе, когда изслѣдуется новый фактъ, и когда полныхъ обобщеній относительно его, по недостатку наблюденія, составить невозможно. Такъ, когда въ первый разъ появилась болѣзнь возвратнаго тифа, то врачи, естественно, могли дѣлать заключеніе только о наиболѣе выдающихся особенностяхъ ея: такова между прочимъ ея повтореніе, отчего тифъ и получилъ названіе возвратнаго. Приблизительными же обобщеніями довольствовались врачи и относительно холеры, когда она была явленіемъ новымъ и мало извѣстнымъ. Съ практической точки зрѣнія разбираемый пріемъ имѣетъ важное значеніе. Весьма часто намъ нѣтъ нужды останавливаться на всѣхъ сторонахъ явленія, факта.

Мы беремъ его съ той стороны, съ которою преимущественно имѣемъ дѣло, и по поводу ея составляемъ приблизительное обобщеніе.

2) Разсматриваемый пріемъ употребляется, когда мы имѣемъ дѣло съ изученіемъ будущаго. Мы, конечно, не говоримъ здѣсь о какомъ-либо сверхъестественномъ прозрѣніи будущаго, ни о той геніальной прозорливости государственнаго человѣка, вѣрно предугадывающаго событія, которая есть результатъ необыкновеннаго чутья. Мы имѣемъ въ виду такое изученіе будущихъ событій, которое основывается на знаніи прошедшаго, на непоколебимой увѣренности въ постоянствѣ природы, неизмѣнности хода въ ней событій. Изученіе природы основывается на убѣжденіи, что она постоянна и единообразна въ своихъ явленіяхъ. Если предположить, что она хотя на минуту можетъ отклоняться отъ своихъ законовъ, то изученіе связи фактовъ въ ней превратится въ пустую забаву. Но это же убѣжденіе въ единообразіи природы даетъ намъ основаніе предполагать, что и въ будущемъ она будетъ вести себя точно также, какъ она вела себя въ прошедшемъ и какъ ведетъ себя въ настоящемъ. Событіе, которое произошло при извѣстныхъ данныхъ, должно повториться и въ будущемъ, если эти данныя вновь повторятся. Но заключенія къ будущему никогда не могутъ быть несомнѣнно вѣрны: такъ какъ всякое явленіе развивается среди противодѣйствующихъ причинъ и условій, то никогда нельзя поручиться, что явленіе непремѣнно будетъ. Поэтому наши заключенія къ будущему только приблизительно вѣрны или только вѣроятны.

Опредѣленіе вѣроятности какого-либо событія совершается двумя способами. 1) Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы имѣемъ возможность проникнуть въ связь причинъ, производящихъ извѣстныя событія, мы должны опредѣлить точное количество случаевъ, какъ положительныхъ, такъ и отрицательныхъ. Отношеніе благопріятныхъ случаевъ къ неблагопріятнымъ можетъ указать степень вѣроятности, съ какою можно ожидать извѣстнаго событія. Предъ нами, положимъ, ящикъ съ бѣлыми и черными шарами. Вѣроятность вынуть бѣлый шаръ точно опредѣляется численностію бѣлыхъ сравнительно съ черными. Отношеніе ихъ, выраженное въ цифрахъ, будетъ выражать вѣроятность, съ какою можно надѣяться вынуть черный или бѣлый шаръ изъ ящика. Если черныхъ шаровъ будетъ втрое болѣе, чѣмъ бѣлыхъ, то вѣроятность, что мы достанемъ бѣлый шаръ, будетъ выражаться $^1/_4$, т. е. изъ четырехъ слу-

чаевъ мы имѣемъ право разсчитывать на одинъ благопріятный; наоборотъ, вѣроятность съ какою достанется черный шаръ, будетъ выражаться $^3/_4$, т. е. изъ четырехъ случаевъ можно разсчитывать на три благопріятныхъ. Этимъ же пріемомъ мы опредѣляемъ вѣроятность, съ какою можно ожидать отъ извѣстнаго учебнаго заведенія, что оно сдѣлаетъ изъ ввѣряемаго ему питомца образованнаго и благовоспитаннаго человѣка. Въ своемъ обобщеніи мы основываемся на томъ, сколько обыкновенно давало оно въ выпускаемыхъ имъ курсахъ истинно благовоспитанныхъ людей и сколько питомцевъ, не удовлетворявшихъ своей цѣли. Также точно опредѣляемъ вѣроятности выбора, выигрыша въ лоттереи, степень опасности отъ болѣзни, на основаніи процентнаго отношенія между выздоравливающими и умирающими

2) Въ другихъ случаяхъ, когда событія основываются на строѣ жизни, на цѣломъ складѣ жизненныхъ условій, нѣтъ нужды и возможности опредѣлять отношеніе благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случаевъ, но требуется опредѣлить maximum и minimum повторенія разбираемаго случая. Средняя между ними величина укажетъ среднюю вѣроятность. Напр. статистика опредѣляетъ степень вѣроятности смерти для человѣка извѣстнаго возраста въ извѣстной мѣстности. Очевидно, что разные возрасты не въ одинаковой мѣрѣ подвержены смертности и что въ разныхъ мѣстностяхъ вліянія общественныя и климатическія не въ одинаковой мѣрѣ благопріятствуютъ или препятствуютъ смертности. Искомое можетъ быть найдено эмпирически. Вычисляется количество лицъ, достигшихъ извѣстнаго возраста въ данной мѣстности, затѣмъ берется количество умершихъ этого возраста въ разные годы — наибольшее и наименьшее, и вычисляется затѣмъ средняя величина между maximum и minimum; процентное отношеніе полученной средней къ общему числу лицъ извѣстнаго возраста и даетъ средній процентъ, какъ показатель вѣроятности, съ какою можно ожидать смерти каждаго лица изслѣдуемаго возраста въ извѣстной мѣстности.

Это исчисленіе среднихъ величинъ имѣетъ свой смыслъ въ наукѣ и жизни. Въ жизни иногда весьма важно основывать свои ожиданія на какихъ-либо приблизительно научныхъ основаніяхъ: для государственнаго человѣка, напримѣръ, разсчитывающаго будущіе расходы, весьма важно знать результатъ, къ которому стремятся производительныя силы страны; бюджетъ на будущій годъ не имѣлъ бы смысла, если бы не было приблизительныхъ стати-

стическихъ обобщеній относительно производительности и податной силы страны; для страховыхъ обществъ важно знать, на какое число смертныхъ случаевъ можно разсчитывать въ будущемъ; для правосудія важно знать, на какое число жителей приходится преступленіе, какое число изъ обвиняемыхъ окончательно признается виновными. Многія мѣры несомнѣнной важности основываются на обобщеніяхъ этого рода. Для изученія общественной жизни приблизительныя обобщенія тѣмъ важнѣе, что они открываютъ намъ порядокъ, законосообразность, правильность въ томъ мірѣ, который мы склонны по преимуществу считать подлежащимъ игрѣ случая и произвола.

Для науки приблизительныя обобщенія важны въ томъ отношеніи, что они подчиняютъ царство случая изученію и расширяютъ такимъ образомъ кругъ человѣческаго вѣдѣнія. Но при этомъ нужно помнить, что приблизительныя обобщенія суть только первые и неувѣренные шаги къ точному знанію. На нихъ останавливаться наука не можетъ: она должна пытаться замѣнить ихъ когда-нибудь точными и обстоятельными разъясненіями.

Аналогіи.

Аналогія простая, распространенная. Пріемъ аналогіи есть также вспомогательный индуктивный пріемъ. Аналогія (ἀνάλογος подобный) собственно значитъ пріемъ уподобленія. Сущность этого пр ема заключается въ уподобленіи одного предмета другому. Наблюдатель замѣчаетъ, что предметъ А во многихъ своихъ сторонахъ сходенъ съ предметомъ В; онъ ожидаетъ, что и въ другихъ сторонахъ, остающихся еще неизвѣстными ему, оба эти предмета окажутся сходными. Отъ человѣка, похожаго по уму, убѣжденіямъ на другого, мы ожидаемъ, что онъ держится такихъ же нравственныхъ правилъ, какъ и этотъ другой.

Значеніе этого пріема обнаруживается при группировкѣ предметовъ по родамъ и видамъ. Мы подбираемъ предметы сходные въ нѣкоторыхъ сторонахъ, въ нѣсколькихъ признакахъ, и предполагая, что это сходство простирается не на нѣкоторыя только черты, подводимъ ихъ подъ одинъ видъ или родъ. Этимъ пріемомъ руководствуется ботаникъ или зоологъ при подведеніи новооткрытаго животнаго или растенія подъ существующія уже группы. Онъ отожествляетъ ихъ съ существующими видами какого-нибудь

рода и помѣщаетъ ихъ въ послѣдній. Замѣтимъ однакожъ, что этотъ пріемъ даетъ намъ только вѣроятныя, приблизительно вѣрныя заключенія, но отнюдь не несомнѣнныя. Изъ того, что предметъ сходенъ съ другимъ въ нѣсколькихъ подробностяхъ, отнюдь не слѣдуетъ достовѣрно, что они подобны въ остальныхъ своихъ качествахъ. Встрѣчаясь съ умнымъ человѣкомъ, мы, по аналогіи другимъ извѣстнымъ примѣрамъ, ожидаемъ встрѣтить въ немъ твердый характеръ, но часто у людей даровитыхъ именно этого качества и не встрѣчаемъ. Какъ часто мы ошибаемся, когда, зная, что взглядъ, извѣстное соединеніе чертъ лица встрѣчались намъ въ людяхъ несомнѣнно мягкихъ и добрыхъ, мы ожидаемъ встрѣтить за подобною внѣшнею оболочкою такія же нравственныя качества и встрѣчаемъ совсѣмъ противное нашимъ ожиданіямъ.

Пріемъ аналогіи не заслуживалъ бы чести быть помѣщеннымъ въ рядъ индуктивныхъ вспомогательныхъ пріемовъ, если бы онъ не допускалъ никакого развитія и на способенъ былъ къ расширенію круга своего приложенія. Заключать отъ сходства предметовъ въ нѣсколькихъ чертахъ къ сходству въ остальныхъ дѣло всегда рискованное. Но этотъ пріемъ можетъ имѣть приложеніе при изученіи и объясненіи связи причинъ и дѣйствій. Именно:

1) Отъ сходныхъ явленій мы заключаемъ къ сходству причинъ. Извѣстно, что Ньютонъ такимъ образомъ былъ наведенъ на мысль о всеобщемъ тяготѣніи. Эта мысль возникла у него, какъ говорятъ, вслѣдствіе паденія яблока. Если яблоко падаетъ на землю, а не куда-либо вверхъ, то должна же быть причина, заставляющая его стремиться къ землѣ; эта причина — въ земномъ притяженіи. Если луна постоянно вращается вокругъ земли, то, заключая по аналогіи, причина должна заключаться въ притяженіи ея землею. Аналогія распространяется на обращеніе земли вокругъ солнца, планетъ и т. д., и вотъ является мысль о всеобщемъ тяготѣніи небесныхъ тѣлъ, управляющемъ ихъ движеніемъ и взаимными отношеніями. По такому же пріему мы отожествляемъ электрическія явленія, развивающіяся на кондукторѣ электрической машины, съ явленіями воздушнаго электричества. Конечно, молнія и громъ не могутъ быть воспроизведены съ такою же силою въ физическомъ кабинетѣ, съ какою они развиваются въ природѣ; тѣмъ не менѣе мы заключаемъ, что такъ какъ они въ явленіяхъ своихъ сходны, то и причина въ обоихъ случаяхъ одинакова, т. е. заключается въ электричествѣ. Они сходны въ томъ,

что и электрическая искра кондуктора и молнія свѣтятся, имѣютъ одинаковый цвѣтъ свѣта, легко проводятся металломъ, быстро двигаются и т. д., слѣдовательно, они развиваются одною и тою причиною. Прекрасный примѣръ того, какъ естествоиспытатель можетъ точно заключать по аналогіи, представляютъ заключенія на основаніи спектральнаго анализа. Различныя тѣла въ раскаленномъ состояніи даютъ въ спектрѣ различныя темныя линіи. Физика уже точно опредѣлила въ настоящее время, какой спектръ съ какими линіями происходитъ отъ того или другого химическаго тѣла. Спектральный анализъ былъ приложенъ къ свѣту солнца и отдаленныхъ звѣздъ и по даваемымъ ими темнымъ линіямъ дѣлаются теперь заключенія къ тѣламъ, находящимся въ раскаленномъ состояніи на солнцѣ и звѣздахъ. По аналогіи явленій, умъ естествоиспытателя заключаетъ къ подобнымъ причинамъ и такъ какъ здѣсь замѣчается тожество явленій, то тѣмъ вѣрнѣе становятся заключенія къ тожественности причинъ, производящихъ ихъ. Въ практической жизни по дѣйствіямъ людей мы судимъ объ ихъ характерѣ. Коротко узнавши, напримѣръ, одного человѣка, мы заключаемъ, что другой, когда дѣйствуетъ подобно первому, имѣетъ такой же характеръ, такой же умъ, чувства и т. п.

2) Отъ сходныхъ причинъ заключаемъ къ сходнымъ слѣдствіямъ. Напримѣръ, мы искусственно воспроизводимъ совокупность извѣстныхъ намъ причинъ и ожидаемъ отъ нихъ тѣхъ же слѣдствій, какія получались прежде. На такихъ заключеніяхъ основывается воспитатель при составленіи плана образованія и воспитанія. Опытъ доказалъ, что обученіе извѣстнымъ предметамъ, напр. классическимъ языкамъ, всего лучше способствуетъ развитію умственныхъ силъ и умственной зрѣлости, что извѣстная выдержка способствуетъ развитію сильнаго и опредѣленнаго характера; и вотъ мы намѣренно обставляемъ ребенка извѣстными образовательными и дисциплинарными средствами, чтобъ достигнуть благотворныхъ результатовъ. Чрезъ аналогію мы понимаемъ многія историческія и политическія явленія, уподобляя ихъ современнымъ. Мы понимаемъ, какое вліяніе имѣло на общественные нравы древняго міра учрежденіе рабства. По аналогіи тому, чѣмъ сопровождалось рабство на нашихъ глазахъ, мы можемъ въ этомъ случаѣ отъ сходства причинъ заключать къ сходнымъ слѣдствіямъ. И тамъ оно деморализировало высшіе классы, владѣвшіе рабами, уничтожало возможность истинной внутренней свободы, экономическая жизнь Греціи и Рима страдала отъ наплыва рабовъ, отъ дешеваго и обя-

зательнаго труда, который располагалъ высшіе классы только къ бездѣйственности и апатіи. Хотя бы древніе памятники и не говорили намъ объ этомъ, мы смѣло можемъ, однакожъ, предполагать подобныя же слѣдствія рабства въ древности, какія были и у насъ, на нашихъ глазахъ. На этомъ же самомъ соображеніи основывается государственный человѣкъ, подавши голосъ свой за какія-либо новыя установленія, законы и т. п. Законодатель, освобождая крестьянъ, предполагалъ, что мѣра эта будетъ сопровождаться тѣми же благотворными послѣдствіями, какими она сопровождалась вездѣ въ Германіи, или Франціи. Вообще при заключеніяхъ о будущемъ, мы часто руководствуемся аналогіей отъ сходныхъ причинъ къ сходнымъ слѣдствіямъ.

Нужно сказать, что аналогизированіе есть дѣло таланта и даровитости ума. Острые и проницательные умы легко открываютъ аналогію между явленіями, тогда какъ умы тупые и мало впечатлительные не поражаются очевидными сходствами явленій. Поэтому результатомъ употребленія аналогіи бываютъ и величайшія открытія (Ньютонъ, историкъ Гротъ, объяснившій внутренній бытъ Греціи по аналогіи явленіямъ современной общественной жизни) и вздорныя мнѣнія, какими богата литература новѣйшаго времени. Въ зоркомъ натуралистѣ, ищущемъ аналогій, есть, дѣйствительно, нѣчто поэтическое. И вотъ почему аналогія не можетъ никогда употребляться методически: она всегда останется дѣломъ личныхъ дарованій.

Ошибки въ индукціи. Въ заключеніе своихъ замѣтокъ объ индукціи мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя ошибки, допускаемыя при индуктивныхъ изслѣдованіяхъ. Говоримъ—нѣкоторыя, ибо невозможно перечислять всевозможныя заблужденія, могущія возникать въ человѣческомъ умѣ, даже поучающемся у опыта и наблюденія: напримѣръ, мы не станемъ касаться ошибокъ, происходящихъ отъ невнимательности къ дѣлу и поспѣшности, съ какою иногда ведутся научныя работы, тѣмъ болѣе, что и предотвращаются онѣ не указаніями логики, а дисциплиною ума, основанія которой заключаются въ пріобрѣтенной привычкѣ терпѣливо относиться къ дѣлу. Остановимся поэтому на главнѣйшихъ источникахъ заблужденія. Таковы: 1) ложные принципы, полагаемые въ основаніе при изслѣдованіи явленій и 2) неправильное примѣненіе индуктивныхъ пріемовъ.

1) Обильнымъ источникомъ ошибокъ служатъ ложные принципы, съ которыми люди часто приступаютъ къ объясненію явле-

ній. Они называются предразсудками, предубѣжденіями. Они вредны особенно потому, что утверждаются въ умахъ, какъ положенія, не требующія никакихъ доказательствъ, т. е. получаютъ въ глазахъ людей значеніе аксіомъ. Всѣ они имѣютъ одинъ общій характеръ: что̀ кажется субъективно невозможнымъ или необходимымъ, то признается таковымъ и объективно. Таково весьма древнее убѣжденіе, что всякое познаніе есть отраженіе предметовъ въ нашей душѣ, или другое, еще древнѣйшее, воззрѣніе, что подобное познается подобнымъ. Первый предразсудокъ повелъ къ предположенію души, пассивно относящейся къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ (tabula rasa), второй къ убѣжденію, что въ чувственныхъ органахъ находятся представители главнѣйшихъ вещественныхъ элементовъ. Таковъ же общераспространенный взглядъ, что природа всюду достигаетъ своихъ цѣлей самыми простыми средствами,—взглядъ Аристотеля, что движеніе должно непремѣнно происходить отъ прикосновенія движущаго тѣла, или даже теперь распространенный взглядъ, что причинная связь можетъ существовать только между вещами однородными. Послѣдній ошибочный принципъ иногда прилагается къ обсужденію вопроса о самостоятельномъ существованіи души. Матеріалисты спрашиваютъ, какимъ образомъ невещественная душа можетъ реально дѣйствовать на вещественное тѣло и обратно воспринимать отъ него впечатлѣнія. (Законъ причинности между тѣмъ утверждаетъ только что вслѣдъ за явленіемъ, будетъ ли оно психическое или реальное, всегда развивается другое явленіе). Особенно подобные предразсудки часты въ практическомъ мышленіи. Относительно нравственныхъ и общественныхъ вопросовъ легко устанавливаются въ умахъ ложныя положенія и они вредятъ правильному ихъ обсужденію. Таковы условныя понятія о приличіи, о пользѣ и вредѣ общественномъ, предразсудки сословій, различныхъ профессіональныхъ классовъ въ обществѣ. Въ искуственномъ свѣтѣ этихъ фальшивыхъ принциповъ разсматриваются общественные вопросы, отношенія, событія, дѣятели, правила поведенія, цѣли дѣятельности и т. д. Понятно, что выводы должны получаться въ этихъ случаяхъ также односторонніе.

2) Въ неправильномъ веденіи индукціи также можетъ заключаться источникъ ошибокъ. Когда мы небрежно собираемъ для индукціи матеріалъ, не слѣдимъ тщательно за правильнымъ употребленіемъ индуктивныхъ пріемовъ, когда, наконецъ, задаемся

при объясненіяхъ слишкомъ далекими цѣлями, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы идемъ къ ложнымъ выводамъ.

Прежде всего источникъ ошибокъ можетъ заключаться въ небрежномъ и поверхностномъ наблюденіи. Такъ какъ наблюденіе и опытъ суть главные источники, изъ которыхъ мы почерпаемъ матеріалъ для индуктивныхъ выводовъ, то очевидно, необходимо вести наблюденіе съ тщательностію, не опуская изъ виду ничего, въ какомъ бы то ни было отношеніи, важнаго. Но на практикѣ часто не обращаютъ вниманія иногда на важныя стороны наблюдаемаго предмета Этимъ объясняется, почему люди вѣрятъ примѣтамъ — дурнымъ днямъ, худымъ или благопріятнымъ предзнаменованіямъ. Они замѣчаютъ случайныя совпаденія, и вотъ въ ихъ умѣ образуется мысль, что самый опытъ доказываетъ связь между извѣстными случайно повторявшимися вмѣстѣ явленіями. Еще чаще случается, что поверхностные наблюдатели не отличаютъ дѣйствительно видѣннаго или слышаннаго отъ того, что составляетъ чисто субъективный ихъ выводъ. Этимъ объясняется фактъ, постоянно обнаруживающійся на судахъ, что свидѣтели, бывшіе въ одинаковыхъ условіяхъ при наблюденіи, разсказываютъ о событіи весьма неодинаково: имъ кажется, что они видѣли ту и другую подробность; можетъ быть, они чистосердечно убѣждены въ томъ, хотя они собственно не видѣли и не слышали того, что разсказываютъ сами, а только думали о томъ во время совершенія самаго событія. Особенно такія ошибки повторяются въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о тонкихъ оттѣнкахъ совершившагося явленія или событія. Такая поверхностность и небрежность въ наблюдателяхъ происходятъ отъ различныхъ причинъ. Не говоря уже о томъ, что даръ наблюдательности есть признакъ особой даровитости ума, которая не часто встрѣчается въ людяхъ, можно указать, какъ на причину небрежнаго наблюденія, привычку къ окружающимъ явленіямъ. Кругомъ человѣка совершается множество самыхъ сложныхъ, интересныхъ, даже непонятныхъ явленій. Но отъ частаго повторенія ихъ, онъ привыкаетъ къ нимъ: они кажутся обыкновенными, простыми фактами, въ которыхъ нечего наблюдать. Мы пользуемся горѣніемъ свѣчи для освѣщенія комнатъ и такъ какъ это явленіе повторяется каждодневно, то на него не обращаемъ вниманія. Мы думаемъ: стоитъ только зажечь свѣтильню, свѣча будетъ горѣть — это само собою понятно. Между тѣмъ для наблюдательнаго изслѣдователя этотъ фактъ весьма сложный: онъ находитъ въ немъ нѣсколько процессовъ химиче-

скихъ и физическихъ. Мы ежеминутно пользуемся произвольными движеніями и находимъ, что это самая простая вещь: понятно, что живой человѣкъ двигаетъ рукою или ногою; для физіолога же здѣсь весьма сложный предметъ наблюденія и притомъ весьма затруднительный для анализа. Ѣздящіе по желѣзнымъ дорогамъ, пользующіеся телеграфами, такъ, наконецъ, привыкаютъ къ этимъ открытіямъ, что имъ кажется весьма естественнымъ и простымъ обстоятельствомъ, что локомотивъ везетъ вагонъ, а телеграфная нить передаетъ знакъ отъ одной станціи къ другой. Эта свычка съ явленіями есть величайшій врагъ всякого прогресса: она есть главная причина тупости людей къ окружающимъ ихъ явленіямъ. Другая причина поверхностности наблюденія заключается въ невѣжествѣ наблюдателей. Мы уже говорили въ свое время, что для плодотворнаго и мѣткаго наблюденія необходимо знаніе дѣла. Когда человѣкъ смотритъ на явленія глазами науки, то съ помощію, улучшеннаго ею, своего умственнаго зрѣнія, онъ увидитъ въ явленіи болѣе, чѣмъ сколько увидѣлъ бы безъ помощи науки, и легко отдѣлитъ дѣйствительно наблюденное отъ того, что ему только показалось, подумалось во время наблюденія.

Далѣе, ошибки могутъ состоять въ неправильныхъ индуктивныхъ обобщеніяхъ. Всѣ ошибки этого рода состоятъ въ преждевременномъ выводѣ заключеній, безъ тщательнаго изслѣдованія фактовъ и провѣрки ихъ повторительными наблюденіями. Такъ, ошибочны мнѣнія, переносящія на предполагаемую причину качества объясняемаго дѣйствія: напримѣръ, нѣкоторые матеріалисты, объясняя душевныя явленія, какъ результатъ дѣятельности мозга, на возраженія, какимъ образомъ явленія совершенно особаго порядка и несоизмѣримыя съ физическими явленіями, могутъ быть объясняемы изъ матеріальныхъ основъ, отвѣчаютъ, что они не понимаютъ матеріи такъ грубо, какъ полагаютъ противники, но что приписываютъ ей нѣчто болѣе, чѣмъ простое протяженіе, вѣсъ и химическія свойства. Это значитъ переносить объясняемый фактъ на причину и допускать какъ бы индуктивный circulus in explicando. Иногда этотъ недостатокъ обнаруживается весьма грубо, на подобіе того, какъ у Мольера докторъ объясняетъ, что опіумъ потому наводитъ сонъ, что имѣетъ снотворную силу: таковы популярныя объясненія болѣзней, выдающихся физическихъ явленій и т. п. Подъ менѣе грубою формою онъ встрѣчается въ психологіи, гдѣ для объясненія фактовъ воспоминанія, памятованія, построенія новыхъ образовъ, говорятъ о силахъ

воспоминанія, памяти, воображенія, какъ объясняющихъ причинахъ: въ причинѣ предполагается здѣсь то самое, что дано въ явленіи. Во всѣхъ этихъ случаяхъ объясняютъ слишкомъ мало. Противоположный недостатокъ бываетъ тогда, когда объясняютъ слишкомъ много. Иногда не довольствуются обыкновенною причинностію, т. е. кажется мало, открытой чрезъ наблюденіе и индуктивные методы, причины, но усиливаются ставить вопросы еще глубже, открывать причины самыхъ причинъ Въ опытѣ данъ фактъ непосредственной связи душевныхъ явленій съ физическими, въ силу которой какъ органическія измѣненія въ тѣлѣ вызываютъ соотвѣтствующія состоянія въ душѣ такъ и душевныя явленія сопровождаются тѣлесными измѣненіями. Это значитъ, что между ними есть причинная связь. Но этого обобщенія кажется многимъ мало: иногда отыскиваютъ, какими именно узами связаны оба рода явленій, что такое заставляетъ одни явленія развиваться вслѣдъ за другими. Или: мы знаемъ изъ показаній внутренняго опыта, что душа есть дѣятель, обнаруживающій свое реальное существованіе въ дѣятельности ощущенія, чувствованія, стремленія, мышленія. Инымъ метафизикамъ мало этого: они стремятся разрѣшить вопросъ, что такое душа не въ дѣятельности своей, не въ обнаруженіи, а сама въ себѣ, независимо отъ этихъ своихъ проявленій. Такимъ путемъ создаются вопросы, а иногда отвѣты, ни мало не подвигающіе впередъ человѣческихъ знаній.

При этомъ мы должны указать еще на одинъ недостатокъ, тоже не рѣдко встрѣчающійся въ индуктивныхъ обобщеніяхъ. Онъ называется въ логикахъ: post hoc, ergo propter hoc, и состоитъ въ томъ, что поставляются явленія въ причинную связь потому только, что они по времени совпали одно съ другимъ. Такъ заключаютъ поверхностные публицисты, изыскивая причины великихъ національныхъ несчастій въ ближайшихъ поводахъ къ нимъ: напр. приписывавшіе бѣдствія Франціи въ войну 1870 г. правительству Наполеона III, или существованіе парижской коммуны вліянію революціонной литературы. Все это было само слѣдствіемъ первоначальныхъ недуговъ, которыми страдало и страдаетъ французское общество.

Фальшивыя аналогіи должны быть также отнесены къ этому разряду ошибокъ. Онѣ происходятъ большею частію отъ слишкомъ большой поспѣшности въ уподобленіяхъ. Такъ, часто отъ внѣшняго сходства въ манерахъ людей заключаютъ къ ихъ внутреннему сходству, или по сходнымъ чертамъ лица уподобляютъ

людей относительно ума, нравственныхъ наклонностей. Понятно, какія ошибки могутъ быть слѣдствіемъ такихъ аналогій. Еще чаще допускаются такія ошибки при аналогическихъ заключеніяхъ отъ сходныхъ причинъ къ сходнымъ слѣдствіямъ, и наоборотъ, отъ сходства явленій къ ихъ причинамъ. Онѣ встрѣчаются въ обсужденіяхъ потребностей и способовъ удовлетворенія народной жизни, при истолкованіи ея явленій и т. д. Напримѣръ, кто для удовлетворенія извѣстныхъ нуждъ думаетъ переносить прямо чужія установленія безъ примѣненія ихъ къ понятіямъ, привычкамъ народа, ими благодѣтельствуемаго, тотъ дѣлаетъ именно логическую фальшивую аналогію. Онъ думаетъ: подобныя нужды у другихъ народовъ удовлетворялись извѣстными учрежденіями; стоитъ, слѣдовательно, перенести ихъ къ себѣ и получатся тѣ же слѣдствія. Извѣстно, сколько политическихъ ошибокъ было слѣдствіемъ подобнаго заблужденія. Сюда же должны быть отнесены и тѣ доктринеры, которые сходныя явленія въ жизни народовъ объясняютъ всегда одинаковыми причинами. Наприм. западные публицисты видятъ въ нашей общинѣ чисто революціонное, соціалистическое учрежденіе и на этомъ основаніи считаютъ русскій народъ очагомъ революціи. Они заключаютъ отъ идеаловъ соціалистическихъ коммунъ, какіе бродятъ между рабочимъ населеніемъ Европы, къ нашему общенародному учрежденію. Такъ какъ въ дѣйствительности между тѣми и другимъ ничего общаго нѣтъ, то заключеніе невѣрно: наша община, по происхожденію и цѣлямъ своимъ, не имѣетъ ничего похожаго на распущенность мысли и нравовъ, которая создала во Франціи революціонный идеалъ.

ОТДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Дедукція.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отличіе декукціи отъ индукціи. Дедукція есть слово латинское (deduco, deductio) и значитъ собственно выведеніе. Какъ своеобразный процессъ мышленія, она противополагается индукціи. Въ свое время, когда намъ приходилось давать опредѣленіе послѣдней, мы останавливались на разъясненіи ихъ взаимныхъ отношеній. Выводъ, къ которому мы пришли тогда, былъ тотъ, что оба эти процесса глубоко различаются одинъ отъ другого, и даже взаимно противоположны: именно, мы нашли, что различія обоихъ процессовъ замѣчаются, во первыхъ, въ исходныхъ точкахъ ихъ отправленія, во вторыхъ, въ способахъ перехода отъ одной мысли къ другой и наконецъ въ третьихъ, въ конечныхъ цѣляхъ, къ которымъ они стремятся. Остановимся еще разъ на этихъ пунктахъ, не для того, чтобъ снова повторять сказанное, но чтобы дояснить себѣ то, что тогда осталось не выясненнымъ, такъ какъ мы обращали на дедукцію вниманіе, только по скольку нужно было это для разъясненія индукціи.

1) Въ индукціи исходными пунктами, отъ которыхъ отправляется мысль изслѣдователя, служатъ факты опыта и наблюденія. Чтобы открыть новый законъ природы, нужно наблюдать способы дѣйствій ея при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ; чтобы сдѣлать обобщеніе относительно взаимной связи и зависимости фактовъ, нужно опытно ихъ разслѣдовать. Такимъ образомъ индук-

ція начинаетъ съ наблюденія элементарныхъ явленій, чтобъ изъ нихъ добыть себѣ обобщенія. Дедукція, напротивъ, имѣетъ дѣло съ готовымъ матеріаломъ, извлеченнымъ уже изъ опыта и наблюденія. Она исходитъ отъ общихъ положеній и выводитъ изъ нихъ частности, непосредственно или посредственно изъ нихъ вытекающія. Если она исходитъ иногда и отъ частныхъ мыслей, возводя ихъ къ общимъ, то и эти частныя мысли суть обобщенія опыта и наблюденія надъ міромъ физическимъ и міромъ нравственнымъ. Въ области высшихъ положеній она опирается или на аксіомы, или на предположенія, какъ необходимыя требованія (postulata), возникающія изъ нравственныхъ и эстетическихъ потребностей человѣка. Самыя частныя положенія она стремится возводить къ общимъ и первыя настолько имѣютъ значеніе для нея, насколько могутъ быть выводимы изъ послѣднихъ.

2) Способъ перехода отъ одной мысли къ другой въ дедукціи есть логическій способъ заключенія отъ основанія къ слѣдствію и наоборотъ. Въ индукціи мы идемъ отъ факта къ факту, руководясь показаніями опыта: мы заключаемъ къ существованію причинной связи между явленіями, потому что посредствомъ, извѣстныхъ уже намъ, индуктивныхъ пріемовъ мы вывели изъ наблюденія, что связь между ними постоянна и неизмѣнна; значитъ, въ индукціи мы руководимся объективными показаніями. Въ дедукціи мы распространяемъ общіе выводы на частные случаи, — но въ ней мы стараемся установить отношенія между извѣстными изъ науки общими положеніями и новыми частностями, какъ между основаніями и слѣдствіями. Когда мы подводимъ частныя положенія подъ общія, мы дѣлаемъ тоже самое. Когда расчленяемъ и раздробляемъ что-либо на отдѣльныя части, и тутъ мы логически стараемся вывести понятія подробностей изъ понятія о цѣломъ. Поэтому въ области дедукціи мы можемъ указать, почему мы приходимъ къ такому, а не другому выводу, т. е. мы можемъ указать общія соображенія, изъ которыхъ онъ вытекаетъ. Въ индукціи же, какъ мы въ свое время видѣли, это невозможно.

Наконецъ и цѣль дедукціи отличается отъ цѣли индукціи. Послѣдняя совершенно достигаетъ своей цѣли, какъ скоро найдено обобщеніе, объясняющее намъ извѣстную группу фактовъ. Къ такимъ частнымъ выводамъ мы приходимъ посредствомъ методовъ согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ; къ такимъ же частнымъ обобщеніямъ мы непосредственно приходимъ и чрезъ гипотезы, приблизительныя обобщенія и ана-

логіи. Лишь только изслѣдователь обобщилъ наблюдаемый фактъ, задача индукціи кончена и начинается работа дедукціи. Она имѣетъ цѣлію свести всѣ частные выводы индуктивныхъ наукъ къ болѣе общимъ положеніямъ, объединить и связать разъединенные выводы. Въ области наукъ нравственныхъ, историческихъ филологическихъ, математическихъ, юридическихъ и философскихъ— вездѣ ея задача свести къ немногимъ принципамъ частныя мысли, составляющія содержаніе этихъ наукъ. Такимъ образомъ конечныя цѣли ея заключаются въ абстракціи и чѣмъ далѣе идетъ она на абстрактной почвѣ, тѣмъ она совершеннѣе, тѣмъ лучше достигаетъ своей цѣли. Когда цѣлыя области явленій сведутся къ какому-нибудь одному принципу, многіе законы природы будутъ выяснены изъ немногихъ, или даже одного закона природы, тогда цѣль дедукціи будетъ вполнѣ достигнута.

Понятіе о дедукціи. Если дедукція въ столь существенныхъ пунктахъ противоположна индукціи, то ея опредѣленіе можетъ быть найдено по противоположенію послѣдней. Индукцію мы опредѣлили, какъ совокупность пріемовъ, которыми мы доходимъ до общихъ положеній съ помощію наблюденія фактовъ. Дедукцію, слѣдовательно, мы должны опредѣлить, какъ совокупность пріемовъ, которыми доходимъ какъ до общихъ, такъ и до частныхъ положеній чрезъ силлогизмъ, т. е. безъ помощи наблюденія фактовъ. Остановимся на отдѣльныхъ элементахъ этого опредѣленія.

Мы сказали, что, вопервыхъ, подъ дедукціей разумѣется совокупность пріемовъ. Она означаетъ не одинъ только какой-либо логическій пріемъ. Какъ индукціей называются различные методы заключенія къ причинной связи явленій, различные вспомогательные пріемы, напр. гипотезы, приблизительныя обобщенія и аналогіи; такъ и дедукція есть только общее названіе для различныхъ мыслительныхъ дѣйствій. Въ нее входятъ различные пріемы развитія мыслей, доказательствъ, высшихъ обобщеній индуктивныхъ выводовъ, ихъ примѣненія и распространенія на большіе круги явленій. Въ своемъ родѣ дедукція есть столь же обширная область мыслительныхъ дѣйствій, какъ и индукція.

Затѣмъ мы сказали, что дедуктивными пріемами мы доходимъ какъ до общихъ, такъ и до частныхъ положеній. Тѣмъ, что дедукція достигаетъ общихъ положеній, она, повидимому, сходна съ индукціей, потому что и послѣдняя есть совокупность пріемовъ, которыми мы доходимъ до общихъ положеній. Но дѣло въ томъ, что первая доходитъ до нихъ путемъ силлогизма; какъ это мы

докажемъ ниже, тогда какъ послѣдняя идетъ къ нимъ путемъ наблюденія фактовъ. Слѣдовательно, дедуктивные выводы чисто рефлективнаго прохожденія. Но дедукція приходитъ не къ однимъ только общимъ положеніямъ, ея выводами могутъ быть и частныя положенія. Когда естествоиспытатель преслѣдуетъ примѣненіе законовъ природы во всѣхъ областяхъ явленій и старается объяснить ими частные факты, то онъ выводитъ изъ нихъ послѣдніе не иначе, какъ путемъ дедуктивнымъ. Когда при полемикѣ мы выводимъ изъ положенія всѣ нелѣпыя слѣдствія, изъ него вытекающія, и слѣдимъ за развитіемъ заключеній до послѣднихъ предѣловъ, то опять мы приходимъ къ частнымъ положеніямъ тѣмъ же способомъ. Напр. машинистъ обдумываетъ, какъ долженъ быть устроенъ паровикъ, чтобъ онъ противостоялъ громадному давленію паровъ: онъ соображаетъ общія данныя науки относительно крѣпости стѣнокъ котла извѣстной толщины и выводитъ частное положеніе относительно того, какъ въ данномъ случаѣ долженъ быть устроенъ паровой котелъ; затѣмъ онъ выводитъ, какой конструкціи, крѣпости, толщины должны быть остальныя части машины и т. д. Это чисто дедукція. Когда составитель проэкта доказываетъ общими соображеніями пользу и возможность его, то онъ также дедуктивнымъ путемъ приходитъ къ частному выводу о пользѣ и исполнимости своего проэкта. Индукція же ничего подобнаго не дѣлаетъ. Ея почва —факты опыта: отъ частныхъ замѣченныхъ явленій она доходитъ до обобщенія. Но когда отъ обобщенія умъ снова возвращается къ фактамъ опыта, то онъ пользуется пріемомъ дедукціи, а не индукціи.

Наконецъ въ третьихъ, дедукція приходитъ къ общимъ положеніямъ чрезъ силлогизмъ, а не на основаніи наблюденія. Связь, какую она вводитъ между мыслями, есть, въ сущности, силлогистическая. Когда мы что-либо доказываемъ, то идемъ отъ основанія къ слѣдствію, или восходимъ отъ слѣдствія къ основанію. Всякое же соединеніе мыслей подобнаго рода, въ сущности, есть распространенный силлогизмъ: отъ общаго мы идемъ къ частному. въ первой и во второй фигурахъ, въ соритахъ. Когда мы развиваемъ свои свои мысли относительно какого-нибудь вопроса, расчленяя его на составныя части, т. е. идя путемъ аналитическимъ, то движеніе мысли въ этомъ случаѣ то же самое, какое мы видѣли при развитіи дилеммъ, тетралеммъ, вообще въ раздѣлительномъ соритѣ. Когда, далѣе, отъ частностей восходимъ къ общему, слѣдимъ за мыслію въ ея основаніяхъ, мышленіе такъ же раз-

вивается, какъ въ возвратныхъ соритахъ. Оттого одно и то же, положеніе имѣетъ различный характеръ, смотря потому, какимъ путемъ мы дошли до него. Мы утверждаемъ напр., что всѣ нынѣшніе обитатели Петербурга въ свое время умрутъ. Это положеніе можетъ быть получено и путемъ индуктивнымъ и чрезъ дедукцію. Въ первомъ случаѣ мы будемъ отправляться отъ наблюденія. Мы знали множество людей, которые умерли отъ различныхъ причинъ, и знаемъ, что изъ людей, жившихъ сто лѣтъ назадъ, никто не остался. Такъ какъ прежде жившіе и умершіе во всемъ были подобны намъ, имѣли такой же организмъ, то, по аналогіи, мы заключаемъ что умрутъ въ свое время и всѣ тѣ, кто въ настоящее время живетъ въ Петербургѣ. Этотъ выводъ получился путемъ аналогіи, т. е. индукціи. Но тотъ же выводъ можетъ получиться и чрезъ дедукцію. Изъ понятія о человѣкѣ, какъ организмѣ, имѣющемъ ограниченное количество силъ и способномъ только къ опредѣленному количеству работы, дѣятельности, мы выводимъ, что всякій человѣкъ, и въ томъ числѣ нынѣшній обитатель Петербурга, въ свое время истощитъ энергію своего организма и слѣдоват, умретъ. Здѣсь мы заключеніе получили изъ общаго сужденія объ организмѣ, какъ источникѣ энергіи, могущемъ исчерпываться въ опредѣленное время. Къ тому же заключенію можемъ мы придти изъ общаго положенія, ставшаго преданіемъ, что всякій человѣкъ смертенъ; и здѣсь также будетъ дедукція. Въ первомъ, выше указанномъ, случаѣ мы отъ одной мысли къ другой переходили по аналогіи, во второмъ и третьемъ чрезъ силлогизмъ: тамъ мы справлялись прежде всего съ наблюденіемъ фактовъ, съ тѣмъ, что мы видѣли, или слышали отъ другихъ; здѣсь мы какъ бы a priori, довѣряя только силлогистической связи мысли, смѣло приходимъ къ заключенію.

Различные виды дедукціи. Дедукція, какъ цѣлая область пріемовъ мышленія, противоположныхъ индукціи, можетъ быть разсматриваема здѣсь съ трехъ различныхъ сторонъ, смотря потому, для какихъ цѣлей мы пользуемся ею. Мы можемъ употреблять дедуктивные пріемы, вопервыхъ, при развитіи мыслей, т. е. тогда, когда стараемся дать органическую связность и логическій строй нашимъ изслѣдованіямъ; вовторыхъ, при доказательствахъ и опроверженіяхъ, когда сообщаемъ своимъ мыслямъ устойчивость и твердость, сдѣлавъ судьбу ихъ солидарною съ судьбою другихъ болѣе твердыхъ и состоятельныхъ мыслей, и когда желаемъ пред-

ставить нелѣпость, неосновательность мыслей, противоположныхъ нашимъ. Наконецъ въ третьихъ, мы пользуемся дедукціей для приведенія индуктивныхъ выводовъ въ связь, для ихъ дальнѣйшаго обобщенія и распространенія ихъ на новыя области фактовъ. Иначе говоря, дедуктивнымъ путемъ мы развиваемъ логически свои мысли о какомъ либо предметѣ, что-либо доказываемъ и опровергаемъ, или дополняемъ свои индуктивныя заключенія о реальныхъ явленіяхъ. Поэтому мы прослѣдимъ мыслительную дедуктивную дѣятельность: 1) при развитіи мыслей, 2) при доказательствахъ и опроверженіяхъ и 3) поскольку она служитъ необходимымъ дополненіемъ индукціи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Развитіе мыслей.

Простое развитіе мыслей о какомъ-либо предметѣ мы отличаемъ отъ доказательствъ. Всякое доказательство есть развитіе мысли но не наоборотъ, развитіе мысли можетъ и не быть доказательствомъ. Когда мы доказываемъ свою мысль, мы приводимъ основанія въ пользу ея, мы, слѣдовательно, утверждаемъ ея состоятельность, обставляя ее какими-либо болѣе твердыми положеніями. Но иногда можно просто развивать мысль, вовсе не съ цѣлію ее доказывать, или опровергать, но чтобъ всесторонне ее обсудить, обслѣдовать, чтобъ всесторонне познакомить съ нею слушателя или читателя.

Методы развитія мыслей. Развивать, т. е. раскрывать подробности мысли, можно различными путями. Пріемъ, которому мы въ этомъ случаѣ слѣдуемъ, называется методомъ. Слово методъ, какъ мы уже говорили въ свое время, значитъ собственно дорога, путь. При развитіи мыслей, мы можемъ различнымъ образомъ переходить отъ одной мысли къ другой. Мы можемъ послѣдовательно расчленять ее на ея составныя части, т. е. отъ общаго, цѣлаго переходить къ подробностямъ — это будетъ методъ аналитическій; или мы соединяемъ какія-либо мысли въ одно цѣлое — это методъ синтетическій.

Анализъ.

Методъ аналитическій, *анализъ* (ἀνάλυσις, ἀναλύω, разрѣшаю, дроблю на части, дробленіе на части) состоитъ въ дробленіи какого-либо умственнаго цѣлаго на части. Дробить что-либо мыслимое, конечно, невозможно такъ, какъ можно раздроблять на части матеріальный предметъ. Ни понятіе, ни сужденіе не имѣютъ частей; ихъ можно только расчленять, т. е. указывать подробности содержанія. Наприм. анализуется понятіе логики: мы расчленяемъ содержаніе ея и находимъ, что она трактуетъ о пріемахъ мышленія; далѣе принимаемся за разъясненіе, что̀ такое мышленіе, что̀ такое пріемъ мышленія: затѣмъ указываемъ въ подробности черты, отличающія мышленіе, какъ духовную познавательную дѣятельность и т. д. Въ этомъ случаѣ мы будемъ идти въ развитіи мыслей путемъ аналитическимъ.

Анализъ можетъ развиваться тремя путями. Мы можемъ заниматься расчлененіемъ мысли, имѣя въ виду указать подробности ея содержанія. Этотъ пріемъ мы называемъ *прямымъ* анализомъ. Но точно также мы можемъ разсматривать мысль въ ея основаніяхъ, т. е. направлять свой анализъ къ основаніямъ, которыя даны или предполагаются въ пользу мысли. Это будетъ анализъ возвратный или регрессивный. Наконецъ, анализъ можетъ направляться къ слѣдствіямъ мысли и такой пріемъ мы называемъ анализомъ поступательнымъ или прогрессивнымъ.

Прямой анализъ есть расчлененіе непосредственнаго содержанія какой-либо мысли. Анализуя понятіе науки со стороны ея содержанія, мы будемъ постепенно указывать главнѣйшія научныя области: кругъ наукъ философскихъ, занимающихся по преимуществу явленіями нравственнаго порядка, науки естествовѣдныя, изслѣдующія явленія природы, математическія, занимающіяся ея величинами, юридическія и т. д. Продолжая анализъ далѣе, мы начнемъ дробить на составныя части философскія науки,—затѣмъ естествовѣдныя тоже по различію содержанія каждой науки, причисляемой къ той или другой области. Такіе пріемы употребляются въ филологіи, исторіи, даже въ естествовѣдѣніи. Есть прямой филологическій анализъ — синтаксическій, когда мѣсто автора расчленяется на составныя части, этимологическій, когда слово расчленяется на корни и добавочные, приставные звуки. При исторической критикѣ, свидѣтельство историка о какомъ-либо событіи расчленяется на отдѣльныя части, такъ что въ результатѣ бываетъ

видно, о чемъ прямо говоритъ историкъ, что только предполагаетъ, намекаетъ и т. д. Такимъ образомъ возникаетъ ясное представленіе отдѣльныхъ элементовъ историческаго свидѣтельства. И естествовѣдъ, прежде нежели приступитъ къ эксперименту, умственно выдѣляетъ въ явленіи существенное отъ несущественнаго, въ сложномъ фактѣ различаетъ отдѣльныя составныя явленія, чтобъ при экспериментѣ потомъ знать, на какую сторону обратить вниманіе, которую подвергнуть изслѣдованію. Движеніе мысли въ этомъ аналитическомъ пріемѣ подобно тому, какое развивается при классификаціяхъ и дѣленіяхъ, при раздѣлительныхъ соритахъ; подобно, говоримъ, но не то же самое. Скорѣе можно сказать, что пріемы мышленія, на которыхъ основываются указанные силлогистическіе пріемы, соединяются здѣсь вмѣстѣ, и смотря потому, который изъ нихъ наиболѣе пригоденъ для анализа даннаго случая, тотъ и употребляется. Прямой анализъ есть завершеніе, полное развитіе пріема, проявлявшагося элементарно въ классификаціяхъ и раздѣлительныхъ соритахъ.

Прямой анализъ знакомитъ насъ съ наличными сторонами факта, явленія, понятія, положенія и т. д. Все, что мы мыслимъ слитно въ понятіи, общемъ сужденіи, то чрезъ анализъ становится раздѣльнымъ. Во всякомъ случаѣ логическая услуга такого анализа весьма важна. Но иногда бываетъ недостаточно ознакомиться только съ наличностію факта, нужно прослѣдить предметъ въ его основаніяхъ. Хотя и признается обыкновенно, что анализъ имѣетъ дѣло только съ тѣмъ, что непосредственно представляется наблюдателю въ предметѣ, но мы полагаемъ, что можно также анализовать предметъ нетолько непосредственно, но и въ его основаніяхъ. Напр. при этимологическихъ изслѣдованіяхъ какого-либо слова, филологъ, разобравъ его корень и приставные звуки, разсматриваетъ затѣмъ самый корень и переходитъ къ анализу приставныхъ звуковъ, каждаго въ отдѣльности. Анализъ лѣтописи можетъ состоять прежде всего въ различеніи отдѣльныхъ сказаній, вошедшихъ въ нее готовыми, но когда изслѣдователь хочетъ углубить свое изслѣдованіе, онъ переходитъ къ анализу основныхъ элементовъ, изъ которыхъ сложилась лѣтопись, т. е. онъ анализуетъ ее въ ея источникахъ. Такимъ образомъ историкъ отъ анализа свѣдѣній о наличномъ историческомъ фактѣ переходитъ къ анализу возможныхъ причинъ его и оцѣниваетъ важность каждой въ отдѣльности. Значеніе какого-либо проэкта опредѣляется анализомъ нетолько существенныхъ и несущественныхъ въ немъ

частей, но и его основаній. Когда мы имѣемъ дѣло съ сложнымъ доказательствомъ, приводимымъ въ пользу извѣстнаго мнѣнія, то мы всегда прибѣгаемъ къ возвратному анализу: послѣ изслѣдованія мысли главнаго положенія, мы переходимъ къ анализу основаній ея и постепенно перебираемъ каждое изъ приведенныхъ доказательствъ. Вообще, когда мы желаемъ углубить изслѣдованіе вопроса, мы обращаемся къ анализу его основаній. Такой пріемъ мы называемъ *возвратнымъ* (регрессивнымъ) *анализомъ*.

Въ иныхъ случаяхъ недостаточно бываетъ ни прямого, ни возвратнаго анализа: необходимо разбирать мысль въ ея слѣдствіяхъ. Такой анализъ называется *поступательнымъ или прогрессивнымъ*. Онъ особенно умѣстенъ при разборѣ положеній, обильныхъ своими слѣдствіями или выводами. Полный анализъ закона причинности предполагаетъ нетолько разсмотрѣніе его непосредственнаго содержанія, но и слѣдствій изъ него вытекающихъ. Обсужденіе важной политической мѣры производится нетолько относительно ея непосредственнаго содержанія, но и обнаруженныхъ ею (если она приведена уже въ исполненіе) послѣдствій: анализъ послѣднихъ важнѣе, чѣмъ изложеніе прямого содержанія ея. Часто мысль разъясняется скорѣе изъ своихъ выводовъ, чѣмъ непосредственно. Такъ, матеріализмъ обрисовывается намъ въ своемъ истинномъ характерѣ только чрезъ анализъ его религіозныхъ, нравственныхъ выводовъ. Впрочемъ, на этомъ пунктѣ анализъ чрезвычайно близко сходится съ синтезомъ и потому трудно разграничить ихъ здѣсь рѣзко одинъ отъ другого. Когда мы путемъ выдѣленія отдѣльныхъ выводовъ и обособленія каждаго изъ нихъ раскрываемъ положеніе, имѣя въ виду преимущественно ясность и *раздѣльность* мысли въ ея выводахъ, то этотъ ходъ мысли — аналитическій. Но когда мы заняты выведеніемъ изъ положенія возможныхъ слѣдствій и имѣемъ въ виду образованіе яснаго представленія о мысли и ея слѣдствіяхъ, какъ *одномъ* связанномъ *цѣломъ*, то этотъ ходъ мысли будетъ синтетическій. Мы имъ займемся ниже.

Правила употребленія анализа. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько общихъ замѣчаній относительно употребленія аналитическаго пріема. Вопервыхъ, логическій анализъ (мы не говоримъ здѣсь о химическомъ и математическомъ) долженъ употребляться тамъ, гдѣ мышленію приходится имѣть дѣло съ предметами сложными или темными и запутанными: напр. изслѣдованіе сложныхъ памятниковъ древняго искусства, древней жизни, историческихъ свидѣтельствъ дѣлается преимущественно аналитическимъ пріемомъ. Не-

возможно сразу изслѣдовать въ цѣломъ такой сложный памятникъ, какъ напр. «Слово о полку Игоревѣ»; приходится выдѣлять различныя стороны, съ которыхъ онъ можетъ быть изслѣдованъ, дробить работу на множество частныхъ вопросовъ. Съ другой стороны, анализъ неизбѣженъ при обслѣдованіи вопросовъ темныхъ или запутанныхъ. Неясное мѣсто автора разлагается прежде всего на отдѣльныя слова, въ значеніи каждаго слова отдается отчетъ, нѣкоторыя изъ нихъ изслѣдуются, если нужно, этимологически: этимъ аналитическимъ пріемомъ подготовляется правильное пониманіе текста. При историческихъ изслѣдованіяхъ первый шагъ къ преодолѣнію запутанныхъ и потому темныхъ вопросовъ есть анализъ ихъ на составныя части.

Вовторыхъ, анализъ долженъ быть постепеннымъ, т. е. онъ долженъ начинать съ болѣе доступнаго, очевиднаго, внѣшняго и идти къ болѣе трудному, менѣе очевидному, къ внутреннимъ сторонамъ предмета. Извѣстно, что тайна успѣшной работы заключается въ умѣньи взяться за нее, а это умѣнье часто совпадаетъ съ умѣньемъ взяться за анализъ предмета или вопроса. При анализѣ памятниковъ древности нужно начинать анализъ съ внѣшнихъ сторонъ. Когда дана для изслѣдованія рукопись лѣтописи, необходимо начинать съ бумаги, на которой она написана, характера письма, грамматическихъ особенностей языка и затѣмъ уже анализъ можетъ переходить къ ея содержанію. Что пользы было бы въ анализѣ содержанія, по которому выходило, что лѣтопись древняя, когда бумага и языкъ обличали бы новѣйшее ея происхожденіе? При анализѣ понятія искусства, науки, прежде чѣмъ уходить въ глубь философскаго анализа идеи красоты и идеи науки, мы должны начать съ внѣшнихъ признаковъ искуства и науки и затѣмъ постепенно углубляться своимъ анализомъ въ сущность того и другой. Въ силу этого же правила должно начинать съ прямого анализа и потомъ переходить къ возвратному и поступательному: неумѣстно было бы изслѣдовать предметъ въ его основаніяхъ и слѣдствіяхъ, прежде нежели мы ознакомились съ нимъ самимъ.

Синтезъ.

Синтезъ (συντίθημι слагаю, σύνθεσις сложеніе) есть пріемъ соединяющій, слагающій какіе-либо умственные элементы въ одно цѣлое. Анализъ раздробляетъ, расчленяетъ, разъединяетъ, синтезъ

слагаетъ, объединяетъ вмѣстѣ: напримѣръ, когда, по поводу найденнаго памятника, дѣлаются заключенія о народѣ и эпохѣ, къ которой онъ относится, къ состоянію искусства у него, то умъ мыслителя, идущій отъ факта къ предполагаемымъ условіямъ его происхожденія заключаетъ синтетически. Синтезъ, какъ и анализъ, можетъ быть прямымъ, возвратнымъ и поступательнымъ.

Синтезъ прямой соединяетъ то, что расчленено анализомъ. Онъ имѣетъ дѣло съ возстановленіемъ цѣлаго изъ расчлененныхъ, разъединенныхъ подробностей. Грамматическимъ анализомъ, напримѣръ, мѣсто автора можетъ быть расчленено на отдѣльныя составныя части, объяснено значеніе каждаго слова, разъяснена его форма; анализъ можетъ идти далѣе къ разъясненію этимологической формы словъ. Но пониманіе мѣста можетъ даться только чрезъ синтезъ. Полное пониманіе чужой мысли есть воспроизведеніе ея въ томъ цѣльномъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ головы автора. Это возсозданіе можетъ быть произведено, только когда отдѣльныя значенія словъ, данныя анализомъ, синтетически соединятся въ одно цѣлое. Во введеніи наприм. мы аналитически раскрывали отличительныя черты мышленія, но дѣломъ синтеза было объединить всѣ эти раздробленныя подробности въ одно цѣлое и представить его, какъ умственную дѣятельность, сравнивающую и сопоставляющую, критикующую и обосновывающую. По этому же пріему, мыслитель синтетически объединяетъ въ одно многіе разрозненные факты и такимъ образомъ, какъ говорится, даетъ имъ смыслъ. Такъ, историкъ, изучая отдѣльныя явленія, приходитъ къ мысли разсматривать ихъ, какъ факты, въ которыхъ проявляется одна и та же идея. Напримѣръ, дѣятельное участіе французскихъ королей въ крестовыхъ походахъ нѣкоторые историки объясняютъ, какъ чисто политическія попытки Франціи утвердить свое вліяніе на Востокѣ. Мы не защищаемъ здѣсь справедливости этого воззрѣнія, но очевидно, оно явилось какъ результатъ синтеза отдѣльныхъ фактовъ, развивавшихся въ продолженіи болѣе 200 лѣтъ. Синтетически также историки опредѣляютъ цѣлыя эпохи исторіи, какъ эпохи борьбы аристократіи съ царскою властію, демократіи съ аристократіей, находятъ эпохи разложенія, напримѣръ, въ Греціи и Римѣ. Это все идеи, которыя объединяютъ собою разнообразные историческіе факты изъ этихъ эпохъ. Гизо въ своей исторіи цивилизаціи далъ самый блестящій примѣръ такого прямого историческаго синтеза. Поэтому же пріему, факты различныхъ наукъ поставляются во

взаимную связь: напримѣръ, синтезируются факты археологіи съ фактами извѣстными чрезъ лѣтописи, народныя преданія и т. д.; по начертанію буквъ на тмутараканскомъ камнѣ опредѣлена достовѣрность его и этотъ палеографическій результатъ поставленъ въ связь съ упоминаніемъ лѣтописей объ этомъ городѣ, и устранены сомнѣнія относительно мѣстности. Изученіе древнихъ памятниковъ Москвы есть живой источникъ, во многомъ дополняющій записанную исторію ея церкви, государственнаго и общественнаго ея быта, но они становятся живыми свидѣтелями минувшаго только для того, кто умѣетъ синтезировать лѣтописные факты съ этими фактами наблюдаемыми. Примѣровъ подобнаго пріема можно было бы указать безконечно много.

Синтезомъ возвратнымъ (регрессивнымъ) называется движеніе ума отъ данныхъ мыслей къ предполагаемымъ ими первоначальнымъ условіямъ, основаніямъ, причинамъ. Это движеніе имѣетъ въ виду также образованіе логически связнаго цѣлаго. И этотъ видъ синтеза есть умственное слаганіе, соединеніе, только направленное отъ слѣдствій и дѣйствій къ условіямъ и причинамъ. Самый простой, можно сказать, обыденный пріемъ такого синтеза представляетъ случай, когда, по отзывамъ и рѣчамъ человѣка объ извѣстномъ вопросѣ или предметѣ, мы догадываемся объ общихъ убѣжденіяхъ, принципахъ, которыхъ онъ держится; къ высказываемымъ частнымъ мнѣніямъ мы синтезируемъ основанія, изъ которыхъ они могутъ вытекать. Правильно ли всегда это дѣлается, или люди часто ошибаются (какъ говорятъ, навязываютъ другъ другу иногда то, чего и въ помышленіи не имѣлъ говорившій) этого мы не касаемся; но для насъ важенъ фактъ, что часто такъ дѣлается и что эти случаи суть несомнѣнные примѣры возвратнаго синтеза. Въ философіи этотъ пріемъ также употребляется и въ большинствѣ случаевъ онъ совпадаетъ съ такъ называемымъ построительнымъ (конструктивнымъ) методомъ. Онъ приложенъ Кантомъ въ его «Критикѣ чистаго разума:» именно, онъ изслѣдуетъ условія возможнаго опыта и отъ логическаго различія сужденій переходитъ, синтетически конечно, къ первому необходимому ихъ предположенію, категоріямъ, далѣе — къ необходимому условію первоначальнаго единства сознанія, трансцендентальному «Я», сопровождающему всѣ наши сужденія. Вся аналитика его основывается на возвратномъ синтезѣ: ибо и основоположенія чистаго разума отыскиваются имъ по тому же пріему. Возвратный же синтезъ употребленъ Шеллингомъ и Бэмомъ при построеніи

понятія абсолютнаго существа. Различеніе въ абсолютномъ существѣ элементовъ, у Якова Бэма добра и первоначальнаго гнѣва, темнаго основанія, у Шеллинга необходимаго (математически и логически), субъективнаго и объективнаго основаній, возникло путемъ синтеза: для объясненія существованія добра и громаднаго количества зла, обнаруживающагося въ природѣ и исторіи, Бэмъ предположилъ какъ первоначальное добро, такъ и первоначальное зло въ самомъ источникѣ бытія, Богѣ; Шеллингъ возвелъ къ первоначальнымъ основаніямъ: логической необходимости, субъективному и объективному моментамъ въ Богѣ, фактъ существованія необходимыхъ истинъ, которыя не могутъ не быть таковыми (напримѣръ, логическіе законы, математическія аксіомы), міръ идеальный, въ которомъ проявляется субъективная жизнь, т. е. сознаніе, и наконецъ, міръ реальный, область матеріальныхъ предметовъ. Далѣе, прекрасный примѣръ такого синтеза можно видѣть во многихъ работахъ Кювье: когда онъ по одному остатку зуба отъ древняго вымершаго вида животнаго возстановлялъ цѣлый организмъ, его мысль развивалась отъ факта по направленію къ предполагаемымъ имъ условіямъ. Зубъ служилъ ему указаніемъ на пищу, которою животное питалось; отсюда онъ дѣлалъ заключеніе къ устройству желудка, конечно, приспособленнаго къ пищѣ; добываніе пищи условливало извѣстный образъ жизни животнаго, среду, въ которой оно жило; отъ среды онъ дѣлалъ заключенія къ необходимо предполагаемой ею структурѣ скелета и т. д. Конечно, Кювье и ошибался часто въ своихъ построеніяхъ, но во всякомъ случаѣ его геній конструировалъ по пріему возвратнаго синтеза. Геологія разсказываетъ намъ о первоначальныхъ эпохахъ жизни земли, ея расплавленномъ состояніи (оно объясняетъ фактъ постепеннаго увеличенія теплоты земли по мѣрѣ углубленія въ нѣдра ея), ледниковомъ періодѣ (предположеніе, объясняющее распространеніе валуновъ), объ измѣненіяхъ поверхности земли, поднятіи и опущеніи различныхъ мѣстностей, нахожденіи ихъ подъ моремъ (для объясненія различныхъ предметовъ, находимыхъ на сушѣ, указывающихъ на когда то бывшее нахожденіе ея подъ водою) и т. д. Это все есть возвратный синтезъ отъ фактовъ къ ихъ объясняющимъ причинамъ. На основаніи факта огромныхъ пластовъ каменнаго угля, залегающихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, одни построяли эпоху развитія громадной растительности на поверхности земли, давшей матеріалъ для угля; другіе предполагали (напримѣръ Моръ) громадное количество морскихъ во-

дорослей, въ теченіи вѣковъ собиравшихся (слѣдовательно, по предположенію, мѣстность каменнаго угля была подъ моремъ) на этихъ мѣстахъ, здѣсь росшихъ и опускавшихся на дно; это были своего рода Саргассовы моря. Что это спрашивается, какъ не возвратный синтезъ отъ факта къ его возможнымъ причинамъ? Если нумизматика, доисторическая археологія, древности быта имѣютъ для насъ смыслъ, то только благодаря этому пріему. Найденный кладъ монетъ имѣлъ бы одно экономическое значеніе, если бы мысль ничего въ немъ не нашла, кромѣ металла. Но въ рукахъ мыслящаго человѣка найденныя монеты говорятъ самымъ точнымъ языкомъ и даже болѣе сообщаютъ намъ свѣдѣній, чѣмъ могли бы сказать многіе изъ современниковъ этимъ монетамъ. Изслѣдователь по виду монеты, по надписи, по изображенію на ней, заключаетъ, кому она принадлежитъ; далѣе онъ заключаетъ, что мѣстность, гдѣ найденъ кладъ, вела торговлю; смотря по тому, кому монета принадлежитъ, онъ опредѣляетъ, съ кѣмъ была ведена торговля; отъ мѣстностей, въ которыхъ встрѣчаются клады, онъ заключаетъ къ направленію древнихъ торговыхъ путей; отъ внѣшняго вида монетъ къ состоянію искусства въ соотвѣтствующее имъ время и т. д. Подобныя заключенія, очевидно, получились путемъ возвратнаго синтеза отъ факта къ предполагаемымъ имъ условіямъ. Также точно, по находимымъ орудіямъ и остаткамъ отъ допсторическаго человѣка, заключаютъ къ образу его жизни, способамъ питанія его. По древностямъ быта археологія дѣлаетъ заключенія къ домашнему быту, условіямъ его, вкусу эпохъ, вліяніямъ на него и т. д. Въ юридической практикѣ, по слѣдамъ преступленія, заключаютъ къ способу и времени совершенія его; качество, количество и расположеніе ранъ на тѣлѣ даютъ указаніе, произведено ли убійство безъ борьбы, какимъ орудіемъ, долго ли продолжалось преступное дѣйствіе и т. д. Вообще этотъ пріемъ возвратнаго синтеза самый употребительный какъ въ наукѣ, такъ и жизни.

Есть синтезъ *поступательный*, идущій отъ основаній къ слѣдствіямъ. Такъ, изъ принциповъ мы выводимъ возможныя слѣдствія, при чемъ имѣемъ въ виду доказать, что послѣднія составляютъ одно логически цѣлое съ первыми. Изъ принципа матеріализма мы синтетически выводимъ отрицательныя положенія относительно религіи, нравственности. Синтетическій умъ понимаетъ, какія нравственныя послѣдствія могутъ вытекать изъ утилитарнаго взгляда на происхожденіе нравственнаго закона. Въ области

политики, изъ консервативныхъ и либеральныхъ началъ дѣлается приложеніе къ возможнымъ частнымъ случаямъ: политическій дѣятель съ обширнымъ синтетическимъ умомъ понимаетъ, къ чему онъ обязывается своими принципами въ каждомъ данномъ случаѣ. По этому же пріему, мы распространяемъ приложеніе обобщеній на новые частные случаи. Впослѣдствіи мы увидимъ, что въ этомъ именно пунктѣ заключается важная услуга дедукціи индуктивному изученію природы. Теперь же укажемъ только важность ея для другихъ областей знанія. Такъ, юристъ въ сужденіяхъ и рѣшеніяхъ кассаціоннаго суда, данныхъ по поводу извѣстнаго, такъ сказать, индивидуальнаго процесса, находитъ себѣ указанія для множества другихъ процессовъ. Кассаціонный судъ истолковываетъ законъ въ извѣстномъ направленіи. Представляются новые случаи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ аналогичные, и синтетическій умъ юриста распространяетъ на него, данное уже высшимъ судилищемъ, истолкованіе закона; это поступательный синтезъ основаній съ возможными слѣдствіями. Что мы называемъ въ практической жизни предвидѣніемъ событій, пониманіемъ того, къ какому результату идутъ они, это все есть способность къ даннымъ событіямъ синтезировать вѣроятныя событія, составляющія логическое слѣдствіе первыхъ. Слѣдовательно, способностію къ поступательному синтезу измѣряется прозорливость государственнаго человѣка, дипломата и т. д.

Правила употребленія синтеза. По поводу синтеза вообще, мы сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній: во 1-хъ, синтезъ большею частію требуетъ подготовительной аналитической работы и обыкновенно слѣдуетъ за анализомъ. Не слѣдуетъ начинать прямо съ синтеза: необходимо изслѣдовать дѣло въ его подробностяхъ, расчленить предметъ на составныя части; тогда только можно видѣть, въ какую форму, въ какомъ направленіи возможно слагать ихъ въ одно цѣлое. Примѣромъ того, какъ преждевременный синтезъ не только безполезенъ, но и вреденъ для дѣла, можетъ служить въ естествовѣдѣніи примѣръ Аристотеля, въ теоріи государства — Руссо. Нельзя сказать, чтобъ Аристотелю недоставало талантовъ, которыми надѣлены естествоиспытатели нашего времени, но его физика болѣе задерживала успѣхи науки, чѣмъ способствовала имъ. Причина заключалась въ неправильномъ пріемѣ, употреблявшемся имъ при изслѣдованіяхъ. Вмѣсто того, чтобъ обратиться къ анализу связи причинъ и дѣйствій въ явленіяхъ, онъ синтетически вывелъ изъ своихъ метафизическихъ принциповъ различные

роды причинъ: матеріальную, формальную, движущую и конечную. Этимъ общимъ взглядомъ и довольствовалась мысль въ продолженіи почти двухъ тысячелѣтій. Теорія государства, данная Ж. Ж. Руссо, какъ учрежденія основаннаго на договорѣ, въ сущности, была поспѣшнымъ синтезомъ. Вмѣсто того, чтобъ подвергнуть тщательному анализу основные элементы, изъ которыхъ слагается государство (семья, община, общество), и особенно аналитически прослѣдить за историческимъ развитіемъ государства, онъ преждевременно поставилъ принципъ и имъ пытался освѣтить разнообразныя формы государственнаго быта. Оттого новая государственная наука прежде всего обратилась къ анализу и на немъ пытается основать свой синтезъ. Можно сказать вообще, что прямому синтезу безусловно долженъ предшествовать анализъ: соединеніе частей, разнообразныхъ подробностей въ одно цѣлое должно быть слѣдствіемъ тщательнаго предварительнаго расчлененія и обособленія. Синтезъ возвратный и поступательный также требуетъ прямого анализа, какъ подготовительнаго пріема изслѣдованія. Прежде чѣмъ распространять принципъ на новые частные случаи, или соединять его съ основаніями, нужно тщательно опредѣлить его характеръ, качества и т. д.

Во 2-хъ, синтезъ не долженъ быть слишкомъ торопливымъ: онъ долженъ прежде всего идти къ ближайшимъ обобщеніямъ и когда нѣтъ основаній идти далѣе, долженъ останавливаться на ближайшихъ ступеняхъ обобщенія. Въ семъ случаѣ естествовѣдѣніе даетъ примѣръ, который долженъ служить урокомъ для другихъ наукъ. Оно дѣлаетъ выводъ только изъ того, что дѣйствительно дано опытомъ. Историкъ, филологъ, философъ, юристъ не должны слишкомъ спѣшить къ широкимъ обобщеніямъ и прельщаться легкостью фантазированія самыхъ общихъ законовъ и принциповъ. Этого же правила слѣдовало бы придерживаться и въ практическомъ мышленіи. Какъ часто мы спѣшимъ обобщать свои сужденія о людяхъ, на основаніи немногихъ свѣданныхъ нами фактовъ о нихъ! Все это логическіе грѣхи, къ сожалѣнію, иногда сопровождающіеся дурными практическими послѣдствіями для логическихъ грѣшниковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Доказательства.

Мы прослѣдили аналитическіе и синтетическіе пріемы развитія мыслей. Ихъ цѣль — вполнѣ раскрыть мысль со всѣми подробностями, въ ней заключающимися, раскрыть при томъ въ ея основаніяхъ и слѣдствіяхъ. Другая область приложенія дедукціи есть область доказательствъ и опроверженій. Нельзя сказать, чтобъ здѣсь дедукція развивалась совсѣмъ по другимъ пріемамъ, чѣмъ какимъ она слѣдуетъ при простомъ развитіи мыслей: всякое доказательство есть развитіе мыслей; слѣдовательно, въ послѣднемъ мы отчасти должны встрѣчаться уже съ указанными пріемами. Говоримъ отчасти, потому что доказательство все таки не совпадаетъ вполнѣ съ развитіемъ мысли. Оно имѣетъ свои особыя цѣли: или утвердить на чемъ либо прочномъ извѣстную мысль, или доказать нелѣпость другой мысли, ей противорѣчащей. Оттого доказательства развиваются по пріемамъ нѣсколько своеобразнымъ; этотъ своеобразный характеръ сохраняется даже и тамъ, гдѣ они совпадаютъ съ пріемами развитія мысли.

Доказывать значитъ приводить въ пользу какой либо мысли другую мысль, болѣе вѣрную, чѣмъ первая. Мы говоримъ: тѣло, лишенное подпоры, должно упасть, потому что таковъ всеобщій законъ тяжести; съ одною мыслію мы соединяемъ здѣсь другую, которая служитъ точкою опоры для первой. Когда мы для своихъ мыслей находимъ подобныя опоры, мы считаемъ ихъ доказанными, т. е. онѣ получили твердость, незыблемость, которыхъ сами по себѣ прежде не имѣли. Отсюда видно, что доказательство есть такого рода соединеніе положеній, при которомъ одно опирается на другое и отъ другого заимствуетъ свою твердость и несомнѣнность.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: на чемъ мы основываемъ вообще свои положенія, или что мы обыкновенно приводимъ въ своихъ доказательствахъ. Затѣмъ: какими пріемами пользуемся мы при доказываніи и опроверженіи чего либо. Наконецъ мы укажемъ на недостатки и погрѣшности, часто встрѣчающіяся въ доказательствахъ.

Основанія въ доказательствахъ. Первый вопросъ объ основаніяхъ доказательствъ важенъ потому, что касается основъ, на

которыя опирается все наше теоретическое и практическое знаніе. Въ доказательствахъ, какъ мы сказали, въ пользу одной мысли мы приводимъ другую, болѣе ея несомнѣнную и твердую, но въ пользу этой второй можно приводить третью, четвертую и т. д. —спрашивается, есть ли въ этомъ случаѣ какой либо предѣлъ, и не встрѣтимъ ли мы въ своемъ движеніи такія основы, которыя сами по себѣ несомнѣнны и никакихъ дальнѣйшихъ доказательствъ не требуютъ?

Здѣсь возможны три предположенія: или цѣпь мыслей, опирающихся одна на другую, простирается въ безконечность; или между мыслями есть своего рода круговая порука, такъ что одна опирается на другую, вторая на третью, третья на четвертую, а пятая уже опирается на первую; или наконецъ, есть послѣднія основанія, на которыя, какъ на несомнѣнныя, мы и опираемся въ своихъ доказательствахъ.

Первое предположеніе, очевидно, невозможно. Уже Аристотель говоритъ, что такъ какъ безконечный рядъ не можетъ быть осуществимъ, именно потому что онъ безконеченъ, то безконечный рядъ доказательствъ мышленіемъ не осуществляется, слѣдовательно, онъ и на дѣлѣ быть не можетъ. Мы видѣли уже въ свое время, что отвлеченіе имѣетъ свои предѣлы и что въ понятіяхъ своихъ двигаясь отъ частнаго къ общему, мы доходимъ до границъ, далѣе которыхъ никакое отвлеченіе невозможно. И въ принципахъ мы должны дойти до такихъ предѣловъ, далѣе которыхъ также отвлеченіе невозможно.

Не можетъ ли между мыслями нашими существовать круговая порука? Положеніе A основывается на B, B на C, C на D, D на E, а E основывается на A. Но тогда доказательствъ въ точномъ смыслѣ нѣтъ. Какимъ образомъ мы можемъ поручиться за состоятельность своихъ мыслей, когда онѣ основываются одна на другой? Примѣръ круговой поруки между мыслями можно видѣть въ древнихъ миѳологіяхъ, напр. греческой. Каждый элементъ ея предполагаетъ другой, третій, который въ свою очередь опирается на первый. Для того, кто вѣрилъ въ этотъ міръ, конечно, возможно было опираться на сказанія о немъ, но кто не вѣритъ, для того онъ весь превращается въ художественно-фантастическія сказанія. Кто скептически относится къ познанію, для того идея круговой поруки между мыслями есть только доказательство познавательной несостоятельности мышленія.

Слѣдовательно, остается принять предположеніе, что есть основанія нашихъ доказательствъ, не требующія въ свою очередь дальнѣйшаго доказыванія. Къ ихъ анализу мы теперь обратимся.

Замѣтимъ прежде всего, для устраненія недоразумѣній, что здѣсь мы не будемъ отыскивать послѣдняго критерія всякого познанія, всякой достовѣрности его. Вопросъ о немъ составляетъ предметъ особой философской дисциплины — теоріи познанія. Мы представимъ здѣсь анализъ основаній для доказательствъ, по скольку это нужно для практическихъ логическихъ цѣлей, не углубляясь въ метафизику вопроса.

Основанія, на которыя мы опираемся въ доказательствахъ, трехъ родовъ. Прежде всего есть основы чисто фактическія, далѣе которыхъ обыкновенно наше доказываніе простираться не можетъ. Мы ссылаемся во многихъ случаяхъ какъ на свидѣтельство своихъ внѣшнихъ чувствъ, такъ и на наблюденія другихъ: говоримъ, — это мы видѣли или сами слышали, или это завѣрено достовѣрнымъ свидѣтельствомъ другихъ лицъ. Въ обыкновенномъ мышленіи сомнѣніе не простирается на факты. Справедливо или нѣтъ, но человѣкъ скорѣе усумнится въ здравомысленности своего собесѣдника, чѣмъ въ прямыхъ или очевидныхъ для его внѣшнихъ чувствъ фактахъ. Въ естественныхъ наукахъ всякое доказательство сводится къ фактамъ: когда завязывается полемика между различными естествовѣдами, то самымъ сильнымъ доказательствомъ считается фактическое. Смотря по роду доказываемыхъ истинъ, и другія науки при доказываніи также опираются на факты. Филологія напр. обращается къ даннымъ языка, исторія къ памятникамъ древности, чтобъ оправдать тотъ или другой взглядъ на событія, на языкъ. Сомнѣнія могутъ касаться только того, правильно ли усмотрѣнъ фактъ, вѣрно ли онъ истолкованъ; каждая наука принимаетъ свои мѣры предосторожности для болѣе точнаго и вѣрнаго изслѣдованія фактовъ. Вотъ почему фактическія доказательства имѣютъ громадную убѣдительную силу. Не иначе можно идти противъ нихъ, какъ только отвергнувъ ихъ значеніе для доказываемой мысли, отвергнувъ между послѣднею и первыми всякую логическую связь, т. е. поставивъ извѣстныя мысли внѣ доказательной силы фактовъ.

Рядомъ съ фактическими есть теоретическія основы. Съ одной стороны, это аксіомы, какъ недоказываемыя положенія, непосредственно вытекающія изъ законовъ мышленія; съ другой стороны, сюда можно отнести условно-достовѣрныя истины или общепри-

знанные принципы, которые составляютъ основные элементы образованія извѣстнаго времени.

Положенія, очевидныя сами по себѣ и не требующія доказательствъ, называются аксіомами. Слово это происходитъ отъ ἀξιόω, удостоиваю, цѣню, признаю что либо за вѣрное; аксіома значитъ истина удостовѣренная. Такъ, основами математическихъ доказательствъ служатъ аксіомы: прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками, цѣлое больше своей части, и часть менѣе своего цѣлаго, двѣ величины, равныя третьей, равны между собою, различныя выраженія одной и той же величины равны между собою, напр. $2 \times 2 = 4$. Эти положенія недоказываемы: ничего нельзя указать болѣе очевиднаго въ пользу этихъ положеній. Въ свое время мы указывали причину этой несомнѣнности аксіомъ. Мы нашли, что математическія аксіомы, въ сущности, суть выводы изъ закона тожества. Онъ говоритъ, что различныя выраженія одной и той же мысли должны быть отожествляемы, приравниваемы одно другому. «Кратчайшій путь» и «прямая линія» суть различныя выраженія одного и того же предмета; 2×2 и 4 выражаютъ одну и ту же величину.

Къ числу также недоказываемыхъ большею частію истинъ мы отнесли общепризнанныя истины науки и жизни. Онѣ отнюдь не имѣютъ характера аксіомъ но до такой степени слились съ образованіемъ извѣстной эпохи, что для современниковъ ея не требуютъ дальнѣйшихъ доказательствъ. Напр. въ наукѣ признается нынѣ безспорнымъ принципомъ, что она должна заимствовать свой матеріалъ изъ первыхъ источниковъ. Это положеніе допускаетъ и доказательства, но для каждаго, имѣющаго соприкосновеніе съ наукою, этотъ принципъ очевиденъ самъ по себѣ. Такъ же очевидна необходимость свободы науки относительно изслѣдованія всѣхъ вопросовъ, подлежащихъ ея вѣдѣнію. Было время, когда такіе принципы оспоривались, напр. когда не отличали фантазіи отъ науки, когда за нею не признавалось право изслѣдовать нѣкоторые вопросы. Но наука пережила этотъ періодъ колебанія, недовѣрія къ себѣ, борьбы, и упомянутыя истины сдѣлались аксіомами для просвѣщенныхъ людей нашего времени. Но здѣсь же нужно замѣтить, что подобные принципы часто колеблются, и ихъ убѣдительная сила мѣняется со смѣною поколѣній; въ средѣ одного и того же поколѣнія они не всегда всѣми безусловно признаются. Идея Руссо о контрактномъ государствѣ была аксіомою для конца 18-го вѣка, особенно во Франціи; между

тѣмъ современная наука признаетъ государство организмомъ, возникающимъ независимо отъ индивидуальной воли. Исторія философіи показываетъ намъ, какъ принципы, несомнѣнные для извѣстныхъ эпохъ, теряли свой кредитъ въ послѣдующихъ эпохахъ. Въ вѣкъ древняго скептицизма почти всѣ школы были убѣждены въ возможности только вѣроятнаго познанія; съ 1-го вѣка до Р. Хр. начинается безконечное довѣріе къ силамъ разума, могущаго, по мнѣнію большинства тогдашнихъ школъ, возвыситься въ состояніи экстаза до непосредственнаго созерцанія Верховнаго Существа. Въ настоящее время, что составляетъ безпорный принципъ для послѣдователей Гербарта, то оспоривается послѣдователями Гегеля, и наоборотъ.

Поэтому, когда мы желаемъ опираться на второго рода принципы, кажущіеся столь твердыми, что нѣтъ нужды ихъ доказывать, необходимо соблюдать величайшую осторожность. Недоумѣнія, обвиненія въ бездоказательности часто возникаютъ потому, что препирающіеся основываются на принципахъ, для одного безпорныхъ и очевидныхъ, другому же отнюдь не кажущихся таковыми. Особенно необходимо быть скупымъ на названіе аксіомъ и прилагать это логическое высшее отличіе только къ принципамъ, несомнѣнно того заслуживающимъ. Укажемъ главнѣйшіе признаки, отличающіе аксіомы.

1) Аксіома имѣетъ всеобщій характеръ: ея достовѣрность не зависитъ отъ мѣста, времени, отъ вкусовъ и произвола смѣняющихся поколѣній. Прямая линія всегда и вездѣ была и есть для всѣхъ кратчайшій путь между двумя точками. Съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ мыслить, цѣлое для него всегда было болѣе своей части и часть менѣе своего цѣлаго, двѣ величины, равныя третьей, были равны между собою и 2 + 2 всегда были равны 4. Станемъ этимъ критеріемъ измѣрять другія кажущіяся аксіомы мы сейчасъ увидимъ, что онѣ допускаютъ возможность ограниченія: напр. всякое знаніе должно основываться на первыхъ источникахъ — это положеніе не имѣетъ всеобщаго характера: знаніе можетъ быть непосредственное, какъ всевѣдѣніе Божественное; слѣдовательно, въ приложеніи къ человѣческому знанію оно достовѣрно, но отнюдь не есть всеобщая аксіома.

2) Второй признакъ аксіомы заключается въ ея непосредственной очевидности. Каждому очевидно, что прямая линія есть кратчайшій путь между двумя точками. Впрочемъ, очевидность сама по себѣ не можетъ ручаться за несомнѣнную истинность поло-

женія: она можетъ быть чисто субъективною. Кто́ не испыталъ на опытѣ, что очевидное въ извѣстное время казалось въ другое очень сомнительнымъ? Человѣку, принадлежащему къ партіи, сектѣ, кружку, могутъ казаться аксіомами такія положенія, которыя для посторонняго совсѣмъ не безспорны. Поэтому необходимо, кромѣ очевидности, повѣрять положеніе еще добавочнымъ критеріемъ — именно невозможностію ни въ какихъ случаяхъ чего либо противоположнаго аксіомѣ. Этому условію удовлетворяютъ всѣ истинныя аксіомы; невозможно, чтобы непрямая линія была кратчайшимъ путемъ между двумя точками, чтобы 2×2 были равны 5 и т. д; тогда какъ кажущееся только несомнѣннымъ сейчасъ же допускаетъ возможность себѣ противоположнаго: напр. мысли кружковъ, партій, возведенныя въ аксіомы, оказываются доступными во многихъ случаяхъ и отрицанію.

Третій родъ недоказываемыхъ истинъ составляютъ принципы практической, нравственной дѣятельности. Это суть верховныя положенія, непосредственно вытекающія изъ идеи нравственнаго добра или долга: напр. законъ любви къ ближнему имѣетъ непосредственную очевидность и его обязательная сила сознается нравственно развитою личностію безъ всякихъ доказательствъ. Чѣмъ выше развитіе личности, тѣмъ необходимѣе кажутся ей подобные принципы, тѣмъ невозможнѣй представляется ей противоположное имъ. Но во всякомъ случаѣ, какъ бы низко человѣкъ ни падалъ, онъ не можетъ когда нибудь помыслить, чтобы возможны были руководящія правила, прямо противоположныя требованіямъ нравственнаго закона: напр. чтобы возможно было жить, когда вражда замѣнитъ долгъ любви, когда человѣкъ будетъ считать для себя всякій законъ необязательнымъ и т. д. Можно не выполнять нравственнаго закона на дѣлѣ, но не считать его обязательнымъ въ идеѣ, т. е. теоретически-нравственно необходимымъ, едвали человѣкъ способенъ. Поэтому верховныя предписанія нравственнаго закона суть своего рода нравственныя аксіомы, столь же необходимыя, какъ и математическія. Но и здѣсь нужно держаться тѣхъ же признаковъ, которыми опредѣляется необходимость теоретическихъ аксіомъ. Во 1-хъ, нравственныя аксіомы (въ философіи онѣ называются postulata, необходимыми требованіями, предположеніями, возникающими изъ нравственной идеи добра) должны отличаться всеобщностію (все, что не можетъ быть предъявлено какъ нѣчто безусловное, не зависящее отъ мѣста и времени, не можетъ быть названо прямымъ требованіемъ нрав-

ственнаго закона). Во 2-хъ, онѣ должны имѣть очевидность, не допускающую ничего противоположнаго. Справедливо поэтому требованія приличія, мѣстные нравы, или національные обычаи разныхъ народовъ не признаются за требованія нравственнаго закона: ибо они не удовлетворяютъ указаннымъ условіямъ; тогда какъ основныя требованія христіанскаго нравственнаго закона этимъ требованіямъ удовлетворяютъ и справедливо признаются нравственными аксіомами, обязательными для всѣхъ.

Пріемы доказательствъ. По пріемамъ, доказательства могутъ быть двухъ родовъ—прямыя и непрямыя. Въ первыхъ доказательствахъ мы поставляемъ доказываемое положеніе въ прямую логическую связь съ тѣмъ, что, по нашему мнѣнію. можетъ подкрѣплять его. Въ непрямомъ мы обращаемся къ мысли противоположной доказываемому положенію и, указывая на нелѣпость его основаній или слѣдствій, дѣлаемъ отсюда заключеніе къ состоятельности доказываемаго положенія. Напр. положеніе, что первоначальное обученіе должно быть наглядным, можетъ быть доказываемо и прямымъ и непрямымъ образомъ. Прямыя доказательства могутъ быть взяты изъ исторіи развитія человѣка: ребенокъ до 10-ти лѣтъ обыкновенно живетъ конкретными образами; все конкретное или наглядное напечатлѣвается въ немъ живо и ясно. Непрямое доказательство будетъ слѣдующее. Предположимъ, что мы станемъ заставлять ребенка изучать отвлеченности, заставлять работать преимущественно рефлексіей: тогда передаваемый матеріалъ будетъ усвояться имъ слабо, слѣдовательно, обученіе будетъ безполезно; съ другой стороны, такъ какъ рефлективная работа не по силамъ ребенку, то она будетъ изнурять его и можетъ быть причиною неестественной лѣности, а вслѣдствіе истощенія организма—и тупости.

Какъ въ прямомъ, такъ и непрямомъ доказательствахъ могутъ быть различные способы доказыванія.

Прямыя доказательства развиваются прогрессивнымъ и регрессивнымъ способами, т. е. мы можемъ идти въ нихъ или отъ основаній къ слѣдствіямъ, или обратно, отъ слѣдствія къ основаніямъ.

Представимъ возможныя типическія формы этихъ доказательствъ. Назовемъ доказываемую мысль D. Можно идти отъ общаго основанія A къ слѣдствіямъ B, C и логически доходить до слѣдствія D; это будетъ 1-е прогрессивное доказательство. Далѣе, возможно доказываемую мысль D принять какъ основаніе и отъ

нея идти къ ея слѣдствіямъ E, F. Состоятельность слѣдствія F будетъ давать твердость положенію D; это будетъ второе прогрессивное доказательство.

Съ другой стороны, возможно отъ положенія D восходить къ основанію A чрезъ посредствующія мысли C, B; это первый регрессивный пріемъ. Второй — состоитъ въ томъ, что отъ факта F будемъ восходить чрезъ E къ положенію D.

Скажемъ теперь подробнѣй о каждомъ изъ этихъ пріемовъ доказыванія.

1) *Первое прогрессивное* доказательство идетъ отъ общаго положенія къ доказываемой мысли, какъ слѣдствію. Слѣдовательно, здѣсь мы ищемъ опоры для своей мысли въ общемъ положеніи, изъ котораго она логически вытекаетъ. Такъ, государственный человѣкъ доказываетъ необходимость мѣръ въ извѣстномъ направленіи общими соображеніями относительно цѣли и потребностей государства, которыхъ логическимъ слѣдствіемъ представляются предполагаемыя мѣры. Археологъ доказываетъ принадлежность памятника къ такому или другому вѣку, указывая присутствіе въ немъ характеристичныхъ отличій памятниковъ извѣстнаго вѣка. Моралистъ доказываетъ необходимость дѣятельности въ нравственномъ направленіи, основываясь на томъ, что она вытекаетъ изъ требованій долга. Примѣръ этого пріема можно видѣть въ знаменитомъ онтологическомъ доказательствѣ бытія Божія. Въ «Критикѣ чистаго разума» у Канта оно изложено слѣдующимъ образомъ (Критика чистаго разума. Изд. Неклюдова. 1867. 456 стр.): «Если существуетъ нѣчто, то должно допустить, что есть нѣчто существующее необходимымъ образомъ (общее положеніе). Все случайное существуетъ подъ условіемъ чего-либо, служащаго ему причиною, эта въ свою очередь предполагаетъ новую причину и т. д. до причины уже не случайной, а существующей необходимо безъ всякого дальнѣйшаго условія (разъясненіе общаго положенія). Но быть такимъ необходимымъ существомъ всего приличнѣе такому, въ понятіи котораго совмѣщены всѣ причины, которое совершенно во всѣхъ частяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ, которое служитъ повсюднымъ условіемъ: ибо, при обладаніи всѣми условіями для всего возможнаго, оно не нуждается само ни въ какомъ условіи и даже исключаетъ ихъ. Слѣдовательно, необходимое существо, т. е. высшее Существо дѣйствительно существуетъ». Смыслъ этого доказательства въ томъ, что самое понятіе Верховнаго Существа предполагаетъ его бытіе, или послѣднее аналити-

чески выводится изъ перваго. Здѣсь мысль шла отъ общаго положенія: должно существовать безусловно необходимое существо— къ выводу, что такое существо есть Богъ, и какъ таковое. заключая въ себѣ всю полноту условій, оно не можетъ не существовать.

Это доказательство и самое обычное и сильное. Наша мысль обыкновенно въ общихъ соображеніяхъ и положеніяхъ ищетъ для собя опоры. Оно же и самое сильное: ибо какъ скоро мы дѣйствительно логически выведемъ доказываемое изъ общаго несомнѣннаго положенія, оно получаетъ устойчивость и твердость послѣдняго.

2) *Во второмъ прогрессивномъ* доказательствѣ мы нисходимъ отъ доказываемаго положенія къ фактамъ, какъ ихъ логическимъ слѣдствіямъ, и состоятельностію послѣднихъ утверждаемъ первое. Примѣръ этого пріема можно видѣть вездѣ, гдѣ необходимость извѣстныхъ дѣйствій, вещей доказывается ихъ пользою. Такъ доказываются практическіе проекты: напр. предприниматель желѣзной дороги, желая отстоять выгодное для него направленіе, доказываетъ его пользою, которую будетъ приносить дорога, принявъ такое, а не другое направленіе. Утилитаристы доказываютъ по этому пріему обязательность нравственныхъ правилъ, указывая на личныя выгоды для лица, исполняющаго нравственныя требованія; они говорятъ: мы должны любить своего ближняго; тогда мы можемъ сами разсчитывать на любовь другихъ, слѣдовательно, въ нужное время получимъ помощь, утѣшеніе, однимъ словомъ— это будетъ выгодно для насъ самихъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что подобныя доказательства никогда не въ состояніи доказать обязательность и святость нравственныхъ законовъ: все, что ими достигается, есть убѣжденіе въ личной пользѣ, проистекающей отъ соблюденія нравственнаго закона.

Этотъ пріемъ направленъ къ тому, чтобы располагать насъ въ пользу доказываемаго положенія выгодностію или доброкачественностію слѣдствій его. Но именно здѣсь умъ подвергается обману скорѣе, чѣмъ при всякомъ другомъ пріемѣ: обыкновенно обращаютъ вниманіе только на выгодныя слѣдствія доказываемыхъ вещей, но умалчиваютъ о невыгодныхъ, даже прямо вредныхъ. Слѣдовательно, во всякомъ случаѣ, при этомъ пріемѣ дѣло представляется одностороннимъ. Вотъ почему нужно быть осмотрительнымъ и не слишкомъ довѣрчивымъ къ силѣ подобныхъ

доказательствъ: всегда нужно осматриваться, нѣтъ ли рядомъ съ выгодами и вреда и не перевѣшиваетъ ли послѣдній первыя.

3) *Первое регрессивное* доказательство *восходитъ* отъ доказываемаго положенія къ его основаніямъ. Такъ, въ математикѣ отъ данной задачи мы восходимъ при доказательствѣ къ основаніямъ, изъ которыхъ она разрѣшается. Доказывая равенство внѣшнихъ угловъ треугольника двумъ внутреннимъ противолежащимъ, мы восходимъ при этомъ къ основаніямъ — къ положенію, что углы накрестъ лежащіе равны одинъ другому, и въ этомъ основоположеніи находимъ доказательство теоремы. Пріемъ очевидно регрессивный. Употребляется онъ и въ юридической практикѣ: напр. при доказательствѣ чьихъ-нибудь правъ на наслѣдство, когда право отдаленно, юристъ дѣлаетъ дедукцію ихъ: но дедукція состоитъ въ томъ, что доказывается по документамъ дѣйствительное происхожденіе наслѣдника отъ лица, состоявшаго въ несомнѣнномъ родствѣ съ оставившимъ наслѣдство: и здѣсь пріемъ тоже регрессивный.

Этотъ пріемъ самъ по себѣ достигаетъ своей цѣли. Доказательство по нему выходитъ строгое, но трудно ведется; притомъ, оно всегда нуждается еще въ побочныхъ доказательствахъ, что доказываемая мысль вытекаетъ именно изъ извѣстнаго основанія и только изъ него, и что оно ничего другого, особенно противоположнаго ему, не допускаетъ. Дѣло въ томъ, что какъ общее понятіе заключаетъ подъ собою многія частныя, взаимно себя исключающія, такъ и общія положенія подчиняютъ себѣ многія частныя, тоже иногда взаимно себя исключающія. Положимъ, мы докажемъ, что извѣстное положеніе необходимо предполагается общимъ принципомъ; но легко можетъ быть, что и другое, исключающее первое, положеніе предполагается также имъ, и доказательство тогда не будетъ имѣть силы. Напр. намъ доказываютъ, что жертвованіе всего состоянія въ пользу богоугодныхъ учрежденій есть долгъ, въ концѣ концовъ опирающійся на заповѣдь любви къ ближнему. Совершенно справедливо, но если жертвователь имѣетъ семью, то забота объ огражденіи ея отъ нищенства и слѣдовательно, сбереженіе своего достоянія также опирается на законъ любви къ ближнему: изъ одного основанія могутъ вытекать противоположныя слѣдствія, въ приложеніи къ различнымъ случаямъ. Вотъ почему и нужно, возводя мысль къ общему положенію, доказывать еще, что только она одна, но ничего противоположнаго изъ нея не вытекаетъ.

4) Во второмъ регрессивномъ доказательствѣ мы восходимъ отъ фактовъ, какъ слѣдствій, къ доказываемому положенію, какъ основанію. По этому пріему развивается, такъ называемое, телеологическое доказательство бытія Божія. Изложимъ его по Канту (Крит. чист. раз. 481).

Дѣйствительный міръ открываетъ предъ нами такое разнообразіе, порядокъ, цѣлесообразность, красоту какъ въ безконечности пространства, такъ и въ безграничной дѣлимости его, что даже и при тѣхъ слабыхъ знаніяхъ, какими обладаетъ нашъ слабый разумъ, мы не можемъ выразить всего своего изумленія и обнять все своимъ умомъ; наше сужденіе о цѣломъ разрѣшается безмолвнымъ, но краснорѣчивымъ удивленіемъ. Вездѣ мы замѣчаемъ цѣпь дѣйствій и причинъ, цѣлей и средствъ, правильность возникновенія и уничтоженія; такъ какъ ничто не вступаетъ въ извѣстное состояніе само собою, но предполагаетъ другую вещь, какъ свою причину, а эта предполагаетъ дальнѣйшую, то очевидно, необходимо предположить, что поверхъ случайнаго существуетъ нѣчто первоначальное и независимое, все собою содержащее, что, будучи причиною происхожденія всего, обезпечиваетъ за нимъ и продолженіе. Какъ великою нужно представлять себѣ эту высшую причину (относительно всѣхъ вещей міра)? Правда, что мы не вполнѣ знаемъ міръ со стороны его содержанія, еще менѣе знаемъ его величину, по сравненію съ областію возможности. Но что же препятствуетъ намъ считать причину, по степени совершенства, высшею надъ всѣмъ возможнымъ, тѣмъ болѣе, что причинность заставляетъ насъ необходимо предполагать высшее существо? «Здѣсь отъ факта красоты, цѣлесообразности и гармоніи міра дѣлается заключеніе къ бытію Верховнаго Существа, какъ единственному, объясняющему фактъ и дѣлающему его возможнымъ, предположенію. Таковы же доказательства, приводимыя психологами въ пользу существованія души, какъ особаго, самостоятельнаго и духовнаго существа. Оно развивается слѣдующимъ образомъ. Мы видимъ, что нѣкоторымъ душевнымъ явленіямъ присущъ характеръ свободы: относительно своихъ дѣйствій мы сознаемъ, что въ нашей волѣ было совершать ихъ или не совершать; даже преступникъ, закоренѣлый въ преступленіи, и тотъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ за нанесенное зло. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что ощущенія, мысль, чувствованіе, вообще душевныя явленія не имѣютъ ни вѣса, ни тяжести, ни цвѣта, ни запаха, не могутъ быть измѣряемы по протяженію и т. д., т. е. что они

не имѣютъ ни одного изъ признаковъ, обыкновенно отличающихъ матеріальныя тѣла. Слѣдовательно, необходимо предположить, что причина, производящая свободныя и нематеріальныя явленія, есть особая, самостоятельная и духовная, т. е. душа. Пріемъ, очевидно, регрессивный, идущій отъ фактовъ къ доказываемому положенію, какъ единственно возможному ихъ объясненію.

Указанный пріемъ употребляется весьма часто и въ наукѣ и въ жизни. Натуралистъ, филологъ, философъ, указывающіе, что въ виду такихъ-то и такихъ фактовъ необходимо держаться извѣстнаго мнѣнія, слѣдуютъ указанному регрессивному пріему доказыванія. Онъ весьма цѣлесообразенъ: ибо противъ фактовъ не спорятъ. Но нельзя не замѣтить, что онъ весьма труденъ. И при немъ, какъ и въ первомъ регрессивномъ, требуется дополнительное доказательство, что утверждаемое положеніе есть не только возможное, но и *единственно* удовлетворительное объясненіе фактовъ. Если можно, какъ часто и случается, объяснять ихъ другимъ предположеніемъ, несогласнымъ съ доказываемымъ, то доказательство теряетъ всю убѣдительную силу. Напр. матеріалисты доказываютъ, что душевныя явленія суть результатъ дѣятельности мозга: ибо несомнѣнное духовное разстройство возникаетъ вслѣдствіе поврежденій, болѣзней мозга. Это регрессивное доказательство было бы рѣшительнымъ, если бы матеріалисты вмѣстѣ съ тѣмъ доказали, что ихъ предположеніе есть единственное объясненіе фактовъ духовныхъ болѣзней. Но тутъ возможно еще и другое объясненіе: въ разстроенномъ мозгѣ душа лишается правильнаго органа для своего выраженія и все равно какъ игра артиста на разстроенномъ инструментѣ будетъ не стройная, такъ и обнаруженія духовной дѣятельности чрезъ разстроенный мозгъ будутъ ненормальны. Оттого и доказательство ихъ теряетъ свою силу.

Обратимся теперь къ непрямымъ доказательствамъ. Въ нихъ, какъ уже было говорено, мы обращаемся къ мысли, противоположной доказываемому положенію, и указывая на ея несостоятельность, извлекаемъ отсюда заключеніе въ пользу послѣдняго. Основаніемъ въ этомъ случаѣ для насъ служатъ законы противорѣчія и исключеннаго третьяго. Первый говоритъ, что объ одномъ и томъ же предметѣ нельзя утверждать и отрицать что-либо въ одно и тоже время въ одномъ и томъ же отношеніи. Второй — что между утвержденіемъ и отрицаніемъ нѣтъ ничего средняго и что, утверждая что-либо о предметѣ, мы должны отрицать все

противорѣчащее утверждаемому, и наоборотъ. Въ силу этихъ законовъ опроверженіе мнѣнія, противоположнаго нашему, есть непрямое доказательство послѣдняго: ибо если первое ложно, то необходимо логически, что послѣднее справедливо.

Въ непрямыхъ доказательствахъ могутъ быть употребляемы, за исключеніемъ одного, тѣ же пріемы, по какимъ развиваются и прямыя. Но здѣсь они получаютъ особый смыслъ и свое значеніе, а потому мы остановимся на нихъ.

Первый прогрессивный пріемъ не можетъ быть приложенъ въ непрямыхъ доказательствахъ. Но второе прогрессивное доказательство употребляется весьма часто. Берется мысль, противоположная доказываемой, изъ нея извлекаются прогрессивнымъ путемъ слѣдствія и нелѣпостію слѣдствій доказывается нелѣпость самаго основанія ихъ, а слѣдовательно, состоятельность доказываемаго положенія. Это есть одинъ изъ видовъ, такъ-называемаго, deductio ad absurdum. По этому пріему развивается вторая антиномія въ Критикѣ чистаго разума. Кантъ доказываетъ (360) положеніе: всякая сложная сущность въ мірѣ состоитъ изъ простыхъ частей и вообще существуетъ только нѣчто простое или сложенное изъ него, слѣдующимъ образомъ:

Допустимъ, что сложныя сущности состоятъ не изъ простыхъ частей: тогда, по уничтоженіи всякой связи частей въ вещи, у насъ не будетъ существовать ни сложныхъ, ни простыхъ частей, т. е. не останется ничего, никакой сущности. Слѣдовательно, или необходимо допускать сложность, какъ первоначальный фактъ, или должно предполагать существованіе чего-то несложнаго, простого. Въ первомъ случаѣ выходитъ, что нѣчто сложное не состоитъ изъ самостоятельныхъ частицъ, т. е. сущностей (между тѣмъ сложность есть только случайное отношеніе сущностей, и безъ нея онѣ могутъ существовать, какъ сами по себѣ пребывающія существа). Такъ какъ этотъ выводъ противорѣчитъ самому положенію, то остается второе, именно, что все самостоятельное сложное въ мірѣ состоитъ изъ простыхъ частей».

Это доказательство не прямое и есть deductio ad absurdum по второму прогрессивному пріему. Изъ положенія, противоположнаго доказываемому, мы извлекаемъ слѣдствія, и такъ какъ они нелѣпы, невозможны, то дѣлаемъ заключеніе къ состоятельности доказываемаго. Указанный пріемъ употребляетъ и Платонъ въ діалогѣ «Теэтэтъ», при опроверженіи мнѣнія Протагора, что человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей. Если это положеніе вѣрно, гово-

ритъ онъ, то нѣтъ ни ложнаго ни истиннаго мнѣнія: ибо, по предположенію, справедливо все, что ни кажется таковымъ человѣку; тогда и противорѣчащіе Протагору будутъ столь же справедливы, какъ и самъ Протагоръ. Самое серьезное возраженіе противъ матеріалистическаго взгляда на человѣка дѣлается также по этому пріему. Если допустить взглядъ, что человѣкъ есть физіологическая машина, съ необходимостію производящая дѣйствія, кажущіяся психическими, то мы послѣдовательно должны отрицать свободу воли въ человѣкѣ; отрицая свободу воли, мы должны отказаться отъ понятій объ обязанности для человѣка нравственнаго закона и отвѣтственности его за нарушенія послѣдняго; слѣдовательно, тогда нѣтъ нравственнаго добра и зла, нѣтъ преступленій, отвѣтственности за нихъ, и общество стоитъ на ложной дорогѣ, за преступленія порицая и наказывая однихъ и за доблести восхваляя и награждая другихъ.

Вообще этотъ пріемъ очень сильный. Доказать, что извѣстное положеніе ведетъ къ нелѣпымъ слѣдствіямъ, значитъ совершенно подорвать его значеніе. Многія мысли, блуждающія въ человѣческомъ обществѣ, не получаютъ значенія въ глазахъ его не потому, чтобъ были кѣмъ-нибудь и когда-либо прямо опровергнуты, но потому, что нелѣпые выводы изъ нихъ всякому очевидны и понятны.

2) Первый регрессивный пріемъ въ непрямыхъ доказательствахъ состоитъ въ томъ, что мы отъ положенія, противоположнаго доказываемому, восходимъ къ основанію его и нелѣпостію основанія доказываемъ нелѣпость противорѣчащей намъ мысли и, слѣдовательно, самостоятельность доказываемаго. Этотъ пріемъ есть второй видъ deductio ad absurdum. У Канта мы находимъ примѣръ его въ третьей антиноміи (369). Доказывается положеніе: «явленія міра могутъ быть объясняемы не исключительно изъ одной причинности законовъ природы: нужно допустить и свободу»:

«Предположимъ, что нѣтъ другой причинности, кромѣ законовъ природы. Тогда все случающееся будетъ предполагать предшествующее состояніе, за которымъ оно неизбѣжно слѣдуетъ по извѣстному закону. Но предшествовавшее состояніе само есть нѣчто случившееся (ставшее во времени тѣмъ, чѣмъ прежде не было): въ противномъ случаѣ, его дѣйствіе не могло бы возникнуть, а должно было бы существовать всегда. Слѣдовательно, причина, посредствомъ которой нѣчто случается, сама есть нѣчто случившееся, которому извѣстное состояніе предшествовало по

законамъ природы, а это въ свою очередь предполагаетъ новое и т. д. Значитъ, если все существуетъ по законамъ природы, то существуетъ только вторичное, но никакъ не первое начало, и нѣтъ полноты въ рядѣ одна отъ другой происходящихъ причинъ. Но законъ природы въ томъ и состоитъ, что ничего не случается безъ достаточной причины, опредѣленной a priori. Слѣдовательно, положеніе, что причинность возможна только по законамъ природы, взятое вообще безъ всякого ограниченія, противорѣчитъ самому себѣ и не можетъ быть допущено въ исключительномъ смыслѣ».

Здѣсь Кантъ отъ положенія, противоположнаго мысли, что нужно допустить въ мірѣ и свободу, регрессивно восходитъ къ основаніямъ и приходитъ къ нелѣпому принципу, на который опирается положеніе, что все въ природѣ должно быть изъясняемо изъ причинности, именно къ принципу—что существуетъ только вторичное, а никакъ не первое начало и нѣтъ полноты въ рядѣ причинъ; это основаніе противорѣчитъ само себѣ: ибо законъ причинности означаетъ, что ничего не случается безъ предшествующаго перваго, а не вторичнаго звѣна. Доказательство это столь же сильно, какъ и предшествующее, но здѣсь также нужно дополнительное доказательство, что противоположная нашему положенію мысль основывается именно на томъ нелѣпомъ основаніи, которое мы приводимъ: ибо если она можетъ основываться на другомъ, не нелѣпомъ, то доказательство теряетъ всю свою силу. Оттого, при опроверженіяхъ по этому пріему, полемика бываетъ продолжительнѣй, чѣмъ по первому. Для противника здѣсь возможно доказывать или то, что основаніе его отнюдь не нелѣпо, или что онъ опирается не на томъ основаніи, которое ему ставится въ вину. Но разъ доказано, что мысль опирается на ложномъ основаніи, она теряетъ всю свою силу и всякое право на довѣріе.

3) Второе регрессивное непрямое доказательство заключаетъ въ пользу доказываемой мысли отъ невозможности объяснять факты антитезомъ. Мы указываемъ факты и говоримъ, что они не могутъ быть объясняемы положеніемъ, противоположнымъ доказываемому; отсюда заключаемъ къ состоятельности послѣдняго. По этому пріему, психологи, защищающіе самостоятельность души, указываютъ на то, что, при матеріалистическомъ предположеніи, невозможно объяснить фактъ сознанія. Сознаніе означаетъ, что мы постоянно относимъ себѣ, какъ центру, переживаемыя состоя-

нія, т. е. нетолько ощущаемъ, мыслимъ, чувствуемъ, но и знаемъ, что это наши дѣйствія. При матеріалистической гипотезѣ, мы должны предположить какую либо часть мозга производящею сознаніе. Но эта часть мозга въ свою очередь, какъ и все матеріальное, дѣлима до безконечности и, какъ таковая, она не можетъ быть органомъ единаго и нераздѣльнаго сознанія: фактъ сознанія остается тогда необъяснимымъ. Слѣдовательно, необходимо допустить существованіе особаго самостоятельнаго центра, въ которомъ психическія явленія сознаются, т. е. душу. При полемикѣ этотъ пріемъ весьма употребителенъ: чтобъ доказать ложь въ мнѣніяхъ своего противника, мы представляемъ факты, несогласимые съ ними.

Всѣ разсмотрѣнные пріемы имѣютъ большое значеніе при всякомъ доказываніи и опроверженіи. Прямыми пріемами мы пользуемся для положительнаго утвержденія своихъ положеній, непрямыми при критикѣ и полемикѣ съ убѣжденіями и воззрѣніями, которыхъ не раздѣляемъ. Искусство доказыванія и полемики съ противниками въ томъ и состоитъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ наиболѣе цѣлесообразно пользоваться тѣмъ именно пріемомъ, который можетъ вѣрнѣе вести къ подтвержденію или опроверженію даннаго положенія.

Сравнительная сила доказательныхъ пріемовъ. Сравнивая прямыя и непрямыя доказательства по ихъ силѣ и значенію, мы находимъ, что перевѣсъ силы и убѣдительности находится, на сторонѣ послѣднихъ. Изъ прямыхъ наиболѣе сильные и строгіе пріемы мы находимъ въ первомъ прогрессивномъ доказательствѣ и во второмъ регрессивномъ; непрямыя, всѣ три, вѣрно ведутъ къ цѣли, и каждое изъ нихъ есть страшное орудіе въ рукахъ ловкаго противника. Deductio ad absurdum въ обоихъ видахъ и второе регрессивное, каждое вполнѣ и совершенно уничтожаетъ значеніе мысли, противъ которой они направлены. Оттого, 1) отрицаніе, опроверженіе вообще легче, чѣмъ доказываніе. Чтобъ вести положительное доказательство, нужно хорошо знать, какъ общіе принципы, такъ и факты, имѣющіе отношеніе къ дѣлу, а для этого, кромѣ обширной подготовки, нужно еще своего рода творчество, умѣющее находить связь доказываемаго съ принципами и фактами. Отрицаніе же дается гораздо легче. Одинъ фактъ, приведенный въ пользу положенія, еще не доказываетъ его: нужно, чтобъ фактовъ было много; но одинъ фактъ, приведенный противъ и дѣйствительно рѣзко противорѣчащій положенію, превос-

ходно достигаетъ цѣли, т, е. разрушаетъ его *). Не собирая никакихъ справокъ о дѣлѣ и не входя въ подробности его, намъ стоитъ указать при опроверженіи связь положенія съ какимъ либо нелѣпымъ основаніемъ или слѣдствіемъ и опроверженіе будетъ достигнуто. И такъ, въ одномъ случаѣ можно, не входя въ подробности дѣла, безъ особаго труда разрушать мысль, въ другомъ же, чтобъ достигнуть цѣли, нужно знаніе, и притомъ обширное. Вотъ почему такъ много отрицателей въ обществѣ, литературѣ. и такъ мало людей, трудящихся надъ положительными задачами. Посему необходимо помнить, и это будетъ составлять наше второе замѣчаніе, что

2) не нужно спѣшить опроверженіемъ того, что кажется намъ страннымъ. Вопервыхъ, есть много мыслей, которымъ легко могутъ быть противопоставлены факты, но которыя заключаютъ въ себѣ значительную долю истины. Геніальныя мысли рѣдко являлись въ такой формѣ, чтобъ могли вполнѣ господствовать надъ фактами: иногда въ нихъ было много противорѣчиваго, страннаго и несогласнаго съ кажущеюся дѣйствительностію. Но тѣ, кто отвергали ихъ, потому что онѣ казались имъ противорѣчащими фактамъ, показали только, что не имѣли достаточно прозорливости. Такъ было съ теоріей Коперника, съ предположеніями Фердинанда Колумба, съ предложеніемъ Фультона и т. д. Вовторыхъ, есть мысли, только кажущіяся нелѣпыми въ своихъ основаніяхъ и слѣдствіяхъ. Нужно помнить, что нелѣпость можетъ имѣть чисто субъективный характеръ: нелѣпое въ глазахъ одного можетъ быть высокою истиною для другихъ. Апостолъ Павелъ говоритъ о проповѣдываемомъ имъ словѣ, что оно казалось іудеямъ соблазномъ, а эллинамъ безуміемъ, а между тѣмъ это слово побѣдило міръ. Иное кажется нелѣпостію только потому, что мы не привыкли къ нему, потому что оно совершенно ново для насъ; все равно какъ человѣкъ другого типа кажется намъ безобразнымъ, потому что мы къ нему не приглядѣлись; приглядѣвшись,

---

*) Въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ подчиненія, на основаніи количества сужденія, мы видѣли уже, что отъ ложности частнаго сужденія можно заключать къ ложности общаго, но отъ истинности частнаго къ истинности общаго заключать нельзя. И такъ, если найдется, что положеніе погрѣшаетъ только въ одномъ случаѣ, фактѣ—этого достаточно, чтобъ его опровергнуть; тогда какъ нужно собрать много положительныхъ фактовъ, чтобъ доказать справедливость общаго положенія.

начинаемъ въ немъ же находить благообразіе и красоту. Вообще необходимо быть въ высшей степени осторожнымъ при опроверженіяхъ.

Различіе доказательствъ по формѣ. По формѣ доказательства различаются на коллективныя и раздѣлительныя.

Въ коллективныхъ доказательствахъ доказываемое положеніе раздѣляется на частныя мысли и каждая изъ нихъ доказывается отдѣльно. Выводъ здѣсь получается какъ сумма частныхъ доказательствъ. Такъ поступаетъ ботаникъ или зоологъ, когда они проводятъ взглядъ, касающійся цѣлаго рода, состоящаго изъ многихъ видовъ; они говорятъ о каждомъ видѣ въ отдѣльности и затѣмъ суммируютъ свой выводъ. Когда обсуждаются мѣры, касающіяся цѣлаго народа, то ихъ польза или вредъ доказывается по отношенію къ каждому сословію отдѣльно и затѣмъ дѣлается общее заключеніе.

Раздѣлительныя доказательства основываются на сложныхъ раздѣлительныхъ силлогизмахъ. Мы даемъ эту форму своимъ доказательствамъ во всѣхъ случаяхъ, когда имѣемъ дѣло съ сложными вопросами и съ разнообразными ихъ рѣшеніями: таковы вопросы о взаимодѣйствіи души и тѣла, происхожденіи нравственнаго закона и т. д. При развитіи доказательства мы слѣдуемъ пріемамъ раздѣлительныхъ соритовъ, т. е. мы отрицаемъ всѣ возможныя рѣшенія, за исключеніемъ одного, допускаемаго нами.

Недостатки въ доказательствахъ. Въ заключеніе ученія о доказательствахъ мы разсмотримъ возможные ихъ недостатки. Они могутъ быть трехъ родовъ: 1) въ доказательствѣ могутъ быть неправильно связываемы посылки, 2) ошибки могутъ заключаться въ самомъ содержаніи посылокъ и 3) онѣ могутъ зависѣть отъ неправильности въ выводѣ изъ посылокъ. О первомъ родѣ ошибокъ мы уже говорили, заключая ученіе о силлогизмахъ. Обратимся къ остальнымъ двумъ источникамъ погрѣшностей.

Въ самомъ содержаніи посылокъ можетъ заключаться обильный источникъ заблужденій. 1) Прежде всего основная мысль, на которую опирается все доказательство, можетъ быть неправильна и изъ нея могутъ вытекать многіе ложные выводы. Этотъ недостатокъ извѣстенъ еще со временъ Аристотеля подъ названіемъ πρῶτον ψεῦδος (первая ложь). Такъ, въ этикѣ эпикурейцевъ взглядъ, что благо заключается въ удовольствіи, былъ первою ошибкою, которая искажала всѣ ихъ разсужденія о добрѣ и обязанностяхъ:

вліяніе ея можно прослѣдить на всемъ ихъ нравственномъ ученіи. Разъ допустивъ ошибку, человѣкъ, какъ въ теоріи, такъ и практикѣ, часто долженъ, чтобъ остаться вѣрнымъ самому себѣ, громоздить ошибку на ошибку. 2) Другой недостатокъ называется petitio principii—именно, когда мы доказываемъ что либо такимъ положеніемъ, которое еще само требуетъ доказательствъ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы думаемъ опираться на принципы, можетъ быть, для насъ лично и убѣдительные, но отнюдь не безспорные для другихъ. Таковъ обыкновенно языкъ школы, партіи: философскія школы часто доказываютъ свои положенія тѣмъ, что̀ ими допускается безспорно, но отрицается другими школами; ораторы политическихъ партій при доказательствахъ также часто предполагаютъ несомнѣнными такіе принципы, которые имѣютъ условный характеръ.

3) Третій недостатокъ называется circulus in demonstrando, когда извѣстное положеніе доказывается имъ же самимъ. Примѣръ такой ошибки можно видѣть, напримѣръ, въ слѣдующемъ доказательствѣ бытія Божія: «Мы имѣемъ въ себѣ ясную и раздѣльную идею Божества. Она ложною быть не можетъ, потому что если она не образована нами (мы находимъ ее уже данною въ насъ), то она напечатлѣна намъ Верховнымъ Существомъ, которое, будучи святымъ, лгать и обманывать не можетъ». Здѣсь святостію Верховнаго Существа доказывается его бытіе, между тѣмъ какъ это бытіе служитъ условіемъ, при которомъ можно говорить о святомъ Существѣ.

Затѣмъ ошибки въ доказательствахъ могутъ проистекать отъ неправильнаго вывода заключенія. Этотъ недостатокъ въ логикахъ называется ignoratio, mutatio elenchi, измѣненіе доказательства. Таковы доказательства въ духѣ сектъ. Всѣ онѣ опираются на библію, какъ на христіанскій источникъ вѣроученія, но извлекаютъ изъ нея заключенія каждая по своему вкусу. Такъ, каждая политическая и литературная партія изъ общепринятыхъ принциповъ извлекаетъ выводы, которые ей нравятся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дедукція въ связи съ индукціей.

Разсмотримъ теперь дедуктивный вопросъ въ отношеніи къ индукціи. Хотя иногда ихъ противополагаютъ другъ другу, но

взаимныя отношенія ихъ весьма близкія. Мы не говоримъ здѣсь о той многосторонней помощи индукціи, которую оказываетъ дедукція въ дѣлѣ изслѣдованія причинной связи. Въ свое время мы замѣчали уже, что, напримѣръ, для успѣха экспериментовъ имъ долженъ предшествовать анализъ факта, т. е. мыслительная работа чисто дедуктивнаго характера. Методъ остатковъ построяется на успѣшномъ выдѣленіи изъ состава явленій того, что уже извѣстно изъ науки, что́ опять достигается только тщательною аналитическою работою, то есть, дедуктивною. При изслѣдованіи, такъ называемыхъ, сложныхъ явленій, она также необходима, какъ мы говорили о томъ въ свое время. Слѣдовательно, на чисто индуктивной почвѣ она во многихъ отношеніяхъ помогаетъ изслѣдователю. Но мы желаемъ прослѣдить здѣсь отношеніе дедукціи къ индукціи съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ первая является процессомъ, довершающимъ послѣднюю, именно, поскольку дедукція способствуетъ болѣе широкому примѣненію, распространенію и обобщенію индуктивныхъ выводовъ. Мы постараемся указать услуги, оказываемыя ею при объясненіи фактовъ и самыхъ законовъ, открываемыхъ индукціей.

Значеніе дедукціи для объясненія фактовъ. Услуги дедукціи весьма разнообразны. Посредствомъ ея мы 1) примѣняемъ индуктивные выводы къ объясненію, совершающихся кругомъ насъ, явленій природы, 2) комбинируемъ многіе отдѣльные законы въ одно цѣлое для объясненія сложныхъ явленій, наконецъ 3) распространяемъ индуктивные законы на новые случаи.

Итакъ, прежде всего съ помощію дедукціи мы примѣняемъ индуктивные выводы къ объясненію, совершающихся предъ нами, явленій природы. Наука даетъ намъ только общія положенія, не относящіяся спеціально ни къ какому отдѣльному случаю. Химія говоритъ о соединеніи кислорода съ другими элементами, но не говоритъ, съ чѣмъ и какъ соединяется кислородъ въ томъ или другомъ мѣстѣ, въ извѣстной вещи и т. д. Физика говоритъ объ условіяхъ равновѣсія силъ, но не опредѣляетъ, какія условія соблюдены при устройствѣ извѣстной машины. Физіологія даетъ намъ рядъ общихъ положеній относительно дѣятельности мускула питанія, кровообращенія, дыханія, но ничего не говоритъ объ индивидуальныхъ организмахъ. Наука, конечно, не могла бы существовать, еслибъ она должна была давать частные выводы относительно конкретныхъ случаевъ: она оказалась бы безсильною предъ необозримымъ множествомъ реальныхъ явленій. Въ индук-

тивныхъ же обобщеніяхъ мы имѣемъ своего рода конспекты, и съ помощію ихъ, легко можемъ найтись во множествѣ фактовъ. Но чтобъ приложить ихъ къ дѣлу, необходимо послѣдніе подводить подъ обобщенія, удостовѣряться, что случай подходитъ подъ нихъ; это уже не есть дѣло индукціи, а дедукціи. Послѣдняя именно подводитъ реальное явленіе подъ индуктивный законъ и такимъ образомъ объясняетъ первое. Съ помощію химическихъ обобщеній о соединеніи кислорода съ тѣлами, мы объясняемъ себѣ извѣстный фактъ пожара, порчу вещей и сохраненіе ихъ отъ ржавчины, гніеніе тѣлъ, доступныхъ вліянію кислорода, т. е. дедуктивно подводимъ реальные, около насъ совершившіеся, факты подъ общіе законы. Съ помощію физическаго ученія о равновѣсіи силъ, мы объясняемъ себѣ, почему извѣстный рычагъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ съ одною силою, а при измѣненіи точки опоры его — съ другою. Пользуясь физіологическими данными, мы объясняемъ, почему намъ легко дышится на открытомъ воздухѣ и почему мы задыхаемся въ испорченной атмосферѣ. Дедукція дѣлаетъ индуктивныя науки, столь абстрактныя въ своихъ выводахъ, нашими живыми руководителями и истолкователями среди окружающей природы, короче, на дедукціи основывается примѣненіе индуктивныхъ законовъ.

Далѣе, благодаря дедукціи, мы комбинируемъ многіе отдѣльные законы для объясненія сложнаго факта. Есть такіе сложные случаи, которые не могутъ быть подчинены эксперименту, которые не могутъ быть расчленены такъ, чтобы каждая сторона ихъ могла быть предметомъ особаго изслѣдованія. Напр. полетъ пушечнаго ядра не можетъ быть опредѣленъ ни экспериментомъ, ни какимъ либо индуктивнымъ методомъ. Но дедукція можетъ отдѣльно опредѣлить всѣ элементы этого полета, конструировать его и такимъ образомъ разъяснить это явленіе. Она беретъ во вниманіе силу верженія, дѣйствіе тяжести, сопротивленіе воздуха и опредѣляетъ, какъ далекъ долженъ быть полетъ ядра при извѣстныхъ опредѣленныхъ данныхъ. Слѣдовательно, дедукція объясняетъ здѣсь явленіе чрезъ комбинацію отдѣльныхъ законовъ, извѣстныхъ индуктивно. Такимъ образомъ астрономы построяютъ дедуктивнымъ путемъ движенія планетъ, отдѣльные же элементы движенія извѣстны имъ чрезъ индукцію; съ помощію именно этого пріема, физіологи изучаютъ отправленія отдѣльныхъ частей головного мозга, и когда имъ удастся опредѣлить главнѣйшіе элементы этихъ отправленій и отыскать значеніе каждой части мозга, возможно бу-

детъ дедуктивнымъ путемъ комбинировать эти данныя для разъясненія дѣятельности его, какъ цѣлаго. Этимъ именно пріемомъ объяснены явленія, какъ напр. смѣна дня и ночи, временъ года, и т. под. Замѣтимъ, что дедуктивное построеніе во всѣхъ случаяхъ должно быть повѣряемо наблюденіемъ. Астрономъ долженъ повѣрять свои исчисленія наблюденіемъ, паденіе снарядовъ должно быть, послѣ исчисленія, провѣрено эмпирически. При полномъ согласіи дедуктивныхъ построеній съ фактами, можно ручаться, что наука, предлагающая ихъ, стоитъ на вѣрной дорогѣ.

Наконецъ, дедукція распространяетъ извѣстные законы на новые случаи. Индукція даетъ намъ выводъ, что матеріальныя вещества, обладающія свойствомъ инерціи, подчинены закону тяжести: спрашивается, имѣетъ ли свойство непроницаемости эѳиръ, наполняющій неизмѣримое пространство, раздѣляющее планеты? Опытнымъ наблюденіемъ, конечно, этого мы провѣрить не можемъ. Но мы дѣлаемъ дедуктивнымъ путемъ заключеніе, что такъ какъ онъ обнаруживаетъ замедляющую силу на движущіяся въ немъ тѣла (чѣмъ и объясняется замедленіе вращенія кометы Энке), то онъ долженъ подчиняться дѣйствію тяжести. Въ психологіи, благодаря изслѣдованіямъ Вебера и Фехнера, доказано, что ощущенія возрастаютъ и уменьшаются соотвѣтственно возрастанію и уменьшенію силы впечатлѣній. Этотъ общій законъ для ощущеній мы дедуктивно можемъ распространить на другіе психическіе факты: напримѣръ, можно предполагать, что состоянія удовольствія и неудовольствія, стремленія, мысли увеличиваются въ своей силѣ, сообразно силѣ возбуждающихъ ихъ дѣятелей. Это распространеніе индуктивнаго закона на рядъ другихъ фактовъ состоитъ, въ сущности, въ томъ, что мы отожествляемъ новое явленіе съ прежде извѣстными и такимъ образомъ подводимъ его подъ индуктивный законъ, которому подчинены послѣднія. Для такого отожествленія правилъ не существуетъ: нельзя указать способы, которыми оно достигается. Все зависитъ отъ иниціативы ума отъ силы синтеза въ немъ, слѣдовательно, отъ такихъ индивидуальныхъ качествъ его, которыя даются скорѣе отъ природы, чѣмъ вырабатываются воспитаніемъ.

Значеніе дедукціи при объясненіи законовъ. Мы разсматривали до сихъ поръ услуги дедукціи для объясненія явленій съ помощію индуктивныхъ законовъ: она содѣйствуетъ примѣненію послѣднихъ и распространенію ихъ на факты, — или [illegible]зающіе отъ прямого индуктивнаго изслѣдованія, или еще не изслѣдованные.

Но она помогаетъ изъяснять не только явленія, но и самые законы, открытые индуктивно. Дѣло въ томъ, что въ иныхъ случаяхъ индуктивные законы бываютъ слишкомъ сложны и сами нуждаются въ аналитическомъ расчлененіи на частные составные законы. Съ другой стороны, индуктивные законы бываютъ иногда одиночно подмѣченными обобщеніями и нуждаются въ подчиненіи законамъ, болѣе общимъ, къ которымъ собственно наука и стремится. Въ этихъ случаяхъ дедукція опять доканчиваетъ дѣло индукціи.

Первый случай, въ которомъ дедукція дополняетъ индукцію, тотъ, когда законъ не опредѣленъ точно, хотя подмѣченъ вѣрно. Чтобъ стать совершенно опредѣленнымъ, а вмѣстѣ получить логическую прозрачность, онъ нуждается въ аналитической разработкѣ. Не лишая его характера общности, нужно указать частные дѣйствующіе законы, слѣдствіемъ которыхъ онъ является. Напримѣръ, мы говоримъ, что планеты движутся вокругъ солнца по эллипсису. Это несомнѣнный законъ, но мы не видимъ, слѣдствіемъ чего онъ является, не видимъ составныхъ частей его: ибо очевидно, это движеніе планетъ зависитъ отъ нѣсколькихъ причинъ и опредѣляется разными условіями. Законъ получилъ логическую ясность, когда его дедуктивно расчленили на составныя части: на законъ притяженія массою солнца и силу верженія. Извѣстенъ законъ паденія бросаемыхъ снарядовъ по параболѣ. Но не прежде онъ сдѣлается совершенно яснымъ и точнымъ, какъ только тогда, когда онъ будетъ анализованъ на отдѣльные законы, суммою которыхъ онъ является, и опредѣлится ихъ взаимодѣйствіе, т. е. взаимодѣйствіе силы верженія, тяжести, противодѣйствія атмосферы. Въ этихъ случаяхъ дедукція какъ бы построяетъ законъ изъ отдѣльныхъ частей, на которыя онъ разлагается.

Съ другой стороны, чрезъ дедукцію мы сводимъ частные законы къ одному общему. Такъ, фактъ притяженія тѣлъ землею или законъ тяжести, и фактъ притяженія одного небеснаго тѣла другимъ возведены къ одному болѣе общему закону тяготѣнія. Оба они логически подчинены послѣднему и предполагаются имъ, какъ родъ предполагаетъ виды. Въ физикѣ явленія обыкновеннаго электричества, магнетизмъ, электромагнетизмъ сводятся къ одному высшему роду — полярному электричеству; или, къ закону сохраненія силы сводятся всѣ частные законы отдѣльныхъ явленій движенія теплоты, электричества, свѣта. Въ геологіи такимъ высшимъ закономъ, долженствующимъ логически объяснить всѣ

частно подмѣченныя обобщенія относительно распредѣленія пластовъ, остатковъ растеній, животныхъ въ разныхъ пластахъ, служитъ законъ развитія (эволюціи). Въ зоологіи теорія Дарвина-Ламарка (постепенное развитіе видовъ и родовъ путемъ естественнаго подбора) есть попытка замѣнить высшимъ закономъ всѣ частныя обобщенія подмѣченныхъ сходныхъ чертъ, сближающихъ одинъ видъ животнаго съ другимъ. Такіе законы открываются одною дедукціей. Мысль находитъ родовой законъ, которому частные логически подчиняются, т. е. здѣсь мыслительный процессъ подобенъ тому, какимъ мы къ даннымъ меньшимъ посылкамъ пріискиваемъ большія.

Слѣдовательно, и для разъясненія индуктивныхъ законовъ дедукція въ высшей степени важна. Она аналитически разъясняетъ подробности ихъ и такимъ образомъ даетъ намъ точное понятіе о составныхъ частяхъ закона. Рядомъ съ этою услугою дедукція оказываетъ другую въ противоположномъ направленіи: частные законы она подчиняетъ высшимъ и такимъ образомъ приближаетъ индуктивную науку къ ея цѣли: свести многочисленныя индуктивныя обобщенія къ немногимъ общимъ законамъ природы *).

Заканчивая рѣчь объ услугахъ дедукціи индукціи, мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о тѣхъ отрицательныхъ выводахъ, какіе мы дедуктивно дѣлаемъ изъ индуктивныхъ обобщеній. Чрезъ дедукцію именно, индукціи обезпечивается вліяніе на наши

---

*) Милль, говоря о разъясненіи законовъ природы, различаетъ еще одну форму разъясненія: именно, открытіе посредствующихъ причинъ между отдаленною причиною и ея слѣдствіемъ. Въ главѣ, въ которой онъ трактуетъ объ этомъ предметѣ (Chap. VII, 510—520), онъ называетъ процессъ разъясненія законовъ deductive operation. Объ остальныя формы, указанныя имъ, о которыхъ мы также говорили, очевидно дедуктивнаго характера. Указанная же выше есть ничто иное, какъ индукція. Только посредствомъ опыта мы можемъ открыть посредствующія звѣнья между означенными въ индуктивномъ обобщеніи фактами Мы говоримъ: сахаръ производитъ ощущеніе сладости. Здѣсь мы означаемъ только начальное и конечное звѣно процесса ощущенія сладости: возбужденіе нерва, раздраженіе головного мозга, возбужденіе души, суть посредствующіе процессы, здѣсь необозначенные, и которые должны быть изслѣдованы. Но дедуктивно они открыты никогда быть не могутъ: только тщательнымъ изслѣдованіемъ дѣятельности нерва и мозга, условій возбужденія ихъ и самаго способа раздраженія, анатомическимъ изслѣдованіемъ состава периферическаго и центральнаго окончаній нерва, возможно сдѣлать какія-либо обобщенія относительно ощущенія. Слѣдовательно, этотъ случай не можетъ быть подведенъ подъ дедуктивные случаи разъясненія законовъ природы.

убѣжденія и воззрѣнія на вещи; чрезъ нее разсѣеваются ложныя воззрѣнія на процессы природы, на силы въ ней дѣйствующія. Изъ положительныхъ данныхъ науки мы извлекаемъ заключенія, чего именно нельзя приписывать явленіямъ. Этимъ путемъ рушились суевѣрныя мнѣнія древнихъ и средневѣковые предразсудки. Знакомясь съ принципами, методами и выводами индукціи, мы пріучаемся требовать такой же точности и отъ всего другого, и встрѣчаясь съ тѣмъ, что имъ противорѣчитъ, мы относимся къ тому отрицательно. Чрезъ дедукцію, слѣдовательно, индуктивныя науки цивилизуютъ, дисциплинируютъ и очищаютъ отъ заблужденій и предразсудковъ нашу мысль, какъ теоретическую, такъ и практическую. Но при этомъ нельзя не замѣтить, что увлекаясь иногда скороспѣлыми мнимыми выводами реальныхъ наукъ, многіе дѣлаютъ преждевременныя заключенія, противорѣчащія основнымъ нравственнымъ и эстетическимъ предположеніямъ. Въ такихъ случаяхъ необходимо держаться двухъ руководящихъ правилъ: во-первыхъ, нужно опираться на несомнѣнные выводы индукціи, доказанные и не подлежащіе сомнѣнію; во-вторыхъ, нужно позволять себѣ только такіе отрицательные выводы, которые прямо логически слѣдуютъ изъ первыхъ. Между тѣмъ оба эти условія часто не соблюдаются: отъ болѣе или менѣе вѣроятныхъ только гипотезъ иногда дѣлаютъ заключенія, идущія противъ религіозныхъ и нравственныхъ основъ, и еще чаще дѣлаются заключенія къ тому, чего индуктивные законы прямо не касаются.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Система.

Перейдемъ теперь къ логической формѣ, которую можно назвать послѣднимъ результатомъ логическаго движенія мысли, которое начинается съ представленій и продолжается въ понятіяхъ, сужденіяхъ, въ индуктивномъ и дедуктивномъ процессахъ. Эта форма, въ которой мы даемъ окончательный порядокъ и строй нашимъ знаніямъ, есть система, или то, что обыкновенно называется наукою *).

*) Мы намѣрены здѣсь сказать о научной системѣ. Понятіе науки не совсѣмъ совпадаетъ съ понятіемъ системы. Наука можетъ существовать до системы: такъ, первымъ началомъ науки были отрывочныя, разрозненныя свѣдѣнія

Понятіе о системѣ. Слово *система* происходитъ отъ συνίστημι, что значитъ составлять, σύστημα значитъ составъ. Какъ же можно составлять или сопоставлять знанія? Очевидно, можно просто соединять ихъ вмѣстѣ, безъ всякого вниманія къ содержанію, смыслу и значенію ихъ, и можно располагать ихъ такъ, чтобъ каждое соединялось съ тѣмъ, съ чѣмъ имѣетъ логическую связь, чтобъ всѣ вмѣстѣ представляли одно стройное цѣлое. Первый способъ составленія совершенно случаенъ; второй управляется логическими принципами, происходитъ по какому либо методу, имѣетъ какія нибудь опредѣленныя цѣли. Если система должна быть логическою формою знаній, то очевидно, она должна быть составомъ знаній въ послѣднемъ смыслѣ.

Система есть логически цѣлый составъ знаній, въ которомъ разнообразныя познанія, пріобрѣтенныя по опредѣленному методу, поставляются во взаимную связь и каждое изъ нихъ получаетъ свое опредѣленное мѣсто. Остановимся на важнѣйшихъ сторонахъ этого опредѣленія.

Вопервыхъ, система есть логически цѣльный составъ знаній. Этою чертою она отличается отъ всякого случайнаго состава мыслей. Можно представить себѣ сочиненія, въ которыхъ предлагается множество различныхъ знаній, но которыя нельзя назвать системами; можно представить себѣ диллетантовъ энциклопедистовъ, которые помнятъ огромное количество научныхъ подробностей. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ составомъ знаній, но составъ не будетъ системою Чего же недостаетъ ему? Вопервыхъ, онъ случаенъ; одно знаніе сопоставляется съ другимъ безъ всякой внутренней причины: они стоятъ рядомъ, но никакая внутренняя связь ихъ не соединяетъ. Отъ этого зависитъ и второй недостатокъ: упомянутые составы знаній не представляютъ ничего стройнаго цѣлаго: они суть простыя собранія понятій, ничѣмъ не объединенныя. Система, напротивъ, есть какъ бы замкнутый въ себѣ циклъ извѣстнаго рода познаній; система психологіи есть циклъ знаній о душевной жизни, логика есть составъ знаній о пріемахъ и законахъ нашего мышленія, физика есть циклъ знаній о силахъ природы, законахъ и условіяхъ ихъ дѣйствія. Различныя области теоретическаго и практическаго вѣ-

---

въ той или другой области жизни и знанія; напримѣръ, такъ называемая, доисторическая археологія началась, какъ наука, съ открытій Буше-де-Перта, но какъ система, она, можно сказать, не существуетъ и теперь Всякая система предполагаетъ довольно значительное количество уже обработанныхъ знаній.

дѣнія объединяются въ системѣ въ одно стройное цѣлое и каждая наука въ силу своего систематическаго характера обособляется въ отдѣльный и самостоятельный циклъ знаній.

Характеромъ системы, какъ *логически цѣльнаго* состава знаній опредѣляются всѣ остальныя отличительныя ея черты, именно:

Въ системѣ есть опредѣленный методъ. Онъ есть необходимая ея принадлежность. Присутствіе его указываетъ, что научныя познанія пріобрѣтаются не на удачу, какъ ни попало, а по опредѣленному пріему, правилу. Выборъ наукою того или другого метода не подлежитъ произволу: онъ опредѣляется характеромъ самаго изучаемаго предмета, цѣлями, которыя мы преслѣдуемъ въ наукѣ, состояніемъ знаній и т. п. Имѣя дѣло съ фактами природы, наука естественно должна опираться на опытъ, наблюденіе, слѣдовательно, развиваться по методу индуктивному. Имѣя дѣло съ міромъ нравственныхъ явленій, которыя въ иныхъ случаяхъ взаимно одно другое предполагаютъ и логически условливаютъ, мы должны обращаться болѣе къ дедукціи, чѣмъ индукціи. Въ первомъ случаѣ, собирая индуктивныя знанія въ систему, наука можетъ излагать ихъ по пріему преимущественно аналитическому, или классифицировать ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Во второмъ— она столь же легко можетъ употреблять синтетическій, какъ и аналитическій методы и имѣть чисто дедуктивный характеръ. Съ другой стороны, и состояніе знаній также опредѣляетъ выборъ метода. Есть науки до высокой степени разработанныя: отдѣльные выводы ихъ уже поставлены въ логическую связь и найдены такіе общіе законы, что изъ нихъ дедуктивно могутъ быть выведены многія подробности, цѣлые ряды явленій. Системы такихъ наукъ, какъ астрономія и оптика, могутъ развиваться по дедуктивному методу. Другія науки, еще имѣющія дѣло съ частностями и не овладѣвшія ими, конечно, должны слѣдовать пріему индуктивному. Такъ какъ въ выборѣ метода произвола нѣтъ, изслѣдованіе предметовъ по методу устраняетъ всякую случайность и произволъ въ образованіи нашихъ знаній о нихъ, то понятно, почему система или наука, въ качествѣ стройнаго цѣлаго, предполагаетъ методъ, какъ нѣчто въ ней существенное и необходимое.

Затѣмъ, познанія въ системѣ поставляются во взаимную связь. Пока невозможно обобщать знаній, отыскивать между ними какую-либо связь и находить соотношенія между ними, науки, какъ системы, еще не существуетъ; можетъ существовать научное изслѣдованіе научная подготовка, но науки въ собственномъ смыслѣ

еще нѣтъ. Она является, когда возможно дѣлать какія-либо обобщенія, т. е. соединять или разъединять подробности. Связываются знанія въ системѣ *логически*, т. е. тѣми узами, въ силу которыхъ частное зависитъ отъ общаго и общее предполагаетъ частное: группы фактовъ обобщаются въ ней частными законами; группы частныхъ законовъ объединяются общими, и окончательная цѣль ея заключается въ томъ, чтобы не осталось въ изслѣдуемой ею области жизни, бытія, ни одного факта, котораго она не могла бы объяснить изъ открытыхъ ею общихъ законовъ. Въ той мѣрѣ, въ какой наука приближается къ этой цѣли, ея знанія сплочиваются въ одно цѣлое; чѣмъ крѣпче взаимная связь ихъ, тѣмъ болѣе наука пріобрѣтаетъ органическій характеръ: ибо какъ въ организмѣ одна часть предполагаетъ другую и всѣ вмѣстѣ служатъ одной общей цѣли, такъ точно и въ развитой наукѣ всѣ знанія поддерживаютъ одно другое, неразрывно связаны взаимно и всѣ вмѣстѣ стремятся къ одной цѣли — истинѣ.

Наконецъ, въ системѣ каждое знаніе получаетъ свое опредѣленное мѣсто — это значитъ, что въ ней каждое знаніе получаетъ свой смыслъ и свое значеніе. Оно не остается въ ней изолированнымъ и обособленнымъ, но логически подчиняясь однимъ знаніямъ и само подчиняя себѣ другія, оно получаетъ то именно мѣсто, которое свойственно ему по его содержанію. Въ системѣ мы видимъ, какъ каждое понятіе и обобщеніе есть звѣно, связывающее другія звѣнья въ ряду знаній, и на своемъ мѣстѣ, въ своемъ значеніи звѣно необходимое. Оттого, благодаря системѣ, мы можемъ ориентироваться во множествѣ понятій: все равно какъ въ комнатѣ, гдѣ каждая вещь на своемъ мѣстѣ, легко найти, что намъ нужно, такъ и въ системѣ, дающей каждому понятію свое мѣсто, мы легко найдемъ, что намъ нужно, и поймемъ, съ какого рода знаніями имѣемъ дѣло.

Форма системъ. Форма системъ видоизмѣняется, смотря по состоянію знанія въ извѣстное время и по различію цѣлей познанія. Знанія въ различныхъ областяхъ человѣческаго вѣдѣнія находятся не на одинаковыхъ ступеняхъ развитія. Наука можетъ находиться, какъ говорятъ, въ младенческомъ состояніи. Когда она должна собирать факты, заниматься ихъ анализомъ, она, очевидно, не можетъ принять форму дедуктивной системы. Иное дѣло, когда наука, обладая множествомъ хорошо подмѣченныхъ и описанныхъ фактовъ, въ состояніи указать общій законъ, связываю-

щій ихъ между собою и подчиняющій ихъ себѣ. Въ послѣднемъ случаѣ возможна для нея форма системы, какая немыслима въ первомъ. Въ такихъ различныхъ состояніяхъ находятся въ настоящее время, напримѣръ, астрономія и доисторическая археологія: послѣдняя возникла недавно, владѣетъ недостаточнымъ количествомъ фактовъ, она проходитъ періодъ весьма частныхъ обобщеній и до цѣльнаго взгляда на поколѣнія, жившія въ древнѣйшія времена, на условія ихъ развитія, ей еще далеко; поэтому она въ настоящее время есть описательная наука, классифицирующая въ извѣстномъ порядкѣ добытые факты. Въ иномъ положеніи астрономія, нашедшая въ Ньютоновской гипотезѣ недостававшій ей общій раціональный законъ, изъ котораго могутъ быть выведены и объяснены небесныя явленія. Она приняла поэтому форму науки дедуктивной.

Съ другой стороны, познавательныя цѣли также могутъ быть различны. Въ иныхъ случаяхъ умъ задается только простою цѣлію описать въ порядкѣ и постепенности извѣстный кругъ предметовъ; онъ создаетъ тогда описательную систему. Но можетъ имѣться въ виду объясненіе связи и зависимости фактовъ, указаніе законовъ, которымъ они подчинены: система или наука, имѣющая подобную цѣль, есть наука объяснительная. Наконецъ, мы можемъ обращать вниманіе преимущественно на смыслъ и значеніе явленія, особенно съ точки зрѣнія нравственныхъ, эстетическихъ и религіозныхъ потребностей; результатомъ этого движенія ума бываетъ наука истолковательная, идеальная или философская.

Обѣ эти точки зрѣнія до нѣкоторой степени зависятъ одна отъ другой, хотя, по видимому, взаимно далеки. Познавательныя цѣли въ многихъ случаяхъ зависятъ отъ состоянія знаній въ данное время. Нельзя задаваться ни объяснительными ни истолковательными цѣлями, пока не описаны и не приведены въ порядокъ факты: нельзя указать смыслъ и значеніе ихъ, пока наука не даетъ хотя какихъ нибудь указаній относительно ихъ связи и зависимости. Такимъ образомъ мы можемъ соединить обѣ указанныя точки зрѣнія и по состоянію знаній столько же, сколько и по цѣлямъ, какія умъ преслѣдуетъ въ системахъ, мы можемъ дѣлить ихъ на системы описательныя, изъяснительныя или реальныя и истолковательныя или идеальныя.

1) *Описательныя системы* называются иногда классификаціями, иногда просто системами, какъ напр. говорятъ о системахъ ботаники, зоологіи. Ихъ главнѣйшіе пріемы суть классификація и описаніе. Такъ ботаникъ описываетъ различные роды растеній, основывая помѣщеніе растенія въ тотъ или другой классъ, отдѣлъ, родъ и видъ, на тщательномъ изученіи и описаніи существенныхъ его признаковъ. Археологъ классифицируетъ древности быта, памятники древняго искусства по вѣкамъ, основывая свои заключенія на точныхъ и тщательныхъ описаніяхъ О методахъ мы распространяться здѣсь не станемъ: ибо они уже составляли предметъ нашихъ разсужденій въ своемъ мѣстѣ.

Цѣль описательныхъ системъ ввести строй и порядокъ въ наши знанія и дать намъ возможность найтись среди разнообразія ихъ. Такъ, въ системѣ зоологіи совмѣщаются въ логическомъ порядкѣ современныя знанія о животномъ царствѣ, въ описаніяхъ психологіи мы находимъ группировку душевныхъ явленій, въ наукѣ о древностяхъ—классификацію остатковъ отъ древнихъ поколѣній. Благодаря логическому строю, вводимому описательною системою въ наши знанія, мы имѣемъ въ ней какъ бы конспектъ, съ помощію котораго мы обозрѣваемъ цѣлыя группы фактовъ и не теряемся въ безконечномъ разнообразіи явленій. Чрезъ описательную систему умъ знакомится съ фактами и изучаетъ ихъ въ томъ непосредственномъ видѣ, въ какомъ они даются наблюденіемъ. Поэтому, пока наука имѣетъ форму описательной системы, она занимается по преимуществу собираніемъ, анализомъ и описаніемъ своего матеріала. Она находится какъ бы на первой ступени развитія.

Несмотря на то, важность описательныхъ системъ очевидна. Невозможно ни изъяснять, ни истолковывать чего-либо, не познакомившись съ наличными фактами, не приведши ихъ въ порядокъ и въ какую-либо систему. Притомъ, указывая явленію свое мѣсто между другими, обнаруживая его видовыя, родовыя и, такъ сказать, индивидуальныя черты, она значительно тѣмъ подготовляетъ самое объясненіе явленій. Изъ того, что явленіе занимаетъ извѣстное мѣсто между другими, что оно связано съ ними видовыми и родовыми признаками, мы можемъ предугадывать, въ какой сторонѣ нужно искать объяснительныхъ причинъ: ибо несомнѣнно, что одинаковыя явленія произведены одинаковыми причинами. Изъ отношеній, въ какія поставленъ предметъ къ дру-

гимъ, открываемыхъ намъ описательною системою, мы можемъ предугадывать и значеніе, какое онъ имѣетъ въ ряду другихъ предметовъ. Какъ классификаціи нужны и полезны даже для объяснительныхъ теорій, это видно изъ того факта, что высокое развитіе зоологіи, какъ системы, подготовило появленіе гипотезы Ламарка-Дарвина. Она была бы рѣшительно невозможна два-три столѣтія назадъ, когда знанія о животныхъ были ограничены. Когда Дарвинъ намѣчаетъ порядокъ, въ какомъ развились одни виды изъ другихъ, не пользуется ли онъ въ значительной мѣрѣ указаніями прежней систематики? Другой примѣръ въ древнѣйшей археологіи: ей теперь необходимо собирать матеріалъ, описывать его, классифицировать и только когда она овладѣетъ множествомъ матеріала и приведетъ его въ порядокъ, ей можно будетъ отважиться на общіе выводы и заключенія. Описательная система вообще приготовляетъ почву для объяснительной теоріи.

2) *Объяснительныя системы.* Какъ указываетъ самое названіе, онѣ занимаются изъясненіемъ фактовъ. Что значитъ объяснить фактъ или явленіе? Значитъ указать, слѣдствіемъ какой причины оно является, и какія слѣдствія въ мірѣ явленій само порождаетъ, т. е. указать, какую роль извѣстный фактъ играетъ въ цѣпи причинъ и слѣдствій. Эту задачу принимаютъ на себя индуктивныя или реальныя науки.

Названія эти произошли: одно отъ предмета наукъ, другое отъ ихъ метода. Слово реальный значитъ—вещный, но такъ какъ вещи и составляютъ природу или міръ явленій, то реальными науками называются тѣ изъ нихъ, которыя обращены къ природѣ, къ явленіямъ. Онѣ называются науками индуктивными, потому что слѣдуютъ методамъ и пріемамъ индуктивнымъ. Такъ какъ а ргіогі невозможно заключать къ тому, какіе именно факты возникаютъ въ природѣ и въ какой связи они находятся, то реальныя науки должны черпать свой матеріалъ изъ наблюденія и опыта. Изъ этого матеріала онѣ извлекаютъ заключенія съ помощію разсмотрѣнныхъ методовъ согласія, различія, сопутствующихъ измѣненій и остатковъ; при этомъ онѣ пользуются вспомогательными пріемами: гипотезами, приблизительными обобщеніями и аналогіями.

Благодаря индуктивному методу, реальныя науки приходятъ къ обобщеніямъ. Нельзя изучать явленія цѣлыми группами: прежде нежели дѣлать общіе выводы, необходимо дать отчетъ о составѣ

отдѣльныхъ явленій, изучать ихъ происхожденіе, разсмотрѣть силы, проявляющіяся въ нихъ и т. д. Слѣдовательно, индуктивная наука начинаетъ съ частныхъ выводовъ, иногда частныхъ эмпирическихъ законовъ и приблизительныхъ обобщеній. Это періодъ роста науки: въ это время она ознакомляется съ почвою, на которой ей приходится дѣйствовать, устанавливаетъ взгляды на отдѣльныя группы явленій и довольствуется иногда простымъ замѣчаніемъ правильнаго слѣдованія одного факта за другимъ. Періодъ ея возмужалости начинается съ того времени, когда она дозрѣетъ до открытія общихъ раціональныхъ законовъ, изъ которыхъ логически м математически могутъ быть выведены частные, подмѣченные ею въ прежнія эпохи, законы. Такъ, астрономія въ открытіи Ньютона нашла не эмпирическій, а общій законъ, изъ котораго математически могутъ быть выведены и объяснены всѣ факты небесной механики. Зоологія въ Дарвиновской идеѣ естественнаго подбора пытается также открыть общій законъ, могущій объяснить происхожденіе родовъ и видовъ животныхъ. Можетъ быть, современемъ въ физикѣ получитъ такое же значеніе, какъ въ астрономіи всеобщее тяготѣніе, законъ сохраненія силы.

Такіе общіе законы даются наукѣ уже не индуктивнымъ, а дедуктивнымъ путемъ. Они суть результатъ творческаго синтеза частныхъ законовъ. Нужна особая геніальная прозорливость, чтобы широкимъ синтетическимъ обобщеніемъ обнять цѣлые необозримые ряды фактовъ. Когда найденъ такой законъ, дальнѣйшая задача дедукціи состоитъ въ томъ, чтобы дать ему самое точное математическое выраженіе, чтобы изъ него далѣе вывести частные законы и чтобы каждая группа явленій объяснялась изъ него. Тогда наука изъ индуктивной превращается въ дедуктивную. Не отъ частныхъ явленій восходитъ она тогда къ общимъ законамъ, а наоборотъ, отъ послѣднихъ идетъ къ первымъ.

Такимъ образомъ окончательная форма, къ которой стремится каждая наука, есть дедуктивная система. Какъ бы далека ни была наука отъ этой цѣли, все таки ея истинныя стремленія направлены къ тому, чтобъ стать чисто дедуктивною наукою. Можетъ быть, настанетъ когда нибудь время, когда даже такія науки, какъ физіологія и психологія, станутъ науками дедуктивными. Ихъ идеалъ тотъ же, къ какому стремятся физика и химія. Можетъ также быть и то, что, при слишкомъ большой сложности явленій и при недоступности многихъ изъ нихъ эксперименту и даже внѣшнему

наблюденію (напр. душевныя явленія наблюдаются самосознаніемъ), эти науки никогда не станутъ дедуктивными. Но идеалъ останется и для нихъ идеаломъ и будетъ имѣть значеніе конечной цѣли, хотя и недосягаемой.

3) *Идеальныя системы.* Онѣ называются также истолковательными и философскими. Истолковательными можно назвать ихъ потому, что онѣ истолковываютъ смыслъ и значеніе явленій; философскими потому, что изучаютъ міръ преимущественно со стороны смысла и значенія совершающихся въ немъ явленій и значитъ философствовать. Онѣ называются идеальными, потому что смыслъ явленія открываетъ идею, въ немъ осуществившуюся, опредѣлившую его мѣсто и значеніе между другими фактами, — цѣль, которая должна быть имъ достигаема. Обыкновенно явленіе, какъ фактъ, осуществившійся въ условіяхъ пространства и времени, противополагается явленію въ идеѣ, т. е. какъ оно должно быть, чтобъ совершенно довлѣть своей цѣли и значенію. Изучать предметы съ послѣдней стороны значитъ разсматривать ихъ съ идеальной точки зрѣнія, и системы, въ которыхъ удерживается эта точка зрѣнія на явленія, суть системы идеальныя.

Реальныя системы удовлетворяютъ одной потребности ума отдавать себѣ отчетъ въ способахъ и причинахъ происхожденія явленій; онѣ разскрываютъ явленія, какъ они существуютъ фактически. Но столь же глубока потребность ума знать смыслъ, значеніе и цѣль совершающихся явленій. Вопросы о послѣдней сторонѣ ихъ возникаютъ изъ присущихъ намъ эстетическихъ, нравственныхъ и религіозныхъ потребностей. Съ точки зрѣнія эстетической, мы не можемъ допустить, чтобъ за грубою стороною фактовъ ничего не было, чтобы природа ничѣмъ не была согрѣта, т. е. никому и ничему не служила предметомъ удивленія и наслажденія: мы понимаемъ съ этой стороны жизнь природы, какъ источникъ наслажденія всего живущаго. Съ точки зрѣнія нравственной, мы не можемъ допустить, чтобъ міръ физическихъ и психическихъ явленій исчерпывался преемственною смѣною одного факта другимъ. Природа не есть для насъ собраніе только примѣровъ того, какъ дѣйствуютъ законы ея, но есть поприще нравственной дѣятельности, на которомъ мы должны окрѣпнуть въ сознаніи долга и своего подчиненія высшему нравственному закону. Наконецъ, съ точки зрѣнія религіозной мы не можемъ

допустить, чтобы всѣ эти чудные организмы, наслаждающіеся жизнію, каждый въ мѣрѣ своей къ тому способности, были произведеніемъ одного случая, чтобъ міръ, съ его разнообразіемъ явленій, но вмѣстѣ гармоніей и правильностію ихъ, не имѣлъ Верховной Причины. Такимъ образомъ человѣкъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія—эстетической, нравственной и религіозной, приходитъ неизбѣжно къ вопросу, какой смыслъ въ смѣнѣ, совершающихся предъ его глазами, явленій. Особенно этотъ вопросъ настоятельно возникаетъ относительно, такъ называемыхъ, нравственныхъ явленій, каковы духовныя явленія въ человѣкѣ, управляемыя своеобразными законами и руководимыя нравственными принципами. Въ человѣческой жизни мы замѣчаемъ разнообразіе фактовъ, имѣющихъ неодинаковое значеніе по отношенію къ ея нравственнымъ цѣлямъ; притомъ, одни психическія явленія служатъ только подготовкою другихъ, болѣе высшихъ, напр. ощущеніе есть только начальная, хотя и необходимая, ступень познанія: другія, хотя самостоятельны, но имѣютъ только второстепенное значеніе, напр. познавательная вообще дѣятельность имѣетъ смыслъ только для цѣлей воли и чувства. Такимъ образомъ, рядомъ съ изученіемъ послѣднихъ цѣлей, изслѣдованіе нравственныхъ явленій можетъ ставить себѣ задачею—изученіе сравнительнаго значенія и глубины ихъ.

Науки реальныя не могутъ взять на себя подобной задачи. Если въ обыкновенной житейской практикѣ необходимо дѣленіе труда въ интересѣ его успѣшности, то наука не можетъ брать на себя осуществленіе разнородныхъ цѣлей. Если реальныя системы имѣютъ въ виду изучить законы, управляющіе практическимъ міромъ, пусть онѣ ограничиваются только этою цѣлью. Ихъ индуктивные пріемы приноровлены именно къ изслѣдованію факта; они обращаютъ вниманіе прежде всего на то, что есть, совершается въ мірѣ, и отъ частнаго восходятъ къ общему. Достигнувъ общихъ законовъ, онѣ дедуктивнымъ путемъ снова возвращаются къ объясненію тѣхъ же явленій, съ наблюденія которыхъ онѣ начинали свое движеніе. У нихъ, слѣдовательно, нѣтъ ни мѣста, ни пріемовъ для изслѣдованій со стороны идеальной.

Посему долженъ существовать особый кругъ наукъ для осуществленія упомянутой цѣли знанія. Эти науки называются философскими и ихъ raison d'être заключается въ достиженіи этой

цѣли. Ихъ методъ опредѣляется задачами, какія онѣ берутъ на себя Тамъ, гдѣ онѣ изслѣдуютъ духовныя явленія со стороны фактической, разъясняютъ ихъ взаимную причинную зависимость и гдѣ онѣ стремятся открыть общіе законы, управляющіе развитіемъ и происхожденіемъ явленій, онѣ подчиняются общимъ условіямъ реальныхъ наукъ. Психологія напр., по скольку она занимается анализомъ, связью и развитіемъ душевныхъ явленій, должна пользоваться методами и пріемами реальныхъ наукъ. Съ этой стороны, она столь же реальная наука, какъ и физіологія. Но гдѣ дѣло идетъ о чисто философскихъ задачахъ, тамъ онѣ могутъ быть осуществлены только съ помощію дедукціи. Высшая идея нравственнаго добра можетъ быть построена только синтезомъ, разъясняема анализомъ; вытекающія изъ нея требованія нравственнаго закона могутъ быть выведены синтетически и аналитически, т. е. наука, извѣстная подъ названіемъ этики, можетъ быть только дедуктивною. Если въ наше время возможно говорить о философіи природы, то и эта наука должна отправляться къ изслѣдованію явленій тоже отъ эстетическаго и нравственнаго принциповъ, т. е. идти къ подробностямъ также дедуктивнымъ путемъ. Такой же пріемъ должна усвоить себѣ высшая психологія, истолковывающая смыслъ душевныхъ явленій, равно какъ и философія общества, отправляющаяся отъ принципа, что послѣднее имѣетъ смыслъ, по скольку въ его установленіяхъ, нравахъ, обычаяхъ осуществляется нравственное благо человѣка.

Очевидно, цѣли наукъ реальныхъ и идеальныхъ совершенно различны: тѣ и другія идутъ по разнымъ направленіямъ и по разнымъ путямъ. Но отсюда отнюдь не слѣдуетъ, что онѣ взаимно исключаютъ и упраздняютъ себя Напротивъ, онѣ могутъ взаимно помогать и восполнять однѣ другія и такимъ образомъ всесторонне удовлетворять духовнымъ потребностямъ человѣка. Несомнѣнно, что изученіе смысла и значенія существующаго можетъ быть успѣшнымъ только тогда, когда философъ знакомъ съ дѣйствительностію, когда онъ знаетъ реальные законы явленій; иначе, онъ дастъ значеніе тому, что не имѣетъ особаго даже реальнаго значенія. Чѣмъ глубже онъ будетъ знакомъ съ реальными науками, тѣмъ болѣе онъ будетъ сохранять въ себѣ чувство дѣйствительности, столь необходимое при его дедуктивной работѣ. Реальныя и идеальныя науки тѣмъ болѣе могутъ взаимно уважать, а не чуждаться другъ друга, что каждая изъ нихъ, взятая въ отдѣльности, страдаетъ односторонностію. Исключительный реа-

лизмъ ведетъ къ забвенію высшихъ потребностей человѣка, къ матеріализму, слѣдовательно, къ отрицанію всего, что можетъ возвышать достоинство человѣка и утѣшать его. Исключительный идеализмъ ведетъ къ забвенію, что всякая нравственная сила дѣйствуетъ въ мірѣ чрезъ реальныя причины и что осуществленіе нравственныхъ цѣлей можетъ быть достигнуто, только при соблюденіи реальныхъ условій и законовъ всякого существованія. Такимъ образомъ гармоническое удовлетвореніе познавательныхъ цѣлей человѣка можетъ быть достигнуто не борьбою между идеальными и реальными науками, а спокойнымъ движеніемъ ихъ къ своей цѣли.

I.

ЛОГИКА АРИСТОТЕЛЯ.

Состояніе логическихъ изслѣдованій до Аристотеля.

Приступая къ анализу логики Аристотеля, естественно спросить, изъ какихъ элементовъ сложилась она, что усвоилъ себѣ онъ, какъ наслѣдіе предшествовавшаго времени, чѣмъ обогатилъ самъ науку логики?

На этотъ вопросъ мы имѣемъ положительный отвѣтъ самого Аристотеля. Въ сочиненіи о Софистическихъ доказательствахъ (с. XXXIV), обозрѣвая пройденный путь изслѣдованія, онъ говоритъ слѣдующее: «все, что мы знаемъ, частію передано намъ отъ предшественниковъ, т. е. обработано уже прежде и путемъ преемственной работы постепенно пріумножено, частію же только теперь пріобрѣло свое начало... ибо самое важное во всякомъ дѣлѣ есть начало, оттого оно и всего труднѣе... когда начало сдѣлано, тогда легко прилагать къ нему новое и объединять все вмѣстѣ... О научномъ изслѣдованіи занимавшаго насъ предмета нетолько нельзя сказать, чтобъ до насъ нѣчто изъ него уже было найдено, нѣчто же еще не существовало, но должно сказать, что рѣшительно ничего не было». Что здѣсь онъ разумѣлъ не одну только свою Топику, но и Аналитику, это можно заключить изъ его словъ о томъ, чего именно онъ не нашелъ у своихъ предшественниковъ: «такъ, говоритъ онъ, относительно риторики многое и притомъ съ давняго времени сказано, но относительно *ученія о силлогизмахъ* мы не нашли ничего, что было бы сказано до насъ, но тщательное изслѣдованіе этого предмета стоило намъ труда въ продолженіи долгаго времени.

Смыслъ этихъ выраженій ясенъ и не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что всю свою логическую работу Аристотель считалъ дѣломъ новымъ, никѣмъ не подготовленнымъ, и что самое первое начало ея онъ приписываетъ единственно самому себѣ. Для объясненія этихъ выраженій возможно сдѣлать два предположенія: или до Аристотеля не существовало ни малѣйшаго анализа логическихъ пріемовъ мышленія и о немъ никто не помышлялъ, или существовали столь незначительные начатки его, что безъ всякой несправедливости къ своимъ предшественникамъ онъ могъ назвать себя творцомъ цѣлой новой науки.

Исторія Философіи дѣйствительно можетъ сказать, что до Аристотеля нѣкоторые начатки анализа логическихъ пріемовъ, и то въ весьма незначительной степени, были у Платона, но почти не существовали ранѣе. Конечно, никто не скажетъ, чтобъ въ словахъ Гераклита: дурные свидѣтели для людей глаза и уши, или, многознаніе ума не научаетъ, было начало логики: эта оцѣнка свидѣтельства внѣшнихъ чувствъ могла возникнуть при частыхъ опытахъ надъ недостовѣрностію ихъ показаній. Пиѳагорейцы обратили вниманіе на умъ, математически образованный, какъ органъ знанія, но отсюда до методическаго изученія пріемовъ его, конечно, слишкомъ далеко. Демокритъ различалъ темное и дѣйствительное знаніе: первое пріобрѣтается чувствами, второе разумомъ. Парменидъ напоминаетъ, что объ истинѣ невозможно судить по внѣшнимъ чувствамъ, но возможно только по разуму. Зенонъ своими возраженіями противъ понятій пространства, противъ достовѣрности чувственнаго воспріятія еще болѣе подтвердилъ мысль о достовѣрности одного только логическаго мышленія и недостовѣрности обыкновенныхъ понятій, возникающихъ на свидѣтельствѣ внѣшнихъ чувствъ. Онъ снискалъ себѣ славу основателя софистической діалектики. Но всѣ эти мысли, хотя важныя въ общемъ философскомъ смыслѣ и для теоріи познанія въ частности, въ исторіи логики имѣютъ мало значенія. Иное дѣло признать важность ума въ дѣлѣ знанія, и иное дѣло въ подробности и притомъ методически разсмотрѣть его пріемы.

Соображая точку зрѣнія, на которой стояла Греческая философія до Сократа, мы можемъ понять, что въ этотъ періодъ никакихъ систематическихъ изслѣдованій логическихъ пріемовъ и не могло явиться. Вниманіе философовъ, поглощенное объективнымъ міромъ, еще не различавшее субъективнаго міра отъ объективнаго, не противополагавшее субъекта объекту, и не могло придти къ мысли объ изслѣдованіи логическихъ пріемовъ: ибо мысль о нихъ предполагаетъ весьма развитое самосознаніе. Если-бы до насъ дошло рѣшительно все писанное и сказанное философами того періода, и то можно сказать a priori, что мы не нашли бы въ немъ ни-

какихъ фактовъ, изъ которыхъ можно бъ было заключить къ развитію у нихъ сознанія многоразличныхъ логическихъ пріемовъ.

И въ это время, когда философское вниманіе уже обратилось къ субъекту, мы встрѣчаемъ до Аристотеля весьма незначительные начатки анализа мышленія. Софисты оказали услугу философіи тѣмъ, что, установивъ принципъ относительности и субъективности знанія, естественно вызывали тѣмъ умы на изслѣдованіе, чѣмъ отличается истинное знаніе отъ ложнаго и чѣмъ должно руководиться мышленіе при различеніи истины отъ лжи. Съ другой стороны, говоря и пріучая другихъ говорить pro и contra всякого положенія, они должны были возбудить въ умахъ нужду въ правильной теоріи доказательствъ, способовъ ихъ и сравнительной ихъ оцѣнкѣ. Только въ софистическую эпоху, въ первый разъ, могла серьезно возникнуть потребность въ какомъ либо анализѣ логическихъ пріемовъ въ доказательствахъ. Но подобныя изслѣдованія не были въ интересѣ софистовъ и были внѣ ихъ умственнаго кругозора.

Сократу первому принадлежитъ идея истиннаго знанія, понятія какъ орудія его. Чтобъ быть добродѣтельнымъ, человѣкъ долженъ обладать правильнымъ взглядомъ на свои обязанности, долженъ умѣть отличать истину отъ лжи. Слѣдовательно, человѣкъ долженъ стремиться къ образованію истиннаго понятія, или путемъ опредѣленія его, или путемъ обобщенія (ἐπαγωγή). Это было бы дѣйствительнымъ шагомъ къ логической теоріи пріемовъ мышленія, еслибъ Сократъ не ограничивалъ и индукцію и опредѣленіе одними этическими задачами: пріемъ здѣсь еще не выдѣленъ отъ самаго содержанія мысли.

Съ Платономъ является мысль о діалектикѣ не просто какъ разговорномъ искусствѣ, но какъ философскомъ методѣ познанія, какъ пріемѣ образованія истиннаго понятія, соотвѣтствующаго идеѣ предмета. Она характеризуется двумя пріемами: συναγωγή и διαίρεσις. Первый есть ничто иное, какъ индукція Сократа, но обобщенная въ органъ истиннаго познанія вообще, не ограниченная однѣми только этическими задачами. Посредствомъ обобщенія мы приходимъ къ родамъ, посредствомъ дѣленія отъ родовъ переходимъ къ видамъ. *) Но и здѣсь есть только начатки логической теоріи. Платонъ говоритъ объ этихъ пріемахъ какъ бы случайно, по поводу того или другого случая: систематически онъ не анализуетъ пріемовъ дѣленія и обобщенія. Притомъ логическій и метафизическій элементъ у него еще не отдѣлены другъ отъ друга. Самая діалектика является то какъ познавательный пріемъ, органъ знанія, то спеціально какъ ученіе объ идеяхъ, этихъ самобытныхъ, объективныхъ сущностяхъ.

*) Напр. Phaedr. 265. f.

Итакъ ко времени Аристотеля живо чувствовалась потребность анализа логическихъ пріемовъ мышленія. Съ одной стороны, ясно сознавалась идея истиннаго знанія и мысль начинала выдѣлять пріемы, которыми можно отчасти доходить до дѣйствительнаго познанія. Съ другой стороны, софистическія и эристическія школы, развившіяся во время Сократа и съ такою силою дѣйствовавшія во время жизни Платона, своими софизмами, ложными выводами, какъ нельзя болѣе будили въ умахъ потребность какого-нибудь руководительнаго начала при отличеніи лжи отъ заблужденія. Что софисты говорили ложь, это чувствовали всѣ, но чтобъ опроверженіе ихъ не было случайнымъ дѣломъ, могло вестись методически, нужно было разсмотрѣть способы мышленія, начиная съ самыхъ элементарныхъ его пріемовъ. Такимъ образомъ случайныя указанія то одного, то другого пріема мышленія необходимо было замѣнить методическимъ разслѣдованіемъ пріемовъ, сложные изъ нихъ возвести къ первоначальнымъ простымъ и дать вполнѣ сознательный отчетъ какъ о правильныхъ, такъ и неправильныхъ путяхъ мышленія. Эту задачу своего времени всесторонне выполнилъ Аристотель. Онъ правъ, признавая себя самостоятельнымъ творцомъ логическихъ изслѣдованій. Не то, чтобъ онъ изобрѣлъ логическое мышленіе, и не то, чтобъ до него никто и не намѣкалъ на какой либо логическій пріемъ: отдѣльныя и систематическія указанія, какъ мы видѣли, существовали и до него; но онъ первый создалъ систематическій и методическій обзоръ логическихъ пріемовъ; онъ первый предпринялъ эти изслѣдованія въ такихъ огромныхъ размѣрахъ и съ такою подробностію и обстоятельностію, что Кантъ могъ сказать, что логика впродолженіи двухъ тысячелѣтій послѣ Аристотеля ни на шагъ не подвинулась впередъ. Аристотель, слѣдовательно, могъ справедливо сказать, что «о научномъ изслѣдованіи занимавшаго насъ предмета не только нельзя сказать, что нѣчто уже ранѣе было найдено, нѣчто же совсѣмъ не существовало, но что *рѣшительно* ничего не было до него относящагося».

СОЧИНЕНІЯ АРИСТОТЕЛЯ.

Отъ Аристотеля дошелъ до насъ цѣлый рядъ логическихъ сочиненій. Они носятъ одно общее названіе «Органонъ». Названіе это возникло впослѣдствіи (въ первый разъ оно является у Діогена Лаерція въ біографіи Аристотеля, въ его περὶ βίων, δογμάτων καὶ τῶν ἀποφθεγμάτων τῶν ἐν φιλοσοφίᾳ εὐδοκιμησάντων) и оно получило тотъ смыслъ, что логика

Аристотеля есть какъ бы органъ философскаго познанія, и имѣетъ поэтому пропедевтическое значеніе въ его системѣ, что она есть введеніе въ философію, но не часть самой философіи. Это подтверждается тѣмъ, что самъ Аристотель, перечисляя въ Метафизикѣ (Aristoteles graece Ed. A. Reg. Bor. Vol. II. 1025 B. 25. Metaph. E.) части философіи, говоритъ только о практикѣ, поэтикѣ и теоретической части. Слово λογικός встрѣчается у самого Аристотеля: въ топикѣ, перечисляя рядъ проблеммъ, онъ указываетъ, рядомъ съ этическими и физическими, и логическія (Ibid. 105 B. 20).

Логическія сочиненія Аристотеля суть слѣдующія:

1) Κατηγορίαι или περὶ κατηγοριῶν (о категоріяхъ). Здѣсь разсматриваются самыя общіе роды сказуемыхъ, прилагаемыхъ нами къ предметамъ, или самые общіе элементы нашей рѣчи, разсматриваемой со стороны ея составныхъ частей.

2) Περὶ ἑρμηνείας (объ истолкованіи), гдѣ разсматриваются предложенія, какъ нѣчто цѣлое, выражающее различные оттѣнки и видоизмѣненія нашей мысли.

3) Ἀναλυτικά πρότερα καὶ ὕστερα. Она составляетъ два отдѣльныхъ сочиненія. Въ нихъ излагается самымъ подробнымъ образомъ ученіе о силлогизмахъ и основанныхъ на нихъ доказательствахъ.

4) Τοπικά, или ученіе объ общихъ точкахъ зрѣнія, съ которыхъ можно какъ защищать, такъ и опровергать положенія.

5) Περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων (о софистическихъ доказательствахъ). Здѣсь трактуется какъ объ источникахъ неправильныхъ умозаключеній и доказательствъ, такъ и о средствахъ открытія и разрѣшенія ошибокъ.

Логическія сочиненія Аристотеля, взятыя въ цѣломъ, представляютъ собою удивительный образецъ систематическаго анализа мысли въ ея нормальныхъ и ненормальныхъ обнаруженіяхъ. Отъ простыхъ элементовъ мысли анализъ его идетъ къ болѣе сложнымъ. Прежде всего необходимо было разсмотрѣть рѣчь, какъ обнаруженіе мысли, со стороны ея отдѣльныхъ общихъ элементовъ, которые условливаютъ характеръ, строй и смыслъ ея: онъ исполняетъ эту задачу въ своихъ «Категоріяхъ». Но рѣчь должна быть разсматриваема и какъ связное цѣлое, имѣющее свой логическій смыслъ и значеніе: Аристотель выполняетъ эту задачу въ «Истолкованіи». Предложенія могутъ сочетаваться вмѣстѣ такъ, что изъ нихъ можетъ получаться новое предложеніе, и вотъ у него является въ Аналитикѣ ученіе о силлогизмахъ. Силлогизмъ есть только пріемъ сочетанія мыслей, но мысли, въ немъ сочетаваемыя, могутъ быть или достовѣрныя, или только вѣроятныя, или положительно ложныя. На сочетаніи достовѣрныхъ положеній основывается всякое доказательство, и ученіе о немъ

есть ἐπιστήμη ἀποδεικτική. Сочетаніе мыслей вѣроятныхъ есть предметъ споровъ и разсужденій, защиты и опроверженія: это и есть настоящая въ собственномъ смыслѣ діалектика. Наконецъ неправильности въ посылкахъ или способахъ сочетанія ихъ даютъ происхожденіе софйстикѣ или софистическимъ доказательствамъ. Ученіе о доказательствахъ составляетъ предметъ второй Аналитики, діалектика излагается въ Топикѣ и анализъ софистики въ сочиненіи «о софистическихъ доказательствахъ». Стройно и методически развивается логическое ученіе Аристотеля.

При строго логической постепенности въ переходѣ Аристотеля отъ одной задачи къ другой, намъ нѣтъ нужды прибѣгать къ произвольной выборкѣ мнѣній его и опредѣленій и объединять ихъ произвольно придуманнымъ планомъ. Мы поэтому употребимъ пріемъ объективный и будемъ излагать послѣдовательно, изъ главы въ главу, содержаніе сочиненій Аристотеля. То неудобство, что въ нѣкоторыхъ, немногихъ впрочемъ, случаяхъ придется дѣлать повторенія одного и того же, съ избыткомъ окупается тою выгодою, что читатель будетъ знакомиться съ логическими взглядами и опредѣленіями самого Аристотеля.

Начнемъ съ перваго сочиненія: «О категоріяхъ».

О категоріяхъ.

Поставивъ себѣ задачею подвергнуть анализу всю область логическаго мышленія, Аристотель прежде всего обращается къ перечисленію родовъ нашихъ знаній, во главѣ которыхъ стоятъ общія понятія. Эти общія понятія именно въ силу своей крайней общности служатъ всеобщими сказуемыми предметовъ и прежде всякого другого анализа нужно разсмотрѣть, что обыкновенно мы высказываемъ о вещахъ, въ какомъ смыслѣ трактуемъ о нихъ вообще. Съ этой точки зрѣнія Аристотель изслѣдуетъ категоріи или виды категорій. Въ Метафизикѣ (4. 6) онъ опредѣляетъ ихъ, какъ категоріи всего сущаго.

Аристотель начинаетъ свое сочиненіе о категоріяхъ различеніемъ синонимовъ, омонимовъ и паронимовъ. Синонимами называются имена, которыя употребляются для обозначенія сходныхъ предметовъ, (напр. слово человѣкъ употребляется для обозначенія и нарисованнаго и дѣйствительнаго человѣка). Омонимы суть имена, употребляющіяся для указанія тожественныхъ сторонъ различныхъ предметовъ (напр. имя животное употребляется по отношенію и къ человѣку и быку). Паронимы суть вывод-

ные слова, какъ напр. грамматикъ выведено отъ грамматика, храбрый отъ храбрости (Περι κατηγορ. I).

Наша рѣчь можетъ быть разсматриваема съ двухъ сторонъ: какъ нѣчто цѣлое — соединеніе многихъ словъ, или со стороны отдѣльныхъ словъ, входящихъ въ ея составъ, напр. человѣкъ бѣжитъ или человѣкъ, бѣжитъ. (II).

Онъ переходитъ къ анализу рѣчи со стороны отдѣльныхъ элементовъ. Слова, взятыя сами по себѣ внѣ связи съ другими, означаютъ или сущность, или величину, или свойство, или отношеніе, или опредѣленіе мѣста, времени, или положеніе, или состояніе, или дѣйствіе, или страданіе: напр. сущность — человѣкъ, лошадь; величина — два, три локтя; свойство — бѣлый, грамматическій; отношеніе — двойной, половина, болѣе; опредѣленіе мѣста — въ лицеѣ, на площади; опредѣленіе времени — вчера, третьяго дня; положеніе — лежать, сидѣть; состояніе — быть убитымъ, вооруженнымъ: дѣйствіе — рѣзать, жечь; страданіе — рѣзаться, жечься. Каждое изъ этихъ словъ, взятыхъ въ отдѣльности, ничего не утверждаетъ и не отрицаетъ. (IV).

Затѣмъ Аристотель занимается (V) анализомъ сущности. Ею называется то, что не можетъ быть высказываемо о другомъ предметѣ, что равно не можетъ существовать въ чемъ либо другомъ; напр. этотъ человѣкъ, эта лошадь. Анализъ сущности у Аристотеля довольно обширный; такъ какъ она есть наиважнѣйшее логическое и метафизическое понятіе — особенно въ его системѣ, то онъ старался дать самое точное опредѣленіе ея. Здѣсь мы выскажемъ только результатъ его изслѣдованій. Онъ различаетъ два вида сущностей. Однѣ называются у него первыми: это настоящія, важнѣйшія, въ собственномъ смыслѣ сущности. Онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить сказуемыми другихъ предметовъ; сюда относятся названія отдѣльныхъ вещей. Другія сущности онъ называетъ вторыми. Это роды и виды. Но онѣ могутъ быть и сказуемыми вещей: напр. Сократа мы называемъ человѣкомъ, лошадь животнымъ. Общія черы ихъ состоятъ въ слѣдующемъ: 1) сущности не могутъ быть въ субъектѣ, 2) всякая сущность означаетъ нѣчто опредѣленное, 3) онѣ не могутъ быть сопоставляемы съ противоположнымъ какимъ либо понятіемъ, 4) онѣ не допускаютъ количественнаго опредѣленія (болѣе, менѣе), 5) но самая отличительная черта сущности та, что она, оставаясь одною и тою же и по числу единою, способна принимать въ себя противоположности (т. е. опредѣляться противоположными чертами).

Количество. Есть различные виды количества: величины, состоящія изъ частей и не состоящія изъ частей, т. е. непрерывныя. Примѣръ первыхъ представляется въ числахъ, рѣчи, — вторыхъ въ линіи, поверх-

ности, тѣлѣ, пространствѣ и времени. Самою характеристичною чертою величины Аристотель признаетъ ту, что къ ней прилагаются сказуемыя: равна или неравна. (с. VI).

Относительное есть то, что означается сравнительно съ чѣмъ-либо другимъ, напр. бо́льшимъ называется нѣчто сравнительно съ другимъ чѣмъ нибудь. Все относительное допускаетъ противоположности (знанію противоположно незнаніе). Далѣе, ему свойственно опредѣленіе болѣе и менѣе. Затѣмъ, относительное предполагаетъ взаимность между тѣмъ, что находится въ отношеніяхъ (напр. рабъ есть рабъ господина, и господинъ есть господинъ раба). Наконецъ, относительное въ большей части случаевъ существуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, съ которымъ оно соотносится (с. VII).

Качество подразумѣвается тогда, когда предмету приписывается то или другое свойство. Аристотель различаетъ четыре рода качествъ: 1) свойство и состояніе; первое отличается отъ послѣдняго продолжительностію и постоянствомъ; примѣры свойствъ: знаніе, добродѣтель, состояній — теплота и холодъ, болѣзнь и здоровье; 2) способность и неспособность, напр. мы находимъ въ комъ нибудь способность къ кулачному бою, бѣгу; мы говоримъ о тѣлахъ, что они тверды или мягки, т. е. способны дѣлиться; 3) страдательныя качества и пассивныя состоянія: напр. сладость, горечь, теплота, холодъ, бѣлизна; 4) фигура и видъ отдѣльныхъ вещей, прямизна, кривизна и т. д. Въ рѣчи качества означаются большею частію паронимами, т. е. словами выводными; напр. отъ бѣлизна — бѣлый, справедливость — справедливъ и т. д. Качества допускаютъ противоположности (справедливъ — несправедливъ, бѣлый — черный), опредѣленія степени (болѣе или менѣе бѣлый предметъ сравнительно съ другими). Но самая характерная черта качествъ та, что мы находимъ ихъ подобными или неподобными. (с. VIII).

Въ IX главѣ Аристотель дѣлаетъ краткія замѣтки о дѣйствіи и страданіи и только упоминаетъ о категоріи положенія, мѣста, времени, имѣнія.

Изложивши такимъ образомъ ученіе о категоріяхъ, какъ самыхъ общихъ сказуемыхъ, прилагаемыхъ къ предметамъ рѣчи, Аристотель переходитъ къ анализу какъ бы вторичныхъ категорій, прилагаемыхъ нами къ предметамъ. Онѣ названы впослѣдствіи Postpraedicamenta, т. е. вторичными сказуемыми.

Различными способами мы означаемъ, что одно противоположно другому: 1) въ относительномъ смыслѣ, 2) въ смыслѣ противорѣчія, 3) лишенія и имѣнія, 4) утвержденіе и отрицаніе (с. X). О противоположномъ Аристотель замѣчаетъ, что существованіе одной противоположности не предполагаетъ непремѣнно существованія другой: напр. если человѣкъ здоровъ, то существуетъ здоровье безъ болѣзни. Далѣе, противоположное

по природѣ встрѣчается только въ предѣлахъ одного и того же вида и рода, напр. здоровье и болѣзнь встрѣчаются въ одномъ животномъ тѣлѣ. Наконецъ, всѣ противоположности или принадлежатъ одному и тому же роду, или къ различнымъ противоположнымъ родамъ, или суть сами роды. (с. XI).

Четырьмя же способами мы означаемъ, что одно существуетъ прежде другого. Во 1) мы говоримъ о первенствѣ одного предъ другимъ по времени, во 2) о предвареніи въ численномъ порядкѣ (одинъ существуетъ предъ двумя), въ 3) означаемъ простой порядокъ (логическій) въ наукѣ и рѣчи, въ 4) первенство въ качествѣ. (с. XII).

Въ заключеніе Аристотель анализуетъ понятія сосуществованія, движенія, имѣнія. Сосуществованіе можетъ быть или временное, или сосуществованіе по природѣ; послѣднее замѣчается тамъ, гдѣ одно заключаетъ въ себѣ основанія для существованія другого (XIII). Аристотель указываетъ шесть родовъ движенія: происхожденіе, уничтоженіе, ростъ, уменьшеніе, измѣненіе, перемѣна мѣста (XIV) и наконецъ различіе значеній слова имѣть, высказываемаго нами о предметахъ. (XV).

Объ истолкованіи.

Въ сочиненіи о категоріяхъ Аристотель анализировалъ содержаніе самыхъ общихъ родовыхъ обозначеній предметовъ. Его категоріи почти тоже самое, что категоріи, о которыхъ мы трактовали въ главѣ о понятіяхъ. Но сказать, что Аристотель училъ о понятіи въ смыслѣ новой логики, было бы не вѣрно: онъ касался содержанія его подъ другимъ именемъ. Также точно нѣтъ у него ученія о сужденіяхъ въ новѣйшемъ смыслѣ, но онъ близко касается этого предмета въ сочиненіи περὶ ἑρμηνείας. Мы постараемся при изложеніи его также близко держаться подлиннаго текста, какъ и при изложеніи ученія о категоріяхъ.

«Прежде всего нужно опредѣлить, что такое имя и глаголъ, потомъ что̀ такое утвержденіе и отрицаніе, сужденіе и предложеніе», такъ начинаетъ Аристотель свое сочиненіе περὶ ἑρμηνείας.

Слова, выраженныя въ звукахъ, суть символы впечатлѣній души, какъ письмена суть символы словъ. Какъ представленіе, взятое въ отдѣльности, не представляетъ ни истины, ни заблужденія, но истина или ложь возникаетъ изъ соединенія одного представленія съ другимъ, такъ и въ рѣчи можетъ обозначаться что либо истинное или ложное только чрезъ соединеніе или раздѣленіе элементовъ ея. Посему рѣчь можетъ быть разсматриваема или въ цѣломъ какъ соединеніе словъ, или со стороны ея

элементовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Эти элементы рѣчи суть имя и глаголъ. (с. I).

Имя есть обозначающій звукъ съ извѣстнымъ установившимся чрезъ соглашеніе значеніемъ. Глаголъ присоединяетъ къ имени опредѣленіе времени: онъ всегда есть знакъ для того, что говорится о чемъ либо другомъ Это основные элементы рѣчи. (с. II, III).

Рѣчь можетъ быть разсматриваема и какъ цѣлое. Тогда она является какъ предложеніе — прежде всего какъ обозначающее (ἀποφαντικὴ κατάφασις), затѣмъ отрицающее (ἀπόφασις). Простое предложеніе есть рядъ словъ, означающихъ существованіе или несуществованіе чего либо и притомъ заключающихъ въ себѣ опредѣленія времени (с. IV, V). Утверждать значитъ приписывать что-либо чему нибудь. отрицать — отдѣлять что либо отъ другого. Утверженію противоположно отрицаніе и послѣднее есть противорѣчіе первому (ἀντίφασις) (VI).

Аристотель различаетъ общія и частныя предложенія: въ первыхъ говорится объ общемъ имени, во вторыхъ о частныхъ. Онъ указываетъ, въ какихъ случаяхъ они взаимно противны или противорѣчущи (с. VII). Это свое различеніе онъ прилагаетъ затѣмъ къ различнымъ видамъ предложеній: къ единичнымъ сужденіямъ относительно будущаго (с. IX), къ сужденіямъ состоящимъ изъ подлежащаго и сказуемаго только и изъ подлежащаго, сказуемаго и связи. При этомъ онъ останавливается на сужденіяхъ съ опредѣленными и неопредѣленными (безконечными) подлежащими и сказуемыми (с X): потомъ, въ какихъ случаяхъ многіе признаки, отдѣльно присоединенные къ подлежащему, могутъ быть объединяемы въ сужденіи и въ какихъ случаяхъ — не могутъ (с XI). Аристотель трактуетъ далѣе о предложеніяхъ, содержаніемъ которыхъ служитъ нѣчто возможное и невозможное, случайное и неслучайное, невозможное и необходимое, т. е. разсматриваетъ сужденія со стороны ихъ модальности. (с. XI). Онъ даетъ себѣ много труда указать, въ какихъ случаяхъ одно сужденіе слѣдуетъ за другимъ, такъ что вѣрность одного предполагаетъ вѣрность другого и невѣрность одного — невѣрность другого. (с. XIII).

Въ заключеніе (с. XIV) Аристотель дѣлаетъ замѣчанія о нѣкоторыхъ случаяхъ противорѣчія предложеній, когда противорѣчіе заключается просто въ отрицаніи извѣстнаго признака, или утвержденіи противоположнаго. Итакъ Аристотель подъ ученіемъ о предложеніи излагаетъ въ главныхъ чертахъ содержаніе того, что впослѣдствіи въ логикахъ стало предлагаться, какъ ученіе о сужденіи. Качество, количество, модальность сужденій имъ разбирались уже довольно подробно.

Аналитика. — Первая книга первой аналитики.

Въ Аналитикѣ первой и второй Аристотель даетъ ученіе о силлогизмахъ и научныхъ доказательствахъ, опирающихся на силлогизмахъ.

Онъ различаетъ прежде всего три рода сужденій: силлогистическое, аподиктическое и діалектическое. Силлогистическое есть простое утвержденіе или отрицаніе чего-либо о предметѣ. Оно можетъ быть общимъ, или частнымъ, или неопредѣленнымъ. Аподиктическимъ называется истинное сужденіе, основанное на первоначальныхъ основаніяхъ, діалектическимъ— имѣющее предметомъ своимъ только кажущееся и вѣроятное.

Терминами (ὅροι) называются понятія, на которыя расчленяются посылки (πρότασις). Силлогизмомъ называется пріемъ (собств. λόγος), въ которомъ чрезъ сопоставленіе предложеній слѣдуетъ изъ нихъ съ необходимостію новая мысль. (с. I).

Прежде всего Аристотель занимается непосредственными умозаключеніями и именно пріемомъ, въ позднѣйшихъ логикахъ извѣстнымъ подъ именемъ превращенія. Этимъ путемъ 1) изъ всеобще отрицательнаго сужденія получается сужденіе всеобще же отрицательное, 2) изъ всеобще утвердительнаго слѣдуетъ частно утвердительное, 3) изъ частно утвердительнаго частно же утвердительное, 4) изъ частно отрицательнаго чрезъ превращеніе ничего не слѣдуетъ (с. II). Такимъ же образомъ превращаются необходимыя сужденія какъ всеобще отрицательныя, такъ и обще — и частно утвердительныя; изъ частно отрицательныхъ аподиктическихъ сужденій ничего не слѣдуетъ. Что касается до случайныхъ, то изъ нихъ утвердительныя превращаются, какъ и обыкновенныя силлогистическія, но общеотрицательныя не допускаютъ полнаго превращенія, ибо такъ какъ по формѣ они только случайно отрицательныя, то, въ сущности, они имѣютъ частно утвердительный характеръ (с. III).

Какимъ же образомъ слагается силлогизмъ? Силлогизмъ есть основаніе доказательства: ибо всякое доказательство есть силлогизмъ, хотя не всякій силлогизмъ есть доказательство. Аристотель разсуждаетъ о построеніи силлогизма; различаетъ термины большій, средній и меньшій и по мѣсту средняго термина различаетъ три извѣстныхъ силлогистическихъ фигуры. Въ первой термины располагаются самымъ естественнымъ образомъ, т. е. средній терминъ, употребляемый какъ подлежащее и сказуемое въ двухъ посылкахъ, соединяетъ оба крайніе (большій и меньшій) термины. Аристотель признаетъ только четыре способа (modi) умозаключеній по этой фигурѣ (Barbara, Celarent, Darii, Ferio). Всѣ заключенія по этой фигурѣ признаются имъ совершенными. Она называется пер-

вою въ качествѣ наиболѣе совершеннаго органа для рѣшенія всѣхъ задачъ. (с. IV).

Во второй фигурѣ средній терминъ занимаетъ первое мѣсто, потому что оба другіе термины подчинены ему. Здѣсь какъ и при анализѣ первой фигуры указываются четыре возможные способа заключенія, получившіе впослѣдствіи названіе modi: (Cesare, Camestres, Festino, Baroco). Выводы по этой фигурѣ получаются несовершенные и при томъ всѣ отрицательные (с. V). Третьей фигурою онъ называетъ силлогизмъ, въ которомъ «объ одномъ и томъ же (подлежащемъ) въ одномъ случаѣ что либо утверждается, въ другомъ отрицается, или утверждается въ обоихъ случаяхъ».. Эта фигура даетъ шесть частныхъ способовъ силлогизаціи (названные потомъ — Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Bocardo, Ferison), но она несовершенна и не даетъ ни утвердительно-, ни отрицательно-общихъ заключеній (с. VI). Посредствомъ превращенія, заключенія по 2-й и 3-й фигурамъ могутъ быть сведены къ первой фигурѣ. (с. VII).

До сихъ поръ Аристотель излагалъ возможные способы силлогизмовъ, состоящихъ изъ обыкновенныхъ сужденій категорическихъ, имѣющихъ ассерторическій характеръ. Теперь онъ хочетъ показать, какъ образуется силлогизмъ, когда видоизмѣняются посылки: именно какъ умозаключается, когда 1) обѣ посылки имѣютъ необходимый характеръ (с. VIII), 2) одна посылка есть дѣйствительное сужденіе, другая — аподиктическое (сс. IX — XII), 3) когда обѣ посылки суть случайныя и возможныя сужденія (для первой фигуры с. XIV, для второй с. XVII, для третьей с. XX), 4) когда одна посылка ассерторическая, другая — случайное сужденіе (для первой фиг. с. XV, для второй XVIII, для третьей XXI) 5) когда одна посылка есть сужденіе необходимое, другая случайное (для первой фиг. XVI, второй XIX, третьей — XXII). Мы не станемъ подробно входить въ утомительное перечисленіе каждаго изъ modi этихъ умозаключеній, сдѣлаемъ только общіе выводы изъ изслѣдованій Аристотеля:

1. Когда обѣ посылки имѣютъ необходимый характеръ, то всѣ заключенія во всѣхъ посылкахъ получаются также необходимыя.

2. Когда одна посылка есть дѣйствительное сужденіе, другая — необходимое, то заключеніе выходитъ необходимое.

3. Когда обѣ посылки суть возможныя сужденія, то въ первой фигурѣ нѣкоторыя заключенія получаются только съ помощію превращенія, во второй — никакой выводъ невозможенъ, въ третьей не выходитъ ни одного совершеннаго силлогизма и необходимо также прибѣгать къ превращенію заключенія. Всѣ заключенія суть возможныя сужденія.

4. Когда одна посылка — дѣйствительное сужденіе, другая — возможное, то во всѣхъ случаяхъ получаются сужденія возможныя.

5. Когда одна посылка—сужденіе необходимое, другая возможное, то гдѣ возможно заключать прямо, тамъ получаются заключенія какъ возможныя, такъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣйствительныя (первыхъ случаевъ большинство); гдѣ же приходится заключать съ помощію превращенія посылокъ или заключенія, тамъ получаются сужденія утвердительныя.

Послѣ столь подробнаго анализа родовъ и видовъ силлогистическихъ умозаключеній, Аристотель дѣлаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній о всѣхъ силлогизмахъ. Всякій силлогизмъ, кромѣ первой фигуры, несовершенъ и становится совершеннымъ только по приведеніи его къ первой фигурѣ. Только въ ней находитъ свое завершеніе всякая силлогистическая работа. Умозаключеніе можетъ быть ведено или доказательно (δεικτικῶς) или предположительно (ἐξ ὑποθέσεως). Въ первомъ случаѣ необходимо доказать связь между подлежащимъ и сказуемымъ заключенія. Эта связь можетъ быть выведена непосредственно, или съ помощію третьяго понятія, или чрезъ цѣлый рядъ понятій, но во всякомъ случаѣ эта умственная работа есть силлогизированіе по одной изъ указанныхъ фигуръ. Предположительное умозаключеніе иногда принимаетъ форму deductio ad absurdum. Но когда мы указываемъ невозможные воводы изъ противорѣчащаго намъ положенія, мы также ведемъ дѣло по одной изъ силлогистическихъ фигуръ. Такъ какъ уже доказано, что вторая и третья фигуры завершаются первою, то значитъ въ послѣдней же заключается основа всякого возможнаго силлогизма (с. XXIII).

Вторая общая всѣмъ силлогизмамъ черта заключается въ томъ, что одна изъ посылокъ непремѣнно должна быть утвердительная и притомъ общаго характера (с. XXIV). Третья—каждый силлогизмъ состоитъ изъ трехъ понятій, не болѣе ни менѣе, и только изъ двухъ посылокъ (с. XXV).

Послѣ того какъ разсмотрѣно, какими способами возможно силлогизировать, легко рѣшить, какія положенія труднѣе доказываются и какія легко. Общее правило здѣсь то, что положенія, доказываемыя по многимъ modi въ разныхъ фигурахъ, доказываются весьма легко. Общеутвердительныя доказываются только по первой фигурѣ, отрицательныя какъ по первой такъ и по второй, частно-утвердительныя по первой и третьей, частно-отрицательныя по всѣмъ тремъ. Отсюда понятно, что всеобще утвердительныя положенія легче опровергаются, чѣмъ всѣ остальныя и доказываются всего труднѣй (с. XXVI).

Задача объясненія, какимъ образомъ возникаютъ силлогизмы, теперь рѣшена. Но этого недостаточно. Необходимо, говоритъ Аристотель, показать, какимъ образомъ всего легче могутъ быть повѣряемы силлогизмы въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ. Онъ различаетъ три рода существованій: сущности, которыя не могутъ быть ничьимъ свойствомъ, свой-

ства, никогда немогущія быть подлежащими, и третій родъ, занимающій средину между двумя первыми, могущій одновременно служить и подлежащими и сказуемыми. Ни первыя ни вторыя не могутъ составлять предметъ науки, но только послѣднія. Наука по необходимости должна выбирать вторыя сущности. И такъ должно установить предметъ, опредѣлить его, указать существенныя особенности его, то, что вещію предполагается, чѣмъ она сама предполагается. Между качествами вещи необходимо различать то, что указываетъ на ея сущность, на ея особенности, на ея случайныя стороны, что можетъ быть высказано о ней просто какъ мнѣніе и что какъ истина (с. XXVII). Далѣе Аристотель излагаетъ правила для образованія силлогизмовъ, смотря по различію характера посылокъ (с. XXVIII), или по различію родовъ самыхъ силлогизмовъ, гипотетическихъ вмѣстѣ съ deductio ad absurdum, необходимыхъ и возможныхъ, т. е. проблемматическихъ (XXIX), и наконецъ по различію самаго содержанія силлогизмовъ (XXX). Какъ объ одномъ изъ способовъ построенія силлогизмовъ, Аристотель упоминаетъ о дѣленіи. Дѣленіе, говоритъ онъ, есть какъ бы несовершенный силлогизмъ: ибо онъ предполагаетъ даннымъ то, что еще слѣдуетъ доказать, но тѣмъ не менѣе въ немъ всегда нѣчто выводится изъ самыхъ понятій». (с. XXXI).

Какъ на третью и послѣднюю задачу, поставленную въ 1-й книгѣ аналитики, Аристотель указываетъ на способы сведенія всякихъ силлогизмовъ, по которымъ кто-либо мыслитъ, къ умозаключеніямъ первыхъ трехъ фигуръ. Когда силлогизмъ не правиленъ, то чтобы отыскать, гдѣ именно таится неправильность, нужно возвратить ему простую силлогистическую форму. Во 1) необходимо отыскать посылки, опредѣлить, которыя изъ нихъ всеобщія, которыя частныя, и дополнить недостающую посылку, если она опущена, какъ это часто случается. Затѣмъ нужно посылки разложить на ихъ составныя понятія (термины), и наконецъ уже отыскивать, по какой фигурѣ сдѣлано умозаключеніе (XXXII). Такъ какъ силлогизмъ основывается на соотношеніи понятій, то Аристотель останавливается болѣе подробно на томъ, какъ узнавать силлогистическій пріемъ, когда термины не занимаютъ своего настоящаго мѣста въ умозаключеніи (XXXIII), или обозначены неправильно (XXXIV), или не обозначены точно отдѣльными именами (XXXV). Тутъ же Аристотель останавливается на указаніи различныхъ оборотовъ рѣчи, въ которыхъ термины связываются между собою (XXXVI), повтореній термина въ одной и той же посылкѣ, (XXXVIII) обозначеній разныхъ терминовъ однимъ словомъ (XXXIX) и различныхъ способовъ выраженія ихъ въ посылкахъ (XLI).

Когда такимъ образомъ отысканы посылки и термины, на которыхъ построяется силлогизмъ, не трудно открыть, по какой изъ трехъ фигуръ

силлогизмъ построенъ (XLII). Но умозаключенія гипотетическія, равно какъ имѣющія своею цѣлію deductio ad absurdum, не могутъ быть разрѣшаемы въ силлогистическія фигуры: ибо они даются не путемъ умозаключенія разума, а суть слѣдствія простого соглашенія (XLIV). Овладѣвъ силлогизмомъ, возможно превращать заключенія одной фигуры въ заключенія другой (XLI). Дабы при этомъ анализѣ избѣжать ошибокъ, Аристотель указываетъ различіе между опредѣленнымъ и неопредѣленнымъ отрицаніемъ (с. XLVI) и этимъ заключаетъ первую книгу первой аналитики.

Итакъ Аристотель вполнѣ разрѣшилъ поставленную имъ себѣ задачу— объяснить возникновеніе, образованіе и основныя составныя части силлогизмовъ. Его изумительный геній сразу такъ ясно очертилъ кругъ своихъ изслѣдованій и до такихъ подробностей и мелочей преслѣдовалъ свою задачу, что послѣдующее время почти ничего не прибавило къ сдѣланному Аристотелемъ. Разсмотрѣвъ способы образованія силлогизмовъ, онъ переходитъ къ наблюденіямъ надъ силлогизмомъ, уже образованнымъ. Эти наблюденія, составляющія содержаніе 2-й книги первой аналитики, располагаются у него по слѣдующему плану: 1) онъ разсматриваетъ характерныя черты, общія всѣмъ умозаключеніямъ, 2) недостатки ихъ и ошибки, какія могутъ быть допускаемы при построеніи силлогизмовъ, 3) доказательства, имѣющія близкія отношенія къ совершенному силлогизму.

Вторая книга второй Аналитики.

Какія же общія свойства силлогизмовъ? 1) изъ однихъ и тѣхъ же посылокъ могутъ быть извлекаемы многія заключенія; изъ посылокъ общихъ можно дѣлать разнообразные выводы, изъ частно утвердительныхъ также многіе, но изъ частно отрицательныхъ только одно заключеніе Anal. B. с. I). 2) Изъ истинныхъ посылокъ не можетъ слѣдовать ложное заключеніе, но изъ невѣрныхъ сужденій иногда можетъ быть получаемъ правильный выводъ въ первой фигурѣ (с. II), во второй (с. III) и въ третьей (IV). 3) Различные силлогизмы допускаютъ круговое доказательство, состоящее въ томъ, что даннымъ въ извѣстной связи терминамъ мы даемъ обратный порядокъ, дѣлая прежнее заключеніе посылкою, а одну изъ прежнихъ посылокъ измѣняемъ по способу превращенія: напр., всякое разумное существо имѣетъ способность смѣяться, всякій человѣкъ есть разумное существо, слѣдоват. всякій человѣкъ имѣетъ способность смѣяться. Въ этомъ силлогизмѣ даны понятія въ извѣстной связи. Круговое доказательство сообщитъ тому же силлогизму слѣдующій видъ: всякій человѣкъ имѣетъ способность смѣяться (прежнее заключеніе); всякое разум-

ное существо есть человѣкъ (прежняя вторая посылка, не превращенная); слѣдоват. всякое разумное существо имѣетъ способность смѣяться. Во второмъ силлогизмѣ мы возвратились къ первой посылкѣ перваго силлогизма и слѣдовательно, какъ бы сдѣлали кругъ. Аристотель доказываетъ возможность подобнаго доказательства по первой фигурѣ (с. V), второй (VI) и третьей (VII).

4) Возможно *превращеніе* силлогизмовъ, состоящее въ томъ, что заключеніе одного силлогизма превращается въ противоположное, или противорѣчущее сужденіе и такимъ образомъ доказывается невѣрность большей или меньшей посылки перваго силлогизма. Напр.: все достойное желанія полезно, всякое удовольствіе достойно желанія, слѣдоват. всякое удовольствіе полезно. Чрезъ превращеніе большая посылка можетъ быть опровергнута: ни одно удовольствіе не полезно, всякое удовольствіе достойно желанія (меньшая посылка удерживается), слѣдоват. достойное желанія нигдѣ не полезно; тѣмъ же пріемомъ можетъ быть опровергнута вторая посылка: все достойное желанія полезно, ни одно удовольствіе не полезно. слѣдоват. ни одно удовольствіе не достойно желанія. Сущность этого пріема состоитъ въ томъ, что мы заключеніе даннаго силлогизма превращаемъ въ противоположное сужденіе и затѣмъ дѣлаемъ его большею или меньшею посылкою новаго силлогизма; заключеніе должно получиться противоположное одной изъ посылокъ превращаемаго силлогизма. Аристотель указываетъ примѣненіе этого пріема въ первой фигурѣ (VIII), во второй (IX), въ третьей (X).

5) Съ помощію трехъ фигуръ можно вести доказательство чрезъ deductio ad impossibile или ad absurdum. Оно состоитъ въ томъ, что для доказательства извѣстнаго заключенія мы допускаемъ противоположное ему сужденіе, дѣлаемъ изъ него посылку, другую же посылку для новаго силлогизма беремъ изъ сужденій того силлогизма, чрезъ который пришли къ доказываемому заключенію, полученное невозможное заключеніе и будетъ служить доказательствомъ невозможности противорѣчія доказываемой мысли. Напр. нужно доказать, что человѣкъ одушевленъ: это положеніе есть выводъ изъ слѣдующаго силлогизма: всякое животное одушевлено, человѣкъ есть животное, слѣдоват. онъ одушевленъ. Deductio ad impossibile будетъ состоять въ слѣдующемъ: всякое животное одушевлено, *ни одинъ человѣкъ не одушевленъ* (сужденіе противорѣчащее заключенію прежняго силлогизма), слѣдов. ни одинъ человѣкъ не есть животное. Нашъ философъ слѣдитъ за развитіемъ этого пріема по первой фигурѣ (XI), второй (XII) и третьей (XIII) и сравниваетъ его съ обыкновеннымъ силлогистическимъ (прямымъ) доказательствомъ (с. XIV). Наконецъ онъ указываетъ, по какимъ фигурамъ можно заключать изъ двухъ противныхъ положеній. Такія заклю-

ченія бываютъ необходимы, когда при опроверженіяхъ мы приведемъ противника къ необходимости допускать два противорѣчущихъ заключенія (XV).

Разсмотрѣвъ, къ чему силлогизмъ способенъ, Аристотель переходитъ къ разсмотрѣнію ошибокъ, обыкновенно допускаемыхъ при силлогизаціи: 1) τὸ ἐν ἀρχῇ αἰτεῖσθαι, когда мы предполагаемъ доказываемое заранѣе. Это можетъ случиться въ слѣдующихъ четырехъ случаяхъ: когда мы въ заключеніи только повторяемъ данное въ посылкѣ, когда мы выводимъ его изъ равно недостовѣрныхъ или даже болѣе недостовѣрныхъ положеній, или доказываемъ положеніе тѣмъ, что собственно изъ него слѣдуетъ (с. XVI). Эта ошибка впослѣдствіи получила названіе petitio principii; 2) въ непрямыхъ доказательствахъ — deductio ad impossibile — заключеніе, хотя дѣйствительно невозможное, можетъ не слѣдовать изъ посылокъ и такимъ образомъ не можетъ служить къ опроверженію противника (с. XVII); 3) первыя предположенія, на которыя опираются доказательства, могутъ быть ложны — πρῶτον ψεῦδος (с. XVIII); 4) при опроверженіи возможно противнику давать поводъ, вслѣдствіе собственной небрежности, къ заключеніямъ, намъ противорѣчащимъ. Аристотель указываетъ, какъ нужно быть осторожнымъ, особенно при отвѣтахъ на вопросы противника (с. XIX); 5) при опроверженіи же иногда случается, что противникъ опровергаетъ нашъ выводъ на основаніи нашихъ же собственныхъ предположеній (с. XX); 6) иногда случается самообманъ при доказательствѣ: невѣрно подчиняемъ большій терминъ среднему, не знаемъ правильнаго отношенія меньшаго термина къ большему, судя о чемъ либо, несоображаемъ, какія заключенія могутъ вытекать изъ нашихъ посылокъ (XXI).

Но достовѣрность заключенія доказывается не тѣмъ только, что оно необходимо слѣдуетъ изъ посылокъ. Если въ немъ крѣпко связываются два термина на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ связанъ съ третьимъ, то твердость этой связи должна быть повѣрена путемъ превращенія: какъ бы мы ни измѣняли отношеній ихъ, во всѣхъ случаяхъ она должна оказаться надежною. Поэтому Аристотель приступаетъ къ перечисленію правилъ, какими должно руководиться въ семъ случаѣ. Эти правила въ схоластической логикѣ получили названіе regulae consequentiarum (с. XXII).

Наконецъ онъ переходитъ къ способамъ доказательствъ, также основывающихся на силлогизмахъ, но только несовершенныхъ. Сюда относятся: 1) индукція (ἐπαγωγή). Аристотелевская индукція, конечно, совсѣмъ не то, что индуктивный методъ Бакона. Онъ разумѣетъ подъ нею подстановленіе въ заключеніи рода вмѣсто вида, то что въ схоластическихъ логикахъ называлось inductio imperfecta. Это видно изъ приводимаго имъ примѣра: человѣкъ, лошадь и лошакъ отличаются долговѣч-

ностію; человѣкъ, лошадь и лошакъ имѣютъ мало желчи. Итакъ *животныя* маложелчныя долго живутъ. Силлогизмъ, по существу своему, болѣе извѣстенъ и имѣетъ prius существованія, индукція же для насъ очевиднѣе (XXIII).

2 Примѣръ. Это доказательство состоитъ въ изъясненіи общаго положенія примѣрами, подобными одинъ другому: напр.: вредно Аѳинянамъ вести войну съ Ѳивянами, ибо вообще вредно вести войну съ сосѣднимъ народомъ, какъ это видно на войнѣ Ѳивянъ съ Фокейцами (XXIV); 3) ἀπαγωγή, abductio. Въ сущности, это доказательство состоитъ въ выводѣ положенія мало извѣстнаго, не очевиднаго, изъ болѣе очевидныхъ посылокъ, т. е. въ выводѣ предположительной истины, опирающейся на несомнѣнныя положенія. У Аристотеля приведенъ слѣдующій примѣръ: наука можетъ быть изучаема, справедливость есть наука, слѣд. она можетъ быть изучаема (т. е. ей можно учиться (XXV). 4) Возраженіе, или положеніе, противорѣчащее устанавливаемымъ посылкамъ (XXVI). 5) Энтимема есть заключеніе изъ вѣроятныхъ основаній или чисто внѣшнихъ признаковъ: напр. — женщина, имѣющая молоко, беременна, эта женщина имѣетъ молоко, слѣдоват. она беременна; это заключеніе есть энтимема, основывающаяся на внѣшнихъ признакахъ. Такъ какъ здѣсь мы заключаемъ отъ одного признака къ другому, то на этомъ способѣ заключенія основывается физіономическое искусство, — искусство заключенія отъ внѣшнихъ признаковъ къ внутреннимъ (с. XXVII). Всѣ послѣдніе доказательные пріемы Аристотель называетъ реторическими. Онъ желалъ показать, что силлогистическія фигуры имѣютъ примѣненіе не только въ діалектическихъ и аподиктическихъ заключеніяхъ, но и реторическихъ.

Таково содержаніе второй книги первой аналитики.

Въ первой книгѣ своей аналитики Аристотель разсматривалъ силлогизмъ преимущественно со стороны его формы. Онъ разрѣшилъ его на составные элементы, указалъ способъ образованія, прослѣдилъ его, по скольку онъ служитъ орудіемъ діалектическихъ, аподиктическихъ и реторическихъ доказательствъ. Онъ вездѣ поэтому старался свести всякое доказательство къ простой силлогизаціи и этимъ отчасти объясняется нѣкоторая сухость и слишкомъ формалистическій характеръ первой книги аналитики. Теперь онъ беретъ значеніе силлогизма шире: онъ хочетъ показать, какое значеніе его для знанія, для науки вообще.

Но наука развивается или чрезъ доказательство, или путемъ опредѣленія. Этими двумя способами пріобрѣтается доказываемое знаніе (аподиктическое) и вотъ во второй аналитикѣ Аристотель трактуетъ съ одной стороны объ аподиктическомъ знаніи и доказательствѣ, съ другой — объ опредѣленіи.

Первая книга второй аналитики.

Продолжая свою рѣчь о доказательствѣ, Аристотель отнюдь не повторяется. Въ первой аналитикѣ онъ говорилъ о немъ, по скольку оно возникаетъ изъ силлогизма и опирается на него: тамъ была рѣчь о силлогизмѣ, какъ душѣ всякого доказательства. Здѣсь онъ говоритъ о немъ, какъ орудіи аподиктическаго знанія, изслѣдуетъ его основанія и пріемы.

Знаніе можетъ основываться или на умозаключеніяхъ или на индукціи. Въ первомъ случаѣ предполагаются общія предварительныя знанія, изъ которыхъ можно дѣлать какія-либо заключенія, въ послѣднемъ мы приходимъ къ общему чрезъ разъясненіе частнаго. Предварительныя знанія — двухъ родовъ: необходимо знать, что нѣчто существуетъ, необходимо понимать, что̀ оно такое. Мы познаемъ поэтому или тѣмъ путемъ, что имѣемъ общія понятія, которымъ подчинены многія частныя, или узнаемъ предметъ въ моментъ его воспріятія (Analyt. Sec. A, c. I).

Такое знаніе, которое показываетъ намъ причину чего бы то ни было и основаніе, по которому извѣстный фактъ не можетъ не быть таковымъ, пріобрѣтается только путемъ доказательства. Но доказательство есть научное умозаключеніе, научное потому, что чрезъ него мы нѣчто узнаемъ; оно предполагаетъ нѣчто истинное, первоначальное, непосредственно очевидное, основаніе заключенія: въ противномъ случаѣ, путемъ доказательства никакого знанія не получилось бы. Это основаніе называется началомъ (ἀρχή), оно можетъ быть діалектическое, когда въ посылкѣ дѣлаются два предположенія (раздѣлительное сужденіе), аподиктическое — когда прямо ставится простое положеніе (с. II).

Нельзя согласиться съ мнѣніями: 1) что нѣтъ доказательнаго знанія, ибо принципы доказываемы быть не могутъ, 2) что знаніе — между прочимъ знаніе принциповъ — можетъ быть доказываемо. Первое полагаетъ: такъ какъ въ доказательствѣ одно основывается на другомъ, другое на третьемъ и т. д., то приходится или допускать безконечную цѣпь истинъ, или остановиться на бездоказательныхъ положеніяхъ, слѣдовательно шаткихъ. Второе полагаетъ, что все можетъ быть доказываемо, такъ что между мыслями есть круговая порука. Противъ перваго Аристотель утверждаетъ, что есть непосредственно очевидныя истины, которыя въ доказательствахъ уже не нуждаются, противъ втораго онъ указываетъ на прежде сдѣланныя изслѣдованія относительно круговыхъ доказательствъ (с. III).

Установивши значеніе логическихъ терминовъ: κατὰ παντός (вообще), καθ'αὐτά (само въ себѣ) и καθόλου (всецѣло) (с. IV) и указавъ возмож-

ныя ошибки относительно допущенія всеобщаго характера тамъ, гдѣ его и нѣтъ (с. V), Аристотель прилагаетъ эти понятія къ принципамъ. Какъ основанія доказательствъ, они должны быть необходимы и всеобщи. Если мы хотимъ сдѣлать заключеніе твердымъ и нерушимымъ, то положеніе, изъ котораго оно вытекаетъ, должно быть необходимо; оно должно имѣть качество καθ' αὐτά, т. е. вытекать изъ самой сущности предмета и не имѣть въ себѣ ничего случайнаго (с. VI). Притомъ, принципы должны избираться изъ той области, къ которой предметъ относится, напр. геометръ не долженъ брать для себя принципы изъ области ариѳметики (с. VIII), и это условіе такъ важно, что имъ нельзя жертвовать ни для какихъ цѣлей (с. IX).

Итакъ, какіе же существуютъ принципы доказательствъ вообще? Есть общіе, прилагающіеся ко многимъ областямъ знанія, и частные, свойственные тому или другому классу знаній. Рядомъ съ такими принципами существуютъ гипотезы и постуляты. Гипотеза есть предположеніе еще недоказанное и принимаемое за таковое. И постулятъ есть также предположеніе, но признаваемое общимъ мнѣніемъ за вѣроятное (с. X). Какъ примѣръ самыхъ общихъ положеній, предполагаемыхъ всѣми науками, Аристотель приводитъ аксіомы: невозможно объ одномъ и томъ же утверждать что-либо и вмѣстѣ отрицать (принципъ противорѣчія) и объ одномъ и томъ же возможно или утверждать или отрицать (принципъ исключеннаго третьяго). Первая только предполагается въ доказательствахъ, но непосредственно весьма рѣдко прилагается къ дѣлу, вторая прилагается въ deductio ad impossibile (XI). По внѣшней формѣ положенія для доказательствъ могутъ имѣть видъ вопроса (XII). По своей цѣли доказательства могутъ разъяснять или то, что есть, напр.: что находится на близкомъ разстояніи, то не блеститъ, планеты находятся на близкомъ разстояніи, слѣдоват. они не блестятъ,—или почему такъ есть, а не иначе. Знаніе, *что* существуетъ радуга, относится до физиковъ, имѣющихъ дѣло съ показаніями внѣшнихъ чувствъ. Знаніе, почему существуетъ радуга, относится къ астрономамъ, по скольку они математики. Слѣдоват. первое знаніе чувственное, второе математическое (с. XIII). То и другое знаніе развивается преимущественно по пріему первой силлогистической фигуры (с. XIV).

Разъяснивъ такимъ образомъ, что такое знаніе и что такое орудіе его — доказательство, послѣднее главнѣйше со стороны принциповъ, на которое оно опирается, Аристотель далѣе объясняетъ, что такое незнаніе и заблужденіе, какъ противоположности знанія. Онъ раскрываетъ ихъ источники и виды.

Ошибки и заблужденія могутъ быть весьма разнообразны. Незнаніе есть или простое отсутствіе знанія или есть неудовлетворительное соединеніе понятій. Мы можемъ: 1) не вѣрно соединять два понятія въ посылкахъ каждой фигуры и Аристотель разбираетъ, какія получаются заключенія въ каждой изъ фигуръ, при какихъ комбинаціяхъ правильныхъ и ложныхъ посылокъ (с. XVI), 2) логическое заблужденіе можетъ состоять въ неправильномъ соединеніи понятій чрезъ средній терминъ (с. XVII). Простое отсутствіе знанія замѣчается тамъ, гдѣ нѣтъ чувственныхъ наблюденій, т. е. гдѣ нѣтъ наблюденія отдѣльныхъ предметовъ (с. XVIII).

Теперь Аристотель переходитъ къ указанію самыхъ способовъ доказательствъ и прежде всего онъ ставитъ общій вопросъ: возможно-ли, начиная съ самаго низшаго понятія, восходить къ высшимъ до безконечности, возможно-ли, начиная съ самаго общаго понятія, нисходить до безконечности, можетъ-ли цѣпь посредствующихъ понятій между двумя соединяемыми быть также безконечною? Рѣшить это значитъ рѣшить, возможно ли доказательство вообще: ибо, предполагая безконечность доказательнаго пути въ упомянутыхъ трехъ случаяхъ, мы отвергаемъ тѣмъ возможность всякого доказательства. Такимъ образомъ здѣсь онъ снова возвращается къ вопросу, поставленному выше, о существованіи недоказываемыхъ принциповъ, но только онъ разсматриваетъ его съ другой стороны (с. XIX).

Невозможно, чтобъ понятія, соединяющія подлежащее заключенія со сказуемымъ, представляли безконечный рядъ (с. XX), равно какъ и въ отрицательномъ доказательствѣ путь отъ одного понятія къ другому также не безконеченъ, по какой бы силлогистической фигурѣ ни двигалась мысль (с. XXI). Въ положительныхъ доказательствахъ нѣтъ безконечнаго ряда, ни въ томъ случаѣ, когда мы восходимъ отъ низшаго понятія къ высшему, ни когда нисходимъ обратно. Еслибы лѣствицы понятій были безконечны вверхъ, то не существовало бы категорій, еслибы въ сущности было безконечное число свойствъ, не могло бы быть знанія предметовъ самихъ въ себѣ, ни опредѣленія сущностей (с. XXII). Отсюда слѣдуетъ, что непосредственныя положенія (принципы) недоказываемы, что доказывать возможно только посредственныя и что движеніе къ началамъ совершается тѣмъ путемъ, что къ меньшему термину (низшему понятію) мы подыскиваемъ ближайшій средній (болѣе высшее) (с. XXIII).

Какія же есть сравнительныя достоинства доказательствъ и которые способы ихъ предпочтительно должны быть избираемы?

1) Общее доказательство тверже частнаго: ибо первое указываетъ намъ основаніе, почему есть то или другое; притомъ оно приводитъ насъ къ простому выводу, тогда какъ частное увлекаетъ въ безконечныя по-

дробности (с. XXIV); 2) утвердительное доказательство предпочтительнѣе отрицательнаго, ибо первое проще послѣдняго и притомъ самое отрицаніе возможно только на какомъ либо положительномъ основаніи (с. XXV); 3) прямое доказательство лучше непрямого — deductio ad impossibile.

Чрезъ доказательство созидается наука, а потому различія въ доказательствахъ можно прослѣдить и на самыхъ наукахъ. Тѣ изъ нихъ, которыя занимаются фактами и причинами ихъ вмѣстѣ, совершеннѣе занимающихся только фактами, абстрактныя совершеннѣе матеріальныхъ (какъ общія доказательства предпочтительнѣй частныхъ), науки, имѣющія дѣло съ болѣе простыми принципами, лучше наукъ, у которыхъ они усложнены (с. XXVII). По различію принциповъ своихъ доказательствъ, науки бываютъ однородны или различны (с. XXVIII).

Изъ понятія о наукѣ, какъ знаніи доказательномъ, легко вывести, что именно не можетъ быть предметомъ научнаго доказательства. Именно 1) все случайное доказываемо быть не можетъ (с. XXIX), 2) чувственныя воспріятія также не входятъ въ кругъ аподиктическаго знанія: ибо они даютъ намъ однѣ только подробности, но не общее (с. XXXI), 3) предметъ мнѣнія уже потому не можетъ входить въ область науки, что оно можетъ быть и истинно и ложно, притомъ же оно шатко и постоянно колеблется (с. XXXIII). Въ послѣдней главѣ 1-й книги второй аналитики Аристотель дѣлаетъ замѣчанія объ искусствѣ находить понятія, посредствующія между соединяемыми, въ чемъ собственно и состоитъ настоящая проницательность ума (ἀγχίνοια) (с. XXXIV).

Вторая книга второй аналитики.

Другой научный пріемъ — опредѣленіе. Ученіе о немъ составляетъ предметъ второй книги второй аналитики. Опредѣленіемъ мы устанавливаемъ содержаніе науки, своего знанія. Что же составляетъ предметъ и цѣль нашихъ знаній?

Мы стремимся знать, что случается (εἰ ἐϛι), напр. мы задаемъ себѣ вопросъ, случаются ли съ солнцемъ затмѣнія, почему они существуютъ (διότι), напр. почему солнце затмѣвается, затѣмъ—существуетъ ли нѣчто общее (ὅτι), напр. существуютъ ли центавры вообще или нѣтъ, и наконецъ, что такое существуетъ (τί ἐϛι), напр., что такое Богъ, человѣкъ (An. sec. B. c. I).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы ищемъ, въ сущности, средняго термина. Когда мы спрашиваемъ, существуетъ ли нѣчто и какъ существуетъ, мы ищемъ того, въ какомъ смыслѣ понятіе бытія можетъ быть прилагаемо къ предметамъ въ общемъ или частномъ смыслѣ. Когда мы изслѣдуемъ

причину, то опять ищемъ средняго термина, который есть и причина и основаніе и въ немъ же мы находимъ отвѣтъ на то, что такое существуетъ въ данномъ случаѣ (с. II).

Чтобы разъяснить себѣ сущность опредѣленія, необходимо сравнить его съ доказательствомъ. Первое отнюдь не тожественно съ послѣднимъ. Опредѣленіе имѣетъ въ виду главнѣйшее показать. что именно существуетъ; тоже, что существуетъ, всегда общаго и притомъ категорическаго характера. Между тѣмъ силлогизмы могутъ быть отрицательные и притомъ частные: напр. силлогизмы второй и третьей фигуры; даже силлогизмы первой фигуры отнюдь не совпадаютъ съ опредѣленіемъ, напр. силлогизмъ, доказывающій, что три внутреннихъ угла треугольника равняются двумъ прямымъ. Притомъ опредѣленіе не касается существованія или несуществованія предмета, тогда какъ именно это и составляетъ предметъ доказательства. Поэтому объ одномъ и томъ же не можетъ быть и доказательства и опредѣленія вмѣстѣ. Опредѣленія служатъ принципами для доказательствъ, но принципы не доказываются; опредѣленія говорятъ о томъ, что существуетъ и въ чемъ состоитъ сущность предмета (с. III).

Опредѣленіе не можетъ быть доказываемо чрезъ силлогизмъ. Послѣдній нуждается въ среднемъ соединяющемъ понятія терминѣ, опредѣленіе же трактуетъ о существованіи предмета, о характерныхъ и существенныхъ признакахъ (с. IV). Равнымъ образомъ оно не можетъ быть отождествляемо и съ раздѣлительнымъ силлогизмомъ (дѣленіемъ) (V). Даже и индукція не можетъ служить доказательствомъ опредѣленія, равно и чувственное впечатлѣніе (с. VII). Имѣя дѣло съ понятіемъ, опредѣленіе разъясняетъ намъ его сущность, его существованіе, силлогизмъ же или аподиктическое доказательство только приводитъ въ ясность то, что уже дано въ понятіи (сс. VIII и IX).

Такъ какъ опредѣленіе объясняетъ, что такое извѣстный предметъ, то объясненіе можетъ прежде всего касаться названія его: это будетъ опредѣленіе именное (номинальное). Но оно можетъ касаться самой причины вещи. Послѣднее раскрываетъ самое существо вещи. Опредѣленіе вещи можетъ быть троякое: оно можетъ просто указывать, что такое предметъ, можетъ состоять въ выводѣ, что онъ такое, и различаться отъ доказательства одною формою, или быть заключеніемъ доказательства, имѣвшаго дѣло съ сущностію вещи (с. X).

Опредѣленіе занимается разъясненіемъ основаній и причинъ. Посему нужно отдать отчетъ, что собственно разумѣется подъ причиною. Аристотель различаетъ четыре рода ихъ: формальную—понятіе вещи, матеріальную, или матеріальное основаніе частныхъ вещей, движеніе или при-

чину дѣйствующую и наконецъ конечную (с. XI). По времени причины могутъ быть настоящія, прошедшія и будущія. Причина и дѣйствіе могутъ существовать вмѣстѣ и порознь. Только въ послѣднемъ случаѣ заключаютъ обыкновенно отъ послѣдующаго къ предыдущему, какъ при обсужденіи прошедшаго, такъ и будущаго (с. XII).

Какъ же слѣдуетъ построить правильное и ведущее къ истинному знанію опредѣленіе? Методъ построенія его основывается на дѣленіи: ибо только съ точностію послѣдняго возможно найти части опредѣленія, равно перечислить всѣ важнѣйшіе признаки предмета. При этомъ нужно имѣть въ виду существенные признаки вещей, перечислять ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ (с. XIII). Съ помощію опредѣленія и дѣленія возможно искать правильныхъ отвѣтовъ на вопросы (проблеммы) (с. XIV), какъ совершенно однородные, такъ и обобщаемые только въ общемъ высшемъ понятіи (с. XV).

Въ остальной части этой книги Аристотель снова возвращается къ столь важному для него понятію причины и дѣйствія. Можно ли заключать отъ причины къ дѣйствію и наоборотъ, отъ дѣйствія къ причинѣ? Они не существуютъ вмѣстѣ, причина всегда предваряетъ дѣйствіе: если-бы они существовали вмѣстѣ, тогда было бы безразлично. отъ которой изъ нихъ заключать къ другой. Тогда отъ затмѣнія луны, какъ причины, можно было бы заключать къ положенію земли относительно солнца и луны, какъ дѣйствію. Когда проблемма—общаго характера, то и искомая причина тоже должна быть общая (с. XVI). Можетъ случаться, что одно и то же дѣйствіе происходитъ отъ многихъ различныхъ причинъ, только одно и тоже явленіе никогда не замѣчается въ различныхъ видахъ предметовъ: напр. долговѣчность животныхъ четвероногихъ можетъ происходить отъ малаго количества желчи, у птицъ — отъ ихъ сухой природы или отъ чего нибудь другого (с. XVII). При этомъ ближайшее понятіе вещи есть ближайшее основаніе, болѣе же общее не можетъ быть истинною причиною (с. XVIII).

Послѣ этого долгаго и длиннаго пути, по которому Аристотель шелъ къ разъясненію основаній и пріемовъ знанія, онъ въ заключительной главѣ второй книги второй Аналитики (с. XIX) поднимаетъ наиважнѣйшій вопросъ о происхожденіи принциповъ, и отношеніи разума, созерцающаго ихъ, къ знанію.

Прирождено ли намъ знаніе принциповъ, или не прирождено? Если оно дается намъ отъ природы, то тогда выйдетъ, что въ насъ, безъ всякого нашего вѣдома, существуетъ знаніе болѣе достовѣрное, чѣмъ пріобрѣтаемое доказательствами. Если же мы пріобрѣтаемъ ихъ опытомъ, то

спрашивается, какъ безъ знанія принциповъ мы вообще можемъ что либо знать?

Слѣдовательно, въ насъ должна существовать способность познавать принципы. Повидимому, она прирождена всякому живому существу. У однихъ животныхъ отъ чувственныхъ впечатлѣній остаются слѣды, у другихъ—нѣтъ: послѣднія не имѣютъ никакихъ знаній, кромѣ чувственныхъ воспріятій. Первыя способны къ представленіямъ, и когда они умножаются въ душѣ, возникаютъ у нѣкоторыхъ понятія (λόγοι). Благодаря памяти, образуется опытъ, изъ послѣдняго—по скольку оно содержитъ въ себѣ элементы общаго—науки и искусство. Корень всѣхъ этихъ способностей—въ чувственномъ воспріятіи. И такъ, первое знаніе пріобрѣтается изъ опыта.

Между различными родами мышленія различаются одни ведущіе всегда къ истинѣ, другіе—иногда и къ заблужденіямъ (какъ напр. дѣятельность разсудка—λογισμός). Только разумъ непогрѣшимъ. Такъ какъ принципы доказательствъ извѣстнѣе послѣднихъ, и съ другой стороны, всякое знаніе пріобрѣтается путемъ доказательствъ и логической дѣятельности, то обыкновенно знаніе не можетъ имѣть дѣла съ этими принципами. Послѣдніе должны составлять область созерцанія разума, ибо кромѣ логическаго знанія у насъ нѣтъ другого мышленія, какъ созерцаніе ума (νοῦς). Онъ есть принципъ знанія, основаніе основанія.

ТОПИКА.

Смыслъ и значеніе аналитики Аристотеля понятенъ. Онъ желалъ разсмотрѣть въ подробности основы, на которыхъ построяется наука, то, что составляетъ душу ея. Начавъ съ силлогизма, какъ съ самаго простого пріема соединенія понятій, онъ разсмотрѣлъ всевозможные силлогистическіе способы, опредѣлилъ ихъ значеніе и сравнительное достоинство заключеній, къ которымъ они приводятъ. Отъ анализа силлогизмовъ онъ перешелъ къ разсмотрѣнію главныхъ научныхъ сложныхъ пріемовъ, примыкающихъ къ нимъ: доказательству и опредѣленію. Мы видѣли, какъ блистательно исполнилъ и эту задачу нашъ философъ. Аналитика дѣйствительно есть несомнѣнный органъ всякой дедуктивной науки и съ этой стороны остается важнѣйшимъ логическимъ трудомъ, какой когда либо являлся въ исторіи

Въ топикѣ, къ анализу содержанія которой мы перейдемъ, Аристотель преподаетъ правила искусства діалектическаго, или умѣнья разсуж-

дать о предметѣ pro и contra. Въ сочиненіи «О софистическихъ доказательствахъ» онъ говоритъ слѣдующее: (с. II). При научномъ обсужденіи можно имѣть въ виду четыре рода основаній: διδασκαλικοί или научныя, διαλεκτικοί, основанія споровъ, разсужденій, πειραστικοί, изслѣдовательныя, кажущіяся только истинными, ἐριστικοί, кажущіяся только вѣроятными, но въ дѣйствительности не истинныя. О первыхъ и связанныхъ съ ними аподиктическихъ говорено было въ аналитикѣ, о четырехъ будетъ говориться въ «софистическихъ доказательствахъ», о вторыхъ и третьихъ въ топикѣ. Такимъ образомъ въ топикѣ Аристотель намѣренъ разсмотрѣть основанія всякого спора или разсужденія о вѣроятныхъ мысляхъ. Во всѣхъ спорахъ, какъ и во всякомъ разсужденіи, существуютъ общіе пріемы разсмотрѣнія вопросовъ, или общія точки зрѣнія на предметы независимо отъ ихъ содержанія. Эти общія точки зрѣнія называются τόποι, loci communes, общія мѣста. О такихъ общихъ мѣстахъ и разсуждаетъ Аристотель, и потому его сочиненіе получило названіе Τοπικά.

Первая книга топики.

Цѣль настоящаго изслѣдованія, такъ начинаетъ первую книгу Аристотель, состоитъ въ томъ, чтобъ найти методъ, посредствомъ котораго о каждомъ встрѣчающемся вопросѣ можно-бъ было образовывать заключенія изъ вѣроятныхъ положеній и сверхъ того защищать свой взглядъ, не впадая въ противорѣчія».

Нужно различать три рода умозаключеній: аподиктическія, въ которыхъ заключенія слѣдуютъ изъ первыхъ непосредственно истинныхъ предположеній, діалектическія, идущія отъ предположеній только вѣроятныхъ. т. е. для всѣхъ или многихъ кажущихся истинными. эристическія, которыхъ два вида: одни идутъ отъ вѣроятныхъ, повидимости только посылокъ, но не таковыхъ въ дѣйствительности, другія слагаются тоже изъ такихъ же посылокъ, но образуютъ заключеніе только кажущееся. Первыя еще можно назвать эристическими *силлогизмами*, вторыя суть силлогизмы только по названію. Кромѣ указанныхъ умозаключеній, существуютъ еще паралогизмы или совершенно ложныя умозаключенія (с. I, lib. 1, topica).

Предпринимаемое изслѣдованіе важно въ трехъ отношеніяхъ: оно полезно для упражненія, для общественныхъ разсужденій и философскихъ наукъ (с. II).

Содержаніе разсужденія составляютъ положенія и проблеммы. Они различаются только формою: послѣднія излагаются въ вопросительной,

первыя въ категорической формѣ. Но каждое положеніе означаетъ или родъ, или исключительно свойственную предмету черту, или нѣчто случайное въ немъ. Отличительныя черты предмета могутъ касаться или сущности его и тогда онѣ будутъ составлять его опредѣленіе, или же только означать что нибудь характерное въ предметѣ. Поэтому все, что можетъ быть высказываемо о предметѣ, касается или свойственнаго ему признака, или рода, или опредѣленія или случайнаго свойства въ немъ (с. IV).

Опредѣленіе есть соединеніе словъ, въ которомъ означается существо предмета (τὸ τί ἦν εἶναι). Принадлежность хотя, и не содержитъ въ себѣ сущности вещи, но тѣмъ не менѣе свойственна только извѣстному предмету, наприм. человѣку свойственно быть способнымъ къ наукѣ. Родъ есть нѣчто высказываемое о многихъ предметахъ вообще, напр. человѣкъ есть животное. Случайность въ предметѣ есть нѣчто могущее быть и не быть въ немъ (с. V). Указаніе родовой, характерной и случайной черты имѣетъ близкое отношеніе къ опредѣленію, хотя и нельзя установить одинъ общій методъ для всѣхъ этихъ способовъ обсужденія вещей (с. VI). На основаніи этихъ точекъ зрѣнія на предметы мы устанавливаемъ до извѣстной степени тожество между ними. Говоря вообще, тожество возможно или въ отношеніи числа, вида или рода. Но обыкновенно подъ нимъ разумѣютъ числовое тожество и притомъ когда предметы или родственны со стороны своего опредѣленія, или имѣютъ общія характерныя принадлежности, или какія нибудь случайныя тожественныя качества. Кромѣ перечисленныхъ общихъ свойствъ предметовъ, никакихъ другихъ нѣтъ (с. VIII). По какой бы категоріи мы ни обсуждали предметы, мы непремѣнно будемъ отыскивать который либо изъ означенныхъ атрибутовъ (IX).

Мы познакомились такимъ образомъ съ тѣмъ, чего можно искать въ предметахъ вообще. При разсужденіи о нихъ, мы доискиваемся опредѣленія, т. е. сущности ихъ, рода, характерной принадлежности и случайнаго элемента въ нихъ. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть, какимъ логическимъ характеромъ отличаются діалектическія положенія.

Діалектическимъ называется то положеніе, которое кажется ученымъ, или вообще большинству, вѣроятнымъ, мнѣніе, не противорѣчащее основоположеніямъ науки (с. X). Діалектическими проблеммами называются вопросы, устанавливаемые для изслѣдованія, но не рѣшенные еще категорически въ какую либо сторону, наприм. вѣченъ ли міръ или не вѣченъ. Тезисомъ называется мнѣніе несогласное съ общепринятымъ, напр. мнѣніе Антисѳена, что невозможно противорѣчіе, или Гераклита, что все движется. Самою собою разумѣется, что не всякая проблемма и не всякій

тезисъ могутъ быть предметомъ спора, но только такіе, которые заслуживаютъ серьезнаго вниманія (с. XI).

Опровергать и доказывать возможно только двумя способами: или чрезъ силлогизмъ, или чрезъ индукцію (XII). Чтобъ успѣшно пользоваться ими, необходимо: 1) дѣлать строгій выборъ положеній для обсужденій; 2) требуется знаніе различныхъ оттѣнковъ словоупотребленія, 3) необходимо умѣть находить различія, 4) и разсматривать сходства (с. XIII).

1) Посылки для разсужденій можно избирать или изъ круга общепринятыхъ мнѣній, или мнѣній, раздѣляемыхъ умными и учеными людьми, далѣе — мнѣній противорѣчащихъ общепринятымъ, наконецъ — частныхъ положеній, имѣющихъ мѣсто въ отдѣльныхъ наукахъ. По своему содержанію, положенія могутъ быть этическія, физическія и логическія. Ихъ нужно брать въ самомъ общемъ смыслѣ и затѣмъ расчленять на многія частныя (с. XIV).

2) Аристотель сообщаетъ различныя правила для узнаванія, въ одномъ ли или не одномъ значеніи употреблено слово въ предложеніи (с. XV).

3) Нужно обращать вниманіе на различія, существующія въ родѣ, или на различія одного рода отъ другого (с. XVI).

4) Необходимо отыскивать общія черты между родами, между отношеніями видовъ къ роду, между видами одного и того же рода (XVII).

Затѣмъ Аристотель въ подробности указываетъ пользу своего изслѣдованія въ области діалектики для ясности мышленія и для каждаго логическаго пріема въ частности: силлогизмовъ, индукціи, гипотетическихъ умозаключеній, установки опредѣленій (с. XVIII). Этою главою заключается первая книга топики.

Вторая книга топики.

Аристотель начинаетъ съ анализа случайнаго признака, могущаго быть приписываемымъ предмету. Всѣ положенія, въ которыхъ онъ опредѣляется или ему приписывается родовая черта или нѣчто характерное, могутъ быть превращаемы, потому что эти признаки приписываются ему не въ какомъ либо только извѣстномъ отношеніи, а безусловно, прямо. Между тѣмъ положенія, въ которыхъ указывается нѣчто случайное, прямого превращенія не допускаютъ: извѣстный атрибутъ приписывается въ нихъ предмету только въ извѣстномъ отношеніи, небезусловно (с. I).

Съ какихъ же точекъ зрѣнія нужно разсматривать случайное? Необходимо смотрѣть, дѣйствительно ли случайно то, что выдается въ пред-

метѣ за таковое, далѣе — справедливо ли оно приписывается или отрицается отъ чего нибудь; нужно анализировать понятія субъекта и прилагаемой къ нему случайности, каждое въ отдѣльности, или одно съ другимъ сравнительно, разсмотрѣть, нѣтъ ли какой ошибки въ предположеніи извѣстной случайности въ предметѣ и наконецъ нужно обращать вниманіе, вѣрно ли словоупотребленіе въ данномъ случаѣ (с. II).

Когда мы что либо утверждаемъ въ разнообразныхъ значеніяхъ, то необходимо доказательство сосредоточить на одномъ значеніи, если нельзя защитить другія. Такъ слѣдуетъ поступать, когда въ положеніи разнообразіе смысла ничѣмъ не обнаружено. Когда же оно прямо обнаруживается, то сначала нужно точно указать, въ какомъ смыслѣ и въ какомъ отношеніи что либо утверждается, и потомъ уже приниматься за доказательство или опроверженіе и всѣ подобные анализы значеній словъ должно дѣлать настолько, насколько это нужно для разсужденій (с. III). Иногда необходимо синонимически замѣнять одно выраженіе другимъ.

Отъ внѣшней стороны, съ которой мы заявляемъ свои доказываемыя мысли или опровергаемъ другія, должно переходить къ самому дѣлу. Если нужно доказать, что одинъ предметъ можетъ имѣть противныя качества, необходимо разсмотрѣть его родъ: ибо отъ него можно заключать въ виду. Все принадлежаще роду необходимо предполагается его видами. Иногда можно отъ вида заключать къ роду: ибо что принадлежитъ первому можетъ принадлежать и второму. Въ иныхъ случаяхъ, при опроверженіи, необходимо обращаться къ точнымъ опредѣленіямъ диспутируемаго предмета. Нужно обращать вниманіе на условія, предполагаемыя утверждаемымъ положеніемъ, и послѣдствія изъ него вытекающія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ— на самую послѣдовательность событій (с. IV). Такъ какъ софисты часто отклоняютъ своихъ противниковъ отъ настоящаго спорнаго вопроса и подстановляютъ другой, болѣе удобный для нихъ, то нужно отдавать себѣ отчетъ, когда подобное средство спора дѣйствительно необходимо, или кажется таковымъ, и когда оно ни въ какомъ отношеніи не необходимо (с. V).

Во всѣхъ случаяхъ, когда предмету одинъ изъ двухъ признаковъ необходимо долженъ быть приписываемъ, можно отъ присутствія одного изъ нихъ заключать къ отсутствію другого и наоборотъ. Можно иногда защищать то значеніе словъ, которое кажется наилучшимъ, иногда разсматривать данный признакъ, необходимъ ли онъ или случаенъ или замѣчается въ предметѣ только въ большинствѣ случаевъ. Необходимо также обращать вниманіе на правильность дѣленія (с. VI).

Необходимо далѣе, при опроверженіи и защищеніи, различать разныя степени противоположенія подлежащихъ и сказуемыхъ въ противорѣча-

щихъ положеніяхъ, въ каждомъ данномъ случаѣ отдавать себѣ отчетъ, что чему и какъ противорѣчитъ (с. VII) и затѣмъ правильно пользоваться выводами на основаніи противоположенія (contrapositio). Здѣсь подробно излагается у Аристотеля извѣстный пріемъ непосредственныхъ умозаключеній, называемый противоположеніемъ. Аристотель указываетъ, какія выгоды можно дозволять себѣ на основаніи противоположности сужденій (с. VIII).

Нужно различать понятія, связанныя (σύστοιχα) и видоизмѣненія одного и того же слова. Все, что утверждается или отрицается объ одномъ изъ нихъ, то имѣетъ значеніе и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ: напр., что мы скажемъ о справедливости, то будетъ прилагаться и къ справедливому и т. под.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо восходить къ причинамъ происхожденія и уничтоженія предметовъ (с. IX). Можно основывать свои доказательства и опроверженія на подобіи предметовъ, на сравнительномъ количественномъ отношеніи ихъ. Съ послѣдней точки зрѣнія можно соображать, всегда ли большее количество субъекта предполагаетъ большее количество атрибута, отъ неприсутствія свойства въ предметѣ, которому всего свойственнѣй имѣть его, можно заключать къ неприсутствію его въ другомъ, которому онъ менѣе свойственъ, отъ неприсутствія въ предметѣ свойства, болѣе идущаго къ нему, можно заключать къ неприсутствію другого, менѣе идущаго, наконецъ отъ неприсутствія одного свойства въ предметѣ, повидимому болѣе тѣсно связаннаго съ нимъ, чѣмъ другое качество связано съ другимъ предметомъ, можно заключать къ неприсутствію послѣдняго. На основаніи сходства предметовъ, можно заключать: отъ неприсутствія качества въ одномъ къ неприсутствію его въ другомъ предметѣ, подобномъ первому, отъ неприсутствія одного качества въ предметѣ къ неприсутствію въ немъ другого свойства, подобнаго первому, отъ неприсутствія одного атрибута въ одномъ предметѣ можно заключать къ отсутствію другого, подобнымъ образомъ прилагаемаго къ другому предмету (с. X).

Наконецъ, на основаніи факта количественнаго обсужденія свойствъ въ предметѣ, всегда можно предполагать простое присутствіе въ немъ послѣдняго. Нужно впрочемъ различать при этомъ высказываемое условно и утверждаемое категорически (с. XI).

Третья книга топики.

И въ третьей книгѣ анализуемаго сочиненія Аристотель преслѣдуетъ ту же задачу, какая занимала его во второй. Весьма обширный разрядъ

случайныхъ атрибутовъ, приписываемыхъ предметамъ, возникаетъ изъ нашей сравнительной оцѣнки ихъ: одни изъ нихъ мы находимъ лучшими, другіе худшими, разсуждаемъ о нихъ какъ о достойныхъ желанія или отвращенія и т. д. Онъ указываетъ въ третьей книгѣ различныя точки зрѣнія для обсужденія предметовъ съ этой стороны.

Чѣмъ же руководиться при обсужденіи цѣнности, желательности предметовъ? Аристотель замѣчаетъ, что онъ не намѣренъ разсуждать о вещахъ, очевидно неравноцѣнныхъ (напр. счастіе, богатство), но только о близкихъ одна къ другой такъ, что можно сомнѣваться, которая изъ нихъ цѣннѣе. Вопервыхъ, долговременное должно предпочесть быстро преходящему. Далѣе, достойно желанія то, что предпочитается разумными людьми. Что цѣнно само по себѣ, желательнѣй того, что цѣнно ради чего нибудь другого; то что есть причина блага само по себѣ, предпочтительнѣй случайной причины его, непосредственное благо—блага частнаго, относительнаго, потребное для высшихъ существованій предпочтительнѣй потребнаго для нисшихъ, цѣль—средствъ, достижимое и возможное—недостижимаго и невозможнаго, дѣйствіе съ лучшею цѣлію предпочтительнѣй того, которое имѣетъ худшую цѣль, красота нравственная—какихъ нибудь матеріальныхъ выгодъ (с. I).

Аристотель обсуждаетъ далѣе предпочтительное и цѣнное со стороны слѣдствій вещей. Имѣющее слѣдствіемъ своимъ большее благо предпочтительнѣй сопровождающагося меньшимъ; въ иныхъ случаяхъ слѣдующее за чѣмъ-нибудь необходимо предпочитать тому, что предваряетъ его. Добро, съ которымъ соединяется удовольствіе, предпочтительнѣй не сопровождающагося имъ; болѣе годное по времени предпочтительнѣй менѣе годнаго; что полезно во всякое время, то наиболѣе полезно; что ближе къ благу, лучше другого, менѣе близкаго къ нему, что подобнѣе хорошему предпочтительнѣй менѣе подобнаго, также—сопровождающееся меньшимъ отягощеніемъ цѣннѣе болѣе труднаго. Первое въ своемъ родѣ, лучшемъ, чѣмъ родъ другой, предпочтительнѣе лучшаго въ послѣднемъ, что мы предпринимаемъ относительно друзей, лучше чѣмъ дѣлаемое по отношенію ко всякому и т. д. (с II).

Изъ вещей, относящихся къ одному и тому же виду, предпочтительнѣй тѣ, которыя наиболѣе отличаются совершенствами этого вида, или оказываютъ лучшее дѣйствіе. Можно руководиться въ желаніяхъ и сравнительными степенями пользы вещей. Что человѣкъ пріобрѣтаетъ самодѣятельно, то лучше пріобрѣтаемаго чрезъ другихъ, что само по себѣ желательно, предпочтительнѣе того, что таково только по мнѣнію другихъ, что достойно уваженія само по себѣ, лучше, чѣмъ уважаемое ради чего-нибудь другого. Необходимо различать разные мотивы предпочтенія:

пользу, нравственную красоту, пріятность (с. III). Если высшая степень чего либо желательна, то желательна и нисшая (с. IV). Затѣмъ Аристотель даетъ указанія, какъ опредѣлять степени развитія той или другой вещи (с. V).

Аристотель заключаетъ главу указаніями, какъ можно доказывать и опровергать частныя положенія, въ которыхъ высказывается о предметѣ случайный признакъ. Можно доказывать на основаніи противоположности сужденій, напр. если удовольствіе есть добро, то неудовольствіе есть зло; съ другой стороны, можно при сравниваніи вещей основываться на равенствѣ или сравнительномъ неравенствѣ предметовъ, особенно если они такъ тѣсно связаны вмѣстѣ, что существованіе чего либо въ одномъ предметѣ предполагаетъ существованіе того же въ другомъ. Этою точкою зрѣнія можно пользоваться и для опроверженій: напр. если знаніе есть высшее благо сравнительно съ удовольствіемъ, то кто отвергаетъ знаніе какъ благо, тотъ отвергаетъ и удовольствіе какъ благо.

Существуютъ условныя умозаключенія, въ которыхъ отъ одного предмета заключается ко всѣмъ другимъ одного и того же рода, напр. если душа человѣческая безсмертна, то безсмертны и всѣ другія души (животныхъ и растеній), а если душа человѣческая смертна, то таковы-же и всѣ остальныя. Въ этихъ случаяхъ мы обобщаемъ частный фактъ.

Случайные признаки могутъ быть высказываемы о предметахъ неопредѣленно и опредѣленно. Неопредѣленное частное положеніе можетъ быть опровергаемо только по одному способу. Именно частному сужденію противника (одно изъ удовольствій есть благо) можно противопоставить всеобщее отрицаніе (ни одно удовольствіе не есть благо). Доказывать же такое положеніе можно двоякимъ путемъ: во 1-хъ, доказывая его вообще, какъ общее положеніе, и затѣмъ — какъ частное сужденіе. Далѣе указывается, какъ можно доказывать и опровергать сужденія опредѣленныя (с. VI).

Четвертая книга топики.

Аристотель переходитъ къ указаніямъ, какъ нужно обращаться съ понятіемъ рода. Четвертая книга топики посвящена этому предмету.

Прежде всего, когда указывается родъ, къ которому принадлежитъ предметъ, нужно разсмотрѣть, нѣтъ ли чего, что не подходитъ подъ это указаніе, далѣе, указанъ ли дѣйствительно родъ, а не какая-нибудь случайная черта въ предметѣ, — не относятся-ли указанные родъ и видъ къ двумъ различнымъ категоріямъ. Можетъ случиться, что указанный видъ подходитъ къ предмету, но не родъ, о которомъ упоминается; равно какъ нужно обращать вниманіе на то, что сказанное о родѣ можетъ ли

быть прилагаемо къ его видамъ, — чтобъ прилагаемый признакъ не былъ шире рода, чтобъ объемы вида и рода не были равны между собою (с. I)

Далѣе, нужно смотрѣть, не указывается ли родъ, не имѣющій никакого отношенія къ данному виду; отъ указаннаго рода необходимо восходить къ ближайшимъ высшимъ родамъ и если который либо изъ высшихъ не подойдетъ къ данному виду, то, значитъ, указаніе рода сдѣлано неправильно. Нужно обращать вниманіе, находятся ли въ данномъ родѣ признаки указаннаго высшаго, выражаетъ ли онъ сущность объясняемыхъ предметовъ, объемлетъ ли онъ виды и подходящіе подъ нихъ индивидуумы, не указывается ли противникомъ вмѣсто рода одно только отличіе предмета отъ другого, не смѣшивается ли родъ съ видомъ, не дается ли отличительному признаку значеніе вида, и т. п. (с. II).

Затѣмъ, нужно смотрѣть, то что обозначается какъ содержимое въ родѣ, не входитъ ли въ объемъ противоположнаго рода, не указывается ли признакъ противорѣчащій ему, не есть-ли указываемый родъ просто видъ, не высказывается ли названіе въ метафизическомъ смыслѣ, самостоятеленъ ли родъ, равно какъ и его противоположность; если между крайними родами есть посредствующій родъ, то есть ли посредствующій видъ и между крайними видами, однородны ли эти средніе роды и виды. Все это должно соблюдать преимущественно при опроверженіяхъ.

При доказываніи и защищеніи необходимо наблюдать, заключается ли въ немъ средній между обоими противоположными видъ; въ томъ же случаѣ, когда имѣется дѣло съ родомъ, которому можно противопоставлять другой, ему противорѣчащій, нужно смотрѣть, заключается ли противорѣчащій данному видъ въ противорѣчащемъ родѣ (с. III).

Что бы мы ни имѣли въ виду — защиту ли, опроверженіе — нужно наблюдать, чтобъ установленныя разъ отношенія между понятіями отражались на всѣхъ разнообразныхъ формахъ ихъ выраженія. Аристотель указываетъ затѣмъ, какъ можно опровергать и защищать положенія на основаніи сопоставленія противоположныхъ родовъ и видовъ. Сопоставляя видъ съ родомъ, необходимо смотрѣть, если видъ есть нѣчто относительное, то и родъ есть ли тоже нѣчто относительное, въ одномъ ли и томъ же смыслѣ, равно какъ и весь ближайшій высшій родъ есть ли нѣчто относительное, выражается ли та же относительность во всѣхъ способахъ обозначенія языкомъ вида и рода, допускаетъ ли видъ столько же видоизмѣненій, сколько и родъ (с. IV).

Аристотель разбираетъ случаи, когда одно понятіе подводится подъ понятіе признака (subsumptio, не subordinatio) и указываетъ, на что въ этихъ случаяхъ слѣдуетъ обращать вниманіе. Такъ, не слѣдуетъ способность подводить подъ понятіе дѣятельности и на оборотъ, или стра-

дательное расположеніе духа подъ понятіе способности, сопутствующую случайность указывать какъ родъ, часть принимать за родъ, случайно возможныя дѣйствія возводить на степень постоянной способности, душевныя качества различнаго порядка сводить къ одному роду, отождествлять родовую черту съ отличительною и наоборотъ, равно — случайно страдательное свойство устанавливать какъ родъ (с. V).

Иногда указываемое въ качествѣ рода не можетъ быть вообще названо таковымъ. Необходимо далѣе наблюдать, указываемое самое высшее понятіе понимается ли въ данномъ случаѣ какъ опредѣленное родовое понятіе или просто какъ отличительная черта, не есть-ли означаемый родъ просто признакъ въ предметѣ, не есть ли онъ синонимъ вида, не извращается ли оцѣнка вида, прилагается ли понятіе степени къ роду и виду вмѣстѣ. Необходимо затѣмъ сравнивать какъ роды, такъ и виды, между собою; здѣсь же сообщаются признаки, по которымъ можно отличать родъ отъ отличительнаго признака (с. VI).

Пятая книга топики.

Послѣ разсмотрѣнія случайнаго признака и рода, Аристотель принимается за обсужденіе точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно находить въ предметахъ признакъ свойственный, искючительно имъ принадлежащій.

Нужно различать два вида свойственныхъ признаковъ: одни идутъ къ предмету самому въ себѣ, другіе прилагаются къ нему въ извѣстномъ отношеніи и въ извѣстное время. (Напр. въ отношеніи къ Богу: безсмертное живое существо — примѣръ перваго рода; прогулка человѣка — примѣръ второго въ отношеніи къ человѣку).

Свойственные признаки сравнительнаго характера допускаютъ четыре спорныхъ случая. Одинъ и тотъ же признакъ можетъ быть одному предмету приписываемъ, отъ другаго отрицаемъ, напр. признакъ двуногій можетъ быть утверждаемъ о человѣкѣ, отрицаемъ отъ лошади. Можно возражать, что человѣкъ не двуногій, что лошадь двуногая. Если же двумъ предметамъ приписываются различные признаки (напр. человѣкъ двуногій, лошадь четвероногая), то можно возражать на четыре способа (человѣкъ не двуногъ, четвероногъ, лошадь двунога, не четверонога).

Безотносительно свойственный признакъ отличаетъ предметъ, къ которому онъ прилагается, отъ всѣхъ другихъ предметовъ. Относительно свойственный недостаточенъ для отличія предмета отъ всѣхъ другихъ: онъ отличаетъ его только отъ нѣкоторыхъ: постоянно свойственный —

всегда находится въ предметѣ; кромѣ того существуютъ временно свойственные признаки.

Предметъ настоящаго изслѣдованія составляетъ безотносительно (абсолютно) и всегда свойственные предмету признаки, ибо второй видъ уже разсмотрѣнъ въ книгѣ о случайныхъ признакахъ (с. I).

Въ преніяхъ прежде всего необходимо смотрѣть, правильно ли указанъ свойственный признакъ или нѣтъ, — чтобы самый предметъ, о которомъ говорится, не означался двусмысленно, чтобъ указываемый признакъ знакомилъ съ какою нибудь новою стороною предмета, чтобы онъ не былъ слишкомъ общъ, чтобы данные многіе признаки положительно различались другъ отъ друга, (с. II). Въ обозначеніи свойственнаго признака не должно повторяться названіе самаго предмета, ни случайный его признакъ, ни временно отличительный, полученный чрезъ чувственное воспріятіе (иногда весьма невѣрное); не должно вмѣсто свойственнаго признака даваться опредѣленіе, притомъ означая его, необходимо въ тоже время указывать предметъ, къ которому онъ относится (с. III).

Чѣмъ же руководиться въ признаніи даннаго признака дѣйствительно свойственнымъ? Прежде всего здѣсь слѣдуетъ руководиться вышеуказанными правилами. Необходимо далѣе признавать свойственнымъ признакомъ предмета только тотъ, который не совпадаетъ съ видовымъ его свойствомъ, существуетъ въ предметѣ одновременно съ нимъ, а не прежде или послѣ, повторяется въ однородныхъ или тожественныхъ предметахъ (с. IV). Вообще при опроверженіяхъ должно наблюдать, не означаетъ ли противникъ признака всегдашнимъ, когда онъ существуетъ въ предметѣ не всегда, точно ли онъ опредѣляетъ, какимъ образомъ и когда отличительный признакъ прилагается къ предмету, прилагается ли онъ къ нему по природѣ, есть ли первоначальный или относительный, въ какомъ отношеніи онъ находится къ предмету, какой логическій его характеръ. Указываемый свойственный признакъ долженъ вполнѣ прилагаться какъ къ цѣлому предмету, такъ и ко всякой его части, въ случаѣ его однородности (с. V).

При этомъ нельзя опускать изъ виду сравниванія признаковъ по ихъ противоположности. Если указывается признакъ въ понятіи, то признакъ противнаго ему понятія долженъ быть противнымъ признаку перваго, при относительномъ неравенствѣ предметовъ ихъ признаки должны быть въ той же пропорціональности неравны, признакъ, противорѣчащій свойственному признаку предмета, не можетъ быть отличительнымъ качествомъ послѣдняго. Аристотель перечисляетъ способы оцѣнки отличительнаго признака съ точки зрѣнія противорѣчія (с. VI).

Нужно пользоваться въ иныхъ случаяхъ подобіемъ, равенствомъ предметовъ, противоположеніемъ понятія бытія, происхожденія и уничтоженія,

а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и идеею предмета, чтобъ найти, есть ли данный признакъ отличительный (с. VII). Иногда нужно слѣдить за напряженностію признака, подходитъ ли онъ къ напряженности предмета; указанія правилъ, которыя должно соблюдать при этомъ, составляетъ содержаніе VIII главы.

Когда нужно указать исключительно отличительный признакъ, то не должно заимствовать его изъ приложенія предмета къ какимъ либо цѣлямъ, которое можетъ быть, а можетъ и не быть. При этомъ Аристотель замѣчаетъ, что легко опровергнуть противника, когда онъ, при означеніи признака, употребляетъ прилагательное въ превосходной степени.

Шестая книга топики.

Содержаніе шестой и седьмой книгъ топики составляетъ ученіе объ опредѣленіи.

Опредѣленіе можетъ быть неудовлетворительно по слѣдующимъ основаніямъ: 1) устанавливаемое понятіе о предметѣ можетъ быть ложно, 2) опредѣляемое не подведено подъ родовое понятіе, 3) данное опредѣленіе можетъ не относиться исключительно къ предмету, 4) не касаться самой сущности дѣла, 5) внѣшняя форма опредѣленія неудовлетворительна.

Судить о томъ, справедливо ли устанавливаемое понятіе о предметѣ, можно съ тѣхъ же точекъ зрѣнія, какія указаны при обсужденіи случайныхъ признаковъ. Правильно ли указано родовое понятіе, относится ли данное опредѣленіе исключительно къ предмету—объ этомъ также говорено было въ книгахъ о родѣ и отличительномъ признакѣ.

Остается поэтому здѣсь разсмотрѣть, съ какихъ точекъ зрѣнія можно обсуждать, обозначаетъ ли опредѣленіе сущность предмета, дано ли оно въ удовлетворительной формѣ.

Прежде всего о формѣ опредѣленія. Неудовлетворительность ея можетъ состоять: 1) въ неясности выраженія и 2) когда въ опредѣленіи дано болѣе, чѣмъ сколько нужно (с. I).

Неясность выраженія можетъ быть находима въ опредѣленіи, когда въ немъ употребляется омонимное выраженіе, когда названіе опредѣляемаго предмета имѣетъ нѣсколько значеній, или употреблено въ метафорическомъ смыслѣ, или оно есть неупотребительное слово, или слишкомъ неопредѣленное выраженіе, когда по данному опредѣленію нельзя догадаться, къ какому предмету оно относится (с. II).

Чтобъ избѣгнуть второго указаннаго недостатка, необходимо смотрѣть, не употребляется ли въ опредѣленіи названіе, прилагающееся ко

всѣмъ безъ различія предметамъ одного рода съ опредѣляемымъ, не находится ли лишній признакъ въ опредѣленіи. Опредѣленіе невѣрно, когда признакъ его не приложимъ ко всѣмъ предметамъ одного и того же рода, когда въ немъ одно и то же выражается только различными манерами (circulus in definiendo), когда къ общему понятію присоединено еще ненужное частное.

О томъ, обозначаетъ ли данное опредѣленіе дѣйствительно сущность предмета, можно судить съ слѣдующихъ точекъ зрѣнія.

Опредѣленіе должно состоять изъ болѣе извѣстныхъ понятій, чѣмъ опредѣляемое. Поэтому оно ошибочно, когда въ немъ употребляется противоположное опредѣляемому понятіе, когда въ опредѣленіи повторяется названіе опредѣляемаго, когда одинъ членъ дѣленія опредѣляется чрезъ другой, или высшія понятія чрезъ низшія, имъ подчиненныя (с. VI).

Далѣе, опредѣленіе ошибочно, когда въ немъ не указанъ родовой признакъ, или вмѣсто ближайшаго рода указывается отдаленный (с. I). Необходимо смотрѣть, вмѣстѣ съ родовыми понятіями указаны ли отличія ихъ и правильно ли указаны эти отличительныя черты, не состоитъ ли опредѣленіе изъ однихъ отрицательныхъ признаковъ, за исключеніемъ случаевъ, когда опредѣляется недостатокъ чего либо въ чемъ либо, не употребляется ли въ опредѣленіи видовое или родовое понятіе или цѣлый предметъ въ смыслѣ отличительнаго признака, вмѣсто видоваго понятія не выводится ли подчиненное ему, не прилагается ли родъ къ отличительному признаку какъ сказуемое послѣдняго, не простирается ли объемъ признака далѣе объема приводимаго рода, не смѣшивается ли отличительный признакъ съ пространственнымъ признакомъ, съ страдательнымъ состояніемъ. При опредѣленіи понятій относительныхъ нужно обратить вниманіе, чтобъ указываемое отличіе касалось той стороны ихъ, которая составляетъ ихъ сущность. Приэтомъ слѣдуетъ осторожно обращаться съ опредѣленіями времени (с. VI).

При критикѣ опредѣленій необходимо смотрѣть, не подходитъ ли данное опредѣленіе болѣе къ другому предмету, чѣмъ опредѣляемому, соотвѣтствуютъ ли ему указанные признаки по количеству и въ какой именно степени; когда же опредѣляемое равномѣрно пребываетъ въ двухъ предметахъ, то—чтобъ эта равномѣрность отражалась и въ опредѣленіи, чтобъ раздѣльность отношенія его къ предметамъ также раздѣльно означалась и въ опредѣленіи (с. VII).

Опредѣленіе можетъ быть ложно и потому, что въ немъ опущено что либо необходимое. Такъ, оно ложно, когда при опредѣленіи относительныхъ понятій не упоминается то, на чемъ основывается ихъ относительность, или не указывается послѣдняя цѣль, къ которой имѣетъ опредѣ-

ляемый предметъ ближайшее отношеніе. Иногда опускаются по ошибкѣ качественныя, количественныя и другія различія (с. VIII).

При опредѣленіи относительныхъ понятій необходимо наблюдать, подходятъ ли виды опредѣляемаго подъ родовой признакъ послѣдняго, выходитъ ли опредѣленіе противоположнаго понятія противоположнымъ, равно какъ противнаго—противнымъ, означается ли, въ какомъ смыслѣ указываемое качество и къ какому именно предмету прилагается (с. IX).

Аристотель даетъ указанія далѣе, какъ критиковать опредѣленія съ точекъ зрѣнія формъ языка, идей, омонимовъ. При измѣненіяхъ названія опредѣляемаго предмета должно измѣняться и выраженіе опредѣленія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не можетъ не исчерпывать идеи предмета, но во всѣхъ случаяхъ омонимы не должны быть обобщаемы однимъ опредѣленіемъ (с X).

Когда опредѣленіе сложно, то полезно выдѣлять одну часть его и сравнивать съ другою: служитъ ли одна необходимымъ дополненіемъ другой, равночленно ли опредѣляемое съ опредѣленіемъ, не употреблено ли слово, при обозначеніи рода, ему не соотвѣтствующее (с. XI). Не слѣдуетъ употреблять при этомъ неопредѣленныхъ выраженій. Если опредѣляемый предметъ есть нѣчто дѣйствительно существующее, то и опредѣленіе должно означать тоже нѣчто дѣйствительно существующее. Далѣе указываются нѣкоторые мелкіе недостатки опредѣленій, происходящіе отъ введенія въ нихъ случайныхъ признаковъ, случайныхъ измѣненій и состояній, замѣчаемыхъ въ предметѣ (с. XII), или отъ неправильныхъ формъ опредѣленія: напр., когда въ немъ говорятъ: предметъ есть то-то и то, или онъ возникаетъ изъ того-то, или онъ соединенъ съ тѣмъ-то (с. XIII). При опредѣленіи чего либо сложнаго, нужно указывать и самый способъ соединенія частей предмета. Когда понятіе содержитъ подъ собою какіе-либо исключающіе виды, то оно не должно опредѣляться однимъ изъ взаимно исключающихъ видовъ. Имѣя дѣло съ неясными опредѣленіями, необходимо сначала выразить ихъ въ ясной формѣ.

Главное же правило для всѣхъ опредѣленій: нужно точно и правильно опредѣлять предметы, или же припоминать ранѣе усвоенныя правильныя опредѣленія (с. XIV).

Седьмая книга топики.

Аристотель устанавливаетъ основанія, по которымъ должно признавать тожество между понятіями, дабы пользоваться этими указаніями при обсужденіи опредѣленій (сс. I, II). Опредѣленіе можетъ основываться на умозаключеніи. Такъ какъ оно состоитъ въ указаніи родоваго понятія и

видовыхъ отличій, то въ немъ можно пользоваться противоположеніемъ понятій и наблюдать, такъ-ли выходитъ ясно опредѣленіе противоположнаго данному понятія, какъ опредѣленіе послѣдняго, если показанные въ немъ признаки обратить въ противоположные. Можно далѣе почерпать опредѣленія изъ аналогическихъ понятій (с. III). Послѣ краткаго повторенія наиболѣе важныхъ общихъ точекъ зрѣнія, съ которыхъ можно критиковать опредѣленія (с. IV), Аристотель дѣлаетъ наблюденія надъ сравнительными трудностями устанавливанія и опроверженія положеній. Вообще гораздо труднѣй установить опредѣленіе, чѣмъ опровергнуть его. Для послѣдней цѣли достаточно опровергнуть какую-либо въ немъ черту, тогда какъ для положительной установки его требуется доказательство, что всѣ черты его годны для цѣли. Притомъ, составленіе опредѣленія требуетъ силлогистической работы, дабы подъ дѣлаемое въ немъ обобщеніе подходилъ всякій частный предметъ, указываемый опредѣляемымъ именемъ, тогда какъ при опроверженіи достаточно доказать, что есть одинъ фактъ неподходящій подъ опредѣленіе.

Также трудна положительная установка и сравнительно легче опроверженіе указываемыхъ свойственныхъ (отличительныхъ, родовыхъ и случайныхъ) признаковъ. Всего легче устанавливать случайный признакъ (с. V).

Восьмая книга топики.

Послѣ того какъ Аристотель установилъ общія правила для защиты и опроверженія положеній, означающихъ случайный признакъ, или родовой, или свойственный (отличительный), или опредѣляющихъ предметъ разсужденія, онъ сообщаетъ общія правила, какихъ должны держаться въ диспутахъ какъ возражающій, такъ и защищающій.

Прежде всего излагаются наставленія для возражающаго. Онъ долженъ во 1-хъ, открыть, съ какой точки зрѣнія можно дѣлать возраженія, во 2-хъ, мысленно обсудить послѣднее, равно какъ и планъ отвѣта до подробностей и въ 3-хъ, доказать свою мысль во время спора. О первомъ уже говорено было выше. Теперь нужно обратить вниманіе на то, какъ обдумывать возраженіе и подробности его.

Нужно отдавать себѣ отчетъ въ поставляемыхъ на видъ положеніяхъ. Они могутъ имѣть необходимый характеръ: это посылки, употребляемыя въ умозаключеніяхъ. Но кромѣ ихъ можетъ быть еще четыре рода посылокъ: 1) посылки индуктивныя, съ цѣлію придти къ чему либо общему, 2) служащія только для приданія рѣчи важности, 3) служащія къ скрытію послѣднихъ выводовъ, 4) или къ разъясненію мыслей.

Необходимыя положенія не должны быть ставимы прямо на видъ, но ихъ появленіе слѣдуетъ подготовлять другими мыслями; если этотъ пріемъ выйдетъ неудачнымъ, слѣдуетъ обращаться къ индукціи. Въ послѣдней должно восходить отъ частнаго къ общему, отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Когда нужно открыть выводы, къ которымъ противникъ стремится то слѣдуетъ обращаться къ длинной цѣпи силлогизмовъ и не спѣшить заключеніями. Вообще при возраженіяхъ нѣтъ нужды высказываться прямо за дѣлаемый вопросъ, чтобъ противникъ не зналъ настоящаго мнѣнія возражателя. Иногда полезно обращаться къ уподобленіямъ, дѣлать самому себѣ возраженія, дабы расположить въ свою пользу отвѣтчика, не высказываться особено жарко за что нибудь, о томъ, что особенно интересуетъ насъ, спрашивать подъ конецъ спора, затягивать препіе.

Для приданія большаго вѣсу мнѣніямъ полезно обращаться къ индукціи и различенію сходныхъ понятій. Для ясности рѣчи — употреблять примѣры, уподобленія. (с. I).

Чрезъ индукцію во многихъ случаяхъ возможно придти къ общему выводу, въ другихъ случаяхъ это не легко, особенно тамъ, гдѣ не существуетъ особаго названія для однородныхъ предметовъ. Аристотель сообщаетъ правило, какъ поступать, когда противникъ не соглашается съ общимъ выводомъ, или прежде вывода отрицаетъ подробности, на которыхъ онъ основывается. Заключеню не слѣдуетъ давать вопросительную форму и спорнымъ вопросомъ признавать не всякій вообще вопросъ, а только тотъ, который допускаетъ отвѣты — да и нѣтъ; вообще нѣтъ нужды останавливаться слишкомъ долго на вопросахъ объ одномъ и томъ же положеніи. (с. II).

Какія же положенія легко защищать и трудно опровергать? «Вообще можно допустить, говоритъ Аристотель, что проблеммы, трудныя для опроверженія, или неточно опредѣлены, или имѣютъ много значеній, или выражены метафизически, или близки къ первымъ принципамъ или потому что неизвѣстно, къ какому изъ указанныхъ видовъ относится ихъ трудность». (с. III).

Задача возражателя состоитъ въ томъ, чтобъ заставить защитника допустить невѣроятные выводы изъ установленнаго послѣднимъ положенія; напротивъ, дѣло защитника доказать, что если эти выводы и возможны, то они получаются отнюдь не по его произволу, а слѣдуютъ изъ самаго положенія. (с. IV).

Аристотель заявляетъ, что онъ хочетъ сообщить правила для защиты только въ такихъ спорахъ, которые ведутся не для пустой славы, а для изслѣдованія истины.

Защищаемое положеніе или согласно съ обыкновеннымъ мнѣніемъ или противорѣчитъ ему. Когда защищаемое положеніе неправдоподобно, то слѣдуетъ ожидать, что положеніе возражателя будетъ правдоподобно, и наоборотъ. Въ первомъ случаѣ не слѣдуетъ соглашаться съ вѣроятностію положенія противника, во второмъ можно согласиться съ общимъ положеніемъ противника; когда же положеніе правдоподобно или неправдоподобно только для защитника лично, то онъ долженъ обсудить эту сторону его и смотря по обсужденію соглашаться или отрицать (с. V).

Возраженія могутъ быть также вѣроятны и невѣроятны и притомъ относиться къ дѣлу или нѣтъ. Защитникъ можетъ допускать вѣроятное и къ дѣлу не относящееся; невѣроятное и неотносящееся къ дѣлу положеніе онъ также можетъ допускать, замѣтивъ только, что оно невѣроятно, дабы не показаться самому глупымъ. Вѣроятное и относящееся къ дѣлу онъ можетъ опровергать тѣмъ, что оно противорѣчитъ установленному для пренія тезису. Невѣроятное и относящееся къ дѣлу можетъ быть допускаемо защитникомъ, но съ замѣчаніемъ, что выводъ изъ него получается невозможный (с. VI).

Какъ поступать защитнику при неясныхъ или двусмысленныхъ возраженіяхъ? Когда послѣднія совершенно непонятны, то онъ всегда можетъ сознаться въ своемъ непониманіи; въ случаѣ двусмысленности, онъ долженъ указать, что въ возраженіи признается имъ вѣрнымъ и что ложнымъ (с. VII). Когда пріемъ возраженія индуктивный, защитникъ долженъ стараться опровергнуть общіе выводы изъ подробностей (с. VIII). При всякихъ диспутахъ необходимо предварительно сообразить возможныя возраженія и во всякомъ случаѣ остерегаться защищать положенія, противныя общепринятымъ мнѣніямъ (с. IX).

Когда въ возраженіи оказывается ложный выводъ, сдѣланный чрезъ силлогизмъ, то необходимо открыть посылку, которая послужила основаніемъ подобнаго вывода. Это можно дѣлать четырьмя способами: во 1-хъ, опроверженіемъ той посылки, въ которой заключается причина невѣрности вывода, во 2-хъ, возраженіемъ противъ вывода, въ 3-хъ, возраженіемъ противъ предложеннаго вопроса, въ 4-хъ, отсрочиваніемъ самаго отвѣта (с. X).

Чтобъ правильно вести диспутъ, защитникъ долженъ знать, въ чемъ можетъ заключаться недостаточность или ошибки доказательствъ. Они ошибочны: 1) когда изъ приводимыхъ возраженій (по ихъ ложности или невѣроятности) нельзя вывести никакого сильнаго вывода противъ защищаемаго положенія; 2) когда выводъ изъ возраженій не имѣетъ логическаго отношенія къ защищаемому положенію; 3) когда противникъ долженъ прибѣгать въ своихъ выводахъ къ какимъ нибудь искусственнымъ

осложненіямъ своихъ положеній; 4) когда въ посылкахъ сказывается болѣе, чѣмъ въ заключеніи; 5) когда первыя невѣроятнѣе послѣдняго. Во всѣхъ этихъ случаяхъ доказательства ошибочны (с. XI). Но они достовѣрны и очевидны, когда основываются на законченномъ силлогизмѣ, когда изъ посылокъ необходимо вытекаетъ заключеніе, когда недостающія звѣнья въ цѣпи мыслей такъ очевидны, что сами собою приходятъ на умъ. Посему, имѣя дѣло съ какимъ нибудь доказательствомъ, необходимо смотрѣть: основывается ли оно на дѣйствительномъ умозаключеніи, вѣрно ли заключеніе, каковы его посылки (с. XII).

При доказываніи вѣроятныхъ положеній, могутъ повторяться тѣже ошибки, какія въ свое время были указаны въ аподиктическихъ доказательствахъ. Во первыхъ, можетъ встрѣчаться въ немъ, такъ называемое, petitio principii и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ: 1) когда принимается за достовѣрное то, что слѣдовало бы доказать, 2) когда частная мысль вмѣсто того, чтобы доказываться, прямо выставляется какъ вѣрное общее положеніе, 3) когда, наоборотъ, общая мысль предполагается доказанною въ смыслѣ частнаго положенія, 4) когда пріемомъ дѣленія скрывается необходимость доказательства положенія, 5) когда изъ двухъ, необходимо другъ изъ друга вытекающихъ, положеній одно предполагается какъ доказанное.

Во вторыхъ, можетъ встрѣчаться petitio contrariorum: 1) когда оба положенія, утвердительное и отрицательное, постулируются вмѣстѣ, 2) когда постулируются взаимно противныя положенія, 3) когда общее и противорѣчащее ему частное положеніе вмѣстѣ предполагаются, 4) когда извлекается изъ посылки положеніе противоположное тому, которое необходимо изъ него слѣдуетъ, 5) когда предполагаются положенія, изъ которыхъ необходимо слѣдуютъ противоложныя заключенія (с. XIII).

Въ заключеніе Аристотель сообщаетъ правила, какъ усовершаться въ діалектическомъ искуствѣ. Во первыхъ, нужно пріучаться превращать силлогизмы, во вторыхъ, развивать доказательства pro и contra и самому пытаться разрѣшать ихъ, въ третьихъ, навыкать въ доказываніи наиболѣе встрѣчающихся положеній, въ четвертыхъ, развивать въ себѣ искусство опредѣленій, особенно въ области общихъ понятій, въ пятыхъ, удлинять и расчленять доказательства. Можно наконецъ заранѣе составлять готовыя рѣчи въ защиту несложныхъ положеній, могущія быть полезными для многихъ случаевъ.

Изъ этого краткаго очерка содержанія топики становится очевиднымъ, что Аристотель, составляя ее, имѣлъ цѣлью дать, основанныя на анализѣ

логическихъ пріемовъ, указанія, какъ вести споръ о тѣхъ или другихъ положеніяхъ. Многія правила, имъ преподанныя, имѣютъ несомнѣнно важное логическое значеніе и имѣютъ смыслъ для защиты и опроверженія даже въ настоящее время. Его анализъ общихъ точекъ зрѣнія на предметы (замѣчанія о случайномъ признакѣ, родѣ, отличительномъ признакѣ, опредѣленіи) есть какъ бы продолженіе аналитики. Мысль диспутирующая, діалектическая, прослѣжена имъ до самыхъ послѣднихъ ея извитій и видоизмѣненій. Многія правила и замѣчанія его, конечно, не могутъ не казаться намъ странными. Но нужно вспомнить, что, во первыхъ, Аристотель въ своей топикѣ хочетъ дать руководство для развитія гибкости и проницательности мысли въ спорахъ, слѣдовательно, его цѣль не совсѣмъ совпадала съ цѣлію изслѣдованія, изысканія истины; во вторыхъ, Аристотель не могъ отрѣшиться отъ общепринятыхъ въ его время мнѣній о діалектическомъ искусствѣ. Споръ у древняго грека былъ не орудіемъ раздора, а слѣдствіемъ умственной впечатлительности, любви къ умственной гимнастикѣ. Аристотель дѣлаетъ въ своей топикѣ все, чтобъ превратить діалектику въ серьезное занятіе, въ серьезную умственную борьбу, въ критику мыслей доводимыхъ въ своихъ основаніяхъ и слѣдствіяхъ до конца. Съ этой точки зрѣнія упомянутое сочиненіе имѣетъ глубокое логическое значеніе, и даже мелочныя и странныя нѣкоторыя замѣчанія имѣютъ свой raison d'être въ руководствѣ къ умственной гимнастикѣ. Топика поэтому является необходимымъ дополненіемъ аналитики.

Послѣднее логическое сочиненіе Аристотеля, къ анализу содержанія котораго мы перейдемъ, носитъ названіе «О софистическихъ доказательствахъ»; иногда оно называется просто девятою книгою топики. Въ пользу того и другого названія есть свои основанія. Названіе: περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων основывается на томъ, что оно дано ему въ манускриптахъ, у греческихъ парафрастовъ, схоліаста Александра и у Боэція. Второе названіе встрѣчается въ одной греческой схоліи, и — что особенно важно — Аристотель, разсуждая въ 1-й главѣ топики о планѣ ея, предполагаетъ въ ней разсмотрѣніе эристическихъ умозаключеній, составляющихъ предметъ сочиненія: О софистическихъ доказательствахъ. Но основываясь на давнемъ и почти всеобщемъ обычаѣ видѣть въ немъ самостоятельное сочиненіе Аристотеля, тѣмъ болѣе что, говоря объ общемъ планѣ своихъ діалектическихъ изслѣдованій, онъ не обязывался непремѣнно трактовать о всѣхъ ихъ въ одномъ сочиненіи и могъ анализъ софистическихъ аргу-

ментовъ, какъ обширный и сложный предметъ для разсужденій, превратить въ самостоятельное изслѣдованіе, состоящее въ тѣсной связи съ топикою, мы признаемъ его вполнѣ самостоятельнымъ трудомъ Аристотеля.

Сочиненіе: О софистическихъ доказательствахъ.

Есть силлогизмы вполнѣ заслуживающіе этого названія, и есть силлогизмы только кажущіеся. Къ такимъ прибѣгаютъ софисты — эти представители кажущейся мудрости. Необходимо поэтому знать всѣ области софистическихъ доказательствъ, дабы умѣть разоблачать ихъ (с. I). Изъ всѣхъ возможныхъ родовъ доказательствъ: дидаскальныхъ (о нихъ трактовалось въ аналитикѣ), діалектическихъ, и пирастическихъ (о нихъ говорилось въ топикѣ) и эристическихъ, здѣсь будутъ подвергнуты анализу только послѣднія (с. II).

Эристическія доказательства пяти родовъ: 1) неправильныя опроверженія (ἔλεγχος), 2) положительная ложь, 3) мнѣнія парадоксальныя, 4) ошибки языка (солецизмы) и наконецъ 5) тождесловіе. Софисты нарочно стараются, чтобъ опровергаемый ими противникъ допускалъ послѣдніе четыре рода ошибокъ (с. III).

Всѣ доказательства, употребляемыя софистами, раздѣляются на два класса: одни возникаютъ изъ неправильностей въ языкѣ, другія изъ того, что внѣ языка (т. е. неправильностей мысли).

Къ первому классу принадлежатъ: двусмысленность словъ (омонимія), 2) двусмысленность выраженій (амфиболія), 3) неправильность въ сложеніи мыслей (σύνθεσις, что схоласты называли fallacia compositionis) 4) неправильность въ раздѣленіи мыслей (διαίρεσις — fallacia divisionis), 5) ошибки въ удареніи словъ (προσῳδία), наконецъ 6) подстановленіе одной грамматической формы вмѣсто другой (с. IV).

Ко второму роду относятся: 1) перенесеніе на случайный признакъ всего, что приписывается самому предмету (fallacia accidentis), 2) смѣшеніе абсолютнаго и относительнаго (a dicto secundum quid ad dictum simpliciter), 3) незнаніе сущности доказательства (ignoratio elenchi), 4) неправильность заключенія, 5) установка сомнительнаго основанія, какъ положенія, не требующаго доказательства (petitio principii), 6) предположеніе причины въ томъ, что таковою признано быть не можетъ, и наконецъ 7) смѣшеніе многихъ вопросовъ въ одинъ (с. V).

Всѣ эти ошибки Аристотель сводитъ къ одному общему источнику — незнанію того, въ чемъ состоитъ настоящее, дѣйствительное опроверженіе

(ἔλεγχος) и такъ какъ опроверженіе есть силлогизмъ, то всѣ ошибки, въ сущности, суть погрѣшности въ силлогизмѣ (с. VI). Онъ снова (въ с. VIII) возвращается къ мысли, что софистическія доказательства, паралогизмы (ненамѣренно ложныя умозаключенія) суть ничто иное, какъ ложные силлогизмы; первые отличаются отъ послѣднихъ намѣреннымъ и сознательнымъ стремленіемъ ввести противника въ заблужденіе и логическую путаницу.

Указать общія точки зрѣнія, по которымъ можнобъ было открывать ложность софистическихъ доказательствъ по содержанію, невозможно: на то и существуютъ отдѣльныя науки, чтобъ учить, что вѣрно и что ложно. Задача діалектики отыскать съ формальной стороны источникъ ошибокъ (с. IX). Послѣднія никогда небыли бы открыты, еслибы мы удержали старое дѣленіе ложныхъ доказательствъ на основаніи смысла положеній: ибо это дѣленіе только запутываетъ самое дѣло. Такъ какъ софистическія доказательства основываются на силлогизмѣ, то ихъ нужно разсматривать съ точки зрѣнія послѣдняго (л. X). Именно эристическій и софистическій силлогизмъ подраздѣляется на два вида: во 1) просто кажущіеся (неправильные по формѣ) силлогизмы, хотя бы они и содержали правильныя заключенія: они могутъ простираться на всѣ мыслимые предметы, и во 2) спеціально относящіяся до извѣстныхъ опредѣленныхъ наукъ, ложныя заключенія, повидимому правильныя, но не таковыя на самомъ дѣлѣ (с. XI).

Итакъ одинъ способъ, которымъ софисты вводятъ въ заблужденіе другихъ, состоитъ въ неправильномъ доказываніи и опроверженіи. Другое средство, къ которому они прибѣгаютъ, чтобъ сбить съ толку своихъ противниковъ, заключается, въ томъ, что они успѣваютъ такъ запутать своего противника, что безъ труда потомъ доказываютъ ложность его мнѣній. Они обыкновенно даютъ слишкомъ общіе вопросы, не говоря, для какой цѣли они это дѣлаютъ, нарочито наводятъ бесѣду на такія положенія, противъ которыхъ они легко могутъ представить возраженія, употребляютъ неправильно поставленные вопросы, на которые трудно найдти отвѣты (с. XII). Они нарочно наводятъ своихъ противниковъ на разныя тождесловія (с. XIII), и разными уловками заставляютъ дѣлать ошибки въ языкѣ — солецизмы (с. XIV).

Аристотель даетъ совѣты, какъ избѣгать софистическихъ сѣтей тому, кто опровергаетъ софиста (вопрошателю), и тому, кого опровергаетъ софистъ (отвѣтчику). Первому онъ совѣтуетъ быстроту вопросовъ, возбужденіе раздражительности въ противникѣ, совѣтуетъ распространять диспутъ на положенія pro и contra, иногда ставить положеніе вмѣстѣ съ его отрицаніемъ, въ иныхъ случаяхъ скрывать отъ противника основаніе, на которое опирается извѣстное заключеніе (с. XV).

Послѣ указанія пользы, какую можно извлекать изъ анализа способовъ избѣгать софистическихъ сѣтей (с. XVI), Аристотель переходитъ къ указанію, какъ слѣдуетъ распутывать софистическіе силлогизмы. Какъ по обстоятельствамъ приходится умозаключать изъ вѣроятныхъ только основаній, такъ иногда бываетъ необходимо признавать силлогизмъ тоже по видимости только. Когда онъ основывается на двусмысленности словъ и фразъ (омонимія и амфиболія), то необходимо исправлять даваемые вопросы, чтобы они получили болѣе точный и опредѣленный смыслъ. Нашъ философъ въ подробности указываетъ, какъ отвѣчать въ разныхъ случаяхъ неясности или неопредѣленности вопроса (с. XVII).

Дѣйствительное опроверженіе софизмовъ состоитъ въ указаніи, въ чемъ именно заключается ошибка силлогизма. Ложность его можетъ происходить: или отъ ложности посылокъ или неправильности ихъ соединенія. Въ первомъ случаѣ необходимо указывать ложныя посылки и раскрывать ихъ невѣрность, во второмъ — указывать неправильность ихъ соединенія и невозможность сдѣланнаго заключенія (с. XVIII).

Неправильные силлогизмы, основывающіеся на двусмысленности, имѣютъ ее или въ посылкахъ или въ заключеніи. Въ первомъ случаѣ нужно различать, въ какихъ значеніяхъ можетъ быть понятъ вопросъ (т. е. посылки), и раздѣльно отвѣчать, въ какомъ отношеніи отвѣтчикъ соглашается съ нимъ или отрицаетъ (с. XIX).

Софизмы, основывающіеся на соединеніи и раздѣленіи словъ и возникающей отсюда неопредѣленности мыслей, необходимо разрѣшать соединеніемъ того, что софистъ раздѣляетъ, и раздѣленіемъ того, что онъ соединяетъ (с. XX). Понятно также, какъ разрѣшаются софизмы, основывающіеся на неправильной просодіи (с. XXI).

Тѣ неправильности, которыя возникаютъ изъ неправильнаго отожествленія понятій на томъ основаніи, что они въ языкѣ означаются одинаковымъ образомъ, различаются точнымъ различеніемъ значеній по категоріямъ, къ которымъ они въ дѣйствительности принадлежатъ по своему смыслу (с. XXII).

Послѣ нѣкоторыхъ общихъ замѣчаній о разрѣшеніи софизмовъ, основывающихся на неправильности выраженія мысли (с. XXIII), Аристотель переходитъ къ разрѣшенію софизмовъ, основывающихся на ошибкахъ въ самой мысли (ἔξω τῆς λέξεως). Прежде всего — fallacia accidentis. Онъ разрѣшается точнымъ различеніемъ того, что можетъ быть относимо къ самому предмету, и что можетъ быть высказываемо о его случайномъ свойствѣ (accidens), ибо послѣднее не всегда можетъ быть приписываемо самому предмету (XXIV).

Софизмъ a dicto secundum quid ad dictum simpliciter (основывающійся на смѣшеніи относительнаго и безусловнаго значенія понятій) разрѣшается тѣмъ, что сказуемое въ заключеніи даннаго софизма мы превращаемъ въ противоположное и соединяя прежнее и новое сказуемыя съ однимъ и тѣмъ же предметомъ, смотримъ, могутъ ли оба противоположные признаки прилагаться къ нему. Если могутъ, то значитъ, оба они высказываются въ относительномъ, ограниченномъ смыслѣ, если не могутъ, то—въ смыслѣ безусловномъ. Съ помощію этой пробы легко указать причину неправильнаго силлогизма (с. XXV).

Заключенія, основывающіяся на ignoratio elenchi, разрѣшаются на подобіе предшествующаго ряда софизмовъ, т. е. также нужно взять признакъ, противоположный сказуемому заключенія, и смотрѣть, въ одномъ ли и томъ же отношеніи, въ одно ли и тоже время высказываютъ они что либо о предметѣ заключенія (с. XXVI).

Что касается до софизмовъ, основанныхъ на petitio principii, то посылокъ ихъ не слѣдуетъ допускать вовсе (с. XXVII); тѣ же, въ которыхъ обманъ основывается на ложныхъ выводахъ, должны быть опровергаемы указаніемъ ложности послѣднихъ (XXVIII). Затѣмъ Аристотель даетъ нѣкоторые совѣты, какъ держаться по отношенію къ софизмамъ, выставляющимъ ложную причину вмѣсто настоящей (с. XXIX) и смѣшивающимъ многіе вопросы въ одинъ (с. XXX) и наконецъ, возвращаясь какъ бы снова къ наиболѣе страннымъ и употребительнымъ въ его время софизмамъ, Аристотель дѣлаетъ замѣтки, какъ разрѣшать софизмы тождесловія (XXXI) и солецизмовъ (XXXII).

Различные софизмы представляютъ неодинаковыя трудности для ихъ разрѣшенія. Нѣкоторые изъ нихъ легко открываются даже самыми обыкновенными умами, напр. основанные на двусмысленности терминовъ или выраженій; самые трудные тѣ, которые основываются на вѣроятныхъ посылкахъ, дающихъ вѣроятное же заключеніе (с. XXXIII).

Наконецъ, кратко Аристотель бросаетъ взглядъ на пройденный путь и замѣчаетъ въ заключеніе, что на немъ онъ рѣшительно не имѣлъ себѣ предшественниковъ.

Итакъ задача, поставленная Аристотелемъ, разрѣшена до конца. Мышленіе, поскольку оно основывается на силлогизмѣ, разсмотрѣно имъ всесторонне на всѣхъ путяхъ, на которыхъ оно приходитъ къ какимъ-либо выводамъ. Исторія науки положительно не представляетъ другого примѣра такого необычайнаго напряженія умственныхъ силъ человѣка. Нельзя не удивляться столь необыкновенной геніальности и столь терпѣ-

ливой настойчивости въ осуществленіи задачи, какія мы видимъ въ Аристотелѣ. Близорукость новѣйшихъ пигмеевъ, гордо стоящихъ на плечахъ великановъ, нерѣдко возвышала голосъ противъ Аристотеля. Его укоряли за то, что онъ утвердилъ формалистическій взглядъ на мышленіе, что слишкомъ односторонне понялъ его, обративъ исключительно вниманіе на силлогизмъ и мыслительныя дѣйствія, опирающіяся на него. Онъ ничего-де не сдѣлалъ для индукціи и индуктивнаго мышленія. Но дѣло въ томъ, что всякій трудъ должно обсуждать по условіямъ времени, въ которое онъ явился. Если судить о «Novum Organon» Бакона сравнительно съ Логикою Милля, то какъ не укорить перваго за многія неправильности въ пониманіи методовъ и пріемовъ индукціи, за пропуски и т. п. Могла ли, спрашивается, существовать во время Аристотеля теорія индукціи, хотя отдаленнымъ образомъ похожая на новѣйшую? Каждая теорія является какъ удовлетвореніе сознанной нужды. Ко времени Бакона умы уже обратились къ изученію природы: труды алхимиковъ, астрономовъ уже поколебали Аристотелевскія понятія о природѣ. Умы дальнозоркіе могли видѣть, въ какомъ направленіи идетъ путь къ знанію силъ и явленій природы. Во времена Аристотеля, чисто метафизическое, философское, говоря современнымъ языкомъ, дедуктивное мышленіе, имѣло громадный перевѣсъ надъ индуктивнымъ. Тогда какъ философія сдѣлала громадные успѣхи, индуктивное изученіе природы было дѣломъ совершенно случайнымъ, было подавлено философскимъ умозрѣніемъ. Логика Аристотеля представляетъ теорію той дѣятельности греческаго ума, которая преимущественно была тогда развита. И такъ какъ въ чисто-философскомъ отношеніи греческій умъ представилъ удивительные образцы творчества и всеобъемлемости, то понятно, что теорія философскаго мышленія, основывающаяся на силлогизмѣ и доказательствѣ, могла явиться полная и всесторонняя. Индукція же была только кратко упомянута Аристотелемъ: ибо по малому развитію ея въ практикѣ не могла явиться подробная и всесторонняя теорія того, что почти не существовало въ дѣйствительности; вѣдь не могутъ исторія литературы и теорія словесности явиться ранѣе самой литературы и появленія поэтическихъ произведеній. Великость генія не отрѣшаетъ его отъ условій времени, отъ своей эпохи: можно стоять впереди всѣхъ, видѣть далѣе своихъ современниковъ, но отрѣшиться отъ эпохи значитъ витать въ безвоздушномъ пространствѣ. Само собою разумѣется, что Аристотель не отвѣчаетъ за употребленіе, какое сдѣлали изъ его логики послѣдующія поколѣнія.

Судьбы Аристотелевской логики въ греческомъ мірѣ.

Упомянемъ теперь о послѣдующихъ судьбахъ Аристотелевской логики въ греческомъ мірѣ.

Намъ нѣтъ нужды подробно слѣдить за малѣйшими измѣненіями въ понятіяхъ о логическихъ пріемахъ послѣ Аристотеля: ибо цѣль этого очерка—познакомить читателя собственно съ логикою этого великаго человѣка. Поэтому мы будемъ кратки.

Такой громадный и, главное, доведенный почти до совершенства трудъ, конечно, не могъ не стать руководствомъ для ближайшихъ послѣаристотелевскихъ школъ. Предпринимать новый трудъ, который могъ бы вытѣснить Органонъ, не было по силамъ преемникамъ Аристотеля. Поэтому логика его сдѣлалась канвою для всѣхъ послѣдующихъ логическихъ работъ. Во все остальное время греческой философіи мы встрѣчаемъ только второстепенныя дополненія, болѣе подробное развитіе недосказаннаго Аристотелемъ и подробнѣйшее разъясненіе, комментированіе его сочиненій.

Въ перипатетической школѣ логика развивалась преимущественно на Аристотелевской основѣ. Первое дополненіе въ ученіи о силлогизмахъ сдѣлано Θеофрастомъ, преемникомъ Аристотеля по званію представителя школы. Александръ Афродисскій, въ комментаріяхъ къ первой аналитикѣ (Scholia in Aristotelem. Ed. A. R. Bor. 152 A. 47), упоминаетъ, что Θеофрастъ къ четыремъ modi первой фигуры, указанной Аристотелемъ, присоединилъ пять (потомъ они были обособлены Клавдіемъ Галеномъ въ особую (4-ю) фигуру), такъ что онъ находилъ девять modus'овъ первой фигуры. Другое дополненіе, связанное съ именемъ Θеофраста и Евдема, касается ученія объ условныхъ и раздѣлительныхъ силлогизмахъ. Аристотель думалъ, что наука должна заключать изъ достовѣрныхъ положеній, а не изъ условно достовѣрныхъ. Въ этомъ пунктѣ его ученія былъ очевидный пробѣлъ. Θеофрастъ и другой ученикъ Аристотеля Евдемъ занялись условными силлогизмами. Силлогизмы раздѣлительные они признавали только за видъ силлогизмовъ условныхъ. Всѣхъ modus'овъ условныхъ силлогизмовъ они допускали слѣдующіе пять (см. Prantl, Geschichte der Logic. B. I. 386, тамъ указаны и свидѣтельства Симплиція, Филопона):

1) Если есть A, то есть и B;
но A есть;
Слѣдоват., есть и B.

2) Если есть A, то есть и B;
но B нѣтъ;
Слѣдоват. нѣтъ A.

3) A не можетъ быть вмѣстѣ
B, C, D и т. д.;
A есть B;

4) A есть или B или C;
A есть B;

Слѣдоват. A не есть ни E, ни
C, ни D. Слѣдоват. A не есть C.

5) A есть или B или C;
A не есть B;
Слѣдоват. оно есть C.

Три послѣдніе способа умозаключенія суть раздѣлительные силлогизмы, но они остались невыдѣленными изъ состава условныхъ, потому что первая посылка въ нихъ есть также какъ бы предположеніе (ὑπόθεσις), въ которомъ ничего категорически о предметѣ не высказывается.

Значительныя измѣненія въ Аристотелевской логикѣ сдѣланы были стоиками. Не вдаваясь здѣсь въ подробности, которыя легко найти въ трудахъ Риттера и Целлера, мы отмѣтимъ только существенное, внесенное ими въ логику.

Во первыхъ, они смогрѣли на логику какъ на органическую часть философіи и такимъ образомъ отдалились отъ взгляда на нее какъ на органонъ философскаго познанія и мышленія. Такъ какъ ихъ мудрецъ долженъ обладать логическимъ и нравственнымъ развитіемъ и правильнымъ познаніемъ природы, то логика явилась какъ самостоятельная часть философіи рядомъ съ физикою и этикою. Затѣмъ и самое понятіе о ней у стоиковъ шире, чѣмъ у Аристотеля: она дѣлилась у нихъ на діалектику и риторику. Внесеніе послѣдней въ логику не такъ странно, какъ можно бы было предполагать съ перваго взгляда: ибо «топика» и «софистическія доказательства» Аристотеля возникли очевидно на реторической почвѣ и отчасти приспособлены къ реторическимъ цѣлямъ.

Во вторыхъ, діалектика у стоиковъ была соединена съ теоріей познанія. Внесши въ нее вопросъ о критеріи достовѣрности познанія, они естественно должны были прослѣдить исторію возникновенія представленій и понятій. А вдавшись въ эту исторію, они должны были указать психологическія основы для анализа мышленія. Въ этомъ соединеніи логики съ теоріей познанія нельзя видѣть особенной выгоды для послѣдней. Вопросъ о возникновеніи знанія и особенно его достовѣрности отчасти имѣетъ метафизическій характеръ и слѣдоват. благодаря ему, чисто логическія изслѣдованія должны будутъ перемѣшиваться съ метафизическими и успѣхъ первыхъ будетъ зависѣть отъ послѣднихъ. Но соединеніе анализа психологическаго съ логическимъ, конечно, ни мало не вредило успѣху послѣдняго и нельзя не сожалѣть, что послѣдующая философія не пыталась углублять первый, по скольку онъ можетъ имѣть отношеніе къ послѣднему.

Въ третьихъ, стоики сдѣлали нѣкоторыя существенныя дополненія и измѣненія въ самой Аристотелевской логикѣ. Въ ученіи о категоріяхъ,

они свели Аристотелевскія десять категорій къ четыремъ, назвавъ ихъ самыми общими родами (τὰ γενικώτατα): τὸ ὑποκείμενον, чисто матеріальная подкладка всего существующаго, сама по себѣ не имѣющая никакого качества; τὸ ποιόν или категорія качества, τὸ πῶς ἔχον (ποιὸν ὑποκείμενον), совпадающая съ Аристотелевскими ἔχειν, ποιεῖν и πάσχειν и наконецъ τὸ πρός τί (πῶς ἔχον ποιὸν ὑποκείμενον) или категорія отношенія.

Ученіе о силлогизмахъ стоики обогатили новою постановкою ученія объ условныхъ и раздѣлительныхъ силлогизмахъ. Они называли ихъ συλλογισμοὶ ἀναπόδεικτοι, т. е. умозаключенія, не требующія дальнѣйшихъ доказательствъ, чтобъ выводить заключенія. Они насчитывали пять видовъ тѣхъ и другихъ (Sext. Emp. pyrrh. hyp. II, 156; см. Prantl. B. I, 473).

1) Если существуетъ первое, то есть и второе;
но первое есть;
Слѣдоват. есть второе.

2) Если существуетъ первое, то существуетъ и второе;
но второго нѣтъ;
Слѣдоват. нѣтъ перваго.

3) Первое и второе не могутъ существовать вмѣстѣ;
но первое есть;
Слѣдоват. нѣтъ второго.

4) Существуетъ или первое или второе;
но первое существуетъ;
Слѣдоват. нѣтъ второго.

5) Существуетъ первое или второе;
но второго нѣтъ;
Слѣдоват. есть первое.

Эти силлогизмы суть повтореніе Θеофрастовскихъ, но Хризиппъ поставилъ ихъ во главу всего ученія о силлогизмахъ и тѣмъ привлекъ къ нимъ всеобщее вниманіе, тогда какъ у Θеофраста они только восполняли пробѣлъ въ ученіи Аристотеля о силлогизмахъ.

Изъ всѣхъ послѣаристотелевскихъ школъ стоики занимались логикою болѣе или менѣе самостоятельно и придерживаясь Аристотеля, вносили въ нее новые элементы. Эпикурейцы, хотя и давали логикѣ самостоятельное положеніе въ своей философіи вмѣстѣ съ физикою и этикою, но, полагая критерій истины въ ощущеніяхъ и происходящихъ изъ нихъ представленіяхъ, тѣмъ самымъ сдѣлали для себя ненужными трудныя изслѣдованія способовъ и пріемовъ логической дѣятельности. Поэтому, упомянувъ кратко о Клавдіи Галенѣ, сдѣлавшемъ нѣкоторыя нововведенія въ Аристотелевскую логику, скажемъ о комментаторахъ ея, весьма много содѣйствовавшихъ пониманію и усвоенію ея средневѣковыми учеными.

Съ именемъ Клавдія Галена (род. 131 г. послѣ Р. Хр., ум. въ концѣ 2-го или въ началѣ 3-го вѣка) связаны въ исторіи Аристотелевской логики два нововведенія, потомъ окончательно утвердившіяся въ средневѣковой логикѣ. Одно касается ученія о превращеніи сужденій, другое — силлогизмовъ. Онъ писалъ περὶ τῶν ἰσοδυναμουσῶν προτάσεων. Въ немъ излагалось ученіе, какимъ образомъ данныя сужденія могутъ быть превращаемы чрезъ простое превращеніе и противоположеніе Съ этого времени ученіе объ aequipollentia становится самостоятельнымъ предметомъ логическихъ изслѣдованій. Въ ученіи о силлогизмахъ собственно Галенъ отдѣлилъ modi отъ первой фигуры, указанные Θеофрастомъ, въ особую 4-ю фигуру, названную по его имени Галеновскую (см. Prantl B. I. 570—574).

Во главѣ комментаторовъ стоитъ экзегетъ по преимуществу. Александръ Афродисскій (былъ учителемъ въ Аѳинахъ между 198 и 210 г. по Р. Хр.). Изъ логическихъ трудовъ его дошли до насъ комментаріи къ первой книгѣ первой аналитики и къ первой книгѣ топики (первая напечатана Venet. 1520 и Flor 1521, вторая Venet. 1513 fol.). Онъ остается вездѣ вѣренъ Аристотелю и всѣ его усилія сосредоточены на уясненіи смысла Аристотелевскихъ словъ и историческомъ сравненіи его ученія съ ученіемъ другихъ философовъ о тѣхъ же предметахъ.

Порфирій (233—304), ученикъ Плотина, хотя по общимъ своимъ воззрѣніямъ новоплатоникъ, комментировалъ между прочимъ и нѣкоторыя части Органона. Логика была нейтральная почва, на которой могли сходиться разныя школы, лишь бы онѣ одушевлялись любовію и уваженіемъ къ славнымъ греческимъ умамъ. Отъ Порфирія дошло до насъ: Εἰσαγωγὴ εἰς τὰς Ἀριστοτέλους κατηγορίας, которое иногда называется и περὶ τῶν πέντε φωνῶν (издано въ Scholia in Aristotelem, ed. Acad. R. Bor. 1836, 1—6 и Ἐξήγησις εἰς τὰς Ἀριστοτέλους κατηγορίας κατα πεδσιν καὶ ἀπόκρισιν (изд. Paris. 1543). Введеніе имѣло громадное распространеніе въ средніе вѣка и дало поводъ къ вопросу о родахъ и видахъ, опредѣлившему собою почти всю философію среднихъ вѣковъ. Порфирій различаетъ пять названій (quinque voces), совокупность которыхъ опредѣляетъ предметъ всесторонне: родъ, видъ, различіе, свойственный, случайный признакъ. Такимъ образомъ къ четыремъ точкамъ зрѣнія, указаннымъ въ топикѣ, Порфирій присоединяетъ пятую—διαφορά. Мы возвратимся еще къ этому сочиненію въ другомъ своемъ очеркѣ: Схоластическая Логика.

Ѳемистій (330—390) извѣстенъ своимъ парафразомъ второй аналитики (напечат. Venet. 1534), котораго цѣль — кратко и ясно изложить порядокъ мыслей Аристотеля.

Аммоній, ученикъ Прокла новоплатоновца, оставилъ намъ комментаріи къ введенію Порфирія къ категоріямъ, къ сочин. объ истолкованіи.

Отъ Давида Армянина (жилъ вѣроятно въ 5-мъ столѣтіи) дошло до насъ введеніе къ Εἰσαγωγή Порфирія и введеніе съ комментаріями въ категоріи (напеч. въ указ. Scholia in Arist. ed. A. R. B. 1836).

Симплицій (въ VI ст. послѣ Р. Х.), принадлежавшій къ послѣднему поколѣнію новоплатоновцевъ (онъ былъ ученикъ Аммонія), оставилъ обширные, полные исторически важныхъ замѣчаній, комментаріи къ категоріямъ Аристотеля (Venet. 1499 fol. и Basil. 1551 fol.).

Филопонъ, тоже ученикъ Аммонія (жилъ въ VII ст. по Р. Х.), писалъ комментаріи къ εἰσαγωγὴ и къ категоріямъ (извлеченія помѣщены въ Scholia ed. A. R. B.) и къ первой и второй аналитикѣ (къ первой аналит. Venet. 1536 fol., ко второй Venet. 1504 и 1534, см. Prantl. B. I, 643).

И въ Византіи также продолжалось усердное комментированіе Аристотелевскихъ логическихъ сочиненій. Какъ комментаторы извѣстны: Михаилъ Пселлъ (род. 1020 г., парафразъ книги «объ истолкованіи», изд. Venet. 1503, вмѣстѣ съ коммент. Аммонія). О его σύνοψις τοῦ ὀργάνου скажемъ въ статьѣ о схоласт. логикѣ. Іоаннъ Италійскій (преемникъ Пселла по званію ὕπατος φιλοσόφων), написалъ тоже комментарій къ соч. объ истолкованіи и остающійся въ манускриптѣ вѣнской библіотеки комментарій къ первымъ четыремъ книгамъ топики), Михаилъ Ефесскій, Евстратій, митрополитъ Никейскій (во второй половинѣ XII ст.), Θеодоръ Итохопродромъ (въ срединѣ XII ст.), Левъ Мажентскій, митроп. Митиленскій (около половины XIV стол.) и многочисленные анонимные писатели, которыхъ сочиненія до сихъ поръ остаются въ манускриптахъ (см. Prantl. B. I, 643—644).

II.

СХОЛАСТИЧЕСКАЯ ЛОГИКА.

Мы намѣрены представить краткій очеркъ схоластической логики т. е. той логики, которая преподавалась въ средневѣковыхъ школахъ подъ названіемъ Діалектики. Конечно, здѣсь невозможно представить полное изложеніе многочисленныхъ оттѣнковъ мнѣній, развивавшихся въ продолженіи почти тысячелѣтія, перечислить имена всѣхъ, трудившихся для логической теоріи. Чтобъ познакомить читателя съ любопытнымъ философскимъ явленіемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ схоластической логики, мы остановимся только на выдающихся средневѣковыхъ трудахъ, въ которыхъ сказалось пониманіе логическихъ вопросовъ этою эпохою и направленіе, въ которомъ она рѣшала ихъ.

Средневѣковая Діалектика, какъ своимъ происхожденіемъ, такъ и развитіемъ въ продолженіи большей части времени, обязана логикѣ Аристотеля. Безъ Органова (т. е. логическихъ сочиненій знаменитаго Стагирита) схоластика, еслибы и явилась, то непремѣнно въ другой формѣ и съ другими вкусами. Весь умственный кругозоръ Западной Европы за многія столѣтія съуживался и расширялся смотря потому, сколько и что именно было извѣстно изъ Аристотеля. Быть ученымъ въ это время значило изучить этого философа, комментировать его труды, интересоваться вопросами, къ которымъ даютъ поводъ послѣдніе, значило быть готовымъ всегда отвѣчать, что сказалъ philosophus (такъ назывался Аристотель въ средніе вѣка) по тому или другому вопросу. Изъ этого тысячелѣтняго періода времени въ продолженіи многихъ столѣтій знали изъ Аристотеля только нѣкоторыя логическія сочиненія его и вся умственная философская

дѣятельность развивалась и поддерживалась только по поводу этого скуднаго матеріала. Средневѣковая логика поэтому есть грубое продолженіе Аристотелевской, но въ другомъ вкусѣ и направленіи, въ связи съ другими вопросами. Слѣдить за ея судьбами значитъ слѣдить за судьбами какъ Аристотелевскаго Органона, такъ и всей средневѣковой философіи.

Средніе вѣка до XIII-го столѣтія не знали Аристотеля въ подлинникѣ, а только въ латинскихъ переводахъ. Первый вопросъ поэтому мы поставимъ себѣ, въ какомъ видѣ Аристотелевская логика сдѣлалась извѣстна на западѣ и перешла въ средніе вѣка. Затѣмъ, мы прослѣдимъ, какіе вопросы возникали по ея поводу, какъ подъ вліяніемъ ихъ діалектика преобразовывалась. Первые по времени источники логическихъ схоластическихъ знаній заключались въ трудахъ Боэція и Марціана Капеллы. По поводу комментарій Порфирія, переведенныхъ первымъ, возникъ вопросъ о родахъ и видахъ, на которомъ исключительно сосредоточивался философскій интересъ эпохи до XIII столѣтія. Съ наступленіемъ этого вѣка источники логическихъ знаній расширяются. Благодаря новымъ переводамъ Аристотеля, арабскимъ комментаторамъ и знакомству съ логическими византійскими трудами, схоластика вступаетъ въ обладаніе полнымъ Органономъ и принимаетъ новый видъ и новое направленіе.

Аристотелевская логика довольно рана нашла себѣ доступъ въ римскій ученый міръ. Топика, или ученіе о защитѣ и опроверженіи положеній, анализъ софистическихъ доказательствъ во многихъ отношеніяхъ были полезны для реторическихъ цѣлей. Самъ Аристотель свою «Топику» и «Софистическія доказательства» приспособлялъ къ цѣлямъ реторики. Но ораторское искусство имѣло жизненные корни въ Римѣ: общественная жизнь его представляла огромный запросъ на краснорѣчіе судебное и политическое. Греческая логика, давая основанія для ораторской защиты и нападенія, находила себѣ легкій доступъ въ умы римскихъ ораторовъ, образованныхъ юристовъ и политическихъ людей.

Латинская логическая терминологія, бывшая въ ходу въ схоластическихъ сочиненіяхъ, начала образовываться съ того времени, какъ началось вліяніе греческой философіи на образованныхъ римлянъ. На Теренція Варрона Марціанъ Капелла и Цицеронъ указываютъ какъ на перваго переводчика (въ потерянномъ сочиненіи Варрона: de novem desciplinis) греческихъ терминовъ. Затѣмъ, Цицеронъ оказалъ особую заслугу для выработки латинскаго логическаго языка. Въ его философскихъ сочиненіяхъ мы находимъ латинскія слова почти для всѣхъ терминовъ аналитики и топики Аристотеля. Далѣе заслуживаютъ вниманія труды въ этомъ родѣ Квинтиліана, Авла Геллія и особенно Апулея, переведшаго цѣлый компендіумъ греческой логики на латинскій языкъ (подробности

см. Prantl Geschichte der Logik B. I. 512—528, 580—591). Естественно, что сначала латинская терминологія была довольно шаткая, но къ V-му столѣтію, ко времени Марціана Капеллы и Боэція, она устанавливается уже твердо и окончательно закрѣпляется ихъ сочиненіями. Терминологія Капеллы и Боэція переходитъ въ средніе вѣка.

Въ какомъ же спрашивается видѣ средніе вѣка получили Аристотелевскую логику изъ рукъ римскихъ реторовъ и философовъ?

Классическія преданія по логикѣ перешли въ средніе вѣка въ двухъ видахъ: или въ формѣ краткихъ руководствъ, или въ видѣ комментарій болѣе или менѣе обширныхъ къ сочиненію Порфирія «введеніе въ категоріи», къ сочиненіямъ Аристотеля, или переводовъ послѣднихъ. Образцомъ руководствъ, много читавшихся въ средніе вѣка, можетъ служить трудъ Марціана Капеллы, примѣромъ комментарій могутъ служить труды Боэція. Остановимся пока на этомъ пунктѣ.

Марціанъ Капелла.

Мы разумѣемъ здѣсь извѣстный трудъ Капеллы: De nuptiis Philologiae et Mercurii et de septem artibus liberalibus — libri novem, написанный около 470 г. по Р. Хр. (Edidit Kopf. Franc. 1834). Между семью свободными искусствами Марціанъ указываетъ на Діалектику т. е. логику, которая съ того времени становится извѣстною подъ этимъ именемъ. Онъ указываетъ шесть частей ея: de loquendo, de eloquendo, de proloquendo, de proloquiorum summa, de judicando, и наконецъ quae dicenda rhetoribus commodata est (Lib. IV § 338). Марціанъ показываетъ подробно содержаніе каждой части: въ первой изслѣдуется, что такое родъ, форма, различіе, случайность, свойственное, опредѣленіе, цѣлое, часть, способъ дѣленія, расчлененія, омонимы и т. п. Вмѣстѣ съ praedicabilia (genus, forma, differentia, accidens, proprium) — составляющія, за исключеніемъ differentia, содержаніе Аристотелевской топики, излагается здѣсь весьма кратко ученіе объ Аристотелевскихъ категоріяхъ: сущности (первой и второй), качествѣ, количествѣ, отношеніи, дѣйствіи и страданіи, положеніи, мѣстѣ, времени и владѣніи. Во второй (de eloquendo) излагается, что такое имя, глаголъ, что такое предложеніе, подлежащее, сказуемое.

Въ третьей (de proloquendo) указывается различіе сужденій (proloquiorum) по количеству и качеству. По количеству они могутъ быть: всеобщія, частныя, неопредѣленныя, по качеству — утвердительныя и от-

рицательныя. Затѣмъ, излагается ученіе о превращеніи сужденій: прямомъ превращеніи (conversio prima), противоположеніи (conversio secunda), и предлагается таблица разныхъ отношеній между сужденіями. Четвертая (de proloquiorum summa) излагаетъ ученіе о посылкахъ (sumtum) и заключеніи (illatio), силлогизмѣ и первыхъ modi трехъ фигуръ категорическаго силлогизма, о силлогизмѣ условномъ и его modi: ab antecedentibus, a consequentibus, per disjunctionem двухъ и per negationem также двухъ. Раздѣлительный силлогизмъ излагается здѣсь какъ видъ условнаго и въ сущности, анализъ условнаго силлогизма есть повтореніе анализа Ѳеофраста и стоиковъ.

Компендіумъ Капеллы представлялся удобнымъ для школьнаго преподаванія: ибо составлялъ собою краткое resumé Аристотелевской и стоической логики.

И такъ практическій римскій умъ скоро съумѣлъ совмѣстить въ краткомъ объемѣ существенное изъ логики Арастотеля и приспособить ее къ школьному преподаванію. Другой источникъ и притомъ самый важный, изъ котораго въ продолженіи многихъ вѣковъ средніе вѣка черпали почти весь матеріалъ для своего философскаго образованія — были труды Боэція.

Боэцій.

Аниціи Манлій Северинъ Боэцій род. 470 г. ум. 570 г. по Р. Хр. Между многими философскими сочиненіями онъ оставилъ значительное число логическихъ трудовъ въ видѣ комментарій къ сочиненіямъ Порфирія, Аристотеля, Цицерона и потрудился въ качествѣ переводчика нѣкоторыхъ логическихъ сочиненій второго (мы пользовались Anitii Manlii Severini Boethi. Basileae 1570). Его сочиненія: In Porphyrium a Victorino translatum; In Porphyrium a se latinum factum: In praedicamenta Aristotelis; In librum de interpretatione commentaria minora; In eundem de interpretatione majora; Analyticorum priorum Aristotelis, Boethio interprete; Introductio ad categoricos Syllogismos; de Syllogismo categorico; de Syllogismo hypothetico; de divisione, Topicorum Aristotelis, Boethio interprete; Elenchorum sophisticorum Aristotelis, Boethio interprete; In topica Ciceronis; de defferentiis topicis.

Изъ самаго перечня сочиненій видно, что 1) сочиненіе Порфирія получило въ VI вѣкѣ такую уже славу, что Боэцій самъ переводилъ его и дважды комментировалъ, что 2) умственная дѣятельность этого времени по логикѣ сосредоточивалась на переводѣ и комментированіи Аристотелевскихъ сочиненій. Оба эти факта имѣютъ для насъ большую важность: ибо переводы введенія Порфирія послужили, какъ мы увидимъ, однимъ

изъ источниковъ философскаго образованія первой половины среднихъ вѣковъ. Комментаріи и введенія дѣлаются съ сего времени любимою формою изложенія мыслей. Не самостоятельная мысль отказывается и по внѣшней формѣ отъ всякой самостоятельности.

Разсмотримъ нѣсколько подробнѣй, въ какой же формѣ излагается логическое ученіе у Боэція. Онъ далекъ отъ цѣли — дать самостоятельный взглядъ на тотъ или другой логическій вопросъ, на какой либо логическій пріемъ. Онъ доволенъ тѣмъ, что пассивно слѣдитъ за мыслями другихъ и останавливается только на разъясненіи, на расчлененіи подробностей чужихъ мыслей.

Нашъ философъ совершенно пассивно слѣдуетъ Порфирію и шагъ за шагомъ комментируетъ его введеніе. Онъ разъясняетъ, что нужно разумѣть подъ родомъ (genus) и какъ нужно отличать его отъ свойственныхъ и случайныхъ признаковъ, что такое видъ (species), самый нисшій видъ (specialissimum), или виды, посредствующіе между generalissimum и specialissimum (In Porphyr. a Vict. dialog. 1. p. 1 — 29), что такое различіе (differentia). Послѣднее состоитъ въ видообразующемъ признакѣ, не отдѣлимомъ отъ самой вещи; по такимъ признакамъ дѣлятся виды на роды и это есть differentia divisiva, по нимъ же образуются виды — differentia constitutiva. Боэцій классифицируетъ видообразовательные признаки на основаніи этихъ главныхъ категорій (ibid. Dialog. II, p. 29 — 35). Затѣмъ указываются: четыре рода свойственныхъ признаковъ (proprium), что такое accidens или случайный признакъ, и наконецъ излагается, по Порфирію, какъ могутъ сочетаваться между собою указанныя различныя predicabilia (ibid. Dialog. II, p. 35 — 45). Въ комментаріяхъ, сдѣланныхъ на свой переводъ Порфирія, тоже самое Боэцій излагаетъ гораздо подробнѣй.

Въ комментаріяхъ на «Категоріи» Аристотеля Боэцій также пассивно слѣдуетъ послѣднему. Онъ послѣдовательно комментируетъ, что слѣдуетъ по Аристотелю разумѣть подъ aequivoca, univoca, denominativa. Въ разсужденіи о denominativa трактуется о substantia и accidens, различаются девять видовъ существованія чего либо въ какомъ нибудь предметѣ и предлагается таблица, долженствующая наглядно выразить отношеніе между общими и частными сущностями, свойствами и субъектами. In praedicamenta Aristotelis lib. I, p. 112 — 128). Говоря о субстанціи собственно, онъ различаетъ первую и вторую (ibid. p. 128 — 143) и по порядку затѣмъ комментируетъ ученіе Аристотеля о количествѣ (ibid. lib. II, p. 145 — 153), объ отношеніи, о качествѣ (Ibid. lib. III, p. 173 — 189), дѣйствіи и страданіи, положеніи, категоріи мѣста и времени, владѣніи (ibid., lib. III, p. 189 — 191), о противоположномъ (lib.

IV) и видахъ его (Ibid. p. 181 — 206), способахъ предваренія (lib. IV, 206 — 208), совмѣстности (lib. IV, 208 — 210), о видахъ движенія, владѣнія (lib. 210 — 214).

Въ комментаріяхъ Боэція на сочиненіе Аристотеля «объ истолкованіи» окончательно выработывается латинская терминологія для ученія о сужденіяхъ. Онъ нигдѣ не отступаетъ на собственный страхъ отъ Аристотеля. Въ интересѣ понятности для читателей предлагаетъ таблицы, представляющія наглядно отношенія между предложеніями общеутвердительными, общеотрицательными, частно утвердительными и частно отрицательными (in librum Aristot. de interpretatione. Editio prima, seu commentaria minora lib. I, 234, 235), между утвердительными отрицательными и неопредѣленными (безконечными) предложеніями (ibid. lib. II, 253, 254, 257), съ особеннымъ тщаніемъ останавливается на анализѣ модальныхъ предложеній: возможныхъ, случайныхъ, невозможныхъ и необходимыхъ (ibid., lib. II, 266—289).

Въ соч. «Introductio ad categoricos syllogismos» Боэцій, все-таки на основаніи Аристотеля, хотя уже не въ видѣ комментарія, излагаетъ ученіе о сужденіяхъ какъ посылкахъ силлогизма и чтобъ вполнѣ разъяснить ихъ природу, входитъ въ анализъ subjectum и praedicatum, которыя у него называются termini. Различныя сужденія могутъ состоять или изъ одинаковыхъ терминовъ, или неодинаковыхъ; при измѣненіи сужденій термины могутъ оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ или вступать въ новыя. Боэцій подробно разбираетъ всевозможныя отношенія сужденій, при неизмѣнности мѣста терминовъ въ предложеніи (онъ насчитываетъ до 20 видовъ отношеній между сужденіями — introd. ad syllog. 570—571). Ученіе о силлогистическомъ превращеніи излагается имъ также подробно и устанавливается уже терминологія: conversio per accidens (ibid. 574) и conversio per contrapositionem.

Въ De syllogismo categorico излагается прежде всего анализъ терминовъ, посылокъ и фигуръ силлогизмовъ. Къ первой фигурѣ причисляются пять Ѳеофрастовскихъ modi (отдѣленныхъ Галеномъ въ четвертую фигуру) при чемъ указывается несовершенство послѣднихъ и необходимость превращенія ихъ. Ученіе объ условномъ силлогизмѣ излагается Боэціемъ въ книгѣ De syllogismo hypothetico съ особенною обстоятельностію. Прежде всего трактуется объ условныхъ предложеніяхъ — основѣ условнаго силлогизма: въ нихъ существованіе чего-либо поставляется въ зависимость отъ существованія другого. Они могутъ быть простыя и сложныя; послѣднія могутъ состоять изъ двухъ условныхъ предложеній, или одного условнаго, другаго категорическаго и притомъ въ сложныхъ силлогизмахъ termini (т. е. pars antecedens и procedens) могутъ быть сопоставляемы по типу сил-

логистическихъ фигуръ (De Syllog. hypoth. Lib. I, 610). Онъ дѣлитъ далѣе сужденія по модальности и насчитываетъ пять видовъ модальныхъ предложеній (т. е. трактующихъ о возможности, дѣйствительности и необходимости). Отсюда выводится сумма возможныхъ формъ модально условныхъ сужденій. Модальныхъ сужденій можетъ быть пять видовъ, и такъ какъ каждое можетъ быть высказываемо въ утвердительной и отрицательной формѣ, то всѣхъ вообще видовъ ихъ — десять Но условное предложеніе состоитъ изъ двухъ категорическихъ предложеній. Слѣдовательно, въ немъ десять видовъ отдѣльныхъ сужденій могутъ соединяться съ десятью же видами ихъ, что даетъ 100 возможныхъ видовъ модально условныхъ сужденій. Далѣе, въ условномъ сужденіи сложномъ можетъ быть три и даже четыре части (termini), какъ мы выше сказали. Слѣдовательно, видовъ условныхъ сужденій (т. е. комбинацій модальныхъ предложеній въ условныя) можетъ быть (при трехъ терминахъ) 1000 и (при четырехъ) 10,000 (Ibid. 613), Боэцій переходитъ затѣмъ къ условному силлогизму. Прежде всего анализуетъ формы его, состоящія изъ простыхъ категорическихъ сужденій, и насчитываетъ ихъ десять (Ibid. 615—616). Далѣе слѣдуютъ условные силлогизмы, состоящіе изъ сложныхъ условныхъ предложеній и притомъ когда въ нихъ за категорическимъ слѣдуетъ условное сужденіе (здѣсь насчитывается 20 modi (Ibid. 618—620), и когда наоборотъ, за условнымъ слѣдуетъ категорическое (также 20 modi —Ibid. 620). Анализуя условные силлогизмы, состоящіе изъ сложныхъ условныхъ сужденій съ тремя терминами, онъ подробно разбираетъ, сколько ихъ можетъ развиваться по первой силлогистической фигурѣ (именно 16) (Ibid. Lib. II, 623—625), по второй (16), по третьей (16) (Ibid. Lib. II, 625—631). Условные силлогизмы, въ которыхъ бо́льшая посылка состоитъ изъ четырехъ терминовъ, допускаютъ 40 различныхъ видовъ силлогизмовъ (Ibid. 632). Раздѣлительные силлогизмы и у Боэція не составляютъ отдѣльнаго вида умозаключенія, но включены въ составъ условнаго, какъ одинъ изъ частныхъ его пріемовъ.

Въ сочиненіи: «De divisione» Боэцій указываетъ прежде всего различныя формы дѣленія: можетъ быть дѣлимъ родъ на виды, цѣлое на свои части, слово расчленено на его значенія. Эти способы называются у него divisio secundum se. Могутъ также быть расчленяемы: предметъ на accidentia, и наоборотъ, accidentia на предметы, или accidentia на accidentia, когда они заключаются въ одномъ и томъ же предметѣ: это— дѣленіе secundum accidens (De divisione 638). Онъ занимается преимущественно первымъ родомъ дѣленій. Дѣленіе рода на виды должно основываться на видо-отличительныхъ признакахъ и притомъ ближайшихъ къ дѣлимому роду, дабы дѣленіе не было ни слишкомъ широко, ни слишкомъ

узко. При дѣленіи цѣлаго на части можно разсматривать цѣлое какъ continuum, non continuum (т. е. discretum, напр. grex), universale, ex virtutibus constans. При дѣленіи слова можно имѣть въ виду или значеніе его, или относительность его (modus secundum quid), или опредѣленность даннаго значенія (determinatio) (Ibid. 647). Опредѣленіе (въ сочиненіи De definitione) Боэцій понимаетъ по Цицерону, какъ oratio, высказывающее то, чѣмъ предметъ долженъ быть. Онъ дѣлитъ его на ораторское и діалектическое. Діалектическое должно направляться къ сущности предмета (651). Боэцій указываетъ необходимыя составныя части опредѣленія genus, species, proprium. Теорія чисто схоластическаго опредѣленія къ его времени была уже, какъ видно, разработана. Такъ какъ сочиненіе De differentiis topicis относится скорѣе къ реторикѣ, чѣмъ къ логикѣ, то мы не станемъ останавливаться на немъ, тѣмъ болѣе, что оно ничего не прибавитъ къ тому понятію, какое можно по даннымъ здѣсь указаніямъ составить о логическихъ трудахъ Боэція.

Итакъ вотъ какой видъ получила логика въ трудахъ Боэція и Марціана Капеллы. Съ особенною ревностію дѣлались самыя дробныя замѣчанія на сочиненія Аристотеля о категоріяхъ и истолкованіи; въ области силлогизмовъ умы старались совмѣстить все, что только выработано трудами Аристотеля, стоиковъ и греческихъ комментаторовъ. Но особенную любовь комментаторовъ привлекало ученіе объ опредѣленіяхъ и условныхъ силлогизмахъ.

Несомнѣнно, что труды Боэція имѣли важное значеніе для распространенія на западѣ классической логики То, что на взглядъ другихъ (напр. Прантля) служитъ поводомъ къ униженію его дѣятельности, и именно слишкомъ большая дробность, широковѣщательность замѣчаній, толкованій, разъясненій, по нашему мнѣнію, имѣло свое значеніе и принесло свою историческую пользу. Съ какимъ трудомъ и по всей вѣроятности ошибками былъ бы понятъ Аристотель, еслибы онъ непосредственно сдѣлался однимъ изъ предметовъ тривіи (trivium) и сталъ бы преподаваться въ scholae barbarorum! Комментаріи Боэція принижали Аристотеля — это правда, но за то приближали его къ разумѣнію неокрѣпшихъ умовъ. Слишкомъ подробно поясняя мысли его примѣрами, логическими опредѣленіями, онъ ставилъ каждое изъ положеній Аристотеля ясно, раздѣльно, опредѣлительно; ни одна черта понятій его не укрывалась отъ поясненій. Если логикѣ Аристотеля было суждено дисциплинировать и воспитывать умы западныхъ народовъ, то предварительно она должна была подвергнуться переработкѣ практическаго Римскаго ума, какимъ былъ Боэцій.

Зато Боэцій, съ другой стороны, усилилъ еще болѣе зло, скрывав-

шееся въ логическихъ трудахъ послѣаристотелевскихъ школъ. Еще стоики понимали предложенія какъ сочетанія подлежащаго и сказуемаго, силлогизмы же разсматривали просто какъ сочетанія терминовъ. Аристотель, хотя и относился формалистически къ предложеніямъ и силлогизмамъ, не упускалъ, однакожъ, совершенво изъ виду цѣли предложеній и силлогизмовъ, т. е. познаніе дѣйствительнаго міра. Поэтому онъ сохраняетъ чувство мѣры, его анализъ силлогизмовъ трезвъ и приводится имъ только въ интересѣ объясненія діалектическаго, аподиктическаго и софистическаго мышленія. Но уже изъ ученія Θеофраста объ условныхъ силлогизмахъ можно видѣть, что преемники Аристотеля усвоили себѣ только формастику его, упустивъ изъ виду цѣль и смыслъ, какой онъ придавалъ своимъ изслѣдованіямъ. Стоики пошли дальше въ этомъ направленіи и у Боэція мы видимъ первые плоды. Ученіе о силлогизмахъ и сужденіяхъ превращается въ игру формалистики. Онъ совершенно холодно относится къ содержанію мысли, сказывающейся въ логическихъ пріемахъ, или лучше, объ этомъ пунктѣ онъ и не думаетъ. Анализомъ ихъ онъ занимается не для разъясненія пути къ знанію, къ истинѣ, а для анализа же: это въ своемъ родѣ искусство для искусства. Занятый чисто теретическою (лучше сказать ариѳметическою) возможностію комбинацій терминовъ въ сужденіяхъ, онъ насчиталъ намъ сотни, тысячи и даже десятки тысячъ условныхъ сужденій, и не замѣчалъ самъ нелѣпости, которою кончается его анализъ. Въ ученіи о силлогизмахъ онъ насчитываетъ намъ почти до сотни условныхъ умозаключеній, ни единымъ словомъ не выражая сомнѣнія, мыслитъ ли когда здравый человѣческій умъ по этой сотнѣ умозаключеній. До какой степени въ этомъ анализѣ мысль остается безучастною къ содержанію мышленія, доказываютъ многіе положительно ложные и невѣроятные примѣры предложеній и силлогизмовъ, приводимые Боэціемъ. Онъ самъ говоритъ по этому случаю; nec hoc nos perturbet, *si quae hic propositiones et conclusiones falsae sunt*, quandoquidem non veritates rerum, sed connexiones syllogismorum, figuras et modos suscepimus disserendos.

И въ самыхъ комментаріяхъ Боэція есть особенность, которая невыгодно отличаетъ его отъ греческихъ комментаторовъ. Послѣдніе, кромѣ разъясненія прямого смысла комментируемаго текста, постоянно почти (напр. Александръ Афродисскій, Симплицій) сопоставляютъ мнѣнія автора съ взглядами предшествовавшихъ и послѣдовавшихъ мыслителей. Такіе комментаріи иногда превращаются въ историко-философскія изслѣдованія того или другого вопроса (оттого они суть между прочимъ драгоцѣнные источники исторіи древней философіи). Сравнительный методъ при изученіи Аристотеля пріучилъ мысль къ критикѣ, къ нѣкоторой широтѣ

взгляда и изученіе подобныхъ комментарій, кромѣ того, что пріучало къ критикѣ и широтѣ взгляда, сопровождалось пріобрѣтеніемъ историческихъ знаній. Комментаріи Боэція обширны, но безсодержательны: они наполнены логическими опредѣленіями, дѣленіями; нѣтъ въ нихъ даже сопоставленія Аристотелевскихъ мыслей, данныхъ въ логическихъ сочиненіяхъ, съ взглядами, изложенными въ другихъ его трудахъ. Они превращаются у него въ какую то формалистику—безъ всякого горизонта зрѣнія, безъ всякой попытки синтеза историческаго или философскаго. Этотъ недостатокъ дѣлается потомъ общимъ: комментаторы девятаго и десятаго вѣка подражали Боэцію.

Церковь сначала недовѣрчиво относилась къ изученію логики Аристотеля. Ею пользовались еретики Аріане и Пелагіане въ своихъ спорахъ съ нею и она привыкла подозрительно относиться къ оружію своихъ враговъ. У Прантля въ его исторіи логики (В. II, 5 и слѣд.) собраны мѣста изъ авторовъ не только 2-го, 3-го, но даже 4 и 5-го столѣтій: изъ Иринея, Тертулліана, Василія Великаго, Григорія Назіанзина, Епифанія, Іеронима, Фавстина, Мансвета, Сократа, Ѳеодорита и др. и изъ нихъ оказывается, что на діалектику они смотрѣли, то какъ на нѣчто совершенно излишнее, то какъ на саморазрушительное дѣло и слишкомъ искусственное средство для чистой простой истины и т. д. Но это сдержанное отношеніе къ логикѣ скоро измѣняется. Церковь должна была скоро замѣтить, что орудіе, доселѣ употребляемое противъ нея еретиками, можетъ быть обращено и противъ нихъ, что Органонъ есть безразличное логическое орудіе и отнюдь не связанъ неразрывно съ языческими убѣжденіями Аристотеля. На примѣрѣ Боэція уже можно было видѣть, что христіанскія убѣжденія отнюдь не препятствовали ревностному изученію и комментированію логики Аристотеля. Принятая въ качествѣ одной изъ artes liberales въ составъ школьныхъ наукъ, она дѣлается одною изъ частей trivium и ревностно преподается въ Карловингскихъ школахъ, основанныхъ при соборахъ Карломъ Великимъ. Такъ какъ ученые въ средніе вѣка выходили только изъ такихъ scholae, то они назывались scholastici и логика, преподававшаяся въ этихъ школахъ и разработываемая этими учеными, получила названіе схоластической логики.

Боэцій можетъ быть разсматриваемъ, какъ посредствующее звѣно, соединяющее древнеклассическій міръ съ средними вѣками. Движеніе средневѣковой логики (и такъ какъ ею ограничивалась вся умственная дѣятельность первой половины средневѣковой схоластики, то значитъ и всей философіи) началось по поводу сочиненій Боэція. Говоря объ Абелярѣ (XII вѣка), мы увидимъ необычайно скудный размѣръ источниковъ схоластическаго знанія. Схоласты этого времени знали одни только сочиненія

Боэція. Въ томъ же положеніи были ученые IX, X и XI столѣтія, предшественники Абеляра. Кузенъ (въ Fragmens philosophiques t. III. Ed. IV, 1840, 76 p) доказалъ, что напр. писатель первой половины IX столѣтія Рабанъ Мавръ, архіепископъ Мюнхенскій, зналъ отнюдь не болѣе, чѣмъ Абеляръ. Изъ всѣхъ писателей древности сохранился въ памяти тогдашнихъ ученыхъ только одинъ, и то не весь, Боэцій. Волна варваровъ, нахлынувшая на образованный классическій міръ уничтожила въ памяти людей все, исключая Боэція, и ему-то суждено было стать поводомъ къ умственному движенію, начало котораго было и началомъ схоластики.

Вопросъ о значеніи родовъ и видовъ.

Какъ же началось это движеніе и въ чемъ оно сказалось?

«Мы занимались чтеніемъ различныхъ глоссъ Рабана Мавра, говоритъ Кузенъ, находящихся въ Сент-жерменскомъ манускриптѣ. На что простираются эти глоссы? на введеніе Порфирія, конца котораго недостаетъ, на соч. объ истолкованіи и топику Боэція. Переводы Порфирія и Аристотеля, которые составляютъ предметъ глоссъ, принадлежатъ Боэцію же. Нѣтъ глоссъ ни на топику Аристотеля, ни на его аналитику, ни на «софистическія доказательства». Во всемъ манускриптѣ нѣтъ ни единаго слова, на основаніи котораго можно бы было подозрѣвать въ Рабанѣ знаніе этихъ сочиненій и напротивъ, есть мѣсто, изъ котораго ясно видно, что Рабанъ никогда не имѣлъ аналитики въ рукахъ: volunt enim quemdam librum esse qui vocetur liber demonstrationum, qui apud nos in usu non est» (ibid. p. 76).

Такова скудость общаго философскаго образованія и такъ ничтоженъ образовательный матеріалъ IX вѣка. Боэцій, три сочиненія Аристотеля въ переводѣ его — вотъ что послужило точкою отправленія умственнаго средневѣковаго движенія. Вся ученая дѣятельность ограничивается глоссами, замѣтками; даже послѣдовательные комментаріи оказываются не по плечу тогдашней учености.

Собственно движеніе мысли, имѣющее важность для исторіи науки и логики, начинается съ половины XI столѣтія съ возникновеніемъ номинализма и реализма. Не то чтобъ не было матеріаловъ, поводовъ къ болѣе раннему возникновенію этого великаго спора, но и для вопросовъ есть свое время. Занятые глоссами, пассивными толкованіями, схоласты IX и X вѣка не задавали себѣ вопросовъ, какіе волновали XI и XII вѣка.

Предметомъ этого умственнаго волненія служитъ вопросъ о родахъ и

видахъ и поводъ къ нему подало Введеніе Порфирія въ переводѣ Боэція и комментаріи послѣдняго къ тому мѣсту Введенія, которое указываетъ на этотъ вопросъ. Мѣсто это такъ важно, что мы приведемъ его въ латинскомъ переводѣ Боэція, т. е. въ томъ видѣ, въ какомъ читали Порфирія схоласты XI вѣка: cum sit necessarium, Chrysaori, et ad eam quae est apud Aristotelem praedicamentorum doctrinam, nosse quid est genus, differentia, quid species, quid proprium et quid accidens et ad diffinitionum assignationem et omnino ad ea quae in divisione et in demonstratione sunt, utili istarum rerum speculatione compendiosam tibi traditionem faciens, tentabo breviter, velut introductionis modo, ea quae ab antiquis dicta sunt, aggredi: ab altioribus quidem quaestionibus abstinens, simpliciores vero mediocriter consectans. Mox de generibus illud quidem sive subsistant sive in solis nudis intellectibus posita sint, sive subsistentia corporalia sint an incorporalia et utrum separata a sensibilibus an in sensibilibus posita et circa haec consistentia, dicere recusabo. Altissimum enim negotium est hujusmodi et majoris egens inquisitionis [1]) (Boethii in Porphyrium a se transl. 50, 53).

Какого же мнѣнія объ этихъ вопросахъ самъ комментаторъ Боэцій?

Мнѣнія Боэція изложены въ двухъ его сочиненіяхъ — комментаріяхъ на Введеніе. Выше мы уже упоминали о сочиненіяхъ его: in Porphyrium a Victorino translatum и Dialogus in Porphyrium a se translatum. Libri V. Необходимо знать, говоритъ онъ (in Porph. a Vict. tr. dialog. 8), существуютъ ли они (т. е. родъ и виды) дѣйствительно. Въ доказательство дѣйствительнаго ихъ существованія Боэцій приводитъ то соображеніе, что безъ пяти указанныхъ Порфиріемъ universalia никакая вещь не можетъ существовать. Эти quinque universalia какъ бы спаяны съ самыми вещами (conglutinatae in omnibus rebus), соединены вмѣстѣ съ ними въ одно цѣлое. Они притомъ безтѣлесной природы, хотя могутъ

---

[1]) т е Такъ какъ необходимо, Хрисаоръ, чтобъ понять ученіе Аристотеля о категоріяхъ, знать, что такое родъ, отличительный признакъ, видъ, свойственный признакъ и случайный и такъ какъ это знаніе полезно для означенія опредѣленій и вообще для дѣленія и доказательства, то я попытаюсь кратко, на подобіе введенія, передать тебѣ преданіе въ сжатомъ видѣ, обозрѣть то, что учили наши предки объ этомъ предметѣ, воздерживаясь отъ вопросовъ слишкомъ глубокихъ и не слишкомъ долго останавливаясь на болѣе простыхъ. Такъ, я не стану изслѣдывать, существуютъ ли роды и виды сами по себѣ, или только въ умѣ, ни то, въ случаѣ еслибъ они существовали, тѣлесны они или безтѣлесны, и при томъ, отдѣльны ли они отъ чувственныхъ вещей, или въ нихъ самихъ находятся и вмѣстѣ съ ними существуютъ. Это дѣло слишкомъ трудное и требуетъ болѣе обширнаго изслѣдованія.

присутствовать въ самомъ тѣлѣ. Далѣе онъ спрашиваетъ (ibid 10): haec quinque res ex quo incorporalitatis sunt genere: такого ли рода они, что отъ вещей не отдѣлимы, или отъ нихъ иногда отдѣляются, иногда же нѣтъ. Боэцій думаетъ, что они иногда соединяются съ ними, иногда же существуютъ отдѣльно. Итакъ здѣсь онъ думаетъ, что роды и виды могутъ быть имманентны предметамъ (по Аристотелю), но могутъ и отдѣляться отъ нихъ и соединяться съ безтѣлесными предметами. Но такъ какъ Боэцій здѣсь не высказывается въ пользу *отдѣльнаго и самобытнаго* существованія universalia (на подобіе идей Платона), то очевидно, онъ не измѣняетъ въ этомъ случаѣ Аристотелю, какъ думаетъ Кузенъ (Fragm. philosoph. t. III 94—95) [1]). Онъ говоритъ, что роды и виды существуютъ вмѣстѣ съ тѣлами, но могутъ существовать и вмѣстѣ съ безтѣлесными предметами (Богъ, душа). Пребываніе ихъ in re (по Аристотелю) предполагается въ обоихъ случаяхъ.

Но въ этомъ комментаріи Боэцій родамъ и видамъ придаетъ слишкомъ обширное значеніе: онъ разумѣетъ подъ ними всѣ quinque voces, т. е. пять praedicabilia (genus, species, differentia, proprium, accidens). Въ другомъ комментаріи онъ роды и виды понимаетъ въ тѣсномъ смыслѣ, именно такъ, какъ понималъ ихъ и самъ Порфирій. Онъ различаетъ два рода безтѣлесныхъ предметовъ: одни отдѣлены отъ тѣлъ и пребываютъ въ свей безтѣлесности (Богъ, умъ, душа), другіе хотя безтѣлесны сами по себѣ, но безъ тѣлъ существовать не могутъ (линія, поверхность, число (In Porph. a se transl. 54). Роды и виды могутъ существовать самостоятельно (sunt et subsistunt), или образуются разумомъ и мышленіемъ. Онъ приводитъ далѣе соображеніе въ пользу того и другого мнѣнія (Ibid. 54—55) и вотъ его рѣшеніе: Cogitantur vero universalia, nihilque aliud species putanda est, nisi cogitatio collecta ex individuorum dissimilium numero substantiali similitudine: genus vero cogitatio collecta ex specierum similitudine. Sed haec similitudo

---

[1]) Кузенъ думаетъ, что Боэцій здѣсь задалъ себѣ вопросъ: существуютъ ли роды или виды реально или нереально въ качествѣ абстрактовъ, тогда какъ вопросъ Боэція состоитъ, въ сущности, въ томъ, находятся ли они въ вещахъ *дѣйствительно*, или нѣтъ. Съ этой точки зрѣнія доказательство его, приведенное выше, имѣетъ смыслъ. Когда же Боэцій говоритъ объ отдѣльномъ отъ тѣлъ существованіи родовъ и видовъ, то разумѣетъ, что они могутъ существовать вмѣстѣ съ безтѣлесными предметами и въ нихъ существовать реально. У него здѣсь нѣтъ мысли о дѣйствительно безсмысленномъ предположеніи самобытнаго и самостоятельнаго существованія, напр. differentia, proprium и accidens. Вопросъ Порфирія понятъ Боэціемъ весьма узко — вотъ и все. Но безсмыслія, навязываемаго ему Кузеномъ, нѣтъ. Съ нашей точки зрѣнія комментарій весь будетъ ясенъ и понятенъ.

cum in singularibus est, fit sensibilis: cum in universalibus, fit intelligibilis: eodemque modo, cum sensibilis est in singularibus permanet, cum intelligitur fit universalis. Subsistunt ergo circa sensibilia, intelliguntur autem praeter corpora [1]). И далѣе онъ указываетъ, что Платонъ не довольствовался этимъ, но приписывалъ родамъ и видамъ отдѣльное отъ тѣлъ существованіе, Аристотель же полагалъ, что они въ тѣлахъ существуютъ, отдѣльно же отъ тѣлъ мыслятся.

Здѣсь вопросъ поставленъ прямо и рѣшеніе дано со всею ясностію, какой только можно желать въ этомъ случаѣ. Боэцій становится рѣшительно на сторону Аристотеля. За исключеніемъ того пункта, что здѣсь во второмъ комментаріи онъ подъ видами и родами не разумѣетъ всѣхъ praedicabilia, какъ въ первомъ, оба комментарія, въ сущности, согласны: въ первомъ онъ говоритъ, что universalia существуютъ дѣйствительно въ безтѣлесныхъ и тѣлесныхъ предметахъ, во второмъ онъ говоритъ, что они существуютъ въ тѣлахъ, и рѣшительно заявляетъ мысль, что внѣ тѣлъ они могутъ только мыслиться, но не существовать. Но очевидно, что въ этой части мнѣнія Боэція, гдѣ онъ говоритъ о существованіи universalia въ безтѣлесныхъ предметахъ, заключалась большая неопредѣленность. Если они существуютъ отдѣльно отъ тѣлъ въ безтѣлесныхъ вещахъ, то нѣтъ ли возможности имъ имѣть вообще безтѣлесное, ни отъ чего независимое существованіе? Если самъ Боэцій этого, вѣроятно, не предполагалъ, то въ средѣ глоссаторовъ и комментаторовъ могъ возникнуть подобный вопросъ. Онъ и возникъ и подалъ поводъ къ вѣковымъ спорамъ.

Росцелинъ.

Существовалъ ли вопросъ о родахъ и видахъ до XI вѣка, когда уже обнаружились рѣшительно враждебныя направленія реализма и номинализма? Глоссы, найденныя Кузеномъ въ Сенжерменскомъ манускриптѣ и принадлежащія несомнѣнно Рабану Мавру, упоминаютъ уже о существованіи двухъ школъ, одинакого основывавшихся на авторитетѣ Боэція, изъ которыхъ одна утверждала, что universalia суть имена, отвлеченія,

---

[1]) Т. е. и такъ universalia мыслятся и нельзя думать о видѣ иначе, какъ понятіи, образованномъ на основаніи субстанціальнаго сходства множества различныхъ индивидуумовъ, о родѣ же, какъ понятіи образованномъ на основаніи подобія видовъ. Когда это сходство находится въ отдѣльныхъ предметахъ, то оно становится предметомъ ощущенія, когда же оно—въ общихъ понятіяхъ, то дѣлается предметомъ мышленія. Они существуютъ дѣйствительно вмѣстѣ съ чувственными вещами, мыслятся же отдѣльно отъ тѣлъ.

образуемыя по поводу вещей, другая, основываясь на одномъ мѣстѣ изъ сочиненія Боэція de divisione, полагала, что родъ, какъ нѣчто самостоятельное и самобытное, самъ дѣлится на виды. Изъ того, что онъ съ сочувствіемъ говоритъ о доказательствахъ перваго мнѣнія, приводя ихъ тутъ же (Fragm. philos. t. III, 107), можно заключить, что самъ Рабанъ былъ одинаковаго съ первою школою мнѣнія. На основаніи глоссъ въ другомъ манускриптѣ къ Введенію Порфирія, относящихся къ X столѣтію, приводимыхъ въ примѣчаніяхъ у Кузена (Ibid. 113—117), также можно вывести заключеніе, что въ X вѣкѣ существовали обѣ эти школы: державшаяся рѣшительно мнѣнія Боэція, выраженнаго во 2-мъ комментаріи, и другая полагавшая, что universalia безтѣлесны и отдѣльно существуютъ отъ тѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по содержанію глоссъ и тексту, ими комментируемому, становится очевиднымъ, что IX и X вѣка имѣли въ рукахъ только «категоріи» и «объ истолкованіи» въ переводѣ Боэція. Введеніе Порфирія и что они комментировали ихъ на основаніи того же Боэція.

Итакъ школы, не вступая другъ съ другомъ въ борьбу, существовали гораздо ранѣе временъ Росцеллина, но пассивно повторяя мнѣнія Боэція, и будучи умственно безсильны къ выводу слѣдствій изъ своихъ положеній, онѣ мирно существовали рядомъ; склонявшаяся въ сторону Платона была сравнительно даже слабѣй опиравшейся на Боэція и Аристотеля. Въ сущности, это не были школы, направленія, — онѣ были просто различныя мнѣнія. Явился сильный умъ, извлекъ слѣдствіе изъ этихъ мнѣній, и положеніе дѣлъ измѣнилось. Вмѣсто двухъ мнѣній, явились двѣ школы—номинализма и реализма, которымъ суждено было обладать мышленіемъ Западной Европы въ продолженіи болѣе чѣмъ пяти столѣтій. Человѣкъ, подавшій поводъ къ этому движенію, былъ Росцеллинъ.

О Росцеллинѣ мы знаемъ очень мало: ни одного сочиненія отъ него до насъ не дошло: есть только извѣстія, вышедшія изъ лагеря противниковъ его. Хроники только упоминаютъ объ его существованіи (Fragm. philos. 119, свидѣтельство Оттона Фрейзингенскаго 121). Іоаннъ Салисберійскій въ своемъ Metalogicus II, c. 17. (Patrologiae cursus compl. Ed. Migne T. 199 p. 874) говоритъ только, что, по мнѣнію Росцеллина, genera et species суть voces, но что мнѣніе это исчезло вмѣстѣ съ Росцеллиномъ. Поэтому приходится довольствоваться извѣстіями, какія даются намъ его противниками.

Анзельмъ Кентерберійскій говоритъ о еретикахъ діалектикахъ своего времени, которые считаютъ всеобщія сущности простыми словами (flatus vocis—дыханіе слова. De fide trinitatis. Patrol. curs. complet. T. 158, p. 265): подъ цвѣтомъ, они говорятъ, нужно подразумѣвать тѣло, подъ

мудростію человѣка—душу. Росцеллинъ считалъ роды и виды простыми отвлеченіями: въ дѣйствительности существуютъ только индивидуальныя тѣла. Въ письмѣ къ Парижскому Архіепископу Абеляръ говоритъ о Росцеллинѣ, что по его мнѣнію, вещь не имѣетъ частей (Fragm. phil 124): ибо и части суть отвлеченія наши и допущеніе реальнаго существованія вещи впутываетъ насъ въ различныя противорѣчія. Въ этомъ мнѣніи Росцеллина уже было нѣчто новое. Боэцій и Рабанъ Мавръ утверждали, что роды и виды существуютъ въ вещахъ, какъ нѣчто отъ нихъ неотъемлемое и съ ними неразрывное, въ качествѣ же общностей (universalia) они только представляются, мыслятся нашимъ умомъ. Росцеллинъ, допуская послѣднюю часть мнѣнія, отвергалъ первую. Въ самыхъ вещахъ, по нему, нѣтъ ничего родового и видового; вещи суть индивидуальные предметы и болѣе ничто. Слѣдовательно, его мнѣніе уже разошлось со взглядомъ Аристотеля, за который стоятъ Боэцій и Рабанъ Мавръ. Но и этотъ взглядъ, можетъ-быть, не показался бы Церкви страшнымъ, еслибы Росцеллинъ не поспѣшилъ вывести изъ него слѣдствій относительно одного важнѣйшаго христіанскаго догмата.

Если роды и выды существуютъ какъ слова, въ дѣйствительности же—только индивидуальныя вещи, то какъ понимать догматъ Св. Троицы? Или три лица Божественныхъ суть три индивидуальныя вещи, отдѣльныя и самобытныя, какъ три ангела или три души и только подобныя одно другому, или они суть одинъ Богъ, но тогда существуетъ только одинъ Божественный индивидуумъ и слѣдовательно, если Сынъ воплотился, то нужно подразумѣвать, что вмѣстѣ съ нимъ воплотились Отецъ и Св. Духъ. Послѣднее же предположеніе нелѣпо, значитъ, нужно предположить первое. (Patrologiae cursus completus t. 158. P. III. Ep. 41, p. 1193. Сравн. Ibid. P. 1. de fide Trinitatis C. 1 p. 262).

Итакъ во второй половинѣ XI столѣтія мнѣніе объ universalia приняло самую крайнюю форму. Росцеллинъ поэтому почитается основателемъ номинализма: ибо для него роды были только nomina, изобрѣтаемыя человѣкомъ для именованія многихъ подобныхъ вещей.

Номинализмъ надолго, почти до 14 столѣтія, исчезъ вмѣстѣ съ Росцеллиномъ. Его взглядъ на догматъ Св. Троицы возбудилъ такую бурю негодованія, что онъ былъ осужденъ на Суассонскомъ Соборѣ въ 1092 или 1093 г. Церковное проклятіе простерлось не только на нехристіанское мнѣніе о догматѣ, но и на то философское ученіе о родахъ и видахъ, изъ котораго оно было выведено. Такимъ образомъ номинализмъ былъ осужденъ Церковію при самомъ первомъ рѣшительномъ его обнаруженіи.

Анзельмъ Кентерберійскій.

Рѣзкій взглядъ Росцеллина долженъ былъ вызвать реакцію, тѣмъ болѣе, что его нападеніе затрогивало самый существенный христіанскій догматъ. Его номинализмъ вызвалъ на сцену приверженцевъ крайняго реализма. Такимъ приверженцемъ явился Анзельмъ Кентерберійскій (1033 — 1109).

Анзельмъ Кентерберійскій въ борьбѣ съ Росцеллиномъ защищалъ взглядъ, что роды должны существовать помимо индивидуальныхъ предметовъ. Онъ жалуется на діалектиковъ, которые не могутъ понимать человѣка какъ родъ, а только какъ индивидуальное существо (Patr. Curs. compl. T. 158. P. I. de fide trinitatis 265). Для него они суть substantiae universales. Онъ удивляется, какъ можно быть настолько ограниченнымъ, чтобъ понимать только одно индивидуальное существованіе и не понимать существованія рода (Ibid). Онъ слѣдовательно приписывалъ universalia субстанціальное существованіе и полагалъ ихъ существующими независимо отъ индивидуальныхъ вещей. Это былъ крайній реализмъ. Universalia превращались въ такія же самобытныя и независимыя отъ индивидуальныхъ вещей существованія, какъ идеи Платона. Это былъ Платоновскій реализмъ.

Состояніе логическихъ знаній и направленіе умовъ за эту эпоху показываетъ сочиненіе Анзельма Dialogus de grammatico. (Pat. curs. complet. T. 158 P. I. p. 561—584). Этотъ діалогъ написанъ для разрѣшенія вопроса: что такое разумѣется подъ грамматикомъ — субстанція или качество? Вопросъ, столь мало серіозный, изслѣдуется однакожъ у Анзельма съ величайшимъ тщаніемъ, приводятся возраженія pro и contra, соображенія, какъ слѣдуетъ понимать это названіе, по руководству Аристотелевскихъ категорій. Трудно повѣрить, чтобъ серіозный умъ Анзельма съ такимъ рвеніемъ могъ углубляться въ такіе ни къ чему не ведущіе вопросы и однакожъ въ концѣ діалога онъ говоритъ: quoniam scis *quantum nostris temporibus dialectici certent* de quæstione a te proposita (Patr. curs. compl. Dialog. de grammatico P. I. c. 21. p. 582). Слѣдовательно, діалектика того времени уже двигалась по дорогѣ формализма и безплодной тонкости опредѣленій и различеній. Какъ бы самъ не вѣря въ важность подобнаго рода трудовъ, Анзельмъ присовокупляетъ: saltem ad exercitationem disputandi nobis haec profecisse non negabis.

Благодаря церковному осужденію, дѣло номинализма было потеряно не только въ глазахъ поколѣнія ближайшаго къ Росцеллину, но и самыхъ

отдаленныхъ поколѣній, смѣнявшихся послѣ него. Никто не осмѣливался явно поддерживать ученіе, преданное анаѳемѣ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи былъ реализмъ, защищаемый и проповѣдуемый Анзельмомъ. Реализмъ явился философскою поддержкою Церкви при защитѣ ею одного изъ существеннѣйшихъ догматовъ христіанства. Онъ естественно сдѣлался доктриною, поддерживаемою авторитетомъ Церкви. Посему, тогда какъ мы ничего не слышимъ о школѣ Росцеллина, реализмъ Анзельма находитъ болѣе научное выраженіе въ Вильгельмѣ изъ Шампо (1070 — 1120), основателѣ аббатства и школы Св. Виктора.

Вильгельмъ изъ Шампо.

Объ ученіи Вильгельма мы знаемъ только со словъ Абеляра. Въ письмѣ къ Элоизѣ, носящемъ названіе Historia calamitatum mearum (Petri Abaelardi opera edid. Victor Cousin, adjuvantibus Iourdain et E. Despois 1849, t. I. p. 4 — 5) онъ разсказываетъ о полемикѣ, возникшей между нимъ и Вильгельмомъ, и о томъ, что своими побѣдоносными возраженіями онъ принудилъ его измѣнить свои взгляды. По взглядамъ Вильгельма, universalia являлись сущностями вещей, индивидуумы простыми случайностями. (Erat autem in ea sententia de communitate universalium, ut eandem essentialiter rem totam simul singulis suis inesse adstrueret individuis: quorum quidem nulla esset in essentia diversitas, sed sola multitudine accidentium varietas. Ibid. p. 5). Родъ и видъ суть сущности вещей, дѣлающія послѣднія совершенно тожественными, индивидуальны же они только по различію случайныхъ качествъ. Авторъ разсужденія de generibus et speciebus, напечатаннаго у Кузена въ большомъ изданіи сочиненій Абеляра (Ouvrages inedits d'Abaelard. 1836. p. 513), поясняетъ мысль Вильгельма, хотя прямо его не упоминаетъ. Есть философы, говоритъ онъ, которые изъ родовъ и видовъ дѣлаютъ всеобщія сущности и думаютъ, что они въ каждомъ индивидуумѣ пребываютъ существенно (essentialiter). Далѣе эта мысль поясняется: человѣкъ есть видъ, вещь существенно единая, къ которой присоединяются случайно нѣкоторыя формы, образующія изъ нея Сократа; эта же вещь, оставаясь существенно тою же самою, такимъ же случайнымъ образомъ получаетъ другія формы, образующія Платона и другихъ индивидуумовъ изъ человѣка, какъ вида. Кромѣ формъ, присоединяющихся такимъ образомъ къ виду, чтобъ образовать Сократа, въ Сократѣ нѣтъ ничего, чего не было бы въ тоже время въ Платонѣ, только подъ формами Платона.

Итакъ родъ пребываетъ во всѣхъ вещахъ и потому вещи тожественны; онѣ различны только въ силу случайно присоединяющихся къ нему

свойствъ. Это реализмъ предполагающій, что universalia существуютъ in re. Онъ противоположенъ Аристотелевскому взгляду на сущность: ибо первая субстанція Аристотеля есть индивидуальное бытіе, но сходенъ съ его взглядомъ на форму (представляемую родами и видами — вторыми субстанціями). Послѣдняя есть причина тожественности предметовъ одного вида или рода по ихъ сущности, все равно какъ universalia Вильгельма дѣлаютъ индивидуальные предметы существенно тожественными.

Бернаръ Шартрскій.

Доселѣ реализмъ, хотя и расходился съ Аристотелемъ въ одномъ изъ существенныхъ вопросовъ, именно по вопросу о значеніи индивидуальнаго бытія, но все еще вполнѣ не отрѣшался отъ него. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи школа св. Виктора уже совершенно сошла съ Аристотелевской почвы и приблизилась къ Платону. Мы видимъ эту метаморфозу въ Бернарѣ Шартрскомъ, ученикѣ Вильгельма (жилъ въ первой половинѣ XII столѣтія).

Бернаръ понимаетъ universalia въ смыслѣ идей Платона. Іоаннъ Салисберійскій (Patrologiae curs. compl. Ed. Migne t, 199. Metalogicus lib. II, 17, p. 875) говоритъ: ille ideas ponit Platonem aemulatus et imitans Bernardum Carnotensem et nihil praeter eas genus dicit esse vel speciem). Эти идеи вѣчны, хотя и не совѣчны Богу (ibid. Metalog. Lib. IV, cap. 35, p. 938). Въ сочиненіи Бернара, раздѣляющемся на Megacosmus и Microcosmus (Fragments philosophiques, t. 3. 1840 appendice 337 — 345) излагается ученіе о родахъ и видахъ въ совершенно Платоновскомъ духѣ. Область идей (т. е. родовъ и видовъ) составляетъ міръ разумный (mundus intelligibilis). Смотря на вѣчныя идеи, Богъ образовалъ виды вещей. Но эти идеи суть ничто иное, какъ помышленія Божіи. (Vivebant ideae: vivebant exemplaria, nullo nata tempore nulloque in tempore desitura. Speculum igitur providentiae mens aeterna in quâ sensus ille profundissimus, in qua rerum genitor extortorque omnium intellectus. Erat in exemplaribus invenire simulacrum, cujus vel generis, quale, quantum, quando et quomodo proventurum. Fragm. philos t. III. 351).

Это былъ уже крайній реализмъ въ чисто Платоновскомъ духѣ. Роды и виды предваряютъ бытіе отдѣльныхъ вещей: будучи Божественными помышленіями, они суть вѣчные образцы. Такой реализмъ допускалъ только universalia ante rem. Крайнее реалистическое направленіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи пришло къ мистицизму и вѣроятно, подъ вліяніемъ

школы св. Виктора возникъ впослѣдствіи пантеизмъ Амальриканцевъ и Давида Динана. Но здѣсь въ очеркѣ логики мы не можемъ слѣдить за дальнѣйшими судьбами метафизики реализма. (Прекрасный очеркъ этого движенія данъ въ Etudes sur la philosophie dans le moyen age, par Rousselot, Partie 1, ch. X, 315 — 369, Part. II, 109 — 162).

Абеляръ.

Но торжество реализма не было совершенно. Номинализмъ почти угасъ послѣ несчастной судьбы Росцеллина, но его духъ, хотя и въ другихъ формахъ, продолжалъ жить въ мышленіи того времени. И онъ могущественно сказался во взглядахъ Абеляра.

Абеляра (1079—1142) можно назвать представителемъ какъ образованія, такъ и логическихъ интересовъ первой половины XII столѣтія. Какъ великъ былъ запасъ философскихъ классическихъ преданій того времени, показываетъ самъ Абеляръ (Ouvrages inedits d'Abelard, p. 228). — Sunt autem tres, quorum septem codicibus omnis in hac arte eloquentia latina armatur. Aristotelis enim duos tantum, Praedicamentorum scilicet et Peri ermenias libros usus adhuc latinorum cognovit; Porphyrii vero unum, qui videlicet de quinque vocibus conscriptus, genere scilicet, specie, differentia, proprio et accidente, introductionem ad ipsa praeparat Praedicamenta. Boethii autem quatuor in consvetudinem duximus libros, videlicet Divisionum et Topicorum cum syllogismis tam categoricis quam hypotheticis. Quorum omnium summam nostrae dialecticae textus plenissime concludet et in lucem usumque legentium ponet.

Слѣдовательно, Абеляръ (и такъ какъ онъ былъ ученѣйшій человѣкъ своего времени, то значитъ и вся тогдашняя ученость) знали только трехъ авторовъ, имѣвшихъ отношеніе къ діалектикѣ: Аристотеля, Порфирія и Боэція, и изъ всѣхъ сочиненій ихъ только слѣдующія семь: о категоріяхъ, объ истолкованіи — Аристотеля, введеніе Порфирія, о раздѣленіи, топику, о силлогизмахъ категорическихъ и условныхъ—Боэція. Значитъ, тогдашнее время не имѣло понятія объ аналитикѣ, топикѣ и софистическихъ доказательствахъ Аристотеля и даже переводы Боэція аналитики и топики не были тогда извѣстны. Притомъ, если тогда и читали указанныя сочиненія Аристотеля и Порфирія, то отнюдь не въ подлинникахъ, а переводѣ Боэція. Абеляръ, какъ это доказалъ Кузенъ (Fragments philosoph. t. III, 62—68), не зналъ Греческаго языка и читалъ ихъ въ переводѣ Боэція (ibid. p. 73).

Вотъ въ какомъ положеніи было логическое (и вообще философское) образованіе того времени, что даже изъ созданнаго уже прежнимъ временемъ знали о существованіи сравнительно малой части.

Абеляръ относится критически къ увлеченіямъ номинализма и реализма и старается найти средній путь между двумя крайностями *). Іоаннъ Салисберійскій, перечисляя мнѣнія, существовавшія по вопросу о родахъ и видахъ, указываетъ, что Абеляръ полагалъ universalia въ sermones (alius sermones intuetur et ad illos detorquet, quicquid alicubi de universalibus meminit scriptum. In hac autem opinione deprehensus est peripateticus palatinus Abaelardus noster. Patrol. cur. complet. t. 199. Metalog. c. XVII, 874 p.) Спрашивается теперь, что значитъ это мнѣніе.

Universalia не заключаются въ самыхъ вещахъ; ибо если предположить вмѣстѣ съ Вильгельмомъ Шампо, что вещи по сущности своей тожественны, индивидуально же разнородны только въ силу случайныхъ качествъ, то нельзя будетъ различать одной сущности отъ другой; феникса нельзя будетъ отличать отъ Бога (Abelard. par Remusat II, p. 98. см. Prantl. Gesch. der Logik. t. II. 173). Притомъ, вещь не можетъ служить сказуемымъ другой вещи, но имъ можетъ быть только одно имя (nomen) и такъ какъ роды и виды служатъ сказуемыми вещей, то они не могутъ быть чѣмъ либо реальнымъ (Ouvrages inedits d'Abelard. Dialect. p. 496). Но слово, отдѣльно взятое, не можетъ быть названо universale: оно заключается въ живой рѣчи, въ сужденіи, относимомъ нами къ цѣлому классу предметовъ. Поскольку мы обсуждаемъ въ живомъ предметномъ мышленіи вещи, мы создаемъ universalia — роды и виды, такъ что, собственно говоря, послѣдніе существуютъ только въ рѣчахъ нашихъ, относимыхъ къ цѣлому разряду отдѣльныхъ предметовъ (Remusat. II p. 105. Prantl. t. II, 175): наша рѣчь можетъ высказываться о предметахъ вообще: sermo est praedicablis. Въ извѣстномъ

---

*) Нельзя не сожалѣть, что изданныя до сихъ поръ сочиненія Абеляра весьма мало содержатъ указаній по этому важному для того времени вопросу. Начало Діалектики утрачено вѣроятно, тамъ разбиралъ онъ этотъ вопросъ. Въ настоящее время, кромѣ немногихъ указаній, разсѣянныхъ въ Діалектикѣ, главнымъ источникомъ для изученія взгляда Абеляра на этотъ пунктъ служатъ, приведенныя въ трудѣ Ремюза объ Абелярѣ, выдержки изъ сочиненія его Glossulae super Porphyrium, остающагося къ сожалѣнію еще въ манускриптѣ. Но и Ремюза часто излагаетъ въ перифразѣ содержаніе манускрипта, не приводя иногда въ весьма важныхъ пунктахъ подлиннаго текста. Этого труда впрочемъ мы не нашли ни въ Университетской, ни въ Публичной Библіотекахъ и потому должны здѣсь ограничиться выдержками изъ него, приведенными въ трудѣ Прантля въ его Geschichte der Logik B. II.

смыслѣ можно сказать, что universale est vox, такъ какъ sermo состоитъ изъ voces; но наоборотъ сказать, что vox est universale, было бы совершенно ложно. Собственно говоря, можно утверждать только то, что существуютъ самостоятельные предметы, служащіе поводомъ къ возникновенію universalia (Remusat, II, p. 109; Prantl t. II, 176). Итакъ Абеляръ склоняется на сторону номинализма: въ его мнѣніи слышится голосъ ученика отверженнаго и осужденнаго учителя. Universalia имѣютъ только субъективное значеніе, въ дѣйствительности есть только поводъ къ нимъ въ подобіи и сходствѣ вещей.

Діалектика Абеляра знакомитъ насъ съ состояніемъ логическихъ знаній въ его время и потому кратко мы изложимъ планъ и укажемъ на общій характеръ ея. Въ первый разъ она издана въ 1836 г. Кузеномъ въ его Ouvrages inedits d'Abelard (173—497). Она раздѣляется на пять частей; о частяхъ рѣчи, о предложеніяхъ и силлогизмахъ категорическихъ, топика, о предложеніяхъ и силлогизмахъ условныхъ, наконецъ, опредѣленіяхъ и дѣленіяхъ.

Изъ содержанія Діалектики видно, что время Абеляра съумѣло создать уже своего рода логическую систему изъ того весьма ограниченнаго матеріала, какимъ оно располагало. Отдѣлъ о частяхъ рѣчи трактуетъ прежде всего объ antepraedicamenta, т. е. пяти словахъ, о которыхъ говорится во Введеніи Порфирія. Но эта книга до насъ не дошла и содержаніе ея должно быть восполняемо изъ сочиненія Glossae in Porphyrium (Ouvrages inedits d'Abelard 553—576), равно какъ изъ Glossulae super Porphyr., выдержки изъ котораго помѣщены въ вышеупомянутомъ сочиненіи Ремюза. За исключеніемъ вышеприведеннаго ученія объ universalia, Абеляръ только комментируетъ мысли Порфирія. Изъ второй книги первой части (о praedicamenta) не сохранилось начало. Это въ сущности — разсужденіе на сочиненіе Аристотеля о категоріяхъ; Абеляръ по порядку разсматриваетъ здѣсь десять извѣстныхъ категорій. Въ третьей книгѣ излагается ученіе о такъ-называемыхъ postpraedicamenta, т. е. о способахъ обозначенія предметовъ, о словахъ сложныхъ, неопредѣленныхъ, опредѣленныхъ, существительномъ имени и глаголѣ.

Вторая часть имѣетъ предметомъ своимъ предложенія и категорическіе силлогизмы. Она названа у Абеляра первою аналитикою, очевидно, въ подражаніе Аристотелю. Въ ней говорится о выраженіи (oratio) совершенномъ (человѣкъ бѣжитъ) и несовершенномъ (бѣгущій человѣкъ), о различныхъ видахъ предложеній, которыя онъ дѣлитъ по качеству (утвердительныя, отрицательныя), модальности, количеству (общія, частныя и неопредѣленныя) и по времени (настоящія, прошедшія и будущія), раз-

бираются элементы сужденія: подлежащее и сказуемое. Затѣмъ, Абеляръ переходитъ къ анализу сужденій по качеству и опредѣляетъ, въ чемъ состоитъ утвержденіе и отрицаніе, разбираетъ модальность способа обозначенія въ сужденіяхъ, различіе ихъ по количеству и наконецъ переходитъ къ категорическимъ силлогизмамъ. Въ ученіи о нихъ мы не встрѣчаемъ ничего новаго, чего не заключалось бы въ сочиненіи Боэція о категорическихъ силлогизмахъ, за исключеніемъ предполагаемыхъ комбинацій различныхъ сужденій прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ.

Третья часть діалектики называется liber topicorum. Какъ для уясненія природы категорическихъ силлогизмовъ необходимо было разсмотрѣть категорическія предложенія, такъ для разъясненія силлогизмовъ условныхъ необходимо разсмотрѣть сужденія условныя. Въ условныхъ силлогизмахъ сила заключенія основывается не на отношеніи посылокъ, какъ въ категорическихъ, а на отношеніи одного понятія къ другому, или одной черты предмета къ другой. Топика Абеляра и поставляетъ своею задачею разсмотрѣть эти различныя отношенія (называемыя у него loci, т. е. quo sedet vis inferentiae). Здѣсь разсматриваются всевозможныя отношенія элементовъ въ сужденіяхъ, напр. loci differentiae, a substantia, a descriptione, ab interpretatione, a genere, ab integro, a partibus и т. д.

Четвертая часть называется второю аналитикою и трактуетъ о посылкахъ и силлогизмахъ условныхъ. Здѣсь повторяется извѣстное уже намъ содержаніе сочиненія Боэція съ прибавленіемъ ученія о превращеніи раздѣлительныхъ посылокъ.

Въ пятой и послѣдней части Діалектики, называемой liber divisionum et definitionum, излагается ученіе о дѣленіи и опредѣленіи. Дѣленіе можетъ быть secundum se, т. е. не на основаніи случайныхъ свойствъ, а на роды и виды, слова на его значенія, цѣлаго на его части. Опредѣленіе можетъ быть субстанціальное, можетъ быть описаніемъ и простымъ ограниченіемъ смысла definiendi, что у Абеляра называется determinatio.

Діалектика Абеляра доказываетъ намъ, что къ XII-му вѣку схоластика старалась собрать въ одно цѣлое все, что извѣстно было въ разрозненномъ видѣ изъ древнихъ логическихъ сочиненій. Абеляръ старается дать систематическую форму прежнимъ отдѣльнымъ изслѣдованіямъ того или другого рода логическихъ пріемовъ. Труды Аристотеля и комментатора его — Боэція, неизвѣстныхъ глоссаторовъ, толковавшихъ обоихъ этихъ философовъ, соединяются здѣсь въ систему. Поэтому указанная Діалектика есть типъ логики, какъ системы въ первую эпоху развитія схоластики. Канвою для анализа Абеляра служатъ два сочиненія Ари-

стотеля, одно Порфирія и четыре сочиненія Боэція. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ Діалектики замѣчается подражаніе Марціану Капеллѣ. Умъ такого энергическаго и предпріимчиваго мыслителя, какъ Абеляръ, совершенно рабски слѣдуетъ по стопамъ другихъ и намѣренно подавляетъ въ себѣ всякія стремленія къ самостоятельности. Въ этомъ отношеніи характерны нѣкоторыя выраженія Абеляра, обнаруживающія духъ и направленіе мышленія эпохи. Говоря о различіи Платона и Аристотеля въ опредѣленіи относительнаго (relativum), онъ замѣчаетъ, что можно бы было избрать среднее между этими двумя мнѣніями, но что это дѣлать не слѣдуетъ. Si Aristotelem Peripateticorum principem culpare praesumamus, quem amplius in hac arte recipiemus (Ouvrages inedits d'Abelard-Dialectica p. 204). Іоаннъ Салисберійскій говоритъ объ Абелярѣ; «Припоминаю и какъ думаю вѣрно, что палатинскій перипатетикъ (имя Абеляра) говорилъ, что легко было бы кому нибудь въ его время написать книгу въ этомъ родѣ (въ родѣ Аристотелевскаго сочиненія объ истолкованіи), ни въ чемъ не уступающую древнимъ, ни въ томъ, что касается пониманія истины, ни изящества языка, но трудно и даже невозможно, чтобъ она пользовалась подобнымъ авторитетомъ (Patrolog. curs. complet. Metalogicus III, 4. p. 900).

Разнообразіе мнѣній объ universalia.

Итакъ главный, интересовавшій схоластовъ первой эпохи, логическій вопросъ былъ о томъ, что̀ такое роды и виды, т, е. то, что мы называемъ теперь родовыми или общими понятіями. На разнообразныхъ рѣшеніяхъ его изощрялся схоластическій умъ, этотъ вопросъ составлялъ предметъ полемики партій и школъ, былъ средоточіемъ всѣхъ логическиметафизическихъ интересовъ времени. Чтобъ представить себѣ положеніе логическихъ понятій этой эпохи, мы приведемъ свидѣтельство Іоанна Салисберійскаго о различныхъ школахъ по вопросу объ universalia. Эти драгоцѣнныя свѣдѣнія находятся въ XII главѣ его сочиненія Metalogicus. Такъ какъ оно составлено около 1156 года, то мы находимъ въ немъ живую картину, изображающую положеніе логическихъ изслѣдованій около половины 12-го вѣка.

Іоаннъ говоритъ (Patrolog. curs. T. 199. Metal. II. c. 17. p. 874—876) о крайнемъ разнообразіи мнѣній по вопросу объ universalia. Хотя Порфирій и называетъ вопросъ о значеніи ихъ дѣломъ высокой важности, требующимъ усиленнаго изслѣдованія, но философы его времени не затруднялись приниматься за него. И вотъ онъ перечисляетъ различныя мнѣнія:

1) Мнѣніе Росцеллина, отожествлявшаго universalia съ voces, но онъ прибавляетъ, что оно исчезло вмѣстѣ съ самимъ Росцеллиномъ.

2) Второе мнѣніе Абеляра, полагавшаго ихъ въ sermones, который оставилъ послѣ себя многихъ учениковъ и даже во время Іоанна имѣлъ многихъ послѣдователей.

3) Третьи полагали, что universalia суть только понятія. Они основываются на Цицеронѣ и Боэціи. Человѣкъ воспринимаетъ формы вещей, изъ воспріятій образуетъ простое понятіе, которое и есть то, что называется universale.

Рядъ другихъ противоположныхъ мнѣній приписывается Іоанномъ тѣмъ, qui rebus inhaerent, т. е. ищущимъ universale въ самыхъ вещахъ, или дающимъ имъ реальное значеніе. Именно:

4) Во главѣ однихъ былъ Готье Мавританскій, отожествлявшій universalia съ отдѣльными индивидуальными предметами. Эта школа говорила: Платонъ, поскольку онъ существуетъ, есть индивидуумъ, поскольку человѣкъ — видъ. какъ животное — родъ, какъ субстанція — самый общій родъ.

5) Другіе, послѣдуя Платону, полагали universalia какъ идеи, первообразы вещей. Это мнѣніе Бернара Шартрскаго, о которомъ мы упоминали выше.

6) Третьи, какъ напр. Жильберъ, епископъ въ Пуатье, думали, что universalia пребываютъ въ естественныхъ формахъ, присущихъ дѣйствительнымъ вещамъ.

7) Гаусленъ, епископъ Суассонскій, находилъ universalia въ вещахъ, разсматриваемыхъ какъ одно цѣлое, но не въ отдѣльныхъ индивидуальныхъ предметахъ.

8) Иные, совсѣмъ не зная латинскаго языка и слушая рѣчь о родахъ и видахъ, думаютъ, что они суть maneries, т. е. видоизмѣненія вещей.

9) Наконецъ, есть и такіе, которые отождествляютъ роды и виды съ состояніемъ (status) вещей.

Слѣдовательно, всевозможныя рѣшенія вопроса о родахъ и видахъ и пассивное повтореніе извѣстнаго уже чрезъ комментаріи или переводы Боэція, вотъ чѣмъ интересовался умъ человѣческій въ продолженіи трехъ съ половиною столѣтій до половины XII вѣка. Но около этого времени горизонтъ схоластики расширяется и логика, переставъ быть исключительнымъ предметомъ вниманія, дѣлается одною изъ философскихъ дисциплинъ. Благодаря постепенно расширявшемуся знакомству схоластовъ съ Аристотелемъ, съ арабскою литературою, съ сокровищами Византійской

учености, логика принимаетъ вскорѣ совершенно иной видъ. Къ этой новой эпохѣ мы теперь и перейдемъ.

Измѣненіе въ обработкѣ логики обнаруживается во второй половинѣ XII столѣтія. Два факта содѣйствовали расширенію логическаго кругозора схоластовъ. Во 1-хъ, переводъ и распространеніе всѣхъ до того времени неизвѣстныхъ сочиненій Аристотеля. Во 2-хъ, распространеніе комментарій къ нимъ арабскихъ философовъ и преимущественно Аверроеса. Такъ какъ арабы (мы разумѣемъ значеніе трудовъ ихъ только для логики), въ сущности, только комментировали логическія сочиненія Аристотеля, то намъ нѣтъ нужды входить въ подробный анализъ ихъ трудовъ. Мы только припомнимъ здѣсь два факта, извѣстныхъ изъ исторіи философіи: что арабы комментировали, а можетъ быть, и систематизировали, Органонъ Аристотеля и что ихъ комментаріи чрезъ еврейскихъ переводчиковъ становились извѣстны во второй половинѣ XII в. и въ началѣ XIII в. Западной Европѣ.

Но главное вліяніе шло отъ прямыхъ переводовъ логики Аристотеля. Есть извѣстіе, что уже въ началѣ XII-го столѣтія сдѣланъ былъ новый переводъ неизвѣстныхъ до того времени Аристотелевскихъ сочиненій. Продолжатель хроники Роберта де-Монте говоритъ слѣдующее подъ годомъ 1128: «Іаковъ, клирикъ изъ Венеціи, перевелъ съ греческаго языка на латинскій нѣсколько книгъ Аристотеля и комментировалъ ихъ, т. е. топику, первую и вторую аналитику и доказательства (софистическія), хотя существовалъ еще болѣе древній переводъ этихъ книгъ» (Prantl. Geschichte der Logic. т. II. см. примѣч.). Это былъ переводъ тѣхъ самыхъ книгъ, которыя не были извѣстны въ продолженіи IX, X, XI вѣковъ. Изъ того, что Абеляръ совсѣмъ ничего не зналъ о существованіи этого перевода и не имѣлъ вообще подъ руками упомянутыхъ сочиненій, можно заключать, что новый переводъ распространялся между учеными весьма медленно, древній же, существовавшій до Іакова, совсѣмъ не былъ распространенъ. При медленности и невѣрности тогдашнихъ сообщеній, а можетъ быть, благодаря какимъ либо случайнымъ обстоятельствамъ, переводъ могъ оставаться неизвѣстнымъ большинству ученыхъ чрезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ своего появленія. Можетъ быть, до Абеляра и доходили неопредѣленные слухи о существующихъ, но неизвѣстныхъ еще сочиненіяхъ Аристотеля, можетъ быть, доходили устнымъ путемъ нѣкоторыя даже подробности изъ нихъ, какъ это можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ въ его сочиненіяхъ (см. подробности у Прантля: G. d. L. II. 101 и слѣд.). Есть и другое извѣстіе, что въ четвертомъ десятилѣтіи XII-го столѣтія

нѣкоторые ученые уже были знакомы съ упомянутыми сочиненіями Аристотеля. Іоаннъ Салисберійскій говоритъ объ Адамѣ англичанинѣ, который написалъ книгу ars disserendi, составленную имъ въ 1132 году и которая въ сущности была переработкою первой аналитики Аристотеля. (Patr. curs compl. 199 Metal. IV, 3 p. 917).

Но со второй половины XII столѣтія быстро распространяется знакомство съ Органономъ. По сочиненію Іоанна Салисберійскаго (ум. 1180 г.) Metalogicus, на которое такъ часто мы выше ссылались и которое написано около 1160 года, можно видѣть, что въ его время знали топику, обѣ аналитики и софистическія доказательства Аристотеля (Patr. curs. compl. t. 199. Metal. III, 5, p. 902). Эти сочиненія были новинкою для того времени и тогдашніе ученые какъ бы не успѣли еще опознаться въ нихъ. Самъ Іоаннъ жалуется напр. на трудность второй аналитики, что объясняетъ онъ тонкостію изслѣдованій, ошибками переписчиковъ и даже ошибочностію самаго перевода. (Patr. curs. complet. 199. Metal IV, 6 p. 919).

Благодаря этимъ новымъ источникамъ, логика естественно должна была преобразоваться. Какъ и при всякомъ нововведеніи, образовались двѣ партіи. Одна представляла старыя преданія, другая стояла за новыя сочиненія. Дѣленіе философовъ на antiqui и moderni (упоминаемое Іоанномъ Салисбер.) повторялись и впослѣдствіи всякій разъ, какъ только, подъ вліяніемъ какого-либо новаго источника, расширялись границы логическихъ изслѣдованій и дѣлались въ логикѣ какія либо нововведенія. Какъ постепенно содержаніе было присоединено къ сложившейся уже діалектикѣ, чьи труды наиболѣе содѣйствовали органическому сплоченію новаго матеріала со старымъ, разсматривать здѣсь мы не станемъ. Но чтобъ ознакомить читателя съ новымъ видомъ схоластической логики, образовавшимся подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ, мы остановимся нѣсколько на логикѣ Ѳомы Аквината: ибо она даетъ намъ понятіе о томъ, что выработалось въ средѣ философовъ, называемыхъ у Іоанна Салисберійскаго moderni, когда они обладали уже всѣми логическими сочиненіями Аристотеля. Эта Logica modernorum достигла полнаго своего развитія въ трудахъ Ѳомы, чтобъ почти сряду затѣмъ вновь подвергнуться измѣненію подъ вліяніемъ Византійской логики. Мы нарочно останавливаемся на Аквинатѣ, потому что въ его логическихъ сочиненіяхъ почти нѣтъ еще слѣдовъ послѣдняго вліянія. Онъ, какъ и Абеляръ, хотя жилъ уже въ то время, когда новыя вліянія начали уже прокладывать себѣ путь въ науку, остался однакожъ мало затронутымъ ими. Вотъ почему онъ, какъ и Абеляръ, всего лучше можетъ служить представителемъ послѣдняго слова науки въ разбираемый періодъ ея развитія.

Ѳома Аквинатъ.

Логическіе труды Ѳомы Аквината представляютъ тотъ моментъ въ исторіи средневѣковой логики, когда она, впервые сдѣлавшись обладательницею всего Органона Аристотеля и многочисленныхъ комментарій къ нему Арабскихъ философовъ, Ависены и Аверроеса, на первое время только пассивно усвояла себѣ новооткрытый матеріалъ безъ всякихъ еще попытокъ къ дальнѣйшему его развитію и дальнѣйшей переработкѣ. Время Ѳомы Аквината было эпохою полнаго процвѣтанія схоластики. Аристотель, къ которому сначала церковь относилась подозрительно, былъ вполнѣ уже приведенъ въ гармонію съ католическими догматами. Если его мнѣнія и не имѣли вѣсу относительно догматовъ вѣры, то относительно предметовъ философіи и всѣхъ такъ называемыхъ свѣтскихъ наукъ онъ былъ авторитетомъ, предъ которымъ все преклонялось. Разсуждая о философскихъ вопросахъ, схоласты прежде всего справлялись, что сказалъ Philosophus о трактуемомъ предметѣ. Такъ оно и должно быть. Такъ какъ во второй половинѣ XII-го вѣка быстро переводились и одно за другимъ распространялись многочисленныя сочиненія Аристотеля, то понятно, что впечатлѣніе, производимое массою совершенно новыхъ и неизвѣстныхъ схоластикѣ произведеній, было громадное и подавляющее. Умы преклонились предъ этимъ вдругъ возсіявшимъ геніемъ и на первое время ихъ достало на то только, чтобъ, по примѣру Арабовъ и съ помощію ихъ трудовъ, комментировать эти сочиненія. И вотъ мы видимъ, что даже такой сильный умъ какъ Ѳома Аквинатъ, по примѣру своего учителя Альберта Великаго, только повторяетъ уже сказанное Аристотелемъ.

Литературная дѣятельность Ѳомы Аквината (1225—1274) была весьма обширна. Полное собраніе его сочиненій составляетъ восемнадцать громадныхъ томовъ in fol. (Divi Thomae Aquinatis, doct. angel., opera omnia per Cosmam Merelles. Antwerpiae 1612). Въ этомъ собраніи находится весьма много логическихъ сочиненій, но къ сожалѣнію, достовѣрность нѣкоторыхъ весьма сомнительна. Изъ нихъ уже Антониномъ, архіепископомъ Флорентійскимъ, многія признаны подложными. Для исторіи схоластической логики имѣютъ значеніе слѣдующія лишь сочиненія Аквината. Во 1-хъ, его комментаріи къ соч. Аристотеля объ истолкованіи, къ первой и второй книгѣ второй аналитики (напечат. въ 1 томѣ полн. собр.); во 2-хъ, мелкія сочиненія: de ente et essentia (op. 37); de quatuor oppositis (op. 37); de fallaciis ad quosdam nobiles artistas (op. 39); de propositionibus (op. 40); de principio individuationis (op. 29); de natura verbi intellectus (op. 14). Всѣ эти сочиненія напечатаны въ 18 томѣ указаннаго полнаго собранія, за исключеніемъ de ente et essentia, на-

печатаннаго въ IV томѣ. Кромѣ того, для нѣкоторыхъ логически метафизическихъ вопросовъ имѣютъ значеніе: in quatuor sententiarum Petri Lombardi въ 6 и 7 томѣ и наконецъ Summa Theologiae (напечатано въ 10, 11 и 12 томахъ).

Прежде всего по самому интересному для той эпохи вопросу объ universalia Ѳома Аквинатъ, какъ и его учитель Альбертъ В., повторяетъ ученіе Ависены, Арабскаго философа, которое совмѣщаетъ въ себѣ всѣ мнѣнія объ этомъ предметѣ предшествовавшихъ школъ. То, что въ XI и XII вѣкахъ представлялось отдѣльными школами, ведшими ожесточенную борьбу между собою, въ XIII вѣкѣ весьма мирно совмѣщалось въ одной системѣ. Ѳома Аквинатъ допускаетъ universalia in re, post rem и ante rem. Говоря о существованіи ихъ in re, онъ высказывается въ духѣ Аристотеля и Абеляра. Роды и виды имманентны вещамъ, они не суть однако субстанціи вещей, но, какъ говорилъ и Абеляръ, въ вещахъ есть то, что даетъ поводъ къ образованію общихъ понятій; это суть universalia individuata. Universalia post rem принимаются Аквинатомъ за настоящія всеобщности, пребывающія въ нашемъ умѣ. Въ дѣйствительности существуютъ отдѣльныя вещи, какъ форма соединившаяся съ матеріей, которая опредѣляетъ ихъ количественно и дѣлаетъ ихъ индивидуальными существованіями (De principio individ. Th. Aquin. opera omnia t. XVIII, p. 207). Отъ нихъ мы собираемъ общія понятія и образуемъ потомъ идею рода или вида. Процессъ отвлеченія Аквинатъ изображаетъ согласно съ Аристотелемъ. Universalia существуетъ и ante rem. Они суть идеи Божественнаго ума, предварявшія въ процессѣ творенія матеріально-индивидуальные предметы. «Формы, существующія въ матеріи, произошли изъ формъ безъ матеріи, говоритъ Ѳома, и въ этомъ отношеніи оправдывается изреченіе Платона, что отдѣльныя формы суть начала формъ, облеченныхъ матеріей» (Contra gentiles III, 24). Итакъ Ѳома Аквинатъ допускаетъ три вида существованія universalia. Est triplex universale, говоритъ онъ въ комментаріяхъ къ Sententiae Петра Ломбарда: quoddam, quod est *in re*, seu natura ipsa, qua est in particularibus...; est etiam quoddam universale, quod est a re acceptum per abstractionem et hoc *posterius est re*..., est etiam quoddam universale *ante rem*, quod est prius re ipsa, sicut forma domus in mente aedificatoris (T. VI sentent. II, dist. III. q. 2, artic. 2). Таково было рѣшеніе этого вопроса для схоластовъ XIII вѣка (см. De la philosophie scolastique, par Hauréau. Paris. 1850, t. II, 209—212).

Въ области логики Ѳома имѣетъ значеніе комментатора Аристотеля — въ духѣ того времени. Логику онъ понимаетъ какъ науку, разсматривающую три основныхъ дѣйствія мышленія: первое состоитъ въ пониманіи

сущности всякой вещи, второе — есть дѣйствіе сочетанія и разложенія, третье — умозаключеніе, идущее отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; первое дѣйствіе предшествуетъ второму, второе третьему (t. I. in libr. periermiпias p. 1. Сравн. in primum et secundum libros Anal. post. p. 32 наоб.). Подъ это логическое дѣленіе Аквинатъ подводитъ все содержаніе Органона.

Укажемъ отличительныя черты логическаго анализа у Аквината. Онъ старается всюду пассивно слѣдовать за Аристотелемъ, но все-таки, подъ вліяніемъ духа времени, вноситъ въ свои толкованія схоластическія понятія, опредѣленія и различенія. Разбирая дѣятельность, которую онъ назвалъ пониманіемъ сущности всякой вещи, Аквинатъ анализуетъ понятія имѣющія отношенія къ сущности. Онъ различаетъ essentia отъ existentia, разумѣя подъ первою то, чрезъ что вещь существуетъ такъ, какъ она есть въ дѣйствительности; чтобъ опредѣлить сущность, необходимо найти quidditas rei. Анализъ схоластическій, какъ видно, весьма интересовался тѣмъ, что составляетъ матерію и форму сложныхъ сущностей, что значитъ всеобщность и частность, интересовался отношеніемъ родоваго понятія къ отличительному признаку и т. д. (t. IV de ente et essentia op. 30), какія отношенія противоположности могутъ быть между предметами (de quatuor oppositis. op. 37, t. XVIII). Все это относится къ тому акту ума, который понимаетъ нѣчто нераздѣльное (indivisibilia), или несвязанное съ чѣмъ-либо другимъ, изъ чего разумъ познаетъ существованіе вещи.

Второй актъ ума (in primum et secundum libr. post. anal. t. I, p. 32) имѣетъ дѣло съ соединеніемъ и разложеніемъ и онъ можетъ быть истиннымъ и ложнымъ. Такимъ образомъ въ основаніе анализа полагается предположеніе, что сужденія суть только соединенія одного понятія съ другимъ. У него уже мы встрѣчаемъ терминъ syncatagoreumata или consignificantia, т. е. дополнительныя части предложенія, точнѣе опредѣляющія мысль nominis, или verbi. Ученіе о модальныхъ предложеніяхъ изложено имъ въ сочиненіи de propositionibus modalibus (t. XVIII, op. 40). Modus въ сужденіи называется опредѣленіе характера связи между подлежащимъ и сказуемымъ. Модальныхъ сужденій шесть родовъ: истинное, ложное, необходимое, невозможное, возможное, случайное. Указываются затѣмъ грамматическіе признаки этихъ сужденій, предлагаются новыя основанія для дѣленія сужденія: съ точки зрѣнія количества, качества, подчиненія и противоположенія, и въ-заключеніе предлагаются стихи, въ которыхъ указываются для памяти различныя отношенія между сужденіями. Здѣсь Аквинатъ обнаруживаетъ отчасти знаніе Византійской логики,

нѣкоторыя части которой вѣроятно были ему извѣстны чрезъ Вильгельма, о которомъ упомянемъ ниже.

Третье дѣйствіе ума состоитъ въ переходѣ отъ одной мысли къ другой, дабы отъ извѣстнаго прійти къ познанію неизвѣстнаго (discurrere ab uno in aliud, ut per id quod est notum deveniat (т. е. ratio) in cognitionem ignoti (T. I, 32 p. in prim. et secund. libr. poster. analyt). Это дѣятельность силлогистическая. Здѣсь Аквинатъ только разъясняетъ содержаніе второй аналитики. Такъ какъ въ его время извѣстны были уже всѣ сочиненія Аристотеля, не только одни логическія, но и остальныя философскія, то онъ часто поясняетъ комментируемыя мысли Аналитики текстами изъ метафизики и физики. Комментаріи весьма подробны, они выясняютъ до тонкости мысли Аристотеля, ихъ взаимную связь, но никакихъ оригинальныхъ взглядовъ на тотъ или другой вопросъ комментаторъ себѣ не позволяетъ. Ложныя умозаключенія Ѳома разсматриваетъ въ особомъ сочиненіи: de fallaciis (t. XVIII, 213 ч.). Въ первой и второй главахъ онъ, по Аристотелю, указываетъ четыре рода разсужденій, какъ актовъ ума: научный, діалектическій, пытательный (tentativa disputatio) и софистическій. Затѣмъ указываются различные роды софизмовъ, смотря по цѣли, какою руководится софистъ (Ibid. c. II), и по способу доказательствъ, къ какимъ онъ прибѣгаетъ для своей цѣли; такъ онъ говоритъ de fallacia in dictione (c. II), aequivocationis (c. III), de amphibologia (c. IV), de fallacia compositionis et divisionis (c. V), de fallacia accentus (c. VI),—figurae dictionis (c. VII), extra dictionem (c. VIII)—accidentis (c. IX),—in secundum quid et simpliciter (c. X), secundum ignorantiam elenchi (c. XI),—petitionis principii (c. XII),—consequentis (c. XIII), secundum non causam ut causam (c. XIV).

Ѳома Аквинатъ есть представитель того умственнаго движенія, которое овладѣло схоластикою въ XIII вѣкѣ подъ вліяніемъ новооткрытыхъ сочиненій Аристотеля и трудовъ Арабскихъ философовъ. Количество научнаго преданія сразу расширилось: только въ 15 и 16 столѣтіяхъ мы видимъ подобное же расширеніе умственнаго кругозора. Вліяніе этого факта сказалось для логики двумя послѣдствіями. Во 1-хъ, Боэцій утратилъ нераздѣльное вліяніе на схоластовъ, хотя нѣкоторые взгляды его, сдѣлавшіеся традиціонными, удерживались какъ бы въ силу обычая. Во 2-хъ, логическіе труды стали примыкать преимущественно къ Аристотелю, который истолковывался главнѣйше подъ вліяніемъ Арабскихъ философовъ, особенно Аверроеса и Ависены. Но попытокъ къ систематизаціи логическихъ понятій, хотя бы и на основаніи Аристотеля, мы еще не

замѣчаемъ. Умъ, какъ бы подавленный обширностію новаго матеріала, стремится только изучить и разъяснить его самому себѣ: все логическое движеніе этого времени исчерпывается одними только комментаріями къ Органону.

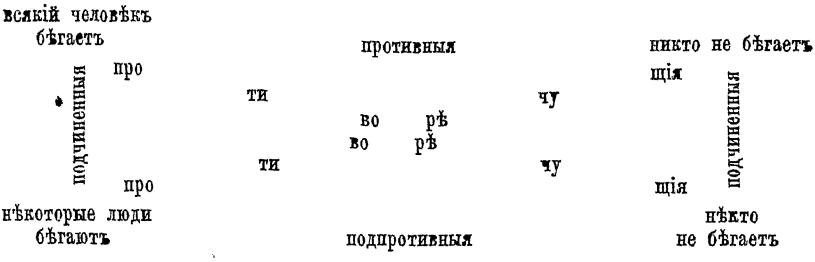
Новое вліяніе, чисто Византійское, вывело схоластическую логику на новый путь, съ котораго она уже не сходила во все продолженіе схоластической эпохи.

Михаилъ Пселлъ.

Фактъ, опредѣлившій характеръ дальнѣйшаго развитія схоластической логики, состоялъ въ томъ, что въ концѣ XIII вѣка распространилась въ латинской переработкѣ логика Византійца Михаила Пселла. Познакомимся прежде всего съ нею.

Отъ Михаила Пселла (род. 1020) дошло до насъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Εἰς τὴν Ἀριστοτέλους λογικὴν ἐπιστήμην σύνοψις. Оно имѣло огромное вліяніе на развитіе схоластической логики и потому мы нѣсколько подробнѣй остановимся на немъ. Мы пользуемся здѣсь изданіемъ: Synopsis Organi Aristotelici Michaele Psello autore. Ed. a M. Elia Ehingero. 1597.

Діалектика есть искусство искусствъ (τέχνη τεχνῶν) и наука наукъ (ἐπιστήμη ἐπιστημῶν), указывающій путь къ началамъ всѣхъ методовъ. Прежде всего указываются составныя части всякой рѣчи—слова и самыя основанія словъ—звуки въ ихъ различномъ значеніи (гл. I). Рѣчь (λόγος) основывается на имени и глаголѣ и они составляютъ главную часть ея, остальныя же части суть только соозначающія слова (προσκατηγορήματα) (с. II, III). По смыслу своему, предложенія дѣлятся на совершенныя и не совершенныя и первыя по своему содержанію на изъявительныя, повелительныя, желательныя и сослагательныя (с. IV). Предложеніе есть рѣчь, означающая истинное что либо или ложное. Оно можетъ быть категорическое или условное. Въ категорическомъ части суть: подлежащее, сказуемое и связь: оно бываетъ всеобщее, частное, неопредѣленное, единичное. Кромѣ того категорическія предложенія бываютъ утвердительныя или отрицательныя (с. V). По взаимному отношенію, различныя категорическія сужденія имѣютъ общими или оба понятія, или одно изъ двухъ, или ничего не имѣютъ общаго. Перваго рода предложенія бываютъ противныя, подпротивныя, противорѣчущія, подчиненныя. Пселлъ предлагаетъ слѣдующую таблицу ихъ, до сего времени употребляющуюся въ формальныхъ логикахъ.



По содержанію, сужденія бываютъ необходимыя, случайныя, невозможныя. Указываются законы, опредѣляющіе, въ какихъ случаяхъ различныя предложенія могутъ или не могутъ быть истинными или ложными вмѣстѣ (с. VI), и излагается ученіе о превращеніи предложеній: simplex, per accidens, per contrapositionem (с. VII).

Гипотетическое предложеніе можетъ быть условнымъ, соединительнымъ и раздѣлительнымъ (с. VIII).

Слѣдуетъ далѣе ученіе о равносильности сужденій (περὶ τῶν ἰσοδυναμουσῶν προτάσεων — aequipollentia propositionum), гдѣ предлагаются различныя правила, — о сущности modi, какъ побочнаго (привходящаго) опредѣленія вещи: при имени таковыя опредѣленія обозначаются прилагательными, при глаголѣ — нарѣчіями, таковы: необходимо, случайно, возможно, невозможно, истинно, ложно. Когда эти опредѣленія касаются самаго способа соединенія подлежащаго и сказуемаго, тогда получается настоящее модальное сужденіе (с. IX).

Анализуя его, Пселлъ допускаетъ шесть видовъ, согласно указаннымъ выше основаніямъ, и изъ нихъ особенно останавливается на сужденіяхъ необходимыхъ, случайныхъ, возможныхъ, невозможныхъ, предлагаетъ таблицу въ родѣ вышеприведенной для нагляднаго обозначенія ихъ отношеній (с. X) и указываетъ условія равносильности ихъ (с. XI) (здѣсь кончается 1-я книга).

Итакъ Пселлъ начинаетъ свой синопсисъ ученіемъ о сужденіяхъ или предложеніяхъ. Слѣдуетъ затѣмъ изложеніе содержанія Введенія Порфирія. Universale получаетъ значеніе реальное: оно относится къ самому бытію вещи, какъ praedicabile (τὸ κατηγορικόν), происхожденіе же имѣетъ субъективное (Lib. II, с. 1). Въ анализѣ пяти всеобщихъ сказуемыхъ (рода, вида, различія, свойственнаго признака, случайнаго), ихъ значеній и взаимныхъ отличій, Пселлъ слѣдуетъ Порфирію и Боэцію, котораго даже цитируетъ въ одномъ мѣстѣ (с. IV, Lib. II) — с. II — VII, Lib. II.

Чтобъ подготовить почву для ученія о категоріяхъ, Пселлъ въ προθεωρίαι разсматриваетъ различные виды словъ высказываемыхъ о пред-

етахъ (омонимы, синонимы, паронимы) (с. I, Lib. III), далѣе, десять способовъ пребыванія чего-либо въ чемъ-либо (с. II) и предлагаетъ общія замѣчанія, касающіяся предметовъ и свойствъ, различія разнородныхъ предметовъ, подчиненныхъ родовъ (с. III). Самыя категоріи дѣлятся вообще на два рода: сущность и то что къ ней прилагается (с. IV), послѣ чего слѣдуютъ замѣтки о каждой категоріи въ частности (с. V—IX).

Въ отдѣлѣ ὑποθεωρίαι, соотвѣтствующей схоластическимъ postpraedicamenta, Пселлъ дѣлаетъ дополнительныя замѣчанія о взаимныхъ отношеніяхъ категорій. Онѣ могутъ противополагаться на четыре способа: относительно, отрицательно, противно, противорѣчиво (с. X). Однѣ изъ нихъ могутъ предварять или логически предполагать другихъ (с. XI), одно бытіе можетъ быть вмѣстѣ съ другимъ (с. XII). Замѣчаніемъ о шести родахъ движеній (с. XIII) и семи родахъ имѣнія (τοῦ ἔχειν) (с. XIV) онъ заканчиваетъ III-ю книгу.

Слѣдуетъ ученіе о силлогизмахъ и прежде всего упоминается о посылкахъ, о терминахъ и объясняется значеніе κατὰ παντός и κατὰ μηδενός (dictum de omni et de nullo) — с. I, Lib. IV. Опредѣленіе силлогизма дается въ духѣ Аристотеля; затѣмъ повторяются его же опредѣленія терминовъ: большаго, средняго и меньшаго, и силлогистической фигуры (с. II). Въ первой фигурѣ Пселлъ насчитываетъ девять τρόποι (modi), т. е. пять способовъ силлогизаціи по четвертой фигурѣ относятся имъ къ первой (с. III). Нововведеніемъ въ ученіи о силлогистическихъ фигурахъ (вторая изложена въ IV и третья въ V главахъ) были названія различныхъ τρόποι силлогистическихъ фигуръ. Они перешли и въ Западную логику и употребительны въ ней даже до настоящаго времени, только согласные греческіе звуки были замѣнены на Западѣ латинскими. Названія для первой фигуры у Пселла слѣдующія:

Γράμματα, ἔγραφε, γραφίδι, τεχνικός, для Θеофрастовскихъ же τρόποι: Γράμμασιν, ἔταξε, χαρίσι, πάρθενος, ἱερὸν.

Для второй фигуры: ἔγραφε, κάτεχε, μέτριον, ἄχολον.

Для третьей: ἅπασι, σθεναρὸς, ἰσάκις, ἀσπίδι, ὁμαλὸς, φέριστος.

Эти слова въ каждой фигурѣ образуютъ предложенія, имѣющія смыслъ и потому они могли служить (лучше латинскихъ названій) для мнемоническихъ цѣлей. Знаки Аристотелевскихъ τρόποι первой фигуры значатъ: письмена написалъ перомъ ученый; знаки Θеофрастовскихъ: письменами принесла граціямъ дѣва священный подарокъ; знаки второй фигуры — написалъ: содержи умѣренное безгнѣвное (сердце), знаки третьей: для всѣхъ мужественный (человѣкъ), подобно щиту, равно наилучшій.

Указанныя мнемоническія предложенія не находятся въ изданіи Эгингера, по которому мы излагаемъ Пселла, но Прантль свидѣтельствуетъ

(Gesch. der Logik. B. II, 275), что они дѣйствительно находятся на поляхъ Аугсбургской рукописи, съ которой Эгингеръ печаталъ σύνοψις и написаны такою же рукою, какъ и текстъ, такъ что удивительно, какъ они не были имъ отпечатаны. Слова эти должны были облегчать памяти запоминаніе порядка посылокъ въ каждомъ τρόπος. Каждая гласная имѣетъ свое значеніе: именно A означаетъ общеутвердительное сужденіе, E общеотрицательное, I частно утвердительное, E частно отрицательное.

Далѣе Пселлъ разсуждаетъ о невозможныхъ соединеніяхъ посылокъ (с. VI). По примѣру Аристотеля, онъ предлагаетъ ученіе о различныхъ модальныхъ силлогизмахъ, происходящихъ изъ соединенія сужденій возможныхъ, дѣйствительныхъ и необходимыхъ (с. VII). Слѣдуютъ силлогизмы гипотетическіе, раздѣляемые у него на простые и сложные, послѣдніе могутъ быть или условные или раздѣлительные. Условныхъ два вида, раздѣлительныхъ три, простыхъ гипотетическихъ также три (с. VIII).

Пятая книга начинается вопросомъ о нахожденіи въ доказательствахъ средняго термина (с. 1 Lib. V). Послѣ опредѣленія различныхъ значеній λόγος, причемъ Пселлъ останавливается на его значеніи какъ средняго термина, чрезъ который выводится заключеніе (с. II), онъ занимается эпихиремою, наведеніемъ, энтимемою и примѣромъ, во всемъ слѣдуя Аристотелю (с. III). Въ послѣдующихъ главахъ излагаются τόποι. Это своего рода топика, образовавшаяся главнымъ образомъ на анализѣ Ѳемистія, какъ утверждаетъ Прантль (Gesch. der Logik. B. II, 279 прим. 64). Съ подобными же loci мы встрѣчались выше у Абеляра. Пселлъ раздѣляетъ ихъ на высшія общія мѣста (аксіомы) и общія мѣста, касающіяся различія аксіомъ. Послѣднія раздѣляются на внутреннія, внѣшнія, среднія (с. IV). Первыя основываются на разсмотрѣніи сущности или того, что подобно ей: опредѣленіе с. V, описаніе с. VI, истолкованіе с. VII, цѣлое и части с. VIII, причина и дѣйствіе с. IX, происхожденіе с. X, уничтоженіе с. XI, употребленіе с. XII, совмѣстное слѣдованіе с. XIII. Внѣшнія мѣста — противныя положенія (с. XIV), сравнительное количество (с. XV), подобіе (с. XVI), сравненіе (с. XVII), перенесеніе значенія (с. XVIII), утвержденіе на авторитетѣ (с. XIX), противоположное (с. XX). Среднія мѣста — связь одного положенія съ другимъ, предлоги, дѣленіе (сс. XXI—XXIV).

Къ топикѣ же относится у Пселла рядъ замѣчаній о значеніи (περὶ σημασίας), которыя въ латинской логикѣ выработались въ особый отдѣлъ, повторявшійся во всѣхъ западныхъ логикахъ подъ названіемъ de terminorum proprietatibus. Такъ какъ предметъ имѣетъ или всеобщій или частный характеръ, то означающія слова могутъ быть или всеобщія или частныя. Самыя значенія ихъ могутъ касаться или сущности предмета,

каковой смыслъ имѣютъ имена существительныя, или чего либо только прилагаемаго къ предметамъ (имена прилагательныя). Имена существительныя подстановляются (λέγονται ὑποτιθέναι), прилагательныя—слагаются, (связываются). Можно подстановлять одинъ существительный терминъ вмѣсто другого, вмѣсто частнаго — общій и это дѣйствіе называется (ὑπόθεσις). Напр. говорятъ: человѣкъ бѣжитъ, — терминъ человѣкъ подстановляется вмѣсто Сократъ, Платонъ и другихъ названій. Какъ подстановленіе можетъ быть въ именахъ существительныхъ, такъ связываніе въ именахъ прилагательныхъ (συμπλοκή) (с. XXV).

Подстановленіе можетъ быть общее и опредѣленное. Общее производится съ помощію общаго термина (напр. человѣкъ), частное чрезъ опредѣленный терминъ (Сократъ — этотъ человѣкъ). Въ свою очередь общее раздѣляется на природное и случайное (φυσική и κατὰ συμβεβηκός): природное состоитъ въ замѣнѣ частныхъ названій родовымъ, случайное простирается только на отдѣльныя частныя значенія въ общемъ понятіи (напр. «человѣкъ есть» можетъ замѣнять названія людей существующихъ, «человѣкъ былъ» можетъ употребляться вмѣсто названія людей жившихъ и т. п.). Случайное подстановленіе можетъ быть простое и личное (προσωπική); Первое состоитъ въ замѣнѣ общимъ понятіемъ вещи, имъ обозначаемой (напр. человѣкъ есть видъ), и также имѣетъ нѣсколько подраздѣленій. Личное подстановленіе есть употребленіе общаго термина вмѣсто отдѣльныхъ предметовъ, подъ нимъ содержащихся, и можетъ быть опредѣленнымъ и смѣшаннымъ, т. е. понятіе общее, опредѣленно или неопредѣленно выраженное, имѣетъ, не смотря на свою иногда неопредѣленность, твердое значеніе и сужденіе изъ него составленное бываетъ вѣрно. Смѣшанное подстановленіе бываетъ, когда берется общій терминъ (съ прямымъ означеніемъ, что онъ берется всецѣло) вмѣсто многихъ частныхъ, напр. въ предложеніи — всякій человѣкъ есть животное — слово человѣкъ съ означеніемъ «всякій» подстановляется вмѣсто множества отдѣльныхъ людей. Смѣшанность подстановленія можетъ вытекать или изъ самаго характера означенія (напр. вслѣдствіе того, что къ понятію прилагается слово всякій), или изъ анализа самой вещи (напр. всякій человѣкъ есть животное; здѣсь терминъ «человѣкъ» подстановляется вмѣсто всѣхъ отдѣльныхъ людей, потому что тутъ сказано всякій, и съ другой стороны, этотъ же терминъ можетъ подставляться потому, что всякій человѣкъ двигается и дышитъ, слѣдовательно, имѣетъ въ себѣ принадлежности животнаго lib. V, XXVI). Остальную часть главы 26-й равно какъ и 27-й Пселлъ посвящаетъ рѣшенію противорѣчія между смѣшаннымъ подстановленіемъ и простымъ. Заключительная XXVIII глава содержитъ въ себѣ σκιαγραφία τῶν τόπων, т. е. наглядную таблицу ихъ.

Рукопись оканчивается анализомъ подстановленія, но очевидно, что въ синопсисѣ должно было быть ученіе о связываніи (συμπλοκή), чего между тѣмъ въ рукописи нѣтъ. Изъ латинскихъ переводовъ его, съ которыми мы познакомимся ниже, можно пополнить это недостающее. Во всякомъ случаѣ трудъ Пселла доказываетъ, что Византія продолжала трудиться для логики на основахъ Аристотелевскаго Органона, но что вмѣстѣ съ тѣмъ направленіе этихъ трудовъ было въ высшей степени формалистическое. Тѣмъ неменѣе синопсисъ пришелся по вкусу западной схоластикѣ и имѣлъ огромное вліяніе на логическія работы второй половины XIII-го и послѣдующихъ вѣковъ до XVI столѣтія.

Вильгельмъ Шервудъ и Петръ Испанецъ.

Общепринятымъ мнѣніемъ прежде было то, что синопсисъ Пселла въ первый разъ сдѣлался извѣстнымъ на Западѣ чрезъ переводъ Петра Испанца. Но Прантль открылъ въ Парижской библіотекѣ рукопись, изъ которой видно, что за нѣсколько десятковъ лѣтъ до Петра онъ былъ извѣстенъ уже на Западѣ. Рукопись эта (неизданная еще) содержитъ въ переработанномъ видѣ нечто иное, какъ синопсисъ Пселла (t. II 264 p.). Авторъ этого труда былъ Вильгельмъ Шервудъ (Guelliemus de Schyrwode).

Онъ умеръ 1249 года, былъ канцлеромъ въ Линкольнѣ и учился въ Оксфордскомъ университетѣ. Въ его трудѣ уже встрѣчаются мнемоническія слова для означенія видовъ силлогизмовъ, которыя обыкновенно приписывались Петру Испанцу. Затѣмъ, у него же мы находимъ главу о proprietates terminorum, что̀ у Пселла названо περὶ σημασίας. Сомнѣнія въ томъ, что ранѣе Петра синопсисъ сдѣлался извѣстнымъ схоластикѣ, быть не можетъ. Какимъ образомъ онъ могъ сдѣлаться извѣстнымъ Западу — это легко понять, если вспомнить, что крестовые походы имѣли слѣдствіемъ распространеніе знанія греческаго языка и нѣкоторыхъ греческихъ сочиненій на Западѣ. Овладѣвъ Константинополемъ въ 1204 г. и основавъ въ немъ латинское Царство, латиняне естественно могли ознакомиться со многими греческими сочиненіями по философіи, такъ много занимавшей тогдашнихъ схоластовъ. Что въ началѣ XIII столѣтія были оживленныя ученыя сношенія Запада съ Востокомъ — показываетъ просьба папы Иннокентія III къ парижскому университету о посылкѣ на Востокъ ученыхъ, въ нравахъ и наукѣ похвальныхъ, равно какъ устройство французскимъ королемъ Филиппомъ Августомъ въ Парижѣ collegium Constantinopolitanum. Трудъ Пселла легко могъ дойти

до Шервуда, который притомъ былъ учителемъ въ Парижѣ, и имъ обработанъ для школъ.

Но хотя синопсисъ былъ извѣстенъ Западу и до Петра Испанца, однако, честь его распространенія и сообщенія ему окончательной формы, подъ которою зналъ его образованный Западъ въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ и въ которой онъ изучалъ его, принадлежитъ именно этому ученому. Его Summulae вытѣснили всѣ до него употреблявшіяся руководства по логикѣ; ученые ихъ комментировали, изучали, дополняли и по ихъ образцу писали всѣ логическія сочиненія XIV и XV вѣковъ. О распространеніи этого труда достаточно сказать, что въ продолженіи перваго 50-ти лѣтія со времени изобрѣтенія книгопечатанія было гораздо болѣе сорока восьми изданій (перечислены у Прантля. Т. III, p. 34—40).

Петръ Испанецъ (Petrus Hispanus) былъ современникъ Ѳомы Аквината. Онъ жилъ 1224 до 1277 г., слѣдовательно, умеръ только тремя годами позже Аквината. Положеніе его какъ папы (Іоаннъ XXI), вѣроятно, много способствовало распространенію его сочиненія. Его логическій трудъ извѣстенъ подъ названіемъ Summulae или Tractatus. По одному счету ихъ семь, по другому двѣнадцать: именно 1) о сужденіи, 2) antepraedicamenta (или quinque voces Порфирія), 3) категоріи, 4) силлогизмы, 5) топика, 6) ложныя умозаключенія, 7) седьмой трактатъ называется общимъ именемъ Terminorum proprietates и подраздѣляется на шесть отдѣльныхъ трактатовъ: 1) подстановленіе, suppositio, 2) распространеніе—ampliatio, 3) названіе, appellatio, 4) ограниченіе, restrictio, 5) распредѣленіе, 6) exponibilia.

Иногда подраздѣленія tractatus de terminorum proprietatibus считались за отдѣльные трактаты и тогда summulae назывались tractatus duodecem. Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ даже выпускались цѣлые трактаты, напр. въ находящемся у насъ подъ рукою выпущенъ трактатъ Exponibilia (Viri doctrinativi Petri Hispani Summulae sive isagoge in aristotelicos dyalectice libros cura pervigili revise atque mendis quibus scatebant erepte. Impresse Colonie in officina (felicis memorie) Henrici Quentel 1502 г. Изданіе это у Прантля не указано). Въ другомъ изданіи съ комментаріями, которымъ мы пользовались также, трактатъ Exponibilium есть (Copulata pro elucidatione sex tractatuum Petri Hispani, etiam parvorum logicalium ejusdem et trium modernorum textui perquam solerter inserta. Ex officina liberorum Quentel 1507. Но трактаты о terminorum proprietatibus въ счетъ здѣсь не введены. Это изданіе упомянуто у Прантля t. III 36. подъ лит. t.

Синопсисъ Пселла вошелъ всецѣло въ логику Петра Испанца: онъ

почти дословно переведенъ послѣднимъ. Въ первомъ трактатѣ почти слово въ слово излагается содержаніе первой книги синопсиса, т. е. понятіе о діалектикѣ, ея польза, опредѣленіе звука, слова, имени, глагола, рѣчи (oratio). Говоря о рѣчи, Петръ Испанецъ къ изъявительной, повелительной, желательной и сослагательной формамъ Пселла присоединяетъ молительную (deprecativa). Предложеніе раздѣляется также точно, какъ и у Пселла, на категорическое и гипотетическое, по количеству и качеству. Слѣдуетъ ученіе о противоположеніи сужденій и правила, данныя у Пселла относительно превращенія ихъ, излагаются въ слѣдующихъ мнемоническихъ стихахъ:

Feci simpliciter convertitur, Eva per acci
Asto per contra, sic fit conversio tota.
Asserit A, negat E sunt universaliter ambae;
Asserit J, negat O sunt particulariter ambae.

При анализѣ гипотетическаго сужденія повторяется все, сказанное у Пселла. Въ ученіе о равносильности (aequipollentia) сужденій опять внесены подобные же стихи, чтобъ легче было запомнить правила ея:

Non omnis, Quidam non. Omnis non quasi nullus.
Nonnullus, quidam; sed nullus non valet omnis.
Non aliquis nullus. Non quidam non valet omnis.
Non alter, neuter. Neuter non praestat uterque.

Ученіе о модальныхъ сужденіяхъ и ихъ противоположеніи, по примѣру Пселла, изображенное въ особой таблицѣ, также заканчивается слѣдующими стихами, ее поясняющими:

Tertius est quarto semper contrarius ordo
Sit tibi linea subcontraria prima secundae;
Tertius est primo contradictorius ordo;
Pugnat cum quarto contradicendo secundus:
Prima subest quartae vice particulari habens se
Hac habet ad seriem se lege secunda sequentem
Ordo subalternus sit primus sive secundus *).

Во второмъ трактатѣ, соотвѣтствующемъ II книгѣ синопсиса, къ тому, что положено въ послѣдней, присоединяется arbor porphyriana. Такъ какъ и до настоящаго времени оно повторяется въ логикахъ, то

*) Въ другомъ изданіи, тоже Кельнскомъ, которымъ мы пользовались, этихъ стиховъ нѣтъ.

мы представимъ его здѣсь. Цѣль его показать отношеніе родовъ, видовъ, индивидуумовъ:

Substantia

corporea — incorporea

corpus

animatum — inanimatum

sensibile — insensibile

animal

rationale — irrationale

animal rat'onale

homo

Johannes. Henricus. Nicolaus. Petrus.

Тоже стремленіе изобрѣтать мнемоническіе знаки, облегчающіе запоминаніе трудностей, обнаруживается и въ ученіи о категоріяхъ, составляющемъ третій трактатъ. Говоря о восьми родахъ существованія въ чемъ либо (octo modi essendi in), Петръ Испанецъ приводитъ слѣдующіе стихи:

Insunt: pars, totum, genus et species, calor igni.
Rex in regno, res in fine, locoque locatum.

По установившейся уже на Западѣ терминологіи, трактатъ о категоріяхъ раздѣляется на ученіе объ antepraedicamenta, praedicamenta и postpraedicamenta.

Въ четвертомъ трактатѣ, соотвѣтствующемъ 4-й книгѣ Пселла, излагается ученіе о силлогизмахъ и здѣсь мы встрѣчаемъ уже терминъ praemissae (посылки). Порядокъ фигуръ изображается опять въ слѣдующихъ стихахъ:

Prima prius subjicit medium, post praedicat ipsum,
Altera bis dicit, tertia bis subjicit ipsum,
или: sub (т. е. subjicit) prae (praedicat) prima. Secunda prae bis
Sed tertia sub bis *)

Правила соединенія посылокъ тѣже какъ и у Пселла; въ Summulae они повторяются въ слѣдующихъ стихахъ:

Partibus ex puris sequitur nil sive negatis;
Si qua praeit partis, sequitur conclusio partis;
Si qua negata praeit, conclusio sitque negata;
Lex generalis erit:medium concludere nescit.

Названія modus'овъ въ фигурахъ латинскія, причемъ гласныя употребляются въ томъ же значеніи, съ какимъ онѣ употреблены были у Пселла.

---

*) Этотъ стихъ мы нашли въ Кельнскомъ изданіи 1507. У Прантля его нѣтъ. Gesch. der Logik. P. III, p. 48.

Они, какъ говорили мы выше, встрѣчаются уже у Вильгельма Шервуда, слѣдовательно, несправедливо до сего времени въ логикахъ приписывали ихъ происхожденіе Петру. Вотъ какъ они называются въ Summulae: для первой фигуры: Barbara, Celarent, Darii, Ferio; слѣдуютъ Θеофрастовскіе modi: Baralipton (въ новыхъ логикахъ Bamalip), Celantes, Dabitis, Sapesmo, Frisesomorum, для второй фигуры: Cesare, Camestres, Festino, Baroco, для третьей: Darapti, Felapton, Disamis, Datisi, Bocardo, Ferison.

VI, VII и VIII главы синопсиса: о безполезномъ сочетаніи терминовъ, смѣшеніи силлогизмовъ, о гипотетическихъ силлогизмахъ опущены въ Summulae. Правила превращенія силлогизмовъ опущены въ изданіи Кельнскомъ 1502, но помѣщены въ изданіи 1507 года.

Въ пятомъ трактатѣ излагается содержаніе топики Пселла. 1-я глава V книги синопсиса — объ изобрѣтеніи средняго термина въ Summulae опущена и трактатъ начинается указаніемъ различныхъ значеній ratio (λόγος). Слѣдуетъ опредѣленіе способовъ доказыванія и исчисленіе общихъ мѣстъ (loci) почти дословно по Пселлу.

Шестой трактатъ излагаетъ содержаніе первыхъ 15-ти главъ Аристотелевской книги — о софистическихъ доказательствахъ. Summulae даютъ опредѣленія силлогизмовъ и основывающихся на нихъ способовъ разсужденій — научныхъ, діалектическихъ. Софистическія доказательства раздѣляются по цѣли своей на пять родовъ, по способу веденія — на тринадцать видовъ софизмовъ: шесть in dictione и семь extra dictionem. Этого отдѣла нѣтъ у Пселла. Но такъ какъ Петръ Испанецъ излагаетъ ученіе о софистикѣ на основаніи греческихъ источниковъ, конечно, бывшихъ доступными и Пселлу, то мы съ вѣроятностію можемъ полагать, что и этотъ отдѣлъ былъ взятъ изъ недошедшей до насъ части его синопсиса.

Затѣмъ слѣдуетъ ученіе о suppositione — подстановленіи, составляющемъ предметъ седьмаго и восьмаго трактатовъ. Какъ мы видѣли выше, весь рядъ трактатовъ (съ 7-го по 12-й) въ иныхъ изданіяхъ составляетъ одинъ цѣлый трактатъ de terminorum proprietatibus. Съ Петра Испанца этотъ пунктъ становится любимымъ предметомъ изслѣдованій схоластовъ. Теперь, конечно, воспитавшись въ другихъ понятіяхъ, вкусахъ и привычкахъ мышленія, мы не можемъ не удивляться, какъ люди, обладавшіе въ высокой степени интенсивнымъ умомъ, могли въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій заниматься, по видимому, ни къ чему не ведущими тонкостями, съ современной точки зрѣнія даже прямо безсмысленными. Но если мы хорошенько вдумаемся въ этотъ кругъ изслѣдованій, то увидимъ, что для того времени онъ имѣлъ свой смыслъ. Вспомнимъ, что тогдашнее образованіе имѣло исключительно Богословскій характеръ. Богословіе не

можетъ не придавать значенія точному выраженію догматовъ вѣры и правильному ихъ опредѣленію. Будучи слугою Церкви, философія должна была удовлетворить этой потребности строгою теоріей точнаго обозначенія мысли. Но мысль выражается въ словахъ — терминахъ, подъ которыми и разумѣлись въ средніе вѣка понятія, обозначенныя словами. При различныхъ способахъ выраженія мысли, въ какихъ случаяхъ можно замѣнять одинъ терминъ другимъ въ предложеніи (suppositio), когда можно расширять и ограничивать значеніе его (ampliatio, restrictio), какихъ правилъ держаться при именованіи или распредѣленіи признаковъ по предметамъ (appellatio, distributio)—вотъ вопросы, которые имѣли свой глубокій смыслъ для средневѣковаго мыслителя. Итакъ, характеръ образованія въ то время дѣлалъ подобныя изслѣдованія совершенно естественными и необходимыми. Съ другой стороны, точка зрѣнія схоластической логики на логическіе пріемы мышленія была въ сущности логико-грамматическая. Какъ и у Аристотеля, въ схоластическомъ ученіи о категоріяхъ, предложеніяхъ, въ топикѣ грамматическіе интересы и взгляды были перемѣшаны съ логическими. Съ этой точки зрѣнія было весьма интересно изслѣдовать proprietates terminorum, т. е. въ какихъ случаяхъ и какъ нужно съ ними обращаться. Эти логико-грамматическія изслѣдованія имѣли притомъ ближайшую непосредственную цѣль. По примѣру Аристотеля, средневѣковая логика считала своею обязанностію не только указать софизмы, но и разрѣшать ихъ, т. е. указать, почему и въ чемъ они ложны. А такъ какъ они основывались на неправильностяхъ и двусмысленностяхъ въ выраженіи мысли, т. е. въ терминахъ рѣчи и ихъ сочетаніяхъ, то для основательнаго разрѣшенія софизмовъ необходимы были изслѣдованія свойствъ терминовъ. Такимъ образомъ эти отдѣлы логики, кажущіеся Прантлю доказательствомъ безсмыслія, безпомощной глупости среднихъ вѣковъ и особенно Византіи, откуда былъ данъ первообразъ ихъ, имѣли свой смыслъ, оправдывались духовными потребностями и вкусами эпохи.

Содержаніе седьмого трактата de suppositione есть повтореніе XXV, XXVI и XXVII главъ синопсиса Пселла. Въ нихъ разсматривалось, въ какихъ случаяхъ возможно подстановленіе одного термина предложенія вмѣсто другого. Поэтому, чтобъ не повторять сказаннаго уже выше, мы перейдемъ къ восьмому трактату, содержаніе котораго по всей вѣроятности также входило въ сочиненіе Пселла, но до насъ не дошло.

Въ немъ разсматривается, какого рода подстановленіе можетъ быть дѣлаемо съ терминами относительными (suppositio relativorum). Они двухъ родовъ: относительныя сущности (relativa substantiae) и относительныя свойства (relat. accidentis), т. е. могущіе замѣнять названіе сущности, напр. qui, ille, и замѣняющіе названіе свойствъ, напр. talis,

qualis, tantus, quantus. Первые могутъ означать или тожество (qui, idem) или различіе (alius): напр. бѣжитъ Сократъ, который разсуждаетъ, здѣсь слово «который» поставлено вмѣсто Сократа и есть relativum substantiae и при томъ identitatis. Между относительными мѣстоименіями, относящимися къ relativa substantiae, различаются возвратныя: себѣ, себя, притяжательныя: свой, своя. Указывая случаи употребленія такихъ относительныхъ именъ вмѣсто названій предметовъ, Петръ Испанецъ видитъ смыслъ ихъ въ сообщеніи рѣчи ясности. Затѣмъ онъ указываетъ правило, которое слѣдуетъ наблюдать при употребленіи относительныхъ именъ, указывающихъ на различіе (relativa diversitatis).

Чрезъ relativa accidentis мы относимъ къ вещамъ названія другихъ вещей, напр. Сократъ есть животное и таковое же Платонъ. Тогда какъ относительное сущности означаетъ тожественность по числу, относительное свойства означаетъ тожественность по виду: (Сократъ бѣлъ и таковъ же Платонъ). И этотъ родъ относительныхъ раздѣляется на relativa identitatis и diversitatis.

Ampliatio (расширеніе) и restrictio (ограниченіе) Summulae понимаютъ, какъ виды подстановленій личныхъ (suppositio personalis, о которомъ говорили мы еще при обзорѣ синопсиса Пселла). Ограниченіе есть уменьшеніе объема значенія термина чрезъ присоединеніе ограничивающаго прилагательнаго: напр. бѣлый человѣкъ бѣжитъ, прилагательное бѣлый ограничиваетъ значеніе слова человѣкъ. Расширеніе есть распространеніе термина: напр. человѣкъ можетъ быть Антихристомъ. Расширеніе производится или съ помощію глагола — можетъ, или имени прилагательнаго — возможно, можетъ простираться на понятіе или на время (напр. человѣкъ необходимо есть животное). Здѣсь, какъ и при анализѣ подстановленія, даются правила и разрѣшается на основаніи ихъ одинъ изъ софизмовъ.

Ученіе о расширеніи составляетъ содержаніе девятаго трактата, объ именованіи—десятаго. Именованіе est accepti termini pro re existente. Оно отличается отъ подстановленія тѣмъ, что всегда имѣетъ дѣло съ дѣйствительно существующимъ предметомъ, тогда какъ подстановленіе можетъ простираться и на предметы воображаемые. Именованіе можетъ быть общее и частное (человѣкъ, Сократъ) и подраздѣляться еще частнѣе.

Ограниченіе (restrictio), излагаемое въ одиннадцатомъ трактатѣ, есть съуживаніе (coarctatio) значенія общаго термина, сообщеніе ему менѣе общаго значенія вмѣсто болѣе общаго. Одни ограниченія производятся чрезъ имена (напр. человѣкъ бѣлый, словомъ бѣлый ограничивается значеніе общаго термина—человѣкъ), другія чрезъ глаголы: человѣкъ бѣжитъ, третьи чрезъ причастія, чрезъ вводныя предложенія, напр. чело-

вѣкъ, который бѣлъ, бѣжитъ. Ограниченія чрезъ имена производятся иногда чрезъ придачу видового имени къ родовому (животное-человѣкъ бѣжитъ), иногда же чрезъ придачу существеннаго признака или случайнаго свойства. Слѣдуютъ за тѣмъ правила относительно ограниченій чрезъ имена, напр. чтобъ ограничивающія подробности, вмѣсто ограниченія, не уничтожали понятія, ни расширяли его и т. д., правила относительно ограниченія чрезъ глаголы. Послѣ разрѣшенія одного софизма, (Omne animal fuit in archa Noae; sed Caesar fuit animal; ergo Caesar fuit in archa Noae), разсматривается вопросъ: простирается ли ограниченіе одинаково, какъ на утвердительныя, такъ и отрицательныя предложенія.

Содержаніе двѣнадцатаго трактата составляетъ ученіе о распредѣленіи (distributio): оно есть умноженіе общаго термина, произведенное чрезъ общій знакъ (multiplicatio termini communis per signum universale facta), напр. говоря—всякій человѣкъ, словомъ всякій мы распредѣляемъ названіе человѣкъ по предметамъ, подчиненныхъ ему. Но распредѣлять можно только общій терминъ: нельзя сказать—всякій Сократъ, или всякій Платонъ. Изъ всеобщихъ знаковъ одни суть распредѣлительные сущности (distributiva substantiae): напр., всякій, никакой, другіе — распредѣлительные случайныхъ свойствъ (d. accidentium), напр. какой нибудь, какъ ни великъ (qualiscunque, quantuscunque). Первые раздѣляются на означающіе или части предмета, напр., цѣлый, или объемъ понятія (авторъ называетъ его partes subjectivae, т. е. представляетъ себѣ родъ какъ бы состоящимъ изъ частей, т. е. различныхъ предметовъ ему подчиненныхъ), напр. всякій, никакой, и притомъ знаки, обозначающіе объемъ, могутъ указывать на два предмета: оба, ни тотъ ни другой, или на многіе: никакой, всякій. Затѣмъ въ подробности трактуется о каждомъ изъ указанныхъ знаковъ: omnis, nullus, uterque, neuter, totus. Анализомъ авторъ пользуется для разрѣшенія многихъ софизмовъ.

Кельнское изданіе 1507 года кончается трактатомъ о распредѣленіи. Но схоластики приписывали также Петру Испанцу и трактатъ exponibilium, и во многихъ изданіяхъ онъ присоединенъ къ изложеннымъ выше трактатамъ. Въ Кельнскомъ же изданіи 1502 года, принадлежащемъ Императорской публичной библіотекѣ, которымъ также мы пользовались, онъ именуется прямо: tractatus exponibilium Petri Hispani. Вѣроятно, не мало внесено въ него позднѣйшими схоластами и можетъ быть, многіе въ началѣ XVI-го столѣтія сомнѣвались въ подлинности его, отчего онъ то присоединялся къ другимъ трактатамъ, то исключался. Мы разсмотримъ его здѣсь же, потому что для рѣшительнаго исключенія его изъ summulae мы не имѣемъ пока рѣшительныхъ основаній.

Смыслъ этого трактата слѣдующій: многія предложенія имѣютъ не совсѣмъ ясный смыслъ, потому что въ нихъ есть добавочныя опредѣлительныя слова (syncathegoremata, т. е. опредѣлительныя и дополнительныя слова въ предложеніи) и потому нуждаются въ разъясненіи. Такія предложенія называются exponibilia, т. е. требующія истолкованія. (Propositio exponibilis est propositio habens obscurum sensum expositione indigentem propter aliquod sencathegorema explicite positum, vel in aliqua dictione inclusum); напр. только человѣкъ есть животное, Сократъ начинаетъ быть бѣлымъ *), линія безконечна. Знаки, вслѣдствіе внеденія которыхъ предложеніе становится требующимъ истолкованія, весьма различны: есть знаки исключающіе (только), изъимающіе (кромѣ), усиливающіе (во сколько разъ), указывающіе начинаніе (начинаетъ), отсутствіе конца (безконечное), увеличеніе (имена сравнительной и превосходной степени), различіе, способъ распредѣленія.

Чтобъ не утомлять читателя подробностями, мало интересными и притомъ утомительными, мы представимъ одинъ обращикъ того, въ какомъ родѣ разработывался tractatus exponibilium, и для этой цѣли остановимся на первомъ пунктѣ, именно на знакахъ исключенія. Весь смыслъ этого отдѣла заключается въ указаніи, какъ истолковывать неясныя предложенія, въ которыхъ неясность происходитъ отъ внесенія разныхъ дополнительныхъ и ограничительныхъ словъ. Истолковывать значитъ замѣнять менѣе ясное предложеніе болѣе яснымъ Въ случаѣ, когда предложеніе содержитъ въ себѣ знаки исключенія, нужно знать, какъ слѣдуетъ излагать его, чтобъ сдѣлать болѣе яснымъ.

Знаки исключенія суть тѣ, которые по значенію своему въ предложеніи указываютъ на исключеніе, таковы: только, пока-чего и т. п. Иногда они исключаютъ alietatem (т. е. все, что инаково, чуждо тому, о чемъ трактуется въ предложеніи), иногда — множество и притомъ помѣщаются безъ отрицанія, иногда же съ отрицаніемъ. Правила для истолкованія въ этомъ случаѣ суть слѣдующія: 1) предложеніе исключающее, но не содержащее въ себѣ отрицанія, истолковывается соединительнымъ предложеніемъ (copulativa—видъ условныхъ), въ которомъ первая часть (antecedens) содержитъ въ себѣ утвержденіе, вторая же есть отрицательная, отрицающая сказуемое отъ всего, что не есть подлежащее. Предложеніе: только человѣкъ разуменъ, истолковывается такъ: человѣкъ разуменъ и все иное, кромѣ человѣка, не есть разумное (tantum homo est rationalis, id est: homo est rationalis et nihil aliud ab homine est ratio-

*) Вездѣ примѣры мы беремъ изъ самаго текста.

nale). По второму правилу, такое исключающее предложеніе можно замѣнять соединительнымъ, состоящимъ изъ двухъ предложеній, напр. только человѣкъ бѣжитъ, т. е. человѣкъ бѣжитъ и все другое не бѣжитъ. По третьему правилу, утвердительно — исключающее предложеніе можетъ замѣняться общимъ утвердительнымъ по пріему превращенія, напр. только животное есть человѣкъ, т. е. всякій человѣкъ животное. По четвертому—когда исключающее сужденіе содержитъ въ себѣ отрицаніе, предваряющее утвержденіе его (т. е. когда отрицаніе поставлено такъ, что имъ опровергается слѣдующее за нимъ предложеніе), то оно можетъ замѣняться утвердительнымъ: напр. неправда, что только человѣкъ бѣжитъ, т. е. ни одинъ человѣкъ не бѣжитъ, или, нѣчто иное, чѣмъ человѣкъ, бѣжитъ. Пятое правило: исключающее сужденіе, въ которомъ за исключеніемъ слѣдуетъ отрицаніе, замѣняется положительнымъ соединительнымъ предложеніемъ, въ которомъ первая часть отрицательная, вторая утвердительная: напр. только accidens не есть сущность, т. е. accidens не есть сущность и все иное, кромѣ accidens, есть сущность.

Въ такомъ же направленіи предлагаются правила для истолкованія предложеній съ знаками изъиманія, напр. кромѣ (praeter), съ знаками усиливающими (поскольку in quantum, по чему secundum quod), указывающими начало (incipit, desinit), отсутствіе конца (infinitum), содержащими указаніе на сравнительную или превосходную степень, на различіе (differt, aliud) и наконецъ на способъ распредѣленія (totus). Но мы не станемъ утомлять читателя этими подробностями.

Таковъ былъ учебникъ, по которому училась западная Европа логикѣ въ продолженіи болѣе чѣмъ трехъ столѣтій. Положеніе Петра Испанца, какъ Папы, дало руководству ходъ, но независимо отъ извѣстности переводчика, главнѣйше самый характеръ и направленіе логическаго ученія въ Синопсисѣ Пселла и затѣмъ въ Summulae пришлись по сердцу средневѣковымъ мыслителямъ и это, конечно, прежде всего было причиною огромнаго распространенія и вліянія книги. Дѣйствительно, логическіе пріемы ума анализировались въ ней въ самомъ формалистическомъ духѣ, предлагались различенія, дѣленія, опредѣленія безъ всякой иногда мысли о практической пригодности и часто смыслѣ того, что различается, дѣлится, опредѣляется. Какъ при рѣшеніи вопросовъ догматическихъ схоластики утончали свой анализъ до невообразимыхъ подробностей, такъ и здѣсь въ Summulae они услаждались множествомъ дѣленій и подраздѣленій. Но и въ этомъ новомъ видѣ логика оставалась вѣрна преданіямъ Аристотеля и держась за внѣшній порядокъ частей его Органона, какъ бы не имѣла еще въ себѣ достаточно смѣлости, чтобъ выйти на новую дорогу. Съ другой стороны, вмѣсто того, чтобъ обособляться отъ грамма-

тики, логика еще болѣе закрѣпляла свои связи съ нею. Новое изобрѣтеніе въ Византійской логикѣ, распространенной на Западѣ чрезъ Петра Испанца, (именно трактаты de terminorum proprietatibus), только увеличило хаосъ логико-грамматическихъ понятій: мы видѣли, какъ въ трактатахъ de suppositione, ampliatione и т. д. грамматическія тонкости перемѣшаны съ логическими опредѣленіями.

Во всякомъ случаѣ, съ появленія упомянутаго труда схоластическая логика получила совершенно новый видъ. Прежде всего Органонъ Аристотеля получилъ форму краткаго учебника и подробныя изслѣдованія Аристотеля были замкнуты въ краткія опредѣленія. Что сдѣлано было толкователями комментаторами, то также было теперь систематизировано и введено въ составъ логики. Затѣмъ, къ содержанію Органона присоединился цѣлый отдѣлъ логико-грамматическихъ изслѣдованій относительно особенностей и свойствъ терминовъ, какъ составныхъ частей предложенія.

Этотъ видъ логики послужилъ канвою для логическихъ изслѣдованій въ продолженіи болѣе чѣмъ трехъ столѣтій и особенно послѣдній отдѣлъ de terminorum proprietatibus былъ значительно расширенъ и обогащенъ къ концу среднихъ вѣковъ. Но прежде чѣмъ мы познакомимся съ этимъ наростомъ, бывшимъ уже послѣднимъ на схоластической логикѣ, сообщившимъ ей окончательный видъ, остановимся на одной любопытной попыткѣ вывести ее на новый путь—сдѣлать ее логикой открытій, именно на трудахъ Раймунда Луллія. Сочиненія послѣдняго много и долго занимали собою умы средневѣковыхъ мыслителей, образовали цѣлую школу, которая до конца средневѣковой эпохи держалась рядомъ со школою Аристотелевскою, и въ своемъ родѣ тоже весьма ярко изображаютъ логическій духъ и логическія потребности эпохи.

Раймундъ Луллій.

Труды Раймунда Луллія (1234—1315) имѣютъ несомнѣнное значеніе для исторіи логики. Ихъ идея—дать въ руки каждаго руководство, пользуясь которымъ могъ бы всякій приходить къ новымъ сочетаніямъ понятій. Они имѣли цѣлью основать своего рода логику открытій. Теперь, конечно, странно видѣть, что Луллій дѣло открытія новыхъ мыслей понималъ, какъ трудъ механическій. Но если вдуматься въ направленіе тогдашняго мышленія, въ логическіе вкусы и привычки схоластики, то увидимъ, что предпріятіе его было совершенно естественно и логично. Мы видѣли, какъ у Петра Испанца весь логическій анализъ построенъ на

соотношеніи терминовъ или понятій. Смѣшивая логическіе и грамматическіе интересы въ дѣлѣ мышленія, онъ главное вниманіе обращалъ на сочетаніе терминовъ: для него мысль есть сочетаніе, сопоставленіе терминовъ въ извѣстной формѣ, въ извѣстномъ порядкѣ и болѣе ничего. Съ другой стороны, уже Аристотель далъ ходъ той мысли, что существуютъ общія точки зрѣнія, съ которыхъ можно разсуждать о какомъ угодно предметѣ, и въ своей топикѣ представилъ примѣръ, какъ многоразличны могутъ быть общія мѣста. За разработку этого пункта принялась и схоластика. Уже у Абеляра топика разрослась въ обширную систему общихъ мѣстъ, или общихъ способовъ сочетанія одного понятія съ другимъ. Благодаря вліянію Пселла, этотъ отдѣлъ еще болѣе расширился въ столь вліятельномъ руководствѣ Петра Испанца. Мало того, съ введеніемъ отдѣла de terminorum proprietatibus явилась мысль, что можно замѣнять одинъ терминъ другимъ, расширять и ограничивать ихъ значеніе, видоизмѣнять наконецъ мысли механическимъ присоединеніемъ новыхъ терминовъ, устраненіемъ нѣкоторыхъ, или новыми сочетаніями данныхъ уже терминовъ предложенія. Когда такимъ образомъ утвердилось въ умахъ пониманіе дѣла мышленія какъ какого-то механическаго процесса, то не удивительно, что въ предпріимчивой и горячей головѣ, какою былъ Раймундъ Луллій, явилась мечта: нельзя ли найти универсальные пріемы сочетанія терминовъ, и притомъ такіе, чтобъ, руководствуясь ими, каждый могъ обсуждать всевозможные вопросы, находить всевозможныя ихъ рѣшенія, слѣдовательно, имѣть въ своихъ рукахъ ключъ къ построительному процессу мышленія. Такъ какъ существуютъ высшія понятія, управляющія цѣлыми рядами низшихъ, и существуютъ также общія точки зрѣнія и общіе способы отношенія къ предметамъ, то нельзя ли отыскать основныя во всякомъ мышленіи понятія и указать правила, какъ ихъ комбинировать, дабы имѣть ключъ къ новымъ открытіямъ въ умственной области. Луллій думалъ, что все это—вещь возможная.

Прантль думаетъ, что его сочиненія имѣютъ мало отношенія къ логикѣ (Gesch. der Logik. B. III. 145). Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Какъ будто къ логикѣ имѣютъ отношеніе только тѣ книги, въ которыхъ трактуется о сужденіяхъ и силлогизмахъ. На этомъ основаніи и Баконъ, основатель индуктивной логики, не найдетъ мѣста въ исторіи логики. Во 1-хъ, сочиненія Луллія были попыткой основать науку открытій въ мышленіи, слѣдовательно, создать какъ бы новую логику. Во 2-хъ, какъ самъ онъ, такъ и школа его старались переработать школьную схоластическую логику, примѣнительно къ принципамъ первой: логику школы Луллія невозможно понять безъ его Ars magna. Соображая далѣе тотъ фактъ, что вліяніе ея простиралось даже на нашу древ-

нюю литературу и что существуетъ много переводовъ и обработанныхъ по ней (въ рукописяхъ — конечно) руководствъ, мы считаемъ себя обязанными представить здѣсь краткій анализъ идей Луллія. Мы воспользуемся при этомъ изданіемъ 1551 года: Raimundi Lullii Opera. Ed. Lâz. Zetznerus и въ основаніе анализа положимъ сочин. Ars brevis—compendium et isagoge Artis Magnae, дополняя его впрочемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ изъ Ars magna. Оно вкратцѣ передаетъ существенное содержаніе послѣдней.

Каждая наука имѣетъ свои начала и это различіе началъ побуждаетъ умъ стремиться къ самымъ общимъ принципамъ, которые могли бы служить ключемъ къ частнымъ. Ученіе объ общихъ началахъ составляетъ предметъ универсальной науки.

Она раздѣляется на слѣдующія тринадцать частей: 1) объ алфавитѣ, 2) о фигурахъ, 3) объ опредѣленіяхъ, 4) о правилахъ, 5) таблицѣ, 6) de evacuatione tertiae figurae, 7) умноженіи четвертой фигуры, 8) смѣшеніи принциповъ и правилъ, 9) о девяти субъектахъ, 10) о приложеніи, 11) о вопросахъ, 12) de habituatione, 13) о способѣ изученія этой науки.

Прежде всего предлагается алфавитъ. Смыслъ его, по мысли Луллія, состоитъ въ томъ, что въ немъ перечисляются принципы или самыя общія, трактуемыя въ наукахъ, понятія. равно какъ и самые общіе способы отношенія мышленія къ предметамъ:

Сдѣлаемъ нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній. Прежде всего здѣсь перечисляются предикаты, т. е. самыя общія сказуемыя, какъ абсолютныя (т. е. понятія, разсматриваемыя сами по себѣ, безъ всякого отношенія другъ къ другу), такъ и относительныя (т. е. понятія, возникающія изъ сравниванія и сопоставленія принциповъ). Къ числу первыхъ онъ относитъ: доброту, величину, вѣчность и т. д., ко вторымъ: различіе, согласіе, противность, начало, средину и т. д. Слѣдуетъ рядъ вопросовъ; далѣе перечисляются всевозможные субъекты, добродѣтели и пороки. Ряды озаглавливаются буквами и каждая буква есть символъ цѣлаго ряда, такъ что B означаетъ доброту, различіе, вопросъ, Бога, справедливость, скупость; C—величину, согласіе, что, ангела, благоразуміе, невоздержность, D—власть, начало, почему, человѣка, умѣренность и гордость (Ars brevis 1—2).

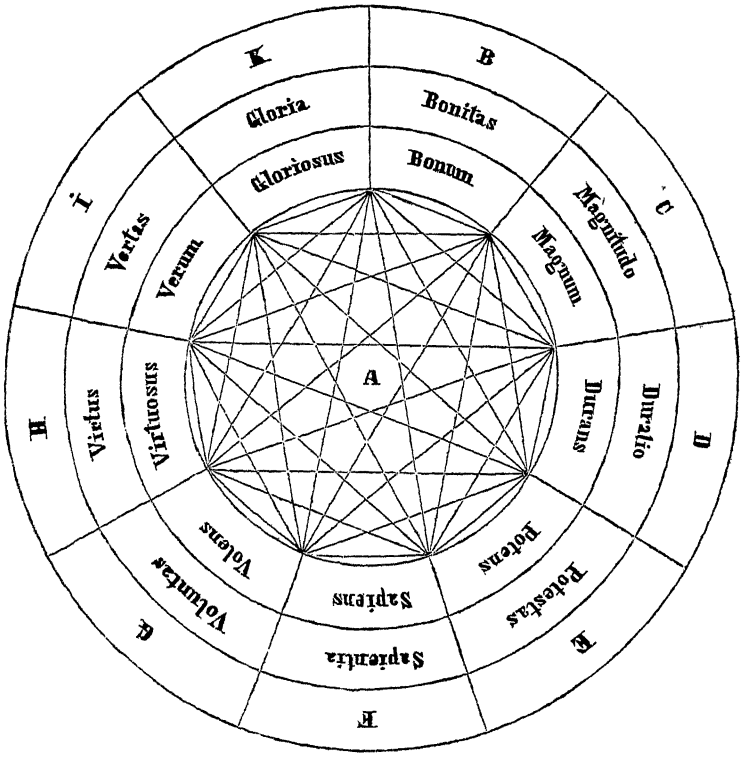
Приведенную таблицу Луллій прилагаетъ къ дѣлу во второй части, заключающей въ себѣ четыре фигуры. Первая подъ лит. A заключаетъ въ

Tabula ad artis brevis prîmum caput pertinens.

			Essentia Unitas Perfectio								
			A	B	C	D	E	F	G	H	I	K
Alphabetum, seu principia hujus artis sunt aut	Praedicata	Absoluta	Bonitas	Magnitudo	Aeternitas seu Duratio	Potestas	Sapientia	Voluntas	Virtus	Veritas	Gloria
		T. Relativa	Differentia	Concordantia	Contrarietas	Principium	Medium	Finis	Majoritas	Aequalitas	Minoritas
	Q. Quaestiones		Utrum?	Quid?	De quo?	Quare?	Quantum?	Quale?	Quando?	Ubi?	Quomodo? cum quo?
	S. Subjecta		Deus	Angelus	Coelum	Homo	Imaginatio	Sensitiva	Vegetativa	Elementativa	Instrumentativa
	V. Virtutes		Justitia	Prudentia	Fortitudo	Temperantia	Fides	Spes	Charitas	Patientia	Pietas
	V. Vitia		Avaritia	Gula	Luxuria	Superbia	Acidia	Individia	Ira	Mendacium	Inconstantia

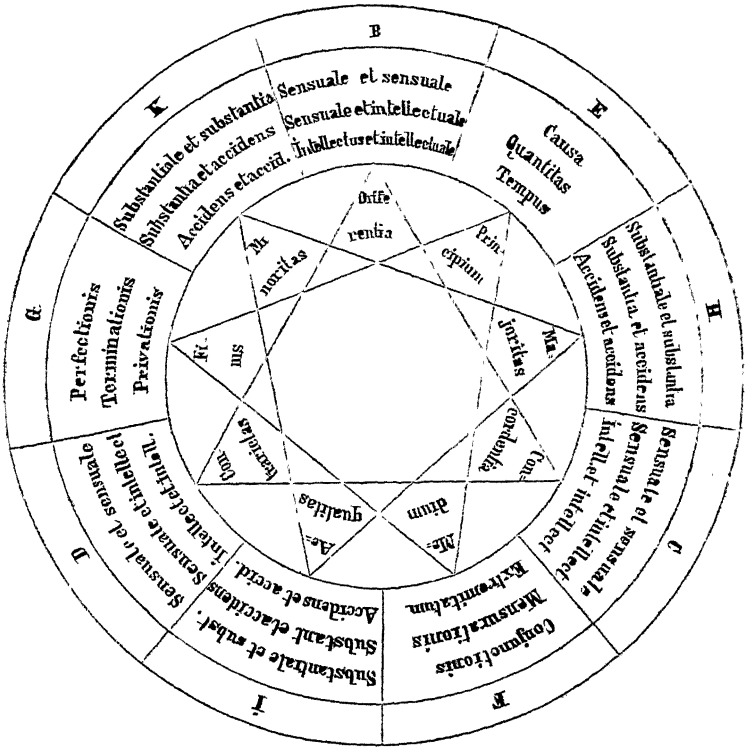
себѣ девять началъ: доброту, величину, продолжаемость и т. д. и девять буквъ: b, c, d и т. д. Она есть кругъ, потому что субъектъ можетъ измѣняться въ предикатъ, и наоборотъ, напр. доброта велика и величина есть благая и т. д. Въ принципахъ означается все, что существуетъ: ибо все суще-

Рис. А.



ствующее есть или благое или великое, напр. Богъ, ангелы благи и велики. Соединяющія линіи указываютъ на возможныя соединенія принциповъ и умъ можетъ пользоваться этою фигурой для образованія силлогизмовъ (напр. bonitas est magna, bonitas est durans, ergo quoddam durans est bonum). (Ibid. p. 3).

Вторая фигура называется у Луллія T.



Первый треугольникъ означаетъ различіе, согласіе, противность; эти понятія суть относительные предикаты. Каждый уголъ треугольника примыкаетъ къ клѣточкѣ, гдѣ означается, чего именно можетъ быть различіе или согласіе или противность. Такъ, различіе можетъ быть или между чувственными предметами — между камнемъ и деревомъ, или между чувственнымъ и интеллектуальнымъ — между душою и Богомъ, или между интеллектуальными—между Богомъ и Ангеломъ. Тоже самое повторяется съ предикатами согласія и противоположности.

Другой треугольникъ въ углахъ своихъ содержитъ: начало, средину и конецъ. Въ объемъ предикатовъ перваго треугольника входитъ все, что существуетъ въ той или другой формѣ (quod est secundum suum modum), объему предикатовъ второго треугольника подчиняется все, что существуетъ вообще: ибо все существуетъ или въ началѣ или срединѣ или концѣ своего бытія. Уголъ, занимаемый понятіемъ начала, примыкаетъ къ причинѣ, количеству, времени, понятіе средины примыкаетъ къ поня-

тіямъ связи, измѣренія, оконечностей, т. е. есть средина, связывающая предметы, находящіеся въ связи, есть средина, между измѣряемымъ, оконечностями. Понятіе конца примыкаетъ къ понятіямъ лишенія, оканчиванія, совершенія, т. е. существуетъ конецъ при лишеніи чего нибудь: напр. смерть, лишающая человѣка жизни, есть конецъ оканчиванія, напр. цѣль, есть конецъ совершенія—это конечная цѣль.

Третій треугольникъ содержитъ: большинство, равенство, меньшинство. Также какъ и первый, онъ означаетъ существующее secundum suum modum: ибо все, что есть, существуетъ въ большинствѣ, или равенствѣ, или меньшинствѣ. Большинство можетъ быть между сущностями, между сущностію и accidens, между accidens. Предметы могутъ быть равны или существенно (substantialiter), или ихъ сущность и свойство могутъ быть приравниваемы, или самыя свойства предметовъ могутъ быть равны.

Вторая фигура можетъ быть полезна для первой: различіе можетъ быть между добротою и добротою, величиною и величиною, равно какъ абсолютные предикаты могутъ быть соединяемы съ относительными (Ibid. p. 4—6).

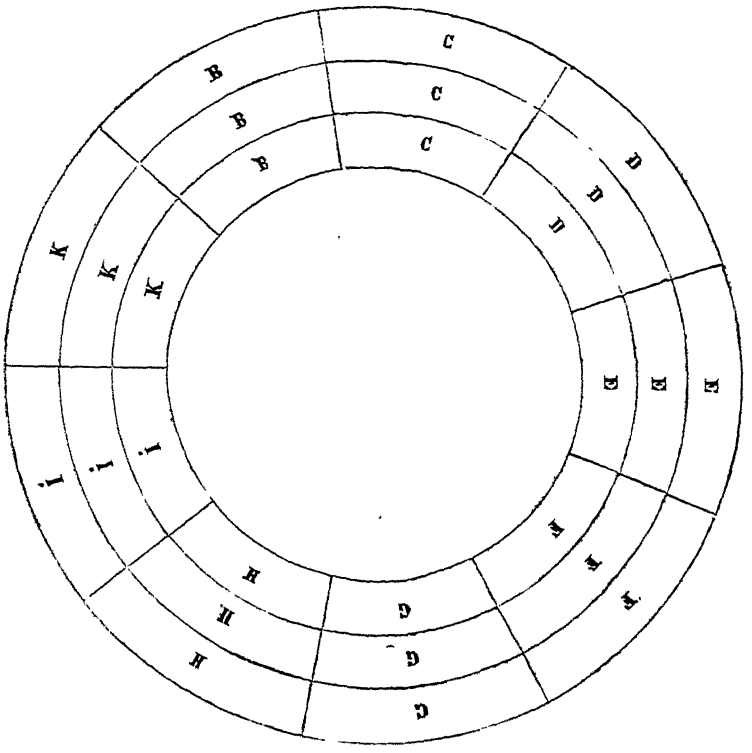
Третья фигура слѣдующая:

BC	CD	DE	EF	FG	GH	HI	IK
BD	CE	DF	EG	FH	GI	HK	
BE	CF	DG	EH	FI	GK		
BF	CG	DH	EI	FK			
BG	CH	DI	EK				
BH	CI	DK					
BI	CK						
BK							

Эти 36 лѣтъ клѣтокъ получились изъ соединенія абсолютныхъ предикатовъ съ относительными. Изъ этого соединенія понятій получаются

сужденія. Луллій приводитъ примѣръ: bonitas можетъ быть соединяема со всѣми предикатами: bonitas est magna, b. est durans, b. est potens, b. est vera, b. est amabilis и т. д. (Ibid. p. 7—8).

Четвертая фигура.



Она состоитъ изъ трехъ круговъ, изъ которыхъ верхній неподвиженъ, два же нижнихъ подвижны. Вращеніе двухъ круговъ подъ верхнимъ даетъ разныя комбинаціи изъ трехъ понятій, т. е. силлогизмы (такъ какъ они состоятъ изъ трехъ терминовъ). Очевидно, Луллій понималъ дѣло мышленія и въ частности силлогизаціи, какъ пріемъ чисто механическаго сложенія терминовъ (ars brevis p. 9).

Третья часть разсуждаетъ объ опредѣленіяхъ. Въ ней дается опредѣленіе принциповъ, т. е. предикатовъ абсолютныхъ и относительныхъ (всего 18). Напр. bonitas est ens, ratione cujus bonum agit bonum et sic bonum est esse et malum nonesse. Magnitudo est id, ratione cujus bonitas, duratio etc. sunt magna, ambiens omnes extremitates

essendi, и проч. Въ сущности, всѣ эти опредѣленія суть ничто иное, какъ тождесловія. (Ibid. p. 10).

Слѣдуетъ анализъ третьяго ряда алфавита, или вопросовъ. Онъ составляетъ четвертую часть науки подъ названіемъ о правилахъ (de regulis). Этихъ вопросовъ десять: utrum sit, quid est, de quo est, quare est, quantum est, quale est, quomodo est et cum quo est. Каждый изъ вопросовъ можетъ имѣть три вида (формы): utrum имѣетъ три вида: можетъ выражать сомнѣніе, утвержденіе, отрицаніе; quid можетъ имѣть въ виду опредѣленіе: напр. что такое разумъ, или то, какіе признаки существуютъ въ сущности, или — то, какъ возможно совмѣстное бытіе одного съ другимъ. Далѣе, въ этомъ же родѣ предлагаются правила, въ какихъ смыслахъ могутъ быть понимаемы различные вопросы. (Ibid. 10—13).

Итакъ предложены принципы, указана возможность ихъ комбинацій, опредѣлены вопросы, могущіе быть вообще предлагаемы. Спрашивается, какъ же отвѣчать на нихъ. Луллій предлагаетъ таблицу, какъ руководство при изслѣдованіи вопросовъ: она состоитъ изъ 84 рядовъ, въ каждомъ рядѣ по 20 комбинацій. (Ars magna 253—257). Ряды получились изъ вращенія круговъ одного надъ другимъ. Въ каждомъ рядѣ 20 комбинацій произошли отъ того, что буквы трехъ круговъ могутъ различнымъ образомъ сочетаваться между собою. Представимъ примѣръ на двухъ рядахъ:

BCD. (B принадлежитъ верхнему кругу, C среднему, D нижнему)

BCTB	Для BCE				
BCTC	BCTB				
BCTD	BCTC				
BDTB	BCTE				
BDTC	BETB				
BDTD	BETC				
BTBC	BETE				
BTBD	BTBC				
BTCD	BTBE	CDTE	CETE	DTBE	ETBC
	BTCE	CTBC	CTBC	DTBD	ETBE
CDTB	CETB	CTBD	CTBE	DTCD	ETCE
EDTC	CETC	CTCD	CTCE	TBCD	TBCE

Буква T вставляется здѣсь только для означенія того, что подъ буквами ей предшествующими разумѣются абсолютные предикаты, подъ послѣдующими — относительные (см. алфавитъ). Такъ какъ мѣсто ея въ комбинаціяхъ можетъ измѣняться, то она имѣетъ съ своей стороны вліяніе на увеличеніе числа ихъ.

Такъ какъ въ каждомъ рядѣ по 20 комбинацій, то во всѣхъ 84 рядахъ сумма всѣхъ возможныхъ комбинацій=1680. Что получается изъ этой комбинаціонной игры, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ (Ars magna 258): BCTC означаетъ: utrum sit aliqua bonitas in tan-

tum magna, quod contineat in se res differentes et sibi coessentiales; BCTC—utrum bonitas sit in tantum magna, quod continent in se res concordantes et sibi coessentiales и т. далѣе.

Луллій переходитъ къ шестой части, озаглавливаемой у него: de evacuatione tertiae figurae. Evacuatio (выпорожниваніе) значитъ выведеніе возможныхъ слѣдствій изъ каждой отдѣльной комбинаціи третьей фигуры. Такъ BC можетъ давать поводъ къ образованію XII сужденій въ родѣ слѣдующихъ: bonitas est magna, bonitas est differens, bonitas est concordans. Здѣсь можетъ быть употребляемъ и пріемъ превращенія, напр. получаются изъ той комбинаціи BC сужденія: differentia est bona, differentia est magna и т. д. Далѣе, эти выведенныя сужденія могутъ подкрѣпляться силлогизмами, т. е. къ двумъ терминамъ каждаго изъ нихъ можетъ быть подысканъ средній: силлогизмъ получается въ родѣ слѣдующаго: omne id quod magnificatur a magnitudine. est magnum; sed bonitas est id quod magnificatur a magnitudine; ergo bonitas est magnum. Третій видъ evacuatio состоитъ въ томъ, что каждому изъ вышеуказанныхъ 12-ти сужденій сообщается двоякая вопросная форма: напр. положеніе bonitas est magna явится тогда въ слѣдующемъ видѣ: utrum bonitas est magna; quid est bonitas magna. Предложеніе bonitas est differens получаетъ такія формы: utrum bonitas est differens, quid est bonitas differens. Далѣе, можно прилагать къ каждой комбинаціи 3-й фигуры правила (см. 4 pars) и анализовать первыя съ точекъ зрѣнія послѣднихъ, такъ что окончательно истощится содержаніе ихъ, и это будетъ полная evacuatio (Ars brevis, 15—16).

Седьмая часть называется multiplicatio quartae figurae, т. е. можно умножать умственное содержаніе комбинацій четвертой фигуры. Въ комбинаціи BCD B поставлено въ извѣстное положеніе относительно C, послѣднее къ D, D находится въ различныхъ отношеніяхъ къ B и C, равно какъ и C къ B. Такимъ образомъ получаются новыя условія для сопоставленія терминовъ и для опредѣленія ихъ взаимныхъ отношеній. Такое сопоставленіе и опредѣленіе отношеній признается Луллiемъ полезнымъ для опроверженія различныхъ софистическихъ мнѣній (Ars brevis 16—17).

Можно далѣе смѣшивать принципы съ правилами, т. е. каждый принципъ (абсолютные и относительные признаки, указанные въ алфавитѣ) можетъ быть анализуемъ чрезъ всѣ виды правилъ. Тѣ вопросы, о которыхъ трактовалось въ четвертой части подъ названіемъ regulae, могутъ быть поставляемы относительно каждаго принципа. Объ этомъ Луллій трактуетъ въ восьмой части подъ названіемъ de mixtione principiorum et regularum (Ars brevis, p. 17).

Девятая часть озаглавливается: de novem subjectis; это предметы вообще существующіе, внѣ которыхъ ничто не существуетъ. Они перечислены въ алфавитѣ: Богъ, ангелъ, небо, человѣкъ, воображаемое, ощущаемое, растительное, элементное, средство (instrumentum). Каждый изъ этихъ субъектовъ долженъ разсматриваться при слѣдующихъ условіяхъ: 1) каждый субъектъ долженъ имѣть свое опредѣленіе, отличающее его отъ другого; 2) чтобъ въ сужденіяхъ обнаруживалось различіе субъектовъ; 3) чтобъ подобіе (согласіе — concordantia) одного субъекта другому не скрывалось въ мышленіи, и наконецъ 4) чтобъ превосходство одного субъекта предъ другимъ признавалось, (Ars brevis, p. 18). Затѣмъ слѣдуютъ у Луллія подробныя опредѣленія каждаго субъекта (ibid. p. 19 — 24).

Десятая часть о приложеніи (de applicatione) различаетъ прежде всего три рода приложеній: 1) quando applicatur implicitum ad explicitum (т. е. когда прилагается къ ясно обозначенному понятію то, что имъ предполагается); 2) когда прилагается абстрактное къ конкретному; 3) когда прилагается вопросъ къ общимъ мѣстамъ этой науки. Чтобъ уяснить, въ какихъ случаяхъ абстрактное можетъ быть прилагаемо къ конкретному, Луллій даетъ опредѣленіе ста формъ, или абстрактныхъ понятій. Опредѣленія всѣ въ родѣ слѣдующихъ: entitas est ens ratione cujus aliquod ens causat aliud ens, essentia est forma ab esse abstracta et in eo sustentata, unitas est forma, cui proprie competit unire и т. д. Для рѣшенія третьяго пункта Лулліи входитъ въ самый анализъ вопросовъ, и располагаетъ ихъ по плану своего искусства. Ученіе о вопросахъ составляетъ 11-ю часть его. (Ars brevis p. 24—41).

Послѣднія двѣ части: двѣнадцатая о навыкѣ и тринадцатая о способахъ изученія искусства содержитъ указанія, на что слѣдуетъ обращать въ этомъ случаѣ вниманіе, и какъ преподаватѣ его и т. под. (p. 41—42).

Что касается собственно логики, то Луллій оставался почти вѣренъ школьнымъ схоластическимъ преданіямъ, установившимся со временъ Петра Испанца. Говоримъ почти, потому что въ его чисто логическихъ трудахъ мы находимъ, однакожъ, нѣкоторыя попытки ввести нововведенія въ нѣкоторые логическіе отдѣлы. Отъ Луллія мы имѣемъ слѣдующія два чисто логическія сочиненія: 1) Dialectica seu logica nova и 2) Tractatus de venatione medii inter subjectum et praedicatum. Оба сочиненія изданы въ томъ же собраніи всѣхъ его сочиненій, въ которомъ напечатаны его Ars brevis и Ars magna (Zetzner). Передадимъ кратко содержаніе упомянутыхъ сочиненій.

Логика опредѣляется, какъ искусство познавать истину и ложь чрезъ умозаключеніе и различать ихъ чрезъ доказательство. Она должна пред-

ставить анализъ термина, предложенія и доказательства. Въ ученіи о терминахъ повторяется содержаніе соотвѣтствующаго отдѣла руководства Петра Испанца. Раздѣленіе предложеній у Луллія полнѣе, чѣмъ у него. Луллій раздѣляетъ ихъ на истинныя и ложныя, категорическія и гипотетическія. Первыя подраздѣляются, съ одной стороны, на всеобщія, частныя, неопредѣленныя и единичныя, съ другой—на утвердительныя и отрицательныя. Одно предложеніе можетъ согласоваться съ другимъ троякимъ образомъ: 1) они могутъ быть одинаковаго качества и количества, 2) могутъ имѣть тожественныя подлежащія или сказуемыя, 3) могутъ быть тожественны въ нихъ и тѣ и другія. Ученіе о превращеніи и противоположеніи пріурочивается Лулліемъ къ отдѣлу о категорическихъ предложеніяхъ и здѣсь же онъ разсматриваетъ содержаніе ихъ (materia propositionis): оно можетъ быть естественное, случайное, отдаленное (naturalis, contingens, remota). Въ первомъ видѣ предложеній сказуемое указываетъ на сущность (essentia) подлежащаго или свойственный ему признакъ, во второмъ и третьемъ указываются случайные или отдаленные признаки. (Dialectica p. 147—151).

Различаются шесть видовъ гипотетическихъ предложеній: 1) соединительный, 2) раздѣлительный, 3) условный, 4) раціональный (когда одно предложеніе соединено съ другимъ чрезъ слово igitur), 5) временный (въ случаѣ, если два предложенія соединены словомъ когда), 6) мѣстный (когда предложенія соединены нарѣчіемъ). Затѣмъ излагаются условія, при которыхъ соединительныя и раздѣлительныя предложенія могутъ быть вѣрными или ложными (Ibid. 151—152).

Изъ всего обширнаго отдѣла de terminorum proprietatibus у Луллія мы находимъ замѣтки только de suppositionibus, de ampliationibus, de restrictione. Новаго здѣсь то, что, вмѣсто многосложнаго дѣленія подстановленій на общія и частныя и т. д., какъ это мы видѣли у Петра Испанца, Луллій раздѣляетъ ихъ на три вида: простыя, сложныя и матеріальныя, и затѣмъ новое здѣсь то, что тогда какъ у Петра эти замѣтки не были систематически ни къ чему не пріурочены, у Луллія онѣ нашли свое естественное мѣсто въ трактатѣ о предложеніяхъ (Ibid. p. 152).

Слѣдуетъ обычный тогда анализъ praedicabilium и praedicamentorum, причемъ приводится arbor Porphyriana и этимъ заканчивается вторая часть логики (первая часть de terminis). Третья часть трактуетъ о доказательствѣ и различныхъ видахъ его: силлогизмѣ, индукціи, энтимемѣ и примѣрѣ. Въ ученіи о силлогизмѣ мы не встрѣчаемъ ничего новаго сравнительно съ Summulae, но замѣчательно, что уже у Луллія рядомъ съ силлогизмомъ поставляется индукція (inductio incompleta).

какъ это дѣлается и въ настоящее время въ формальной логикѣ. Замѣтки объ индукціи, впрочемъ, весьма кратки. Энтимема понимается не такъ какъ у Аристотеля, но какъ сокращенный силлогизмъ. (Ibid. 152—157).

Къ этой же части отнесено у Луллія содержаніе, такъ называемой, топики. Вмѣсто огромнаго числа loci, указанныхъ въ Summulae, перечисляются только loci a majori, ad aequali, a minori. Но здѣсь мы встрѣчаемъ главу de consequentiis. Ея не было въ трактатѣ Петра Испанца, она была усвоена позже логическою школою его и отнесена къ отдѣлу de terminorum proprietatibus. Здѣсь мы отмѣтимъ только фактъ, что ученіе de consequentiis есть уже въ логикѣ Луллія; анализъ же этой главы мы представимъ ниже, когда мы будемъ говорить объ окончательной формѣ, какую логика приняла въ школѣ Петра Испанца. Анализомъ fallaciarum (по Summulae) и conditionum disputationis оканчивается діалектика Луллія. (Ibid. 158—161).

Итакъ, во второй половинѣ XIII вѣка обозначились два направленія въ анализѣ логическихъ пріемовъ. Одно, опираясь на Органонъ Аристотеля и сдѣлавшіеся извѣстными труды Византійцевъ, сосредоточивало свое вниманіе преимущественно на логико-грамматической сторонѣ дѣла. Съ этого времени эта школа только утончаетъ, изощряетъ свой логико-грамматическій анализъ, и только въ этой сторонѣ логики мы видимъ нѣкоторый прогрессъ. Другое направленіе въ лицѣ Луллія порывалось къ изобрѣтенію всеобщаго руководства новыхъ сочетаній мысли, но понявъ слишкомъ механически свою задачу, представило только одинъ изъ примѣровъ того, до какихъ односторонникъ увлеченій безплодныхъ, мертвенныхъ, можетъ доходить умъ человѣческій, не освѣжаемый опытомъ и наблюденіемъ. Тѣмъ не менѣе такъ сильно было стремленіе того времени къ новому неизслѣдованному, что и увлеченія Луллія нашли себѣ послѣдователей. Они образовали особую школу, продолжавшуюся до самаго конца среднихъ вѣковъ и создавшую для себя свою логику. Увлеченія Пселло-Аристотелевской школы вызвали, однакожъ, реакцію въ лицѣ Петра Рамуса, который старался видоизмѣнить старую схоластическую форму логики и дать ей новый, болѣе соотвѣтствующій новымъ потребностямъ, видъ. Такимъ образомъ къ концу среднихъ вѣковъ существовали три логическихъ школы: перипатетики (школа Петра Испанца носила это названіе), Рамисты и Луллисты. Сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о каждой изъ этихъ школъ въ отдѣльности.

Перипатетическая логика въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Какъ мы сказали, перипатетики продолжали разработывать отдѣлъ логики Петра Испанца, называвшійся de terminorum proprietatibus. Къ существовавшимъ главамъ этого трактата съ теченіемъ времени, благодаря отчасти трудамъ Дунса Скота (ум. 1308), преимущественно же Вильгельма Оккама (ум. 1347 г.), присоединились три новыя подъ названіемъ: obligatoria, insolubilia et consequentiae. Такъ какъ ученіе о нихъ не входило первоначально въ Summulae, то онѣ были присоединены къ трактатамъ Петра Испанца съ названіемъ, прямо указывавшимъ на новое ихъ происхожденіе. Въ руководствахъ конца 15 и начала 16 столѣтій онѣ печатаются вмѣстѣ съ Summulae, но подъ именемъ tractatus modernorum. Такъ, въ изданіи 1507 года, которымъ мы пользовались (о немъ мы упоминали выше при анализѣ Summulae), obligatoria, insolubilia и consequentiae прямо названы tractatus modernorum, тогда какъ трактаты Петра Испанца названы въ комментаріяхъ logica antiqua. Не станемъ останавливаться на исторіи развитія этого отдѣла логики: желающіе могутъ найти указанія въ трудѣ Прантля Geschichte der Logik. B. IV, Absch. XX. Мы познакомимся лучше съ окончательною формою, какую приняли эти tractatus modernorum, въ концѣ 15-го столѣтія, и прослѣдимъ ее по вышеупомянутому изданію Summulae 1507 года.

Поводъ къ этимъ трактатамъ схоластика искала въ Аристотелѣ, слѣдовательно, она думала только раскрывать и дополнять логическія изслѣдованія Аристотеля. Поводъ къ развитію obligatoria схоластики нашли въ замѣткѣ, сдѣланной Аристотелемъ въ первой книгѣ второй аналитики и IX главѣ метафизики, именно: possibili posito in esse nullum sequitur impossibile, т. е. изъ того, что допущено какъ реально возможное, не можетъ слѣдовать невозможное. Между мыслями есть своего рода обязательство: тогда какъ однѣ прямо слѣдуютъ изъ другихъ, другія никакъ не могутъ взаимно слѣдовать. Смыслъ этого трактата и заключается въ томъ, чтобъ рѣшить, въ какихъ случаяхъ утвержденіе или отрицаніе дѣлается своего рода обязательствомъ.

Въ tractatus obligatoriorum прежде всего предпосылается опредѣленіе терминовъ, затѣмъ даются правила и указываются примѣры для разъясненія теоріи. Obligatio опредѣляется какъ установка защищаемаго предложенія, дабы изъ него не слѣдовало ничего невозможнаго (obligatio est praefixio alicujus enunciabilis possibilis ad sustinendum, ne sequatur impossibile). Такъ какъ обязательство кого бы то ни было можетъ воз-

никать, только когда отвѣчающій допускаетъ извѣстную мысль, изъ которой можетъ слѣдовать другая, то ученіе о немъ имѣетъ особую важность для веденія спора.

Спрашивается прежде всего, когда возникаетъ обстоятельство? Во 1-хъ, когда отвѣчающій, допуская положеніе спрашивающаго, самъ обязываетъ себя утверждать то, что имъ допущено. Во 2-хъ, когда возражающій употребляетъ въ своей рѣчи выраженія, обязывающія его къ защитѣ высказываемаго положенія, таковы—pono, ponatur, peto et eorum opposita, ut depono и т. под. Въ 3-хъ, время обязательства продолжается, пока возражающій самъ не станетъ вызывать отвѣчающаго на утвержденіе положенія, противоположнаго прежнему. Въ 4-хъ, утверждая положеніе, отвѣчающій обязывается утверждать то, что изъ него слѣдуетъ и отрицать то, что ему противорѣчитъ. Далѣе слѣдуютъ правила, напр. 1-е: все логически вытекающее изъ разъ допущеннаго въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ положенія должно быть нами допускаемо. Таковыхъ правилъ насчитывается семь. Затѣмъ предлагаются примѣры (числомъ 12-ть), на которыхъ разъясняется значеніе и приложеніе правилъ.

Въ трактатѣ insolubilia прежде всего опредѣляется, что именно разумѣется подъ этимъ названіемъ, указывается, откуда возникаетъ insolubile и наконецъ предлагаются примѣры для поясненія Предложеніе называется неразрѣшимымъ не въ томъ смыслѣ, чтобъ затрудненія имъ представляемыя были неустранимы, но потому, что трудно рѣшить, правильно ли оно или ложно, такъ какъ сверхъ прямого значенія есть въ немъ еще косвенное, иногда уничтожающее первое. Напр. Сократъ говоритъ о себѣ, что онъ говоритъ ложь: это предложеніе прямо означаетъ то, что изрѣченія Сократа будутъ ложны, но отсюда возникаетъ косвенное значеніе: онъ говоритъ о себѣ, что его изреченія ложны, значитъ и послѣднее изреченіе несправедливо. Косвенное значеніе здѣсь какъ бы отражается отъ перваго (reflectitur). Это отраженіе можетъ быть прямое и не прямое. Главный признакъ предложенія неразрѣшимаго тотъ, что оно состоитъ изъ терминовъ, взаимно себя уничтожающихъ. Затѣмъ слѣдуетъ указаніе пяти примѣровъ, на которыхъ разъясняется смыслъ теоретическихъ замѣчаній.

Послѣдняя глава, ревностно разработывавшаяся схоластикою, называется de consequentiis. Понятіе слѣдствія имѣетъ обширный и тѣсный смыслъ. Подъ первымъ разумѣется какъ правильное, такъ и неправильное слѣдованіе (bona et mala consequentia), подъ вторымъ только истинное (bona) слѣдованіе послѣдующаго изъ предыдущаго. Далѣе дѣлаются замѣтки, что такое предшествующее, послѣдующее, какими грамматическими

признаками они обозначаются, доказывается, что совсѣмъ не одно и тоже допускать слѣдованіе одного предложенія изъ другого и допускать самое слѣдствіе; здѣсь же опредѣляются разные случаи правильнаго слѣдованія, и послѣднее раздѣляется на формальное и матеріальное. Правилъ относительно этого пункта было выработано чрезвычайно много (до двадцати). Не входя въ перечисленіе всѣхъ, мы приведемъ нѣкоторыя, дабы дать понятіе о характерѣ ихъ вообще. 1) При всякомъ правильномъ слѣдованіи, изъ положенія противорѣчащаго заключенію слѣдуетъ положеніе уничтожающее посылку, но не наоборотъ (лошадь бѣжитъ, слѣдоват. бѣжитъ животное; ни одно животное не бѣжитъ, слѣдоват. лошадь не бѣжитъ) 2) если возможно предъидущее, то возможно и послѣдующее, 3) 4-е правило: можно заключать отъ низшаго къ высшему и т. под. Всѣ эти правила подробно разъясняются на примѣрахъ.

Вотъ къ чему пришла перепатетическая средневѣковая логика. Усвоивъ себѣ однѣ Аристотелевскія формы, безъ его генія и обширныхъ познаній, схоластики погрузились въ логико-грамматическія тонкости и вращаясь долго въ нихъ, наконецъ утеряли всякое чутье дѣйствительности. Они выработывали опредѣленія, различали, давали правила, но изощряя свое формальное развитіе, они нисколько не удовлетворяли дѣйствительнымъ нуждамъ познанія. Поэтому лишь только раздался голосъ, призывавшій умы къ трезвому изученію природы, и открылись человѣчеству глаза на свои прямыя умственныя нужды, міръ схоластическихъ тонкостей рухнулся и отъ того, что наростало въ продолженіи почти восьми вѣковъ на канвѣ Аристотелевскаго Органона, ничего не осталось, кромѣ остова послѣдняго.

Школа Луллія.

Обратимся теперь къ школѣ Луллія. Несмотря на очевидную странность его увлеченій, они нашли однакожъ себѣ послѣдователей и защитниковъ. Мы не имѣемъ никакихъ историческихъ фактовъ, которые указывали бы, что идеи Луллія послужили основаніемъ для новой школы *въ ближайшее къ нему время.* До времени Агриппы изъ Неттесгейма (1486—1535) мы не находимъ ни одного извѣстнаго имени, стоявшаго на сторонѣ Луллія. Альстедъ въ своемъ сочиненіи: Clavis Lullianae et verae Logices (1651) до Агриппы указываетъ (p. 10) только два имени: Lupetus и Lavineta, но о нихъ мы ничего не знаемъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что школа Луллія особенно процвѣтала и пріобрѣла себѣ извѣстныхъ въ ученомъ мірѣ защитниковъ уже въ XVI-мъ столѣтіи. Агриппа писалъ комментаріи in artem brevem Lullii. Основа у него

осталась Луллія, но Агриппа въ нѣкоторыхъ пунктахъ сблизилъ ars съ схоластическою логикою, въ другихъ примѣнилъ къ реторикѣ (напр. pars. principalis, имѣющая цѣлію дать руководство по принципамъ Луллія къ составленію рѣчей) *). Джіордано Бруно (1590—1601) серьезно обратилъ вниманіе на труды Луллія и самъ былъ убѣжденъ, что онъ дѣйствительно нашелъ истинное универсальное искусство. Онъ старался даже развить его далѣе и съ этою цѣлью написалъ два сочиненія: 1) De Lulliano speciеrum scrutinio, судя по предисловію, написанное въ Прагѣ 1588 года и 2) De lampade combinatoria Lulliana. Алфавитъ, фигуры онъ оставляетъ тѣ же, какія мы видѣли у Луллія. Такъ какъ идея Бруно — дать руководство къ построенію мыслей (что онъ называетъ архитектурою), то результаты вращенія фигуръ—соединенія терминовъ у него называются domi, имѣющіе различное число камеръ. Онъ входитъ въ поясненіе великой таблицы и различаетъ полезныя и безполезныя соединенія. Согласно своей любимой идеѣ — отыскать удобные мнемоническіе знаки, Бруно присоединяетъ ихъ къ своему сочиненію для облегченія изученія искусства Луллія. Таково содержаніе его сочиненія De Lulliano speciеrum scrutinio (Ed. Zetzneri 664—680). Въ De lampade combinatoria онъ полагаетъ въ основу свою теорію познанія, дабы изъ нея выяснить смыслъ искусства своего учителя. Существуютъ три дѣйствія разума: воспріятіе простыхъ предметовъ, соединеніе и раздѣленіе, наконецъ доказательство; слѣдовательно и методъ искусства долженъ состоять въ указаніи первоначальныхъ терминовъ, способовъ ихъ соединенія и способовъ доказательствъ на основаніи ихъ. Алфавитъ Луллія имѣетъ тотъ смыслъ, что онъ перечисляетъ намъ первоначальные термины. Затѣмъ въ подробности комментируются фигуры, правила (regulae) умноженіе терминовъ, причемъ для поясненія Бруно придумываетъ новыя фигуры (напр. 726 p. Ed. Zetzneri). Такъ же комментируется имъ и большая таблица служащая къ изобрѣтенію доказательствъ (Ed. Zetzneri 681—734). Мы не останавливаемся на сочиненіяхъ Бруно: de progressu logicae venationis (ibid. 734—743) и de lampade venatoria logicorum (ibid. 744—776); ибо они почти никакого отношенія къ логикѣ не имѣютъ: это скорѣе какія-то полуфантастическія мечтанія, не имѣвшія никакого значенія для нашей науки.

Такой же характеръ комментарій на сочиненія Луллія имѣетъ и трудъ Валерія de Valeriis, Венеціанскаго патриція: Opus aureum in quo omnia

*) Эти комментаріи напечатаны въ изданіи Lullii opera — Zetzneri, 1651, p. 789 — 916. Тамъ же напечатаны Валерія: Opus avreum in artem Lullii, равно какъ и сочиненія Джіордано Бруно, тоже написанныя для разъясненія упомянутаго искусства.

breviter explicantur, quae scientiarum omnium parens Raymundus Lullus tam in scientiarum arbore quam arte generali tradit, написанное около 1589 (издано Цецнеромъ вмѣстѣ съ opera Lullii и упомянутыми выше сочиненіями Агриппы и Джіордано Бруно, p. 968—1109). Это самые обширные, написанные въ мистическомъ направленіи комментаріи къ Ars magna. Представляя себѣ область человѣческаго знанія, какъ огромное дерево, Валерій самымъ подробнѣйшимъ образомъ разсуждаетъ о его корняхъ, стволѣ, листьяхъ, цвѣтахъ и плодахъ, т. е. de omni re scibili, такъ что въ его opus вмѣщена и логика и метафизика, физика и даже этика.

Чтобъ видѣть, къ какимъ результатамъ пришла школа Луллія и какія услуги оказаны ею для прогресса логики, несмотря на всѣ мечтанія и странныя увлеченія, мы остановимся на трудахъ одного Луллиста — Іоанна Генриха Альстеда: Clavis artis Lullianae et verae Logices, писанное 1609 г. и Novum speculum Logices minime vulgaris, изд. наслѣдниками Цецнера въ 1652 году. Изъ нихъ мы видимъ, что Луллисты дѣятельно работали надъ обновленіемъ логики и, снисходительные къ собственнымъ увлеченіямъ, исключали однакожъ безплодный и безжизненный формализмъ логики перипатетиковъ. Они старались усвоить все, что съ пользою могло быть присоединено къ основамъ искусства Луллія.

Діалектиктика опредѣляется какъ искусство сравнивать извѣстное и передавать науку. Она раздѣляется на двѣ части; на ученіе о средствахъ разсужденія (de instrumentis disserendi) и употребленіи этихъ средствъ.

Средства или орудія науки имѣютъ цѣлію: или изобрѣтеніе новаго или расположеніе въ порядкѣ того, что ею уже добыто.

Логика изобрѣтающая, по содержанію своему, совершенно сходна съ ars Lullii. Послѣднее даетъ всѣ элементы, потребные для образованія нужныхъ въ каждомъ данномъ случаѣ силлогизмовъ. Такимъ образомъ идеи Луллія нашли наконецъ себѣ мѣсто въ схоластической системѣ логики (Ibid. 18—52 p.).

Для насъ любопытнѣе, однакожъ, тѣ части Clavis Альстеда, въ которыхъ заключается новый планъ для анализа логическихъ пріемовъ.

Вторая часть перваго отдѣла логики занимается средствами расположенія найденныхъ познаній въ порядкѣ, т. е. или сообщеніемъ имъ ясной формы или доказываніемъ ихъ. Располагаются они въ ясной формѣ чрезъ предложенія. Поэтому эта часть начинается ученіемъ о предложеніи. Доказываніе съ одной стороны производится чрезъ силлогизмъ, съ другой—чрезъ методъ. Методъ опредѣляется какъ мыслительное орудіе, чрезъ которое одно или многія предложенія связываются вмѣстѣ безъ

помощи силлогизма. Методъ можетъ быть или синтетическій или аналитическій. Послѣдній (называется также resolutivus) идетъ отъ цѣли къ средствамъ, первый (compositivus) отъ средствъ къ цѣли. Послѣ изложенія Аристотелевскаго опредѣленія началъ, служащихъ основаніемъ при доказываніи, Альстедъ указываетъ методическіе законы, именно: 1) во всякой наукѣ только то должно быть помѣщаемо, что имѣетъ отношеніе къ ея цѣли, 2) содержаніе должно быть располагаемо по степени общности его, начиная съ самаго общаго и кончая наиболѣе частнымъ, 3) отдѣльно объясняемыя части должны быть чѣмъ-нибудь связываемы (Ibid. 58—63 p.).

Изобрѣтеніе и расположеніе найденнаго въ порядкѣ составляетъ первый отдѣлъ логики. Второй отдѣлъ называется de usu instrumentorum, т. е. о практическомъ приложеніи средствъ изобрѣтенія и расположенія. Приложеніе можетъ дѣлаться также по способу анализа или синтеза. Авторъ различаетъ простой и сложный синтезъ и анализъ. Благодаря синтезу, мы построяемъ мысленное цѣлое, защищаемъ его, размножаемъ предложенія чрезъ выведеніе; благодаря тому же синтетическому пріему, мы сообщаемъ науку другимъ. Аналитическій пріемъ опредѣляется, какъ изслѣдованіе возможной связи терминовъ съ другими съ помощію круговъ Луллія: ибо изслѣдуя чрезъ вращеніе круговъ, съ какими терминами данный можетъ соединиться, мы анализируемъ тѣмъ свои понятія (Ibid. 64—95). Въ Novum speculum только набрасывается планъ логики, какъ науки, причемъ, отступая отъ типа логики перипатетической, авторъ дѣлитъ ее на логику cathegorica, или ученіе объ изобрѣтеніи общихъ способовъ доказательствъ, — axiomatica, или ученіе о предложеніяхъ, — horistica, или объ опредѣленіи, — meristica — дѣленіи, syllogistica и methodica.

Но значеніе школы Луллія не въ томъ, что она открыла міру что либо новое и неизвѣстное, а въ томъ, что она представила первую попытку въ схоластическомъ мірѣ дать теоретическое руководство для новыхъ мысленныхъ построеній. Мы не говоримъ, удачна или не удачна она была, но важно, что умы этой школы мыслили на свой манеръ, какъ умѣли, стояли на своихъ ногахъ. Для логики школа Луллія сдѣлала двѣ важныхъ услуги. Во-первыхъ, она отклонила умы отъ совершенно рабскаго слѣдованія Аристотелю. Мы видѣли, что перипатетическая логика оставалась вѣрною Аристотелю въ расположеніи логическаго матеріала, въ основныхъ своихъ понятіяхъ и въ пріемахъ разработки логико-грамматическихъ подробностей: школа же Луллія, заимствуя отъ Аристотеля общій взглядъ на дѣло мышленія, искала свой методъ разработки, изобрѣла свою систему, которой и подчинила, какъ мы видѣли, содержаніе

Органона; она, слѣдовательно, содѣйствовала эмансипаціи умовъ отъ Аристотеля. Съ другой стороны, она первая обратила серьезное вниманіе на методъ раскрытія и изобрѣтенія мыслей. Перипатетическая логика обходила совершенно этотъ предметъ. Въ самыхъ позднихъ учебникахъ логики XVI-го столѣтія мы не находимъ въ этой школѣ ни одного слова о методѣ. Этотъ самый существенный пробѣлъ восполнила школа Луллія По самой постановкѣ своей задачи и по характеру пріемовъ, помогающихъ изобрѣтенію новыхъ мыслей, школа должна была остановить серьезное вниманіе на значеніи пріема, метода. Цѣли, которыхъ она методически достигала, были странны, содержаніе методическихъ работъ ея было нелѣпо, но идея пріема, метода осталась какъ твердое достояніе науки. Вотъ почему эта школа имѣетъ полное право на упоминаніе въ исторіи логики.

Упомянутыя школы: перипатетики и луллисты продолжали свое существованіе нетолько къ концу среднихъ вѣковъ, но и въ такъ называемую эпоху возрожденія. Вторая половина XV-го и первая XVI-го вѣка были эпохою возобновленія классическихъ философскихъ системъ: Аристотеля, Платона, Эпикура, стоиковъ и скептиковъ. Но изучая новооткрытые памятники филологически, эпоха возрожденія только пассивно воспроизводила древнія системы. Понятно, что, при такомъ пассивномъ отношеніи къ философскимъ вопросамъ, логика мало могла подвергаться измѣненіямъ; филологическое изученіе твореній Аристотеля могло только содѣйствовать утвержденію Органона въ умахъ и укрѣпленію его вліянія. Поэтому, тогда какъ измѣнялись взгляды метафизическіе, религіозные, этическіе, логика схоластическая продолжала держаться и въ эту эпоху, подобно тому какъ Аристотелевская логика держалась въ послѣдній періодъ классической философіи среди школъ новоплатоновской, новопиѳагорейской и т. д.

Впрочемъ, владычество перипатетической логики было безспорно только до половины 16-го столѣтія. Уже къ этому времени въ нѣдрахъ самой же перипатетической школы возникла горячая оппозиція Органону въ лицѣ Петра Рамуса (1515—1572). Онъ подвергъ строгой критикѣ всю Аристотелевскую діалектику въ своихъ Animadversiones Aristotelicae и пытался дать логикѣ новую форму въ своихъ Institutiones Dialecticae. Его сочиненія производили впечатлѣніе на умы и послужили знаменемъ для самостоятельной школы, называвшейся рамистами. Что она была довольно значительною, это видно изъ того, что Альстедъ, говоря, о логическихъ школахъ въ его время, сопоставляетъ съ аристотелевцами и луллистами рамистовъ. Reliquum est, говоритъ онъ (Clavis artis Lullianae p. 7), ut de iis sectis et scholis verba faciamus, quae hoc

aevo dominantur. *Eae sunt numero tres*: *Ramica*, *Aristotelica*, *Lulliana*. Замѣтимъ, что сочиненіе это написано въ 1609 году.

Петръ Рамусъ.

Обратимся же къ Рамусовской критикѣ Аристотеля. Нельзя не удивляться пылкости нападенія его на Органонъ. Почти во всѣхъ подробностяхъ послѣдняго онъ находитъ поводъ къ весьма жесткимъ упрекамъ. Сочиненіе Animadversiones Aristotelicae раздѣляется на XX книгъ: 1) de primis Dialecticae principiis, 2) de terminis, 3) de praedicabilibus Porphyrii, 4) de praedicamentis, 5) de interpretatione, 6) de abundantia propositionum et inventione medii, 7) de posteriorum analyticon, primo (т. е. первой книги 2-й Аналитики), 8) de secundo posteriorum analytikon, 9) de primo Topico, 10) de secundo Topico, 11) de tertio Topico, 12) de quarto Topico, 13) de quinto Topico, 14) de sexto Topico, 15) de septimo Topico, 16) de octavo Topico, 17) de primo Analyticon, 18) de secundo Analyticon, 19) de methodo, 20) de exercitatione. Изъ этого перечня видно, что Рамусъ въ расположеніи своего сочиненія слѣдуетъ плану обычной тогда перепатетической логики и его критика есть столько же критика всей современной логики, сколько и самаго Органона.

Какого же рода эта критика? Рамусъ стоитъ еще совершенно на схоластической точкѣ зрѣнія; иногда, какъ бы по временамъ только, у него срываются съ языка мысли въ духѣ новаго времени, приложить которыя къ дѣлу, однако, онъ не умѣетъ. Говоря о принципахъ діалектики, онъ обличаетъ Аристотеля, что онъ нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не даетъ опредѣленія ея. Lege omnes libros, восклицаетъ онъ,... nullam Logicae generalem et universam definitionem reperies (Animadv. Lib. 1 p. 7); онъ указываетъ что указываемыя Аристотелемъ части діалектики т. е. termini, praedicabilia, praedicamenta, interpretationes, analytica, topica, elenchi — не соотвѣтствуютъ естественнымъ частямъ логической дѣятельности ума, т. е. что Аристотелевское дѣленіе искусственно, не основано на изученіи естественнаго хода нашего мышленія (ibid. p. 34). Критикуя ученіе о терминахъ, Рамусъ сводитъ свои замѣчанія къ тремъ пунктамъ: 1) что перипатетики вносятъ въ него много ненужнаго (ibid. 52), но 2) опускаютъ между тѣмъ необходимое, 3) что излагая свои взгляды на термины, они не приводятъ примѣровъ ни изъ Цицерона, ни изъ Виргилія. Praedicabilia Порфирія даютъ Рамусу поводъ замѣтить, что между ними упоминаются ненужныя (p. 62); онъ смѣется надъ опредѣ-

леніями рода, вида, proprium и т. д. (p. 64—65). Вопросъ о происхожденіи универсалій, т. е. родовъ и видовъ, такъ много волновавшій схоластовъ, признается имъ за совершенно праздный и ненужный вопросъ (p. 62). Источникъ заблужденій Порфирія, какъ и Аристотеля, онъ находитъ въ томъ, что они разсуждали болѣе о словахъ, чѣмъ о дѣлѣ. Nihil hic de vocabulis disputemus: de re vocabulis subjecta potius quaeramus: et quemadmodum judices plerumque, sic nos in rem praesentem veniamus (p. 66). Принципъ весьма похвальный, но самъ же Рамусъ не умѣлъ приложить его къ дѣлу, какъ это въ свое время мы увидимъ. Вводя многія ненужныя подробности, перипатетики опускаютъ многія важныя praedicabilia: напр. causa, effectus, subjecta, adjuncta и т. д. (p. 78 ер. 81). Въ каждой книгѣ своего сочиненія нашъ критикъ однообразно слѣдуетъ одному и тому же плану обличенія Аристотеля и перипатетиковъ. Говоря о категоріяхъ, предложеніяхъ, силлогизмахъ, доказательствахъ, онъ упрекаетъ, 1) что въ ученіе о нихъ внесено много ненужнаго, 2) что весьма важныя подробности пропущены безъ вниманія, 3) что нигдѣ не дается примѣровъ изъ Виргилія, Цицерона, Гомера и др. Какъ кажется, послѣднему недостатку Рамусъ придавалъ особенное значеніе: много горячихъ страницъ исписываетъ онъ въ обличеніе такого важнаго порока перипатетической логики. Въ концѣ концовъ нельзя не замѣтить, что критика его слаба вообще: онъ укоряетъ Аристотеля за то, чего онъ не даетъ въ своемъ Органонѣ (напр. опредѣленій, дѣленій), тогда какъ слѣдовало бы вникнуть въ то, что онъ сдѣлалъ для логики, — во многихъ случаяхъ бездоказательна: часто онъ обличаетъ перипатетиковъ, почему они не такъ смотрятъ на вещи, какъ онъ самъ. Видно, что онъ чувствовалъ неудовлетворительность Аристотелевской логики, но не умѣлъ, не могъ попасть въ самую сущность дѣла. Единственное дѣльное, какъ намъ кажется, замѣчаніе сдѣланное имъ то, что Аристотелевская школа не обращала вниманія на изученіе хода мышленія, увлеклась анализомъ словъ, иногда безъ всякой цѣли, и забыла изъ за него свою существенную задачу.

Посмотримъ же теперь, что даетъ намъ самъ критикъ въ своемъ сочиненіи: Institutiones Dialecticae.

Діалектика Рамуса возникла на почвѣ реторики. Онъ самъ указываетъ на ту особенность своей логики, что она у него соединена съ реторикою, какъ нѣкогда съ послѣднею соединялась грамматика. Мысль подкрѣплять вездѣ опредѣленія примѣрами изъ поэтовъ—Виргилія и Гомера, или ораторовъ, напр. Цицерона, возникла въ подражаніе ходячимъ въ то время руководствамъ къ реторикѣ. Но ея вліяніе всего очевиднѣй на самомъ планѣ и расположеніи частей діалектики.

Діалектика опредѣляется какъ наука разсужденія (doctrina disserendi). Мы разсуждаемъ обыкновенно о какомъ нибудь вопросѣ; когда же поставленъ вопросъ, то прежде всего необходимо найти нужныя для рѣшенія его доказательства, затѣмъ правильно расположить ихъ въ порядкѣ. Поэтому Діалектика раздѣляется на двѣ части: 1) объ изобрѣтеніи, 2) о расположеніи.

Доказательства могутъ быть находимы или въ самомъ предложенномъ вопросѣ, или должны пріискиваться со стороны: въ первомъ случаѣ они могутъ или предполагаться непосредственно самымъ вопросомъ или просто выводиться изъ послѣдняго. Предполагаемыя вопросомъ — могутъ касаться самаго предмета или имени его и въ первомъ случаѣ могутъ быть простыми или сравнительными. Изъ простыхъ одни могутъ быть сродными. другія несродными. Сродные элементы доказательства, предполагающіеся самыми вопросами, могутъ касаться: причины, дѣйствія, подлежащаго, соединеннаго (adjunctum) (Instit. Dial. Lib. 1. p. 17). Анализъ причины и т. д. долженъ возмѣстить собою то, что въ перипатетической логикѣ называлось ученіемъ о терминахъ. Рамусъ начинаетъ съ причины и, слѣдуя Аристотелю, различаетъ четыре вида ея: конечная цѣль, форма, дѣйствующая причина, матерія. Особенно онъ останавливается на дѣйствующей причинѣ и совершенно въ схоластическомъ духѣ различаетъ: абсолютную и вспомогательную, творческую и сохраняющую, свободную и необходимую (послѣдняя подраздѣляется на природную, необходимую, случайную). Затѣмъ дѣлаются краткія замѣтки о дѣйствіи, подлежащемъ и соединенномъ (17—66).

Несродные элементы раздѣляются: 1) на противные (въ обыкновенномъ логическомъ смыслѣ — contraria), которые въ свою очередь подраздѣляются на противоположные (adversa), означающіе лишеніе качества (privantia), относительные, противорѣчущіе; 2) на разнородные (напр. человѣкъ—дерево). Это все касалось простыхъ элементовъ доказательствъ, предполагаемыхъ непосредственно вопросомъ (66—97).

Сравнительные означаютъ или равенство или неравенство (большее, меньшее) по количеству, по качеству (подобные, не похожіе).

Рамусъ переходитъ къ перечисленію принциповъ доказательствъ, предполагаемыхъ непосредственно вопросомъ и притомъ относящихся къ имени. Сюда относятся: обозначеніе, связываніе (conjugatio) (98—144).

Другіе принципы, какъ мы сказали выше, вытекаютъ изъ вопроса посредственно. Здѣсь онъ говоритъ о дѣленіи и опредѣленіи. Дѣленіе можетъ производиться съ точки зрѣнія причины, дѣйствія, подлежащаго, соединеннаго. Опредѣленіе можетъ быть или опредѣленіемъ въ собственномъ смыслѣ или описаніемъ (144—172).

До сихъ поръ авторъ разсматривалъ принципы доказательствъ, поскольку они предполагаются частями самаго вопроса. Теперь онъ хочетъ анализировать доказательства, которыя могутъ быть взяты изъ вопроса, какъ цѣльнаго предложенія. Съ этой стороны предложеніе можетъ быть принимаемо за доказательство, когда оно имѣетъ смыслъ свидѣтельства божественнаго или человѣческаго (173—184).

Таковъ у Рамуса анализъ терминовъ, который называется у него громкимъ именемъ ученія объ изобрѣтеніи доказательствъ. Большая часть матеріала взята, какъ видно, изъ Аристотеля и самому автору принадлежитъ въ высшей степени искусственное и многосложное дѣленіе терминовъ. Что въ перипатетической логикѣ относилось къ разнымъ отдѣламъ: къ ученію о терминахъ въ собственномъ смыслѣ (praedicabilia, praedicamenta), о предложеніи, даже къ топикѣ, все это Рамусъ вмѣстилъ въ свою первую книгу Діалектики.

Вторая часть Діалектики трактуетъ о правильномъ расположеніи того, что изобрѣтено. Располагать можно съ помощію или силлогизма или метода. Силлогизмъ опредѣляется какъ естественное и твердое сопоставленіе доказательства съ вопросомъ (argumenti cum quaestione naturalis et firma collocatio). Силлогизмъ расчленяется на propositio — предложеніе (большая посылка у Аристотеля) подстановленіе (assumptio — вторая посылка), связываніе (complexio — заключеніе). Онъ можетъ быть или простой или сложный. Простые силлогизмы располагаются по тѣмъ же четыремъ фигурамъ, какъ и въ Summulae, только Рамусъ, вмѣсто указанія мѣста занимаемаго терминомъ, означаетъ тотъ же фактъ своею особою терминологіей. Различіе отъ Аристотеля оказывается только на однихъ словахъ, а не на дѣлѣ (Inst. Dial. Lib. II. 185—236).

Сложные силлогизмы бываютъ соединительные или раздѣлительные. Ученіе о нихъ тоже по содержанію, какъ и современное объ условномъ и раздѣлительномъ. Затѣмъ онъ разъясняетъ значеніе энтимемы, индукціи, примѣра, дилеммы, сорита, не признавая однакожъ въ нихъ какихъ-либо самостоятельныхъ видовъ силлогизма (237—270).

Второй пріемъ расположенія доказательства есть методъ. Рамусъ различаетъ методы науки и благоразумія (prudentiae). Первый методъ состоитъ въ томъ, что при всякомъ разъясненіи вопроса прежде всего необходимо общее его формулированіе, далѣе должно слѣдовать опредѣленіе, затѣмъ—спеціальное разъясненіе каждой части вопроса и наконецъ опредѣленіе каждой части въ отдѣльности и объясненіе ихъ на примѣрахъ. Методъ благоразумія, въ сущности, не имѣетъ въ себѣ ничего логическаго: онъ означаетъ только приспособленіе доказательства къ мѣсту и времени (278—286).

Къ двумъ частямъ Діалектики, которыми она и должна была бы, повидимому, оканчиваться, Рамусъ присоединяетъ еще третью часть de exercitatione — объ упражненіи. Чтобъ быть діалектикомъ, для этого нужны три условія: природа, искусство, упражненіе Ученіе объ изобрѣтеніи и расположеніи касалось столько же природной дѣятельности ума, сколько и искусственнаго его руководительства. Теперь Рамусъ хочетъ изложить свой взглядъ на упражненіе. Упражненіе можетъ состоять въ изслѣдованіи уже состоявшагося, готоваго разсужденія, или въ составленіи новаго. Первое называется анализомъ, второе генезисомъ. При разъясненіи чего-либо анализъ точно означаетъ вопросъ, изслѣдуетъ приводимыя доказательства, опредѣляетъ, съ какихъ точекъ зрѣнія разрѣшается вопросъ (298—306). Благодаря анализу, мы открываемъ ошибки въ данныхъ доказательствахъ, именно: нѣтъ ли въ доказательствѣ чего либо не идущаго къ дѣлу, темнаго, двусмысленнаго, ложнаго. По поводу послѣдняго пункта авторъ перечисляетъ софизмы, перечисленные Аристотелемъ въ сочиненіи о софистическихъ доказательствахъ (307—352).

Въ главѣ о генезисѣ или построеніи сочиненій предлагаются разные совѣты, въ основу которыхъ полагается совѣтъ подражать лучшимъ авторамъ (356—362).

Таковы взгляды Рамуса на Діалектику, послужившіе основами для цѣлой школы, горячо боровшейся съ перипатетиками. Вышеупомянутый Альстедъ, говоря о Рамистахъ, прямо сопоставляетъ ихъ съ перипатетиками и луллистами, указываетъ нѣсколько именъ, правда не особенно знаменитыхъ, каковы: Talaeus, Piscator Rhodingius, Makelmenaeus, Timpellus, Dounamus, Sluterus etc. и прибавляетъ: atque hae duae sectae, Peripatetica dico et Ramea, in praesentia *sunt florentissimae* (Clavis art. Lull. Lib. 1. p. 9). Ознакомившись со взглядами Рамуса, нельзя не спросить, какіе же были серьезные поводы для отдѣленія Рамуса отъ Аристотеля и какой raison d'être цѣлой отдѣльной школы? Все, что могло назваться болѣе или менѣе серьезнымъ нововведеніемъ въ логику рамистовъ, сводится къ тремъ пунктамъ: они пытались расположить данный Аристотелемъ матеріалъ науки по новому плану; подражая реторическимъ руководствамъ, опустили нѣкоторые отдѣлы перипатетической логики, напр. de terminorum proprietatibus, praedicabilia, praedicamenta, топику; наконецъ, они ввели обычай объяснять логическую теорію примѣрами изъ классическихъ писателей. Но очевидно, что всѣ эти нововведенія простирались собственно на внѣшнюю сторону дѣла, а не на внутреннюю. Что было особенно важнаго въ новомъ планѣ, когда содержаніе почти все было заимствовано изъ презираемаго Аристотеля? Что они опускали нѣкоторыя подробности—это была случайность въ ихъ наукѣ Еслибы рамисты

и внесли въ свою логику опущенное, то оно отнюдь не дисгармонировало бы съ остальнымъ ея содержаніемъ. Присоединеніе примѣровъ къ теоріи можетъ быть важно въ педагогическомъ отношеніи, но не возвышаетъ достоинства самой теоріи. Итакъ въ этой новой логикѣ мы не видимъ никакой новой плодотворной идеи, никакого расширенія прежняго схоластическаго умственнаго кругозора. Рамусъ есть кость и плоть отъ схоластической кости и плоти. Фактъ основанія имъ особой, процвѣтавшей притомъ, школы указываетъ только на совершившееся въ половинѣ XVI вѣка ослабленіе авторитета Аристотеля и на глубокое стремленіе умовъ во что бы то ни стало высвободиться изъ-подъ его вліянія.

Итакъ схоластическая логика развилась на основахъ Аристотелевскаго Органона. Западная Европа усвоила себѣ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ переведенъ, комментированъ римскими учеными—въ особенности Марціаномъ Капеллою и Боэціемъ. Первые вѣка схоластики тѣмъ и занимались, что изучали, комментировали эти переводы и, обладая ничтожными источниками преданія, сосредоточили свое вниманіе на какихъ нибудь семи классическихъ сочиненіяхъ, касавшихся логики. IX и X вѣка были эпохою чисто пассивнаго повторенія взглядовъ Боэція. Но съ XI вѣка, съ появленіемъ Росцеллина, таившіяся, до того мирно уживавшіяся, разнорѣчія относительно происхожденія родовъ и видовъ становятся въ рѣзкое противорѣчіе и даютъ поводъ къ образованію двухъ противоположныхъ школъ—номинализма и реализма. Росцеллинъ, какъ представитель номинализма, вступаетъ въ неравную борьбу съ реалистами — Анзельмомъ Кентерберійскимъ и падаетъ подъ тяжестію церковнаго осужденія, увлекая за собою и самую школу.

Вопросы, какъ и люди, каждый имѣетъ свое время. XI и XII вѣка занимались преимущественно вопросомъ объ universalia: въ немъ преимущественно сосредоточивались философскіе интересы, различными рѣшеніями его опредѣлялось разнообразіе школъ. Тогда какъ кредитъ номинализма, осмѣлившагося критиковать важнѣйшій христіанскій догматъ, былъ совершенно подорванъ въ тогдашнихъ умахъ и, что особенно важно, въ глазахъ Церкви, реализмъ безпрепятственно развивался и нашелъ себѣ опору въ Вильгельмѣ изъ Шампо и основанной имъ школѣ Св. Виктора.

Но, какъ часто случается съ насильственно подавляемыми мнѣніями, номинализмъ, уничтоженный въ одной формѣ, воскресъ другой. Его духъ очевиденъ въ мнѣніяхъ Абэляра, не раздѣлявшаго крайностей реализма. Такъ какъ вниманіе мыслителей было сосредоточено на этомъ вопросѣ, то мнѣнія ихъ разнообразятся, оттѣняются, и мы видѣли изъ свидѣтель-

ства Іоанна Салисберійскаго, до какой дробности дошли школы по вопросу объ universalia.

Главнѣйшій интересъ исторіи логики за это время исчерпывается борьбою номиналистовъ и реалистовъ. Но съ другой стороны скудныя логическія знанія эпохи собираются въ систему и въ діалектикѣ Абеляра мы могли видѣть образецъ логики, какъ системы того времени.

Съ увеличеніемъ размѣра преданій чрезъ новые переводы Аристотеля, благодаря трудамъ Византійскихъ ученыхъ, комментаріямъ арабскихъ философовъ, горизонтъ зрѣнія схоластики расширяется. Но она вся отдается пассивному изученію, комментированію новаго пріобрѣтеннаго ею матеріала. Несмотря на свой громадный умъ, Ѳома Аквинатъ для логики, какъ и для философіи, есть просто комментаторъ Аристотеля.

Въ половинѣ XIII вѣка дѣлается извѣстнымъ на западѣ чрезъ переводъ Петра Испанца синопсисъ Пселла. Въ исторіи логики это явленіе было событіемъ, опредѣлившимъ ея судьбы почти на все время до исхода среднихъ вѣковъ и даже въ началѣ новыхъ. На основѣ Органона растутъ и размножаются логико-грамматическія тонкости, разростаются опредѣленія, различенія, дѣленія, правила, иногда не имѣющія смысла, никакой приложимости къ дѣлу. Съ особенною любовію разработывается отдѣлъ тогдашней логики de terminorum proprietatibus и перипатетическая школа преимущественно развиваетъ подробности этого отдѣла.

Но почти одновременно съ обновленіемъ средневѣковой логики чрезъ переводъ Петра Испанца, возникаетъ попытка дать руководство къ открытіямъ, къ рѣшенію всевозможныхъ вопросовъ. Раймундъ Луллій, воспитавшись во взглядахъ схоластики на дѣло логическаго мышленія, какъ чисто механическій трудъ, думаетъ обновить мышленіе своей эпохи своимъ Ars. Его руководство, сначала принятое холодно, постепенно пріобрѣтаетъ себѣ защитниковъ и приверженцевъ и получаетъ особенный ходъ въ концѣ XV и XVI столѣтія, такъ что даетъ поводъ къ образованію особой, отдѣльной отъ перипатетиковъ школы Луллистовъ.

Новое время чувствуетъ потребность снять съ себя оковы схоластики и въ критикѣ Аристотеля ищетъ оправданія для своего отдѣленія отъ нея. Петръ Рамусъ, въ страстной полемикѣ противъ этого философа и перипатетической логики вообще, находитъ слабымъ и негоднымъ все, что ни сказано Аристотелемъ. Но, не зная новой цѣли, новыхъ пріемовъ, новаго горизонта зрѣнія, онъ все еще остается представителемъ поражаемой имъ схоластики. Хотя въ оппозицію перипатетикамъ основывается имъ новая школа рамистовъ, но и въ ней вѣетъ духъ той же схоластики и также она, въ сущности, повторяетъ только ненавидимаго ею Аристотеля.

III.

ФОРМАЛЬНАЯ ЛОГИКА.

Логика, извѣстная въ настоящее время подъ именемъ формальной, произошла отъ схоластической діалектики. Чѣмъ послѣдняя была для среднихъ вѣковъ, тѣмъ первая для послѣднихъ трехъ вѣковъ, т. е. XVII, XVIII и XIX-го столѣтій. Формальная логика имѣла и имѣетъ распространеніе преимущественно на континентѣ Европы. Англія въ лицѣ Бакона Веруламскаго еще съ XVI-го столѣтія вышла на новый умственный путь и создала свою индуктивную логику. Но континентальные умы, за исключеніемъ можетъ быть двухъ послѣднихъ десятилѣтій, учились только логикѣ формальной и въ большинствѣ оставались чужды духу и стремленіямъ логики индуктивной.

Формальная логика есть переработанная діалектика среднихъ вѣковъ. Переработка касалась двухъ пунктовъ. Съ XVI-го вѣка діалектика постепенно сокращается въ своихъ подробностяхъ: выпускаются многія ненужныя тонкости, между прочимъ безплодный логико-грамматическій анализъ. Такъ, изъ логики почти изчезаетъ отдѣлъ de terminorum proprietatibus, опускаются разныя различенія въ praedicamenta, praedicabilia. Топика значительно сокращается, а затѣмъ совершенно выпускается. Съ другой стороны, формальная логика отрѣшается отъ обычной системы діалектики. Схоластика не имѣла, въ сущности, своей логической системы. Мы видѣли, что ея логика слѣдовала порядку сочиненій Аристотеля, т. е. Органона, и къ нему присоединяла, чисто внѣшнимъ образомъ, новоизобрѣтаемыя подробности. Оттого можно сказать, что діалектика не имѣла строгой внутренней системы. Съ XVII-го столѣтія логика, отчасти слѣдуя высказанному, но не осуществленному принципу Петра Рамуса — обращать вниманіе не на слова, а на самое

дѣло, въ нихъ выражающееся, начинаетъ разсматривать уже самые пріемы мышленія и такимъ образомъ влагаетъ новый смыслъ даже въ тѣ отдѣлы логики, которые достались ей въ наслѣдіе отъ схоластической діалектики. Является рѣчь о понятіяхъ (термины въ схоластикѣ), сужденіяхъ (предложенія прежде). Отдѣлъ о методѣ, уже введенный въ логику школами Луллія и Рамуса, развивается съ особеннымъ тщаніемъ. Къ сожалѣнію однакожъ, эта новая логика не освобождается отъ формальнаго мертвеннаго отношенія къ своему дѣлу и во многихъ представителяхъ своихъ также уклоняется въ безплодныя умозрѣнія, преслѣдуя иногда болѣе требованія системы, чѣмъ практическую пользу и приложимость своихъ правилъ.

Судьбы формальной логики могутъ быть изображены въ слѣдующихъ немногихъ словахъ. Въ первый разъ серьезной переработкѣ схоластическая діалектика подверглась въ школѣ Декарта. Logique ou l'art de penser этой школы сдѣлалась основою континентальной логики новыхъ вѣковъ. Дальнѣйшую разработку она получила въ школѣ Лейбнице — Вольфовской, преимущественно въ трудахъ самого Вольфа. Затѣмъ логика Вольфа была нѣсколько видоизмѣнена Кантомъ и его школою. Въ то время какъ послѣ Канта философскія системы трансцендентальнаго идеализма относились съ совершеннымъ пренебреженіемъ къ обыкновенной формальной логикѣ, послѣдняя была принята подъ покровительство Гербартомъ и его школою и въ настоящее время представляется преимущественно ею.

Декартъ и его школа.

Декартъ, (1596—1650), положившій начало новой философіи, относился къ логикѣ своего времени весьма недружелюбно. Его безпощадный скепсисъ, съ которымъ онъ отнесся ко всей наукѣ своего времени, не могъ не коснуться и логики. Съ практической стороны, онъ замѣчаетъ относительно ея (De usu librorum et Vœtii doctrina. Renati Des Cartes opera philos. Francof. 1692 p. 328), что благодаря ей молодые люди скоро научаются болтать о встрѣчающихся вопросахъ съ общихъ точекъ зрѣнія, но именно этою легкостію портятъ свой здравый разсудокъ (rationem suam naturalem — corrumpunt). Въ Dissertatio de methodo (Renati Des Cartes Specimina philosophiæ seu diss. de meth. Franc. 1696 p. 9) онъ неодобрительно выражается о логикѣ какъ перипатетиковъ, такъ и Луллія. «Что касается до логики, то я замѣтилъ, что формы силлогизмовъ и почти всѣ другія правила ея не столько полезны къ изслѣдованію неизвѣстнаго, сколько къ передачѣ другимъ

имѣющагося уже знанія. или, какъ напр. искусство Луллія, полезны къ тому, чтобъ широковѣщательно и безъ смысла болтать о томъ, чего не знаемъ». Поэтому онъ искалъ метода, который былъ бы простъ, но велъ бы къ цѣли, т. е. служилъ бы дѣйствительно руководительнымъ началомъ при изслѣдованіи вопросовъ «Вмѣсто безконечнаго множества правилъ, которыми наполнена логика, говоритъ онъ (Ibid. p 10), я полагалъ, что для меня достаточно будетъ слѣдующихъ четырехъ:

1) Первое: ничего никогда не принимать за истинное, что не познано мною какъ несомнѣнно и очевидно истинное, т. е. тщательно избѣгать всякой торопливости въ сужденіяхъ и преждевременности выводовъ, допускать въ заключеніи только то, что представляется уму ясно, раздѣльно и безъ всякихъ сомнѣній.

2) Трудные вопросы должны быть при изслѣдованіи дѣлимы на столько частей, сколько нужно для удобнѣйшаго ихъ разрѣшенія.

3) Всѣ представленія, потребныя къ изслѣдованію истины, развивать въ извѣстномъ порядкѣ: начиная отъ самыхъ простыхъ и удобныхъ для познанія вещей, восходить понемногу и постепенно къ познанію трудныхъ и наиболѣе сложныхъ.

4) Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ останавливаться на всѣхъ подробностяхъ и на все обращать вниманіе, дабы быть увѣреннымъ, что ничего не опущено безъ вниманія.

Эти правила просты, ясны и достаточны въ методическомъ отношеніи для чисто дедуктивнаго мышленія, образцы котораго далъ Декартъ въ своей философіи. Но понятно, что они не могли упразднить потребности изслѣдовать способы и пріемы мышленія, правила, которыми оно должно руководиться. Поглощенный мыслію отыскать основанія всякой науки и всякого познанія, перестроить всю храмину современнаго ему знанія, Декартъ могъ презрительно относиться къ схоластической философіи, развившейся на Аристотелѣ, и еще презрительнѣй могъ судить о схоластической логикѣ, приспособленной болѣе къ реторикѣ, чѣмъ къ потребностямъ солиднаго философскаго мышленія. Но лишь только прошелъ оппозиціонный пылъ, столь обычный въ реформаторской средѣ, школа Декарта обратилась къ изслѣдованію пріемовъ логическаго мышленія и создала логику, отъ которой ведетъ свое начало наша современная формальная логика.

Мы разумѣемъ здѣсь извѣстное сочиненіе La Logique ou l'art de penser, contenant outre les Regles communes, plusieurs observations nouvelles, propres à former le jugement, которой первое изданіе явилось въ 1644 году и которая съ тѣхъ поръ множество разъ издавалась въ Парижѣ. Мы пользовались 3-мъ изданіемъ 1668 года Авторъ этой

книги не извѣстенъ, одни полагаютъ, что она написана Ант. Арнольдомъ, другіе Николемъ; во всякомъ случаѣ она явилась изъ среды послѣдователей Декарта—портроялькихъ янсенистовъ. Ознакомимся прежде всего съ ея содержаніемъ.

Въ этомъ сочиненіи Аристотелевская логика переработана подъ вліяніемъ идей философіи Декарта. Авторъ мотивируетъ появленіе своего труда тѣмъ, что несправедливо отвергать хорошія стороны логики изъ-за того, что она можетъ быть злоупотребляема, что невѣроятно, чтобъ столько великихъ умовъ, съ такимъ тщаніемъ выработывавшихъ правила силлогизаціи, не создали ничего солиднаго, и наконецъ, что установившійся обычай уже требуетъ знанія, по крайней мѣрѣ общаго знанія логики (Premier discours, p. 14). Поэтому авторъ старался собрать въ книгу все, что есть дѣйствительно полезнаго въ обыкновенной логикѣ, наприм. правила фигуръ, раздѣленіе терминовъ, идей, нѣкоторыя наблюденія надъ предложеніями. Нѣкоторыя вещи, хотя и безполезныя, какъ категоріи, общія мѣста, названія modus'овъ силлогизмовъ, помѣщены здѣсь потому, что кратки и легки для усвоенія, но опущено все, что схоластическою логикою относилось къ отдѣлу de terminorum proprietatibus, равно какъ вопросъ объ universalia (17—19).

Логика понимается уже не какъ ars bene disserendi, но какъ искусство правильно прилагать разумъ къ познанію вещей столько же для собственнаго наученія, сколько и для наученія другихъ. Это искусство предполагаетъ наблюденіе надъ основами дѣятельности ума — понятіемъ, сужденіемъ, умозаключеніемъ и приведеніемъ содержанія въ порядокъ (ibid. p. 39). Слѣдовательно, по этому опредѣленію, логика есть какъ бы анализъ основныхъ пріемовъ ума. Очевидно, она получаетъ здѣсь новый смыслъ и ей поставляются новыя болѣе разумныя, чѣмъ во времена схоластики, задачи.

Подъ понятіемъ авторъ разумѣетъ простое представленіе вещи или ея идею. Сужденіе опредѣляется какъ дѣйствіе ума, который, связывая вмѣстѣ различныя идеи, утверждаетъ или отрицаетъ, что одинъ предметъ имѣетъ извѣстное качество. Это опредѣленіе сужденія становится съ этого времени обычнымъ въ формальной логикѣ. Умозаключеніе есть дѣйствіе ума, чрезъ которое онъ образуетъ новое сужденіе изъ многихъ другихъ. Приведеніе въ порядокъ есть расположеніе умомъ понятій, сужденій и умозаключеній по способу, наиболѣе пригодному для сообщенія знанія о предметѣ. Сообразно съ этими пріемами ума, логика раздѣляется на четыре части (ibid. p. 39—40).

Въ первой части говорится о понятіяхъ. Идеи можно разсматривать

со стороны ихъ природы и происхожденія, содержанія, простоты или сложности, протяженія (объема), темноты и ясности.

Мы имѣемъ идею, когда можемъ сказать о себѣ, что понимаемъ дѣйствительно извѣстную вещь, каково бы понятіе наше ни было (p. 45). Эта идея есть представленіе вещи, дѣйствительно существующей. Авторъ полемизируетъ противъ мнѣнія: nihil est in intellectu quod non prius fuerit in sensu, указываетъ въ духѣ Декарта на первоначальныя положенія, очевидныя сами по себѣ, какъ напр. cogito, ergo sum, первоначальныя идеи мысли, бытія и т. д. (p. 50) и высказываетъ при этомъ мысль Гейлинкса, что ни одна идея наша не возникаетъ изъ чувствъ, но движенія мозга служатъ поводомъ для души образовывать идеи, которыхъ безъ того она не создала бы (p. 53).

Идеи, разсматриваемыя со стороны предметовъ ихъ, говорятъ намъ или о сущности или о видоизмѣненіи ея (mode). Сущность и ея видоизмѣненіе различаются такъ, что безъ modi можно ясно и раздѣльно понять сущность, но не наоборотъ (p. 56). Ученіе о категоріяхъ Аристотеля въ томъ видѣ, въ какомъ оно было поставлено въ обыкновенныхъ логикахъ, авторъ считаетъ не только мало полезнымъ, но и вреднымъ по двумъ причинамъ: во 1-хъ, на нихъ смотрятъ какъ на нѣчто святое, установленное, тогда какъ, въ сущности, они установлены весьма произвольно; во 2-хъ, изучая ихъ, люди привыкаютъ слова принимать за дѣло и воображать, что они знаютъ все на свѣтѣ (p. 60—61).

Идеи могутъ быть простыя или сложныя. Можно познавать предметъ чрезъ ихъ части или стороны и такое познаніе называется отвлеченіемъ (abstraction). Отвлеченіе бываетъ различныхъ родовъ: 1) можно отвлекать отъ цѣлаго части, напр. тѣло человѣческое, какъ цѣлое, познается предварительно въ своихъ частяхъ; 2) можно разсматривать modi, т. е. видоизмѣненія отдѣльно отъ ихъ сущности; 3) каждый признакъ отдѣльно отъ другого. Путемъ отвлеченія разумъ идетъ къ самымъ общимъ понятіямъ (p. 63—66).

Идеи могутъ быть общими, частными, единичными. Здѣсь уже говорится о содержаніи и объемѣ понятія (la comprehension et etendue) въ томъ же смыслѣ, какъ и теперь въ логикахъ. Отвлеченію противоположенъ процессъ ограниченія (p. 67—70). Авторъ излагаетъ затѣмъ ученіе о praedicabilia, т. е. пяти universalia—родѣ, видѣ, различіи, свойственномъ признакѣ и случайномъ—не только потому, чтобъ былъ убѣжденъ въ ихъ пользѣ, сколько изъ той delicatesse къ общепринятымъ мнѣніямъ, о которой онъ говоритъ въ своемъ предисловіи. Сложные термины могутъ быть разъясняемы чрезъ выясненіе и ограниченіе (explication, determination) (p. 70—86).

Можно различать идеи по ихъ сравнительной ясности. Понятіе бываетъ ясно въ силу своей раздѣльности, темно вслѣдствіе неопредѣленности содержанія. Такъ какъ ясность идей имѣла такое важное значеніе въ школѣ Декарта, то логика приводитъ многочисленные примѣры, на которыхъ это понятіе разъясняется, и разъясняетъ причины темноты идей (р. 87—97), особенно нравственныхъ (р. 97—107); она обращаетъ вниманіе на языкъ, какъ причину ея, и на главное средство для избѣжанія ея — опредѣленіе, причемъ различаются номинальныя и реальныя опредѣленія и разные виды номинальныхъ (112—134).

Понявъ вещи чрезъ идеи, мы сравниваемъ ихъ вмѣстѣ, и находя, что однѣ согласны между собою, другія нѣтъ, мы или связываемъ ихъ или разъединяемъ, т. е. утверждаемъ или отрицаемъ. Это значитъ — судить. Сужденія или предложенія могутъ быть утвердительныя, отрицательныя, общія, частныя и единичныя, по содержанію — истинныя и ложныя и наконецъ вѣроятныя (135—139).

Разныя предложенія бываютъ въ различной степени противоположны другъ другу, просты и сложны (139 — 146); къ числу сложныхъ относятся предложенія вводныя. Нѣкоторый схоластическій духъ, однако, вѣетъ еще въ замѣткахъ относительно возможной ложности предложеній сложныхъ и вводныхъ (147—158). Сложныя предложенія бываютъ возможныя, случайныя, невозможныя, необходимыя; есть обыкновенное различеніе предложеній по ихъ модальности.

Сложныя предложенія тѣ, въ которыхъ двойное подлежащее и двойное сказуемое. Эта двойственность можетъ быть прямо выражена или скрыта. Разсматриваемыя съ первой точки зрѣнія, предложенія называются соединительными и раздѣлительными, условными и причинными, относительными и ограничительными (158—170). Предложенія, сложный характеръ которыхъ не ясно выраженъ, называются exponibilia, т. е. требующими выясненія (названіе заимствовано, очевидно, изъ схоластической логики) и бываютъ исключительныя, выдѣлительныя (excertives), сравнительныя и начинательныя (170 — 180). Авторъ замѣчаетъ, какъ въ трудныхъ случаяхъ находить въ предложеніи подлежащее или сказуемое, различать всеобщее или частное сужденіе (180 — 195), говоритъ объ опредѣленіи и дѣленіи, которыя выражаются также предложеніями, особенно же объ опредѣленіи реальномъ (195—204).

Значительныя главы второй части содержатъ ученіе о превращеніи предложеній. Такъ какъ это дѣйствіе основывается на сущности утвержденія и отрицанія, высказываемаго въ предложеніяхъ, то въ логикѣ предполагаются аксіомы, разъясняющія смыслъ того и другого: 1) утвердительное предложеніе полагаетъ сказуемое въ подлежащемъ во всемъ томъ

объемѣ, какой оно имѣетъ въ предложеніи, т. е. если подлежащее частное, то и сказуемое тоже частное; 2) сказуемое въ утвердительномъ предложеніи утверждается во всемъ своемъ значеніи; 3) сказуемое утвердительнаго предложенія не полагается во всемъ объемѣ, когда оно по значенію шире подлежащаго; 4) объемъ сказуемаго ограничивается подлежащимъ, т. е. изъ него утверждается только та часть, которая можетъ быть прилагаема къ послѣднему. Слѣдуютъ затѣмъ извѣстныя правила превращенія утвердительныхъ предложеній. Въ такомъ же родѣ предлагается ученіе о превращеніи отрицательныхъ предложеній (204—214).

Третья часть говоритъ объ умозаключеніи. Послѣ общихъ замѣтокъ о нихъ авторъ дѣлитъ ихъ на простыя и сложныя (215—222). Далѣе излагаются: шесть правилъ всякой силлогизаціи, которыя въ томъ или другомъ видѣ излагаются и теперь въ формальныхъ логикахъ, ученіе о modus-ахъ и фигурахъ силлогизмовъ (224—233). Въ ученіи о первыхъ трехъ фигурахъ ничего новаго нѣтъ, но, прежде называвшіеся косвенными, modi первой фигуры или Θеофрастовскіе выдѣляются здѣсь въ особую четвертую фигуру, что съ сего времени дѣлается обычнымъ въ логикахъ. Названія modi этой фигуры не тѣ, какія у Петра Испанца, а приближаются къ современнымъ (Barbari, Calentes, Dibatis, Fespamo, Fresison, 233—248).

Посвятивъ двѣ главы способамъ повѣрки вѣрности силлогизмовъ (249—267), авторъ переходитъ къ силлогизмамъ соединительнымъ, которыхъ онъ насчитываетъ три рода: условные, раздѣлительные и соединительные (267—280). Каждый изъ этихъ силлогизмовъ разбирается довольно подробно. Далѣе говорится объ энтимемахъ и силлогизмахъ сложныхъ, называемыхъ здѣсь соритами, подъ которыми разумѣются восхожденія мыслей (gradations), дилеммы и эпихиремы (280—290). Признавая, что топика или общія мѣста не имѣютъ серьезнаго значенія, авторъ однакожъ удѣляетъ имъ нѣсколько вниманія и дѣлитъ ихъ на общія мѣста грамматическія, логическія и метафизическія (290—304). Слѣдуетъ затѣмъ анализъ софизмовъ. Изъ множества софизмовъ, упоминавшихся въ схоластической логикѣ, говорится только о девяти, такъ какъ остальные очень грубы и очевидны въ своей лжи (304 — 334). Къ этому авторъ присоединяетъ замѣтки о софизмахъ, допускаемыхъ въ общественной жизни и въ обыкновенныхъ разговорахъ: именно о тѣхъ, которые допускаются изъ самолюбія, своекорыстія и страстей, или возникаютъ изъ какихъ либо ошибокъ въ сужденіяхъ о предметахъ, т. е. причины которыхъ находятся въ внѣшней видимости. Эта глава (XIX 332—376) написана съ такимъ глубокимъ знаніемъ сердца и ума человѣческаго, что и теперь нельзя не увлекаться ею.

Четвертая часть занимается методомъ. Эта часть признается авторомъ за самую полезную и важную изъ всѣхъ частей логики. На методѣ основывается доказательство, т. е. рядъ умозаключеній, доказательство же своею цѣлію имѣетъ науку. Поэтому сначала онъ говоритъ о наукѣ, затѣмъ о методѣ и наконецъ о доказательствѣ.

Противъ скептиковъ авторъ доказываетъ фактъ существованія науки вообще и обнаруживаетъ огромное довѣріе къ разуму, утверждая, что познаваемое умомъ достовѣрнѣе познаваемаго чувствами. Впрочемъ, есть вопросы, которые никогда не разрѣшаются разумомъ. Таковы нѣкоторые религіозные догматы, слишкомъ неопредѣленные, отвлеченные вопросы метафизики (р. 377—391). Методомъ называется способъ расположенія мыслей, дабы открыть незнаемую нами истину или доказать другимъ истинность знаемой нами. Методъ бываетъ аналитическимъ, который здѣсь называется методомъ изобрѣтенія, и синтетическимъ или методомъ науки (р. 391—397).

Можно заниматься вопросами или о словахъ или о вещахъ. Вопросы послѣдняго рода могутъ быть сведены къ четыремъ видамъ. Во 1) можно изслѣдовать причины дѣйствій, 2) или дѣйствія чрезъ причины, 3) цѣлое чрезъ его части, 4) чрезъ цѣлое и данную часть—другія части его. Каковъ бы вопросъ ни былъ, прежде всего необходимо ясно и раздѣльно понять то, что̀ спрашивается: ибо въ самомъ вопросѣ отчасти намѣчается путь, по которому должно идти къ изслѣдованію неизвѣстнаго. При употребленіи метода аналитическаго, какъ и синтетическаго, 1) необходимо переходить отъ болѣе извѣстнаго къ менѣе извѣстному; 2) анализъ отличается отъ синтеза тѣмъ, что первый пользуется общими положеніями для изслѣдованія частныхъ вещей; 3) онъ обращается къ помощи ясныхъ и очевидныхъ истинъ, т. е. аксіомъ, только по мѣрѣ нужды въ нихъ; 4) при анализѣ мы восходимъ въ своихъ положеніяхъ къ болѣе общимъ, при синтезѣ же нисходимъ (379—402).

Такъ какъ синтетическій методъ употребляется преимущественно въ геометріи, то авторъ представляетъ анализъ геометрическаго метода. Геометры держатся слѣдующихъ правилъ: въ своихъ опредѣленіяхъ они 1) употребляютъ термины не иначе, какъ давая имъ точное опредѣленіе; 2) пользуются только совершенно извѣстными или объясненными терминами; 3) полагаютъ аксіомами только истины совершенно очевидныя; 4) въ своихъ доказательствахъ они пользуются выясненными опредѣленіями, или общепризнанными аксіомами, или доказанными положеніями; 5) никогда не злоупотребляютъ двусмысленными терминами (р. 404).

Слѣдуетъ разборъ элементовъ доказательства: опредѣленія (405—415) и аксіомъ. Анализъ аксіомъ приводитъ автора къ слѣдующимъ двумъ

правиламъ: 1) когда для того, чтобъ видѣть, что признакъ идетъ къ предмету, напр. чтобъ видѣть, что цѣлое больше своей части, нужно только представить себѣ эти двѣ идеи и даже при небольшомъ вниманіи нельзя будетъ не замѣтить, что идея свойства заключается въ идеѣ предмета, то можно принимать такое предложеніе за аксіому, не требующую доказательства; оно очевидно въ такой степени, что не нуждается въ доказательствѣ: къ чему доказывать съ помощію третьей идеи, что связь идей въ аксіомѣ необходима, когда это и безъ того очевидно? 2) Когда недостаточно представить себѣ идеи предмета и признака, дабы видѣть что послѣдній идетъ къ первому, то предложеніе, въ которомъ соединяются эти идеи, не должно быть принимаемо за аксіому: дабы связь ихъ была очевидна, оно должно быть доказано съ помощію какихъ нибудь другихъ идей, подобно тому, какъ пользуются параллельными линіями для доказательства, что сумма внутреннихъ угловъ треугольника равняется двумъ прямымъ. Затѣмъ перечисляются главнѣйшія аксіомы. Въ сущности онѣ суть принятые школою Декарта метафизическіе принципы (416—427).

Истинное доказательство требуетъ двухъ вещей: чтобъ содержаніе его было вѣрно и несомнѣнно, чтобъ не было погрѣшности въ формѣ его. Эти условія могутъ быть достигнуты только при точномъ соблюденіи всѣхъ правилъ, данныхъ относительно опредѣленій, аксіомъ, силлогизмовъ. Авторъ указываетъ ошибки, часто встрѣчающіяся въ геометрическомъ методѣ: 1) когда заботятся болѣе о достовѣрности, чѣмъ очевидности, объ убѣжденіи ума, чѣмъ его просвѣщеніи; 2) доказываются вещи, не требующія доказательства. Замѣчательно, что доказательство per impossibile или deductio ad absurdum причисляется авторомъ къ вообще весьма слабымъ доказательствамъ: по его мнѣнію оно можетъ быть употребляемо только тогда, когда рѣшительно нѣтъ другихъ. 3) Ошибками въ доказательствахъ также должно считать чрезмѣрную длинноту доказательствъ; 4) отступленіе отъ естественнаго хода мыслей (т. е. отъ извѣстнаго къ менѣе извѣстному); 6) неупотребленіе дѣленій (428—442), Послѣ краткаго resumé правилъ, соблюденіе которыхъ требуется правильностію научнаго метода, авторъ занимается вопросами объ условіяхъ вѣры и всякой достовѣрности. Предметъ этотъ съ сего времени становится достояніемъ практической логики (442—462). Послѣдняя глава занимается сужденіями о будущемъ и здѣсь предлагаются элементарныя основанія теорія вѣроятности (463—473).

Это сочиненіе имѣло рѣшительное вліяніе на развитіе формальной логики. Тогда какъ схоластическая логика пассивно слѣдовала за Аристотелемъ и логическій анализъ подчиняла грамматическимъ и реторическимъ цѣлямъ, порт-роялькая логика возвысилась до мысли о необходимости

изслѣдованія самыхъ пріемовъ мышленія. Эта идея дала ей самостоятельную систему. Оттого она логичнѣй и систематичнѣй, чѣмъ схоластическая логика. Стремленіе идти на встрѣчу дѣйствительнымъ нуждамъ мышленія сказалось въ самомъ характерѣ логическихъ примѣровъ. Схоласты не заботились о смыслѣ ихъ: какую угодно нелѣпость схоластическая логика охотно усвоила бы себѣ, лишь бы на ней можно было видѣть примѣръ какого нибудь логическаго правила. La logique беретъ примѣры изъ тогдашней науки или жизни и они могли бы годиться для настоящаго времени. Даже и тѣ подробности, которыя перешли въ нее изъ схоластики, представляются въ ней съ новымъ смысломъ: exponibilia въ La logique не кажутся столь безсмысленными, какъ у Петра Испанца. Посему не будетъ преувеличеніемъ сказать, что въ этомъ трудѣ логика снова возвращается къ тому здравому смыслу, съ какимъ разработывалъ ее великій Стагиритъ.

Вмѣсто исключенныхъ подробностей, въ Logique являются новыя. Анализъ понятій превращается въ изслѣдованіе основнаго процесса мышленія—отвлеченія и мы видѣли, какъ онъ всестороненъ. Особенно же важно то развитіе, какое дано четвертой части логики или ученію о методѣ. Что Петру Рамусу представлялось въ неясныхъ очертаніяхъ, то здѣсь представляется въ настоящемъ свѣтѣ; его pia desideria выполняются. Методы синтетическій и аналитическій, доказательства разбираются здѣсь весьма подробно. Вообще это сочиненіе не утратило своихъ достоинствъ и въ настоящее время.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ эта логика все таки осталась вѣрна главной идеѣ Органона. Какъ Аристотель смотрѣлъ на процессъ мысли, какъ на сочетаніе, сопоставленіе, прямое или непрямое соединеніе терминовъ, такъ этого же взгляда держится и Logique, съ тѣмъ только различіемъ, что здѣсь вмѣсто терминовъ являются понятія. Она утратила многія свойства, которыя весьма невыгодно отличали схоластическую логику, но подобно послѣдней, задалась также изслѣдованіемъ однихъ только сочетаній понятій.

Ни одинъ изъ трудовъ второй половины XVII, XVIII и даже XIX вѣковъ не остался безъ прямого или косвеннаго вліянія La Logique. Какъ чисто схоластическая логика вела свое начало отъ руководства Петра Испанца, такъ формальная-отъ La Logique.

Декартовская школа создала свою логику, которая сдѣлалась нормою не только для этой школы, но и вообще для французскихъ мыслителей. Дѣйствительно, французская логика въ большей части своихъ представителей осталась вѣрна ей даже до настоящаго времени. Если иногда она видоизмѣнялась, то преимущественно подъ германскимъ вліяніемъ.

Притомъ слѣдуетъ сказать, что ни въ XVIII ни въ XIX столѣтіяхъ она не привлекала къ себѣ во Франціи особеннаго сочувствія. Поэтому особеннаго движенія во французской логикѣ мы и не замѣчаемъ.

Логика Вольфа.

Но въ Германіи она дѣятельно разработывалась въ школахъ и получила новый видъ въ школѣ Лейбница, имѣвшей столь большое распространеніе въ Германіи и нераздѣльно господствовавшей въ ея школахъ до Канта. Популяризаторъ философіи Лейбница, Вольфъ, старался примѣнить логику къ потребностямъ тогдашняго знанія и съ этою цѣлію написалъ два сочиненія: Vernunftige Gedanken von den Kraften des menschlichen Verstandes, 1710 и Philosophia rationalis sive Logica, methodo scientifica pertractata et ad usum scientiarum atque vitae aptata. Autore Christ. Wolfio, 1758. Мы обратимъ вниманіе на послѣднее сочиненіе, ибо оно болѣе знакомитъ, чѣмъ первое, съ идеями Вольфа о логикѣ. Это сочиненіе тѣмъ болѣе заслуживаетъ нашего вниманія, что учебники его школы, сокращавшіе только объемъ большой логики, но оставившіеся вѣрными логическимъ взглядамъ ея, имѣли распространеніе и въ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ школахъ XVIII и начала XIX столѣтій.

Изложенію логики предшествуетъ общее философское введеніе, гдѣ трактуется о способахъ познанія: историческомъ, философскомъ и математическомъ, о философіи вообще и особенно о философскомъ познаніи, о частяхъ философіи, естественномъ богословіи, психологіи и физикѣ. Душа можетъ быть изучаема или со стороны познавательной способности или желательной. Логика занимается изслѣдованіемъ первой, поскольку душа стремится къ познанію истины. Если мы желаемъ изучать философію, отдавая себѣ отчетъ въ способахъ достиженія истины, то тогда изученіе логики должно предшествовать изученію всѣхъ другихъ частей философіи. Но если отъ логики требовать полнаго доказательства ея правилъ, то, такъ какъ она заимствуетъ свои принципы изъ онтологіи (первой части метафизики) и психологіи, она должна слѣдовать за этими двумя науками (1—52).

Мы опускаемъ многія подробности, такъ какъ онѣ относятся или къ другимъ частямъ философіи или касаются философіи вообще. Переидемъ къ изложенію собственно логики.

Логика опредѣляется какъ наука управленія познавательною способностію для познаванія истины (scientia dirigendi facultatem cognoscitivam in cognoscenda veritate). Вольфъ различаетъ естественную ло-

гику. т. е. присущую душѣ познавательную способность, и логику пріобрѣтенную, какъ руководство къ познанію истины. Это обыкновенное различеніе логики utens отъ логики docens; послѣдняя развиваетъ и приводитъ къ ясному сознанію нашу познавательную способность. Какъ естественная, такъ и искусственная логика въ различныхъ людяхъ бываетъ на разныхъ ступеняхъ развитія. Пробнымъ камнемъ вѣрности искусственной логики служитъ прежде всего методъ шести древнихъ геометровъ; ибо всѣ логическія правила, согласныя съ нимъ, несомнѣнны. Далѣе, правильная логика должна давать отчетъ, почему естественная извѣстнымъ образомъ, а неиначе, связываетъ мысли. Наконецъ, правила искусственной логики должны быть развиваемы изъ самой природы человѣческаго ума (р. 107—124).

Все сказанное составляло только введеніе къ настоящей логикѣ. Изложеніе ея начинается указаніемъ источника нашихъ познаній: внутренняго и внѣшняго чувства и трехъ основныхъ дѣйствій ума: понятій сужденій, умозаключеній Понятіе опредѣляется какъ представленіе вещи умомъ (rerum in mente repraesentatio). Благодаря ему, происходитъ наше воспріятіе: ибо нельзя умственно обращаться къ вещи, не имѣя ея идеи. Сужденіемъ называется дѣйствіе ума, чрезъ которое мы приписываемъ и отрицаемъ отъ вещи нѣчто отъ нея отличное. Въ сужденіи умъ или соединяетъ понятія или разъединяетъ ихъ. Умозаключеніе есть такое дѣйствіе ума, въ которомъ изъ двухъ предложеній, имѣющихъ одинъ общій терминъ, образуется третье чрезъ соединеніе различныхъ терминовъ. Эти три дѣйствія ума развиваются въ такомъ порядкѣ: сначала понятіе, затѣмъ сужденіе, наконецъ умозаключеніе (р. 125—137).

Общія понятія суть тѣ, въ которыхъ мы представляемъ признаки общіе многимъ вещамъ. Здѣсь Вольфъ дѣлаетъ замѣчаніе, которое, къ сожалѣнію, вполнѣ забыто было послѣдующею логикою,—что общія понятія образуются не иначе, какъ съ помощію сужденій и умозаключеній: чрезъ сужденія мы находимъ, въ чемъ вещи сходны или различны, чрезъ умозаключенія мы дѣлаемъ выводы, всегда ли долженъ извѣстный признакъ быть присоединяемъ къ предмету или нѣтъ (р. 137—142).

Такъ какъ логика для доказательства своихъ правилъ заимствуетъ принципы изъ онтологіи, то до изслѣдованія самыхъ дѣйствій ума, авторъ устанавливаетъ нѣкоторые онтологическіе принципы. Между тѣмъ, что находится въ вещахъ, онъ различаетъ, съ одной стороны, постоянныя свойства, неизмѣнно пребывающія въ нихъ, пока они остаются въ извѣстномъ родѣ и видѣ (напр. твердость въ камнѣ, пока онъ остается камнемъ), съ другой—измѣняемыя. Пребывающее постоянно въ вещи можетъ составлять абсолютный предикатъ ея, измѣняемое высказывается

только подъ извѣстнымъ условіемъ. Постоянно пребывающіе признаки называются существенными (attributa propria sive proprietates essentiales, vel proprietates communes). Измѣнчивые признаки называются modi и они высказываются о вещахъ только подъ извѣстнымъ условіемъ. Чрезъ существенныя черты опредѣляются и взаимно различаются роды и виды. Когда признаки, оставленные въ понятіи неопредѣленными, точно обозначаются, то возникаетъ индивидуальное понятіе Слѣдовательно, индивидуумъ есть существо совершенно опредѣленное, или въ которомъ опредѣлено всѣ, что̀ въ немъ пребываетъ (142—154).

Понятія можно различать съ формальной стороны и матеріальной. Они могутъ быть достаточными для познанія вещи или недостаточными. Какъ само понятіе можетъ быть яснымъ и темнымъ, такъ и терминъ, ему соотвѣтствующій (слово, обозначающее его), можетъ быть таковымъ же. Темнота его зависитъ отъ того, что мы забываемъ главные признаки понятія, между тѣмъ какъ остальные недостаточны для яснаго представленія его. Ясное понятіе можетъ быть раздѣльнымъ, когда мы въ состояніи дать себѣ отчетъ въ признакахъ, и смѣшаннымъ, когда не можемъ сдѣлать того. Оно бываетъ полнымъ и недостаточнымъ, соотвѣтствующимъ (adaequata) и не соотвѣтствующимъ предмету. Всѣ эти замѣтки имѣютъ цѣлію исчерпать формальное различіе понятій (154—165).

Разсматриваемыя со стороны матеріальной, понятія могутъ быть простыя и сложныя. Первыя содержатъ въ себѣ одни только понятія, вторыя, кромѣ понятій, заключаютъ въ себѣ modi, опредѣленія. Роды и виды суть понятія простыя. Равно и термины могутъ быть простые и сложные. Далѣе, понятія какъ и термины; могутъ быть абстрактныя, и конкретныя, общія и единичныя (165—169).

Различныя замѣтки о терминахъ имѣютъ цѣлію подготовить логическую теорію опредѣленія. Оно есть рѣчь (oratio), которою означается понятіе полное и опредѣленное, соотвѣтствующее какому либо термину. Вольфъ излагаетъ полную теорію опредѣленій, такъ что послѣдующее время почти ничего не прибавило къ сказанному имъ.—Въ немъ должно перечислять столько признаковъ, сколько нужно для познанія вещи и различенія ея отъ другихъ, и таковыми признаками должны быть внутренніе, должно употреблять термины установленные и ясные. При перечисленіи ошибокъ въ опредѣленіи, авторъ указываетъ, что опредѣляемое не должно входить въ самое опредѣленіе (тождесловіе), что должно избѣгать circulus in definiendo. Авторъ указываетъ далѣе, въ какихъ случаяхъ и сколько существенныхъ свойствъ или признаковъ нужно вво-

дить въ опредѣленіе, и разъясняетъ различіе между номинальнымъ и реальнымъ опредѣленіемъ (169—215).

Сужденіе состоитъ изъ двухъ понятій: одного, которому что либо приписывается, другого, приписываемаго первому. Сужденіе, выраженное въ терминахъ, есть enunciatio, въ которомъ съ грамматической точки зрѣнія различаются подлежащее, сказуемое и связь. И сужденіе и предложеніе могутъ быть утвердительныя, т. е. такія, въ которыхъ отрицаніе относится къ подлежащему или сказуемому, а не связи. Слѣдуютъ сужденія категорическія, гипотетическія. Далѣе, предлагаются различныя замѣчанія относительно обширности приложенія родовыхъ или видовыхъ сказуемыхъ какъ въ категорическихъ, такъ и гипотетическихъ сужденіяхъ. Наконецъ, сужденія могутъ быть единичными, частными и всеобщими (215—253).

Затѣмъ слѣдуетъ анализъ математическихъ предложеній. Здѣсь мы встрѣчаемся съ предложеніями недоказываемыми, причемъ опредѣляются признаки ихъ, теоретическими и практическими, постулятами, положительными и отрицательными аксіомами, теоремами, проблеммами и королларіями (р. 253—262).

Въ главѣ о видоизмѣненіяхъ сужденій (de variis judiciorum affectionibus) излагается ученіе о равносильности сужденій или ихъ превращеніи, о разныхъ степеняхъ противоположности между ними. Замѣтками о правилахъ употребленія терминовъ въ сужденіи заканчивается ученіе о немъ. Въ послѣднюю главу вошла первая глава сочиненія Аристотеля о категоріяхъ (262—289).

Не будемъ излагать подробно ученіе Вольфа о силлогизмахъ. Отмѣтимъ только особенности его. Предъ изложеніемъ фигуръ онъ даетъ (294 р.) опредѣленіе силлогистическихъ принциповъ: dictum de omni et de nullo. Они опредѣляются такъ: все, что можетъ быть утверждаемо или отрицаемо относительно рода или вида, то утверждается или отрицается и о всякомъ родѣ или видѣ, которые содержатся подъ первыми. О четвертой фигурѣ онъ не упоминаетъ. Самыя фигуры разсматриваются у него, какъ виды категорическихъ силлогизмовъ. Къ сложнымъ силлогизмамъ авторъ относитъ гипотетическіе и раздѣлительные и послѣднихъ насчитываетъ пять видовъ. Энтимемы отнесены къ отдѣлу силлогизмовъ скрытныхъ (syllogismi cryptici); авторъ допускаетъ возможность сокращенія одной изъ посылокъ во всѣхъ трехъ фигурахъ силлогизма, даже въ гипотетическихъ и раздѣлительныхъ силлогизмахъ. Вообще отдѣлъ о скрытныхъ силлогизмахъ развитъ весьма подробно и авторомъ указываются многіе виды ихъ. Рядомъ съ соритомъ вводится ученіе о полисиллогизмахъ съ ихъ неизбѣжными составными частями: просиллогизмами и

эписиллогизмами. Послѣднюю главу о силлогизмахъ, какъ и въ прежнихъ отдѣлахъ, составляютъ замѣтки объ употребленіи терминовъ въ умозаключеніяхъ (289—384).

Ученіе о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ составляетъ первую или теоретическую часть логики Вторая практическая—трактуетъ объ употребленіи логики или приложеніи ея къ дѣлу. Въ этой части есть много лишняго, прямо не относящагося къ логикѣ, но нельзя не сознаться, что въ ней много практически-полезнаго. Она совершенно самостоятельно разработана Вольфомъ и составляетъ въ исторіи нашей науки дѣйствительный шагъ впередъ.

Прежде всего говорится о критеріи истины. Если какой нибудь утвердительный или отрицательныи предикатъ абсолютно или подъ какимъ нибудь условіемъ идетъ къ субъекту, предложеніе называется истиннымъ, въ противномъ случаѣ ложнымъ. Слѣдовательно истина есть согласіе нашего сужденія съ субъектомъ или представленною вещію. Это и есть логическая истина. Такимъ пробнымъ камнемъ повѣряется истинность всякихъ утвердительныхъ и отрицательныхъ сужденіи. Такъ какъ узнать, что сказуемое идетъ къ подлежащему, возможно только чрезъ понятіе послѣдняго, то критеріи истины есть опредѣлимость предиката чрезъ понятіе субъекта. При этомъ указывается, какой характерный признакъ возможныхъ, понятныхъ и непонятныхъ сужденій, въ какой степени различно-противоположныя сужденія предполагаютъ взаимную истинность или ложность, когда условное сужденіе или заключеніе можетъ быть вѣрнымъ, въ какихъ случаяхъ изъ вѣрныхъ посылокъ не слѣдуетъ правильнаго вывода и т. п. Такъ какъ одинъ изъ признаковъ вѣрности многихъ сужденій тотъ, что они могутъ быть доказываемы, то ученіе объ истинности ихъ предполагаетъ ученіе о способахъ доказыванія (387—411).

Доказательство можетъ быть прямое или непрямое. Прямое можетъ состоять какъ изъ категорическихъ, такъ и гипотетическихъ сужденій. Оба способа доказательствъ основываются на силлогизмахъ; принципами ихъ должны быть опредѣленія, несомнѣнные опыты, аксіомы и доказанныя положенія (412—430).

Истинное предложеніе можетъ быть извѣстнымъ и неизвѣстнымъ. Извѣстность бываетъ a priori и posteriori. Когда причина, по которой предикатъ приписывается субъекту, не совсѣмъ достаточна, предложеніе называется только вѣроятнымъ. Всякое категорическое сужденіе, равно какъ заключенія силлогизмовъ, даже доказательства, могутъ быть вѣроятными (430—443).

Далѣе слѣдуютъ замѣчанія о наукѣ, мнѣніи, довѣріи и заблужденіи. Наука, знаніе (scientia) опредѣляется какъ habitus demonstrandi, quod

affirmamus vel negamus. Слѣдовательно, предметомъ науки можетъ быть только то, что можетъ быть доказываемо. Мнѣніемъ называется предложеніе недоказанное, т. е. только вѣроятное. Какъ видъ мнѣній, авторъ указываетъ гипотезу и опредѣляетъ условія достовѣрности ея и вѣроятности, равно какъ и случаи, въ которыхъ она можетъ быть ложною и невѣроятною. Вѣра есть наше согласіе, даваемое сужденію ради авторитета лица, высказывающаго его. Вольфъ опредѣляетъ, какія условія требуются отъ человѣка, достойнаго вѣры, что требуется отъ вѣрнаго передатчика истины, опредѣляетъ различныя степени достовѣрности видѣннаго и слышаннаго. Заблужденіе есть согласіе съ ложнымъ положеніемъ. Заблужденія могутъ встрѣчаться въ доказательствахъ, въ понятіяхъ и содержаніи силлогизмовъ, въ принципахъ, опредѣленіяхъ, въ формѣ силлогизмовъ (софизмы и паралогизмы), въ терминахъ и т. д. (443—480).

Сказанное имѣло цѣлію дать руководительныя правила для различенія истиннаго отъ ложнаго, извѣстнаго отъ неизвѣстнаго. Теперь авторъ говоритъ намъ объ употребленіи логики при изслѣдованіи истины и прежде всего объ опытѣ вообще. Истина можетъ быть открываема a priori или a posteriori. Когда своимъ вниманіемъ мы обращаемся къ однимъ воспріятіямъ, то это значитъ, что мы обращаемся къ опыту. Опытъ можетъ простираться только на то, о чемъ возможно имѣть понятіе (р. 480—484).

Слѣдуетъ затѣмъ указаніе способовъ образованія наглядныхъ сужденій. Ничего напоминающаго индукцію здѣсь мы не находимъ: напр. авторъ говоритъ (р. 484): «намѣревающіяся образовать наглядное сужденіе долженъ внимательно смотрѣть на то, что находится въ вещахъ или къ чему онѣ имѣютъ отношеніе. Вещь наблюдаемую онъ долженъ взять какъ субъектъ, то же, что замѣчается въ ней, долженъ принимать за предикатъ». Онъ изслѣдуетъ, какъ наблюдать видоизмѣненія вещи, признаки ея, какъ открывать опредѣленія a posteriori, пріобрѣтать раздѣльныя понятія, указываетъ разные случаи, когда пріобрѣтаются темныя, смѣшанныя понятія. Авторъ упоминаетъ и объ изслѣдованіи причины, но способъ его опредѣляется у него однимъ только правиломъ (р. 503): si enti cuidam mutatio accidit, quae primum alteri jungitur, hoc alterum causam illius mutationis esse intelligimus, и предостерегаетъ противъ случая множественности причинъ. Преимущественное же вниманіе автора обращено на образованіе всеобщихъ категорическихъ сужденій (стр. 484—510).

Какъ образуются сужденія дискурсивныя (т. е. рефлективныя) и опредѣленія a priori? Прежде всего Вольфъ разсматриваетъ процессы родотворенія и видотворенія (т. е. образованіе родовъ и видовъ), которые теперь въ формальныхъ логикахъ помѣщаются обыкновенно въ главѣ о понятіяхъ, и указываетъ общій способъ образованія понятія, сдѣлавшійся

потомъ общимъ мѣстомъ всѣхъ логикъ: именно reflexio, abstractio et determinatio. Понятіе, такимъ путемъ образованное, означаетъ нѣчто возможное. Затѣмъ изслѣдуется, какъ выводить заключенія изъ опредѣленій, гипотезъ, какъ открывать скрытыя причины дѣйствій или вообще вліяніе причинъ, какъ изслѣдовать номинальныя опредѣленія, какъ открывать существенныя свойства и признаки, какъ на основаніи номинальныхъ опредѣленій изслѣдовать реальныя, или изслѣдовать образованіе новыхъ неизвѣстныхъ предметовъ (510—537).

Практическая логика Вольфа занимается даже способами сочиненія, обсужденія и чтенія книгъ. Онъ дѣлитъ ихъ на историческія и догматическія — содержащія всеобщія истины, и опредѣляетъ цѣли различныхъ сочиненій по естественной исторіи наукъ, гражданской, церковной, частной (privatae), литературной. Всякій пишущій историческое сочиненіе долженъ: 1) повѣствовать только о томъ, что дѣйствительно было, 2) разсказывать событія въ ихъ естественномъ порядкѣ, 3) не опускать ничего необходимо относящагося къ исторической цѣли. Логика опредѣляетъ, что долженъ наблюдать пишущій естественную исторію или работающій по спеціальной исторіи наукъ, гражданской, церковной и т. д. (537—565).

Цѣль догматическихъ сочиненій ознакомить читателя съ общими истинами и ихъ доказательствами. Во всякомъ ученомъ сочиненіи необходимо: опредѣлять всѣ встрѣчающіеся термины, за исключеніемъ понятій, взятыхъ изъ другой науки (не той, къ которой относится сочиненіе), не допускать положеній безъ доказательства ихъ, — въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгать къ опытнымъ доказательствамъ положеній, могущихъ быть основаніями для другихъ, держаться правильнаго порядка при переходѣ отъ основаній къ слѣдствіямъ, болѣе темныя положенія разъяснять примѣрами. Вообще здѣсь долженъ быть соблюдаемъ научный методъ, совпадающій съ методомъ философскимъ. Послѣ замѣтокъ о способахъ цитированія истинъ, заимствованныхъ изъ другихъ наукъ, авторъ обращается къ изложенію доказательствъ, съ которыми по преимуществу имѣетъ дѣло ученое сочиненіе. Остановимся на замѣчаніи, какъ доказательству философскаго или какого либо другого положенія сообщать форму геометрическаго доказательства. Необходимо 1) разложить его на формальные силлогизмы, 2) дать отдѣльнымъ посылкамъ названіе опредѣленій, аксіомъ. Вольфъ считалъ возможнымъ приложеніе математическаго метода къ философіи и вообще къ наукѣ, но заботился собственно о внѣшнемъ усвоеніи этого метода наукѣ, не допуская мысли, что состояніемъ знаній и самымъ ихъ характеромъ предопредѣляется и методъ ея развитія (565—579).

Какъ обсуждать книги историческія и догматическія? Критикуя историческое сочиненіе, необходимо смотрѣть: 1) истинно ли то, что разска-

зывается, 2) въ какомъ порядкѣ разсказано 3) достигается ли сочиненіемъ историческая цѣль. Въ естественной исторіи необходимо повѣрять положенія наблюденіемъ и экспериментами. При оцѣнкѣ догматическихъ сочиненій, необходимо смотрѣть, не находится ли въ немъ что-либо лишнее, не темно ли оно по изложенію, можетъ ли быть признано полезнымъ, есть ли логическій порядокъ въ изложеніи содержанія, нѣтъ ли чего лишняго въ опредѣленіяхъ, — недостовѣрныхъ бездоказательныхъ принциповъ или положеній непонятныхъ, не перемѣшивается ли извѣстное съ неизвѣстнымъ правильны ли доказательства правильно ли рѣшаются вопросы, въ порядкѣ ли они слѣдуютъ. Авторъ даетъ опредѣленія кого называть компиляторомъ и оригинальнымъ сочинителемъ, плагіаторомъ, эпитоматоромъ, что называется compendium, указываетъ требованія, которымъ должны удовлетворять compendium, или epitome, что называется солиднымъ и поверхностнымъ трактатомъ (579—641).

Какъ читать книги обоихъ упомянутыхъ родовъ? Цѣль читающаго — понять и усвоить себѣ памятью читаемую книгу. Нужно понять слова книги: поэтому авторъ указываетъ, какъ поступать въ случаѣ, если сочинитель предполагаетъ въ своей книгѣ уже извѣстными нѣкоторыя опредѣленія, или пользуется неопредѣленными терминами противорѣчитъ самому себѣ, какъ открывать смыслъ въ историческомъ или догматическомъ сочиненіяхъ. Иногда можно составлять себѣ понятія по приводимымъ примѣрамъ и доказательствамъ. Во всякомъ случаѣ необходимо быть справедливымъ къ автору при истолкованіи его сочиненія, хотя не слѣдуетъ поступаться истиною въ пользу его. Истолкователь историческихъ сочиненій долженъ обладать нужными понятіями для того или по крайней мѣрѣ, способностію образовывать ихъ, быть внимательнымъ при чтеніи, относиться къ дѣлу критически, повѣрять авторитетъ источника и наблюдать, нѣтъ ли въ немъ противорѣчій самому себѣ или извѣстной достовѣрной истинѣ. Желающій извлекать пользу для себя изъ гражданской исторіи долженъ имѣть этическія, политическія и логическія познанія. Такъ какъ опредѣленіямъ Вольфъ придавалъ особое значеніе, то онъ пространно разсуждаетъ, какъ усвоять себѣ и понимать опредѣленія, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ. Далѣе идутъ разсужденія, какъ анализировать доказательства. При всякомъ чтеніи ученаго сочиненія необходимо хорошо ознакомляться съ первыми понятіями, прежде чѣмъ идти къ дальнѣйшимъ, и отнюдь не спѣшить при этомъ (641—691).

VII глава (692—706) третьяго отдѣла 2-й части разсуждаетъ объ истолкованіи Св. Писанія Здѣсь излагаются основанія священной герменевтики, которыя потомъ выдѣлились въ особую науку.

Логика должна также преподать правила, какъ сообщать истину другимъ.

1) Какимъ образомъ убѣждать другихъ? Можно a posteriori и a priori. Въ первомъ случаѣ необходимо дать случаи убѣждаемому видѣть предметы, о которыхъ мы сообщаемъ понятія, или испытать самому истину говоримаго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ нужно прибѣгать къ авторитету,— наблюденіямъ и экспериментамъ другихъ противополагать собственныя наблюденія. A priori убѣждать кого-либо въ истинѣ и ложности извѣстнаго положенія можно путемъ доказательства. Въ семъ случаѣ должно исходить изъ принциповъ, извѣстныхъ убѣждаемому. Вообще послѣдній долженъ быть знакомъ съ значеніемъ доказательствъ, быть внимательнымъ къ полагаемому, не обнаруживать торопливости въ сужденіяхъ Указавъ внутреннія и внѣшнія соображенія, могущія располагать человѣка къ согласію съ извѣстною мыслію, авторъ переходитъ къ анализу предразсудковъ, происходящихъ, отъ излишняго довѣрія къ авторитетамъ (706—733).

2) Какъ вести опроверженіе? Нападать (impugnare) можно и на истинное положеніе, опровергать же только ложное Опроверженіе можетъ быть ведено путемъ какъ прямого доказательства, такъ и непрямого, a priori и a posteriori: тѣми же путями можетъ быть ведено и нападеніе. Послѣднее не должно быть логомахіей (словопреніемъ) только. Наилучшій способъ опроверженія состоитъ въ указаніи, что нашъ противникъ допускаетъ ложные принципы или ошибки въ формѣ силлогизмовъ. Но можно опровергать и прямо, доказывая истинное положеніе, противоположное опровергаемому. Въ обоихъ случаяхъ необходимо пользоваться принципами, которые признаются обѣими сторонами. Другой способъ не прямого опроверженія состоитъ въ указаніи невѣрнаго или смѣшного слѣдствія, вытекающаго изъ опровергаемой мысли; эти слѣдствія могутъ быть разнообразны и другъ отъ друга не зависѣть. Къ сожалѣнію, часто выводители подобныхъ слѣдствій (consequentiarii) руководствуются злобою и ненавистью къ своимъ противникамъ, дѣлаются преслѣдователями ихъ. При опроверженіи вообще необходимо воздерживаться отъ выраженій дерзкихъ и обидныхъ (733—756).

3) Защита состоитъ въ доказательствѣ, что опроверженіе не имѣетъ силы по отношенію къ опровергаемымъ мнѣніямъ. Она можетъ быть также ведена a priori и a posteriori, иногда состоитъ въ установкѣ правильнаго смысла словъ. Авторъ разсматриваетъ разные способы защиты противъ нападенія какъ прямого, такъ и не прямого, но не совѣтуетъ защищаться противъ обидныхъ выраженій. Во всякомъ случаѣ умные люди, по его мнѣнію, должны избѣгать чисто полемическихъ (эристическихъ) сочиненій, и только въ интересѣ истины они должны иногда прибѣгать къ полемикѣ (757—771).

4) При диспутѣ необходимо, чтобъ диспутирующіе были согласны въ

пониманіи подлежащаго и сказуемаго диспутируемаго положенія; они должны договориться до полнаго взаимнаго разъясненія того, какъ оба они понимаютъ его. Самый диспутъ долженъ восходить до принциповъ, но возражатель долженъ начинать съ анализа самыхъ ближайшихъ силлогизмовъ. Отвѣчающій можетъ соглашаться или отрицать, смотря по содержанію возраженія; иногда необходимо допускать мысль съ извѣстными ограниченіями, точно различать разные смыслы ея. При условной формѣ возраженія можно допускать условіе и отрицать выводимое изъ него слѣдствіе, или на оборотъ, допуская слѣдствіе, отрицать условіе (771—788).

5) Говоря о methodo docendi, авторъ прежде всего опредѣляетъ условія, требуемыя отъ обучающаго: знанія и способность передавать ихъ словомъ. Затѣмъ говоритъ о томъ, какъ сообщать другимъ раздѣльныя понятія, объяснять опредѣленія номинальныя, генетическія, раскрывать предложенія. Онъ долженъ обладать умѣньемъ убѣждать, опровергать другихъ, имѣть навыкъ въ логикѣ (788—798).

Практическая логика занимается также оцѣнкою силъ или способностей, необходимыхъ къ познанію истины. Авторъ указываетъ правила для оцѣнки способностей къ изобрѣтенію и обсужденію истины, къ сочинительству, обсужденію и чтенію книгъ, къ убѣжденію, опроверженію, диспутированію и обученію (798—846). Послѣдній отдѣлъ практической логики трактуетъ о примѣненіи логики къ жизни и способѣ ея изученія. Мы остановимся на послѣдней главѣ объ изученіи логики. Изучающій ее долженъ пріобрѣсть историческое знаніе главнѣйшихъ терминовъ, положеній ея, исторически ознакомиться съ опредѣленіями ея, освоиться съ логическими положеніями, идя отъ простѣйшихъ и легчайшихъ къ сложнымъ и болѣе труднымъ. Желающій развить въ себѣ умѣнье пользоваться логическими правилами долженъ: 1) читать сочиненія, замѣчательныя по своему строгому методу, и 2) отдавать себѣ отчетъ, чѣмъ именно они удовлетворяютъ логическимъ правиламъ. Вообще авторъ рекомендуетъ чтеніе книгъ для усовершенствованія какъ естественной, такъ и искусственной логики. Это совершенство достигается только великимъ трудомъ и съ строгою постепенностію (846—866).

Обработка логики Вольфомъ, очевидно, была почти всесторонняя. Оставаясь вѣрнымъ идеѣ La Logique — обновить логическую систему взглядами на дѣйствія ума въ духѣ новой философіи, Вольфъ своимъ анализомъ логическихъ пріемовъ оказалъ логикѣ очевидныя заслуги, о которыхъ такъ легкомысленно забыло послѣдующее время. Онъ возстановилъ живую связь

ея съ прочими частями философіи, въ которой она должна была находиться по мысли ея основателя — Аристотеля. Схоластики работали надъ логикою, не думая ни о какихъ философскихъ принципахъ, не имѣя цѣльнаго взгляда на развитіе человѣческаго познанія, на духовное существо человѣка. Можно не соглашаться съ Вольфомъ, что логика должна заимствовать свои принципы изъ онтологіи, но едва ли можно теперь сомнѣваться, что безъ психологіи она не можетъ обойтись: безъ психологическаго анализа представленій — что можно сказать вообще объ образованіи логическаго ума? Какъ система, логика въ трудѣ Вольфа сдѣлала огромный шагъ впередъ. Тогда какъ въ La Logique мы видѣли многіе остатки схоластики, присоединенные къ новой системѣ какъ бы механически, у Вольфа логическая стройность и систематичность выдержаны до конца. Вмѣстѣ съ тѣмъ, очищеніе логики отъ схоластическаго элемента проведено имъ еще далѣе. Послѣдніе остатки отдѣла de terminorum proprietatibus (внесенные однакожъ въ La Logique) исчезли изъ труда Вольфа: ту же судьбу имѣли praedicamenta, praedicabilia, topica. Благодаря этому очищенію, логика пріобрѣтаетъ у него характеръ науки, занимающейся пріемами мышленія и перестаетъ быть собраніемъ логико-грамматическихъ разсужденій.

Рядомъ съ теоретическою логикою, у Вольфа развивается практическая. Цѣль, ея, очевидно, состоитъ въ томъ, чтобъ дать практическое руководство, такъ сказать, для текущихъ вопросовъ практическаго мышленія, напр. для различенія истины отъ лжи, для изслѣдованія первой, для умственныхъ работъ, для правильнаго обсужденія достоинства мыслей, которыя встрѣчаются въ книгахъ и т. д. Здѣсь собраны самыя разнообразныя замѣтки, относящіяся до общей герминевтики, логики исторической, реторической. Мы встрѣчаемъ здѣсь много замѣчаній касающихся педагогики и психологіи. Но все таки нужно сказать, что весь этотъ матеріалъ собранъ здѣсь не случайно: онъ имѣетъ несомнѣнное отношеніе къ логикѣ. Можно находить одностороннюю и узкою привязанность Вольфа къ внѣшне математическому методу, его любовь къ опредѣленіямъ, можно находить чрезмѣрнымъ значеніе, придаваемое имъ послѣднимъ и вообще логическому формализму въ дѣлѣ познанія, но общая идея практической логики его была важнымъ шагомъ впередъ. Топика Аристотеля удовлетворяла дѣйствительнымъ потребностямъ мышленія современной ему эпохи; это было практическое руководство для обсужденія предметовъ съ философской и реторической точекъ зрѣнія. Для мышленія новаго времени она оказалась почти что безполезною. Съ того времени какъ стали расширяться опытныя и историческія науки, быстро стала зрѣть мысль о безполезности топики и въ la Logique были приведены нѣкоторые остатки

ея только изъ деликатности къ отживавшимъ схоластическимъ преданіямъ. Но въ ней была та полезная идея, что, кромѣ общаго анализа логическихъ пріемовъ, логика должна дать практическое руководство для мышленія. Эту же идею пытается осуществить практическая логика Вольфа. Она какъ бы пополняетъ пробѣлъ, образовавшійся вслѣдствіе устраненія топики и на первый разъ выполняетъ свою задачу съ замѣчательнымъ умѣньемъ: многія замѣчанія имѣютъ дѣйствительно практическій характеръ. Въ нея полагаются основы того, что въ наше время можно назвать логикою спеціальныхъ наукъ.

Кантъ и его школа.

Нельзя не сожалѣть, что время послѣ Вольфа сосредоточило свое вниманіе преимущественно на первой части его логики и мало работало надъ самымъ полезнымъ отдѣломъ ея — именно практическимъ. Еслибы оно поступило наоборотъ, то наша наука не приняла бы того схоластическаго характера, въ которомъ справедливо укоряютъ современную формальную логику. Вольфова школа, продолжавшаяся до Канта (Томазій, Баумейстеръ, котораго логика имѣла ходъ въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Реймарусъ) ничѣмъ въ сущности не обновила логики своего учителя: таже въ нихъ любовь къ опредѣленіямъ, къ внѣшнему аппарату математическаго метода и тѣже самые взгляды на свое дѣло.

Планъ Вольфовской логики въ существенныхъ своихъ подробностяхъ перешелъ и въ школу Канта, хотя у него онъ обставленъ другими философскими взглядами. Но Кантъ усилилъ формалистическій характеръ логики. Остановимся на той формѣ, какую далъ ей этотъ основатель критическаго метода въ философіи.

Источниками для насъ въ этомъ отношеніи служатъ: 1) Logik, изданная въ 1800 году однимъ изъ учениковъ Канта, Еше (Jasche) (Werke, hrsg. von Hartenstein B. 1. 323—487); 2) die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren—1762 (Ibid. 1—18). Конечно, главное значеніе для насъ имѣетъ первое сочиненіе. Хотя оно издано не самимъ Кантомъ, но, судя по разсказаннымъ въ предисловіи обстоятельствамъ, Еше только привелъ въ порядокъ замѣтки Канта по логикѣ. Мы можемъ разсматривать это сочиненіе, какъ прямое выраженіе его мыслей относительно нашей науки.

Практическая часть логики совершенно опущена, ученіе о методѣ излагается весьма кратко. Нѣкоторая часть содержанія практической логики и методики излагается Кантомъ во введеніи, которое поэтому пре-

вращено въ логическую пропедевтику и по объему больше, чѣмъ изложеніе самой логики

Она опредѣляется, какъ ученіе о необходимыхъ законахъ разсудка и разума вообще или о формѣ мышленія (334 р.). Какъ наука, имѣющая дѣло съ мышленіемъ, независимо отъ его содержанія, логика 1) есть основаніе для всѣхъ другихъ наукъ и пропедевтика къ употребленію разсудка; 2) такъ какъ она не занимается содержаніемъ мышленія, то не можетъ быть названа органомъ науки; 3) она есть канонъ (правило), ибо занимается условіями, при которыхъ разумъ можетъ быть согласенъ съ самимъ собою; 4) она есть наука разума: ибо правила свои она заимствуетъ не изъ опыта, и 5) какъ раціональная наука, она есть доказанная теорія, demonstrirte Theorie. Полное опредѣленіе логики поэтому будетъ слѣдующее: логика есть наука разума не по одной своей формѣ, но и по содержанію, наука a priori, указывающая необходимые законы мышленія не о какихъ либо спеціальныхъ предметахъ, но о всѣхъ предметахъ вообще, слѣдовательно, это есть наука о правильномъ употребленіи разсудка и разума вообще (332—337).

Кантъ опровергаетъ дѣленія логики на аналитику и діалектику, естественную и искусственную, теоретическую и практическую, чистую и прикладную, общую и спекулятивную. Практическая часть логики есть, по его мнѣнію, contradictio in adjecto, такъ какъ логика по принципу отвлекается отъ всякихъ предметовъ. Логическій формализмъ Канта здѣсь вполнѣ обнаруживается (338—344). Опуская замѣтки о философіи вообще, которыя дѣйствительно имѣютъ пропедевтическій характеръ, и весьма краткія замѣчанія объ исторіи философіи (344—357), мы перейдемъ къ Кантовскому опредѣленію познанія.

Во всякомъ познаніи слѣдуетъ различать форму и содержаніе. Такъ какъ сознаніе есть необходимое условіе всякой логической формы знаній, то логика должна имѣть дѣло только съ ясными представленіями. Ей нѣтъ нужды изслѣдывать ихъ происхожденіе; предметъ ея составляютъ правила мышленія въ понятіяхъ, сужденіяхъ и умазаключеніяхъ. Всѣ представленія, къ которымъ прилагаются логическія правила, могутъ быть сравниваемы по ясности и неясности ихъ. Когда мы сознаемъ въ себѣ цѣлое представленіе, но не отдаемъ себѣ при этомъ отчета въ разнообразномъ содержаніи его, то представленіе бываетъ не ясно. Ясность можетъ быть двоякаго рода: чувственная и интеллектуальная. По источнику своему, знанія получаются или отъ внѣшнихъ чувствъ или отъ разсудка: первыя знанія называются воззрѣніями (наглядными представленіями—Anschauungen), вторыя понятіями; на этомъ и основывается раз-

личіе между воззрительнымъ (intuitive) и разбѣгающимся (discursive) познаніемъ (357—363).

Знаніе можетъ имѣть логическія и эстетическія совершенства. Оно совершенно въ логическомъ смыслѣ, когда по своей количественной сторонѣ имѣетъ всеобщій характеръ, по качественной — имѣетъ объективную ясность, по категоріи отношенія—объективную истинность, по своей модальности объективную достовѣрность. Этимъ логическимъ качествамъ знанія соотвѣтствуютъ эстетическія: эстетическая всеобщность, ясность, истинность и достовѣрность.

Каждое изъ упомянутыхъ качествъ Кантъ подвергаетъ спеціальному анализу. По категоріи количества познаніе должно быть всеобще. Говоря такъ, мы обсуждаемъ величину его. Она можетъ быть экстенсивная и интенсивная: первая касается объема познанія и состоитъ въ разнообразіи его, послѣдняя состоитъ въ его многозначительности. Разсматривая расширяемость познанія въ экстенсивномъ отношеніи, мы приходимъ къ вопросу, насколько познаніе соотвѣтствуетъ нашимъ цѣлямъ и способностямъ, или какъ великъ горизонтъ нашихъ познаній. Онъ можетъ быть опредѣляемъ логически, эстетически и практически. Слѣдуетъ разсмотрѣніе несовершенствъ знанія въ экстенсивномъ отношеніи и предлагаются замѣтки о значеніи интенсивныхъ качествъ знанія (363—375).

По категоріи отношенія познаніе должно быть истиннымъ. Но что такое истина и какой можно указать вѣрный, прямой критерій познанія? Для рѣшенія этого вопроса мы должны различить то, что относится, съ одной стороны, къ содержанію, а съ другой—къ формѣ его, и сообразно тому поставить его такимъ образомъ: 1) существуетъ ли всеобщій матеріальный критерій истины; 2) существуетъ ли формальный? Первый критерій, конечно, не возможенъ; ибо чѣмъ можно повѣрить соотвѣтствіе представленія предмету? Но такъ какъ формальная истина состоитъ въ согласіи познанія съ самимъ собою, то этого рода критерій истины возможенъ, т. е. возможно указать общіе логическіе признаки такого согласія—conditio sine qua non всякой достовѣрности. Кантъ признаетъ три основоположенія, какъ основы для повѣрки истины:

1) Положеніе противорѣчія и тожества. чрезъ которое опредѣляется внутренняя возможность познанія въ проблематическихъ сужденіяхъ.

2) Положеніе достаточнаго основанія (principium rationis sufficientis), которымъ повѣряется дѣйствительность познанія въ дѣйствительныхъ (ассерторическихъ) сужденіяхъ.

3) Положеніе исключеннаго третьяго (principium exclusi medii inter duo contradictoria) служащее основаніемъ необходимости познанія въ аподиктическихъ познаніяхъ. (376—380).

Эти положенія въ логикѣ Кантовской школы получили ходъ, какъ законы мышленія, и сдѣлались необходимою принадлежностію почти всякого логическаго руководства по формальной логикѣ. Конечно, эти основоположенія не были выдуманы Кантомъ. Мы видѣли въ очеркѣ Аристотелевской логики, что принципы противорѣчія и исключеннаго третьяго высказаны въ первый разъ самимъ Аристотелемъ. Положеніе тожества было поставлено съ ясностію еще Вольфомъ. Разсуждая о дѣленіи предложеній, употребительномъ въ математикѣ, Вольфъ говоритъ между прочимъ о предложеніяхъ тожественныхъ. Всеобщее тожественное предложеніе, какъ бы первообразъ другихъ подобныхъ, есть слѣдующее: idem ens est illud ipsum ens, seu omne A est A. Это предложеніе Вольфъ относитъ къ числу недоказываемыхъ аксіомъ (Phil. rationalis, sive Logica—Wolfii, p. 260). Принципъ противорѣчія не высказывается прямо у Вольфа, но только предполагается: говоря объ условіяхъ истинности, онъ говоритъ (ibid 400 p.): fieri non potest, ut idem praedicatum eidem subjecto sub eadem determinatione una conveniat et non conveniat. Принципъ достаточнаго основанія высказанъ былъ Лейбницемъ, поставившимъ его рядомъ съ принципомъ противорѣчія. Итакъ принципы были извѣстны и до Канта. Но съ одной стороны, они имѣли болѣе метафизическое, чѣмъ логическое значеніе, съ другой—высказывались только по тѣмъ и другимъ поводамъ, но не были сопоставлены вмѣстѣ. Со времени Канта они подъ именемъ законовъ мышленія излагаются въ логикѣ, какъ руководительныя нормы логической дѣятельности ума.

Качественное совершенство познанія состоитъ въ ясности Познаніе разсудка имѣетъ дискурсивный характеръ, т. е. совершается чрезъ мышленіе признаковъ. Признаки суть частныя представленія, и на нихъ основывается представленіе, какъ одно цѣлое. Признаки могутъ быть аналитическіе и синтетическіе, подчиненные и соподчиненные, утвердительные и отрицательные, видимые и невидимые, достаточные и необходимые или недостаточные и случайные. Ясность познанія есть первая ступень совершенства, понятность его есть вторая; послѣдняя достигается при полнотѣ признаковъ. Познаніе можетъ имѣть внѣшнюю и внутреннюю полноту (385—393).

Совершенство познанія по модальности состоитъ въ достовѣрности его. Кантъ различаетъ три степени познанія: мнѣніе, вѣра и знаніе. Думать значитъ судить проблемматически, вѣрить—ассерторически, знать—аподиктически. 1) Мнѣніе, или предположеніе по невполнѣ достаточнымъ въ субъективномъ и объективномъ отношеніи основаніямъ, можетъ быть названо временнымъ сужденіемъ (sub conditione suspensiva ad interim).

Мнѣніемъ большею частію начинается всякое наше познаніе 2) Вѣра есть предположеніе на основаніи объективно недостаточномъ, но достаточномъ субъективно, относящееся къ предметамъ, которые не подлежатъ ни знанію ни мнѣнію, но относительно которыхъ можно быть увѣреннымъ, что въ нихъ нѣтъ никакого противорѣчія. Слѣдовательно, предметами вѣры не могутъ быть: 1) эмпирическія знанія, 2) равно познанія a priori, какъ теоретическія, такъ и практическія, но 3) только такія, которыя свободно признаются нами, т. е. безъ объективнаго и субъективнаго принужденія. 3) Знаніе есть предположеніе на совершенно достаточныхъ субъективныхъ и объективныхъ основаніяхъ. Знаніе предполагаетъ достовѣрность эмпирическую или рациональную, т. е. можетъ опираться на опытъ или на разумъ. Первое имѣетъ характеръ необходимости и есть аподиктическое, второе ассерторическое (394 – 401).

Отъ временныхъ сужденій нужно отличать предразсудки, которые суть временныя сужденія, принимаемыя за достовѣрныя основоположенія. Предразсудокъ есть принципъ ложныхъ сужденій. Источники предразсудковъ суть: подражаніе, привычка и наклонность. Наиболѣе обыкновенны изъ нихъ: предразсудки авторитета (личнаго, толпы, эпохи) и логическаго эгоизма. Замѣтками о вѣроятности, сомнѣніи, гипотезахъ, и различеніемъ теоретическаго и практическаго познанія кончается введеніе въ логику (405—418).

Во введеніи, какъ мы видѣли, нашли себѣ мѣсто многія подробности, которыя у Вольфа были помѣщены въ практической части логики. Разсуждая о познаніи, Кантъ предполагаетъ уже извѣстными почти всѣ основныя логическія понятія; онъ говоритъ о разсудкѣ какъ способности понятій, разумѣ какъ способности умозаключеній, прилагаетъ къ дѣлу категоріи и т. д., т. е. то, что можетъ быть понято только изъ аналитической части логики.

Самая логика раздѣляется на общее элементарное ученіе и общее ученіе о методѣ.

Прежде всего говорится о понятіяхъ. Познанія, т. е. представленія сознательно относимыя къ объекту, суть или наглядныя представленія (anschauungen) или понятія. Послѣднее есть общее или рефлективное представленіе. Матерія (materie) понятій есть предметъ ихъ, форма— всеобщность. Они бываютъ: эмпирическія и чистыя, a priori и a posteriori. Понятія образуются по своей формѣ чрезъ сравниваніе, рефлексію и отвлеченіе (эти дѣйствія указаны были Вольфомъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ). Слѣдуютъ опредѣленія содержанія и объема понятія, замѣтки о высшихъ и низшихъ понятіяхъ, родахъ и видахъ. родотвореніи

и видотвореніи, употребленіи понятій in abstracto и in concreto (418—430).

Сужденіе опредѣляется у Канта, какъ представленіе единства сознанія различныхъ представленій или представленіе отношенія ихъ, поскольку они составляютъ одно понятіе. Различія сужденій по формѣ могутъ быть сведены къ четыремъ главнымъ моментамъ: качеству, количеству, отношенію и модальности. По количеству сужденія бываютъ: общія, частныя и единичныя; по качеству: утвердительныя, отрицательныя и безконечныя (въ послѣднихъ отрицаніе находится не въ связкѣ, а отнесено къ сказуемому—это схоластическія propositiones infinitae). По отношенію сужденія раздѣляются на категорическія, условныя и раздѣлительныя, по модальности на проблемматическія (возможныя), ассерторическія (дѣйствительныя) и аподиктическія (необходимыя). Рядомъ съ этимъ главнымъ логическимъ дѣленіемъ сужденій, идетъ объясненіе различныхъ названій ихъ, встрѣчающихся въ наукѣ и жизни. Такъ, Кантъ говоритъ о сужденіяхъ exponible—это схоластическія exponibilia, о положеніяхъ теоретическихъ и практическихъ, недоказываемыхъ и доказываемыхъ, объ основоположеніяхъ. Подъ послѣдними разумѣются сужденія a priori, которыя не доказываются, но сами служатъ основаніемъ для доказательства; иначе они называются принципами. Основоположенія суть воззрительныя или дискурсивныя; первыя осуществляются въ наглядномъ представленіи и называются аксіомами, вторыя выражаются понятіями и называются acroamata. Есть положенія аналитическія и синтетическія, тождесловныя, постуляты (требованія) и проблеммы (вопросы), теоремы, корольларіи (непосредственныя слѣдствія изъ одного изъ предшествовавшихъ положеній), схоліи. Наконецъ есть сужденія воспріятія и опыта (431—446).

Умозаключеніемъ называется дѣйствіе разума, которымъ одно сужденіе выводится изъ другого. Оно бываетъ посредственное и непосредственное. Послѣднія называются умозаключеніями разсудка, первыя умозаключеніями разума и силы сужденія. Непосредственныя умозаключенія различаются у Канта по категоріямъ: по количеству per judicia subalternata, на основаніи качества сужденій per judicia opposita, на основаніи отношенія per conversionem, — модальности per judicia contraposita. (446—453).

Умозаключенія разума раздѣляются на категорическія, условныя и раздѣлительныя. Кантъ допускаетъ четыре фигуры силлогизмовъ. Въ свое время онъ указывалъ на ненужную и ложную тонкость въ различеніи четырехъ фигуръ. Мы разумѣемъ его сочиненіе: die falsche Spitzfindigkeit der vier syllogistischen Figuren, появившееся въ 1762 году. Въ немъ онъ доказываетъ, что чистое умозаключеніе разума возможно только

по первой фигурѣ, по остальнымъ же фигурамъ возможно только смѣшанное умозаключеніе, т. е. всякій другой силлогизмъ чрезъ превращеніе большей или меньшей посылки можетъ быть сведенъ къ первой фигурѣ, на которой, слѣдовательно, онъ и основывается. Kant's Werke. B. I. 7—12.

Принципомъ гипотетическаго силлогизма служитъ законъ достаточнаго основанія, принципомъ раздѣлительнаго — законъ исключеннаго третьяго. Такъ какъ въ изложеніи ихъ ничего новаго сравнительно съ ученіемъ Вольфа мы не встрѣчаемъ, то останавливаться на нихъ не будемъ (453—467).

Умозаключенія силы сужденія идутъ отъ частныхъ сужденій къ общимъ. Таковы индукція и аналогія. По примѣру Вольфа, Кантъ различаетъ простые и сложные силлогизмы; послѣдніе могутъ развиваться чрезъ просиллогизмы и эписиллогизмы и бываютъ или категорическіе или условные сориты. Между ложными умозаключеніями исчисляются: ошибочные силлогизмы, паралогизмы и софизмы, между ошибками въ умозаключеніяхъ или доказательствахъ: скачки (saltus), petitio principii, circulus in probando, probatio plus et minus probans (467—472).

Вторая часть логики называется общимъ ученіемъ о методѣ. Познаніе, какъ наука, должно построяться по извѣстному методу. Ученіе о немъ должно указать намъ способы къ достиженію совершенства познанія. Совершенство познанія состоитъ въ ясности, основательности и систематической связности его, какъ одного цѣлаго. Ясность познанія зависитъ отъ ясности понятій. Понятіе можетъ дѣлаться яснымъ по содержанію чрезъ изложеніе и опредѣленіе,—по объему чрезъ дѣленіе. Опредѣленіе есть достаточно ясное и точное понятіе (definition ist ein zureichend deutlicher und abgemessener Begriff). Оно бываетъ аналитическимъ и синтетическимъ: первое происходитъ чрезъ изложеніе (exposition) явленій или построеніе (таковы произвольно построяемыя математическія понятія). Синтетическій пріемъ не можетъ быть прилагаемъ къ опредѣленію эмпирическихъ понятій; анализомъ можно расчленять понятія какъ a priori, такъ и a posteriori. Кантъ различаетъ реальныя и номинальныя опредѣленія и указываетъ условія совершенства опредѣленій, правила для ихъ повѣрки и составленія. Проходя ученіе о дѣленіи, не представляющемъ ничего оригинальнаго, остановимся на ученіи о методѣ, какъ средствѣ къ достиженію основательнаго и систематичнаго познанія. Методы можно дѣлить на научные, популярные, систематическіе и отрывочные (fragmentarische), аналитическіе и синтетическіе, силлогистическіе и табличные (tabellarische), акрооматическіе и эротематическіе.

Благодаря Канту, логика выиграла въ формѣ, но потерпѣла важный ущербъ въ своемъ содержаніи. Практическая часть, способная къ такому широкому развитію, исчезла изъ нея. Логика снова возвратилась, за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей, къ той формѣ, въ какой мы видѣли ее въ Logique. Въ этомъ отношеніи Кантъ былъ причиною регресса въ развитіи ея. Но въ формѣ своей она несомнѣнно выиграла: многія отрывочныя подробности, нарушавшія общій строй, напр. какъ въ la Logique и у Вольфа, устранены Кантомъ, улучшены многія опредѣленія, содержаніе въ большей степени подчинено системѣ. Планъ логики сдѣлался, очевидно, проще и яснѣе.

Съ Кантомъ логика рѣшительно выступила на путь формализма. Онъ смотрѣлъ на нее какъ науку, занимающуюся одними только формами и правилами мышленія, независимо отъ мыслительнаго содержанія, къ которому они прилагаются. По его мнѣнію. она не должна входить въ анализъ практическихъ случаевъ, и на этомъ основаніи не должна имѣть прикладной или практической части. Посему логика Канта, а затѣмъ и его школы, называется формальною. Дѣйствительно, этотъ же самый взглядъ и почти тѣже подробности излагаются въ логическихъ трудахъ Кизеветтера (Grundriss der Logik 1791), Гофбауера (Analytik der Urtheile und Schlüsse 1792, Anfangsgrunde der Logik 1794), Фишера (Lehrbuch der Logik 1838) и многихъ другихъ.

Гербартъ и его школа.

Логическій формализмъ не сказалъ своего послѣдняго слова въ логическихъ трудахъ Кантовской школы. Гербартъ и его школа еще рѣшительнѣй высказали понятіе о логикѣ, какъ наукѣ, исключительно занимающейся отношеніями между понятіями, и Дробишъ напр. прямо называетъ ее формальною философіей. (Neue Darstellung der Logik von M. W. Drobisch. 1836 p. 5).

У Гербарта логика составляетъ часть введенія въ философію. Очищеніе ея отъ всякого психологическаго и практическаго содержанія производится имъ еще съ большею, чѣмъ у Канта, рѣшительностію. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи онъ только продолжаетъ дѣло Канта. Но въ нѣкоторыхъ подробностяхъ онъ расходится съ нимъ.

Наши мысли могутъ быть разсматриваемы съ двухъ сторонъ: частію какъ дѣятельности нашего духа, частію относительно того, что именно мыслится въ нихъ. Въ послѣднемъ отношеніи мысли называются понятіями. Съ нихъ собственно и начинается логика Гербарта.

Понятія могутъ быть одинаковы и разнородны. Однородное во мно-

гихъ понятіяхъ можетъ быть разсматриваемо тоже какъ понятіе и оно-то составляетъ признакъ, по отношенію къ которому многія понятія состоятъ въ подчиненіи. Различныя понятія могутъ быть или диспаратны или взаимно противоположны. По этому поводу, Гербартъ высказываетъ неодобреніе какъ Вольфу, который поставилъ принципъ противорѣчія во главу своей онтологіи, и прилагалъ его какъ нѣчто первоначально данное въ своей логикѣ, такъ и Канту, который говоритъ о законахъ мышленія во введеніи въ логику, гдѣ они совершенно безполезны. Чтобъ указать содержаніе понятія, для этого существуетъ пріемъ опредѣленія; чтобъ указать объемъ—для этого должно прибѣгать къ дѣленію. Эти два пріема въ логикѣ Гербартовской школы всегда излагаются въ главѣ о понятіяхъ и имъ обыкновенно придается весьма важное значеніе для практическаго мышленія (Herbarts sammtliche Werke, h. von Hartenstein. 1850. B. I Lehrbuch zur Einleitung in die Philosophie. p. 77—90).

Два понятія могутъ встрѣчаться въ мышленіи и возникаетъ вопросъ, могутъ ли они соединяться или нѣтъ. Рѣшеніе такого вопроса и есть сужденіе. Оно есть соединеніе понятій, изъ которыхъ одно получаетъ значеніе субъекта, другое предиката. Рѣшеніе въ сужденіи можетъ быть утвердительное или отрицательное, что даетъ происхожденіе утвердительнымъ и отрицательнымъ сужденіямъ. Измѣняясь по формѣ своей, сужденія могутъ быть условныя и раздѣлительныя (91—106).

Въ ученіи о силлогизмахъ (107—117) Гербартъ допускаетъ только три первыхъ фигуры вмѣсто четырехъ. Въ главѣ о приложеніи логики (117—123) дѣлаются весьма краткія замѣтки объ анализѣ, объ ошибкахъ въ заключеніяхъ, доказательствахъ. Эти пункты только впослѣдствіи были систематически развиты его школою.

Вообще взглядъ Гербарта на логику вполнѣ обнаруживается въ слѣдующихъ четырехъ замѣчаніяхъ, высказанныхъ относительно ея въ первой главѣ Введенія въ философію (B. I. p 42):

1. Логика даетъ самыя общія правила, чтобъ различать понятія, приводить въ порядокъ и соединять ихъ. Она есть необходимая подготовительная наука ко всѣмъ философскимъ наукамъ.

2. Логика предполагаетъ понятія извѣстными и вовсе не заботятся о характерномъ содержаніи каждаго изъ нихъ.

3. Поэтому она не есть собственно органъ изслѣдованія чего-либо новаго, но руководство для изложенія того, что уже извѣстно намъ.

4. Впрочемъ, при изслѣдованіяхъ она указываетъ на первыя условія правильности ихъ и весьма полезна для того, чтобъ обращать наше вниманіе на сдѣланныя ошибки.

Особенности логики Гербарта слѣдующія: 1) онъ смотритъ на нее только какъ на приготовительную къ философіи науку. На этомъ основаніи онъ далъ ей мѣсто въ своемъ введеніи въ философію и какъ бы лишилъ ее внѣшней самостоятельности. Кантъ давалъ логикѣ болѣе широкое значеніе, онъ считалъ ее пропедевтикою не философіи только, а всякого употребленія разсудка. 2) Онъ сосредоточиваетъ свой анализъ преимущественно и почти исключительно на трехъ элементарныхъ пріемахъ мышленія: понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Даже ученіе о методахъ не нашло себѣ мѣста въ логикѣ Гербарта. Это вытекало изъ формалистическаго взгляда его. Если логика имѣетъ дѣло только съ отношеніями между понятіями, то ея задача исчерпана, лишь только она покончила съ умозаключеніями: методы же идутъ далѣе этихъ отношеній: они суть результаты подвижной силы ума, раскрывающей и развивающей самыя понятія. 3) Формализмъ Канта сдѣлалъ еще шагъ въ логикѣ Гербарта. Кантъ все-таки вникаетъ въ умственную работу, обнаруживающуюся въ логическихъ пріемахъ: онъ говоритъ объ умственныхъ *дѣйствіяхъ*, образующихъ понятія, о различныхъ *способахъ* обсужденія, о различныхъ *движеніяхъ ума*, силлогизирующаго или располагающаго въ порядкѣ познавательный матеріалъ. Логика Гербарта есть анализъ возможныхъ отношеній между понятіями. Они не суть для него живыя дѣйствія ума, плодъ его работы, но блѣдныя индифферентныя единицы. числа, могущія становиться другъ къ другу въ различныя отношенія Оттого такъ обширно у него употребленіе алгебраическихъ символическихъ знаковъ. Подвижная жизнь ума скрывается у него за массою мертвыхъ знаковъ.

Въ этомъ же направленіи разработывала логику вся школа Гербарта. Она осталась вѣрною основнымъ взглядамъ и духу его; тоже преимущественное вниманіе къ элементарнымъ формамъ мышленія, таже любовь къ логической символикѣ, такое же отождествленіе различныхъ пріемовъ ума съ отношеніями понятій другъ къ другу отличаютъ труды по этой части Грипенкерля (Lehrbuch der Logik in kurzen Umrissen 1831), Штрюмпеля (Entwurf der Logik 1846), Бобрика (System der Logik, 1838) и друг. Самымъ лучшимъ руководствомъ по логикѣ этой школы безспорно слѣдуетъ считать: Neue Darstellung der Logik nach ihren Verhältnissen. Nebst einem logischmathematischen Anhange, von Moritz Wilhelm Drobisch. 1-е изданіе (всего три). 1836.

Дробишъ смотритъ на логику какъ формальную философію, изслѣдующую формальныя отношенія между понятіями, и такъ какъ правильность отношенія понятій зависитъ отъ правильнаго соединенія ихъ, то логику онъ опредѣляетъ, какъ ученіе объ условіяхъ законо-сообразнаго

мышленія. Наше мышленіе можетъ быть или отрывочнымъ или связно-научнымъ (методическимъ). Посему, кромѣ анализа отношеній между понятіями, что составляетъ предметъ первой части логики, она должна заняться еще научнымъ единствомъ или систематическими формами. Слѣдовательно, центръ тяжести въ логикѣ остается у Дробиша за формами отношеній между понятіями и въ этомъ пунктѣ онъ остается вѣрнымъ Гербарту. Различіе между ними въ томъ, что неопредѣленныя замѣтки Гербарта о приложеніи логики (о нихъ мы упоминали выше) развиты у Дробиша въ ученіе о научной системѣ, которая совмѣстила въ себѣ и вторую часть Кантовской логики или ученіе о методѣ.

Не будемъ подробно анализировать содержаніе первой части логики Дробиша (мы пользуемся первымъ изданіемъ). Отмѣтимъ только выдающіяся особенности ея. Съ особеннымъ тщаніемъ развито у Дробиша ученіе о сужденіи. Оно опредѣляется, какъ логическое выраженіе отношенія данныхъ понятій, насколько они могутъ или не могутъ быть соединяемы. Сужденія могутъ указывать положительную связь между понятіями (утвердительныя) или отрицать эти отношенія (отрицательныя). Далѣе, они могутъ полагаться или безусловно или условно (категорическія и условныя сужденія). Утвержденіе или отождествленіе между понятіями можетъ быть внутреннее или внѣшнее: въ первомъ случаѣ мы называемъ сужденіе аналитическимъ, во второмъ синтетическимъ. Подлежащее въ сужденіи можетъ быть выставляемо безъ ограниченія или съ ограниченіемъ (всеобщія и частныя). Такія же различія могутъ быть находимы и въ области отрицательныхъ сужденій. Въ заключеніе представляется схематическое построеніе сужденій, т. е. наглядным сопоставленіемъ геометрическихъ круговъ выражены отношенія между подлежащимъ и сказуемымъ *) (23—37 р.).

Сопоставляя сужденія между собою, мы видимъ, что они могутъ или взаимно подчиняться или противорѣчить другъ другу или имѣть различное значеніе (модальныя сужденія). На этомъ основаніи возможны различныя заключенія отъ одного сужденія къ другому. Дробишъ разсматриваетъ здѣсь, такъ называемыя, непосредственныя умозаключенія (38—51).

---

*) Заимствуемъ изъ Дробиша краткую исторію этихъ круговъ (Neue Darstellung der Logik, p. 37). Первое изображеніе круговъ для наглядаго изображенія отношеній между понятіями, получившее такой ходъ въ формальныхъ логикахъ, приписываютъ обыкновенно Эйлеру. Но еще ранѣе его пользовался ими Ланге, проф. въ Гиссенѣ, въ своемъ сочиненіи Nucleus Logicae Weisianae. Какъ кажется, первымъ изобрѣтателемъ слѣдуетъ признать Вейсе (ум. въ 1708 г.). Вмѣсто круговъ, Плуке употреблялъ квадраты, Маасъ — треугольники, Ламберъ — даже линіи.

Сужденія могутъ быть сложныя: напр. условныя могутъ допускать разныя степени сложности, равно какъ категорическія могутъ развиваться въ соединительныя и раздѣлительныя (51—59).

Въ ученіи о силлогизмахъ Дробишъ, какъ и Гербартъ, допускаетъ только три фигуры, и въ третьей исключаетъ modi: Datisi и Ferison. Четвертая фигура, равно какъ и указанные modi, не признаются имъ потому, что въ нихъ заключеніе можетъ быть получено только чрезъ дополнительный пріемъ превращенія (р. 69). Сложные силлогизмы разсматриваются также съ большою обстоятельностью (60—87).

Вмѣсто методики Кантовской логики, Дробишъ предлагаетъ ученіе о систематическихъ формахъ. Системы занимаются опредѣленіями понятій. Они могутъ простираться или на объемъ или на содержаніе. Съ послѣднимъ имѣютъ дѣло объясненія (Erklarungen), съ первымъ дѣленія. Подъ объясненіями авторъ разумѣетъ логическія опредѣленія; они бываютъ синтетическія, аналитическія и генетическія, могутъ быть номинальныя и реальныя. Дѣленія употребляются въ системѣ: или въ видѣ логическаго пріема дѣленія или классификаціи; какъ то, такъ и другая могутъ быть систематическими и аналитическими (88—107).

Допущенныя соединенія понятій оправдываются или непосредственно или посредственно чрезъ доказательства. Послѣднія бываютъ прогрессивныя: прогрессивныя—синтетическими и аналитическими, прямыми и непрямыми. Въ заключеніи кратко излагаются основанія ученія о вѣроятности и указываются два вида вѣроятныхъ умозаключеній, посредствомъ которыхъ мы приходимъ къ философской вѣроятности: неполная индукція и неполная аналогія (108—123).

Школа Гербарта можетъ быть названа представительницею въ настоящее время формальной логики. Она до сего времени удерживаетъ строго формальный взглядъ на нее Гербарта и въ Германіи всего менѣе подчиняется вліянію англійской логики. Вообще нѣмецкіе мыслители настоящаго времени почти всѣ держатся формальнаго взгляда на логику и придаютъ ей только пропедевтическое философское значеніе.

Итакъ современная формальная логика возникла изъ схоластической діалектики. Первою философскою школою на континентѣ, которая рѣшилась оставить схоластическую рутину и внести новый смыслъ въ логическія изслѣдованія, была школа Декарта, и первымъ трудомъ въ этомъ направленіи, имѣвшимъ рѣшительное вліяніе на послѣдующую обработку логики, была la Logique порт-роялскихъ янсенистовъ. Въ этомъ трудѣ она освобождается отъ многихъ грамматическихъ тонкостей и мертвеннаго

взгляда на мышленіе какъ соединеніе различныхъ терминовъ. Дальнѣйшее выдѣленіе безполезныхъ, а иногда и безсмысленныхъ подробностей, совершается въ школѣ Лейбница, именно у Вольфа. Она дѣлается наукою о *отличіяхъ* ума и даже пріобрѣтаетъ практическій характеръ, превратившись въ своего рода руководство къ рѣшенію задачъ, возникающихъ при научномъ практическомъ мышленіи Но при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, логика теряетъ практическій, сообщенный ей Вольфомъ, характеръ и сосредоточивается преимущественно на изслѣдованіи формальной стороны мышленія. Этотъ поворотъ въ ней былъ произведенъ Кантомъ и его школою. До крайняго формализма логика дошла у Гербарта и его школы. Весь процессъ мышленія послѣдняя понимаетъ, какъ соединеніе понятій, и логикѣ предоставляетъ право изслѣдовать только формы этихъ соединеній. Поэтому центръ тяжести въ ней перемѣстился въ ту часть ея, которая занимается самыми элементарными пріемами мышленія. Въ этомъ видѣ она, конечно, не можетъ быть органомъ изслѣдованія природы и духа, и было бы весьма странно величать такимъ громкимъ именемъ собраніе замѣтокъ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ. Замкнутая въ схоластическія опредѣленія и не имѣя силъ углубить и разнообразить свой анализъ, логика естественно должна сознавать свое скромное въ этомъ видѣ назначеніе. Ей пришлось поэтому стать не болѣе, какъ одною изъ частей введенія въ философію. Въ такомъ положеніи она находится нынѣ въ Германіи.

IV.

ИНДУКТИВНАЯ ЛОГИКА.

Аристотелевская логика была органомъ философски-дедуктивнаго мышленія. Она вполнѣ удовлетворяла потребностямъ древняго Грека, умъ котораго склоненъ былъ болѣе къ изслѣдованію послѣднихъ причинъ существующаго, чѣмъ къ кропотливому изученію наличныхъ фактовъ, имѣлъ бо́льшую предрасположенность къ реторическимъ изслѣдованіямъ и діалектическимъ ухищреніямъ, этимъ гимнастическимъ упражненіямъ мысли, чѣмъ къ безыскусственному собиранію фактовъ. Какъ теорія логически-дедуктивныхъ пріемовъ могла явиться въ умѣ южнаго жителя, живой и быстрый умъ котораго склоненъ преимущественно къ философскимъ обобщеніямъ и всего менѣе къ мелкой, невидной индуктивной работѣ, такъ и теорія индукціи явились на сѣверѣ, когда, послѣ многихъ вѣковъ порабощенія схоластическо-аристотелевской логикѣ, умы пробудились къ наблюденію и изученію окружающей ихъ природы. Извѣстно, что дѣйствительный прогрессъ естествовѣдѣнія начался собственно съ того времени, когда явились въ области науки фантастическіе искатели приключеній, приверженцы алхиміи и разныхъ тайныхъ наукъ. Отыскивая жизненный элексиръ, философскій камень, тайныя симпатическія средства, изучая способы гаданія и предвѣщанія по разнымъ примѣтамъ, они наталкивались совершенно случайно на дѣйствительно важныя открытія. Постепенно оказывались то тѣ то другіе взгляды Аристотеля на природу несостоятельными и умы понемногу отучались отъ безусловной вѣры въ него. XV и XVI вѣка были эпохою мистическаго изученія природы, но вмѣстѣ и временемъ, когда залагались новыя основы естествовѣдныхъ наукъ. Охлажденіе къ Аристотелю сказалось даже въ логикѣ — этой повидимому

вѣковой собственности его; мы видѣли, съ какою рѣзкостію сказался протестъ противъ Органона въ лицѣ Рамуса.

Рамусъ только чувствовалъ недостаточность схоластической логики; онъ приглашалъ умы къ занятію самыми вещами, а не словами, но погруженный вполнѣ въ интересы схоластическаго мышленія, какъ бы ослѣпленный еще мракомъ ея, онъ не могъ отгадать истинно слабыхъ сторонъ схоластическаго Аристотеля и найти вѣрный путь къ истинѣ. Чтобъ оцѣнить несостоятельность его и вывести умы на надлежащую дорогу, для этого требовался человѣкъ съ умомъ менѣе живымъ и воспріимчивымъ, но зато болѣе практическимъ, не столь богато одареннымъ живымъ воображеніемъ и потому менѣе торопливымъ, чѣмъ южные умы. Такимъ человѣкомъ былъ Британецъ — Баконъ Веруламскій.

Его значеніе для логики всякій пойметъ, когда вспомнимъ, что онъ собственно есть основатель логики индуктивной, какъ Аристотель — логики дедуктивной. Его Novum Organon былъ также геніальная работа, геніальная по новости указаннаго имъ логическаго метода, по необыкновенно проницательной оцѣнкѣ положенія современной ему науки и причинъ глубокаго упадка ея. Сочиненія Бакона останутся навсегда одними изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній ума человѣческаго, справедливымъ предметомъ гордости его.

По принятому нами методу, познакомимся прежде всего съ сочиненіями указаннаго мыслителя.

Логическую важность имѣетъ сочиненіе Instauratio Magna: въ первой части его de dignitate et augmentis scientiarum важна ~~четвертая~~ книга, гдѣ излагается планъ логики, какъ ее понималъ Баконъ, а за тѣмъ вся вторая часть его, извѣстная подъ именемъ Novum Organon. Мелкія сочиненія могутъ служить только къ выясненію нѣкоторыхъ замѣтокъ, пространно изложенныхъ въ Instauratio Magna. Таковы: Temporis partus musculus, Cogitata et visa de interpretatione naturae. Мы будемъ излагать мысли Бакона преимущественно по главному его сочиненію Instauratio Magna.

Novum Organon состоитъ изъ двухъ книгъ. Первая служитъ только введеніемъ, цѣль котораго указать необходимость реформы; во второй излагается новый методъ *).

Въ предисловіи онъ порицаетъ какъ тѣхъ философовъ, которые думаютъ о своемъ всезнаніи, такъ и скептиковъ, отчаявающихся въ возможности знанія вообще. Можно достигнуть несомнѣнныхъ знаній, но для

*) Мы пользуемся превосходнымъ изданіемъ сочиненій Бакона Буилье: Oeuvres philosophiques de Bacon, par M. Bouillet 1834.

того необходимъ новый методъ, совершенно отличный отъ употреблявшагося доселѣ. Впрочемъ, онъ не хотѣлъ бы умалять ни значенія и уваженія, какого заслуживаютъ древніе: ибо ихъ ошибки происходили болѣе отъ неправильнаго пути, по которому они шли, чѣмъ по недостатку ума, — ни почета современной философіи: ибо она, хотя безсильна для произведенія открытій, можетъ, однакожъ, быть полезною для убѣжденія другихъ, для управленія преніями. Кто желаетъ произносить сужденіе о его предпріятіи, тотъ долженъ тщательно изслѣдовать его методъ и даже испытать его на дѣлѣ (Praefatio 1—6 *).

Первая книга Новаго Органа.

Первая книга занимается приготовленіемъ умовъ къ пониманію и усвоенію себѣ новаго метода. Въ первой части ея авторъ старается уничтожить причины, могущія препятствовать усвоенію истины (pars destruens), во второй — онъ предупреждаетъ ложныя понятія, которыя могли бъ составиться о его методѣ (это собственно pars praeparans).

Человѣкъ можетъ знать на столько, на сколько онъ открываетъ порядокъ природы или чрезъ наблюденіе фактовъ или чрезъ дѣлаемыя имъ наведенія. Какъ руки ничего не въ состояніи сдѣлать безъ помощи орудія, такъ и разумъ — безъ метода. Было бы слишкомъ странно предполагать, что безъ новаго метода люди дойдутъ до чего либо новаго, доселѣ неизслѣдованнаго. До сего времени все новое открывалось благодаря случаю, а не наукѣ, и существующія теперь науки, въ сущности, суть систематизаціи уже изобрѣтенныхъ вещей, но въ нихъ нѣтъ никакихъ указаній на способъ изобрѣтенія. Современныя науки, какъ и логика, совершенно безполезны для изобрѣтенія знанія и служатъ только къ укрѣпленію заблужденій. Всѣ онѣ пользуются силлогизмомъ. Силлогизмъ состоитъ изъ предложеній, предложенія изъ словъ, слова суть знаки понятій. Если понятія будутъ смутны и безразсудны, то что же выйдетъ изъ силлогизма? Всѣ эти ходячія понятія, какъ наприм. Аристотелевскія категоріи или свойства вещей: тяжелый, легкій, влажный, сухой, дурно опредѣлены или имѣютъ фантастическій характеръ. Чтобъ улучшить науку, необходимо создавать понятія и сужденія болѣе совершеннымъ путемъ, чѣмъ прежде (I—XVIII).

Существуютъ два пути для изслѣдованія и изобрѣтенія истины: одинъ идетъ отъ ощущенія и частностей къ самымъ общимъ положеніямъ и отъ

*) Такъ какъ весь трудъ изложенъ въ афоризмахъ, то цифры здѣсь означаютъ параграфы.

послѣднихъ, какъ принциповъ, направляется къ открытію среднихъ аксіомъ. Этотъ путь общеупотребителенъ въ настоящее время. Другой также идетъ отъ ощущеній и частностей къ общимъ положеніямъ, но восходитъ постепенно, дабы только впослѣдствіи придти къ самымъ общимъ аксіомамъ. Этотъ путь вѣренъ, но до сего времени онъ не испробованъ. Различіе въ нихъ огромное, хотя точка отправленія одна и та же: одинъ бѣгло ведетъ къ безполезнымъ и абстрактнымъ обобщеніямъ, другой ведетъ къ извѣдыванію природы, почему и слѣдствіемъ перваго способа изученія бываютъ предваренія (anticipationes) природы, тогда какъ второй пріемъ есть настоящее истолкованіе (interpetatio) ея (XIX—XXX).

Посему необходима реформа въ самыхъ основаніяхъ: instauratio facienda ab imis fundamentis.

Но прежде всего нужно устранить все, что можетъ препятствовать предпринятому возстановленію науки. Эти препятствія суть заблужденія всякого рода, какъ бы недѣйствительные и фантастическіе образы (idola). Они занимаютъ собою умъ и препятствуютъ ему стать на надлежащую дорогу (XXXVIII).

Четыре рода такихъ важныхъ заблужденій: Баконъ называетъ ихъ idola tribus, idola specus, idola fori, idola theatri. Ученіе о нихъ имѣетъ такое же значеніе въ ученіи объ истолкованіи природы, какое въ діалектикѣ имѣло ученіе о софистическихъ доказательствахъ.

Idola tribus имѣютъ основаніе въ самой человѣческой природѣ: человѣкъ естественно навязываетъ много личнаго, ему только принадлежащаго, природѣ, считая себя мѣрою вещей. Idola specus суть образы индивидуальнаго человѣка: каждый изъ насъ занимаетъ свой уголокъ въ мірѣ и свѣтъ, достигая его, преломляется чрезъ среду особенной природы каждаго, сложившейся вслѣдствіе воспитанія и сношеній съ другими людьми, книгъ и авторитетовъ, почитаемыхъ каждымъ, различія впечатлѣній, получаемыхъ личностію. Idola fori, это заблужденія, развиваемыя обществомъ вслѣдствіе столкновеній и сношеній членовъ его. И такъ какъ языкъ есть орудіе ихъ, то эти заблужденія усвоиваются нами чрезъ изученіе языка. Наконецъ, idola theatri называются заблужденія, вкравшіяся въ умы отъ разныхъ философскихъ сектъ; сюда же относятся принципы и положенія многихъ наукъ, получившіе значеніе въ силу преданія и общаго довѣрія къ нимъ (XLI—XLIV).

Idola tribus, или всеобщія заблужденія, возникаютъ или вслѣдствіе наклонности ума предполагать въ вещахъ болѣе порядка и правильности, чѣмъ сколько въ нихъ есть на самомъ дѣлѣ, или въ силу его предубѣжденій и предразсудковъ, или вслѣдствіе ограниченности нашего ума, или

вліянія страстей, или несовершенства чувствъ или того способа, какимъ вещи дѣйствуютъ на насъ (XLV—LI).

Idola specus, или индивидуальныя заблужденія. Ихъ корень въ преобладаніи господствующихъ вкусовъ, въ наклонности схватывать только одну сторону вещей—ихъ сходство или различіе, въ предрасположеніи къ древнимъ или новымъ мнѣніямъ, въ привычкѣ ученыхъ искать то слишкомъ простыя начала, то представлять міръ сложнымъ (LII—LVIII).

Заблужденія языка, или idola fori. Слова господствуютъ надъ нами, хотя мы и увѣрены въ своемъ господствѣ надъ ними. Эти заблужденія происходятъ отъ того, что есть слова, которымъ въ дѣйствительности нѣтъ ничего соотвѣтствующаго, и что съ другой стороны, самыя вещи, означаемыя словами, понимаются нами темно и неопредѣленно (LIX—LX).

Заблужденія философскихъ школъ, idola theatri, происходятъ отъ ложныхъ философскихъ ученій и ложныхъ пріемовъ доказательствъ. Философскія системы заблуждаются: или въ своихъ основаніяхъ или въ предметѣ своихъ ученій или въ своемъ ученіи о достовѣрности. Такъ, одни философы, называемые у Бакона софистами или раціоналистами, всѣ объясняютъ, отправляясь отъ небольшого числа принциповъ, основанныхъ притомъ на поверхностныхъ понятіяхъ (такова школа Аристотеля), другіе, эмпирики, отправляясь отъ немногихъ наблюденій и опытовъ, стараются все свести къ нимъ (таковы алхимисты), третьи, суевѣры, смѣшивая разумъ и откровеніе, думаютъ открывать истину путемъ сверхъестественнымъ (такова школа Пиѳагорейцевъ и Платоновцевъ). Часто философы занимаются недѣйствительными предметами: такъ они трактуютъ объ элементахъ и элементарныхъ свойствахъ, о первичныхъ формахъ видовъ и тайныхъ качествахъ, отвлеченіяхъ, различіи словъ, а не дѣйствительныхъ силъ. Наконецъ, догматики готовы дерзко рѣшать что угодно, скептики во всемъ сомнѣваются и отчаяваются за человѣческій разумъ (LXI—LXVII).

Кромѣ заблужденій, препятствующихъ прямо смотрѣть на дѣло истолкованія природы, самый господствующій методъ оказывается весьма недостаточнымъ. Онъ не состоятеленъ по слѣпому довѣрію къ внѣшнимъ чувствамъ людей, по способамъ, какими они восходятъ къ отвлеченнымъ идеямъ, по злоупотребленіямъ силлогистики, чрезъ которую думаютъ выводить все изъ немногихъ произвольныхъ принциповъ. Притомъ, опыты производятся неумѣло, не съ цѣлію отысканія истины, а съ цѣлію непосредственной выгоды (LXVIII—LXX).

Чтобъ вполнѣ освободиться отъ указанныхъ заблужденій въ ученіи и методѣ, необходимо увѣриться въ недостаточности современной науки и отдать себѣ отчетъ въ причинахъ научнаго застоя.

Современныя науки почти всѣ произошли отъ Грековъ, діалектиковъ по преимуществу, способныхъ болѣе къ болтливости, чѣмъ образованію истинной науки. Онѣ созданы были въ такую эпоху дѣтства, когда люди безсильны были знать что либо серьезно. Мало онѣ принесли и пользы, такъ какъ большая часть открытій произошла благодаря случаю, а не наукѣ. Притомъ, въ продолженіе столькихъ вѣковъ онѣ ни шагу не сдѣлали впередъ. Доказательствомъ несостоятельности современной философіи и науки служитъ, наконецъ, сознаніе философовъ въ тщетѣ ихъ знанія, хотя по гордости своей они относятъ свое незнаніе къ темнотѣ самой природы и слабости человѣческаго разумѣнія и разногласію противоположныхъ школъ почти о всѣхъ вопросахъ: ибо прекращеніе раздора во времена господства Аристотеля было только наружное (LXX—LXXVIII).

Причины такого положенія вещей заключаются: 1) въ краткости времени, въ продолженіе котораго разработывались науки у Грековъ, Римлянъ и въ средніе вѣка; притомъ, и въ это малое время Греки и Римляне занимались преимущественно моралью и политикою, средніе вѣка — Богословіемъ. 2) Число лицъ, всецѣло посвятившихъ себя изученію природы, весьма не велико и большая притомъ часть ихъ занималась этимъ дѣломъ случайно и смотрѣла на науку о природѣ, какъ слугу другихъ наукъ, тогда какъ она должна быть ихъ матерью. 3) Незнаніе истинной цѣли науки, которая должна вести къ полезнымъ для человѣка открытіямъ, а не служить для непосредственной выгоды или построенія системы. 4) Употребленіе дурныхъ методовъ: ибо большею частію стараются выводить все: или изъ собственнаго ума чрезъ размышленіе или изъ общихъ принциповъ чрезъ діалектику, вмѣсто того, чтобъ обращаться къ опыту и индукціи. 5) Всеобщее презрѣніе къ мелкимъ наблюденіямъ. 6) Слѣпое уваженіе къ древнимъ временамъ, 7) Ложное мнѣніе людей о ихъ воображаемыхъ богатствахъ, когда они обращаютъ вниманіе на имѣющіяся изобрѣтенія, библіотеки, открытія алхиміи, магіи, тогда какъ при справедливой оцѣнкѣ, все это доказываетъ только нашу бѣдность. 7) Искусство философовъ представить свои мнѣнія въ формѣ законченнаго ученія, тогда какъ слѣдовало бы давать имъ форму отрывочныхъ мыслей. 8) Несостоятельность различныхъ нововводителей, не исполнявшихъ своихъ широкихъ обѣщаній и потому содѣйствовавшихъ укрѣпленію вѣры въ древнихъ. 9) Малодушіе людей, изъ которыхъ одни полагаютъ произвольныя границы могуществу искусства, другіе же поставляютъ цѣль своихъ изслѣдованій въ слишкомъ ничтожныхъ предметахъ, вмѣсто того, чтобъ обнимать всю природу. 10) Вражда между религіей и философіей. Богословы опасаются, чтобъ послѣдняя не открыла чего нибудь враждебнаго догматамъ. Но философія открываетъ только дѣйствія всемогущества Божія, какъ религія волю

Божію, и потому между ними нѣтъ ничего враждебнаго. 11) Современное устройство школъ и другихъ общественныхъ учрежденій, которыя, вмѣсто содѣйствія научному прогрессу, только препятствуютъ ему. 12) Отсутствіе поощренія. Наконецъ 13) отчаяніе въ достиженіи истины, основанное на несостоятельныхъ основаніяхъ (LXXIX—XCII).

Не безнадежно ли, однакожъ, задуманное предпріятіе? Чтобъ поднять упавшій духъ того времени и побудить его идти по правильной дорогѣ, нужно было вдохнуть въ него надежды на успѣхъ новаго предпріятія. Посему Баконъ перечисляетъ мотивы, по которымъ можно разсчитывать на успѣхъ этого дѣла.

Первый мотивъ заключается въ самомъ характерѣ предпріятія: оно такъ велико, что, повидимому, внушено самимъ Богомъ. Второй—въ употребленіи дурныхъ методовъ, вслѣдствіе чего можно надѣяться, что съ лучшими методами успѣхъ будетъ лучшій.

До сего времени представители науки употребляли или опытъ или разумъ, вмѣсто того, чтобъ соединять ихъ вмѣстѣ. Философія была извращена излишнею систематикою. Никто не имѣлъ достаточно храбрости, чтобъ вполнѣ отказаться отъ ложныхъ теорій и предаться собственно изученію природы. Нѣтъ настоящей естественной исторіи: Аристотелевская можетъ быть полезна только для философіи. Обыкновенно довольствуются собираніемъ фактовъ для очевидныхъ положеній, вмѣсто того чтобъ вопрошать природу посредствомъ опытовъ. Если и существуютъ опыты въ механическихъ наукахъ, то они имѣютъ своею цѣлію матеріальную и притомъ непосредственную пользу; притомъ, и эти опыты производятся на удачу и безъ опредѣленнаго правила: изслѣдователи не отмѣчаютъ наблюденій и опытовъ, такъ что писанный опытъ не существуетъ (XCIII—CII). Даже когда собраны всѣ частные факты, не слѣдуетъ быстро путемъ аналогіи переходить къ частнымъ приложеніямъ, но сначала отъ нихъ восходить къ общимъ законамъ природы (ascendendo) и затѣмъ нисходить отъ нихъ къ приложеніямъ (descendendo). Не слѣдуетъ дѣлать быстрыхъ скачковъ къ общимъ положеніямъ; человѣческій умъ долженъ быть сдерживаемъ, а не возбуждаемъ. Чтобъ достигнуть истинныхъ общихъ положеній, для этого требуется другая форма индукціи, чѣмъ употреблявшаяся до того времени. Индукція per enumerationem есть дѣтская игра, ведетъ къ преждевременнымъ обобщеніямъ и не обращаетъ вниманія на случаи противорѣчащіе. Новая индукція изслѣдуетъ природу путемъ исключенія, рѣшается на утвержденія, только отдавъ отчетъ во всѣхъ отрицательныхъ случаяхъ. Ошибочный господствующій методъ есть обезпеченіе будущаго успѣха: слѣдуетъ только поступить во всемъ ему противоположно (CIII—CVIII).

Кромѣ того, если случайно люди пришли къ такимъ полезнымъ открытіямъ, то чего можно надѣяться при методическихъ изслѣдованіяхъ? Изъ открытій многія были такъ неожиданны, что заранѣе нельзя было и предугадывать ихъ (порохъ, шелкъ, компасъ), другія такъ просты, что нельзя не удивляться, какъ человѣкъ ранѣе не пришелъ къ нимъ; какъ же много открытій предстоитъ впереди, столь же легкихъ и столь же мало подозрѣваемыхъ, особенно если на нихъ будетъ употреблена хотя часть времени, истрачиваемаго теперь на безполезныя занятія. Однимъ словомъ, относительно новаго пути нельзя колебаться: на немъ мы можемъ много выиграть и ничего не теряемъ. (CIX—CXV).

Все сказанное относится къ критикѣ современной Бакону науки. Это pars destructiva его первой книги второй части Instauratio Magna. За нею слѣдуетъ часть приготовительная, предназначенная для расположенія умовъ къ усвоенію новаго метода и къ разъясненію ложныхъ о немъ понятій.

Пусть не думаютъ, что, осудивъ школы и системы, онъ желаетъ основать новую систему и новую школу: его цѣль напомнить людямъ объ опытѣ. Нельзя отъ автора ожидать непосредственныхъ полезныхъ приложеній метода: онъ желаетъ привести людей къ открытію законовъ и причинъ явленій, открытію, которое впослѣдствіи дастъ самые разнообразные плоды. Его естественная исторія можетъ быть не свободна отъ частныхъ погрѣшностей, но онѣ не вредятъ цѣлому и могутъ быть исправлены при точномъ познаніи всеобщихъ законовъ. Она можетъ заключать въ себѣ множество самыхъ обыденныхъ фактовъ, даже безполезныхъ, но только изучая послѣдніе, можно придти и къ объясненію самыхъ рѣдкихъ явленій. Притомъ, стоитъ изучать и обыденныя явленія, когда они существуютъ въ дѣйствительности. Факты, неимѣющіе непосредственнаго приложенія, полезны однакожъ, если они разъясняютъ природу явленій, если они заключаютъ въ себѣ сѣмена будущихъ открытій. Для наблюденій и опытовъ требуется менѣе тонкости ума, чѣмъ сколько развивается ея въ схоластическихъ диспутахъ, но здѣсь есть то различіе, что первая полезна для чего нибудь, вторая ни къ чему не ведетъ. Въ его указаніяхъ на общее заблужденіе нѣтъ нахальной дерзости: ибо причины его онъ видитъ въ незнаніи правильнаго метода. Пусть не говорятъ, что мелочные опыты не совмѣстимы съ достоинствомъ и спокойствіемъ, приличнымъ наукѣ; напротивъ, только черезъ точное знаніе природы, а не системъ, постоянно уничтожающихъ другъ друга, возможно придти къ желанному спокойствію. Скажутъ, что онъ не даетъ, въ сущности, ничего новаго, неизвѣстнаго древнимъ философамъ, но сочиненія послѣднихъ достаточно доказываютъ, что они быстро переходили отъ фактовъ къ самымъ общимъ

заключеніямъ, дабы потомъ чрезъ силлогизмъ выводить изъ нихъ частныя истины. Могутъ сказать, что онъ скептикъ, но онъ говоритъ не о возможности знанія, а о средствахъ къ лучшему познанію. Его методъ прилагается не только къ физическимъ наукамъ, но и столько же къ наукамъ нравственнымъ и логическимъ. Несовсѣмъ вѣрно и то, что онъ уничтожаетъ господствующую философію: онъ признаетъ пользу ея для ораторскихъ и общественныхъ цѣлей; только онъ считаетъ ее неспособною къ усовершенствованію человѣческаго познанія (CXVI—CXXVIII).

Баконъ заканчиваетъ первую книгу размышленія о великости предпріятія и пользѣ, какую оно можетъ принести.

Вторая книга Новаго Органа.

Во второй книгѣ Новаго Органа Баконъ, послѣ замѣтокъ о цѣли науки и ея дѣленіи, излагаетъ свой методъ истолкованія природы.

Человѣческая мощь обнаруживается въ томъ, что данному предмету она сообщаетъ новую природу или новыя свойства. Цѣль человѣческаго знанія найти форму даннаго явленія, т. е. или истинное отличіе его отъ всякого другого или производящую его причину. Этимъ цѣлямъ подчиняются второстепенныя: первой превращеніе конкретныхъ предметовъ одного въ другой, конечно въ возможныхъ границахъ, второй — открытіе скрытаго процесса во всякомъ движеніи и происхожденіи, равно какъ познаніе скрытаго схематизма покоющихся вещей.

До сего времени наука занималась причинами — матеріальною, дѣйствующею и конечною, но отчаявалась въ открытіи формальныхъ причинъ или формъ. Подъ формою авторъ разумѣетъ не какія нибудь отвлеченія, но законъ, по которому воспроизводятся простыя дѣйствія природы. Познаніе такой формы, имѣетъ необыкновенную важность. Зная ее, мы могли бы объединять многія различныя явленія и дѣлать изъ нея множество приложеній (Lib. II, aph. I—III).

Перейдемъ теперь къ изложенію того искусства истолковывать природу, которое есть главная интересующая Бакона задача. Оно слагается изъ двухъ пріемовъ: съ одной стороны, нужно умѣть извлекать изъ опыта всеобщія истины, съ другой — изъ извѣстныхъ истинъ извлекать новые опыты.

Искусство извлекать общія истины изъ опыта возможно благодаря слѣдующимъ пособіямъ: необходимы пособія для внѣшнихъ чувствъ, памяти и разума. Чтобы имѣть пособіе для чувствъ, необходимо создать естественную, экспериментальную исторію: нельзя ничего дозволять своей фантазіи, но должно искать только того, что дѣлается природою. Чтобъ наша па-

мять не была подавлена множествомъ фактовъ, необходимо данныя естественной исторіи располагать въ извѣстномъ порядкѣ, т. е. необходимы tabulae et coordinationes. Наконецъ, пособіе для разума можетъ быть найдено только въ истинной индукціи.

Баконъ начинаетъ съ пособій послѣдняго рода. Съ одной стороны, онъ разсуждаетъ объ изысканіи формъ или законовъ, при чемъ излагается собственно методъ индукціи, съ другой стороны, онъ говоритъ о вспомогательныхъ индуктивныхъ средствахъ (aph. X).

Изслѣдованіе формъ происходитъ такимъ образомъ. Во первыхъ, необходимо собрать факты, въ какомъ бы то ни было отношеніи сходные между собою, т. е. обнаруживающіе въ себѣ испытуемое явленіе. Эта таблица называется у него tabula essentiae et praesentiae. Вторая таблица должна содержать въ себѣ факты, подобные собраннымъ въ первой, но не заключающіе въ себѣ испытуемаго явленія, и притомъ такъ, чтобъ каждый случай второй таблицы соотвѣтствовалъ подобному случаю въ первой. Свои теоретическія правила Баконъ разъясняетъ самымъ дѣломъ на изслѣдованіи теплоты и къ 27 фактамъ первой таблицы подбираетъ 32 случая по второй таблицѣ. Послѣдняя называется у него tabula declinationis sive absentiae in proximo. Наконецъ, третья таблица указываетъ степени или сравнительную напряженность явленія и называется tabula graduum sive comparativa. Здѣсь Баконъ приводитъ 41 случай обнаруженія теплоты въ различной степени (XI—XIV).

Когда эти таблицы установлены, начинается трудъ индукціи, опредѣляющей форму или сущность изслѣдуемаго явленія. При этомъ не слѣдуетъ торопиться обобщеніемъ, но, до всякого утвердительнаго мнѣнія, слѣдуетъ собрать противорѣчащіе случаи и обратиться къ пріему исключенія, т. е. необходимо исключить всѣ тѣ свойства, которыя или не встрѣчаются вмѣстѣ съ даннымъ явленіемъ или попадаются отдѣльно отъ него или возрастаютъ по мѣрѣ того, какъ послѣднее уменьшается. или уменьшаются, тогда какъ данное качество возрастаетъ (XV—XVI).

Послѣ исключенія долженъ слѣдовать утвердительный выводъ, или опредѣленіе истинной формы. Необходимо обратить вниманіе на то, что есть общаго во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ таблицахъ, и преимущественно на тѣ факты, которые могутъ освѣщать намъ природу изслѣдуемаго качества. Свои замѣчанія Баконъ тоже разъясняетъ на примѣрѣ теплоты (XVIII—XX).

Но индукція нуждается еще въ разныхъ вспомогательныхъ средствахъ для своего полнаго успѣха. Баконъ собирается толковать о слѣдующихъ предметахъ: 1) о случаяхъ, имѣющихъ преимущество (instantiarum praerogativae), или о степени сравнительной важности фактовъ; 2) о сред-

ствахъ руководить индукціей (adminicula inductionis); 3) искусствѣ подтверждать ее (rectificatio inductionis); 4) искусствѣ видоизмѣнять ходъ изслѣдованій, смотря по природѣ предмета (variatio inquisitionis pro natura subjecti); 5) о преимуществахъ предметныхъ качествъ, т. е. порядкѣ, въ какомъ слѣдуетъ разсматривать эти качества (praerogativae naturarum); 6) о границахъ изслѣдованій (termini inquisitionis); 7) о приложеніи индукціи въ практикѣ (deductio ad praxin); 8) о приготовленіяхъ къ изслѣдованію (de parascevis ad inquisitionem); 9) о восходящей и нисходящей лѣствицѣ аксіомъ (de scala ascensoria et descensoria axiomatum).

Но изъ этихъ пунктовъ Баконъ разсматриваетъ только первый. Онъ останавливается на преимущественныхъ случаяхъ, способныхъ легко вести къ открытіямъ. Такихъ преимущественныхъ случаевъ онъ насчитываетъ 27 (Aph. XXI).

Всѣ случаи, имѣющіе преимущество, раздѣляются на два главныхъ рода: одни имѣютъ значеніе для теоріи, другіе — для руководства въ практикѣ.

Случаи перваго рода:

1) Instantiae solitariae, т. е. факты, которые представляютъ извѣстное качество въ предметахъ, не имѣющихъ между собою никакого другого сходства, или напротивъ, указываютъ на отсутствіе этого качества въ вещахъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ сходныхъ. 2) Instantiae migrantes, случаи, въ которыхъ форма изслѣдуемаго качества вдругъ возникаетъ или уничтожается, увеличивается или уменьшается. Такое качество всего легче замѣчается. 3) Instantiae ostensivae, или случаи, представляющіе наибольшее напряженіе изслѣдуемаго качества (XXII—XXIV). 4) Instantiae clandestinae, seu instantiae crepusculi, случаи въ которыхъ замѣчается minimum изслѣдуемаго качества. Если оно при маломъ напряженіи производитъ извѣстное дѣйствіе, то можно быть увѣреннымъ, что оно будетъ производить его при всѣхъ степеняхъ напряженности. Поэтому на основаніи такихъ случаевъ легко можно приходить къ самымъ общимъ заключеніямъ. 5) Instantiae constitutivae, seu manipulares, собраніе сходныхъ фактовъ, представляющихъ нѣсколько видовъ, отъ котораго возможно дѣлать заключеніе къ роду. 6) Instantiae conformes, sive proportionatae, sive similitudines physicae, случаи обнаруживающіе матеріальное сходство между конкретными существами; сближая, повидимому, самые разнородные предметы, эти случаи ведутъ къ открытію внутренняго строенія вещей и указываютъ единство среди разнообразія (XXV—XXVII). 7) Instantiae monodicae, seu irregulares, sive heteroclytae, конкретные случаи, въ которыхъ обнаруживается от-

ступленіе отъ другихъ случаевъ подобнаго же рода. 8) Instantiae deviantes, какъ бы заблужденія природы, уродства, въ которыхъ природа отступаетъ отъ обыкновеннаго теченія вещей. Различіе между первыми и вторыми случаями то, что inst. monodicae суть удивительныя разности *видовъ*, — deviantes же — разности *индивидуальныя*. 9) Instantiae limitaneae — сопредѣльные случаи, т. е. предметы, представляющіе признаки двухъ видовъ, напр. летучая рыба. 10) Instantiae potestatis, — или наиболѣе плодотворныя произведенія разума, дѣятельности и человѣческаго терпѣнія. Прежде чѣмъ заниматься новыми вопросами, необходимо знать, что уже сдѣлано, дабы трудъ не тратился безъ пользы (XXVIII—XXXI).

Послѣдніе пять случаевъ должны быть замѣчены ранѣе другихъ и наблюденіе ихъ должно подготовлять всякую другую работу (XXXII).

11) Instantiae comitatus atque hostiles, случаи, въ одной части которыхъ есть изслѣдуемое качество, въ другой же части его не оказывается. 12) Instantiae subjunctivae, seu ultimitatis, sive termini, которыя, указывая случаи maximum извѣстнаго качества, показываютъ, какъ далеко можетъ идти природа въ извѣстномъ направленіи. 13) Instantiae foederis, sive unionis, обнаруживающія аналогію качествъ, по обыкновенному мнѣнію, различныхъ: наприм. теплота солнечная, искусственнаго огня и животная (XXXIII—XXXV).

14) Instantiae crucis, seu decisoriae, рѣшительные случаи, показывающіе, по какому изъ двухъ или трехъ путей изслѣдованія должно идти. Они суть какъ бы кресты на распутіяхъ, указывающіе, куда ведутъ разныя дороги. Изъ нѣсколькихъ возможныхъ гипотезъ доказывается одна, какъ подтверждающаяся фактами, и затѣмъ отвергаются другія. Баконъ придаетъ этимъ случаямъ особенное значеніе и потому на разъясненіи ихъ останавливается сравнительно долго; 15) instantiae divortii, случаи, въ которыхъ качества, обыкновенно существующія вмѣстѣ, представляются отдѣльно. Теплота, свѣтъ, прозрачность, подвижность существуютъ вмѣстѣ, хотя есть свѣтящіяся тѣла безъ теплоты и т. д. (XXXVI—XXXVII).

Слѣдуютъ затѣмъ пять видовъ случаевъ, которые Баконъ называетъ общимъ именемъ instantiae lampadis, sive informationis primae. Они какъ бы просвѣтляютъ чувства, чрезъ которыя мы знакомимся съ предметами. Именно, первые укрѣпляютъ, расширяютъ и исправляютъ дѣйствія чувствъ, напр. микроскопъ, телескопъ; вторые дѣлаютъ доступнымъ чувствамъ то, что иначе не могло бы быть замѣчено ими: напр. знакомъ здоровья служитъ пульсъ, тяжести — плотность и т. д.; третьи указываютъ на скрытые процессы, которые могутъ быть наблюдаемы только въ своихъ слѣдствіяхъ или главнѣйшихъ періодахъ; четвертые подстанов-

ляютъ одинъ сходный случай вмѣсто другого, когда этотъ другой намъ почему либо недоступенъ; пятые возбуждаютъ вниманіе чувствъ и показываютъ, до какой степени тонкости могутъ доходить вещи, напр. чрезвычайная дѣлимость золота, мускуснаго запаха. Этимъ случаямъ Баконъ, по своему обыкновенію, даетъ метафорическія названія: 16) instantiae januae, sive portae, 17) instantiae citantes sive evocantes, 18) instantiae viae, seu itinerantes, sive articulatae, 19) instantiae supplementi, substitutionis, perfugii, 20) instantiae persecantes sive vellicantes (XXXVIII—XLIII).

Доселѣ Баконъ перечислялъ случаи, относившіеся къ ознакомленію изслѣдователя съ предметами, относительно которыхъ онъ желаетъ индуктивно умозаключать. Теперь онъ переходитъ къ исчисленію случаевъ, имѣющихъ значеніе для самыхъ индуктивныхъ дѣйствій и называемыхъ поэтому общимъ родовымъ именемъ instantiae operativae. Онъ подраздѣляетъ ихъ на два вида: они или предупреждаютъ возможность заблужденія, обязывая измѣрять и исчислять все наблюдаемое, или облегчаютъ самые выводы. Къ первому виду относятся четыре случая, называемые instantiae mathematicae sive mensurae, ко второму instantiae propitiae sive benevolae.

21) Instantiae virgae sive radii, обнаруживающія степень различныхъ видовъ силъ, качествъ, свойствъ и т. д. Онъ опредѣляетъ, на какихъ разстояніяхъ силы дѣйствуютъ, какія свойства обнаруживаются на разстояніи и какія чрезъ прикосновеніе, какія дѣйствуютъ съ большею силою на малыхъ разстояніяхъ, чѣмъ на большихъ, до какой степени различныя тѣла могутъ сжиматься или расширяться. 22) Instantiae curriculi, случаи измѣренія силъ и ихъ дѣйствія по времени, какъ въ предшествовавшемъ случаѣ они измѣрялись чрезъ измѣреніе разстояній. Благодаря этимъ случаямъ, опредѣляется продолжительность дѣйствія различныхъ силъ, количество дѣйствія въ данное время, время, въ продолженіи котораго дѣйствіе силы становится ощутительнымъ и т. д. 23) Instantiae quanti, sive doses naturae, опредѣляющія соотношеніе количества матеріи съ количествомъ дѣйствующей силы. 24) Instantiae luctae, sive praedominantiae, случаи взаимной встрѣчи и взаимнаго уничтоженія качествъ. Чтобъ опредѣлить, какіе виды движеній могутъ преобладать надъ другими, для сего нужно разсмотрѣть всѣ виды движеній и сравнить ихъ между собою (XLV—XLVIII).

25) Instantiae innuentes, показывающіе, какія разнообразныя приложенія уже извѣстныхъ свойствъ тѣлъ возможны къ нуждамъ и потребностямъ человѣческой жизни. 26) Instantiae polychrestae или факты полезные во многихъ отношеніяхъ. 27) Instantiae magicae, когда коли-

чество матеріи или дѣйствующей силы чрезвычайно мало сравнительно съ обнаруживаемымъ дѣйствіемъ и потому кажется фактомъ чудеснымъ (XLIX—LI).

Въ заключеніи Баконъ обобщаетъ (LII) свои замѣтки относительно значенія указанныхъ примѣровъ или случаевъ. На этомъ его великій трудъ и останавливается. Изъ перечисленныхъ въ XXI афоризмѣ восьми задачъ онъ разсмотрѣлъ только первую: de praerogativis instantiarum оставивъ другія не разрѣшенными (т. е. de adminiculis inductionis, de rectificatione, de variatione inquisitionis pro natura snbjecti, de praerogativis naturarum, de terminis inquisitionis, de deductione ad praxin, de parascevis ad inquisitionem).

Novum Organon, какъ и Органонъ Аристотеля, останется вѣчнымъ памятникомъ могущества человѣческаго генія. Мы видимъ, какъ высоко стоялъ Баконъ надъ уровнемъ своего времени. Въ то время, какъ схоласты еще тратили свои умственныя силы на анализъ различныхъ тонкостей относительно terminorum proprietatibus и на разрѣшеніе разныхъ причудливыхъ софизмовъ, Баконъ не только предугадывалъ настоящій путь человѣческаго познанія, но и ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ средствахъ и способахъ его расширенія. Что Аристотель сказалъ объ Анаксагорѣ, именно что онъ показалъ себя трезвымъ между пьяными, то еще съ большимъ правомъ можетъ быть сказано о Баконѣ. Можно только удивляться, какимъ образомъ вдругъ, безъ предварительной подготовки, могла въ такомъ разработанномъ видѣ явиться теорія индукціи: трудъ Бакона также былъ мало подготовленъ исторически, какъ и Органонъ Аристотеля.

Подъ вліяніемъ новыхъ идей логика должна была измѣниться. Схоластическая діалектика, чуждая всякихъ мыслей объ индуктивныхъ открытіяхъ, не имѣла, можно сказать, мѣста для послѣднихъ. Въ своемъ обзорѣ наукъ, гдѣ Баконъ разсматриваетъ, что именно цѣннаго должно быть сохранено изъ науки его времени, что переработано и создано вновь, онъ касается и логики: именно, въ первой части своей Instauratio Magna, носящей названіе de dignitate et augmentis scientiarum, нашъ авторъ посвящаетъ цѣлую книгу (V-ю) анализу логики. Для него она есть одна изъ наукъ, занимающихся изслѣдованіемъ способностей человѣка, именно дѣятельности разума.

Планъ логики.

Планъ логики у Бакона совершенно новый. Познавательная дѣятельность человѣка руководится четырьмя цѣлями. Люди имѣютъ нужду въ

открытіяхъ, обсужденіи найденнаго, удержаніи обсужденнаго въ памяти и передачѣ удержаннаго другимъ. (Lib. I cap. I) Эти дѣли даютъ происхожденіе четыремъ искусствамъ: искусству изобрѣтенія, сужденія, памятованія и передачи. Послѣднее искусство есть реторика и потому къ логикѣ относятся только первыя три.

Изобрѣтеніе бываетъ двоякаго рода: одно есть изобрѣтеніе наукъ и искусствъ, другое доказательствъ и рѣчей. Объ изобрѣтеніи перваго рода еще не существуетъ науки. Это доказывается тѣмъ, что до сего времени всѣ открытія сдѣланы были случайно. Притомъ индукція, о которой трактовала схоластическая діалектика, совершенно неудовлетворительна и ведетъ къ заблужденіямъ: въ рѣдкихъ счастливыхъ случаяхъ она даетъ только вѣроятное заключеніе. Силлогизмъ рѣшительно неспособенъ вести къ какимъ либо новымъ открытіямъ: ибо силлогизмы состоятъ изъ предложеній, предложенія изъ словъ, слова суть знаки понятій: если послѣднія дурно отвлекаются отъ вещей, то и силлогизмъ ни къ чему не пригоденъ. Новое искусство Баконъ называетъ ars indicii. Оно имѣетъ двѣ части: одна касается ученаго (писаннаго litterata) опыта, вторая—истолкованія природы и есть новый органъ (Novum Organon).

Научный опытъ трактуетъ о способахъ веденія опытовъ. Эти способы состоятъ въ видоизмѣненіи опытовъ (variatio experimentandi), продолженіи опыта, перенесеніи его съ одного рода явленій на другой (translatio experimenti), въ его превращеніи, продолженіи до послѣднихъ границъ, приложеніи къ практикѣ, соединеніи различныхъ пріемовъ, дабы навѣрное придти къ успѣху.

Видоизмѣненіе опыта прежде всего простирается на матерію: когда свойства одной матеріи уже извѣстны, то дѣлается опытъ надъ матеріей подобно первой. Во вторыхъ, оно простирается на дѣйствующую причину: солнечные лучи зажигаютъ тѣла чрезъ извѣстныя стекла,—спрашивается, обнаруживаютъ ли лучи луннаго свѣта тѣ же свойства. Въ третьихъ, оно простирается на количество явленія.

Продолженіе опыта состоитъ въ его повтореніи и расширеніи, т. е. когда сила изслѣдуется въ болѣе тонкихъ ея проявленіяхъ. Перенесеніе опыта бываетъ троякого рода: отъ природы или случая въ искусство, т. е. замѣченное случайно или наблюденное въ природѣ даетъ поводъ къ искусственному воспроизведенію того же факта. Опытъ можно переносить изъ одного искусства въ другое: напр. для глазъ изобрѣтены очки, нельзя ли изобрѣсть пособіе для глухихъ. Наконецъ, опытъ можетъ быть перенесенъ изъ одной части искусства въ другую: напр. въ медицинѣ средства противъ болѣзней моглибъ быть полезны для сохраненія здоровья, продолженія жизни.

Превращеніе опыта состоитъ въ испытаніи противнаго тому, что уже извѣстно изъ опыта: напр. теплота увеличивается чрезъ зажигательное стекло, происходитъ ли подобное съ холодомъ? Произведеніе опыта съ цѣлію уничтоженія данныхъ качествъ или свойствъ называется у Бакона compulsio experimenti. Напр. магнитъ притягиваетъ желѣзо: будетъ ли онъ притягивать послѣднее, будучи подверженъ дѣйствію сильнаго огня или сильной кислоты.

Приложеніе опыта есть извлеченіе изъ опыта пользы для какихъ нибудь практическихъ цѣлей. Когда нѣсколько опытовъ прилагаются къ дѣлу для какихъ либо цѣлей, то происходитъ соединеніе опытовъ. Наконецъ, экспериментомъ на удачу (sortes experimenti) называется такой опытъ, который производится изъ одного только соображенія, что ничего подобнаго не было еще испытано.

Надобно вообще замѣтить, что не слѣдуетъ приходить въ смущеніе, когда опытъ не удается. Неудачный опытъ также поучителенъ, какъ и удачный.

Что касается до истолкованія природы, то Баконъ отсылаетъ читателя къ своему труду Novum Organon (Lib. V. Cap. II).

Изобрѣтеніе доказательствъ не есть собственно искусство открытій. Изобрѣтать же доказательство—значитъ изъ имѣющейся въ душѣ суммы познаній искусно выбирать наиболѣе идущее къ занимающему вопросу или предмету. Поэтому слово «изобрѣтеніе» употребляется здѣсь не въ собственномъ смыслѣ.

Это искусство имѣетъ въ виду двѣ цѣли: научить легко находить пригодныя для дѣла доказательства и (топика) дать готовыя на всѣ случаи за и противъ доказательства (promptuaria). Эта послѣдняя часть, впрочемъ, принадлежитъ одинаково какъ логикѣ такъ и реторикѣ и потому здѣсь Баконъ касается ея только бѣгло.

Топика раздѣляется на общую и частную. Первая слишкомъ подробно излагается въ діалектикахъ и потому нѣтъ нужды останавливаться на ней. Ея задача не столько снабжать насъ отвѣтами и положительными сужденіями, сколько научить правильнымъ вопросамъ и умѣнью изслѣдовать дѣло. Частная топика до сего времени не обращала на себя такого вниманія, какого она несомнѣнно заслуживала бы. Она говоритъ о способахъ изслѣдованія и изобрѣтенія, приноровленныхъ къ частнымъ предметамъ и наукамъ. Баконъ предлагаетъ примѣръ частной топики въ изслѣдованіи свойствъ тяжести и легкости (Ibid. c. III).

Сужденіе происходитъ или чрезъ индукцію или силлогизмъ. Но судить чрезъ наведеніе и изобрѣтать посредствомъ его есть одно и тоже дѣйствіе ума; сужденіе чрезъ наведеніе образуется непосредственно, какъ и

всякое сужденіе, непосредственно основывающееся на ощущеніи. Иначе дѣло происходитъ въ силлогизмѣ, въ которомъ мы идемъ къ заключенію чрезъ посредство какой нибудь мысли. О сужденіяхъ чрезъ наведеніе говорится въ Новомъ Органонѣ.

Силлогизмъ идетъ отъ принциповъ къ частностямъ. Человѣческій умъ жаждетъ общихъ и твердыхъ основаній и поэтому спѣшитъ отъ частныхъ фактовъ какъ можно скорѣе дойти до обобщеній. Искусство сужденія чрезъ силлогизмъ есть ничто иное, какъ возведеніе положеній къ принципамъ чрезъ средніе термины. Это возведеніе бываетъ прямое и непрямое (т. е. прямое и непрямое доказываніе).

Съ другой стороны, ученіе о сужденіи дѣлится на аналитику и ученіе о ложныхъ умозаключеніяхъ. Первая устанавливаетъ правильныя формы доказательствъ, отступленіе отъ которыхъ ведетъ къ ложному выводу. Ложныя умозаключенія можно дѣлить на софистическія доказательства, на софизмы грамматическіе (elenchi hermenias) и софизмы образовъ или idolorum. Софистическія доказательства весьма подробно разобраны еще Аристотелемъ. Софизмами грамматическими называются ложныя доказательства, возникающія изъ неточнаго и неопредѣленнаго употребленія слишкомъ общихъ терминовъ. Поэтому необходима критика послѣднихъ, но она еще не существуетъ. Софизмы образовъ возникаютъ изъ разносторонннхъ причинъ, о которыхъ подробно трактуется въ Novum Organon; здѣсь же Баконъ дѣлаетъ общія замѣчанія объ idola tribus, specus, fori.

Ученіе объ искусствѣ сужденій завершается замѣтками объ искусствѣ принаровлять способъ доказательствъ къ природѣ доказываемаго предмета (Ibid. c. IV).

Искусство удерживать въ памяти то, что обсуждено, раздѣляется на ученіе о пособіяхъ памяти (doctrina de adminiculis memoriae) и самой памяти. Чтобъ облегчать ее, необходимо записывать факты: безъ помощи записи невозможно помнить много мелкихъ и требующихъ точности подробностей. Особенно эта помощь необходима при истолкованіи природы. Искусство мнемоники до сего времени было много разработываемо, но люди имѣли въ виду результаты болѣе необыкновенные, чѣмъ полезные. Искусство состоитъ съ одной стороны въ предузнаніи (praenotio), т. е. предугадываніи условій, которымъ должно удовлетворять искомое, съ другой in emblemate, или уподобленіи интеллектуальныхъ предметовъ чувственнымъ вещамъ, которыя легче удерживаются памятью (c. V).

Въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ относительно плана логики нельзя не видѣть попытки Бакона пересоздать схоластическую діалектику и приспособить ее къ цѣлямъ изслѣдованія природы. Планъ его логики простъ и вполнѣ достигаетъ цѣли сдѣлать изъ нея анализъ какъ пріемовъ истолкованія природы, такъ и пріемовъ доказательствъ. Въ немъ указаны нѣкоторыя desideria, не исполненныя даже до настоящаго времени: напр. анализъ научнаго опыта никѣмъ еще не былъ разработываемъ, между тѣмъ какъ полезно бъ было предложить общія правила для варіированія эксперимента, имѣющаго столь важное значеніе для изученія природы. Затѣмъ, въ современной логикѣ нѣтъ ничего похожаго на частную топику, между тѣмъ какъ было бы важно установить, въ какомъ порядкѣ и какого содержанія вопросы могутъ быть поставляемы нами при изслѣдованіи частнаго явленія.

Бакона обыкновенно называютъ творцомъ индуктивной логики. Не онъ первый, конечно, указалъ на опытъ какъ на источникъ знанія. Опытъ существовалъ и до него съ того времени, какъ явился на землѣ родъ человѣческій. Громадное количество практическихъ знаній, пріобрѣтенныхъ случайно, искони было усвоено человѣкомъ. Человѣкъ всегда былъ наблюдателемъ природы, но это наблюденіе производилось на-удачу. Баконъ первый сознательно указалъ на опытъ, какъ на единственный источникъ нашихъ знаній, и указалъ пріемы, посредствомъ которыхъ наблюденіе природы можетъ принести пользу наукѣ. Но если Баконъ и не можетъ быть названъ творцомъ опыта, то весьма справедливо усвояется ему названіе творца индуктивной логики. Во-первыхъ, рѣзкою критикою онъ подорвалъ безграничное уваженіе умовъ къ схоластической діалектикѣ. Правда, иногда критика Бакона слишкомъ рѣзка и даже несправедлива къ Аристотелю. Но для умовъ, находившихъ вкусъ въ трактатахъ Петра Испанца, требовались и сильныя средства. Въ исторіи только та мысль пробиваетъ себѣ дорогу, которая высказана рѣзко, безъ прикрасъ и постороннихъ дѣлу соображеній. Во вторыхъ, Баконъ указалъ, чѣмъ должна была быть настоящая индукція, не та, которою довольствовались умы, слишкомъ поспѣшные въ своихъ выводахъ, а какъ терпѣливое и подробное разслѣдованіе всѣхъ случаевъ, относящихся къ изслѣдуемому вопросу.

Остановимся нѣсколько на этихъ пунктахъ. Нѣкоторые нѣмецкіе писатели, въ среду которыхъ вообще съ трудомъ проникаютъ мысли Англійскихъ мыслителей, представляютъ дѣло Бакона такъ, что индукція существовала и до него, но онъ только первый настойчиво указывалъ на нее, какъ на источникъ новыхъ свѣдѣній о природѣ. Утверждать такъ значитъ не только умалять значеніе работъ Бакона, но и быть положи-

тельно къ нему несправедливымъ. До него существовало только слово индукція, разумѣли же подъ нею или скороспѣлые выводы изъ нѣсколькихъ наблюденій или суммированіе того, что уже извѣстно въ подробностяхъ. Открытія происходили и прежде Бакона, но на удачу, случайно, такъ сказать, *несмотря* на одностороннюю логику открывателей. Мы видѣли, какъ случайны и ничего не значущи были замѣтки объ индукціи у Аристотеля и въ схоластической діалектикѣ. Что же мы видимъ у Бакона? Во 1-хъ, ясное пониманіе опыта и притомъ въ такомъ объемѣ, что даже теорія современнаго эксперимента мало существеннаго присоединила къ сказанному Бакономъ. Можно сказать, что значеніе эксперимента выяснено имъ удивительно для того, еще погруженнаго въ схоластику, времени. Описаніе способа индуктивныхъ выводовъ изъ фактовъ, сравнительно съ современною теоріей, конечно, не вполнѣ удовлетворительно, но оно было необыкновеннымъ шагомъ впередъ для логики XVI-го вѣка и безмѣрно высоко стояло надъ уровнемъ логическихъ знаній схоластовъ. Исчисленіе преимуществъ случаевъ (praerogativae instantiarum), дѣйствительно, не можетъ не вызвать удивленія къ генію Бакона. Оно обнаруживаетъ глубокое развитіе идей объ индукціи и ясное пониманіе, что въ изслѣдуемыхъ явленіяхъ должно обращать на себя вниманіе изслѣдователя. Если нельзя видѣть у Бакона ясныя идеи всѣхъ послѣдующихъ методовъ, получившихъ опредѣленное выраженіе въ трудахъ Милля и Бэна, то несомнѣнно однакожъ, что зачатки трехъ изъ нихъ — согласія, различія и сопутствующихъ измѣненій — были уже имъ предложены въ его tabulae essentiae et praesentiae, absentiae, и tabula gradium. Если онъ и не могъ представить себѣ все ихъ значеніе, всю гибкость этихъ пріемовъ при изслѣдованіи явленій, то не забудемъ, что Баконъ жилъ три столѣтія назадъ, когда астрономія была въ большей части умовъ астрологіей, химія-алхиміей, а физика въ смыслѣ теперешней науки почти не существовала. Принимая все это во вниманіе, слѣдуетъ сказать не то, что Баконъ только развилъ существовавшее до него, но слѣдуетъ утверждать, что онъ отыскалъ своего рода terram novam incognitam, что онъ положительно создалъ индукцію, какъ орудіе науки о природѣ.

Критика современнаго состоянія науки есть также вполнѣ геніальный подвигъ Бакона. Никто лучше его не понималъ скудости умственныхъ средствъ своего времени, низкаго научнаго уровня его. Никто глубже Бакона не вникъ въ источники человѣческихъ заблужденій и его анализъ послѣднихъ есть своего рода chef d'oeuvre, достойный стать на ряду со второю книгою Novum Organon. Онъ открылъ и показалъ всему свѣту вѣчные источники человѣческихъ умственныхъ слабостей и превратныхъ

мнѣній. Въ этомъ отношеніи трудъ его поучителенъ и для нашего времени.

Баконъ не ошибся, сказавъ въ письмѣ къ Карлу о своемъ сочиненіи: «*эта книга, надѣюсь, будетъ жить и сдѣлается гражданкою цѣлаго міра, что рѣдко случается съ англійскими книгами*» (Oeuvres complet. vol. III. p. 645).

Ньютонъ.

Съ Бакона ведетъ свое начало индуктивная логика. Постепенное развитіе ея есть явленіе въ высшей степени замѣчательное. Мы видимъ два характеристичныхъ факта. Во 1-хъ, теоретизація индуктивныхъ фактовъ шла весьма медленно. Мысль совершенно зрѣлая для того, чтобъ дѣлать открытія въ области естествовѣдѣнія, какъ будто не имѣла силъ сознать въ подробностяхъ методъ собственной же дѣятельности. Ньютонъ и Гершель сдѣлали многое для распространенія знаній о природѣ, но только въ лицѣ Милля философская мысль ясно сознаетъ пріемы мышленія, направленнаго къ изслѣдованію природы. Во вторыхъ, развитіе индуктивной логики совершалось также индуктивнымъ путемъ. Творцы ея, могущественно отклонившіе умы отъ Аристотелевской логики, становясь теоретиками, были вмѣстѣ съ тѣмъ и рабочими на полѣ естествознанія. Самъ Баконъ превосходно понималъ, что наука изобрѣтенія будетъ расти и развиваться только вмѣстѣ съ самыми изобрѣтеніями. At certo sciant homines, говоритъ онъ, artes inveniendi solidas et veras adolescere et incrementa sumere *cum ipsis inventis*: adeo ut quum quis primum ad perscrutationem scientiae alicujus accesserit, possit habere praecepta inventivae nonnulla utilia (Oeuvres compl. Vol. I. 266). Баконъ не только писалъ Novum Organon, но и производилъ многочисленные опыты. Имена Ньютона и Гершеля всѣмъ извѣстны. Уевелль тщательно изучалъ способы, какими мысль доходила до открытій: ему, какъ извѣстно, принадлежитъ «Исторія индуктивныхъ наукъ».

Послѣ Бакона до Милля три мыслителя потрудились для индуктивной логики: Ньютонъ, Гершель и Уевелль.

О Ньютонѣ говоритъ Бэнъ (Logik, vol. II. 408): нельзя сказать что онъ сдѣлалъ бо́льшій сравнительно съ Бакономъ вкладъ для развитія методовъ доказательства или исторіи, но зато онъ далъ примѣръ строгаго, осторожнаго изслѣдованія, что болѣе всѣхъ правилъ Бакона содѣйствовало развитію теоріи доказательства и очищенію науки отъ фантастическихъ гипотезъ. Онъ впалъ даже въ другую крайность и былъ слишкомъ строгъ во всѣхъ требованіяхъ отъ доказательства: онъ такъ не любилъ

гипотезъ (въ смыслѣ предположенія причинъ, о существованіи которыхъ мы достовѣрно не знаемъ), что желалъ совершеннаго изгнанія ихъ изъ науки.

Въ третьей книгѣ сочиненія Ньютона: Philosophiae naturalis principia mathematica есть небольшая глава подъ названіемъ regulae philosophandi. p. 357—8. Ньютонъ изложилъ въ нихъ взглядъ собственно на изслѣдованіе тяготѣнія, но онѣ имѣютъ общій характеръ. Изъ нихъ можно видѣть, чего Ньютонъ требовалъ отъ индуктивнаго изслѣдованія.

Первое правило (causas rerum naturalium non plures admitti debere, quam quae et verae sint et earum phaenomenis explicandis sufficiant) указываетъ слѣдующія два требованія отъ изслѣдователя природы. Во 1-хъ, при объясненіи явленія могутъ быть допускаемы только дѣйствительныя причины (verae causae). Правило, очевидно, направлено противъ стремленія пріискивать воображаемыя причины, какихъ много подыскивалось учеными при первыхъ встрѣчахъ съ малоизвѣстными явленіями,— противъ объясненія явленій одними словами, что какъ тогда, такъ и теперь, было весьма распространено въ нѣкоторыхъ философскихъ школахъ. Во вторыхъ, не можетъ быть допускаемо болѣе причинъ, чѣмъ сколько нужно для объясненія явленій. Когда доказано, что извѣстная причина производитъ данное явленіе, мы не имѣемъ права предполагать, что тутъ дѣйствуютъ еще какія-то другія причины.

Второе правило: ideoque effectuum naturalium ejusdem generis eaedem sunt causae: однѣ и тѣ же причины должны быть сколько возможно удерживаемы для объясненія однородныхъ дѣйствій, напр. при объясненіи дыханія въ человѣкѣ и животныхъ, притяженія солнцемъ земли, землею луны и обыкновеннаго явленія паденія тѣлъ. Въ основѣ этого правила лежитъ предположеніе однообразія природы. Природа вездѣ дѣйствуетъ одинаково: различія мѣста и времени не измѣняютъ способа дѣйствованія причинъ. Это правило вошло въ составъ современной индуктивной логики. Изученіе причинъ и ихъ дѣйствій становится, очевидно, невозможнымъ дѣломъ, если предположить, что причины, производящія явленія въ кабинетѣ физической или физіологической лабораторій, дѣйствуютъ совершенно иначе за ихъ стѣнами.

Третье правило (qualitates corporum, quae intendi et remitti nequeunt, quaeque corporibus omnibus competunt in quibus experimenta instituere licet, pro qualitatibus corporum universorum habendae sunt): свойства тѣлъ, напряженіе которыхъ не можетъ быть ни увеличено, ни уменьшено и которыя находятся во всѣхъ тѣлахъ, доступныхъ опыту, должны быть принимаемы за всеобщія качества всякихъ тѣлъ. Такимъ образомъ свойство тяжести Ньютонъ принималъ какъ принадлеж-

ность не только тѣлъ земныхъ, но и небесныхъ. Это правило есть только одинъ изъ случаевъ единообразія природы.

Четвертое правило *) (in philosophia experimentali, propositiones ex phoenomenis per inductionem collectae, non obstantibus contrariis hypothesibus, pro veris aut accurate aut quam proxime haberi debent, donec alia occurrerint phoenomena, per quae aut accuratiores reddantur aut exceptionibus obnoxiae): выводы, сдѣланные относительно явленій съ помощію индукціи, должны быть удерживаемы, не смотря на противорѣчащія гипотезы, какъ вполнѣ или приблизительно вѣрные, пока не встрѣтятся другія явленія, требующія большей точности или допускающія въ нихъ исключенія. Ньютонъ мотивируетъ это правило тѣмъ, что иначе слишкомъ поверхностныя гипотезы могутъ уничтожить дѣло индукціи. Это требованіе указываетъ на необходимость строгаго соотвѣтствія выводовъ или обобщеній съ фактами: въ первыхъ должно быть ни болѣе ни менѣе, сколько есть въ послѣднихъ.

По отношенію къ гипотезамъ Ньютонъ весьма строгъ. Въ тѣхъ же Principia p. 484 Schol gener. онъ прямо говоритъ, что гипотезамъ нѣтъ мѣста въ экспериментальной философіи. «Что не слѣдуетъ изъ явленій, то должно быть называемо гипотезою: гипотезы метафизическія, физическія, механическія, предположенія тайныхъ свойствъ не имѣютъ мѣста въ экспериментальной философіи.

Эти правила, конечно, далеко не обнимаютъ всѣхъ вопросовъ изъ области индукціи и даже не большую часть ихъ. Но заслуга Ньютона заключается въ благотворномъ примѣрѣ, поданномъ имъ изслѣдователямъ. Онъ, какъ никто въ XVIII столѣтіи, постигъ духъ индуктивнаго изслѣдованія и его Principia даже болѣе, чѣмъ Баконовскія правила, содѣйствовали развитію здравыхъ взглядовъ на изслѣдованіе природы.

Джонъ Гершель.

Несомнѣнный шагъ впередъ сдѣланъ индуктивною логикою въ лицѣ Джона Гершеля, извѣстнаго астронома. Въ своемъ «Разсужденіи объ изученіи естественной философіи (Discourse on the study of Natural Philosophy) *) онъ много разсуждаетъ о принципахъ, на которыхъ осно-

---

*) Въ первыхъ двухъ изданіяхъ Principia его небыло: оно явилось въ третьемъ изданіи 1726 года.

**) Къ сожалѣнію, мы не могли достать этого сочиненія въ подлинникѣ и должны знакомить съ нимъ читателя по нѣмецкому переводу, явившемуся въ Лейпцигѣ (1836 подъ заглавіемъ: Einleitung in das Studium der Naturwissenschaft).

вывается успѣшное развитіе естествовѣднаго знанія, и о правилахъ, которыми должно руководиться систематическое изслѣдованіе природы. Онъ повторяетъ увѣщанія Бакона, но даетъ имъ большую ясность; указываетъ на опытъ, какъ на единственный источникъ знанія, на опасности предразсудковъ, значеніе классификаціи и номенклатуры, наконецъ разслѣдуетъ понятіе причины.

Разсужденіе раздѣляется на три части: 1) о природѣ и преимуществахъ научнаго изученія вообще, 2) о принципахъ, которыхъ необходимо держаться, дабы съ пользою заниматься естествовѣдѣніемъ, и правилахъ, которыя должны руководить систематическимъ изслѣдованіемъ природы. 3) Дѣленіе естествовѣдѣнія на различныя отрасли и ихъ взаимное отношеніе. Въ настоящемъ случаѣ насъ интересуетъ только вторая часть труда: ибо она, въ сущности, содержитъ въ себѣ теорію индукціи. Поэтому мы займемся только ею.

Опытъ есть источникъ нашихъ знаній о причинахъ явленій. Абстрактныя науки занимаются необходимыми истинами, но понятіе причины имъ чуждо. Что сдѣлается съ кускомъ сахару въ водѣ, — это мы можемъ узнать только изъ одного опыта. Опытъ бываетъ или простымъ наблюденіемъ, или намѣреннымъ опытомъ. Руководясь послѣднимъ, необходимо освободиться отъ всякихъ предразсудковъ и воспринимать только то, что дается наблюденіемъ, какъ чистый фактъ. Существуетъ два рода предразсудковъ, имѣющіе различную силу надъ духомъ и потому требующіе не одинаково напряженной борьбы съ собою: предразсудки мнѣнія и предразсудки чувствъ. Подъ первыми разумѣются мнѣнія, почерпнутыя изъ увѣреній другихъ, или изъ собственнаго, но бѣглаго осмотра и наблюденія. Бороться съ ними возможно двумя путями: необходимо доказать несостоятельность фактовъ, на которые они опираются, или показать возможность лучшаго ихъ объясненія. Часто также наши ощущенія даютъ поводъ къ неправильнымъ сужденіямъ (Th. II, c, I, 64—73).

Что дѣлать съ явленіями, представляющимися намъ въ наблюденіи? Ихъ должно анализовать. Такъ какъ явленія темны и сложны, то необходимо разрѣшать ихъ на простыя составныя части. Чрезъ такой анализъ мы приходимъ къ законамъ природы. Законъ природы есть 1) общее положеніе, абстрактно выражающее дѣйствіе естественныхъ силъ, управляющихъ группою фактовъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ. 2) Онъ есть положеніе, означающее, что классъ индивидуумовъ, сходный въ извѣстномъ отношеніи, сходенъ и въ другомъ. Иногда законъ выражаетъ не только взаимное сходство предметовъ, но даже и полное ихъ тожество. Пріемы изслѣдованія, чрезъ которые мы приходимъ къ обобщеніямъ, называются индукціей и ею можно пользоваться двумя способами: во первыхъ, сопо-

ставляя и сравнивая извѣстные классы предметовъ и замѣчая ихъ сходство и различіе, или наблюдая извѣстный классъ индивидуумовъ и замѣчая, въ чемъ собственно они сходны. Гершель желаетъ указать, въ чемъ состоятъ процессы постепеннаго изслѣдованія естественныхъ законовъ, равно какъ вспомогательныя средства, которыми умъ пользуется въ этомъ случаѣ (Ibid. с. II).

Прежде всего необходимо наблюденіе явленій. Полезное для науки наблюденіе состоитъ изъ двухъ частей: 1) точное замѣчаніе наблюдаемаго предмета и всѣхъ подробностей, находящихся въ естественной связи съ нимъ, 2) точное и вѣрное изложеніе наблюдаемаго. Самыя мелкія подробности не должны быть опускаемы изъ виду. Тамъ, гдѣ возможно измѣреніе или исчисленіе, необходимо давать точныя числовыя указанія и замѣчать данныя относительно времени, пространства и всякой количественной стороны явленій. Изложеніе наблюденнаго должно быть не только обстоятельно, но и вполнѣ истинно. При этомъ каждый наблюдатель долженъ имѣть самое обширное знакомство не только съ наукою, къ которой относятся его наблюденія но и со всякою отраслью знанія, которая можетъ быть полезна для его изслѣдованій (Ibid. с. Ш).

Замѣченный предметъ долженъ получить свое имя. Оно не только даетъ намъ возможность вкратцѣ, безъ описаній, упоминать о предметѣ, но усвоеніе имени въ сущности есть признаніе вещи, какъ самостоятельнаго предмета нашего изслѣдованія; оно становится тогда какъ бы заголовкомъ, подъ которымъ собирается наше знаніе. Въ виду многочисленности предметовъ, необходимо держаться системы и извѣстныхъ правилъ въ номенклатурѣ: придерживаясь именъ, ставшихъ уже общеупотребительными терминами, не дозволять себѣ ни малѣйшаго произвола. Затѣмъ предметы, въ извѣстныхъ отношеніяхъ сходные, необходимо по степени сходства соединять въ группы и классы (с. IV).

Объяснить явленіе значитъ указать его причины, тѣ verae causae, которыя Ньютонъ противополагалъ гипотетическимъ причинамъ. Когда установлена точная аналогія между многими фактами и причина одного изъ нихъ въ точности извѣстна, то мы имѣемъ полное право предполагать такую же причину другихъ подобныхъ явленій. Но иногда причина явленія не очевидна сама по себѣ и не выводима по аналогіи. Тогда необходимо обобщить всѣ параллельныя явленія въ одинъ классъ и искать, въ чемъ они согласны, кромѣ изслѣдуемой стороны. Такого рода случаи самые обыкновенные, и въ нихъ слѣдуетъ руководиться извѣстными правилами, вытекающими изъ характера отношеній между причиною и дѣйствіемъ. Такъ какъ эти правила очень любопытны, то мы приведемъ ихъ здѣсь вполнѣ.

1) Если въ группѣ фактовъ оказывается одинъ, въ которомъ нѣтъ интересующей насъ характерной черты, или подобнаго побочнаго обстоятельства, или находится черта, противоположная изслѣдуемой, то она не можетъ быть искомою причиною.

2) Обстоятельство, въ которомъ согласны всѣ факты, есть или искомая причина или второстепенное дѣйствіе ея: когда такое обстоятельство замѣчено только одно, то оно есть несомнѣнно причина; если ихъ много, то возможно, что они суть совмѣстно дѣйствующія причины.

3) Причину, за которую говоритъ строгая аналогія, мы не должны отвергать потому, что не ясно, какъ она производитъ данное дѣйствіе, или непонятно, какимъ образомъ она можетъ существовать при данныхъ обстоятельствахъ: мы должны обращаться къ опыту и пытаться разъяснить себѣ причину наблюденіемъ, а не резонировать противъ нея a priori.

4) Отрицательные факты такъ же поучительны для открытія причины, какъ и положительные.

5) Часто причины разъясняются вслѣдствіе того, что мы располагаемъ факты, смотря по напряженности въ нихъ извѣстнаго характернаго свойства: необходимо понимать впрочемъ, что различіе напряженности въ явленіяхъ можетъ происходить отъ противодѣйствующихъ причинъ.

6) Часто незамѣтныя противоположныя или побочныя причины уничтожаютъ дѣйствіе искомой причины въ случаяхъ, которые, при отсутствіи ихъ давали бы положительный отвѣтъ: такія исключенія легко устранить, удаливши указанныя побочныя причины. Это особенно важно, когда представляется одно исключеніе противъ прямого вывода изъ всѣхъ остальныхъ фактовъ.

7) Если мы можемъ найти два факта, совершенно согласные между собою за исключеніемъ одного обстоятельства, то должно выяснить себѣ значеніе этого пункта для произведенія явленія. Если въ одномъ случаѣ есть упомянутое обстоятельство, а въ другомъ нѣтъ, то сопутствованіе или несопутствованіе явленія покажетъ, зависитъ ли явленіе отъ него единственно или нѣтъ. Дѣло становится очевидно, когда въ двухъ случаяхъ одно обстоятельство проявляется противоположнымъ образомъ, отчего и дѣйствія его должны ожидаться противоположныя. Если присутствіе или отсутствіе обстоятельства ведутъ къ измѣненію только степени напряженности явленія, то мы можемъ смотрѣть на него, какъ на причину или условіе, дѣйствующее вмѣстѣ съ другою причиною, которую еще нужно отыскать. При опытахъ подобные случаи возникаютъ часто.

8) Когда невозможно удалить обстоятельство, вліяніе котораго опредѣляется нами, то мы должны обращаться къ случаямъ, въ которыхъ оно

видоизмѣняется въ своей степени. Если это невозможно, то необходимо пытаться ослабить или усилить вліяніе изслѣдуемаго обстоятельства введеніемъ новаго и такимъ не прямымъ путемъ убѣдиться въ его вліяніи. Но при этомъ должно помнить, что полученное такимъ образомъ доказательство есть не прямое.

9) Сложныя явленія, въ которыхъ дѣйствуютъ различныя противоположныя и одна отъ другой независимыя причины, могутъ быть упрощены тѣмъ, что дѣйствіе извѣстныхъ причинъ мы можемъ вычесть изъ нихъ чрезъ дедукцію и имѣть дѣло только съ неразложеннымъ остаткомъ явленія.

Когда объясненіе достигнуто, необходимо *оправдать* (подтвердить, доказать) сдѣланный индуктивный выводъ. Для сего нужно тщательно разсмотрѣть, всѣ ли случаи изслѣдованнаго факта объясняются найденною причиною, или обобщены нашимъ закономъ. Если оказывается много разнообразныхъ исключеній, то во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ слишкомъ довѣрять сдѣланному обобщенію. Тѣ подробности явленія, которыя остаются необъясненными при повѣркѣ вывода, должны быть предметомъ новыхъ индуктивныхъ изслѣдованій. Далѣе, слѣдуетъ обращать вниманіе, имѣетъ ли полученный законъ природы всеобщій характеръ и распространяется ли онъ на новые случаи. Самымъ лучшимъ доказательствомъ вѣрности и широты вывода служитъ то, когда онъ подтверждается какими нибудь неожиданно открытыми новыми фактами. Затѣмъ, конечный выводъ индукціи долженъ быть обслѣдованъ во всѣхъ своихъ слѣдствіяхъ и даже приложенъ къ самымъ отдаленнымъ, повидимому, случаямъ. Впрочемъ, изслѣдовать примѣненіе закона до послѣднихъ предѣловъ можно только чрезъ дедуктивный процессъ.

Отъ провѣренныхъ индуктивныхъ выводовъ Гершель отличаетъ непровѣренные, называемые эмпирическими законами. Они не должны быть распространяемы на другія явленія, кромѣ тѣхъ, которыя въ нихъ обобщаются. Замѣтками о praerogativae instantiarum Бакона Гершель заключаетъ главу (с. X).

Какъ выводы и законы первой степени получаются изъ разсмотрѣнія отдѣльныхъ фактовъ, такъ изъ этихъ законовъ создаются теоріи. Непосредственная цѣль ихъ заключается въ объясненіи явленій и знаніи скрытыхъ процессовъ природы, насколько возможно изслѣдовать ихъ происхожденіе.

Но такъ какъ самое происхожденіе явленій часто скрыто отъ насъ, то необходимо бываетъ прибѣгать къ гипотезамъ. Послѣднія по отношенію къ теоріямъ тоже самое, что ближайшія причины по отношенію къ

индукціи первой степени. Они служатъ мотивами къ изысканію аналогій, точками отправленія для изслѣдованія фактовъ.

При образованіи теоріи относительно явленія природы, необходимо прежде всего обращать вниманіе на силы, его производящія, или вѣроятныя послѣднія причины. Они должны быть verae causae, выведенныя индуктивнымъ путемъ. Далѣе, мы должны изслѣдовать законы этой дѣятельности, что производится съ помощію слѣдующихъ пріемовъ: 1) чрезъ индукцію, 2) чрезъ образованіе смѣлой гипотезы и повѣрку ея фактами, 3) чрезъ смѣшанный процессъ, когда мы дѣлаемъ предположеніе относительно закона столь общее, что въ немъ можетъ заключаться безграничное разнообразіе частныхъ законовъ, затѣмъ дѣлаемъ выводы изъ своего предположенія, постепенно сравниваемъ ихъ съ извѣстными намъ частными случаями и наконецъ послѣ сравненія измѣняемъ, насколько это нужно, выраженіе предположеннаго общаго закона.

При обсужденіи теоріи, не слѣдуетъ смотрѣть прежде всего на то, удовлетворительно ли она объясняетъ извѣстный процессъ или механизмъ: въ этомъ отношеніи возможно только непрямое убѣжденіе вслѣдствіе согласія вывода съ фактомъ. Гораздо важнѣе опредѣлить, обнимаетъ ли теорія всѣ факты, всѣ законы, данные наблюденіемъ и индукціей. При двухъ теоріяхъ, одинаково объясняющихъ многочисленные классы фактовъ, необходимо дѣлать, такъ называемую, перекрестную повѣрку.

И такъ теоріи создаются всего лучше чрезъ разсмотрѣніе всеобщихъ законовъ, провѣрять же ихъ всего лучше чрезъ сравненіе съ отдѣльными фактами. Образуя ихъ, необходимо знать обстоятельства и всѣ данныя, къ которымъ мы желаемъ прилагать теорію. Безъ точныхъ данныхъ самая лучшая теорія безполезна. Объ этомъ условіи Гершель разсуждаетъ довольно подробно (с. VI).

На седьмой главѣ мы не будемъ останавливаться. Она разсуждаетъ о прежнемъ и современномъ состояніи естествовѣдѣніи и о причинахъ настоящихъ быстрыхъ успѣховъ его.

Четыре изъ указанныхъ девяти правилъ философствованія: второе, седьмое, восьмое и девятое, суть четыре экспериментальныхъ метода; они опредѣлены съ достаточною точностію, хотя и не такъ ярко выставлены, какъ у Милля, въ качествѣ достаточныхъ и единственныхъ методовъ индуктивнаго доказательства. Остальныя правила касаются болѣе способовъ открытія: первое правило точнѣе ставитъ главный Баконовскій принципъ исключенія, основаніе методовъ согласія и различія. Третье правило требуетъ умозаключенія по аналогіи, но понятно, что выводъ въ этомъ случаѣ бываетъ весьма не рѣшителенъ и скорѣе соста-

вляетъ гипотезу, чѣмъ строго научное заключеніе Четвертое замѣчаніе трудно приложимо къ дѣлу, хотя важно само по себѣ. Пятое и шестое правила весьма полезны для приведенія данныхъ наблюденія въ порядокъ и для разслѣдованія сложныхъ причинъ.

Такимъ образомъ теорія изслѣдованія природы у Гершеля является болѣе сложною, чѣмъ у Ньютона. Она обнимаетъ не только доказательства, пріемы изслѣдованія, но и самые способы открытія, не только заявляетъ требованіе осторожности при гипотезахъ, но говоритъ объ образованіи и доказываніи теорій, указываетъ на высшія ступени индуктивнаго обобщенія, мало того, признаетъ необходимость соединенія дедукціи съ индукціей и въ первый разъ вводитъ въ индуктивную логику понятіе эмпирическихъ законовъ.

Уевелль.

«Novum Organon renovatum» Уевелля имѣетъ предметомъ своимъ обзоръ методовъ науки. Онъ основывается на исторіи научныхъ открытій и научныхъ идей. Его теорія, слѣдовательно, возникла какъ-бы изъ фактовъ научнаго движенія. Его «Исторія индуктивныхъ наукъ» дѣлится на двѣ части: исторію научныхъ идей, какъ, напримѣръ, идей причины, средства, жизни, составляющихъ предметъ различныхъ знаній, и исторію научныхъ открытій, гдѣ излагается, какимъ образомъ посредствомъ идей и понятій отдѣльные факты соединяются въ одно цѣлое. Онъ очень оригинально понимаетъ пріемъ обобщенія, трактуя его не какъ развитіе понятія на основаніи сравниванія фактовъ, а какъ наведеніе на факты понятій, образованныхъ умомъ. Поэтому научныхъ процессовъ у него два: развитіе понятій и связываніе фактовъ: первый долженъ стремиться къ уясненію понятій, второй — къ приближенію фактовъ къ понятіямъ. Главный вопросъ науки состоитъ въ томъ, чтобы навести понятія на факты. Ознакомившись съ ними, изслѣдователь долженъ тщательно и многократно взвѣсить, какое именно понятіе всего болѣе идетъ къ фактамъ. Онъ долженъ перебрать ихъ нѣсколько разъ и часто отбрасывать тѣ, которыя не идутъ къ дѣлу. Наконецъ, когда по счастливому вдохновенію изслѣдователь напалъ на удачную мысль, то о немъ можно уже сказать, что онъ соединяетъ факты въ цѣлое.

Но откуда берутся понятія, которыя должны быть наводимы на факты? Уевелль говоритъ, что они даются умомъ, тогда какъ факты сообщаются чувствами. Поэтому понятія суть у него первоначальные дары природы, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не есть ли это врожденныя

идеи? Любопытно, что къ опредѣленію Уевелль относится совсѣмъ неблагосклонно. Это средство разъясненія понятій, по его мнѣнію, не заслуживаетъ чести быть въ числѣ настоящихъ методовъ разъясненія. Вообще онъ не различаетъ ясно обобщенія понятій отъ обобщенія предложеній; а этотъ недостатокъ весьма важенъ: обобщеніе предложеній можетъ дѣйствительно состоять въ наведеніи ихъ на большее и большее количество случаевъ, тогда какъ обобщеніе понятій никакъ не можетъ быть сдѣлано иначе, какъ путемъ постепеннаго выведенія сходныхъ чертъ изъ бо̀льшаго количества фактовъ.

Въ третьей книгѣ своего «Novum Organon» Уевелль трактуетъ о методахъ образованія науки — о методахъ наблюденія, методахъ достиженія ясныхъ идей и методахъ индукціи. Всякое наблюденіе требуетъ предварительнаго анализа или разложенія фактовъ, затѣмъ трудъ изслѣдователя долженъ состоять въ точномъ измѣреніи, для чего онъ долженъ воспитать свои внѣшнія чувства. Впрочемъ, Уевеллевы правила наблюденія слишкомъ общи и не идутъ далѣе совѣтовъ изучать естественную исторію. Методы достиженія ясныхъ идей ограничиваются наставленіями изучать тѣ области знаній, въ которыхъ встрѣчаются идеи. Наконецъ, методъ индукціи имѣетъ въ виду главнымъ образомъ способы открытій, и потому Уевелль не упоминаетъ о трехъ извѣстныхъ опытныхъ методахъ, имѣющихъ въ виду изысканіе новыхъ законовъ на основаніи *извѣстныхъ* фактовъ. Уевелль говоритъ о спеціальныхъ методахъ индукціи, приложимыхъ къ количественной сторонѣ явленій, затѣмъ о методахъ индукціи, основывающихся на сходствѣ: о законѣ непрерывности, методѣ степеней и естественной классификаціи; наконецъ, онъ кончаетъ свою книгу весьма цѣнными замѣчаніями о требованіяхъ научнаго языка.

До Милля Уевелль могъ считаться послѣднимъ и лучшимъ представителемъ теоріи индуктивной логики. Основываясь на историческомъ изученіи развитія индуктивныхъ идей, онъ былъ въ состояніи подмѣтить и обобщить многія частности въ пріемахъ изслѣдованія природы и понять изученіе послѣдней, какъ цѣлой совокупности пріемовъ, взаимно себя поддерживающихъ, уясняющихъ и дополняющихъ. Если чего недоставало ему, то именно яснаго представленія того значенія, какое должна имѣть индуктивная логика по отношенію къ изслѣдованію природы. Уевелль пытался создать логику открытій. Но открытія главнѣе всего основываются на геніальной прозорливости и сообразительности изслѣдователя, чего никакая логика дать не въ состояніи. Индуктивная логика не можетъ взять на себя трудъ быть руководительницею при открытіяхъ, все равно какъ никакая эстетика не можетъ учить художниковъ создавать художественныя произведенія. Дать твердую почву для индуктивной ло-

гики и ограничить ея область полезными и достижимыми цѣлями, суждено было одному изъ самыхъ талантливыхъ представителей Баконовскаго направленія въ Англіи—Джону Стюарту *Миллю*.

Джонъ Стюартъ Милль.

Сочиненіе Милля, имѣвшее столь важное значеніе для успѣховъ индуктивной логики въ настоящее время, есть «System of Logic, ratiocinative and inductive, being a connected view of the principles of evidence, and the Methods of scientific investigation», въ двухъ томахъ. Авторъ не выдавалъ своего труда за нѣчто совершенно новое. «Эта книга», говоритъ онъ въ предисловіи къ первому изданію, «не имѣетъ притязанія дать міру новую теорію умственныхъ операцій. Ея право на вниманіе, если только она имѣетъ его, основывается на томъ, что она представляетъ попытку создать цѣлое и систематизировать лучшія идеи, когда-либо развитыя лучшими авторами по ея предмету». Что было доселѣ разрознено, излагалось отрывочно то здѣсь то тамъ, все это соединено Миллемъ въ одно цѣлое; что наконецъ было намѣренно упускаемо изъ виду и презиралось какъ схоластическое наслѣдіе, а между тѣмъ было существенно необходимо для самой же индукціи, то снова введено имъ въ науку.

Послѣднее замѣчаніе касается, такъ-называемой, Аристотелевской, или какъ она называется въ Англіи, школьной логики (Logic of the Schools). Дѣйствительно, со временъ Бакона въ Англіи установился обычай трактовать упомянутую логику свысока и не давать ей никакого значенія для изслѣдованія природы. Эта логика годится-де только для схоластическихъ тонкостей. Баконъ, конечно, имѣлъ достаточныя причины относиться къ Аристотелевскому открытію рѣзко. Онъ чувствовалъ на каждомъ шагу давленіе авторитета Аристотеля и зналъ по опыту, какъ умы, на немъ воспитанные, были чужды истиннаго реальнаго духа и не умѣли здраво относиться къ задачамъ изслѣдованія природы. Ему было поэтому естественно нѣкоторое излишество въ отрицаніи значенія Аристотелевской или формальной логики. Но Баконовское отношеніе къ ней такъ и осталось у всѣхъ, шедшихъ по его направленію. Ньютонъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о ней, Гершель и Уевелль также сторонятся отъ этого великаго памятника человѣческаго ума. Если судить по нимъ, то у индуктивной логики нѣтъ ничего общаго съ нею: первая есть альфа и омега человѣческой мудрости. Обойтись совершенно безъ Аристотелевской логики все-таки было невозможно. Ни одна наука не создается одною индукціей.

Ей нельзя обойтись безъ научной терминологіи, слѣдовательно, логика наукъ должна подвергнуть анализу имена, прилагаемыя нами къ явленіямъ; ей нельзя обойтить безъ приложеній, и о нихъ не должна молчать логика: ей нужно систематизировать законы, подводить факты подъ извѣстные законы. Какимъ же образомъ могла бы понимающая себя индуктивная логика пройти молчаніемъ силлогизмъ? Безъ умозаключенія, безъ силлогистической связи мыслей нѣтъ доказательства, обобщенія, системы.

Первое достоинство труда Милля заключалось въ томъ, что онъ сошелъ съ узкой тропы, по которой шли его предшественники, и расширилъ взглядъ на индуктивную логику, внесши въ нее все, что необходимо для развитія индуктивной логики. Правда, онъ не особенно смѣло отважился на этотъ новый путь. Онъ не осмѣливается защищать силлогизмъ самъ по себѣ, какъ самостоятельный и самоцѣнный пріемъ, и выдаетъ головою защитниковъ силлогистической теоріи ея противникамъ, «новымъ философамъ». Но внося ученіе о силлогизмѣ въ свою книгу, онъ надѣялся, что новый его взглядъ на природу и функціи силлогизма примиритъ его противниковъ. Также точно онъ извиняется за внесеніе въ свою логику ученія объ именахъ и предложеніяхъ; «Многіе полезные принципы и подробности, содержавшіеся въ старой логикѣ, постепенно были опускаемы въ сочиненіяхъ послѣднихъ ея представителей: мнѣ показалось желательнымъ вновь вызвать ихъ и преобразовать, и оправдать теоретически философское основаніе, на которомъ они стояли». Пусть, однако, не думаютъ читатели, что первая книга, обреченная на возобновленіе этихъ тонкостей, имѣетъ схоластическій характеръ, — ибо они поставлены въ связь съ разсужденіями, составляющими содержаніе другихъ книгъ.

Какъ бы то ни было, «Логика» Милля есть уже попытка соединить формальную логику съ индуктивною. Его взглядъ на нее положительно шире взгляда всѣхъ его предшественниковъ. У него первая книга посвящена анализу именъ и предложеній, а вторая—разбору ученія о силлогизмахъ. Сюда вошло, очевидно, многое, что прежде излагалось и теперь излагается въ школьныхъ логикахъ, хотя подъ другими именами: ученіе Милля объ именахъ совпадаетъ съ ученіемъ формалистовъ о понятіяхъ; предложенія—это тѣ же сужденія нѣмецкихъ логикъ; новыхъ силлогизмовъ никакихъ Милль самъ не изобрѣлъ. Но есть одна особенность ученія Милля объ этихъ предметахъ, которая въ глазахъ нѣкоторыхъ нашихъ читателей, пожалуй, покажется и недостаткомъ. Этимъ элементамъ логической жизни не дано у него никакого самостоятельнаго значенія; они трактуются Миллемъ настолько, насколько имѣютъ смыслъ по отношенію къ индукціи. Объ именахъ, онъ говоритъ только по отношенію къ классификаціи и терминологіи. Но почему они не могутъ представлять инте-

реса по отношенію къ дедукціи? Дедукція невозможна безъ силлогизма силлогизмъ невозможенъ безъ средняго термина, а послѣднимъ можетъ быть только имя, какъ говоритъ Милль, понятіе—какъ сказали бы мы. Очевидно, имя представляетъ глубокій логическій интересъ не потому, что оно есть слово, прилагаемое къ вещи, а потому, что оно соединяется съ умственнымъ образомъ именуемой вещи, съ представленіемъ ея содержанія. Слѣдствіемъ такого отношенія Милля къ дѣлу было то, что онъ не пошелъ далѣе внѣшняго характера имени. Оттого же и силлогизмъ, этотъ самый важный пріемъ логической жизни, не привлекъ къ себѣ самостоятельнаго вниманія его. Въ ученіи о немъ Милля вы найдете упоминанія о сторонахъ, которыми онъ соприкасается съ дедукціей, и многомъ другомъ, вовсе не касающемся силлогизма (напримѣръ, въ V, VI и VII главахъ II-й книги), но не найдете подробнаго и отчетливаго понятія о частныхъ пріемахъ силлогизма. Для анализа силлогизмовъ у него отведено всего шесть страницъ. Онъ боится слишкомъ заняться имъ, чтобы «many philosophers» не показалось это скучнымъ и схоластичнымъ. Такая краткость не есть явленіе случайное. Между тѣмъ силлогизмъ есть явленіе въ высшей степени любопытное и важное какъ для науки, такъ и для практической жизни. Наука становится въ полномъ смыслѣ слова наукою только тогда, когда она принимаетъ дедуктивный характеръ, что невозможно безъ силлогизма. А въ практической жизни развѣ мы не обращаемся къ нему? Мы споримъ, доказываемъ и опровергаемъ, разсуждаемъ и развиваемъ свои мысли только съ помощію силлогизмовъ. Одно то, что большая часть доказательствъ развивается непремѣнно силлогистически, должно было бы привлечь вниманіе Милля къ силлогизму.

Но повторяемъ, во всякомъ случаѣ заслуга Милля не малая въ томъ, что онъ какъ бы возвратилъ англійской логикѣ то, что ею было забыто въ жару увлеченія. Онъ не воздалъ подобающаго уваженія старымъ Аристотелевскимъ элементамъ логики, но по крайней мѣрѣ, свернулъ съ узкой колеи, по которой двигалась большая часть его предшественниковъ и современниковъ.

Во вторыхъ, Милль содѣйствовалъ установкѣ правильнаго взгляда на индукцію. Баконъ желалъ создать логику открытій; онъ хотѣлъ указать путь, которымъ естествоиспытатель долженъ прійдти къ новымъ истинамъ. Если бы порожденіе новыхъ истинъ и открытій было дѣломъ методовъ, то не было бы ничего легче, какъ прокладывать новые пути знанія. Тогда въ одинъ XVII вѣкъ мысль человѣческая опередила бы науку XIX столѣтія. Стоило бы заглянуть въ «Novum Organon», и открытія производились бы десятками. Къ сожалѣнію, открытія, невозможныя при дурныхъ методахъ, не достигаются одною правильностію ихъ. Требуется еще

нѣчто такое, что мы называемъ обыкновенно изобрѣтательностію, геніальною прозорливостію и т. п. Этого никакая логика дать не въ состояніи, и безполезно было бы пытаться руководить кого бы то ни было на пути къ открытіямъ. Нужно посему ясно различать «искусство открытій» отъ индуктивнаго пріема. Смѣшеніе того и другого помѣшало Бакону сосредоточиться на дѣйствительно полезныхъ правилахъ индукціи. Онъ внесъ нѣкоторую путаницу въ понятіе индукціи. То же самое мы видѣли и въ совѣтахъ Ньютона, Гершеля и Уевелля. Они смѣшивали открытія съ индуктивными выводами, а потому и не въ состояніи были дать систематическій характеръ своей теоріи индукціи. Милль первый выяснилъ понятіе о ней и отдѣлилъ отъ нея то, что никакъ не можетъ быть предметомъ систематической теоріи. «Индукція («System of Logic», 5-е изданіе. London, 1862, стр. 314) можетъ быть опредѣлена, какъ пріемъ открытія и доказыванія общихъ положеній», говоритъ Милль. Она не можетъ имѣть въ виду открытіе новыхъ фактовъ, новыхъ причинъ, не можетъ наводить мысль человѣка на новые факты. «Изобрѣтеніе», говоритъ Милль (стр. 315), «хотя даръ его можетъ быть развиваемъ, не можетъ быть подведено подъ правило; нѣтъ науки, которая могла бы навести человѣка на мысль о томъ, что пригодно для его цѣли. Но когда онъ подумалъ о чемъ-нибудь, наука можетъ сказать ему, соотвѣтствуетъ ли его мысль цѣли, или нѣтъ. Изслѣдователь или доказыватель долженъ руководиться своимъ знаніемъ и своею мудростію въ выборѣ индукцій, изъ которыхъ онъ хочетъ построить свое доказательство. Но состоятельность аргумента, уже построеннаго, зависитъ отъ принциповъ и должна быть испытываема... Чувство или свидѣтельство должно рѣшать относительно индивидуальныхъ фактовъ; правила силлогизма должны опредѣлить, дѣйствительно ли, предполагая факты совершенно вѣрными, случай подходитъ подъ формулы различныхъ индукцій, подъ которыя онъ былъ послѣдовательно подведенъ, и наконецъ, законченность индукцій должна быть опредѣлена другими правилами». Посему Милль, трактуя объ индукціи, желаетъ собственно изслѣдовать, какъ устанавливаются общія положенія или законы (тамъ же, стр. 318). На основаніи фактовъ *извѣстныхъ* мы должны открыть неизвѣстный законъ и доказать, что этотъ выводъ есть дѣйствительно пріобрѣтеніе науки, а не просто фантазія. Явленія даны намъ въ извѣстной послѣдовательности или сосуществованіи: мы должны индуктивно сдѣлать заключеніе объ ихъ ограниченной зависимости. Логика не можетъ сказать намъ, на какіе факты мы должны обратить вниманіе, или какъ устроить, чтобы факты могли сказать намъ что-нибудь, или какую дать имъ группировку и т. п. Это все есть дѣло геніальной прозорливости и изобрѣтательности. Но коль скоро мы уже обра-

тили вниманіе на факты, замѣтили ихъ послѣдовательность, логика можетъ вывести общее положеніе о признаніи между ними зависимости. При такомъ взглядѣ индуктивная логика становится наукой объ индуктивномъ доказательствѣ. Намъ сообщаютъ, положимъ, новое открытіе; мы требуемъ доказательствъ, и вотъ они приводятся по четыремъ методамъ экспериментальнаго изслѣдованія—по методу согласія или сходства или остатковъ или сопутствующихъ измѣненій. Очень можетъ быть, что изслѣдователь дѣлалъ открытія путемъ котораго-либо изъ этихъ методовъ, но почему избралъ онъ тотъ или другой методъ, почему онъ расположилъ въ экспериментѣ фактъ извѣстнымъ образомъ? Это есть дѣло его личной догадливости, и логика отнюдь не можетъ взяться за теорію того, какъ дѣлаются открытія въ лабораторіяхъ. Только тогда, когда открытіе явилось въ свѣтъ, мы можемъ судить съ помощію логики, дѣйствительно ли оно научно и доказано, и какимъ методомъ.

Въ третьихъ, трудъ Милля былъ первою серьезною попыткою систематизаціи индуктивныхъ пріемовъ. Элементы индуктивной логики были болѣе или менѣе разработываемы и до Милля. Мы видѣли, что идеи методовъ, хотя и не совсѣмъ ясныя, были уже у Бакона, что Ньютонъ и Гершель обратили вниманіе на вспомогательныя средства индукціи, и что Уевелль пытался дать теорію индукціи, какъ одного цѣлаго. Но только Джону Стюарту Миллю суждено было побороть большую часть затрудненій при систематизаціи многихъ подробностей этого обширнаго рода пріемовъ. Разсматривая трудъ Милля въ цѣломъ, мы должны сознаться, что онъ удачно достигъ своей цѣли. Прежде всего, онъ указываетъ основаніе всей индукціи и находитъ его въ единообразіи теченія событій въ природѣ, въ томъ единообразіи, которое мы стремимся уловить и выразить въ открываемыхъ нами законахъ природы. Очевидно, что сомнѣніе въ этихъ принципахъ дѣлаетъ невозможнымъ и безцѣльнымъ изученіе природы, а главнымъ образомъ сдѣлало бы совершенно безсмысленными наши индуктивныя заключенія отъ извѣстныхъ фактовъ къ неизвѣстнымъ. Послѣ замѣчаній объ источникахъ нашихъ свѣдѣній о природѣ, Милль переходитъ къ изложенію четырехъ методовъ индуктивнаго изслѣдованія—методовъ согласія, различія, остатковъ и сопутствующихъ измѣненій. Нужно замѣтить по этому поводу, что никто до Милля съ такою точностію и опредѣлительностію не излагалъ упомянутыхъ методовъ. Можно сказать, что къ сказанному по этому предмету Миллемъ едвали въ состояніи прибавить что-нибудь послѣдующая наука. Затѣмъ, излагается сущность дедуктивнаго метода, вершащаго дѣла индукціи, и излагаются способы разъясненія законовъ природы. По поводу разъясненія законовъ природы дѣлаются замѣчанія о гипотезахъ. Сюда же естественно должно было войти и разъ-

ясненіе эмпирическихъ законовъ. Милль первый внесъ въ логику ученіе о случаѣ или, такъ называемую, логическую теорію вѣроятности. Наконецъ, было необходимо упомянуть объ единообразіи сосуществованій, независимыхъ отъ причинности, о приблизительныхъ обобщеніяхъ и о разныхъ другихъ законахъ природы. Такимъ образомъ вопросы, связанные съ индуктивными пріемами, разработаны въ цѣломъ систематическимъ образомъ, хотя мы должны будемъ указать въ послѣдствіи на нѣкоторую спутанность въ частностяхъ. Вмѣстѣ съ основными пріемами и принципами индукціи, Милль, лучше чѣмъ кто-либо до него, разсмотрѣлъ (и въ этомъ случаѣ отрывочно) пріемы, играющіе только вспомогательную роль при индукціи: таковы—наблюденіе и описаніе, отвлеченіе или образованіе понятій, процессъ именованія, требованія философскаго языка и принципъ опредѣленія, различные роды классификаціи. Всѣ болѣе или менѣе важные индуктивные пріемы вошли въ составъ труда Милля. Можно возражать противъ частностей, можно присоединять и исключать изъ состава индуктивной логики нѣкоторыя подробности, но основная форма ея, такъ-сказать, скелетъ ея, останется неизмѣнною. Не забудемъ еще о двухъ совершенно новыхъ отдѣлахъ индуктивной логики, также впервые обработанныхъ этимъ геніальнымъ мыслителемъ. Вопервыхъ, теорія ошибокъ и приложеніе общей теоріи логики къ такъ-называемымъ, нравственнымъ наукамъ. Ошибки, подъ именемъ ложныхъ умозаключеній, разсматривались и прежде. Уже Аристотель обратилъ на нихъ вниманіе. Но логика, исчисляя ошибки мышленія, довольствовалась указаніемъ лишь тѣхъ немногихъ заблужденій, которыя происходятъ отъ несоблюденія силлогистическихъ правилъ. Индуктивная логика уже не могла довольствоваться такимъ невиннымъ перечнемъ. На всѣхъ путяхъ индуктивнаго изслѣдованія природы, на которыхъ умъ человѣческій стремится къ истинѣ, онъ допускаетъ ложь. Пять указанныхъ Миллемъ классовъ ошибокъ почти исчерпываютъ наиболѣе важные роды человѣческихъ ошибокъ. Они могутъ происходить или *a priori*, то-есть, заключаться въ нѣкоторыхъ естественныхъ предубѣжденіяхъ, или отъ недостатковъ въ наблюденіи, какъ въ источникѣ знаній, или отъ невѣрностей въ обобщеніяхъ, или отъ неправильностей въ умозаключеніи, или отъ неопредѣлительности терминовъ и доказываемыхъ положеній. Что Миллева «Логика моральныхъ наукъ», присоединенная къ его общей «Логикѣ», достойна пера Милля, видно уже изъ того, что она имѣла огромное вліяніе на англійскую историческую литературу. Извѣстное и у насъ, во многихъ отношеніяхъ талантливое, хотя и переполненное промаховъ, сочиненіе Бокля: «Исторія цивилизаціи въ Англіи», было собственно написано по программѣ Милля. Такимъ образомъ современныя естественныя науки, съ ихъ прочнымъ основані-

емъ, съ обиліемъ методовъ и пріемовъ, открывающихъ человѣческому уму новые горизонты вѣдѣнія, нашли себѣ достойнаго выразителя въ лицѣ Милля.

Но вмѣстѣ съ неотъемлемыми достоинствами, «System of Logic», какъ первая систематическая попытка дать теорію индукціи, имѣла также важные недостатки. Не станемъ повторять сказаннаго по поводу первыхъ двухъ книгъ этого труда, въ которыхъ дано мѣсто содержанію обыкновенной школьной логики. Мы уже видѣли, какое незначительное мѣсто отведено у Милля именамъ и силлогизмамъ. Но, касаясь только остальныхъ четырехъ книгъ, мы не можемъ не замѣтить, что хотя въ цѣломъ онѣ представляютъ собою нѣчто органически связанное, въ подробностяхъ ихъ есть не малая спутанность. Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ въ III книгѣ вслѣдъ за главою VIII и IX о четырехъ методахъ экспериментальнаго изслѣдованія и примѣрахъ ихъ, главу X—о множественности причинъ и о смѣшеніи дѣйствій, требующихъ дедуктивнаго метода. Но о дедукціи не хотѣлъ ли Милль говорить въ книгѣ объ умозаключеніи? Почему тамъ мы не встрѣчаемъ его весьма проницательныхъ замѣтокъ о дедуктивномъ методѣ? Почему пріемъ аналогіи не поставленъ въ связь съ пріемами индуктивными и не выясненъ смыслъ ея (глава XX, кн. III)? Почему въ XXI главѣ III книги мы вдругъ встрѣчаемъ разсужденіе объ очевидности закона всеобщей причинности, когда всѣ разсмотрѣнные предшествующіе пріемы и всѣ предыдущія разсужденія несомнѣнно предполагаютъ ее? Въ числѣ вспомогательныхъ пріемовъ индукціи мы встрѣчаемъ именованіе вещей, хотя Милль этому же самому предмету отвелъ спеціальныя главы въ I книгѣ своего труда. О классификаціяхъ Милль трактуетъ въ VII и VIII главахъ IV книги и въ VII главѣ первой книги. Касаться одного и того же предмета въ нѣсколькихъ пунктахъ своего труда всегда невыгодно для автора: это большею частью значитъ, что онъ не съумѣлъ дать самостоятельнаго мѣста этому предмету въ своей системѣ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что въ «Логикѣ» Милля есть не мало лишняго матеріала, который, по своему характеру, и не можетъ входить въ логику. Таково, напримѣръ, доказательство, что математическія аксіомы суть плоды индукціи: анализъ ихъ у мѣста только въ логикѣ математики; или, напримѣръ, вся XXIV глава книги III, гдѣ Милль говоритъ «Of the remaining Laws of Nature». Мы не касаемся частныхъ параграфовъ, изъ которыхъ порядочное число могло бы быть опущено въ видахъ краткости и ясности подробностей цѣлаго труда.

Бэнъ.

Свой обзоръ индуктивной логики мы закончимъ анализомъ труда Бэна: Logic. P. I. Deduction. P. II. Induction. 1870.

Этотъ трудъ, несомнѣнно вноситъ много новаго въ индуктивную логику, онъ во многомъ разногласитъ съ Миллемъ, во многихъ отношеніяхъ пополняетъ выводы его или идетъ далѣе ихъ.

Во введеніи авторъ указываетъ психологическія основанія логики, первые ея принципы, классификацію наукъ, различные взгляды на область логики и дѣленіе ея. Такъ какъ она имѣетъ дѣло съ законами и дѣйствіями духа, то Бэнъ заранѣе устанавливаетъ свой взглядъ на происхожденіе знанія и даетъ свой анализъ его. Онъ упоминаетъ о двухъ основныхъ фактахъ душевной жизни. Чтобы чувствовать что-нибудь, для этого нужна перемѣна впечатлѣнія; слѣдовательно, первый фактъ психологическій есть фактъ различенія или относительности (Discrimination or Relativity). Когда затѣмъ впечатлѣніе по прошествіи нѣкотораго времени повторяется, мы сознаемъ сходство новаго впечатлѣнія съ прежнимъ: второй психологическій фактъ есть уподобленіе или сходство (Agreement or Similarity). Наше знаніе факта есть различеніе его отъ другихъ фактовъ и уподобленіе или отожествленіе его съ подобными фактами. Бэнъ утверждаетъ, что функція уподобленія есть основа умозаключенія и что умозаключеніе во всякой формѣ есть уподобленіе. Наконецъ, съ психологической точки зрѣнія, Бэнъ утверждаетъ, что всякое знаніе наше внѣшняго и внутренняго міра основывается на сознаніи или на опытѣ, что мы должны допускать только одинъ источникъ знанія — опытъ. Говоря о первыхъ принципахъ логики, авторъ принимаетъ начала состоятельности мысли, разсматриваемой самой въ себѣ, и подъ ними разумѣетъ, такъ-называемые, законы мысли: тожество, противорѣчія и исключеннаго третьяго: вовторыхъ, принципы дедукціи—первый: что истинно относительно цѣлаго класса, то истинно относительно всего могущаго быть подведеннымъ подъ него, и второй: вещи, сосуществующія съ одною и тою же вещью, сосуществуютъ вмѣстѣ; въ третьихъ, принципъ индукціи: всякое событіе единообразно предшествуется другимъ какимъ-нибудь событіемъ — это законъ причинности. Трактуя о природѣ и классификаціи знанія, Бэнъ указываетъ условіе, которому должно удовлетворять знаніе, то есть, оно должно быть истиннымъ, возможный его характеръ — частный или всеобщій; совершенную форму его Бэнъ видитъ въ наукѣ, стремящейся къ истинѣ и обобщеніямъ, имѣющей предметомъ своимъ опредѣленную область знанія, и классифицируетъ науки на абс-

трактныя, конкретныя и практическія. Далѣе, упомянувъ разныя опредѣленія логики, авторъ излагаетъ свой взглядъ на нее, прежде всего какъ на науку теоретическую, абстрактную, затѣмъ какъ на науку практическую, науку о доказательствѣ или очевидности, и наконецъ, какъ на теорію методовъ для изысканія истины. Съ такимъ взгладомъ на логику авторъ приступаетъ къ дѣленію ея. Въ изслѣдованіи истины, по его мнѣнію, существенно важны слѣдующія черты дѣленія: а) наблюденіе; оно, по его мнѣнію, не можетъ стать предметомъ логическаго анализа, ибо оно слишкомъ индивидуализируется, смотря по предметамъ и вопросамъ изслѣдованія; б) опредѣленіе—одна изъ главнѣйшихъ частей логики, в) наведеніе и г) дедукція. Ради нѣкоторыхъ удобствъ изложенія авторъ излагаетъ прежде всего дедукцію, затѣмъ индукцію, и наконецъ, опредѣленіе.

Но прежде нежели взяться за анализъ дедуктивнаго процесса, авторъ долженъ былъ обратить свое вниманіе на имена, понятія и предложенія, дѣлающія возможнымъ силлогизмъ и служащія ему подготовленіемъ. Анализъ именъ Бэнъ основываетъ на упомянутыхъ уже психологическихъ фактахъ общности и относительности. Въ отношеніи къ общности (Generality) имена бываютъ частныя, общія и абстрактныя, со стороны относительности—положительныя и отрицательныя. Говоря о классахъ и понятіяхъ, авторъ останавливается прежде всего на обобщеніи предметовъ по одному признаку, затѣмъ по нѣсколькимъ, и приходитъ къ опредѣленію классовъ нисшей и высшей общности. Въ ученіе о предложеніяхъ Бэнъ вноситъ новое ихъ дѣленіе: ихъ можно разсматривать или въ отношеніи къ общности или со стороны относительности; по внѣшней своей формѣ, они могутъ быть частными или общими; это количественная сторона въ нихъ; съ точки зрѣнія качества, они могутъ быть утвердительными или отрицательными; наконецъ, съ точки зрѣнія чисто логической, они могутъ быть простыми и сложными, и послѣднія еще могутъ быть дѣлимы на условныя и раздѣлительныя. Бэнъ вноситъ въ свой анализъ предложеній даже различіе ихъ по противности, противоположности и такъ-называемой, модальности. Въ интересѣ индуктивной логики авторъ анализируетъ сужденія и съ внутренней ихъ стороны или по значенію: здѣсь онъ различаетъ предложенія равенства или неравенства, имѣющія характеръ математическій, предложенія сосуществованія, касающіяся или порядка въ пространствѣ или сосуществованія свойствъ (аттрибутовъ), сужденія послѣдовательности, имѣющія дѣло или съ порядкомъ во времени или съ причиною и дѣйствіемъ.

Прежде нежели разсматривать силлогизмы, Бэнъ анализируетъ виды непосредственныхъ или кажущихся заключеній. Непосредственное заклю-

ченіе, въ сущности, состоитъ въ томъ,. что отъ одного способа выраженія мы сейчасъ же переходимъ къ другому, непосредственно вытекающему изъ верваго. Такихъ способовъ Бэнъ насчитываетъ пять: 1) соединеніе общей и частной формы предложенія (что въ обыкновенныхъ формальныхъ логикахъ называется превращеніемъ per accidens), 2) переходъ отъ бо́льшаго объема къ меньшему (напримѣръ, четвероногія имѣютъ душу, слѣдовательно они способны чувствовать), 3) противоположеніе, 4) превращеніе simplex, 5) условное заключеніе, 6) соединеніе синонимическихъ предложеній. Къ главѣ о сужденіяхъ Бэнъ присоединяетъ собраніе многочисленныхъ примѣровъ по всѣмъ ихъ формамъ.

Все что мы до сихъ поръ излагали, составляетъ содержаніе I-й книги. Во II-й книгѣ авторъ предлагаетъ теорію дедукціи и останавливается на главнѣйшемъ органѣ ея, силлогизмѣ. Здѣсь авторъ разсматриваетъ форму и видоизмѣненія силлогизмовъ и въ этомъ случаѣ повторяетъ извѣстное ученіе о нихъ формальной логики, указываетъ аксіому, служащую основаніемъ силлогизма—dictum de omni et de nullo, и дѣлая нѣкоторыя улучшенія въ формѣ ея, поставляетъ ее, какъ мы уже видѣли въ главѣ о принципахъ мышленія, во главѣ всей дедукціи. Вторую главу о силлогизмѣ онъ посвящаетъ историческому разбору тѣхъ вкладовъ въ ученіе о силлогизмѣ, какіе внесены въ него Гамильтономъ, Деморганомъ и Булемъ. Далѣе, въ 3-й главѣ идетъ рѣчь о функціяхъ и значеніи силлогизма и въ 4-й — о родѣ умозаключеній и дедуктивныхъ наукахъ. Сущность послѣднихъ Бэнъ находитъ въ приложеніи добытыхъ выводовъ или въ открытіи частныхъ случаевъ, подходящихъ подъ общій выводъ. Послѣднюю главу о дедукціи Бэнъ посвящаетъ разсмотрѣнію доказательствъ и связаннаго съ ними вопроса объ аксіомахъ и необходимыхъ истинахъ. Онъ доказываетъ, что всякое доказательство коренится въ индукціи, опровергаетъ основанія, по которымъ нѣкоторые мыслители считаютъ аксіомы за истины, предшествующія всякому опыту, и затѣмъ доказываетъ, что двѣ основныя математическія аксіомы, равно какъ аксіомы силлогизма и индукціи, возникаютъ изъ опыта, и что общее основаніе для всѣхъ аксіомъ заключается въ единообразіи природы. Въ концѣ первой книги, въ видѣ прибавленій, Бэнъ по обыкновенію разсматриваетъ отдѣльные вопросы о классификаціи наукъ, объ области логики, объ исчисленіи вещей, о всеобщемъ недоказываемомъ положеніи (постулятѣ) и объ Аристотелевскомъ и схоластическомъ исчисленіи неправильныхъ умозаключеній.

Въ III-й книгѣ Бэнъ трактуетъ объ индукціи. Подъ нею онъ разумѣетъ достиженіе общихъ положеній посредствомъ наблюденія фактовъ. Такъ какъ индуктивными пріемами мы заключаемъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, то они предполагаютъ всеобщее единообразіе природы. Законы

природы суть выраженія единообразія въ ходѣ событій. Въ чемъ же могутъ заключаться единообразія? Въ сосуществованіи явленій, причинности ихъ и равенствѣ. Бэнъ начинаетъ съ индукціи сосуществованія (induction of coexistency). Она имѣетъ въ виду изслѣдованіе сосуществующихъ свойствъ, не имѣющихъ взаимнаго отношенія другъ къ другу, какъ причина къ слѣдствію. Доказательствомъ такого сосуществованія свойствъ можетъ служить только повсюдное въ природѣ согласіе фактовъ, иначе говоря, только тогда мы имѣемъ основаніе допускать неизмѣнное сосуществованіе двухъ или болѣе свойствъ, когда мы во всей природѣ не имѣемъ ни одного противнаго тому показанія.

Второй видъ индукціи имѣетъ предметомъ своимъ единообразіе преемства явленій или то, что̀ обыкновенно называется закономъ причинности. Этотъ законъ можетъ быть разсматриваемъ съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія: съ практической, то-есть такъ, какъ онъ разсматривается въ обыкновенной жизни; — съ научной точки зрѣнія, когда подъ закономъ причинности разумѣются всѣ условія или предшествующія обстоятельства, и наконецъ, съ третьей точки зрѣнія, когда подъ этимъ закономъ подразумѣвается законъ сохраненія или соотношенія силъ.

Перваго рода причинность имѣетъ въ виду одно какое-нибудь обстоятельство, важное практически въ извѣстномъ случаѣ. Наука до настоящаго времени подъ причинностію разумѣла совокупность обстоятельствъ, порождающихъ извѣстное явленіе. Великій шагъ впередъ, по мнѣнію Бэна, сдѣланъ ею въ пониманіи упомянутаго закона съ открытіемъ новаго закона сохраненія силы. По этому закону, движущая сила или матерія въ движеніи воплощается въ различныхъ формахъ и способна превращаться изъ однѣхъ въ другія, такъ что ни малѣйшая часть силы при этомъ не теряется. Съ этой точки зрѣнія, силы могутъ быть раздѣлены на два рода: объемныя (молярныя) и частичныя (молекулярныя) (движеніе въ массѣ и въ частицахъ). Подъ первыми обыкновенно разумѣются механическія силы, подъ вторыя подходятъ теплота, химическое сродство, электричество, нервная сила, свѣтъ. Принципъ сохраненія силъ совершенно объясняетъ намъ сущность причинности: по нему, она есть перенесеніе (переходъ) движущей силы; намъ неизвѣстны только обстоятельства, при которыхъ происходитъ это перенесеніе. Всякая причина какого либо дѣйствія должна быть изыскиваема между предшествующими ему обстоятельствами; впрочемъ, не все неизмѣнно предшествующее неизбѣжно должно быть причиною (напримѣръ, отношеніе дня и ночи). Причины могутъ соединяться и тогда общее дѣйствіе ихъ будетъ суммой или разностію ихъ общихъ дѣйствій.

Какимъ же образомъ изслѣдуются причина и дѣйствіе? Прежде всего съ помощію анализа наличнаго факта. Затѣмъ, чтобъ отдѣлить существенныя обстоятельства, сопутствующія причинѣ и дѣйствію, необходимо видоизмѣнять ихъ, а для сего нужно прибѣгать къ помощи наблюденія и опыта. Способы выдѣленія (elimination) въ этомъ случаѣ и суть индуктивные методы. Бэнъ насчитываетъ три такіе существенные пріема: 1) методъ согласія, 2) методъ различія и затѣмъ, какъ смѣшанный, методъ различія и согласія, и 3) методъ сопутствующихъ измѣненій. Методъ остатковъ (of Residues) онъ считаетъ не главнымъ, а дополнительнымъ орудіемъ собственно открытій. Въ примѣръ перваго онъ представляетъ изслѣдованіе способа дѣйствія чувства обонянія, въ примѣръ второго — изслѣдованія причины росы, въ примѣръ третьяго — изслѣдованіе Броуна Секуарда о трупномъ окочененіи. Чтобы эти методы достигали своей цѣли, для сего требуются нѣкоторыя благопріятныя условія: 1) чтобы дѣйствіе имѣло только одну причину или одну группу предшествующихъ фактовъ, и 2) чтобы различныя дѣйствія были одиночными и удоборазличимыми. Но въ дѣйствительности случается иногда совершенно противное: бываетъ такъ, что одно и то же дѣйствіе производится многими причинами: въ этомъ случаѣ дѣлается непримѣнимымъ законъ согласія. Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ, вопервыхъ, умножать количество случаевъ и вовторыхъ, прибѣгать къ смѣшанному методу; съ другой стороны, дѣйствія многихъ причинъ сливаются въ однородное цѣлое, что окончательно упраздняетъ всѣ экспериментальные методы, и тогда только одна дедукція можетъ пособить дѣлу.

Далѣе у Бэна идутъ анализъ изслѣдованій случая и ученіе о принципахъ вѣроятности, и здѣсь почти повторяется ученіе о томъ же предметѣ, изложенное въ «Логикѣ» Милля. Глава X излагаетъ ученіе объ индукціи, вспомоществуемой дедукціей. Дедуктивный методъ требуетъ, вопервыхъ, постановленныхъ твердо, индуктивныхъ данныхъ. Затѣмъ, вовторыхъ, онъ предполагаетъ или простое распространеніе индуктивнаго закона на новый случай или комбинированіе многихъ отдѣльныхъ законовъ. Въ третьихъ, дедуктивный процессъ предполагаетъ повѣрку.

Но вмѣстѣ съ общими законами, индукція даетъ еще законы частные — эмпирическіе, вторичные. Ихъ приложеніе ограничивается конкретными случаями. При этомъ Бэнъ дѣлаетъ различіе между эмпирическими и выводными (derivative) законами. Подъ первыми онъ разумѣетъ законы фактическаго характера, не разрѣшенные въ законы высшаго болѣе общаго характера; подъ вторыми, напротивъ, уже выведенные изъ болѣе высшихъ обобщеній. Въ сущности, они или 1) могутъ быть комбинаціями высшихъ законовъ въ опредѣленной группѣ обстоятельствъ, или 2) могутъ пред-

ставлять собою связь факта съ отдѣльною причиною, или 3) могутъ представлять сосуществованіе или преемство между дѣйствіями одной и той же причины. Посему эти законы должны имѣть ограниченную область приложенія и быть строго ограничены предѣлами мѣста, времени и обстоятельствъ.

Законы, добытые съ помощію индукціи и дедукціи, служатъ къ изъясненію природы. Основаніе всякого научнаго разъясненія заключается въ ассимиляціи фактовъ, то есть, въ ихъ уподобленіи или обобщеніи. Въ ученіи объ этомъ предметѣ Бэнъ почти только повторяетъ сказанное въ «Логикѣ» Милля. Но Бэнъ присоединилъ къ этой главѣ самостоятельный анализъ ошибочныхъ или кажущихся объясненій природы: напримѣръ, повтореніе одного и того же факта въ различныхъ выраженіяхъ, навязываніе явленіямъ простого характера, потому только, что мы къ нимъ привыкли, недовольство возможными обобщеніями, но стремленіе еще за ними предполагать что-то, и т. п. Затѣмъ слѣдуетъ у Бэна ученіе о гипотезахъ, приблизительныхъ обобщеніяхъ, аналогіи, вѣроподобности и невѣроятности.

Въ IV книгѣ Бэнъ излагаетъ ученіе объ опредѣленіи. Въ область опредѣленія, понимаемаго въ обширномъ смыслѣ, входятъ классификація, абстракція, именованіе и опредѣленіе. Такъ какъ процессъ отвлеченія или абстракціи въ сущности есть путь образованія понятій, а о послѣднихъ Бэнъ трактовалъ уже въ I-й книгѣ, то на этотъ разъ его трактатъ ограничивается только остальными тремя процессами. Что касается до опредѣленія, то, по мнѣнію Бэна, оно состоитъ въ установкѣ значенія общихъ именъ. Его положительный методъ требуетъ, чтобы мы прежде всего собрали во едино всѣ частныя понятія, входящія въ составъ общаго; отрицательный же методъ требуетъ, чтобъ были собраны частныя понятія, подчиненныя противоположному общему понятію. Когда сложныя понятія образованы путемъ сложенія, они опредѣляются посредствомъ обозначенія ихъ составныхъ частей. Схоластическому опредѣленію per genus et differentiam Бэнъ усвояетъ значенія пріема, раскрывающаго значеніе выраженія, но не открывающаго значеніе понятія. Въ процессѣ именованія общія имена помогаютъ памяти припоминать обобщенія: безъ нихъ было бы невозможно соединеніе понятій въ предложенія и умозаключенія. Они должны удовлетворять слѣдующимъ двумъ требованіямъ: первое—всякое имя должно имѣть точно опредѣленное значеніе; по этому поводу Бэнъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній относительно распространенія значенія словъ; и второе — для каждаго значительнаго оттѣнка мысли должно существовать особое слово. Это послѣднее условіе предполагаетъ, во первыхъ, точную описательную терминологію; во вторыхъ, существо-

ніе отдѣльнаго названія для каждаго продукта обобщенія; въ третьихъ, существованіе названій, спеціально годныхъ для классификаціи. Въ главѣ о классификаціи Бэнъ трактуетъ о методахъ классификацій: 1) при измѣненіи свойствъ предметовъ, необходимо держаться извѣстнаго порядка, усвоеннаго разъ навсегда наукою; 2) располагая вещи въ классы, необходимо обращать вниманіе только на maximum ихъ сходства; 3) для избѣжанія повтореній классификація должна отъ общихъ описаній нисходить къ нисшимъ постепенно; 4) опредѣлять черты предметовъ слѣдуетъ путемъ точнаго обозначенія сходства ихъ и различія. Книгу эту Бэнъ заключаетъ ученіемъ о логическомъ дѣленіи.

V книга содержитъ въ себѣ логику наукъ. Здѣсь, съ логической точки зрѣнія, Бэнъ обозрѣваетъ разныя науки теоретическія и нѣкоторыя практическія. Въ его обозрѣніе вошли математика, физика, химія, біологія, психологія, классификаціонныя науки; изъ практическихъ наукъ— политика, медицина.

Логика математики трактуетъ о понятіяхъ этой науки, предложеніяхъ, способахъ опредѣленія ихъ, математическихъ аксіомахъ и дѣленіи ея на ариѳметику, алгебру, геометрію, алгебраическую геометрію, высшее исчисленіе. Въ логикѣ физики послѣдняя дѣлится на молярную (ученіе о массахъ) и молекулярную (ученіе о частицахъ). Бэнъ перечисляетъ главнѣйшія понятія первой науки, напримѣръ, движеніе, покой, сила и т. д.; затѣмъ говоритъ о предложеніяхъ молярной физики и перечисляетъ, во первыхъ, первоначальныя индуктивныя истины относительно силы и движенія, — во вторыхъ, дедуктивныя положенія, касающіяся отношенія силы и движенія, и въ третьихъ, эмпирическія обобщенія. Опредѣленія этой науки имѣютъ дѣло или съ первоначальными понятіями — движеніемъ, силою, матеріей, или съ выводными, напримѣръ, масса, моментъ, притяженіе, отталкиваніе и т. п. Далѣе идетъ рѣчь объ аксіомахъ и методѣ молярной физики. Въ молекулярной физикѣ Бэнъ останавливается на понятіяхъ ея, предложеніяхъ и главныхъ методахъ. Онъ говоритъ о молекулѣ и атомѣ, молекулярномъ притяженіи, теплотѣ, свѣтѣ, электричествѣ. По поводу предложеній этой науки, Бэнъ разсуждаетъ главнѣйшимъ образомъ о принципѣ сохраненія силы. По его мнѣнію, физика соединяетъ въ себѣ методы индуктивные вмѣстѣ съ дедуктивными.

Изъ остальныхъ теоретическихъ наукъ остановимся на біологіи и психологіи. Подъ первою Бэнъ разумѣетъ науку о живыхъ тѣлахъ—растеніяхъ и животныхъ. Въ своей біологической логикѣ онъ трактуетъ объ опредѣленіи жизни, предложеніяхъ біологіи и логическомъ методѣ ея. Онъ не соглашается съ опредѣленіемъ жизни у Герберта Спенсера, для котораго жизнь есть непрерывное приспособленіе внутреннихъ отно-

шеній къ внѣшнимъ. Самъ Бэнъ опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: 1) живыя тѣла состоятъ изъ элементовъ, одинаковыхъ съ составными частями неорганическаго міра; 2) со стороны своего устройства, живыя тѣла прежде всего отличаются особою сложностію, имѣютъ органическое построеніе; они притомъ индувидуальны и тѣмъ отличаются отъ непрерывныхъ органическихъ массъ; наконецъ, они обладаютъ безконечнымъ разнообразіемъ въ своихъ формахъ и построеніи; 3) со стороны своихъ отправленій, они отличаются опредѣленною комбинаціей измѣненій одновременныхъ и послѣдовательныхъ, способностію приспособленія къ внѣшнимъ обстоятельствамъ, способностію усвоенія себѣ внѣшнихъ частицъ, наконецъ, способностію, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ случаяхъ, вступать въ соединеніе съ духомъ и развивать въ себѣ ряды психическихъ явленій. Такъ какъ дѣленіе біологіи основывается на главныхъ ея понятіяхъ, то Бэнъ анализируетъ ихъ. Предложенія этой науки онъ дѣлитъ на а) касающіяся строенія организмовъ, и б) касающіяся ихъ функцій; въ послѣднихъ, по его мнѣнію, встрѣчается весьма много просто эмпирическихъ индуктивныхъ выводовъ. Касаясь логическихъ методовъ въ біологіи, Бэнъ говоритъ, что въ ней факты открыты для наблюденія и опыта съ нѣкоторыми ограниченіями, что въ ней представляется много случаевъ для приложенія методовъ согласія и сопутствующихъ измѣненій, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ должна быть прилагаема теорія вѣроятности, и изслѣдователь долженъ довольствоваться только одними вѣроятными выводами, и наконецъ, что эта наука должна во многихъ случаяхъ прибѣгать къ помощи гипотезъ.

Въ логикѣ психологіи авторъ сообщаетъ опредѣленіе души, устанавливаетъ фактъ союза ея съ тѣломъ, кратко анализируетъ главныя психологическія понятія: сознаніе, ощущеніе, волненіе, волю, интеллектуальныя состоянія. Трактуя о логическихъ методахъ въ психологіи, авторъ останавливается на понятіи психологическаго анализа; вѣрность его можетъ подтверждаться двумя путями: субъективное доказательство можетъ быть находимо въ свидѣтельствѣ самосознанія, а объективное — въ тожествѣ выраженія состоянія и его побочныхъ слѣдствій. Затѣмъ факты относительно души могутъ быть добываемы путемъ индуктивныхъ опытныхъ методовъ. А такъ какъ мы въ состояніи достигнуть въ психологіи общихъ законовъ, то въ ней можетъ быть прилагаемъ и дедуктивный методъ. Въ ней имѣютъ мѣсто эмпирическіе и выводные законы; многіе выводы ея добываются путемъ гипотезъ. Къ логикѣ психологіи присоединены замѣтки о логикѣ характера, краткія, но весьма любопытныя.

Весьма интересно у Бэна изложеніе логики практики, дѣлящейся у него на логику политики и логику медицины. Первую онъ дѣлитъ на

теоретическую и практическую и по своему общему плану разсматриваетъ, между прочимъ, предложенія и методы первой науки. Говоря о медицинѣ, онъ разсуждаетъ о понятіи болѣзни вообще и болѣзненныхъ процессовъ въ частности, о предложеніяхъ и экспериментальныхъ методахъ медицины и заключаетъ ученіемъ о классификаціи болѣзней.

VI и послѣдняя книга посвящена разсмотрѣнію ошибокъ или неправильныхъ дѣйствій ума. Прежде всего авторъ перечисляетъ пять классовъ ошибочныхъ дѣйствій ума, указанныхъ Миллемъ, и по поводу ихъ замѣчаетъ, что, собственно говоря, отнюдь не слѣдовало бы разсматривать ошибочныя дѣйствія ума отдѣльно отъ правильныхъ и что отдѣльное разсмотрѣніе ихъ возможно только по отношенію къ такимъ ошибкамъ, которыя не могутъ быть удобно введены въ составъ логики; такихъ ошибокъ онъ находитъ два рода: 1) ошибочныя стремленія ума и 2) ошибки отъ неясности или отъ спутанности понятій.

Ошибочныя стремленія ума исходятъ изъ тѣхъ же источниковъ, изъ которыхъ возникаетъ наше довѣріе къ дѣйствительности внѣшняго міра (что въ англійской психологической литературѣ называется belief). Этихъ источниковъ три: 1) врожденная дѣятельность нашей системы — расположеніе дѣйствовать добровольно, 2) вліяніе ощущеній и волненій или страстей, 3) интеллектуальныя ассоціаціи или пріобрѣтенные ряды мыслей. Первая причина сказывается въ излишней наклонности обобщать или слишкомъ далеко доводить обобщеніе. Вторая причина обнаруживается во вліяніи на мысль эгоизма, преувеличенныхъ симпатій и нѣкоторыхъ частныхъ волненій. Наконецъ, пріобрѣтенныя привычки мысли также уклоняютъ ее отъ нормальныхъ путей.

Къ ошибкамъ, происходящимъ отъ неясности, Бэнъ прежде всего причисляетъ двусмысленные и неправильно опредѣленные термины: напримѣръ, понятія природы, нравственности, пользы и т. п., наклонность приписывать каждому слову самобытное значеніе, несоотвѣтственность выраженія мысли и фантастическіе вопросы, извѣстныя въ логикахъ ошибки: petitio principii и ignoratio elenchi, наконецъ, неправильныя аналогіи.

Послѣднюю главу этой книги авторъ посвящаетъ разбору логическихъ ошибокъ; здѣсь перечисляются ошибки въ непосредственныхъ умозаключеніяхъ, ошибки въ дедуктивныхъ и индуктивныхъ выводахъ, и наконецъ, ошибки въ опредѣленіяхъ. Въ концѣ второго тома помѣщено нѣсколько отдѣльныхъ разсужденій по отдѣльнымъ вопросамъ. Нельзя не отдать полной справедливости тому умѣнію и знанію дѣла, съ какимъ Бэнъ даетъ понятіе, напримѣръ, объ анализѣ и синтезѣ. Затѣмъ достойны вниманія его замѣтки: 1) о развитіи индуктивной логики, 2) объ искусствѣ,

открытій, 3) объ исторической очевидности и 4) его разъясненіе нѣкоторыхъ логическихъ терминовъ.

Мы познакомились съ ученіемъ Бэна о логическомъ мышленіи и его пріемахъ. Спрашивается: какой сдѣланъ Бэномъ новый шагъ въ логической наукѣ сравнительно съ трудомъ Милля и въ чемъ онъ отступаетъ отъ послѣдняго? Для этого мы кратко укажемъ пункты, въ которыхъ трудъ Бэна отличается отъ сочиненія Милля.

Если бы эти два автора стояли на совершенно различныхъ дорогахъ, то мы могли бы избавить себя отъ труда указывать различія между ними. Было бы, напримѣръ, совершенно напраснымъ трудомъ указывать сравнительно отличительныя черты Гегеля и Гербарта: эти два мыслителя несоизмѣримы, каждая страница сочиненія одного отличается и по мыслямъ и по пріему и по способу изложенія отъ сочиненія другого. Но Бэнъ и Милль работники одной и той же школы, трудятся въ одномъ и томъ же направленіи и можно сказать, по одной и той же программѣ. Какъ ни самостоятельно во многихъ случаяхъ мышленіе Бэна, напримѣръ, въ психологической наукѣ, гдѣ онъ подвергнулъ переработкѣ большую часть прежнихъ понятій и усвоилъ себѣ въ наукѣ совершенно оригинальный планъ, тѣмъ не менѣе въ логикѣ онъ принялъ за основу программу Милля, сдѣлавъ въ ней нѣкоторыя, впрочемъ весьма важныя измѣненія.

1) Бэнъ ставитъ логику въ связь съ Психологіей. Логическія дѣятельности ума онъ выводитъ изъ двухъ основныхъ психологическихъ фактовъ: различенія впечатлѣній и уподобленія ихъ по общимъ чертамъ. Онъ старается поставить въ связь съ этими чертами нѣкоторые частные логическіе пріемы, какъ, напримѣръ, силлогизмъ, обобщенія и т. п.

2) Весьма важныя дополненія внесены Бэномъ въ дедуктивную логику. Милль, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ своего рода horror logicae scholasticae seu formalis. Если онъ рѣшается занимать своего читателя нѣкоторыми подробностями, напоминающими формальную логику, то дѣлаетъ это не иначе, какъ съ извиненіями за скуку, причиняемую тѣмъ читателю, какъ будто только крайняя необходимость заставляетъ его такъ дѣлать. Но эти заимствованія были ничтожны и ученіе о дедукціи вышло у Милля весьма недостаточно. Если выкинуть изъ 1-й его книги все не строго относящееся къ предмету, какъ то: разсужденія иногда почти о посторонніхъ вопросахъ, полемическія замѣтки, то мы получили бы очень тощее разсужденіе о дедуктивныхъ пріемахъ. Въ концѣ концовъ читатель недоумѣваетъ, какимъ образомъ, при такой бѣдности пріемовъ и отсутствіи разнообразія въ нихъ, дедукція можетъ играть видную роль въ самомъ индуктивномъ процессѣ. Это отсутствіе анализа дедуктивныхъ пріемовъ и сосредоточеніе вниманія на однихъ индуктивныхъ было, очевидно,

односторонностію, и можно сказать, слабостію цѣлой положительной англійской школы. Теперь, съ появленіемъ труда Бэна, школа выступаетъ на новый путь въ этомъ отношеніи. Бэнъ вноситъ въ свой анализъ даже законы мышленія, подъ названіемъ принциповъ состоятельности мысли, dictum de omni — подъ названіемъ принципа дедукціи. Ученіе о послѣдней получаетъ самое широкое развитіе и въ подробностяхъ почти вполнѣ переработывается Бэномъ. Ученіе объ именахъ излагается съ новой точки зрѣнія, со стороны ихъ общности и относительности. Анализъ сужденій у Бэна весьма широкъ и со стороны своего значенія они разбираются Бэномъ болѣе подробно, чѣмъ у Милля. Изъ того, что мы передали объ ученіи Бэна о силлогизмахъ и умозаключеніяхъ, читатель могъ видѣть, какъ этотъ авторъ не оставляетъ безъ употребленія логическій матеріалъ, гдѣ бы онъ ни былъ, хотя бы пришлось заимствовать его у противоположной по духу и направленію школы Гамильтона. Нельзя не видѣть, что и въ этомъ отношеніи индуктивная логика дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, а не назадъ. Справедливо, что нѣкоторыя изъ силлогистическихъ формъ схоластической логики, имѣя полное raison d'être въ системѣ, останутся безъ виднаго приложенія въ практикѣ: нѣкоторые modi умозаключеній существуютъ, по видимому, лишь для того, чтобы фигурировать въ логикахъ и не имѣть никакого приложенія въ жизни. Но, какъ справедливо замѣчаетъ гдѣ-то Бэнъ, изъ того, что мы не въ состояніи теперь же воспользоваться нѣкоторыми эллиптическими функціями на практикѣ, не слѣдуетъ еще, что мы должны исключить ихъ изъ системы науки. Очень можетъ быть, что, съ развитіемъ новыхъ потребностей науки и мышленія, возникнетъ нужда въ отвергаемыхъ теперь пріемахъ его. Подобное соображеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ настоящее время, за исключеніемъ оптики и астрономіи, остальныя науки имѣютъ индуктивный характеръ: онѣ еще далеки отъ того совершенства, при которомъ имъ можно было бы усвоить дедуктивную форму. Слѣдовательно, до сего времени онѣ нуждались преимущественно въ однихъ индуктивныхъ пріемахъ. На дедуктивные пріемы не могло быть такого спроса, какой ожидаетъ ихъ, хотя и въ отдаленномъ будущемъ: тогда могутъ найдти себѣ прямое примѣненіе многіе, кажущіеся теперь неупотребительными, логическіе пріемы. Расширяя анализъ дедукціи, Бэнъ устраняетъ односторонность, присущую до сего времени индуктивной логикѣ.

3) Въ анализѣ индукціи, этой спеціальной области Милля, Бэнъ успѣлъ сдѣлать нѣкоторыя улучшенія. Индуктивные выводы о существованіи явленій впервые получили у него самостоятельное значеніе. Хотя въ этомъ отношеніи Бэномъ сдѣлано и немного, но по крайней мѣрѣ, онъ привлекъ къ этому пункту вниманіе будущихъ изслѣдователей ин-

дуктивной логики. У Милля также была посвящена одна глава разсмотрѣнію «of uniformities of Coexistence not dependent on Causation» (Chap. XXII, Book III); но онъ не давалъ имъ самостоятельнаго значенія.

4) Важнѣйшее улучшеніе въ индуктивной логикѣ, по нашему мнѣнію, сдѣлано въ теоріи опредѣленія, которое принято Бэномъ въ весьма широкомъ смыслѣ. Какъ мы видѣли, онъ отнесъ сюда установку значенія общихъ именъ или опредѣленіе въ тѣсномъ значеніи этого слова, затѣмъ ученіе о научной терминологіи и классификаціяхъ. Теорія опредѣленія вся новая и нельзя не сказать, что она дѣлаетъ замѣтный шагъ впередъ въ этомъ пунктѣ. Весьма много такихъ случаевъ, въ которыхъ опредѣленіе можетъ быть дано только по отрицательному методу Бэна, то-есть, путемъ сравненія частностей или видовъ, входящихъ въ составъ противоположнаго понятія. На нихъ между тѣмъ не обращали до него никакого вниманія. У Милля ученіе объ этихъ предметахъ было разбросано въ разныхъ книгахъ.

5) Указать на V-ю книгу труда Бэна значитъ указать на совершенно новый отдѣлъ индуктивной логики, никѣмъ до него не затронутый въ такихъ размѣрахъ. Логика математики, физики, химіи, біологіи, психологіи, классификаціонныхъ наукъ, политики и медицины, впервые теоретически обработана Бэномъ. Милль въ своей VI-й книгѣ коснулся только логики моральныхъ наукъ; но и здѣсь онъ ограничился весьма общими разсужденіями, преимущественно о методахъ моральныхъ наукъ; притомъ названію «моральныя науки» онъ придалъ слишкомъ обширный смыслъ, такъ что въ кругъ ихъ вошла и наука объ образованіи характера, и такъ-называемая, соціологія, и даже ученіе о нравственности, въ тѣсномъ значеніи слова, со включеніемъ политики. Милль хотѣлъ показать приложеніе теоріи индукціи въ такихъ наукахъ, въ которыхъ индуктивные пріемы всего болѣе встрѣчаютъ затрудненія для своего приложенія, гдѣ выводы вообще не тверды и всегда только вѣроятны, гдѣ экспериментъ всего менѣе можетъ быть прилагаемъ къ изученію явленій. Между тѣмъ всѣ экспериментальные методы изслѣдованія по теоріи же Милля имѣютъ мѣсто главнымъ образомъ при намѣренномъ опытѣ. Науки же реальныя, которыя всѣмъ своимъ бытіемъ обязаны эксперименту, остались безъ упоминанія и Бэнъ первый обратилъ на нихъ вниманіе.

Наконецъ, 6) наше обозрѣніе улучшеній въ логикѣ, сдѣланныхъ Бэномъ, было бы неполно, еслибы мы еще не упомянули о его нововведеніи въ анализѣ ошибокъ мышленія. Въ обозрѣніе ихъ онъ весьма удачно ввелъ анализъ ошибочныхъ тенденцій ума, перечисливъ внѣ-логическія вліянія, которымъ подвергается наше мышленіе и отъ вторженія кото-

рыхъ нарушается правильный ходъ его. Бэнъ умѣлъ внести довольно важныя подробности и въ анализъ ошибокъ, происходящихъ отъ двусмысленности терминовъ.

Посему мы имѣемъ полное право сказать, что, сравнительно съ трудомъ Милля, сочиненіе Бэна представляетъ весьма замѣтный шагъ впередъ въ развитіи индуктивной логики. Она уже прошла періодъ исключительности, когда должно было съ чрезвычайною заботливостью оберегать ее отъ всякого соприкосновенія съ Аристотелевскою логикою. Ставъ на твердую почву, она готовится упразднить собою послѣднюю не путемъ безусловнаго отверженія ея (Баконъ до Милля), но посредствомъ сліянія съ нею въ томъ, что въ ней есть дѣйствительно научнаго и полезнаго для изученія пріемовъ человѣческаго мышленія. Бэнъ окончательно освобождается отъ стараго предразсудка противъ, такъ-называемой, схоластической логики. Только на этомъ пути, какъ мы постараемся доказать ниже, логика человѣческаго мышленія, индуктивнаго и дедуктивнаго, можетъ достигнуть желаемой полноты, которая дозволила бы ей стать въ уровень съ научнымъ и практическимъ мышленіемъ настоящаго вѣка.

Итакъ, мы прослѣдили развитіе индуктивной логики, начавъ съ Бакона и кончая Бэномъ. Мы видѣли, какой обширный планъ былъ задуманъ великимъ Веруламскимъ мыслителемъ и какъ много онъ сдѣлалъ для его осуществленія. Послѣ него развитіе индуктивной логики шло параллельно развитію естествовѣдѣнія, т. е. теорія индуктивныхъ пріемовъ развивалась вмѣстѣ съ самыми открытіями и изслѣдованіями. Гершель потрудился для науки своими открытіями и своею теоріей естествовѣдныхъ логическихъ пріемовъ. Уевелль расширилъ теорію Гершеля, конечно, благодаря обширному историческому знакомству съ самыми науками о природѣ. Наконецъ, въ наше время, столь углубившееся въ изученіе ея и такъ далеко ушедшее на поприщѣ открытій, Стюартъ Милль и Бэнъ поставили индуктивную логику на высокую ступень развитія. Она прошла уже періодъ полнаго отчужденія отъ логики Аристотеля и теперь старается постепенно вобрать въ себя изъ нея то, что ей кажется полезнымъ для объясненія дедукціи.

На этомъ послѣднемъ пунктѣ мы здѣсь остановимся; ибо по нашему убѣжденію самая настоятельная потребность современной логики состоитъ въ слитіи формальной логики съ индуктивною.

Чѣмъ должна быть современная логика? Очевидно, понятіе о ней было бы очень узкимъ, если бы ей дать одно только пропедевтическое философское значеніе. Считать ее только педагогическимъ средствомъ для развитія начинающихъ высшее образованіе значитъ лишать ее серьезнаго

научнаго значенія. Нѣтъ! она должна стать вообще къ современной наукѣ въ такое же отношеніе, въ какомъ логика Аристотеля нѣкогда находилась къ современной ему наукѣ. Какъ эта послѣдняя была органомъ современнаго ей образованія, такъ и логика нашего времени должна быть органомъ современнаго научнаго мышленія. Въ ней должны получить сознательную разработку тѣ пріемы, которые, возникая для изслѣдованія частныхъ вопросовъ, не получаютъ должнаго общаго характера. Она должна обобщить эти частные пріемы и оцѣнить ихъ научное значеніе, то есть, должна быть зеркаломъ, въ которомъ отражалось бы научное сознаніе. Съ другой стороны, въ логикѣ же должны найти для себя выраженіе и тѣ формы и пріемы мышленія, которые существуютъ въ житейской практикѣ: мышленіе, довлѣющее многочисленнымъ житейскимъ вопросамъ и возникающее изъ весьма запутанныхъ случаевъ и положеній жизни, конечно, имѣетъ право на вниманіе логики. Такимъ образомъ въ ней должны быть приведены къ сознанію всѣ тѣ общіе пріемы мышленія, какіе прилагаются въ частныхъ случаяхъ науки и жизни.

Выполняетъ ли эту задачу, такъ-называемая, формальная логика, взятая въ отдѣльности? Было время, когда эта задача рѣшалась ею вполнѣ удовлетворительно. Во времена Аристотеля и въ средніе вѣка она была выраженіемъ преобладавшаго тогда направленія въ мышленіи. Пока наука главнѣйшимъ образомъ исчерпывалась философіей и познаніе міра было преимущественно познаніемъ его изъ принциповъ, ученіе Аристотеля о силлогистическихъ формахъ и доказательствахъ стояло въ уровень съ потребностями вѣка. И теперь, по скольку мышленіе слѣдуетъ дедуктивнымъ пріемамъ, аналитическому развитію знанія изъ понятій, Аристотелевская логика съ нѣкоторыми улучшеніями можетъ служить его выраженіемъ. Какъ наука. имѣющая въ виду сознаніе элементарныхъ формъ человѣческаго мышленія и развитіе одной мысли изъ другой силлогистическимъ путемъ, она служитъ превосходнымъ педагогическимъ средствомъ для общаго образованія. Нельзя съ этой стороны не радоваться, что элементы Аристотелевской логики проходятся въ нашихъ гимназіяхъ Но какъ органъ научнаго мышленія, она уже съ XVI вѣка, или со времени возрожденія европейскаго мышленія, остается ниже своего назначенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Баконъ указалъ наукѣ истинныя ея цѣли и пріемы для ихъ достиженія, Аристотелевская логика стала одностороннею представительницею интересовъ только одного направленія мышленія. Наука обогащалась новыми пріемами, которые она образовала по поводу возникавшихъ частныхъ случаевъ, и постепенно развивала свою удивительную методику, а Аристотелевская логика продолжала игнорировать это. Ея ученіе объ индукціи также относится къ настоящему индуктив-

ному изслѣдованію природы, представителями котораго служатъ современныя естественныя науки, какъ лепетъ ребенка относится къ зрѣлой рѣчи возмужалаго человѣка. Это не видно только тѣмъ, кто желаетъ покойнаго движенія по старой дорогѣ, проторенной Аристотелемъ. Если нѣмцы упорно довольствуются своею формальною Канто-Гербартовскою логикою и остаются глухи ко всякимъ серьезнымъ новымъ потребностямъ этой науки, или же въ объективной Гегелевской логикѣ ищутъ спасенія отъ сухого логическаго формализма, то это ихъ дѣло. Но человѣку наблюдающему со стороны, котораго умъ не загроможденъ предразсудками нѣмецкихъ школъ, какъ не видѣть всю односторонность формальной логики?

Въ состояніи ли выполнить упомянутую задачу одна индуктивная логика? И она, сама по себѣ, такъ же односторонняя, какъ и логика формальная. Взятая отдѣльно, она представляетъ интересы одного только круга наукъ—естественныхъ. На логикѣ Милля мы можемъ видѣть справедливость сдѣланнаго замѣчанія. Органомъ какихъ наукъ она можетъ быть названа? Только тѣхъ, которыя имѣютъ дѣло съ изученіемъ причинъ и дѣйствій въ природѣ и законовъ, управляющихъ ими. Нельзя сказать, чтобы даже историческія науки нашли въ ней достаточно полное выраженіе своей методики. Если Милль въ концѣ своего труда счелъ нужнымъ присоединить логику моральныхъ наукъ, гдѣ трактуетъ между прочимъ объ историческомъ методѣ, то кто же скажетъ, что методы, имъ указанные при этомъ случаѣ, не составляютъ скорѣе насиліе упомянутымъ наукамъ, чѣмъ пріемы въ ихъ насущныхъ интересахъ? И тамъ трактуется объ элементарныхъ формахъ именъ, сужденій и силлогизмовъ, но мы видѣли уже способъ отношенія къ нимъ Милля; единственный интересъ въ нихъ онъ находитъ только съ той стороны, съ которой онѣ такъ или иначе соприкасаются съ индукціей: вѣдь и индукція никакъ не можетъ обойтись безъ именъ, предложеній и силлогизмовъ. Ученіе о дедукціи также входитъ въ систему Милля, но она принимается у него не за такую же самостоятельную и равноправную дѣятельность мышленія, какъ индукція, а за служебный пріемъ, оканчивающій дѣло послѣдней. Понять изъ логики Милля, какіе пріемы употребляются, когда мышленіе начинаетъ и кончаетъ свою научную работу посредствомъ одной дедукціи, совершенно невозможно. Для разъясненія съ этой стороны дедуктивнаго процесса Милль сдѣлалъ весьма мало. Понятно, что и эта логика остается ниже уровня современнаго научнаго сознанія. Кругъ наукъ математическихъ не находитъ въ ней своего органа, нельзя назвать ее и органомъ наукъ философскихъ, филологическихъ, юридическихъ и богословскихъ, то-есть, большая часть человѣческаго знанія не затрогивается ею: ибо всѣ эти науки построены на дедукціи и на различ-

ныхъ дедуктивныхѣ пріемахъ, или только въ небольшой своей части допускаютъ индукцію. Ради существенныхъ улучшеній, внесенныхъ индуктивною логикою въ теорію методики знанія, изъ-за новаго свѣта, пролитаго ею на одну изъ важнѣйшихъ отраслей человѣческаго познанія, мы не должны забывать, что путь, указанный Бакономъ, также односторонненъ. Для кого истина дороже личныхъ пристрастій и вкусовъ, тотъ долженъ сознаться, что развитіе логической науки не можетъ ограничиваться Баконовскою логикою.

Послѣ сказаннаго нами, читатель пойметъ, почему вышеуказанный трудъ Бэна мы считаемъ стоящимъ на правильной дорогѣ, которая одна только и можетъ вести къ всестороннему развитію логической науки. Когда дедуктивному процессу отведется самостоятельное мѣсто въ наукѣ и произведенъ будетъ широкій анализъ этого пріема, то въ логикѣ получатъ свое выраженіе науки, развивающіяся изъ принциповъ. Когда съ такою же полнотою разобраны будутъ индуктивные пріемы, тогда логика сдѣлается органомъ наукъ, основывающихся на фактахъ. И такъ какъ всякое человѣческое вѣдѣніе можетъ развиваться или изъ принциповъ, или изъ фактовъ, то логика будетъ дѣйствительнымъ органомъ человѣческаго мышленія и развивающагося изъ него знанія. Изъ односторонней, какова теперь формальная и индуктивная логика, она сдѣлается всестороннею; изъ имѣющей одинъ только педагогическій смыслъ частички науки, она превратится въ цѣлую систему, имѣющую свое законное мѣсто между другими научными системами.

Но и трудъ Бэна есть только попытка вывести логику на правильный путь. Не смотря на многія свои достоинства, добытые имъ результаты должны измѣниться во многихъ своихъ подробностяхъ. Будемъ кратки въ перечисленіи недостатковъ этого труда. Переработка многихъ пунктовъ необходима, особенно въ анализѣ дедукціи.

Вопервыхъ, анализъ понятія, какъ у Милля, такъ и у Бэна, весьма не удовлетворителенъ. Оба они думаютъ, что оно состоитъ въ обобщеніи свойствъ предметовъ: напримѣръ, отвлеченіе какого-нибудь свойства, общаго многимъ предметамъ одного класса, есть образованіе понятія. Но признакъ, общій многимъ вещамъ и отвлеченно представленный нами, есть просто общее представленіе, отнюдь не понятіе. Притомъ, почему Бэнъ выдѣляетъ изъ круга понятій классы (classes), понимая подъ ними обобщенія предметовъ въ родѣ и видѣ, на основаніи совокупности признаковъ? Развѣ классы не могутъ быть названы, какъ и дѣйствительно называются, родовыми и видовыми понятіями. Но главное дѣло въ томъ, что если бы Бэнъ и распространилъ на классы понятіе, все-таки многое осталось въ немъ неразъясненнымъ. Всѣ мы въ практикѣ выдѣляемъ по-

нятіе отъ простого представленія вещи. Человѣкъ видитъ машину, запоминаетъ внѣшнюю фигуру ея, получаетъ, однимъ словомъ, представленіе о ней; но спрашивается, можетъ ли онъ сказать, что понимаетъ ее? Ребенокъ заучилъ урокъ отъ слова до слова, можетъ передать его; но можно ли ручаться, что онъ имѣетъ понятіе о немъ? Можно изучить признаки вещи довольно подробно и не имѣть о ней понятія. Для образованія послѣдняго, нужно знать соотношеніе составныхъ частей и признаковъ вещи между собою. Понимаетъ урокъ тотъ ребенокъ, который усвоилъ себѣ внутренній логическій порядокъ его; машину понимаетъ тотъ, кто узналъ соотношеніе и зависимость ея частей. Къ такимъ только понятіямъ наука можетъ достойно стремиться, и къ нимъ же, по словамъ упомянутыхъ мыслителей, стремятся индуктивныя изслѣдованія. Такимъ образомъ опредѣленіе понятія оказывается ниже собственнаго же взгляда на него этихъ мыслителей. Вообще ученіе о понятіи должно быть совершенно переработано: ибо и въ формальныхъ логикахъ о немъ повторяются давнишнія изъ рода въ родъ переходящія опредѣленія его, какъ о представленіи съ общимъ характеромъ. На этотъ пунктъ должно быть обращено вниманіе: ибо онъ равно важенъ для здраваго пониманія и дедукціи, какъ выведенія частныхъ случаевъ изъ общихъ понятій, и индукціи, имѣющей въ виду образованіе понятій на основаніи фактовъ.

Вовторыхъ, не смотря на цѣнныя улучшенія въ ученіи о силлогизмахъ, сдѣланныя Гамильтономъ, Деморганомъ и Булемъ и внесенныя Бэномъ въ собственную его систему, ученіе о силлогизмѣ въ связи съ дедукціей остается все еще крайне недостаточнымъ. Анализъ, такъ называемыхъ, фигуръ силлогизма и ихъ modi у Бэна удовлетворителенъ. Но вѣдь этотъ пунктъ весьма полно разсматривался и разсматривается въ формальныхъ логикахъ. Ученію о соритахъ, или цѣпи умозаключеній, и дедуктивнымъ наукамъ удѣлено всего четыре страницы. Въ ученіи о доказательствахъ Бэнъ говоритъ, притомъ весьма кратко, что доказательство имѣетъ свое основаніе въ индукціи, разсуждаетъ о значеніи необходимости, объ аксіомахъ, но всѣ эти вопросы могутъ быть поставляемы только *по поводу* доказательствъ, а не даютъ намъ удовлетворительнаго понятія о послѣднихъ. Для логики самая важная сторона въ доказательствахъ есть методъ, по которому они развиваются, различіе родовъ и видовъ ихъ. Объ этихъ важнѣйшихъ пунктахъ мы ничего не находимъ у Бэна. Между тѣмъ, если къ чему и пригодны силлогизмы, то для доказательствъ, для послѣдовательнаго развитія мыслей или взаимнаго ихъ органическаго связыванія. Только разъясненіемъ и тщательнымъ анализомъ послѣднихъ вопросовъ мы можемъ достойно завершить ученіе о силлогизмахъ, показать практическую и научную пользу послѣднихъ и тѣмъ

3657

положить основы для уясненія понятія о дедуктивныхъ наукахъ. У Бэна эти дедуктивныя науки выростаютъ изъ силлогизмовъ, какъ deus ex machina. Всякій согласится, что отъ первой или второй фигуры силлогизма до дедуктивной науки еще далеко. И такъ, логика должна открыть новую главу о доказательствахъ и развитіи мыслей одной изъ другой на основаніи силлогизмовъ. Она должна прослѣдить за тѣми измѣненіями и распространеніями силлогистической формы, которыя сами собою возникаютъ въ практикѣ и въ наукѣ при связываніи мыслей. Роды связыванія мыслей должны развиться въ методы дедуктивныхъ наукъ, и мы будемъ имѣть теорію дедукціи, достойную той, какую логика представляетъ относительно индукціи. Иначе, двѣ части логики будутъ развиты совершенно непропорціонально: мы будемъ знать о методахъ индуктивныхъ и различныхъ вспомогательныхъ индуктивныхъ пріемахъ, но не будемъ знать почти ничего о дедуктивномъ развитіи мыслей.